



СОДЕРЖАНИЕ

Пятая международная научная конференция
«Языки профессиональной коммуникации» 9
Болдырев Н. Н. Интерпретирующая функция языка 11

ЖАНРЫ И СТИЛИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ.
ТИПОЛОГИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ДИСКУРСОВ

Аверьянова Е. В. Фигура провокации в религиозном дискурсе 17
Азначеева Е. Н. Астрологический дискурс: семиотический и когнитивный аспекты ... 19
Аликина Е. Ю. Особенности метафорической репрезентации концепта «Дестинация»
в туристском дискурсе (на материале русского и немецкого языков) 21
Асмус Н. Г. Универсальные и уникальные черты русскоязычного виртуального
пространства 24
Бабушкина О. Н. Оценочная модальность в профессиональной коммуникации 27
Белютин Р. В. Гипербола в спортивном языковом пространстве (на материале
немецкого языка) 29
Берг Е. Б. Судебно-лингвистическая экспертиза: трёхязычный дискурс 31
Бурдина О. Б. Национальный компонент в фармацевтическом дискурсе
(на примере российской номенклатуры лекарственных средств) 34
Власян Г. Р. Коммуникативная категория вежливости: проблема интерпретации 36

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

А. Ю. Шатин — главный редактор
А. В. Мельников — зам. главного редактора
Л. А. Шкатова — главный редактор научного направления

*Е. Н. Азначеева, Н. В. Александрова, М. В. Загидуллина, Е. Н. Ковтун,
В. А. Михнюкевич, С. А. Питина, Н. Б. Попова, Н. Б. Приходкина*

Редколлегия журнала может не разделять точку зрения авторов публикаций. Ответственность за содержание статей и качество перевода аннотации несут авторы публикаций.

С требованиями к оформлению статей можно ознакомиться на сайте ЧелГУ www.csu.ru.

Адрес редакционной коллегии:
454084 Челябинск, пр. Победы, 162 в
Тел.: (351) 799-71-34

Журнал зарегистрирован в Упринформпечати
администрации Челябинской области. Рег. № 87
Индекс 73855 в каталоге российской прессы «Почта России»

Редактор *Е. И. Голованова*
Вёрстка *М. В. Трифоновой*

Подписано в печать 13.12.11.
Формат 60×84 1/8. Бумага офсетная.
Гарнитура Times.
Усл. печ. л. 35,7. Уч.-изд. л. 36,5.
Тираж 1000 экз. Заказ 139.
Цена договорная

ФГБОУ ВПО «Челябинский государственный университет»
454001 Челябинск, ул. Братьев Кашириных, 129

Издательство
Челябинского государственного университета
454021 Челябинск, ул. Молодогвардейцев, 57 б

<i>Волкова Т. А.</i> Педагогический дискурс и дискурсивно-коммуникативная модель перевода	39
<i>Воронцова Т. А.</i> Особенности профессиональной коммуникации в полилогическом дискурсе СМИ	41
<i>Воронцова Ю. А.</i> Фразеологические единицы в юридическом дискурсе	44
<i>Демидова Е. Н.</i> Лексико-грамматические особенности паронимов в научном тексте	46
<i>Жаркова У. А.</i> Воплощение знаковой природы изобразительного искусства в искусствоведческом дискурсе (на материале немецкоязычных музейных каталогов)	49
<i>Звездин Д. А.</i> Православная проповедь как коммуникативный акт (на примере творчества архимандрита Иоанна Крестьянкина)	52
<i>Зубкова О. С.</i> Некоторые лингвокультурные особенности репрезентации профессиональной метафоры в медицинской коммуникации	55
<i>Ивинских Н. П.</i> Метафорическая модель «Литература» как отражение динамики методического дискурса (на материале английского языка)	57
<i>Игнатенко В. В.</i> Особенности производственной метафоры в контексте специальной литературы	59
<i>Кацюба Л. Б.</i> Паремии профессиональной сферы: лингвокультурологический аспект	62
<i>Ковязина Е. В.</i> Семантические аспекты метафоры в философском дискурсе	64
<i>Колесникова С. Н.</i> Особенности политического дискурса и его интерпретация	67
<i>Колесникова Т. В.</i> Стандарт и экспрессия как специфические черты новостного телевизионного текста (на материале программы «Вести» телеканала «Россия»)	70
<i>Коновалова М. В.</i> Эвокационное воздействие в публицистическом дискурсе на примере информационной волны	72
<i>Костюшкина Г. М., Горбунова И. В.</i> Стратегический аспект англицизмов в интернет-дискурсе	75
<i>Кофман Е. П.</i> Анализ репрезентации и функционирования концепта 'отрицание' в научно-техническом тексте	78
<i>Кубиц Г. В.</i> Стратегия речевого воздействия адвоката в судебном процессе	80
<i>Куниловская М. А.</i> Особенности переводного компьютерного дискурса: закономерности передачи предикативной модальности с английского на русский язык	82
<i>Курносова А. С.</i> Функционирование специальной лексики в рекламном тексте	85
<i>Кушнерук С. Л.</i> Языковые средства профилирования адресата текстовых миров русскоязычной и англоязычной рекламы	87
<i>Локтионова Т. А.</i> Рекламный заголовок в лингвистическом зеркале	90
<i>Маджаева С. И.</i> Термины в медицинском дискурсе	92
<i>Мараховская Т. А.</i> Структура текста виртуального полилога: тред и сообщение	94
<i>Немирова Н. В.</i> Прецедентность как основа мифологичности политического дискурса	96

<i>Нефедова Л. А., Ким Г. А.</i> Роль имплицитной информации в аргументативном дискурсе области «маркетинг»	98
<i>Новодранова В. Ф., Мотро Ю. Б.</i> Семантические модификации термина в медицинском дискурсе	101
<i>Обжорин А. М.</i> Особенности перевода фразеологизмов, выражающих психическое состояние человека, с русского на английский язык	104
<i>Олешков М. Ю.</i> Эмотивные речевые акты в педагогическом дискурсе	107
<i>Осинов А. В.</i> Особенности эвфемизации в профессиональной коммуникации (на примере лексики медицины и силовых структур в русском и английском языках)	109
<i>Потеряхина И. Н.</i> Языковые особенности корпоративных сайтов	111
<i>Прончатова Е. Г.</i> Особенности пространственных отношений в рекламном субдискурсе	113
<i>Прохоров А. В.</i> Метафорика современной рекламы	115
<i>Сакк И. В.</i> Профессиональное общение и сфера сервиса	118
<i>Скрипичникова Н. С.</i> Ключевые концепты в профессиональном дискурсе работников правоохранительных органов	120
<i>Соколова Е. Ю.</i> Профессиональный дискурс в эпоху модернизации	124
<i>Устинова К. А.</i> Институциональные признаки судебного дискурса	125
<i>Черноусова Ю. А.</i> Типы контрактов в современном англоязычном деловом дискурсе ..	128
<i>Шамарова С. И.</i> К вопросу о природе религиозного или благочестивого языка	130
<i>Шевцова А. Ю.</i> Функциональный анализ терминологических номинаций публицистического текста в сфере международных отношений	133
<i>Ширяева Т. А.</i> Деловой дискурс: знания, язык, текст (на материале современного английского языка)	136

СПЕЦИФИКА ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ

<i>Голованов И. А.</i> Естественнаучный и художественный типы мышления в прозе А. Платонова	139
<i>Горбунов С. П.</i> Примитивная картина мира в семиотическом пространстве поэтического дискурса Дж. Моррисона	142
<i>Двинина С. Ю.</i> Языковые средства реализации образа писателя	145
<i>Дуринова Н. Н.</i> Семантика слова в индивидуально-авторском стиле	147
<i>Загидуллина М. В.</i> Читатель в зрителе и зритель в читателе: сдвиг коммуникативных оснований	149
<i>Зарецкая А. Н.</i> Особенности коммуникации адресата и адресанта кинодискурса	152
<i>Керер К. А.</i> Реализация приядерной зоны концепта «профессия» в производственных романах Д. Лоджа	155

<i>Маркова Т. Н.</i> Жанровый эксперимент или игра в поддавки (к вопросу о выборе писательской стратегии)	158
<i>Михина Е. В.</i> Интертекст как одна из форм коммуникации между автором и читателем в художественном дискурсе	161
<i>Олизько Н. С.</i> Художественный дискурс как полилог автора, читателя и текста	164
<i>Печагина Т. В.</i> Концепт «Власть» в немецкой детской фэнтези	166
<i>Питина С. А.</i> Нереальная реальность в романе К. Исигуро «Не оставляй меня»	168
<i>Подъяпольская О. Ю.</i> Типология интертекстуальности и лингвистические средства ее реализации в романе К. Вольф «Медея»	171
<i>Пономарева О. Б.</i> Лингвокогнитивные модели семантической деривации профессионализмов в художественном стиле	173
<i>Попова Н. Б.</i> Неопределенность как поэтический прием творчества Поля Верлена	176
<i>Прокофьева В. Ю., Черенкова Ю. В.</i> Социокультурное и геополитическое состояние России в поэтическом дискурсе (на материале русской поэзии XX века)	179
<i>Соколова М. В.</i> Функционально-стилистическая нагрузка имени собственного в художественном тексте	182
<i>Титова Е. А.</i> Прагматический анализ звукоизобразительных особенностей стихотворных произведений Джона Китса	184

НОВЫЕ АСПЕКТЫ И ОБЪЕКТЫ ТЕРМИНОГРАФИИ

<i>Березовская Е. А.</i> О проекте словаря «Трудности в лексической сочетаемости: справочник для редактора»	188
<i>Будыкина В. Г.</i> О гармонизации образовательных терминосистем (к постановке проблемы)	191
<i>Елистратов А. А.</i> К проекту создания толкового словаря русского спортивного жаргона	193
<i>Кантышева Н. Г.</i> Прагматика термина экологического аудита в электронном систематизированном глоссарии	195
<i>Климова О. В.</i> PR-терминология в современных электронных словарях	197
<i>Лесников С. И.</i> Базовые блоки автоматизированной лексикографической системы	200
<i>Маринова Е. В.</i> О проекте словаря «Теория заимствования в основных понятиях и терминах»	202
<i>Попова Л. В.</i> Словарная статья в условиях современной лексикографии	204
<i>Троссель М. В.</i> Лексикографическое описание лексики лесопильной промышленности	207
<i>Фельде О. В.</i> Проблемы и перспективы лексикографического описания русского профессионального субстандарта	209
<i>Шляхова С. С., Шестакова О. В.</i> Проблемы лексикографической фиксации интеръективов в русских и немецких словарях	213
<i>Юхмина Е. А.</i> Проблемы лексикографического описания устных профессиональных единиц компьютерной сферы знания в русском языке	215

ПРОБЛЕМЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ЛИНГВОДИДАКТИКИ

<i>Артебякина О. В.</i> Формирование математического языка у студентов педагогического вуза	218
<i>Баканова Ю. В.</i> Использование прецедентных текстов и высказываний в профессиональной подготовке будущих переводчиков	220
<i>Бовшик А. С.</i> Аналоговая и семиотическая репрезентации в аспекте лингво-семиотического анализа	222
<i>Будейко В. Э.</i> Проблема исследования грамматологических фразеологизмов в терминологическом аспекте	225
<i>Бурганова Н. С.</i> Материалы СМИ в профессиональной иноязычной подготовке студентов специальности «Финансы и кредит»: когнитивный подход ..	227
<i>Вишневская Г. М.</i> Фонетический аспект профессиональной коммуникации	230
<i>Голованова И. Ю.</i> Формирование деривационного компонента коммуникативной компетенции студентов	232
<i>Давлеткулова Л. Н.</i> Современная топонимия графства Оксфордшир в свете иноязычных влияний	235
<i>Дубичинский В. В., Васенко Л. А.</i> Задачи терминоведения в процессе обучения языку специальности	238
<i>Кузнецова Н. Ю.</i> Наименования лиц по профессии в немецких и русских правовых поговорках	241
<i>Макарова А. Д.</i> Лингвокультурный образ: сущность понятия	243
<i>Макарова Е. В.</i> Речетворческое пространство на уроке русского языка	245
<i>Маякина М. А.</i> Фразеологические единицы, описывающие невербальное поведение человека, как компонент развития языковой и общекультурной компетенции	248
<i>Ненахова Е. А.</i> Образ профессии в языковом сознании дошкольника	250
<i>Омельченко Е. В.</i> Проектная коммуникативная стратегия в рамках образовательного дискурса	253
<i>Прокофьева Л. П., Беляева А. Ю.</i> Профессиональная коммуникация на занятиях по РКИ в медицинском вузе: программы, учебники, методические инновации	256
<i>Редькина О. Ю.</i> Требования к учебному тексту в сфере обучения русскому языку как иностранному	258
<i>Рыжкина З. А.</i> Представление о бессмертии в наивной мифологической картине мира (на материале античной и скандинавской мифологии)	261
<i>Феоктистова И. К.</i> Предание о белой березе	263
<i>Фурс Л. А., Доброходова О. В.</i> Ценностный аспект категоризации социального статуса как проблема имиджелогии	269
<i>Хвесько Т. В.</i> Лингвокреативные аспекты топонимической номинации	271

<i>Хохловская О. Г.</i> Особенности педагогического дискурса как «прогноз» последующего языкового развития ребенка	274
<i>Шарафутдинова О. И.</i> Специфика изучения русского языка как родного и иностранного (нормативный аспект)	276
<i>Шушарина И. А.</i> Профессиональная коммуникация между преподавателем и студентом-нефилологом при изучении языковых дисциплин	279
<i>Щербакова Н. Н.</i> Междисциплинарная терминология как лингводидактическая проблема	280
SUMMARY	283
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	298

ПЯТАЯ МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ЯЗЫКИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ»

Челябинск, 27-29 октября 2011 г.

Общероссийская общественная организация
«Российская ассоциация лингвистов-когнитологов»

Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего профессионального образования
«Челябинский государственный университет»

Редакционная коллегия журнала «Вестник Челябинского государственного университета» приняла решение опубликовать статьи более 200 участников международной научной конференции, представителей вузовской и академической науки России и зарубежья — Украины, Грузии, Беларуси. Проблематика конференции позволила объединить научные и профессиональные интересы ученых из 50 российских и 5 зарубежных вузов: классических университетов, лингвистических, педагогических, технических, медицинских, авиационных университетов, юридических, инженерно-строительных, социально-гуманитарных институтов, институтов социального образования, регионального законодательства, медицинских, социально-педагогических академий, академий сельского хозяйства, управления и экономики, городского хозяйства, а также сотрудников Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого Российской академии наук.

Разрабатывая концепцию конференции, ее организаторы стремились внести вклад в развитие научных и культурных связей между образовательными учреждениями России и сопредельных государств, формирующими высокопрофессиональные кадры, что может способствовать совершенствованию общей профессиональной культуры и коммуникации в условиях экономической интеграции государств, мобилизации внутренних ресурсов на фоне необратимых процессов, происходящих в системе профессионального образования, снижения общего уровня образовательной подготовки и угрозы разрушения преемственных связей.

Проблематика конференции обусловлена логикой развития современной науки, идущей по пути познания самых сложных феноменов — разума, психологии человека, определяющих его социальное поведение и мотивацию деятельности. На пути решения этих и ряда других проблем организаторами конференции осознана необходимость объединения усилий российских и зарубежных ученых и укрепления позиций науки в развитии общества.

Статьи участников конференции опубликованы в двух выпусках журнала и объединены в восемь разделов — в соответствии с проблематикой конференции. В первом выпуске научному сообществу были представлены статьи участников первых четырех секций, в настоящий выпуск вошли исследования, обсуждавшиеся на конференции в рамках пятой–восьмой секций. Открывает журнал статья доктора филологических наук, профессора, заслуженного деятеля науки Российской Федерации, Президента Российской ассоциации лингвистов-когнитологов Н. Н. Болдырева «Интерпретирующая функция языка». Статья носит программный характер: в ней раскрывается интерпретирующая сущность языка, выявляются и характеризуются основные типы ее проявления — селекция, классификация и оценка. Интерпретация рассматривается в статье как языковая познавательная активность преимущественно отдельного индивида, раскрывающая в своих результатах его субъективное понимание объектов интерпретации.

В первом разделе выпуска «Жанры и стили профессиональной коммуникации. Типология профессиональных дискурсов» на разнообразном текстовом материале анализируются особенности организации и языкового оформления медицинского (О. С. Зубкова, С. И. Маджаева, В. Ф. Новодранова, Ю. Б. Мотро), юридического (Е. Б. Берг, Ю. А. Воронцова, Г. В. Кубиц), массмедийного (Т. А. Воронцова, М. В. Коновалова, Т. В. Колесникова), рекламного (С. Л. Кушнерук, А. С. Курносова, Е. Г. Прончатова, А. В. Прохоров) и других традиционно изучаемых дискурсов. В качестве новых объектов лингвистического анализа в разделе представлены астрологический (Е. Н. Азначеева), искусствоведческий (У. А. Жаркова), философский (Е. В. Ковязина), туристский (Е. Ю. Аликина) дискурсы. Типология субдискурсов дополнена такими разновидностями, как аргументативный, полилогический, эвокационный, дискурс корпоративного сайта. Авторы статей выявили специфику функционирования в профессиональной коммуникации

отдельных жанров (судебно-лингвистическая экспертиза, контракт, новостной телевизионный текст и др.), категорий (отрицания, оценочной модальности, вежливости) и стилиобразующих средств (гипербола, метафора, фигура провокации; термины, эвфемизмы, прецедентные тексты и др.).

В центре внимания статей второго раздела выпуска – «Специфика профессиональной коммуникации в художественном дискурсе» — находятся типы авторского мышления и особенности их взаимодействия в прозе А. Платонова (И. А. Голованов), писательские стратегии в русской и зарубежной литературе (Т. Н. Маркова, Н. Б. Попова, О. Ю. Подъяпольская), специфические формы коммуникации между автором и читателем художественного текста (Е. В. Михина, Н. С. Олизько, С. Ю. Двинина), адресатом и адресантом кинодискурса (А. Н. Зарецкая). Особое внимание уделено своеобразию современного восприятия художественного дискурса читателем и зрителем (М. В. Загидуллина), прагматике и модальности текста художественного произведения (С. А. Питина) и его отдельных уровней (Н. Н. Дуринова, Е. А. Титова, О. Б. Пономарева, В. Ю. Прокофьева, Ю. В. Черенкова и др.). Весьма значимо, что проблематика данного раздела объединила научные интересы лингвистов и литературоведов, выявила ключевые моменты полипарадигмального изучения художественного текста. Семиотическая сложность художественного дискурса и многоаспектный характер его интерпретации, соответствующий современному уровню развития филологии, предполагает высококвалифицированное владение как литературоведческими, так и лингвистическими понятиями и категориями.

Третий раздел выпуска «Новые аспекты и объекты терминографии» посвящен актуальным проблемам лексикографического описания языков профессиональной коммуникации. В статьях раздела представлены проекты создания новых специальных словарей: «Теория заимствования в основных понятиях и терминах» (Е. В. Маринова), «Толковый словарь русского спортивного жаргона» (А. А. Елистратов), «Трудности в лексической сочетаемости: справочник для редактора» (Е. А. Березовская), «Немецко-русский словарь интеръективов» (С. С. Шляхова, О. В. Шестакова). Методологический характер носит статья профессора О. В. Фельде, в которой дана оценка современному состоянию лексикографии профессионального субстантарта, выявлены ведущие тенденции создания словарей устной профессиональной лексики, определены перспективы дальнейшего развития этой области терминографии.

Обсуждению частных аспектов названной проблемы посвящены статьи М. В. Троссель и Е. А. Юхминой, в которых рассмотрены особенности лексикографического представления специальной лексики лесопильной промышленности и устных профессиональных единиц компьютерной сферы знания. Особое внимание в разделе уделено разнообразному материалу современных электронных словарей (О. В. Климова, Н. Г. Кантышева, С. И. Лесников). Словари являются не только средством фиксации современного уровня специального знания, но и способом гармонизации национальных терминосистем, чему посвящена статья В. Г. Будыкиной.

Четвертый раздел выпуска «Проблемы профессиональной лингводидактики» собрал самое большое число авторов. Здесь охарактеризованы особенности речевой коммуникации и языковой компетенции преподавателя в процессе профессиональной подготовки математиков (О. В. Артебякина), переводчиков (Ю. В. Баканова, Г. М. Вишневецкая, Л. Н. Давлеткулова, М. А. Маякина, Т. В. Хвесько), медицинских работников (Л. П. Прокофьева, А. Ю. Беляева, З. А. Рыжкина), экономистов (Н. С. Бурганова), филологов (В. Э. Будейко, А. С. Бовшик, А. Д. Макарова) и логопедов (Н. Н. Щербакова). Особое внимание в статьях раздела уделено коммуникативным аспектам преподавания русского языка как родного (И. Ю. Голованова, Е. В. Макарова, Е. В. Омельченко) и иностранного (О. Ю. Редькина, О. И. Шарафутдинова), его значимости в становлении языковой компетенции школьников и студентов вузов. Новой проблемой профессиональной лингводидактики можно считать формирование социального статуса будущего специалиста на основе достижений имиджологии. Этому посвящена статья Л. А. Фурс и О. В. Доброходовой.

Подготовка материалов конференции к печати по поручению редколлегии журнала произведена сотрудниками кафедры теории языка Челябинского государственного университета докторами филологических наук С. А. Питиной, Е. В. Шелестюк, преподавателями Т. В. Печагиной, М. В. Соколовой, а также постоянными участниками межвузовского теоретического семинара по когнитивной лингвистике, членами Челябинского отделения Российской ассоциации лингвистов-когнитологов кандидатами филологических наук О. Н. Бабушкиной, А. А. Елистратовым, А. Ю. Епиماховой, Л. В. Житниковой под руководством отв. за выпуск, доктора филологических наук Е. И. Головановой.

Профессор Е. И. Голованова

ИНТЕРПРЕТИРУЮЩАЯ ФУНКЦИЯ ЯЗЫКА¹

В статье обсуждается когнитивная специфика функции языковой интерпретации, ее основные типы и проявления. Установлено, что структура и характерные особенности интерпретирующей функции языка определяют структуру и содержание соответствующих концептов и категорий, что иллюстрируется на примере анализа категории отрицания.

Ключевые слова: интерпретация, функция языка, когнитивная деятельность, категория отрицания.

По сложившейся лингвистической традиции, в качестве основных функций языка принято выделять познавательную (когнитивную) и коммуникативную функции. В то же время в работах Ч. Пирса, Н. Хомского, Р. Джэкендоффа, Р. Павилёниса и других ученых в разных вариантах прослеживалась мысль о том, что языковые выражения приобретают конкретное значение и смысл только в рамках определенной концептуальной системы, т. е. являются результатом интерпретирующей деятельности человека (см.: [6; 7; 11; 14]). Это дает основание говорить об интерпретирующей роли языка как его особой функции в отношении репрезентации знаний о мире, а также обуславливает необходимость детального изучения ее специфики и связи с основными познавательными процессами. Постановка данной проблемы, в свою очередь, требует дальнейшей разработки многоуровневой теории значения — **когнитивной семантики**, и обращения к тем структурам знания и познавательным процессам, которые лежат в основе формирования языковых значений.

Формирование языкового значения напрямую связано и определяется тем, как представлено в слове то или иное концептуальное содержание и с какой конкретной категорией оно соотносено, т. е. процессами концептуализации и категоризации. В основе вербальной коммуникации — основного предназначения языка — лежит концептуальное взаимодействие, т. е. взаимная активация соответствующих структур знания между коммуникантами, обмен единицами знания в виде сформированных на основе различных типов знания смыслов. Как когнитивная способность и неотъемлемая часть инфраструктуры мозга язык и нужен человеку для того, чтобы

обеспечивать любые операции со знанием с целью его последующей передачи (или активации в сознании адресата) в процессах коммуникации.

Несмотря на то, что знания о мире специфичны у каждого человека, основные познавательные процессы **концептуализации** (осмысления и закрепления результатов познания в виде единиц знания — концептов) и **категоризации** (отнесение их к определенным рубрикам опыта — категориям) обнаруживают общие закономерности. Эти закономерности находят свое отражение в языке в виде **трех систем языковой категоризации**: лексической, грамматической и модусной, или интерпретирующей. **Лексические категории** репрезентируют наше знание мира как таковое. **Грамматические категории** определяют то, как это знание репрезентируется в языке и схематизируется в соответствии с правилами и принципами вербальной коммуникации. **Модусные категории** передают способы интерпретации этого знания отдельными носителями языка (подробнее см.: [1; 2]).

Понятие интерпретации может иметь **широкое и узкое толкования**. В широком смысле этого слова интерпретация понимается как практически любая мыслительная операция, направленная на получение нового, вторичного знания коллективного или индивидуального уровня. **Интерпретация** в узком ее понимании — **это языковая познавательная активность преимущественно отдельного индивида, раскрывающая в своих результатах его субъективное понимание объекта интерпретации**. Именно в этом смысле интерпретация рассматривается в данной работе.

Чтобы лучше понять **сущность интерпретации** как познавательной активности, необходимо, на наш взгляд, обратиться к двум ее важнейшим характеристикам. Во-первых, **интерпретация опирается на типизированные схемы знания: фреймы, скрипты, когнитивные модели**

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ), проект № 10-04-00196а и Федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России».

и т. д. — и потому непосредственно связана с *познанием (когницией)*. Как процесс вторичного познания, она избирает своим объектом знания о мире то, как он репрезентирован в коллективном сознании, т. е. то, что Р. Джэкендофф называл проецированным миром: «projected world», «experienced world» [14. С. 28], а Ж. Фоконье — пресструктурированной фоновой схемой знания: «available prestructured background schemas» [13].

Во-вторых, она непосредственно зависит от **индивидуальной концептуальной системы человека, т. е. субъективна**. Это обусловлено тем, что вторичное осмысление неразрывно связано с индивидуальностью и психическим состоянием человека, с тем, что А. Н. Леонтьев называл обретением значений для себя, их связыванием с реальной жизнью и мотивами конкретного человека, его личностным смыслом [9. С. 100–104].

С учетом вышеназванных особенностей **определение интерпретации** можно переформулировать следующим образом: это процесс и результаты субъективного понимания человеком мира и себя в этом мире, процесс и результат субъективной репрезентации мира, основанной, с одной стороны, на существующих общечеловеческих представлениях о мире и, с другой стороны, на его личном опыте взаимодействия с ним. Это — проекция мира, или знания о мире, «погруженные» в индивидуальное сознание человека.

С точки зрения психологов, «когнитивная деятельность не является беспредпосылочной». Она «предполагает наличие предданной «гипотезы» об устройстве мира» [12. С. 6]. В качестве такой гипотезы и выступают коллективные знания о мире. Соответственно языковая познавательная активность, и интерпретация в том числе, также может быть охарактеризована с двух взаимосвязанных сторон: **статической** и **динамической**. В **статическом** аспекте она характеризуется своими результатами в виде системы когнитивных структур, т. е. результатами языковой концептуализации и категоризации мира — системой концептов и категорий. Процессы концептуализации и категоризации средствами языка формируют **динамический аспект** языковой познавательной активности, неотъемлемой частью которой является языковая интерпретация (подробнее см.: [2; 3; 4]).

Сказанное выше позволяет предположить, что **языковая интерпретация может проявляться в трех основных типах**, которые реализуют соответственно **три ее главных функции**: селекций, классификации и оценки.

Первая, селективная функция способствует концептуализации окружающего мира и проявляется в языковых обозначениях соответствующих концептов. Этот тип языковой интерпретации представляет собой **часть физического познания мира**, которое приводит к образованию индивидуальных концептуальных систем. Последние различаются по структуре и содержанию способами выборочной (селективной) репрезентации мира. Очевидно, что концептуальная система отдельного человека включает основные характеристики окружающей его природной и социальной среды, его образа и уровня жизни. Ее формирование не может не зависеть во многом от времени и места проживания, исторической эпохи, социального статуса человека и его взаимоотношений с другими людьми, семейных связей, пола, возраста, уровня образования, профессиональных интересов и личных пристрастий.

Например, концептуальная система обычного фермера, в основном, охватывает понятия, связанные с сельскохозяйственной деятельностью и домашним бытом, такие как: ЗЕМЛЕДЕЛИЕ, ЖИВОТНОВОДСТВО, СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННАЯ ТЕХНИКА, РЫНОК, ЗАКУПКИ, ПОГОДНЫЕ УСЛОВИЯ, ЦЕНЫ, ДОМАШНЕЕ ХОЗЯЙСТВО, СЕМЬЯ, ПРАЗДНИКИ, ТЕЛЕВИДЕНИЕ и т. д. В сравнении с университетским преподавателем он может иметь слабое представление о современных направлениях в искусстве, музыке, литературе, научных исследованиях, методах обучения или международном положении. Напротив, даже хороший преподаватель не аграрного университета может иметь весьма поверхностные знания о сельскохозяйственном производстве. Его концептуальная система в большей степени включает такие понятия, как: МЕТОДЫ ОБУЧЕНИЯ, ОПРЕДЕЛЕННАЯ ОБЛАСТЬ ЗНАНИЯ (например, математика или другая дисциплина), ИСКУССТВО, ЛИТЕРАТУРА, СПОРТ, СЕМЬЯ, ПРАЗДНИКИ, ПУТЕШЕСТВИЕ, ИНТЕРНЕТ и т. д.

Можно сказать, что концептуальная система отдельного человека индивидуально ориентирована и служит скорее как система преимущественно неязыковой ориентации в мире, в котором он живет. Собственно языковая интерпретация внутри этой системы сводится, прежде всего, к обозначению вещей и событий окружающего мира. В то же время эти средства обозначения реалий и понятий (особенно сленг или профессиональный жаргон) также маркируют отличия концептуальных систем разных людей.

Вторая, классифицирующая функция связана с классификацией объектов и формированием абстрактных понятий и имен для создаваемых классификаций. Соответствующий тип языковой интерпретации можно считать частью **ментального познания мира** (т. е. освоения знаний о мире), имеющего отношение к вторичной концептуализации и вторичной категоризации. Классифицирующая интерпретация использует язык не только для обобщений и создания абстрактных понятий, но и для обозначения ментальных действий и состояний, чувств, эмоций. Она приводит к формированию внутреннего мира человека, включая осознание наличия других концептуальных систем и их отличий.

Третий тип и соответствующая (оценивающая) функция обеспечивают особый, свойственный именно человеку, стиль языковой интерпретации знания — оценочную интерпретацию, т. е. оценочную концептуализацию и оценочную категоризацию. Данный тип языковой интерпретации предполагает схематизацию опыта (объектов и событий) в соответствии с коллективной и индивидуальной системами норм, идеалов, стереотипов, ценностей, на основе определенных оценочных шкал, принятых в рамках той или иной культуры. Это — исключительно языковая система межличностной ориентации в мире, коллективно-индивидуальная модель взаимоотношений.

Анализ специфики интерпретирующей функции человеческого сознания приводит, по меньшей мере, к трем **выводам**, существенным с точки зрения исследования специфики языковой интерпретации. **Интерпретация как когнитивная активность:** 1) структурирована, 2) опирается на существующие коллективные схемы знаний и 3) ориентирована на концептуальную систему индивида, т. е. индивидуальна, субъективна.

Первый вывод основывается на установленной выше взаимосвязи интерпретации с процессами познания. Поскольку «когниция в высшей степени структурирована» [7. С. 24], то, следовательно, структурирована и функция интерпретации. Более того, структурированность когнитивной деятельности субъекта познания является одним из ведущих принципов конфигурации знаний (подробнее см.: [5; 10]). Второй и третий выводы следуют из самой роли и места интерпретации в процессах познания и ее связи с коллективным опытом и личностными характеристиками, системой ценностей индивида, его собственным опытом освоения мира. Хотя речь говорящего

и отражает субъективный образ объективного мира и индивидуальную картину мира, подчеркивает Е. С. Кубрякова, все это преломлено через коллективные сведения о мире, уже «пропущенные» через язык [8. С. 10].

Рассмотренная особенность интерпретирующей функции и сделанные выводы непосредственно проецируются на функцию отрицания как иллюстрацию к сказанному выше и, в частности, могут служить объяснением причин различной концептуализации данной функции в языке и специфики языковой категории отрицания.

Категория отрицания, как и другие категории модусного типа, призвана передавать с помощью языка то, как говорящий интерпретирует свои отношения с миром вещей, событий и другими представителями живой природы, различные взаимосвязи между событиями и/или объектами и/или их характеристиками, а также свое личное отношение к ним. Все эти виды интерпретации, основанные на различном взаимодействии интерпретирующей функции и типов знания (коллективное vs. индивидуальное), связаны с различными типами объектов и их взаимосвязей и, соответственно, предполагают многообразие передаваемых смыслов. Следовательно, и функция отрицания конкретизируется в каждом отдельном случае в зависимости от типов интерпретируемых объектов, событий и отношений между ними.

Функция отрицания в этом плане следует общим законам структурирования мира в процессе его познания, выделяя объекты, события и их характеристики, классифицируя их и устанавливая определенные взаимосвязи между ними в сознании человека. Само название данной функции, ее ориентация на имеющиеся схемы знаний, которые типизируют объекты мира и их взаимосвязи, т. е. общее устройство мира, задают и характер интерпретации: **наличие или отсутствие** объектов, событий, признаков, их **соответствие или несоответствие** имеющимся представлениям и нормам, **интерпретация речевых и неречевых действий** (отказ, несогласие, опровержение, запрет, инструкция, указание, предписание и т. д.). Отсутствие того или иного признака или его несоответствие также могут интерпретироваться как **отрицательная характеристика**, или оценка.

Структурированность самой функции отрицания определяет характер ее концептуализации и, следовательно, выступает в качестве когнитивной схемы, структурирующей содержание соответствующего концепта, т. е. обуславливает

его структуру. Типизируя различные функциональные возможности отрицания в плане интерпретации результатов познания мира и его общего устройства, можно предположить, что структура концепта ОТРИЦАНИЕ включает такие **основные характеристики**, как: *отсутствие, несоответствие, отрицательная оценка и отрицательная коммуникативная реакция*.

Концептуальная характеристика «отсутствие» репрезентирует такой вид интерпретации, который предполагает отрицание события или наличия объекта в физическом или ментальном пространстве, а также отрицание связи (в целом или ее определенного типа) между объектами или событиями и их признаками. Отрицательная интерпретация принадлежности события, объекта или признака конкретной категории, их тождественности друг другу или определенному образцу концептуализируется как **несоответствие**. **Отрицательная коммуникативная реакция** концептуализирует несовпадение целей или речевых и неречевых намерений коммуникантов. Субъективная интерпретация объекта или события на основе отсутствия у него определенного признака или его несоответствия концептуализируется как **отрицательная оценка**.

В разных языках данная дискретность функции отрицания представлена разными языковыми средствами, но подчиняется общему правилу концептуализации мира в языке. В соответствии с данным правилом грамматические средства выполняют функцию общего структурирования концептуального содержания, а лексические — его конкретной репрезентации [15]. Применительно к интерпретации в целом и отрицанию, в частности, структурированность функции проявляется именно на уровне содержания.

В качестве общего средства концептуализации и репрезентации функции отрицания разные языки используют, например, отрицательные частицы типа рус. *не* (англ. *no, not*, нем. *nicht* и т. д.), которые выполняют роль селективной интерпретации. Например: *У него не квартира, а дом; I have no money/book/way out, etc.* Наличие других возможностей передачи отрицательных смыслов и их разнообразие дают основание говорить о наличии центральных и периферийных языковых средств выражения отрицания, их асимметричности и, следовательно, о прототипическом принципе организации данной категории. Ее прототипическое ядро образуют вышеназванные частицы вместе с примыкающими к прототипическому ядру другими отрицатель-

ными словами, для которых данная функция является первичной, например: предикативные слова (рус. *нет: В доме нет газа*), отрицательные местоимения и наречия (рус. *никто, никогда, нигде*), парные отрицательные союзы (рус. *ни ... ни*), отрицательные префиксы (рус. *не-*) и т. п.

Все другие используемые средства, для которых передача отрицательных смыслов является вторичной функцией, создают ближнюю и дальнюю периферию категории. Например, концептуальная характеристика **отсутствия** передается лексической семантикой различных частей речи и их грамматических форм (*сирота* — ‘отсутствие родителей’; *дилетант* — ‘отсутствие профессиональных навыков’; *грубый* — ‘отсутствие обработки’; *бедный* — ‘отсутствие средств’; *пропасть, забыть, исчезнуть, требоваться* — ‘отсутствие чего-либо’; *сорвалось что-либо* — ‘отсутствие результата’), значением словообразовательных форм (*разлюбить, отговорить, проиграть*) и синтаксических конструкций (*Приди он пораньше ...; Какая уж тут любовь; Нам бы ...*), с помощью фразеологии (*остаться у разбитого корыта; когда рак на горе свистнет*).

Аналогично, **несоответствие**: *исключение, ошибка, бракованный* — ‘несоответствие правилу, стандарту’; *другой, иной, чужак* — ‘несоответствие к.-л. категории’; *ошибаться, опаздывать, подводить* — ‘несоответствие ожидаемому результату или цели’; *странноватый, угловатый* — ‘несоответствие норме’; *«Уехал в Петербург, а приехал в Ленинград», «Если бы губы Никанора Ивановича да приставить к носу Ивана Кузьмича ...»* (Н. В. Гоголь); *Учишь, учишь, а на экзамене — тройка* (‘несоответствие ожидаемому результату или цели’); *куда конь с копытом, туда и рак с клешней* (‘несоответствие возможностей и желаний’); **различные отрицательные коммуникативные реакции**: *возражаю, запрещаю, отказываюсь; Мне бы такую уверенность; Он и работает; Какой там врач; Сиди уж; Занимайся своим делом; Своих забот хватает; Он тебя ценит — Какое тут ценит; оценка: умник, ветхий, молодой, уставиться, объедать; Тоже мне летчик; И еще умным себя считает; Уверенность дилетантов — предмет зависти профессионалов*.

При этом оценочные значения также развиваются на базе соответствующих концептуальных характеристик — отсутствия или несоответствия — в результате **концептуальной деривации**, которая лежит в основе формирования многих модусных концептов. Концептуальная деривация в данном случае представляет собой про-

цесс конкретизации предметной отнесенности или способа и характера проявления отрицательной характеристики: ПОТРЕБЛЕНИЕ ЕДЫ → КАУЗАЦИЯ ПОТРЕБЛЕНИЯ → СТЕПЕНЬ → РАСКОРМИТЬ.

Прототипический характер структуры рассматриваемой категории иллюстрирует возможность использования различных языковых средств для детальной репрезентации отрицательных способов интерпретации знания: различных частей речи, фразеологии, словообразовательных средств, синтаксических конструкций в их вторичных смыслах. Это приводит к необходимости уточнения общей модели языковой концептуализации, предложенной Л. Талми, в соответствии с которой, напомним, грамматика структурирует концептуальное содержание, а лексика репрезентирует его в деталях.

В частности, следует подчеркнуть, что детализация знания осуществляется не только на уровне лексики, но и на уровне вторично-грамматических смыслов. Иначе говоря, функцию детализации концептуального содержания могут выполнять и грамматические средства, но в их вторичных функциях. При этом тип и функция интерпретации могут меняться: с селективной (*У меня нет выбора*) на классифицирующую (*Я бы предпочел другой выбор*) или оценивающую (*Я бы предпочел более умный выбор*) или оставаться неизменными (*Я бы поехал в Сочи*).

Следует также подчеркнуть, что непрототипические средства отрицания в целом в большей степени демонстрируют референтную зависимость от типа интерпретируемого знания. Поэтому они способны репрезентировать различные типы и функции языковой интерпретации и, соответственно, передавать различные смыслы. Например, прилагательное *безвкусный* в функции классифицирующей интерпретации может передавать смыслы: отсутствие (*безвкусный хлеб*), несоответствие (*безвкусный галстук*), отрицательную коммуникативную реакцию (*Он же безвкусный!*), а также выполнять оценивающую функцию, передавая аналогичный, оценивающий смысл: *безвкусный человек*.

Различие между двумя типами языковой интерпретации (классифицирующей и оценивающей) можно также проиллюстрировать следующими примерами, в которых второй пример демонстрирует отсутствие семантической сочетаемости между составляющими элементами: *Безголовый невец* — *?Безволосый невец*.

Реализация отрицательных смыслов в речи тоже обнаруживает свою специфику. Эта спец-

ифика заключается в том, что на функциональном уровне **репрезентация концепта ОТРИЦАНИЕ в чистом виде не приводит к формированию конкретного смысла**. Отсюда неопределенность семантики таких слов, как *хорошо*, *плохо*, *нет* и т. п. (поэтому некорректно говорить и об актуализации концептов). Отрицательные формы в высказывании репрезентируют не отдельный концепт, а целую концептуальную структуру. Данная структура представляет собой единство отрицательного смысла как определенной характеристики соответствующего концепта (отсутствие, несоответствие и т. д.) и интерпретируемого концепта или концептуальной структуры (объектов, событий, характеристик), т. е. **матричный концепт: ОТРИЦАНИЕ + ИНТЕРПРЕТИРУЕМЫЙ КОНЦЕПТ**.

Интерпретируемые концепты, как правило, типизируются в виде определенных предметных областей, или областей определения модусных концептов. В их качестве могут выступать такие концептуальные области, как: «человек», «природа», «артефакты», «события» (в том числе события внутреннего мира человека), «признаки» и т. п. Конкретный набор подобных областей в единстве с соответствующим модусным концептом и представляет собой, по существу, концептуальную структуру в виде матрицы, или когнитивную матрицу (о когнитивной матрице и концептах матричного типа подробнее см. [2]).

Другими словами, модусные концепты не существуют отдельно от концептуальных областей их определения, представляя вместе с ними единое знание. Это обуславливает структуру и содержание соответствующей категории, которая сама предстает как особый, **категориально-матричный формат знания** и может обнаруживать многофокусный принцип организации, объединяя разноуровневые средства репрезентации матричного концепта.

Матричный характер передаваемого концепта подтверждает вторичность модусных концептов и категорий и их зависимость от области определения. Данная область в качестве когнитивного контекста может обуславливать формирование и передачу разных смыслов, как, например, в случае с прилагательным *безвкусный*: *безвкусная еда* ('не имеет вкуса'), *безвкусная картина* ('не отвечает требованиям хорошего вкуса'), *?безвкусный человек* ('лишен хорошего вкуса'), — или требовать дифференцированного использования разных языковых средств для передачи разных смыслов: *Ему/У него не хватает власти*, но только: *У него не хватает двух зубов* (*Ему

не хватает/недостает двух зубов). Сравните также, с одной стороны: *В комнате нет телевизора* (*У комнаты нет телевизора; ?Комната не имеет телевизора, но: Комната не имеет отдельного выхода) и, с другой стороны: *У него (во рту) нет двух зубов* (*Рот не имеет двух зубов).

Как иллюстрируют приведенные примеры, используемые языковые средства отличаются определенной избирательностью в отношении передачи отрицательных смыслов, связанных с той или иной предметной областью. Так, во всех случаях репрезентируется одна и та же концептуальная характеристика — ‘отсутствие’. Однако в разных синтаксических конструкциях она связана с интерпретацией разных типов объектов. Разнородность объектов, в свою очередь, предполагает наличие разных типов связей между ними (разные типы принадлежности или партитивности), которые и подвергаются интерпретации. Следовательно, тип этих связей тоже служит неотъемлемой частью получаемого единого отрицательного смысла, что и подтверждается наличием отдельной синтаксической конструкции для передачи каждого из этих смыслов в языке.

Таким образом, когнитивная специфика языковой интерпретации обусловлена ее непосредственной зависимостью от основных познавательных процессов концептуализации и категоризации и заключается в различном взаимодействии коллективного и индивидуального, энциклопедического и языкового типов знания, интерпретирующего (модусного) и интерпретируемого концептов на системном и функциональном уровнях языковой репрезентации.

Список литературы

1. Болдырев, Н. Н. Языковые категории как формат знания // *Вопр. когнитив. лингвистики*. 2006. № 2. С. 5–22.
2. Болдырев, Н. Н. Концептуальная основа языка // *Когнитивные исследования языка*.

Вып. IV. Концептуализация мира в языке : коллектив. моногр. М.; Тамбов : Ин-т языкознания РАН; Издат. дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2009. С. 25–77.

3. Болдырев, Н. Н. Концептуализация функции отрицания как основа формирования категории // *Вопр. когнитив. лингвистики*. 2010. № 1. С. 5–14.

4. Болдырев, Н. Н. Роль интерпретирующей функции в формировании языковых категорий // *Вестн. Тамбов. ун-та. Сер. Гуманитар. науки*. Вып. I (93). 2011. С. 9–16.

5. Болдырев, Н. Н. Языковая репрезентация основных уровней познания / Н. Н. Болдырев, О. В. Магировская // *Вопр. когнитив. лингвистики*. 2009. № 2. С. 7–16.

6. Демьянков, В. З. Основы теории интерпретации и ее приложения в вычислительной лингвистике. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1985.

7. Демьянков, В. З. Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода // *Вопр. языкознания*. 1994. № 4. С. 17–33.

8. Кубрякова, Е. С. В поисках сущности языка // *Вопр. когнитив. лингвистики*. 2009. С. 5–12.

9. Леонтьев, А. Н. Лекции по общей психологии. М. : Смысл, 2000.

10. Магировская, О. В. Репрезентация субъекта познания в языке. М.; Тамбов : Издат. дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2008.

11. Павилёнис, Р. И. Проблема смысла: современный логико-философский анализ языка. М. : Мысль, 1983.

12. Ушаков, Д. В. Когнитивная система и развитие // *Когнитивные исследования: Проблема развития* : сб. науч. тр. Вып. 3. М. : Изд-во Ин-та психологии РАН, 2009. С. 5–14.

13. Fauconnier, G. *Mental Spaces: Aspects of Meaning Construction in Natural Language*. Cambridge : Cambridge University Press, 1994.

14. Jackendoff, R. *Semantics and Cognition*. Cambridge, Mass. : The MIT Press, 1995.

15. Talmy, L. *The Relation of Grammar to Cognition* // *Topics in Cognitive Linguistics*. Amsterdam; Philadelphia : John Benjamins, 1988. P. 165–205.

ЖАНРЫ И СТИЛИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ. ТИПОЛОГИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ДИСКУРСОВ

Е. В. Аверьянова

ФИГУРА ПРОВОКАЦИИ В РЕЛИГИОЗНОМ ДИСКУРСЕ

Статья посвящена анализу средств выражения манипулятивной фигуры провокации в религиозном дискурсе XVI–XVII веков, выявлению архетипической фигуры провокации и ее вариантов.

Ключевые слова: религиозный дискурс, манипулятивная фигура провокации, мерон, архетип.

Объектом данного исследования являются средства выражения манипулятивной фигуры провокации в церковнославянском языке XVI—XVII вв. Материалом исследования послужили жития святых.

Мы исходим из следующего определения манипуляции, предложенного Парижской семиотической школой: «Манипулятор может осуществлять свое убеждающее действие, опираясь на модальность «мочь», тогда в прагматическом измерении он предложит манипулируемому положительные объекты (культурные ценности) или отрицательные объекты (угрозы); в других случаях он убедит получателя благодаря знанию: в когнитивном измерении он сообщит ему, что он думает о его модальной компетенции в форме положительных или отрицательных суждений. Таким образом, очевидно, что убеждение в плане «мочь» характеризует искушение (когда предлагается объект положительной ценности) и запугивание (представляющее собой негативный дар), убеждение в плане «знать» присуще провокации (с отрицательным суждением «Ты не способен...») и обольщению (проявляющемуся в положительном суждении)» [8. Р. 221].

Всего в житиях был обнаружен 441 пример манипуляции: 302 примера реализации искушения, 82 — запугивания, 45 — обольщения и 12 — провокации. Данные виды манипуляции рассматриваются в работе как манипулятивные фигуры. Понятие «фигура» ввел в лингвистику Луи Ельмслев. Он называл так либо единицы плана содержания, не имеющие плана выражения (например, метафора), либо единицы плана выражения, не имеющие плана содержания (фонемы). Таким образом, фигура, по Ельмслеву, не является знаком [2]. Мы же под фигурой понимаем знак, имеющий как план содержания, так и план выражения, но при этом одному содержанию соответствует бесконечное число вы-

ражений. Мы отдали предпочтение этому термину ввиду того, что манипулятивная фигура, подобно фигуре — в понимании Ельмслева, является прежде всего единицей инвариантного содержания при бесконечной вариации средств ее выражения. Но в отличие от Ельмслева, мы признаем возможность связи между значением и формой. Уточним, что в случае с манипулятивной фигурой эта связь значения с формой имеет относительно устойчивый характер.

Представляется, что в основе манипулятивных фигур (дискурсивных образований) лежат архетипы (ментальные образования).

Понятие «архетип» вслед за Платоном после длительного перерыва ввел в оборот К. Г. Юнг. Он обозначил им формальный прообраз психических представлений [5–7]. Ю. А. Шрейдер обратил внимание на важное различие между двумя научными понятиями «тип». Первое определяется как наиболее характерное единичное явление, с наибольшей полнотой выражающее сущность; второе — как прообраз, основная форма, допускающая отклонения (архетип) [4. С. 1]. Архетип позволяет представить объекты путем описания, эксплицитно указывающего на общее и особенное объектов данного типа. По мнению Ю. А. Шрейдера, если архетип невозможно предъявить через один типичный образец, его воплощающий (как обстоит дело с нашим материалом), его приходится рассматривать как образ (гештальт), заданный многообразием типичных образцов (типическим многообразием) [4. С. 2]. Часть описания архетипа, допускающая нормативную интерпретацию без обращения к другим частям того же описания, называется описанием мерона или *мероном* описания [3]. Предполагается, что архетип состоит из меронов, описания которых необходимо входят в описание архетипа [Там же].

В случае провокации речь идет о навязывании имплицитного контракта. Первая часть ар-

хетипической манипулятивной фигуры содержит оценку адресата, выраженную оценочным прилагательным негативной семантики, и представляет собой мерон, содержащий логическую предпосылку. Вторая часть содержит объяснение манипулятора (адресанта), какого рода деятельность манипулируемый не может выполнять ввиду своего статуса, и также является мероном описания. Провокация имеет архетипическую структуру, состоящую из двух меронов. Представляется, что и первый, и второй мерон могут встречаться в дискурсе как эксплицитно, в полном составе, так и имплицитно, когда присутствие одного мерона подразумевается другим.

Представляется, что архетипическая языковая структура провокации выглядит следующим образом: «Ты такой, и не сможешь это сделать». Фигура состоит из двух меронов: первый содержит оценочное прилагательное с негативной семантикой, второй мерон содержит суждение адресанта о неспособности адресата выполнять намеченное последним действие.

Рассмотрим пример, где присутствуют оба мерона фигуры:

Бысть въ дни
игуменства преподобнаго
Никона, братъ единь,
въ печерскомъ святомъ
монастырѣ именовъ
Никита, сей, нача молити
игумена, да благословитъ
ему подвижатися наединѣ
въ затворъ вшедшю.
Игумен же възврънхаше
ему, глаголя: О чадо,
нѣсть ти пользы юнц
сущю сидѣти праздно.
Ѹне ти есть, да
превѣдши съ братню
работаа тѣмъ, и не
погубиши мзды своа.

*Был во дни преподобного
игумена Никона брат
один, Никита именем.
Этот инок, желая, чтобы
славил его люди, дело
великое не Бога ради за-
мыслив, начал проситься
у игумена войти в затвор.
Игумен же не разрешил
ему, говоря: «О чадо! нет
тебе пользы праздно си-
деть, потому что ты еще
молод, лучше тебе оста-
ваться среди братии, и,
работая на них, та не
лишишься награды своей»*
[1. Кн. 2. С. 905].

Как видим, первый мерон выражен дважды: в виде причастного оборота с дательным самостоятельным и предложения с составным именным сказуемым.

Но для провокации необходимым и достаточным является присутствие одного из меронов. Обратимся к тексту:

Преподобный же Антоний
рече къ нему: о чадо,
видиши пещеру сию
скорбнѣ сущю и теснѣ, ты
же не стерпиши тѣсноты
на мѣсте семъ.

*Преподобный же Антоний
сказал ему: «О чадо, разве
не видишь пещеру эту: уны-
ло место и непригляднее всех
других. Ты же не сможешь,
живя здесь, снести все лишне-
ния»* [1. Кн. 3. С. 720].

Очевидно, что отсутствие первого мерона, указывающего на отсутствие компетенции у адресата для подвижничества, не ослабляет иллюкутивный акт провокации. Предполагается, что первый мерон может быть необходимым и достаточным для осуществления провокации: например, во фразе «Трус!», но в нашем материале мы не обнаружили подобных примеров.

Таким образом, в религиозном дискурсе манипулятивная фигура провокации используется крайне редко, в отличие от других фигур, и может быть представлена полностью в виде двух меронов описания или частично.

Список литературы

1. Димитрий Ростовский. Жития Святых в четырех книгах. Киево-Печерская Лавра, 1764 // Святоотеческое наследие. Вып. 2. Святитель Димитрий Ростовский (1651–1709). СПб. : Аксион эстин, 2009.
2. Ельмслев, Л. Прологомены к теории языка // Новое в лингвистике. Вып. 1. М. : Изд-во иностр. лит., 1960. С. 264–389.
3. Майен, С. В. Методологические аспекты теории классификации / С. В. Майен, Ю. А. Шрейдер // Вopr. философии. 1976. № 12. С. 69–79.
4. Шрейдер, Ю. А. Типология как основа классификации // Науч.-техн. информ. Сер. 2. 1981. № 11. С. 1–5.
5. Юнг, К. Г. Душа и миф. Шесть архетипов / пер. с англ. Киев : Гос. б-ка Украины для юношества, 1996.
6. Юнг, К. Г. Об архетипе, в особенности о понятии «Анима» // Юнг, К. Г. Структура психики и архетипы / пер. с нем. М. : Академ. Проект, 2007. С. 24–43.
7. Юнг, К. Г. Психологические аспекты архетипа матери // Там же. С. 44–79.
8. Greimas, A. J. Sémiotique: Dictionnaire raisonné de la théorie du langage / A. J. Greimas, J. Courtés. P. : Hachette Supérieur, (1979) 1993.

АСТРОЛОГИЧЕСКИЙ ДИСКУРС: СЕМИОТИЧЕСКИЙ И КОГНИТИВНЫЙ АСПЕКТЫ

Статья посвящена проблеме когнитивных и семиотических оснований астрологической системы. Утверждается, что полисемантизм и амбивалентный смысл астрологических знаков определяются на основе аналогии и синхронизации. Определен специфический характер астрологических архетипов и ключевых концептов.

Ключевые слова: астрологический дискурс, астрологическое предсказание, архетип, символ, ключевой концепт.

Астрологический дискурс представляет собой бытийный тип дискурса, сочетающий в себе особенности метафизического, эзотерического и научного дискурсов. Как раздел метафизического дискурса астрология занимается исследованиями первоначальной природы реальности, мира и бытия, прежде всего энергиями и их воздействием на человека и его жизнь. Как часть эзотерического дискурса астрология выражает особое мировосприятие личности, ставящей на первый план духовную суть жизни и подчиняющей все материальные проявления человеческого существования невидимым явлениям «тонкого мира». В качестве научного дискурса астрология использует методы эмпирического познания, затем обобщения, типизации, математического моделирования и, наконец, интерпретации натальной карты, здесь эмпирическая практика сочетается с философским мировоззрением, в центре которого находятся вопросы бытия, судьбы, предназначения человека. Цель астрологического дискурса — помочь человеку обрести самосознание, определить свое место в мире и адекватно реагировать на события жизни.

Семиотическая система, лежащая в основе астрологического дискурса, служит для моделирования окружающей действительности и сюжетов человеческой жизни. Она включает базисную систему символов, состоящую из обозначений знаков Зодиака, планет, аспектов и их конфигураций и т. п.

В текстах астрологических предсказаний полноценно проявлены все три уровня, коррелирующие с семиотическими измерениями, выделяемыми Ч. У. Моррисом: семантика, синтактика и прагматика. Уровень семантики астрологических предсказаний образует интерпретация космограммы и гороскопа. Она включает несколько слоев: архаический, представленный архетипами и мифологемами; образный слой, основными единицами которого являются метафоры;

характерологический слой — психологическая характеристика нативов и др. Синтактика (грамматика) рассматривает вербальные и невербальные средства выражения структурных отношений элементов, к которым относятся расположение и соотносительная сила звездных тел в натальной карте человека. Прагматику составляют практические рекомендации, на этом уровне доминирует ценностный аспект и языковые средства выражения модальности и оценки. Западный, китайский, ведический, авестийский варианты астрологии представляют собой разные семиотические системы, информация частично может быть переведена с одного на другие «диалекты астрологического языка».

Хотя широкая публика знакома по преимуществу с прагматическим аспектом астрологии, в действительности астрология — и как древнее учение, включавшее в донаучный период всю систему знаний человека о мире, и как современная, так называемая гуманистическая астропсихология — представляет собой целостную мировоззренческую систему, охватывающую все стороны бытия. Когнитивно-прагматические характеристики астрологического дискурса определяются фундаментальными принципами, лежащими в основе его картины мира, системы ценностей и астрологической практики. Развивая некоторые положения астрологической теории А. Колесникова [2], мы выделяем базовые принципы, характеризующие астрологию как когнитивную систему (принципы холизма, антропоцентризма и геоцентризма, аналогии и синхронизации, цикличности) и свойства, отличающие астрологию как дискурс (креолизованность, иерархичность, психологизм, оценочность, моделируемость). В основе астрологической картины мира лежит представление о том, что человек занимает центральное место в мироздании, через него осуществляется связь между землей и космосом. Согласно принципу

аналогий, те же законы, которые сформировали солнечную систему и управляют движением планет, проявляются в устройстве земной жизни и душе человека [1].

Принцип аналогии и синхронизации определяет многозначность элементов семантического уровня астрологических текстов. Каждый символ обладает содержанием, приложимым к множеству самых разных объектов, и разнообразием средств своего воплощения. Формами выражения символического содержания служат графические символы, иконические изображения, мифологические архетипы, мифологемы, ключевые концепты и другие знаки, соотносящиеся с любым конкретным элементом реальности и связывающие разные планы существования: физические характеристики, внешность человека, его здоровье, темперамент и черты характера, ситуации, события и судьбу, природные катаклизмы, исторические события, животных, растения, минералы, металлы, драгоценные камни, запахи, погоду. Весь объем значения символа называется принципом планеты, знака и т. д. Принципы, управляющие космическими ритмами, нашли свое воплощение в прототипических представлениях о знаках зодиака, небесных телах, неподвижных звездах, градусах гороскопа.

В целом Зодиак является символом связей во Вселенной, символом циклических и сезонных изменений. По представлениям астрологов, каждый знак Зодиака реализует один из архетипов, о глубокой укорененности которых в психике человека свидетельствует тот факт, что они нашли отражение в мифологической картине мира всех народов. Многие традиционные мифологические образы (такие, как *божественный кузнец, громовержец, умирающий и воскресающий бог*) целиком соответствуют какой-либо зодиакальной мифологеме. Основное свойство архетипа как праробота культуры — его повторяемость в аналогичных условиях, а иногда и несмотря на них [1].

С точки зрения астрологии принадлежность к тому или иному знаку Зодиака определяет физиологические характеристики, особенности личности и темперамента, доминирующие модели поведения. Так, Овен воплощает архетипы *воина, первооткрывателя*, Телец — *хранителя*, Близнецы — *коммуникатора, посредника*, Рак — *хранителя домашнего очага (матери)*, Лев — *короля и создателя*, Дева — *служителя*, Весы — *миротворца*, Скорпион — *преобразователя*, Стрелец — *философа, учителя*, Козерог — *стратега (отца)*, Водолей — *новатора, гуманиста*, Рыбы — *мечтателя, мистика* [3].

Перевод астрологической информации на обыденный язык астрологических предсказаний осуществляется при помощи вербализованных концептов, которые обозначают определенные энергии, характеризуют соответствующие психологические типы, а также обладают эзотерическим содержанием, связанным с их ролью в осуществлении божественного плана вселенной. Наиболее известны концепты, относящиеся к астропсихологической системе персонологии, характеризующие способы реагирования соответствующих типов личности на события. Так, Водолей характеризуется через концепты *свобода, дружба*, Овен — *борьба, новизна*, Телец — *имущество, стабильность*, Близнецы — *информация, изменчивость*, Весы — *гармония, справедливость, красота* и т. д. Эти концепты отражают, прежде всего, культурно-стереотипные представления о соответствующих типах личности.

Светила и планеты также представлены ключевыми концептами, выражающими их основные принципы, которые, согласно закону подобия Гермеса Трисмегиста «Что вверху, то и внизу», связывают между собой внешне совершенно разные явления: жизнь космоса с жизнью человека, с жизнью государства, с явлениями энергетического, физического, эмоционального, событийного и других планов. Так, астрологические принципы Солнца — *жизненная энергия, центр и свет*, принцип Меркурия — *взаимосвязь*, Сатурна — *ограничение и структурирование*, Юпитера — *расширение* и др. Референциальная неопределенность астрологических символов, затрудняющая их декодирование, возрастает из-за их соотносительности с 12 домами гороскопа, отображающими различные сферы жизни человека, а также из-за различной интенсивности проявления в зависимости от уровня духовного развития личности, который определяет особенности ее реакции на ситуации и события.

Сакральный характер астрологических текстов проявляется в использовании бинеров (оппозиций), на которых построена вселенная. Так, стихии и планеты противопоставляются друг другу по таким признакам, как *сухой — влажный, холодный — горячий, мужской — женский, западный — восточный, верхний — нижний*. Семиотические оппозиции *дух — материя, добро — зло, космос — хаос* и др., ключевые символические концепты *жизнь, рождение, любовь*, как отражение космических начал, воплощаются в судьбе человека в виде универсальных архетипических черт, но конкретные формы их про-

явления зависят от индивидуального творчества человека.

Зависимость астрологической карты от космических ритмов обуславливает ее динамический характер. Главным посылом современной гуманистической астрологии является не только поиск глубинного смысла символических репрезентаций, закодированных в гороскопе, но и осмысление жизненного опыта человека через соотнесение его с циклами его индивидуального бытия и бытия человечества в целом. Поэтому большое значение придается переживанию мистерии домов гороскопа, через которые человек проходит в течение своей жизни в соответствии с космическими ритмами. Так, каждый человек в соответствии со своей натальной картой реализует соответствующие жизненные сценарии, и астрология призвана помочь ему преодолеть свою низшую природу и гармонизировать жизнь в соответствии с законами вселенной. С лингво-

когнитивной точки зрения мистирию дома можно выразить посредством динамического концепта — сценария, с точки зрения семиотики она соответствует поведенческому тексту.

Семантическая многоплановость, многоуровневая структурная организация астрологических текстов, представляющих собой описание и толкование текста жизни человека, делает их притягательным объектом исследования для лингвистов и семиотиков.

Список литературы

1. Веташ, Семира и В. Астрология и мифология. СПб. : Атон, 1998.
2. Колесников, А. Философские основы астрологии [Электронный ресурс]. URL: <http://astroclub.net/load/777/k/17-1-0-349>
3. Фирак-Митц, Ф. Астрологические коды. М. : АСТ : Астрель, 2007.

Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 33 (248). Филология. Искусствоведение. Вып. 60. С. 21–24.

Е. Ю. Аликина

ОСОБЕННОСТИ МЕТАФОРИЧЕСКОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ КОНЦЕПТА «ДЕСТИНАЦИЯ» В ТУРИСТСКОМ ДИСКУРСЕ (на материале русского и немецкого языков)

В статье анализируются метафорические модели репрезентации концепта «Дестинация», характерные для туристского дискурса. Данная разновидность дискурса соотносится автором с практическим типом знания, носящим прагматический характер.

Ключевые слова: *концепт, дискурс, метафорическая модель, наивная картина мира.*

В современных когнитивно-дискурсивных исследованиях метафора определяется как универсальный механизм мышления и познания действительности, для изучения которого все активнее привлекается метафорическое моделирование. Материал в таких исследованиях организуется по принципу противопоставления двух концептуальных областей — области денотата и сигнификата, или области объекта осмысления и метафорической модели. Метафорической моделью называется понятийная область, включающая связанные семантическими отношениями элементы. Названием модели служит родовое понятие, объединяющее элементы ее таксонов. Распределение материала внутри модели производится на основании определений толковых словарей, так как метафорическая модель явля-

ется результатом естественной, а не научной категоризации действительности [2].

Под дискурсом понимается вербально опосредованная деятельность в специальной сфере [1], в которой формируется концепт, т. е. специальное знание различного уровня абстракции (от наивного, эмпирического до научного, теоретического). Концепт имеет множество способов вербальной репрезентации, однако все это многообразие может быть сведено, по Ю. Н. Караулову, к трем формам репрезентации языка: «язык-система», «язык-текст», «язык-способность» [3].

В настоящем исследовании предпринимается попытка метафорического моделирования вербальной репрезентации туристского концепта *Дестинация* в русско- и немецкоязычных

туристских текстах. Минимальный фрагмент текста, в котором репрезентированы два концепта, имеющие какое-либо основание для сравнения, и из которого может быть выявлено значение, называется контекстом метафоры.

Материалом исследования послужили 1 800 контекстов употребления метафор из журнальных туристских статей на русском и немецком языках, опубликованных в первом десятилетии XXI века. Следует отметить, что поскольку ключевым понятием предлагаемой концепции дискурса является деятельность, отражающая развитие личности в процессе концептуализации воспринимаемой информации с последующей ее вербализацией, а дискурс представляет собой континуум, или иерархию типов дискурсов, для которого является актуальным тот или иной тип знания (наивное, практическое, профессиональное, научное) [1. С. 104], то исследуемый тип текста мы относим к практическому типу туристского дискурса (дискурс туристов).

В связи с этим следует отметить, что исследование метафоры в практическом дискурсе, в том числе туристском, имеет большую актуальность, поскольку в современном информационном обществе все большее внимание уделяется изучению процессов получения, переработки и передачи знания, и метафоре в этом отводится значительная роль.

Признание концептуальной интеграции в качестве основного когнитивного механизма метафоры, как указывалось ранее, обуславливает выделение денотативного и сигнификативного дескриптора. В нашем исследовании денотативным дескриптором (областью метафорического осмысления) выступает туристский концепт *Дестинация* (место, территория, привлекающая туристов своими ресурсами). На ментальном уровне концепт *Дестинация* может быть представлен в виде фрейма, состоящего из 40 слотов, выделение которых основывается на компонентах имиджа дестинации: ландшафт, климат, кухня, культура/обычаи, достопримечательности, местное население, сервис, дикая природа/животные и т. д. [5].

Сигнификативный дескриптор образуют концепты наивной картины мира, которые на ментальном уровне могут быть представлены в виде метафорических моделей, которые могут быть разделены на два базовых домена: ЧЕЛОВЕК и ПРИРОДА. Первый из них включает метафорические модели **Человек как биологическое существо** и **Человек как социальный субъект**. Ко второму домену относятся

метафорические модели **Неживая природа** и **Живая природа**.

Внутри домена ЧЕЛОВЕК самой детализированной метафорической моделью является модель **Человек как социальный субъект**, в которую входят следующие таксоны: **Быт** (видовые таксоны — в порядке убывания представленности в словаре): *материалы и вещества, предметы быта, продукты питания, одежда, помещение и интерьер*; **Культура**: *религия, искусство, архитектура, театр и кино, игра, спорт, исторические личности*. **Профессиональная деятельность**: *механизм, политика и война, медицина*. Например: *Рим возмутительно красив и недоступен, как сумочка Dior в витрине на площади Испании: на фоне ценника в несколько тысяч евро фотографируются туристы* (Geo traveler апрель/май 2009, С. 121); *Круиз по Волге-матушке — развлечение для настоящих славянофилов. Путешествуя по «главной улице России», можно увидеть то самое богатое историческое наследие из учебников, вплетенное самой жизнью в канву современности* (National Geographic traveler апрель/май 2010, С.50); *Венеция — это скульптура, застывшая в мраморе где-то на рубеже XVIII и XX веков. Город, потерявший за последние 50 лет больше половины жителей. Город, у которого стоит поучиться любви к своему прошлому* (Geo traveler ноябрь 2009/ январь 2010, С. 112); *Auf der 52 Kilometer langen Kora, dem Ritualweg, der am Rande des Schneeuwels im Westen Tibets entlandführt, mischen sich reitende Hindus mit singenden Tibetern und neugierigen Travellern* (Reise&Preise 4/2010, S. 93); *Doch weil der meist ungestuem gegen die Felsen klatscht, statt insanften Wellen an den Strand zu spülen, blieb Gomera (die zweitkleinste Kanareninsel) die schnelle Tourismuskarriere der grossen Kanarenschwestern verwehrt* (Reise&Preise 4/2010, S. 110).

Далее следуют таксоны **Человек как биологическое существо** (видовые таксоны: поведение человека, органы и их функции, части тела, пять чувств, родственные отношения). Например: *Возьмите такси через реку с невыговариваемым названием Гвадалквивир. Своим богатством Севилья, крупнейший порт средневековья, обязана этой мутной, наполовину заросшей артерии* (Geo traveler лето 2009, С. 74); *Vom Dachpool in der 34. Etage des "Pacific Regency" bietet sich ein faszinierender Blick auf Malaysias pulsierende Hauptstadt* (Reise&Preise 4/2010, S. 63); *Lateinamerikas Herz schlägt in zwei Ländern: Peru und Bolivien* (Geosaison November 2010, S. 135).

Неживая природа (видовые таксоны: пространство и ландшафт, природные явления), **Живая природа** (видовые таксоны: животное и растение). Примеры зооморфной метафоры: *Юрмала — это породистая помесь Переделкина со старыми европейскими городами вроде Довиля. Весь немаленький, надо сказать, городок составлен из деревянных домиков постройки конца XIX — начала XX века, напоминающих то постройки американского юга, то английские поместья, то русские усадьбы* (National Geographic traveler апрель/май 2010, С. 45); *Solchen modernen Schnickschnack hat Marrakesch, die "Perle des Südens", nicht nötig. Prominente wie Michael Douglas, Brad Pitt oder Penelope Cruz umschwärmen die Stadt schon seit Jahren wie die Motten das Licht* (Urlaub perfekt 2/2010, S. 53).

В настоящей работе изучение особенностей репрезентации туристского знания в русскоязычном туристском дискурсе сопоставляется с результатами, полученными при исследовании фактического материала немецкого языка. Результаты исследования свидетельствуют о том, что в практическом туристском дискурсе наиболее активной является сфера ЧЕЛОВЕК, тогда как сфера ПРИРОДА разработана значительно слабее. Во всех дискурсах доминирует таксон **Человек как социальный субъект**, хотя в немецкоязычном дискурсе этот таксон по численности (73 %) превосходит аналогичный таксон в русскоязычном дискурсе (59 %). Сфера **Человек как биологическое существо** в обоих дискурсах является вторым по активности таксоном, причем в наибольшей степени этот таксон представлен в русскоязычном дискурсе (28 %). Менее репрезентативны метафорические модели **Неживая природа** и **Живая природа**, причем в обоих дискурсах таксон *Животное* более репрезентативен, чем таксон *Растение*.

На основании этих данных можно предположить, что метафорическое моделирование в целом обнаруживает общие тенденции концептуализации и вербализации туристского знания в обоих языках, что позволяет констатировать наличие универсальных стратегий метафоризации. Выявленные в обоих языках метафорические модели свидетельствуют об актуализации первичных и самых поздних концептов картины мира, поскольку структура **Человек как биологическое существо**, **Живая природа**, **Неживая природа**, **Человек как социальный субъект** отражает эволюцию донаучных представлений. Такая концептуальная структура объясня-

ется, вероятно, тем, что практический дискурс представляет собой прагматически ориентированный тип туристского дискурса, и его когнитивной задачей является переработка специального туристского знания для более успешного восприятия его наивными носителями языка. Метафора, представляя собой процесс осмысления нового знания посредством обращения к предыдущему опыту, служит в практическом туристском дискурсе «способом взаимодействия наивного и специального знания» [4].

Обратимся к различиям, обнаруженным при сравнении метафорических схем разноязычных дискурсов. Так, в немецкоязычном туристском дискурсе очевидно количественное превосходство таксона **Человек как социальный субъект**. В русскоязычном дискурсе наряду с таксоном **Человек как социальный субъект** доминирует таксон **Человек как биологическое существо**. Объяснение этого факта должно иметь либо культурологическое обоснование (различия в двух культурах), либо эпистемологическое (разные научные традиции, различная логика отождествления предметов). Так, исследователи в сфере туризма отмечают, что Россия включилась в мировой туризм относительно недавно и по сравнению с европейскими странами находится на стадии «первичного знакомства с миром» [5. С. 127]. Возможно, сложившиеся традиции путешествий в Германии находят отражение в дискурсе, а именно в актуализации более поздних концептов. Однако более приемлемым, по нашему мнению, является объяснение, основанное на принятой в когнитивной лингвистике наивной категоризации пространства, в частности — определении размеров объектов в соотношении с размерами человеческого тела. По-видимому, в русском языке отчетливо проявляется тенденция к использованию метафор-антропонимов для обозначения объектов. Особо внимания заслуживает применение метафор данной метафорической модели в исходной по отношению к деминуативу форме для обозначения объектов, значительно превосходящих размеры тела человека, т. е. для репрезентации пространственных концептов, «антонимичных» концептам, обозначенным деминуативами: *нос корабля, Онежская губа, горло реки, горный хребет, подошва горы, речная артерия, сердце города, нуп земли, макушка планеты*.

Таким образом, исследование метафорических моделей концептуализации в туристском дискурсе представляется научно значимым. Поскольку данный дискурс соотносится

с практическим типом человеческого знания, в нем получают отражение те способы моделирования действительности, которые носят преимущественно прагматический характер и связаны с наивными представлениями о мире.

Список литературы

1. Алексеева, Л. М. Медицинский дискурс: теоретические основы и принципы анализа / Л. М. Алексеева, С. Л. Мишланова. Пермь, 2002.

2. Баранов, А. Н. Словарь русских политических метафор / А. Н. Баранов, Ю. Н. Караулов. М., 1994.

3. Караулов, Ю. Н. Активная грамматика и ассоциативно-вербальная сеть. М., 1999.

4. Мишланова, С. Л. Метафора в научно-популярном медицинском дискурсе / С. Л. Мишланова, Т. И. Уткина. Пермь, 2008.

5. Фенько, А. Б. Туризм как показатель социального статуса // Социолог. исслед. 2007. № 2. С. 125–131.

Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 33 (248). Филология. Искусствоведение. Вып. 60. С. 24–26.

Н. Г. Асмус

УНИВЕРСАЛЬНЫЕ И УНИКАЛЬНЫЕ ЧЕРТЫ РУССКОЯЗЫЧНОГО ВИРТУАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА

Коммуникация в компьютерном формате влияет на многие аспекты речевого взаимодействия. Русскоязычное виртуальное пространство характеризуется рядом черт, заимствованных из английского интернет-языка, и уникальными особенностями российской коммуникации.

Ключевые слова: виртуальное коммуникативное пространство, русский язык, английский язык.

Коммуникацию необходимо рассматривать в контексте *коммуникативного пространства*, которое определяет способ и сферу общения, состав участников коммуникации и выбор ими средств выражения. Понятие коммуникативного пространства, введенное Б. М. Гаспаровым, призвано обозначить некую «мысленно представляемую среду», «духовный ландшафт», в который погружено высказывание и который необходим для того, чтобы создать или интерпретировать сообщение [1. С. 69]. Появление новых средств общения влечет за собой сдвиги в структуре и характере коммуникативного процесса, что неминуемо отражается и на речевом поведении участников.

История русскоязычного виртуального коммуникативного пространства охватывает гораздо меньший период по сравнению с англоязычным и поэтому характеризуется рядом черт, заимствованных из английского компьютерного обихода, и уникальными особенностями, присущими лишь российскому сетевому общению.

Англоязычный вариант не позволяет говорить о каких-либо специфических характеристиках: в нем сохраняются основные закономерности сочетания знаков разного уровня и собствен-

ный лексический аппарат, созданный с опорой на внутренние ресурсы языка.

В целом, сравнительный анализ этих двух коммуникативных пространств позволяет говорить о сформированной культуре виртуальной коммуникации в сфере англоязычного киберпространства. Определенная консервативность английского в области средств и способов образования новых лексических единиц, использование упрощенной, а не искаженной орфографии формируют и виртуальный узус.

Рассмотрим наиболее типичные особенности англоязычного сетевого общения. На лексическом уровне появление новых понятий и реалий обеспечивается прежде всего не созданием новых слов, а приращением смыслов в существующем семантическом поле. Это сохраняет статус многозначных языковых единиц и позволяет не засорять язык избыточным количеством слов. В большинстве случаев используется стилистически нейтральная лексика английского языка.

Новые значения образуются также посредством продуктивных в настоящее время словообразовательных процессов. Так, например, активно развивается аббревиация на основе начальных букв слов, входящих в состав часто употребляемых и ставших стандартными фра-

зами и выражениями: *ADN, BBS, CU, IC, LOL, IMHO* и т. д.

Отмечается также использование цифр и прописных букв, совпадающих по форме (и звучанию) с местоимениями, служебными словами или частями фонетического состава знаменательных слов. Например: *l2yu2oo4, KyleR, elmoluvsuou*. Можно утверждать, что аббревиатуры и разнообразные сокращения являются специфической чертой современного английского языка.

Виртуальная реальность как реконцептуализация действительности перенимает самые разнообразные способы выражения смыслов. Для англоязычного киберпространства в целом не свойственно нарушение норм орфографии как способа приращения смысла. Отступление от правописания и грамматических правил оформления синтагм может исказить смысл сообщения без возможности его восстановления, поэтому коммуникант часто прибегает к использованию варианта, уже имеющегося в словарном составе языка, но включенного в перечень жаргонной и просторечной лексики. Слово может быть легко восстановлено посредством сопоставления фонемного состава правильного и искаженного вариантов написания. Для сравнения рассмотрим соотношение следующих лексических единиц: *because — cos, welcome — welcum, got to — gotta, u — you*.

Для англоязычной компьютерной коммуникации не характерен многократный повтор буквенных символов вне междометий и вводных конструкций. Эмотивная и экспрессивная информация в большей мере выражается имплицитно, посредством неполных синтаксических конструкций, знаков препинания и графических объектов. Подтекст и коннотация «намека» выражены в значительной мере, например:

Jabba: *nothing... but we r having a discussion... so if u don't mind.... I just said my opinion... DoN't WOrry... BE HapPY...*

Англоязычная виртуальная коммуникация тяготеет к целостному выражению мысленного комплекса в одной реплике, т. е. без разбиения на несколько формальных сообщений, что наблюдалось при изучении особенностей речевого взаимодействия в сети, обслуживаемой русским языком. Даже сложные смысловые блоки сохраняют свою завершенность в единой реплике. Для английского языка не характерно построение сообщений посредством дополняющих друг друга отдельных реплик.

Например: *Real Estate with 50K you can secure a good amount of property under market value with*

a mroe stable a much highger return than 4% like the other guy was talking about, real Estate you can control, stock markets you cant, i want control i put my money in real estate.

Нарушения языковой нормы фактически перенесены из письменной формы жаргона, используемого в реальной действительности, и не имеют коннотации сетевого происхождения.

В качестве важной особенности отметим использование упрощенной орфографии. Как видно из приведенного выше примера, все сообщение помещено в рамки одного предложения, части которого как отдельные законченные мысли отделяются друг от друга запятыми.

В сравнении с англоязычной межличностной виртуальной коммуникацией русский язык характеризуется широким использованием языковых знаков для выражения психических состояний, комментирования эмоциональных переживаний.

В приводимом ниже диалоге можно выделить такие составляющие общей тематической сетки, как «единое пространство», «ощущение одиночества», «настроение грусти», «эмоциональная поддержка», «оказание помощи», «ориентировка на собеседника».

УЛИТКА: *Люди, ay!...*

XeLaR: **УЛИТКА:** *приветики*

УЛИТКА: **XeLaR:** *Привет!*

XeLaR: **УЛИТКА:** *что, не пишет никто?*

УЛИТКА: **XeLaR:** *Ага...Тоскливо так...*

XeLaR: **УЛИТКА:** *а что так?... настроение? погода?*

УЛИТКА: **XeLaR:** *Не общается никто потому что...*

XeLaR: **УЛИТКА:** *а ты где?*

УЛИТКА: **XeLaR:** *Я здесь, жду вопросов...*

В физическом смысле виртуальное пространство задается самой сетью — множеством каналов общения, однако суть его не в физической основе, а в его одушевленности, заполненности голосами. Звучание голосов переводится в визуальный код — экран расцветивается разноцветными строчками, громкость передается размером шрифта. При этом сохраняется ощущение звучащей речи: *“кричите на асю..”, “что орёшь?”, “а что это все замолчали?”, “какая трагедия ?-) Я буду рыдать”*. **Ashley:** *отошла ненадолго (18:00:22), шепчет.*

Отсутствие непосредственного контакта между собеседниками дает возможность коммуникантам сообщать о себе информацию, заведомо не соответствующую действительности. Случаи намеренного сокрытия своей внешности

немногочисленны в англоязычной виртуальной коммуникации и широко распространены в российских компьютерных сетях.

Анонимность обеспечивается, во-первых, за счет активного использования псевдонимов, или ником и, во-вторых, возможностью сконструировать свой собственный мир, который не похож на реальный, но точно отвечает запросам, вкусам и интересам участников. Цвет текста сообщений партнера по коммуникации не только создает отдельную коммуникативную линию в речевом взаимодействии, но и выполняет функцию источника невербально выражаемой информации.

...В@ЛЕНТИНК@ [!! шепнул !!] @ShatenKa@: а ты что свет сменила? (15:09:22)

...В@ЛЕНТИНК@ [!! шепнул !!] @ShatenKa@: тот мне больше нравился (15:09:50)

...@ShatenKa@ [!! шепнул !!] В@ЛЕНТИНК@: надоел (15:10:04)

Англоязычные пользователи предпочитают классическое монохромное цветовое оформление текста, так как это традиционно устоявшийся вариант, который позволяет экономить усилия при наборе текста.

При выборе виртуального псевдонима представители англоязычной культуры не заменяют свое реальное имя совсем (55 %) либо замещают его каким-либо ассоциируемым фактом или явлением (28 %). Русскоязычные участники общения поступают с точностью до наоборот: обычно выбирают те ники, которые не совпадают с их реальным именем (77 %), гораздо реже — те, которые полностью с ним совпадают (23 %). Следует отметить, что замена ником рядом случайно выбранных символов или целой фразой/предложением более характерна для английской виртуальной коммуникации.

Образование компьютерной терминологии и жаргонной лексики в русском языке происходит путем передачи звучания английского слова средствами родного языка, т. е. посредством транскрибирования. Впоследствии полученное наименование может подвергнуться изменениям, связанным с народной этимологией или иными факторами социального характера. Например, «батонны» «button» — «клавиша», перевод в форму множественного числа осуществлен согласно правилам русского языка, что указывает на его комбинаторный межъязыковой характер. «Драйвер» было преобразовано в слово «дрова», что также обусловлено сходным звучанием.

Среди способов образования компьютерных жаргонизмов можно также отметить широкое использование усечения слов и эллипса («вин-

да», «винт» от англ. «windows», «бластер» от англ. «Sound Blaster»), транслитерацию («гамер» от англ. «gamer»), а также аффиксацию на основе англоязычных корней с присоединением русских суффиксов («коннектиться» от англ. «connect»), «кликать» от англ. «click», «апгрейдится» от англ. «upgrade», «зазиповать» от англ. «zip»).

Отдельно следует рассматривать группу заимствованных сокращений и аббревиатур. В русском языке такие элементы, как «лол» (от англ. «lol»), «имхо» (от англ. «imho») и пр., подвергаются вторичным процессам субстантивации. В этом случае они приобретают морфологические свойства существительного и обозначают абстрактные явления, отражающие эмоционально-волевые состояния.

Слова русского языка могут приобретать новые значения посредством метафорического наименования явлений, связанных с устройством и работой компьютера. К таким метафорам относятся: «камень», «качать», «кривой», «висеть», «болванка», «доска» и т. д.

Русскоязычные новообразования сокращений в гиперпространстве, в отличие от английского языка, редко образуются по типу аббревиатуры. Чаще всего в их состав входят согласные буквы корневой морфемы сокращаемого слова, либо видоизмененная корневая морфема в целом. Примером могут служить следующие сочетания: «спс» (от «спасибо»), «здр» (от «здравствуй»), «прива» (от «привет»), «дос» (от «до свидания») и т. д.

На основе рассмотренных примеров вербальных и невербальных проявлений межличностной коммуникации в русскоязычном киберпространстве, можно сделать вывод, что существует ряд универсальных (заимствованных) и специфических черт компьютерного речевого взаимодействия, осуществляемого носителями русского языка.

Список литературы

1. Гаспаров, Б. М. Язык. Память. Образ. Лингвистика языкового существования. М. : Нов. лит. обозрение, 1996.
2. Ермакова, О. И. Особенности компьютерного жаргона как специфической подсистемы русского языка [Электронный адрес]. URL: <http://www.dialog-21.ru>
3. Землянова, Л. М. Зарубежная коммуникативистика в преддверии информационного общества: Толковый словарь терминов и концепций. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1999.
4. Wallace, P. The Psychology of the Internet. United Kingdom : Cambridge University Press, 1999.

ОЦЕНОЧНАЯ МОДАЛЬНОСТЬ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Статья посвящена анализу оценочной модальности в профессиональной коммуникации. На примере русских и английских фразеологизмов показана сложность природы и структурирования оценки различных аспектов профессиональной деятельности.

Ключевые слова: модальность, оценочная модальность, критерии оценки, профессиональная деятельность.

Модальность рассматривается как категория, выражающая отношение субъекта речи к сообщаемому и сообщаемого к действительности. Выбираемые субъектом для обозначения элементов ситуации языковые средства существуют в сознании индивида косвенно, в виде образов, эталонов, которые субъективно фиксируются в его опыте.

Являясь единицей семантического компонента языка, модальность существует в сознании индивида в виде образов-эталонов, закрепленных в его опыте и реализующихся в речевой практике.

Оценочная модальность в профессиональной коммуникации предполагает субъективно-групповую квалификацию, характеристику объекта речи с точки зрения системы ценностей представителя той или иной профессиональной деятельности. При сравнении объекта речи с идеализированной моделью определенного вида профессиональной деятельности — через совокупность качественных признаков данного объекта, при выявлении соответствия/несоответствия объекта стандарту, норме, идеалу профессионального продукта или поведения с течением времени формируются устойчивые языковые средства, которые затем воспроизводятся как профессионалами, так и непрофессионалами. К таким средствам можно отнести фразеологизмы, содержащие оценку различных аспектов профессиональной деятельности.

С помощью косвенно-производной номинации в языке получают закрепление прежде всего те фрагменты человеческого опыта или знания, которые важны как для профессионалов, так и для непрофессионалов. При этом внутренняя форма подобных фразеологизмов, отражающих особенности профессиональной деятельности, служит источником активизации метаязыкового знания всех представителей лингвокультуры.

Фразеологизмы, выражающие характеристики профессиональной деятельности, могут вер-

бализировать оценку как со стороны профессионала, так и со стороны этноязыкового коллектива, что находит отражение во внутренней форме рассматриваемых фразеологизмов.

Непосредственно в профессиональной среде (в профессиональной коммуникации) возникли и затем стали общим достоянием носителей языка следующие фразеологизмы английского и русского языков:

обработка дерева — *бить баклуши, топорная работа, точить балясы, через пень-колоду валить*;

кузнечное дело — *hammer out, too many irons in the fire*;

металлообработка, ювелирное дело — *тянуть канитель, филигранная работа*;

рыболовство/морское дело — *мутить воду, брать/взять на буксир, стоять на вахте, be in the doldrums, in the swim, full steam/speed ahead, swing the lead*;

военное дело — *пороху не хватает, come up/rise through the ranks, come the old soldier, hit the ground running, step into the breach*;

связь — *на всю/полную катушку*;

врачебное дело — *лодырем ходить, гонять лодыря*;

юридическое дело — *do oneself justice*;

бухгалтерское дело — *в ажуре*;

политика — *an elder statesman, climb/jump on the bandwagon*;

экономика — *have/put skin in the game*;

государственная служба — *дело в шляпе/wanke*;

транспорт — *asleep at the switch/wheel, build/get/work up a head of steam, get up steam, hit the buffers*;

торговля — *вставлять/вставить палки в колеса кому-либо*;

телевидение, радио — *come on like gangbusters*;
театральное/цирковое искусство — *разводить бодягу, get off the dime, hard/tough act to follow, jump through hoops, one-man show/band*;

музыкальное искусство — *lose one's touch, play it by ear, pull out all the stops*;

спорт — *also-ran, bat a thousand, carry the ball, jump in with both feet/into the ring, jump the gun, make the running, play the game, rest/lay on your oars, ride in tandem with, win on points* [1–9].

Фразеологизмы *лежать на боку, на печи, на печке, валять дурака, плевать в потолок, сидеть сложа руки* и др. / *wear/work your fingers to the bone, roll your sleeves up, go to great lengths to do sth, etc.* возникли в обиходно-бытовой среде, но применимы к оценке профессиональной деятельности (с точки зрения содержания труда, типичного отношения к труду и т. д.) [1–9].

Кроме того, для оценочной модальности в профессиональной коммуникации, вербализованной фразеологизмами, характерна фокусировка внимания на определенном фрагменте реальной действительности, его участниках и их отдельных признаках. Согласно определенным критериям оценивания профессиональной деятельности: общественная польза труда, созидательный характер, отношение к физическому труду, радение (ответственность) работника, результативность, качество труда, его сложность, наличие квалификации работника, творческий подход к труду — оценочные знания о профессиональной деятельности человека структурируются в тот мыслительный образ стереотипной ситуации в рамках профессиональной деятельности, который находит отражение в рассматриваемых фразеологизмах.

Например, фразеологизм английского языка *beat the bushes* (AmE) — *try very hard to find, obtain or achieve sth* [8. С. 20] содержит положительную оценку старательного работника, добивающегося реализации поставленной профессиональной задачи. Оценочная модальность возникла по критериям «Радение (ответственность) работника» и «Результативность труда». Такие критерии оценки профессиональной деятельности, как «Наличие квалификации работника» и «Качество труда», представлены фразеологизмом русского языка *через пень-колоду валить* — (разг., неодобр.) *делать что-л. неловко, неумело, кое-как* [5. С. 493].

Таким образом, оценочная модальность или субъективная характеристика объекта речи в профессиональной среде имеет сложную структуру. Элементы конкретного профессионального опыта получают оценочное переосмысление, *что фиксируется средствами косвенно-производной номинации, а затем транслируются в общекоммуникативное пространство. Однако имеет место и обратный процесс, при котором элементы обиходно-бытового опыта, подвергшись действию когнитивных процессов метафоризации и метонимизации, применяются для оценки профессиональной деятельности.*

Оценочная модальность в профессиональной коммуникации, вербализованная фразеологизмами, не носит обобщенный характер, а осуществляется по определенным критериям оценки различных аспектов профессиональной деятельности.

Список литературы

1. Алефиренко, Н. Ф. Фразеологический словарь: Культурно-познавательное пространство русской идиоматики / Н. Ф. Алефиренко, Л. Г. Золотых. М.: Элпис, 2008. 472 с.
2. Бирих, А. К. Русская фразеология. Историко-этимологический словарь: ок. 6000 фразеологизмов / А. К. Бирих, В. М. Мокиенко, Л. И. Степанова. М.: Астрель: АСТ: Люкс, 2005. 926 с.
3. Жуков, А. В. Лексико-фразеологический словарь русского языка. М.: Астрель: АСТ, 2007. 603 с.
4. Жуков, В. П. Словарь фразеологических синонимов русского языка / В. П. Жуков, М. И. Сидоренко, В. Т. Шкляр. М.: Рус. яз., 1987. 448 с.
5. Мелерович А. М. Фразеологизмы в русской речи. Словарь / А. М. Мелерович, В. М. Мокиенко. М.: Рус. словари: Астрель, 2001. 856 с.
6. Cambridge International Dictionary of idioms. Cambridge University Press, 1998. 587 p.
7. Oxford Dictionary of Idioms / ed. by Judith Siefring. Second edition. 2004. 340 p.
8. Oxford Idioms Dictionary for learners of English. Oxford University Press, 2006. 470 p.
9. The American Heritage Dictionary of Idioms / Christine Ammer. 1997. 1191 p.

ГИПЕРБОЛА В СПОРТИВНОМ ЯЗЫКОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ (на материале немецкого языка)

В статье рассматривается специфика проявления гиперболы в спортивном дискурсе. Показывается, что гипербола занимает особое место среди стилистических приемов, используемых участниками спортивной коммуникации, проникая практически во все жанры. Выявляются семантические, словообразовательные, синтаксические модели создания гиперболических выражений.

Ключевые слова: спортивный дискурс, гипербола, модели гиперболических выражений.

Изучение выразительных возможностей языка продолжает оставаться одним из магистральных направлений современной лингвистической парадигмы. Когнитивно-дискурсивный подход, получивший признание в научном сообществе в силу заложенного в нем глубокого интегративного и интерпретативного знания, существенным образом расширил границы исследовательского пространства и стимулировал обращение к ментальным, культурологическим, семиотическим, аксиологическим основаниям определенного типа коммуникации, в котором для достижения прагматических целей используются различные стилистические средства и приемы.

Гипербола как прием выразительности и «иллокутивный усилитель» (по М. Я. Гловинской [1]) характерна для различных дискурсивных пространств. Задача настоящей работы заключается в том, чтобы показать специфику проявления гиперболы в наименее изученной сфере профессиональной коммуникации — немецком языке спорта. Спортивный дискурс представляет собой сложное многомерное образование со свойственным ему набором конституирующих признаков, системой базовых концептов, стратегиями коммуникативного поведения участников. Он характеризуется жанровым многообразием и включает такие, например, субдискурсы, как дискурс спортсменов одиночных видов спорта, дискурс спортсменов игровых видов спорта, дискурс болельщиков, дискурс судей, медийный дискурс и др. В нашем исследовании репрезентантами дискурсов выступают тексты, продуцируемые участниками коммуникации о спорте.

Популярность спорта определяется его зрелищностью, социальностью, открытостью, эмоциональностью, динамизмом и непредсказуемостью результатов. Спорт выполняет солидаризирующую функцию: спортивное событие способно объединить большие группы людей, в спорте проявляются национальная идентичность, культурные стандарты, ценностные аспекты нацио-

нального образа мира. В коммуникацию о спорте вовлекается все большее количество языковых личностей, которые имеют разные коммуникативные намерения, по-разному эти намерения вербализуют и тем самым непосредственно или опосредованно влияют на концептуальное и лингвистическое оформление дискурса. В связи с этим возникает особый интерес к «языковому поведению» и «семантической роли» в границах отдельно взятого дискурса общезыковых универсалий, к числу которых относится и гипербола.

На особый статус гиперболы в немецком языке спорта указывалось во многих работах зарубежных ученых, однако их выводы делались в основном только по спортивным репортажам, освещавшим самый популярный вид спорта в Германии — футбол. Харальд Данкерт определил гиперболизацию речи в спортивном репортаже как один из основных принципов построения данного текстотипа. Примечательно, что самому ученому, рассматривающему гиперболу в свете метанаучной рефлексии, не удается избежать метафорической гиперболы. Ср.: «Das durchgängige Prinzip der Sportberichterstattung ist ... die *Flucht* in die *Hyberbolik*» [4. S. 65].

В отечественном научном дискурсе работ, посвященных проблемам проявления гиперболы в немецком спортивном дискурсе, чрезвычайно мало (см., например [3]). В большинстве исследований авторы касаются этой темы вскользь, как правило, в связи с описанием когнитивной метафоры в рамках отдельно взятого субдискурса. В нашей статье зона охвата значительно увеличена: помимо примеров из медийного дискурса, анализируются гиперболические высказывания спортсменов, тренеров, привлекаются малоосвоенные текстотипы «текстовые онлайн-трансляции», «интернет-форумы спортивных болельщиков», «спортивные мемуары субъектов спорта, которые завершили спортивную карьеру».

Узкие рамки статьи не позволяют представить полную картину «гиперболизации» спортивного дискурса, ограничимся наиболее яркими примерами, репрезентирующими спортивную тематику. В спортивном дискурсивном пространстве гипербола активно функционирует в зоне синкретизма: она сочетается с другими стилистическими приемами, придавая им соответствующую семантику. Гиперболическое значение может реализовываться по моделям семантических переносов метафоры, сравнения, эпитета. Базовый инвентарь основных профессиональных случаев употребления гиперболических высказываний выглядит следующим образом:

Оценка действий команды и отдельных спортсменов

*Die Genuesen waren dank Pazzini und Sturmpartner Antonio Cassano kaum zu halten und brannten ein **Offensivfeuerwerk** ab. / Auch in punkto Treffsicherheit ist die **Torfabrik** der Borussia ebenfalls das Maß aller Dinge. / Von Podolski hatte Löw eine **Leistungsexplosion** bei der WM erwartet. / So schlecht hat eine deutsche Mannschaft zuletzt **in der Urzeit geschossen**, sagte Disziplin-Trainer Gerald Höniг verärgerт. / Deutsche **kämpfen bis zum Umfallen**. / Im 4:0 über Australien feierte Klose seine **Auferstehung** — aber vor allem die Jungen brillierten.*

Характеристика отдельных эпизодов спортивных соревнований

*In der 66. Minute hatten die Gäste die Partie gedreht: Borowski flankte auf Luca Toni, der einmal mehr **goldrichtig** stand. / In diesem heiß umkämpften Spiel gab es **todsichere Torchancen** auf beiden Seiten...*

Эмоциональная атмосфера на спортивных аренах

*...tausende Fans sorgen für **Gänsehaut-Stimmung** an der Strecke. / In der Besetzung Christoph Stephan, Alexander Wolf, Arnd Peiffer und Michael Greis beendete das deutsche Quartett seine fünfjährige Flaute und verwandelte die DKB-Skiarena am Grenzadler trotz zweistelliger Minusgrade in einen **Hexenkessel**.*

Эмоции спортсменов, тренеров, болельщиков
*Startläufer Stephan erlebte auf seinen 7,5 Kilometern ein **Wechselbad der Gefühle**. / Ich übernehme die Verantwortung. Für mich **stürzt eine Welt zusammen**. (Kramers Coach Gerard Kemkers nach seinem verhängnisvollen Fehler) / **Ich stelle mich hier an wie der erste Mensch. Es ist unglaublich, dass wir mit dieser Riesengrütze immer noch so schnell sind.** (Bob-Pilotin Sandra Kiriasis nach den ersten beiden verkorksten Läufen).*

Следует заметить, что в некоторых случаях зачисление того или иного выражения в разряд гиперболы зависит от точки зрения на него; иногда она рассматривается как «adäquate Ausdrucksform» (по Х. Данкерту), поскольку многое из того, что передается гиперболически, оказывается правдоподобным, действительным, не оторванным от реальности (например, рекорды, сенсационные победы, выдающиеся индивидуальные и командные показатели, достигаемые за счет максимальных физических усилий, и т. п.). В таких контекстах гипербола ощущается только по «внешнему оформлению» выражения, в то время как сам по себе факт из области спорта не является преувеличением. Большинство подобных высказываний также строится на использовании готовых, имеющихся в языке средств или моделей:

*Er ist zu einer echten Spieler-Persönlichkeit gereift und hat **enorm** an Ausstrahlungskraft gewonnen — auch dank Louis van Gaal, der ihn ins zentrale defensive Mittelfeld beordnete. / Beim Ruderkampf wird **verbissen um jeden Meter und um jede Sekunde** gekämpft. / Michael Schumacher lieferte in Yeongam vielleicht sein bestes Saisonrennen ab, während Nico Rosberg eine **Riesenchance** geraubt wurde. / Vor allem im ersten Drittel waren die Gastgeber **turmhoch überlegen**.*

На основании проведенного анализа примеров можно заключить, что в спортивном дискурсе сформировался достаточно устойчивый набор гипербол, которые регулярно используются в спортивной коммуникации разными участниками применительно к различным аспектам спорта и связанным с ним «околоспортивным» концептам. Гипербола направлена в основном на максимальное увеличение иллокутивной силы речевого акта, проявляющееся в стремлении создать у окружающих преувеличенное представление о сильных сторонах одного спортсмена (команды) и слабостях другого, уникальности достигнутых результатов, недостижимости рекордсменов, особом, ни с чем не сравнимом эмоциональном накале на спортивных площадках и т. п.

Большинство профессиональных гипербол воспроизводится в готовом виде, они легко узнаваемы, их смысл декодируется без особого интеллектуального напряжения. Окаasionальные гиперболы либо переходят с течением времени в разряд узуальных, либо «отсеиваются» коллективным сознанием и утрачивают свою стилистическую ценность.

В спортивном языковом пространстве задействован гиперболический потенциал раз-

личных частей речи, семантика преувеличения может выражаться одной лексемой, словосочетанием, одним или несколькими предложениями.

Многостороннее изучение гиперболы в сфере профессиональной коммуникации дает возможность получить новое знание о стратегиях и тактиках профессионального речевого общения, способах репрезентации прагматических смыслов, содержательном наполнении универсальных и «профессиональных» концептов, функционировании категории оценки, основных семантических принципах языка и пр. «Профессиональная» гипербола позволяет также почувствовать своеобразие ассоциативно-образного мышления носителей языка, определить некоторые особенности когнитивного стиля «агентов» и «клиентов» дискурса в процессе модализации речи.

Список литературы

1. Гловинская, М. Я. Скрытая гипербола как проявление и оправдание речевой агрессии // Сокровенные смыслы: Слово. Текст. Культура : сб. статей в честь Н. Д. Арутюновой. М. : Языки славян. культуры, 2004. С. 69–77.
2. Крысин, Л. П. Гипербола в русской разговорной речи // Русское слово, свое и чужое: Исследования по современному русскому языку и социолингвистике. М. : Языки славян. культуры, 2004. С. 244–261.
3. Поликарпова, Е. В. Гипербола в современном немецком языке (лексикологический аспект) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1990. 16 с.
4. Dankert, H. Sportsprache und Kommunikation. Untersuchungen zur Struktur der Fußballsprache und zum Stil der Sportberichterstattung. Tübingen : Tübinger Vereinigung für Volkskunde E. V. Tübingen Schloss, 1969. 175 s.

Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 33 (248). Филология. Искусствоведение. Вып. 60. С. 31–33.

Е. Б. Берг

СУДЕБНО-ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА: ТРЕХЪЯЗЫЧНЫЙ ДИСКУРС

Статья посвящена проблеме профессионального общения в сфере лингвистической экспертизы. Автор выделяет три языка в данной области: язык лингвистического профессионального знания, язык правового профессионального знания и язык обыденного сознания. Делается вывод относительно необходимости предпочтения языка профессионального знания.

Ключевые слова: *судебно-лингвистическая экспертиза, юридический дискурс, профессиональное знание, правовая культура.*

С точки зрения права судебно-лингвистическая экспертиза — одна из разновидностей судебных экспертиз, представляющая собой лингвистический анализ текста, проводимый с целью решения правовых вопросов в судебном порядке. Нормативную базу экспертной деятельности составляет Конституция Российской Федерации [4], Федеральный закон от 31 мая 2001 г. «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» [8], Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации [3], Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации [7], Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации [1]. Для проведения судебно-лингвистической экспертизы привлекаются лица, обладающие специальными познаниями в области науки о языке.

С языковедческой точки зрения судебно-лингвистическая экспертиза представляет собой разновидность юридического дискурса, профессиональная коммуникация в которой осуществляется на нескольких языках.

Представляется, что разделение на языки, функционирующие в экспертной деятельности, и в том числе в экспертной деятельности лингвиста, напрямую связано с типом сознания, актуализированным на той или иной стадии проведения судебно-лингвистической экспертизы. Представляется, что основными языками экспертной деятельности лингвиста являются 1) язык выражения профессионального знания в области науки о языке, 2) язык выражения профессионального знания в области правовой науки, 3) язык обыденного сознания. При этом язык

обыденного сознания, казалось бы, не востребованный в профессиональной экспертной деятельности, используется весьма активно и находится в постоянном столкновении с языками профессионального знания. Первая форма такого столкновения проявляется в наличии профессионального знания об одной научной области и его отсутствии в отношении других областей, что обнаруживается, в частности, в процессе работы эксперта, являющегося специалистом в области языка и, как правило, неспециалистом в других профессиональных областях, в том числе в сфере права.

В соответствии с нормативными предписаниями, наличие правовых знаний эксперту-лингвисту не требуется, однако зачастую незнание норм права и недопонимание их сути приводит к восприятию и применению их на уровне обыденного сознания, что снижает качество лингвистической экспертизы. В связи с этим лицу, занимающемуся проведением судебно-лингвистических экспертиз, объективно необходимо знание нормативной базы как по вопросам, касающимся собственно проведения экспертизы, так и по связанным с ней правовым вопросам. Так, в заключении экспертизы, проведенной в 2009 году, написано: «Эксперту были разъяснены права, предусмотренные ст.77 ГПК РСФСР». При этом с 1 февраля 2003 года (в течение шести лет на момент написания экспертного заключения) действует новый Гражданский процессуальный кодекс РФ. Обращение к устаревшей нормативной базе обнаруживает некомпетентность эксперта.

Столь же неуместна в экспертном заключении ссылка на Комментарий к Уголовному кодексу РФ при решении вопроса об умалении чести, достоинства и деловой репутации гражданина: этот вопрос разрешается в гражданском процессе. Еще одной ошибкой, также основанной на недопонимании сути правовых вопросов и часто встречающейся в экспертных заключениях лингвистов, является ответ не по существу поставленного перед экспертом вопроса, либо приведение больших фрагментов информации, не имеющей непосредственного отношения к вопросу. Несмотря на то что экспертное заключение обязательно должно включать в себя исследовательскую часть, содержание исследования должно быть лаконичным и написанным доступным для нелингвиста языком. Ведь экспертиза назначается именно для того, чтобы неясные для неспециалиста, но существенные для рассмотрения дела вопросы были разъяснены специалистом в соответствующей области зна-

ния. Поэтому даже достоверное, но избыточное научное объяснение может перегрузить текст заключения и стать препятствием для его понимания. Суд ищет ответ на вопросы, изучение которых требует применения специальных познаний. Пространные рассуждения в таком тексте неуместны: текст экспертного заключения — не научная статья.

Профессиональный подход, обеспечивающий полноценную коммуникацию на языке профессионального знания и, как следствие, гарантирующий качественное проведение лингвистической экспертизы, требует соблюдения соответствия содержания исследования специализации эксперта. Как правило, во вводной части экспертного заключения указывается среди прочего и ученая степень эксперта. Но наименование степени — «кандидат филологических наук» или «доктор филологических наук» — имеет общий характер и никакой информации о специализации эксперта не содержит. Согласно Номенклатуре специальностей научных работников, утвержденной приказом Министерства образования и науки Российской Федерации от 25.02.2009 № 59 [5], к филологическим наукам относятся 16 разных научных специальностей: 10.02.01 — Русский язык, 10.02.19 — Теория языка, 10.02.22 — Языки народов зарубежных стран Европы, Азии, Африки, аборигенов Америки и Австралии, 10.02.14 — Классическая филология, византийская и новогреческая филология, 10.01.09 — Фольклористика и др. Кроме того, в каждой научной специальности есть множество направлений специализации. Учет этой специализации обязателен при назначении экспертизы. Результатом попыток проводить экспертные исследования «на всех фронтах» становится, безусловно, низкое качество экспертного заключения, вызывающее, с одной стороны, ухудшение репутации эксперта, а с другой, что еще более опасно, — подрыв доверия к лингвистической экспертизе как таковой.

Другая форма проявления столкновения языка профессионального знания и языка обыденного сознания связана с общением эксперта-лингвиста как носителя профессионального знания с участниками процесса, не обладающими специальными лингвистическими знаниями.

Эксперту приходится подстраховываться и даже перестраховываться по поводу возможных некомпетентных возражений нелингвистов. Часто такие возражения противоречат научным данным и даже здравому смыслу, но они выдвигаются, и лучше по возможности предупредить

их. Например, приведенным экспертом словарным данным противоположная сторона противопоставляет свои — из «словаря Даля», не понимая особенностей Толкового словаря живого великорусского языка, увидевшего свет в 1863–1866 году (первое издание) и являющегося одним из первых опытов областного словаря. Такое же неразличение языковой синхронии и диахронии фигурирует и в опровержениях позиции эксперта, основанных на обращении неспециалиста к этимологическим словарям. Так, разъяснение эксперта, что слово «мразь», публично употребленное в адрес сотрудника правоохранительных органов, является оскорбительным, защитой подсудимого было воспринято негативно, возражения были обоснованы следующим образом: «В этимологическом словаре написано, что слово «мразь» происходит от старославянского «мръзъ» — «мороз, холод». Следовательно, оскорбительным оно не является и являться не может». Очевидно, что подобные рассуждения далеки от научных.

Так же нелепы претензии к тому, что эксперт пользовался словарями, не вошедшими в «список грамматик, словарей и справочников, содержащих нормы современного русского литературного языка при его использовании в качестве государственного языка Российской Федерации» (утвержден приказом № 195 Минобрнауки [6] и зарегистрирован в Министерстве юстиции Российской Федерации в августе 2009 года).

Избежать оспаривания экспертного заключения невозможно, так как состязательность — один из принципов судебного процесса. Однако необходимо стремиться сократить количество поводов, способных вызывать активные возражения. Так, при необходимости приведения словарных данных целесообразно учитывать год издания словаря: иногда бывает проще сослаться на позже вышедший словарь, чем объяснять негативно настроенному неспециалисту, что Словарь русского языка под редакцией С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой, изданный в 1997 году, ничем не отличается от того же словаря 2004 года, так как эти издания стереотипные.

К сожалению, многие юристы, как никому не известные, так и имеющие широкую известность (так, А. Н. Баранов приводит в пример российского адвоката Генри Резника [2. С. 18]) полагают, что лингвистическая экспертиза не нужна вообще, так как носители русского язы-

ка могут самостоятельно разобраться в языковых вопросах и тратить массу усилий на никому не нужную работу незачем. Ошибки экспертов и даже небольшие недочеты в их работе укрепляют юридический мир во мнении о ненужности лингвистической экспертизы.

Подводя итог, необходимо отметить, что качество экспертного исследования зависит от соотношения языков, участвующих в профессиональной коммуникации. Если при проведении судебно-лингвистической экспертизы язык обыденного сознания будет доминировать над языком профессионального знания, то упомянутое представление о ненужности лингвистической экспертизы будет активно распространяться. И наоборот, чем чаще языки — выразители профессионального знания — будут превосходить в профессиональных ситуациях язык обыденного сознания, тем меньше будет поводов для критики каждого конкретного экспертного заключения и тем лучше будет для лингвистической экспертизы как вида деятельности в целом и, как следствие этого, для поддержания правового равновесия и высокого уровня правовой культуры общества.

Список литературы

1. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 27.04.01 № 95-ФЗ.
2. Баранов А. Н. От слов — к делу // Поиск. 2008. 14 нояб. С. 10, 18.
3. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.02 № 138-ФЗ.
4. Конституция РФ (принята всенародным голосованием 12.12.93).
5. Приказ Министерства образования и науки Российской Федерации от 25.02.09 № 59 «Об утверждении Номенклатуры специальностей научных работников».
6. Приказ Министерства образования и науки Российской Федерации от 08.06.09 № 195 «Об утверждении списка грамматик, словарей и справочников, содержащих нормы современного русского литературного языка при его использовании в качестве государственного языка Российской Федерации».
7. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.01 № 174-ФЗ.
8. Федеральный закон от 31.05.01 № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации».

НАЦИОНАЛЬНЫЙ КОМПОНЕНТ В ФАРМАЦЕВТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ (на примере российской номенклатуры лекарственных средств)

Проблема номинации лекарственных средств является важной частью фармацевтического дискурса. Статья посвящена осмыслению национального компонента в названиях лекарственных средств, который позволяет пациентам определить их назначение. Подобный тип номинации рассматривается как альтернатива к традиционному использованию греко-латинских терминологических элементов.

Ключевые слова: фармацевтический дискурс, лекарственное средство, номенклатура.

В современной лингвистике понятие дискурс определяется как речь, «погруженная в жизнь» [1. С. 137; 4. С. 230–232], следовательно, аспекты функционирования текста и дискурса в социальной среде играют не меньшую роль, чем собственно языковые средства. Фармацевтический дискурс (ФД) представляет собой «особый культурный код, организующий когниолингвистическое пространство, связанное с производством и потреблением лекарственных препаратов» [3. С. 40].

Проведенное Э. А. Коржавых исследование фармацевтической лексики доказывает, что специфические, наиболее значимые и употребляемые в фармации лексические единицы (под которыми понимаются слово, словосочетание или аббревиатура) — это *лекарство*, *лекарственное средство* (ЛС) и терминологический элемент *фармако-* (от греч. *pharmakon* «лекарство») [5. С. 13]. Следовательно, номенклатура лекарственных средств (НЛС) — одна из важных составляющих фармацевтического дискурса, наиболее динамично развивающаяся часть фармацевтической терминологии.

Ежегодно фармацевтический рынок пополняется сотнями товарных знаков, названия которых должны информировать потребителя о терапевтических свойствах нового лекарства и отличаться от уже известных патентованных названий ЛС.

Метаязыком ФД является латынь, на которой базируется терминология и номенклатура ботаники, фармхимии, микробиологии, фармакологии, патологии и других дисциплин фармации. Максимально полно этот метаязык реализуется в таком жанре фармацевтического дискурса, как рецепт на лекарственный препарат. «Именно латынь выступает отличительным семиотическим маркером фармацевтического дискурса, — отмечает Г. П. Булова. — Латинский язык выступает метаязыком массива медико-фармацевтических текстов, отобранных по существенному качественному признаку, имеющему прагматический характер, так как латынь, в качестве специ-

ализированной семиотической системы, призвана обслуживать и формировать понятийно-терминологический аппарат конкретной сферы человеческой деятельности — фармации» [3. С. 29].

Рецепт — это письменное обращение врача к фармацевту, начинающееся словом *recipe* («возьми») и заканчивающееся словом *signa* («обозначь»). Всё «пространство рецепта» между этими двумя глаголами исторически писалось на латинском, и только сигнатура (часть, следующая за словом *signa*) — на национальном (родном для пациента) языке.

Из самой структуры рецепта выявляются основные участники ФД: врач (выписывающий рецепты), фармацевт (провизор) и пациент (больной, потребитель ЛС), при этом первые двое выступают как представители социально-профессиональной группы, последний — как клиент.

«В целом в русском ФД отмечается жесткая регламентированность и государственный контроль в вопросах выбора и предпочтений того или иного названия лекарственного средства, что свидетельствует о социальной детерминированности ФД, о его социолингвистическом статусе и ярко выраженной социопрагматичности. В соответствующих документах (метаязыковой аспект ФД) прямо указывается на то, что название лекарственного препарата является частью медицинской терминологии и, по своей сути, призвано помогать специалистам (медицинским и фармацевтическим работникам) и потребителям однозначно идентифицировать различные по составу и действию препараты» [3. С. 38]. Исторически этимология названия лекарственного средства была понятна двум первым участникам дискурса, это своеобразный семантический код, объединение в общее вербальное пространство, из которого пациент, не обладающий специальными навыками (знанием латыни) был исключен.

Такой была ситуация, пока получение лекарственного средства было напрямую связано с наличием у больного рецепта.

За последние десятилетия изменились условия и принципы профессиональной коммуникации врачей, фармацевтов, пациентов. Произошло расширение фармацевтического рынка, средства массовой информации изобилуют рекламой ЛС; повысилась медицинская грамотность (или, по крайней мере, информированность) населения. Всё большее количество лекарств продается без рецептов, сокращается количество производственных аптек. Постепенно лекарственный препарат теряет свою уникальность на рынке товаров и услуг, приравнивается к любому другому товару.

Подавляющее большинство тривиальных наименований ЛС, реализуемых на современном российском фармацевтическом рынке, создано на основе греко-латинского словообразовательного фонда, а также с использованием искусственно созданных терминологических элементов, за которыми закрепляются определенные значения. При этом в последние годы наметилась тенденция привлечения к процессу номинации лекарств слов и словообразовательных элементов *национальных языков*, которые используются либо как самостоятельные единицы, либо в сочетании с греко-латинскими словообразовательными элементами.

Понятие «национальный компонент» активно используется в исследованиях, посвященных историческому, лингвокультурологическому, политическому дискурсу, в отношении ФД должного освещения этот вопрос пока не получил.

В процессе номинации ЛС в качестве мотивирующих основ нередко используются латинские научные названия растений, например: «**Pinosol**», от *Pinus* — «сосна»; «**Cordigit**» от *Digitalis* — «наперстянка» и др. Чтобы самостоятельно выявить этимологию названий таких лекарств, нужно как минимум хорошее знание ботанической номенклатуры. В названиях российских фармацевтических препаратов «**Kedrovitum**» («Кедровит»), «**Pichtanolum**» («Пихтанол»), «**Tycveolum**» («Тыквеол»), «Черника-форте» мотивирующая основа очевидна российскому потребителю без дополнительных комментариев. Для усиления суггестии на потенциального покупателя производителем иногда используются народные названия растений. Так, сбор «Медвежье ушко» (народное название толокнянки), выпускаемый фармацевтической фирмой «Питер», позиционируется как «испытанное народное средство». Приведенная ситуация не является уникальной характеристикой отечественной номенклатуры, использование национальных названий растений в товарных знаках встречаем и в не-

мецкой, и в американской НЛС («**Baldriparan Stark**», «**Weißdorn**» — от нем. **Baldrian** — «вале-риана», **Weissdorn** — «боярышник»; «**Billberry**», «**Cranberry**» — от англ. черника, клюква).

По правилам, рекомендуемым ВОЗ, наименование ЛС должно содержать указание на его терапевтическое воздействие. И снова наряду с греко-латинскими терминологическими элементами в товарных знаках встречаем русские названия: «Таблетки от кашля», «Сонные таблетки», «Сопелка», «Быструмгель» — внутренняя форма слова «прозрачна», понятна потребителю.

При регистрации лекарственных препаратов в России зарубежные производители зачастую используют русские корни, слова и словосочетания: «**Bolinet**» («Болинет», Италия), «**Dlianos**» («Длянос», Индия), «**Stopangin**», «**Negrustin**» («Стопангин», «Негрустин», Германия). Такие названия понятны потребителю, легко произносятся и запоминаются, являются удачными для рекламы ЛС.

Можно отметить тенденцию к комбинированию словообразовательных элементов разных языков: «**Dvaseptol**» («Двасептол», русское числительное и лат. терминологический элемент *-sept-* — «антисептическое»), «**Oblecolum**» («Облекол», русск. облепиха и лат. *-ol-* от *oleum* — «масло»). Названия витаминов отечественного производства включают в себя как русские, так и интернациональные отрезки: «**Kedrovitum**» (лат. терминологический элемент *-vit-* употребляется в названиях поливитаминных препаратов), «**Компливит**», (отрезки *-compl-* и *-vit-* легко распознаются); «Кальций D₃ Никомед» (соответствует международному «**Cholecalciferolum**», но более удобное для запоминания российскому потребителю сочетание «кальций D₃»); «**Алфавит**» — совпадает с современным названием азбуки, что отражено в рекламном слогане «Витамины от А до Я». Простота идентификации, положительные ассоциации у потребителя позволяют рассматривать такую номинацию ЛС как удобную для продвижения товарного знака на рынке, а значит, мотивируют производителя.

Отличительной особенностью национального компонента в названиях русских ЛС является использование мотивирующих основ с экспрессивной коннотацией: гомеопатический препарат «Шалун», средство против ринита для детей «Сопелка». Название не столько информирует о терапевтическом эффекте препарата, сколько помогает воссоздать эмоциональный образ потенциального потребителя лекарственного средства.

Использование словообразовательных элементов национального языка в НЛС можно оценивать двояко: для аутентичного потребителя это дополнительный источник информации о терапевтическом эффекте препарата (важным качеством является то, что такая информация удобна для неспециалиста в фармации и медицине); но появление такого ЛС на международном фармацевтическом рынке лишает даже профессионала (если он не владеет языком) возможности распознать область применения препарата без обращения к аннотации.

Употребление в названиях ЛС словообразовательных элементов национальных языков продиктовано современными экстралингвистическими факторами развития ФД и позволяет сделать вывод о возрастающей продуктивности этого явления в фармацевтическом терминологическом словообразовании.

Список литературы

1. Арутюнова, Н. Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь. М. : Сов. энцикл., 1990.
2. Барт, Р. Избранные работы: семиотика, поэтика. М. : Прогресс, 1994.
3. Бурова, Г. П. Фармацевтический дискурс как культурный код: семиотические, прагматические и концептуальные основания : автореф. дис. ... д-ра фармацевт. наук. Ставрополь, 2008. 44 с.
4. Карасик, В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М. : Гнозис, 2004.
5. Коржавых, Э. А. Теоретические и методологические основы фармацевтического терминоведения : автореф. дис. ... д-ра фармацевт. наук. М., 2005. 47 с.

Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 33 (248). Филология. Искусствоведение. Вып. 60. С. 36–38.

Г. Р. Власян

КОММУНИКАТИВНАЯ КАТЕГОРИЯ ВЕЖЛИВОСТИ: ПРОБЛЕМА ИНТЕРПРЕТАЦИИ

В статье обсуждаются основные положения концепции лингвистической вежливости П. Браун и С. Левинсона, где вежливость рассматривается как сохранение лица. Выделяется два основных типа вежливости — позитивная и негативная вежливость.

Ключевые слова: лингвистическая теория вежливости, коммуникация, позитивная вежливость, негативная вежливость.

На сегодняшний день не существует общепризнанного определения и единого взгляда на лингвистическую теорию вежливости. Среди существующих подходов и концепций можно выделить следующие: вежливость как речевые максимы, правила (Г. П. Грайс, Р. Лакофф, Дж. Лич); вежливость как этическая категория (Л. Кастлер, Н. И. Формановская С. А. Рисинзон); вежливость как оценка статуса человека (В. Е. Гольдин, В. И. Карасик); вежливость как разговорный контракт (Б. Фрейзер и У. Ноулен); вежливость как сохранение лица (Э. Гоффман, П. Браун, С. Левинсон, Р. Сколлон, С. Сколлон).

Началом изучения вежливости стала работа П. Браун и С. Левинсона "Politeness: Some Universals on Language Usage" («Вежливость: некоторые универсалии в употреблении языка») [4].

Несмотря на критику данной работы, она была и остается теоретической основой для многих кросс-культурных исследований. Основным понятием этой теории является понятие «лицо» (*face*), под которым подразумевается позитивная социальная ценность, принадлежащая каждому члену общества. Само понятие «лицо» П. Браун и С. Левинсон заимствовали у американского социолога Эрвинга Гоффмана.

В своей теории Э. Гоффман развивает идеи классиков социологии и применяет их к той области социальной жизни, структурные сложности которой долгое время до него оставались незамеченными. Это область непосредственной (*face-to-face*) социальной интеракции.

Строя свою концепцию на результатах исследований Э. Дюркгейма [1], посвященных социальным фактам и примитивной религии, а также

на работе социального психолога Дж. Г. Мида [3], показывающей формирование личности, Э. Гоффман утверждает, что личность является социальным, точнее интерактивным явлением. Один из способов такой трактовки личности заключается в использовании понятия «лицо». По определению Э. Гоффмана, «лицо — это позитивный общественный облик (positive public self-image), которым стремится обладать каждая личность» [5. Р. 5]. Э. Гоффман трактует лицо как нечто, присутствующее в потоке речевого взаимодействия и проявляющееся только тогда, когда фрагменты речевого взаимодействия прочитываются и интерпретируются для установления ценностей, содержащихся в них.

В понятии «лицо» П. Браун и С. Левинсон выделяют две основные части: «позитивное» лицо и «негативное» лицо. Позитивное лицо — достойный, положительный образ, на который претендуют коммуниканты в ходе речевого взаимодействия, дословно «желание быть желанным другими» (positive face: the want of every member that his wants be desirable to at least some others). Негативное лицо — желание каждого взрослого человека иметь свободу действий, недопустимость вмешательства со стороны других (negative face: the want of every 'competent adult member' that his actions be unimpeded by others) [4. Р. 61–62].

В трактовке Э. Гоффмана, негативное лицо — это не что иное, как «территория». Термин первоначально использовался в этологии, где территория означает место, которое животное выбирает для себя и не допускает к нему своих собратьев. Как социолингвистический термин «территория» обозначает личное пространство говорящего, его время, «оболочку» (тело и одежду), имущество, а также информационное (или, точнее, когнитивное) пространство, т. е. совокупность мыслей, чувств, информации, которой обладает индивид [6].

В процессе общения коммуниканты должны быть заинтересованы в сохранении как своего лица, так и лица партнера. Без выполнения этого условия невозможно нормальное общение. Согласно Э. Гоффману, научиться сохранять лицо — это все равно что выучить правила дорожного движения в сфере социального взаимодействия (To study face-saving is to study the traffic rules of social interaction) [6. Р. 323].

Согласно П. Браун и С. Левинсону, в идеальной коммуникации эти два «лица» находятся в равновесии. В реальной коммуникации существует множество речевых актов, которые «угро-

жают лицу» — *Face Threatening Acts* (лицоугрожающие акты). Они делятся на четыре типа, в зависимости от того, какому «лицу» они угрожают [4. Р. 65–68]:

– позитивному лицу говорящего (извинение, принятие комплимента, признание, неконтролируемость действий и др.)

– негативному лицу говорящего (выражение благодарности, оправдание, принятие предложения и др.)

– позитивному лицу слушающего (выражение неодобрения, противоречие или несогласие, непочтительность, упоминание о табуированных темах и др.)

– негативному лицу слушающего (приказы и просьбы, предложения и советы, угрозы, предупреждения, вызовы, комплименты и др.)

«Ликоугрожающие акты» не представляют собой какого-либо отклонения от правил коммуникации, они являются естественной и важной частью разговорного диалога: люди часто не соглашаются с чужим мнением, просят прощения, дают советы и т.д. Поскольку «лицоугрожающие акты» очень распространены, по мнению П. Браун и С. Левинсона, необходимо использовать разнообразные стратегии по минимизации «коммуникативного вреда» собеседнику.

Обычно различают позитивную и негативную формы вежливости (*positive and negative politeness*). Первая основана на сближении (*approach-based*), вторая — на дистанцировании (*avoidance-based*) [4]. Позитивная вежливость связана с языковым выражением солидарности, включением собеседника и других лиц в одну группу с говорящим, тогда как отрицательная — с самоограничениями говорящих, стремлением избежать конфликтов. Каждый из этих типов вежливости представляет собой систему коммуникативных стратегий, при помощи которых достигаются цели вежливого общения.

Демонстрация солидарности и сохранение дистанции, по утверждению авторов, составляют суть вежливого поведения, то есть быть вежливым можно в том случае, если ты демонстрируешь собеседнику свою солидарность и в то же время сохраняешь определенную дистанцию [4]. Вступая в диалог необходимо приблизить собеседника, используя стратегии позитивной вежливости. При этом нельзя приближаться слишком близко. Для демонстрации взаимного почтения и независимости применяются стратегии негативной вежливости.

Сближение и дистанцирование можно назвать гиперстратегиями вежливости, используемыми

для достижения наиболее общих коммуникативных целей [2]. Каждая из них, в свою очередь, достигается при помощи набора речевых тактик (в терминологии П. Браун и С. Левинсона — стратегий), которые имеют этнокультурные особенности и зависят от типа культуры и прагматических конвенций общения, принятых в том или ином обществе: если в общении ценится солидарность, говорящий выбирает тактики позитивной вежливости (*positive politeness*), если подчеркивается уважение независимости собеседника — тактики негативной вежливости (*negative politeness*).

Разные типы стратегий связаны с разными речевыми актами. Так, стратегии позитивной вежливости, которые направлены на сближение собеседников, связаны, прежде всего, с экспрессивами, основная функция которых состоит в выражении отношения говорящего к происходящему (приветствие, благодарность, оценка, комплимент и др.). Стратегии негативной вежливости, главная цель которых — демонстрация уважения личной автономии адресата, связаны прежде всего с побудительными речевыми актами, в которых говорящий оказывает коммуникативное давление на собеседника.

Негативная вежливость включает в себя такие стратегии, которые показывают, что будет сохранена неограниченная свобода действий собеседника и что говорящий не против этого.

В качестве средств негативной вежливости П. Браун и С. Левинсон выделяют извинения, языковую и неязыковую почтительность, смягчение тона, механизмы деперсонификации (говорящий и слушающий дистанцируются от речевого акта), другие смягчающие механизмы [4. Р. 75].

Позитивная вежливость охватывает такие стратегии, которые указывают на то, что желания говорящего, по крайней мере, частично совпадают с желаниями слушающего.

Основным средством реализации позитивной вежливости служит подчеркивание факта вхождения говорящего и слушающего в одну группу, что может проявляться в «ты»-общении, если в языке есть оппозиция «ты»/«вы»-общения, в неофициальных обращениях, использовании жаргона или сленга, кодовых переключений, эллипсиса.

Подводя итог, хотелось бы отметить, что в разные исторические периоды господствовали разные представления о вежливости. Гуманитарные науки XX века подошли к пониманию вежливости как линии вербального (и невербального) поведения, направленной на создание благоприятной тональности общения и предотвращения конфликтов.

Список литературы

1. Дюркгейм, Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение. М. : Канон, 1995. 352 с.
2. Ларина, Т. В. Категория вежливости и стиль коммуникации: сопоставление английских и русских лингвокультурных традиций. М. : Рукопис. памятники Древ. Руси, 2009. 512 с.
3. Мид, Дж. Г. Избранное : сб. переводов. М. : РАН ИНИОН, 2009. 290 с.
4. Brown, P. *Politeness: Some Universals in Language Usage* / P. Brown, S. Levinson. Cambridge : Cambridge University Press, 1987. 345 p.
5. Goffman, E. *Interactional Ritual: Essay on Face-to-Face Behaviour*. Garden City, New York : Anchor Books, 1967. 270 p.
6. Goffman, E. *On Face-Work: an Analysis of Ritual Elements in Social Interaction* // *Communication in Face-to-Face Interaction*. Harmondsworth : Penguin, 1972. P. 319–346.

ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ДИСКУРС И ДИСКУРСИВНО-КОММУНИКАТИВНАЯ МОДЕЛЬ ПЕРЕВОДА

В статье рассматриваются подходы к анализу педагогического дискурса с позиций теории и практики перевода. Представлена авторская дискурсивно-коммуникативная модель перевода, описана типология стратегий перевода и основные признаки педагогического дискурса, в том числе отдельные аспекты интердискурсивности.

Ключевые слова: педагогический дискурс, институциональный дискурс, дискурсивно-коммуникативная модель перевода, стратегия перевода, интердискурсивность.

Перевод лекций, семинаров, мастер-классов, вебинаров для профессионалов в той или иной области является одной из частых форм работы переводчика (перевод в режиме реального времени, перевод обучающих материалов в рамках подготовки к мероприятию или после его проведения). В этих ситуациях представляется возможным рассматривать работу переводчика с позиций исследования педагогического и иных видов институционального дискурса.

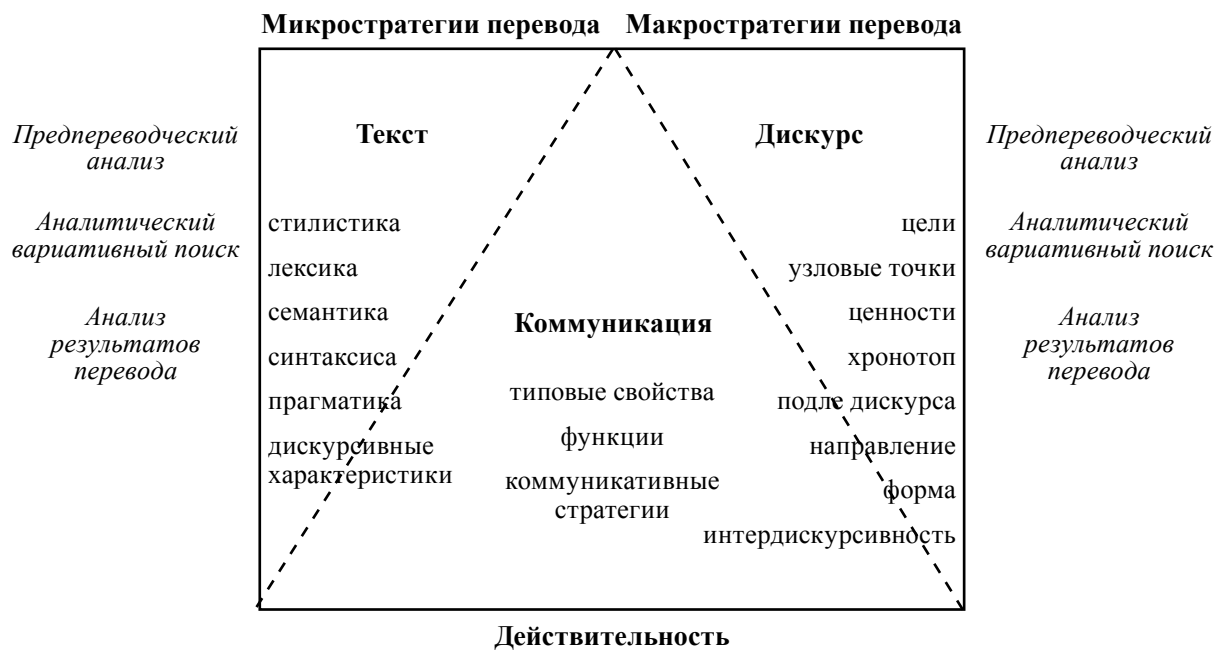
Термин *педагогический дискурс* употребляется в современных исследованиях наряду с понятиями *образовательный дискурс*, *учебный дискурс*. По мнению Ю. В. Щербининой, терминологические сочетания *учебный дискурс* и *педагогический дискурс* в большинстве научных источников используются как синонимичные и взаимозаменяемые в рамках одного контекста; понятие *образовательный дискурс* предполагает рассмотрение «дискурса о педагогическом дискурсе» в рамках дискурсивной проблематики социального характера [4. С. 10–11]. Далее в настоящем исследовании мы будем придерживаться понятия *педагогический дискурс*.

Развивая положения Ю. Е. Прохорова, отметим, что дискурс не является промежуточным звеном между системой и текстом, дискурс не есть текст в совокупности с экстралингвистическими параметрами, равно как и текст не является дискурсом за минусом этих параметров. Дискурс есть экстравертивная фигура коммуникации, совокупность вербальных форм практики организации и оформления содержания коммуникации представителей определенной лингвокультурной общности; текст есть интровертивная фигура коммуникации, совокупность правил лингвистической и экстралингвистической организации содержания коммуникации представителей определенной лингвокультурной общности [3. С. 33–34].

Интерреляция понятий «текст», «дискурс», «коммуникация» составляет, на наш взгляд, основу применения стратегий перевода, охватывающих уровень текста, уровень дискурса, уровень коммуникации. Лингвистические (стилистические, лексико-семантические, синтаксические, прагматические) особенности исходного текста, его дискурсивные характеристики (авторство, адресность текста, нарратив), узловые точки дискурса, его конститутивные признаки (цели, ценности, хронотоп, языковое воплощение, тематика, участники дискурса, интердискурсивность), функции, типовые свойства и стратегии коммуникации определяют переводческие решения, формируют микростратегии перевода на уровне текста и макростратегии перевода на уровне дискурса и коммуникации.

В рамках авторской дискурсивно-коммуникативной модели перевода типология переводческих стратегий включает общую стратегию перевода (стремление переводчика как можно полнее понять переводимый текст и найти ему наиболее точное соответствие в языке перевода); этапы процесса перевода; макростратегии перевода (уровень дискурса и коммуникации); микростратегии перевода (уровень текста).

Цель педагогического дискурса традиционно определяется как «социализация». Узловые точки (привилегированные знаки, частичной фиксацией значений вокруг которых сформирован соответствующий дискурс [5]) педагогического дискурса определяются через ключевые понятия «обучение» [4], «интеллектуальное взаимодействие» [2], «дефинирование» [1]. Ценности педагогического дискурса могут быть сформулированы как «овладение знаниями и умениями», «постоянное совершенствование навыков», «повышение профессионально-квалификационного уровня», «преемственность и непрерывность передачи знаний» [4. С. 11]. Хронотоп педагогического дискурса определяется прототипным



Дискурсивно-коммуникативная модель перевода

местом общения (образовательное учреждение) и временем проведения занятия. Тематика охватывает различные аспекты человеческого опыта и определяется образовательными программами, уровнем подготовки участников дискурса.

Педагогический дискурс представляется возможным рассматривать в оппозиции базового и проективного типов дискурса (проведение преподавателем занятия — базовый педагогический дискурс, чтение преподавателем лекции коллегам — проективный педагогический дискурс на базе научного) [4. С. 9]. Взаимодействие участников педагогического дискурса осуществляется в соответствии с их статусно-ролевыми характеристиками в различных комбинациях агентов и клиентов дискурса: преподаватель — обучаемый, преподаватель — преподаватель, обучаемый — обучаемый, приглашенный эксперт — обучаемый, преподаватель — родитель и т. д. Интерес представляют выделяемые Ю. В. Щербининой основные дискурсивные умения педагога: умение рефлексировать, умение импровизировать, умение прогнозировать, предвосхищать (антиципация), умение эффективно слушать, запоминать, умение проявлять эмпатию, толерантность, умение противостоять деструктивным явлениям в общении (речевой агрессии, словесному манипулированию, вульгаризации, жаргонизации речи) [4. С. 5].

В качестве базовых дифференциальных признаков педагогического дискурса выделяются диалогичность, аксиологичность (отношения постоянного взаимооценивания обучающего и об-

учаемого), реверсивность (постоянное и разнообразное варьирование содержания и формы говоримого), интерактивность, ретивальность (синхронно-групповая вовлеченность участников дискурса в процесс речевого взаимодействия) [4. С. 11–13]. Педагогический дискурс обнаруживает высокую степень интердискурсивности. В рамках дискурсивно-коммуникативной модели перевода интердискурсивность целесообразно определять по следующим параметрам: поле (тематика) и направление (участники) дискурса, цели и ценности дискурса, узловые точки дискурса, лингвистические особенности и дискурсивные характеристики отражаемого дискурсом текста (форма дискурса), типичные свойства и функции коммуникации, применяемые коммуникативные стратегии.

Отметим, что в рамках проведения обучения для специалистов педагогический дискурс предполагает большую степень равенства участников, коллегиальность в общении. В ситуации специализированного семинара, мастер-класса, вебинара к целям педагогического дискурса представляется возможным отнести формирование профессиональных компетенций и обмен опытом. Принимая во внимание цель и тематику дискурса, педагогический дискурс в данном случае представляется возможным рассматривать как проективный на базе юридического, экономического, массово-информационного и других видов институционального дискурса, при этом педагогический дискурс, на наш взгляд, сохраняет свои базовые дифференциальные призна-

ки (диалогичность, аксиологичность, реверсивность, интерактивность, ретиальность).

Образовательные ресурсы в сети Интернет располагают дополнительными возможностями в скорости и оперативности обновления информации, глобальны по широте охвата аудитории, локальны по возможностям доступа к малым группам, характеризуются отсутствием ограничения по времени и месту предоставления информации (что соответствующим образом модифицирует хронотоп педагогического дискурса), возможностью размещения неограниченного объема информации, использованием широких технических возможностей (мультимедийные материалы, гипертекстовые ссылки, интерактивные учебные издания, голосование, опросы), наличием широких возможностей поиска и отбора информации.

Анализ конститутивных (в том числе интердискурсивных) признаков педагогического дискурса, его узловых точек, лингвистических особенностей исходного текста, его дискурсивных характеристик, функций, типовых свойств и стратегий коммуникации в рамках дискурсив-

но-коммуникативной модели перевода позволяет переводчику сформулировать переводческие решения, составляющие микростратегии перевода на уровне текста и макростратегии перевода на уровне дискурса и коммуникации.

Список литературы

1. Карасик, В. И. Характеристики педагогического дискурса // Языковая личность: аспекты лингвистики и лингводидактики : сб. науч. тр. Волгоград : Перемена, 1999. С. 3–18.
2. Пospelова, Ю. Ю. Концепт «интеллектуальное взаимодействие» в педагогическом дискурсе : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Киров, 2009. 17 с.
3. Прохоров, Ю. Е. Действительность. Текст. Дискурс : учеб. пособие. 2-е изд., испр. М. : Флинта : Наука, 2006.
4. Щербинина, Ю. В. Педагогический дискурс: мыслить — говорить — действовать : учеб. пособие. М. : Флинта : Наука, 2010.
5. Laclau, E. Hegemony and Socialist Strategy. Towards a Radical Democratic Politics / E. Laclau, C. Mouffe. London : Verso, 1985.

Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 33 (248). Филология. Искусствоведение. Вып. 60. С. 41–43.

Т. А. Воронцова

ОСОБЕННОСТИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ В ПОЛИЛОГИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ СМИ

В статье рассматривается коммуникативно-прагматическая специфика профессионального речевого поведения ведущего телевизионной дискуссии. Являясь основным адресантом в полилогическом дискурсе, ведущий, с одной стороны, сам реализует интенцию убеждения, с другой — создает условия для реализации данной интенции другим участникам коммуникативного процесса.

Ключевые слова: *дискурс СМИ, полилогический дискурс, теледискуссия, массовый адресат.*

В современной лингвистической и нелингвистической литературе словосочетание *дискурс СМИ* нередко употребляется как синоним по отношению к таким понятиям, как *язык СМИ, массовая коммуникация, публичный дискурс*¹. Очевидно, что основой такой синонимизации является характер адресации. Действительно, в самом широком понимании дискурс СМИ — это дискурс, ориентированный на массового адресата. Как известно, массовая коммуникация предполагает опосредованное общение — через

средства массовой информации. При этом носителями информации сегодня являются не только печатные и электронные СМИ, но и Интернет.

Современные экстралингвистические (социальные) процессы, с одной стороны, обуславливают внутридискурсивные изменения, с другой — требуют иного научного подхода при анализе дискурса определенного типа. Смена коммуникативной парадигмы неизбежно повлекла за собой изменение основных параметров дискурса СМИ. Акцент на коммуникативной стороне речевого взаимодействия становится для дискурса СМИ определяющим (см. подробнее

¹ О понятии «публичный дискурс» см. [2].

[3]). В связи с этим, ключевыми характеристиками данного типа дискурса сегодня являются *диалогизация*, *плюрализация* как возможность представления различных точек зрения и *персонализация* как возможность представления индивидуальной точки зрения [3–6]. Как правило, изменение основных дискурсивных параметров влечет за собой кардинальную перестройку жанровой системы дискурса определенного типа.

Изменение жанровой системы и структуры современного дискурса СМИ обусловлено прежде всего тем, что сегодня основная интенция данного типа дискурса — убеждение — реализуется как речевое воздействие в процессе взаимодействия с адресатом. В связи с этим получают развитие те жанры, в которых присутствуют все коммуникативные составляющие современного медиа-дискурса: диалогический характер коммуникации, возможность представления различных точек зрения на проблему, личность адресанта как фактор воздействия. Одним из таких жанров является телевизионная дискуссия. В данном случае мы имеем дело с одной из самых сложных форм публичного дискурса — и по содержанию и по структуре, поскольку с прагматингвистической точки зрения теледискуссия — это прежде всего речевой жанр, в котором реализуется публичная полилогическая коммуникация.

Важным параметром, отличающим телевизионную дискуссию от других жанров дискурса СМИ является «образ адресанта». Телевизионная дискуссия — это организованный полилогический дискурс, где в роли координатора выступает ведущий.

Во-первых, ведущий — это «технический» координатор дискурса. Он инициирует коммуникативный акт, представляет тему, участников, передает речевые ходы, регулирует объем высказываний каждого участника (*если можно, пожалуйста, коротко; расскажите поподробнее* и т. п.), контролирует ход дискуссии (*давайте не будем говорить все вместе...*), последовательно вовлекая в коммуникативный процесс новых участников. В этой функции ведущий обеспечивает, с одной стороны, соблюдение жанровой структуры данного коммуникативного акта, с другой — динамику коммуникативного процесса.

Во-вторых, ведущий — это полноправный участник дискуссии, который координирует и направляет содержательную сторону дискурса.

В этом качестве ведущий:

а) держит «в фокусе» предмет дискуссии, расставляет смысловые акценты. Например:

Ведущий (С. Минаев): Мы не говорим об истории, мы сейчас говорим о будущем, об истории, которая ведет нас в будущее (Честный понедельник, 2009)¹;

б) высказывает собственную точку зрения на данную проблему, соглашаясь или не соглашаясь с отдельными участниками дискурса. Например: **Ведущий (С. Минаев):** А мне кажется, что не так. Александр, мне кажется, что война идет за национальную идею. (Честный понедельник, 2009);

в) оценивает высказывания участников дискуссии с точки зрения истинности/ложности; корректности/некорректности. Такая оценка может даваться как эксплицитно, так и имплицитно. Например: **Ведущий (М. Шевченко):** Мне кажется, что это как-то несколько уничтожительно звучало по отношению к своим политическим оппонентам. (Судите сами, 2009) — прямая оценка;

г) ведет диалог с одним из участников коммуникации, меняясь с ним коммуникативными ролями (не только сам задает вопросы, но и отвечает на вопросы участников). Например: *В. Жириновский: Кто сегодня в Америке двигает американскую науку, прогресс? Ведущий (С. Минаев): Русские.* (Честный понедельник, 2009).

В этом плане современная теледискуссия коренным образом отличается от классического риторического жанра дискуссии, где ведущий должен занимать позицию «над схваткой», ограничиваясь лишь ролью наблюдателя.

В-третьих, ведущий выполняет функцию посредника между массовым (и множественным) адресатом и участниками дискуссии. Эта функция чаще всего реализуется через тактику идентификации с адресатом. Ведущий отождествляет себя с массовым адресатом, позиционирует себя в качестве его представителя. Это может быть репрезентировано на содержательном уровне. Например: **Ведущий (М. Шевченко):** Я просто хочу понять для себя, я думаю, многие наши телезрители хотят понять. ... Как совместить заботу о бюджете и реальную заботу о десятках миллионов людей, которые живут в нашей стране? (Судите сами, 2009).

Кроме того, такая тактика идентификации с массовым адресатом может получить реализацию на речевом уровне. Ведущий «переводит» недостаточно понятные, с его точки зрения, высказывания в формы, доступные массовому

¹ В качестве иллюстративного материала использованы фрагменты теледискуссий 2008–2009 гг.

адресату. Такая коррекция осуществляется различными способами:

а) посредством таких коммуникативных ходов, как уточняющие вопросы, просьба пояснить отдельные слова или все высказывание в целом. Например:

А. Захаров, президент портала SuperJob.ru: Энтузиазма убавляется, поэтому через полгода мы проведем очередное исследование и посмотрим в динамике, что изменилось.

Ведущий (Д. Киселев): *То есть вы хотите сказать, что средний класс тает?* (Национальный интерес, 2009);

б) посредством стилистической трансформации высказываний участников. Например:

Ведущий (С. Минаев): *Александр Андреевич, я правильно Вас понимаю? Переводя с языка великого литератора на обычный, уличный, стране нужен восточный деспот.* (Честный понедельник, 2009).

В рамках коммуникативно-прагматического направления исследования с жанром в первую очередь соотносится такая коммуникативная категория, как целеустановка (интенция) говорящего или пишущего. Основная интенция публицистического текста — интенция убеждения [3]. В большинстве жанров дискурса СМИ эта интенция реализуется адресантом — журналистом — по отношению к массовому адресату.

Специфика жанра теледискуссии заключается в том, что здесь адресантом, реализующим интенцию убеждения по отношению к массовому адресату (телезрителям), является не только и не столько ведущий (инициатор коммуникативного акта), сколько каждый из участников программы. Как правило, это человек, обладающий высоким социальным статусом: политик, ученый, деятель искусства и т. д., т. е. homo publicus — человек публичный. Следовательно, его убеждения, социальная позиция, манера речи хорошо знакомы массовому адресату. Это позволяет рассматривать его в рамках данной конкретной коммуникации как индивидуального речедеятеля, вполне самостоятельного как в выборе позиции, так и в выборе языковых и речевых средств для выражения этой позиции. Адресант в телевизионной дискуссии обладает высоким уровнем коммуникативной компетентности. Высокий социальный статус адресанта способствует тому, что его точка зрения способна оказать влияние на общественное мнение. При этом его речевое

поведение служит своеобразным ориентиром при формировании риторического идеала в обществе.

Поскольку речь идет о телевизионной коммуникации, безусловно, коммуникативный акт (высказывание, по М. М. Бахтину) в целом ориентирован на массового адресата. Эта адресация может быть прямой или опосредованной. Прямая адресация осуществляется, если ведущий или участник обращаются непосредственно к телезрителям.

Опосредованная ориентация на массового адресата происходит при общении ведущего с участниками дискуссии, при общении участников дискуссии между собой, при общении ведущего со зрителями в студии, при общении участников программы со зрителями в студии.

Таким образом, телевизионная дискуссия как жанр в наибольшей степени эксплицирует отмеченные И. А. Стерниным основные тенденции современной коммуникации: плюрализацию общения (сосуществование разных точек зрения при обсуждении той или иной проблемы) и его персонификацию (рост индивидуальной неповторимости личностного дискурса) [7. С. 10].

Список литературы

1. Бахтин, М. М. Проблема речевых жанров // Эстетика словесного творчества. М. : Искусство, 1979. С. 237–280.
2. Воронцова, Т. А. О соотношении понятий *публичный дискурс — язык СМИ — публичная речь* // Вестн. Удмурт. ун-та. Сер. История и филология. Вып. 2. 2008. С. 17–22.
3. Клушина, Н. И. Стилистика публицистического текста. М. : МедиаМир, 2008.
4. Кройчик, Л. Е. Система журналистских жанров // Основы творческой деятельности журналиста. СПб. : Знание : СПбИВЭСЭП, 2000.
5. Солганик, Г. Я. О языке и стиле газеты // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования: учеб. пособие. М. : Изд-во Моск. ун-та, 2003.
6. Солганик, Г. Я. Современная публицистическая картина мира [Электронный ресурс] // Публицистика и информация в современном обществе. М., 2000. URL: <http://www.gramota.ru>
7. Стернин, И. А. Социальные факторы и развитие современного русского языка // Теоретическая и прикладная лингвистика. Воронеж : Изд-во ВГТУ, 2000. Вып. 2. Язык и социал. среда. С. 4–16.

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ В ЮРИДИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

В статье рассматриваются особенности функционирования фразеологических единиц в юридическом дискурсе. Показывается, что фразеологизмы являются важной принадлежностью разнообразных юридических текстов, где служат средством выражения правовых знаний, выступают источником информации о социальном статусе человека.

Ключевые слова: юридический дискурс, коммуникация, фразеологические единицы, стилистика.

Коммуникативный аспект владения языком предполагает умение эффективно взаимодействовать с партнером по общению с учетом прагматических параметров коммуникации. Проблема эффективной речевой коммуникации особенно актуальна в юридической сфере. Юрист в современном обществе — это специалист, профессионально обученный разрешать социальные конфликты с позиции права.

Эффективность выполнения профессиональных обязанностей юристом зависит не только от умения получать актуальную и достоверную информацию, анализировать ее, но и от правильности ее воспроизведения как в письменном, так и в устном виде. В различных государственных структурах, где пользуются юридическим языком (выступление в суде, издание указов, принятие законов), специалисту важно уметь точно, лаконично и понятно для окружающих формулировать то, что он хочет сказать, доказать или оспорить. От него требуется не просто знание языка, владение им, но и умение выразить на этом языке суть своей позиции, способность обосновать собственную точку зрения.

Для успешной коммуникации необходимо взаимное приспособление коммуникантов, которое определяется набором языковых средств, правилами их использования в конкретной ситуации. В этом отношении большой интерес представляют фразеологизмы.

Под фразеологизмом мы понимаем воспроизводимое идиоматичное образование, построенное по модели словосочетания или предложения, а в семантическом и грамматическом отношении соотносимое, как правило, со словом (см. [1. С. 57; 7. С. 5; 6. С. 5]). Фразеологические единицы представляют собой «микротексты, в номинативное основание которых, связанное с ситуативным характером обозначаемого, втягиваются при его концептуализации все типы информации, характерные для отображения ситуации в тексте, но представленные во фразеологизмах в виде «свертки», готовой к употреблению

как текст в тексте» [10. С. 8]. Важнейшее качество фразеологизмов — их способность хранить в свернутом виде значительный объем информации, глубина которой определяется когнитивной базой реципиента, его готовностью к ассоциативному восприятию сообщения.

Прагматические факторы бытования фразеологизмов заслуживают особого внимания, так как последние концентрируют в себе совокупный общественный опыт, отражают национально-культурную специфику, являются вербальным выражением чувств, эмоциональных оценок, способов воздействия, ярких и метких характеристик человека, предметов, ситуаций, содержат многоплановую прагматическую информацию, т. е. информацию, связанную с коммуникативным актом. Фразеологизмы служат своеобразным кодом при распознавании статуса собеседников, модальности высказываний, характера отношений между участниками коммуникации. Удовлетворяя речевым правилам общения, фразеологизмы, с одной стороны, выражают особенности социоролевого поведения человека, а с другой — служат семиотическому различению информационного пространства культуры. Реализация ролевых ожиданий в рамках социума предполагает различные источники фразеологизмов.

Являясь вербальным выражением сущности права, фразеологизмы занимают значимое место в юридическом дискурсе как разновидности институционального дискурса. Семантические процессы, протекающие в юридическом дискурсе, связаны с регулированием социальных и правовых отношений между людьми. Юридический дискурс характеризуется широким использованием терминов, клише, отсутствием экспрессивных средств (за исключением текстов протоколов допроса и исковых заявлений), сложностью синтаксических структур.

В юридических текстах фразеологизмы как единицы языка наделяются предикативностью в соответствии с речевыми намерениями ком-

муникантов. Работа с людьми (свидетелями, пострадавшими, подозреваемыми, обвиняемыми, подсудимыми, подзащитными) в деятельности юриста занимает весьма важное место. В ней особую значимость приобретает способность излагать оценки, передавать особенности восприятия участника уголовного процесса, его мышления, эмоционально-волевой и мотивационной сфер, жизненных установок, а также описывать действия и бездействия людей, их переживания и поступки. Вся деятельность юриста так или иначе связана с созданием различных правовых текстов.

Естественный язык является органической частью правовой коммуникации, входит в ее структуру как компонент дискурса, отражая знания и установки ее участников. Так, говорящие регулярно используют фразеологизмы, отражающие представления о нормах, типичных ситуациях, для сообщения о единичных, конкретных положениях дел. Частотность использования тех или иных фразеологизмов, степень их эмоциональности и функционально-стилистическая принадлежность могут помочь составить социально-психологический портрет собеседника, прогнозировать его поведение, предвидеть возможные итоги общения.

Степень употребительности фразеологизмов в юридическом дискурсе зависит от стилистической и эмоциональной окраски, от вида юридической практики (правотворческой, правоприменительной, судебной, следственной, распорядительной и т. д.).

В протоколах допроса, очной ставки преобладают общеупотребительные фразеологизмы различной стилистической и эмоциональной окраски, которые выступают маркером речевого поведения различных социальных групп:

...Все произошло так неожиданно, что я даже не успела среагировать на его действия. Соколова сразу закричала: «Ограбили, караул, держи вора!»

...В это время я услышал женский крик: «Ограбили, караул, держи вора!» и увидел, как в мою сторону между торговыми рядами бежит парень. Ср.: Кричать караул, звать на помощь в трудных, опасных ситуациях; паниковать.

*...На это Горлов ответил, что денег у него нет, в ближайшее время их тоже не ожидается, и добавил: «Жди, как только рак на горе свистнет, тогда отдам». Такой ответ меня прямо взбесил.... Для событийного наименования денотата никогда употребляется фразеологизм *Когда рак на горе свистнет*.*

...Они выбрали момент, когда хозяев квартиры не было дома, а отмычкой, без особого труда, открыли дверь.... Ср.: Без особого труда, то есть «легко».

Фразеологизмы наглядно отражают «национальный образ мира, запечатленный в языке, им детерминируемый и в нем закрепляемый. В них воплощается «опредмечивание» общих понятий...» [5. С. 193].

В подобных текстах фразеологизмы, как правило, выполняют коммуникативную, кумулятивную, эмоционально-оценочную функции. В протоколах допроса фразеологизмы сохраняют роль носителей культурного кода, орудия передачи человеческого опыта, «а вместе с тем служат подходящим орудием для объяснения разных жизненных ситуаций» [8. С. 153], кумулятивная функция фразеологизма связана с отражением, фиксацией и сохранением «информации о постигнутой человеком действительности» [2. С. 7]. Эмоционально-оценочная функция — функция выражения отношения говорящего к содержанию речи.

В законах и иных нормативно-правовых актах употребляются книжные фразеологизмы, имеющие терминологическое значение, им свойственна высокая степень стандартизации: *занимать должность, сфера применения, причинить ущерб, место нахождения, обвинительное заключение, свидетельский иммунитет, давать показания, презумпция невиновности, имеет место, гражданский долг, присяжные заседатели, иметь в виду, состав преступления, предварительный сговор, конфискация имущества, тяжкое преступление, уголовная ответственность, силовые структуры, преступная группа, представитель защиты, совершить правонарушение*, что определяется специфической направленностью тематики. Данные фразеологизмы принадлежат языку профессиональной коммуникации, используются для обозначения объектов и понятий юридической деятельности.

Чаще всего в законах и иных нормативно-правовых актах фразеологизмы выполняют композиционную (участвуют в организации юридического текста, являются его смысловым ядром), прагматическую (формируют у адресата необходимое восприятие смысла, выполняют функцию воздействия на адресата; при этом воздействие отправителя текста может выступить либо как непосредственное побуждение к действию, либо как скрытое воздействие для формирования определенных установок, мнений, позиции получателя текста), *номинативную* (понятие

«номинация» мы употребляем в широком смысле, как «обозначение всего отражаемого и познаваемого человеческим сознанием, всего сущего или мыслимого: предметов, лиц, действий, качеств, отношений, событий, эмоций, переживаний» [3. С. 314–315]) функции. Книжные фразеологизмы в законах и иных нормативно-правовых актах выполняют также смыслообразующую функцию.

Следует отметить, что в разговорной речи фразеологизмы вносят в текст присущую им образность и выразительность, однако в юридическом дискурсе эта особенность не всегда проявляется. Частотность использования фразеологизмов в юридической практике объясняется тем, что они «закреплены в сознании носителей языка в качестве элементарных коммуникативных единиц» [9. С. 104].

В юридическом дискурсе фразеологизмы являются своеобразным коммуникативным посредником между различными коммуникантами. Употребление разговорных фразеологизмов в протоколах допроса и очной ставки основывается на сходстве фонда общих знаний адресанта и адресата, а также опирается на способность адресата понимать текст.

В целом, фразеологизмы являются важным структурно-семантическим компонентом юридического дискурса, на их основе вытраивается корпус внешней и внутренней институциональной коммуникации, определяются установки и нормативные положения.

Список литературы

1. Архангельский, В. Л. Устойчивые фразы в современном русском языке: Основы теории устойчивых фраз и проблемы общей фразеологии. Ростов н/Д : Изд-во Ростов. ун-та, 1964.
2. Верещагин, Е. М. Лингвострановедческая теория слова / Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров. М. : Рус. яз., 1980.
3. Гак, В. Г. Языковые преобразования. М. : Языки рус. культуры, 1998.
4. Гришин, И. П. Сборник образцов уголовно-процессуальных документов / И. П. Гришин, В. С. Журило. М. : Юриспруденция, 2000.
5. Гудков, Д. Б. Теория и практика межкультурной коммуникации. М. : Гнозис, 2003.
6. Жуков, А. В. Переходные фразеологические явления в русском языке. Новгород : НовГУ им. Ярослава Мудрого, 1996.
7. Жуков, В. П. Русская фразеология. М. : Высш. шк., 1986.
8. Крикманн, А. А. Опыт объяснения некоторых семантических механизмов пословицы // Паремнологические исследования : сб. ст. М. : Наука, 1984. С. 149–179.
9. Савенкова, Л. Б. Русская паремнология: семантический и лингвокультурологический аспекты. Ростов н/Д : Изд-во Рост. ун-та, 2002.
10. Телия, В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М. : Языки рус. культуры, 1996.

Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 33 (248). Филология. Искусствоведение. Вып. 60. С. 46–49.

Е. Н. Демидова

ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПАРОНИМОВ В НАУЧНОМ ТЕКСТЕ

В статье рассматриваются факторы, причины и особенности реализации паронимии в научном тексте. Выявляются лексико-грамматические характеристики единиц, образующих паронимические пары.

Ключевые слова: *научный текст, паронимия, паронимическая модель, структурные варианты прилагательных.*

Фундаментальные научные труды по паронимии в отечественном языкознании относятся к 60–90-м гг. XX в. Современные исследователи, опираясь на работы О. В. Вишняковой (1974, 1981, 1984), Ю. А. Бельчикова (1968),

М. С. Панюшевой (1968), Н. П. Колесникова (1971), Н. А. Янко-Триницкой (1979), продолжают изучать различные аспекты паронимии в общеупотребительном языке: в контексте лингводидактики (А.А. Терещенкова), теории культуры

речи (Л. А. Жданова, И. Н. Кузнецова, В. С. Пономарева), с позиций межъязыкового взаимодействия (Е. В. Федорчук, А. В. Потанина). Особо следует выделить работы Т. И. Веракши (2000) и О. В. Вишняковой (1984), в которых паронимия рассматривается как системное языковое явление наряду с синонимией, омонимией и вариантностью.

Если паронимия в общеупотребительном языке — достаточно подробно изученный феномен, то причины и особенности паронимических замен в научной речи исследованы слабо. Вместе с тем, по мнению ряда ученых — С. В. Гринева (1993), И. С. Куликовой и Д. В. Салминой (2002), Н. А. Шурыгина (2005), Е. И. Головановой (2007) и др. — неразграничение лексики со сходным морфемным составом и разной семантикой в сфере науки требует пристального внимания лингвистов. Исследование паронимии в научной речи значимо не только с теоретических позиций, но и в практическом плане — для устранения случаев ошибочного использования членов паронимического ряда.

Прежде всего необходимо уточнить понятие паронимии по отношению к научному тексту. В лингвистике наименование *паронимы* традиционно употребляется в широком и узком значении: в первом случае паронимами называют вообще всякие близкие по звучанию слова (Н. П. Колесников, Ж. Марузо), во втором — только семантически близкие однокоренные слова (Ю. А. Бельчиков, О. В. Вишнякова). Широкое понимание паронимов (с возможностью окказионального смешения слов вплоть до созвучий типа *легальный — лояльный, стерильный — стиральный* и пр.), на наш взгляд, оправданно по отношению к общеупотребительному языку. При изучении научной речи наиболее приемлемо узкое понимание этого явления. Кроме того, в научном тексте явление паронимии, как правило, связано с лексемами, которые в обычной речи полными паронимами не являются.

Проводимое нами исследование паронимических замен в научных текстах, выходящих на правах рукописи или в авторской редакции (т. е. без профессиональной редакторской правки), показало, что чаще всего это явление связано с употреблением слов, семантическое размежевание объема значений которых в естественном языке не завершено полностью (что и приводит, по-видимому, к их сближению в сознании авторов [3. С. 75]). К примеру, прилагательное *лирический* в 1-м и 2-м своих значениях может вступать в синонимические отношения с прила-

гательным *лиричный* (*лирическое настроение — лиричное настроение*) [2. С. 268], однако употребление этого же прилагательного в 3-м значении не допускает замены его коррелятом без изменения смысла, ср. *лирический тенор — терм.* разновидность высокого мужского голоса, *лиричный тенор* — характеристика высокого мужского голоса с точки зрения его выразительности.

Поскольку научный текст характеризуется повышенной требовательностью к точности словоупотребления (от этого зависит адекватность его декодирования), свободная взаимозамена между членами паронимического ряда здесь нежелательна. На невозможность подобных замен в терминологических сочетаниях указывают Л. К. Граудина и В. А. Ицкович [4. С. 417], а также авторы «Словаря паронимов русского языка» Ю. А. Бельчиков и М. С. Панюшева [2. С. 88, 176].

Рассмотрим лексико-грамматические особенности паронимов, функционирующих в научных текстах по филологии, исходя из того, что разница в значении слов каждой пары определяется их морфемным составом и грамматическими характеристиками. Исследуемые пары паронимических единиц выделены методом сплошной выборки из авторефератов кандидатских и докторских диссертаций, сборников статей, изданных по материалам конференций, а также из лингвистических словарей.

Как и в общеупотребительном языке, в научных текстах наибольшее количество случаев паронимии связано с использованием прилагательных. Подавляющее большинство последних образовано от иноязычных основ при помощи продуктивных в сфере научной речи суффиксов: *-ическ-/-н-* (*синхронический — синхронный*), *-ическ-/-ичн-* (*антонимический — антонимичный*), *-н-/-ивн* (*дискурсный — дискурсивный*), *-ев-/-н* (*однокорневой — однокоренной*), *-н-/-уальн-* (*концептный — концептуальный*) и др.

Рассмотрим паронимическую модель прилагательных с суффиксами *ивн-/-онн-*, образованных от существительных на *-ция* (*информативный — информационный, декларативный — декларационный* и т. д.). Перед нами тип относительных прилагательных со значением «относящийся к..., свойственный, являющийся тем, что названо мотивирующим словом». Большая часть слов этой группы выступает в качестве синонимов или даже вариантов, четко разграничивающихся носителями языка паронимов среди них немного. Однако именно варианты и синонимы являются основными источниками паронимии. Так, в русском языке немалое число

прилагательных на *-ический/-ичный*, образованных от одних и тех же корней, еще в XIX–XX веках употреблялись как варианты, а в настоящее время использование их в одном и том же контексте недопустимо: *технический* — *техничный*, *симпатический* — *симпатичный* и т. д. «Признанных» паронимами, т. е. зафиксированных в специализированных словарях, всего 4 пары прилагательных: *декоративный* — *декорационный*, *демонстративный* — *демонстрационный*, *информативный* — *информационный* [2], *адаптивный* — *адаптационный* [5], однако в научных текстах их количество гораздо больше. Ср.: *интегративный* — *интеграционный*, *перцептивный* — *перцепционный*, *коррелятивный* — *корреляционный*, *детерминативный* — *детерминационный*, *диссимилиативный* — *диссимилиационный* и т. д.

Одним из факторов, способствующих развитию дополнительных значений у бывших вариантов, является использование лексем либо в узкоспециальных разделах наук, либо в различных науках. Группа слов, которая является частью узкого раздела той или иной науки и употребляется только в пределах своей области, долгое время сохраняет способность к свободной взаимозамене в любых контекстах. Например, по данным «Словаря лингвистических терминов» О. С. Ахмановой, в отношении тождества вступают термины-прилагательные *аппозитивный* — *аппозиционный*, *демаркационная (функция)* — *демаркативная (функция)*, *ситуативный* — *ситуационный* [1]. Термины, используемые в разных сферах, чаще развивают вторичные значения и закрепляются за определенными контекстами, в которых свободная взаимозамена исключена. Например, так произошло с терминами *коммуникативный* — *коммуникационный*, которые широко используются в научных трудах по журналистике, коммуникативистике, лингвистике и т. д. По данным упомянутого выше «Словаря лингвистических терминов» [1. С. 200], они являются вариантами. Между тем Н. В. Муравьева, отмечая, что «прилагательное *коммуникативный* происходит от англ. *communicative*, которое является многозначным: 1) общительный, разговорчивый; 2) коммуникационный [Большой англо-русский словарь. М., 1979. Т. 1. С. 287]», пишет: «Очевидно, что эти значения тяготеют к разным смыслам слова “коммуникация”: второе значение в большей степени характеризует коммуникацию как процесс в целом, а первое — коммуникацию в узком смысле, как собственно кон-

такт, даже скорее такую разновидность контакта, как диалог. Поэтому, строго говоря, при переводе на русский язык, необходимо было использовать два слова — “коммуникационный” (в широком смысле) и “коммуникативный” (в узком смысле)» [6].

Другим фактором, способствующим расхождению значений слов, считающихся вариантами, являются изменения, которые затрагивают лексико-грамматические характеристики лексем. Например, некоторые относительные прилагательные с суффиксом *-ивн-* развивают качественное значение, т. е. получают возможность обозначать признак, который может проявляться в большей или меньшей степени, например, *информативный текст* — текст насыщенный информацией (более или менее информативный текст). Кроме того, подобного рода прилагательные выражают внутренние характеристики предмета или явления, выделяют его по некоторым содержательным особенностям.

Прилагательные с суффиксом *-онн-* продолжают оставаться относительными и имеют более широкое значение «относящийся к тому..., содержащий то, что названо мотивирующим словом», например, *информационный* — относящийся к информации, сообщающий о чем-либо. Подобные прилагательные в большинстве случаев характеризуют предмет, явление с какой-либо внешней стороны (связь предметов в пространстве, их отнесенность к одной и той же категории, классу и т. д.). Сравните:

Декларативный // Декларационный

Декларативный. 1. Имеющий форму декларации (во 2 знач.), торжественный. *Д. тон.* 2. Чисто словесный, внешний. *Обещания носят д. характер.*

Декларационный. 1. Соотносящийся по знач. с сущ.: декларация (1,2), связанный с ним. 2. Свойственный декларации (1,2), характерный для нее.

Демонстративный // Демонстрационный

Демонстративный. 1. Вызывающий, подчеркнуто выраженный. 2. Основанный на демонстрации, публичном показе чего-л.; сопровождаемый демонстрацией чего-л.

Демонстрационный. Предназначенный, служащий для демонстрации, публичного показа чего-л.

В первом случае делается акцент на содержательных характеристиках явления, позволяющих рассматривать его в определенном ракурсе, но необязательно относить к самостоятельному классу объектов. Данные характеристики

являются для рассматриваемого явления второстепенными, не столь существенными. Во втором — подчеркивается отнесенность предмета или явления к определенному предмету или явлению (а именно — к декларации, демонстрации и т. п.).

Таким образом, в современных научных текстах функционируют сходные по семантике прилагательные, которые постепенно превращаются из структурных вариантов в разные по значению слова. В отдельных случаях эти изменения фиксируются словарями, т. е. становятся общепризнанными, и случаи ошибочного употребления подобных слов единичны. Однако чаще всего изменения в значении соотносительных единиц осознаются слабо, разница между ними становится очевидной лишь при использовании этих слов в определенных контекстах. При этом наблюдается большое количество случаев ошибочных взаимозамен, что обусловлено отсутствием словарных толкований либо их недостаточной четкостью. Между соотносительными прилагательными, которые являются в настоящее время вариантами, развитие расходящихся значений потенциально возможно. И об этом необходимо помнить, поскольку подобные единицы впоследствии могут закономерно преобразоваться в паронимы.

Чаще всего разногласия и сомнения в правильности употребления возникают по отношению к тем словам, которые, несмотря на допустимость взаимозамены в некоторых контекстах, отличаются друг от друга лексико-грамматическими характеристиками, как например, качественные и относительные прилагательные, что отражается на их семантике в составе терминов и на ограничении сочетаемости.

Список литературы

1. Ахманова, О. С. Словарь лингвистических терминов. 3-е изд., стер. М. : КомКнига, 2005.
2. Бельчиков, Ю. А. Словарь паронимов русского языка / Ю. А. Бельчиков, М. С. Панюшева. М. : АСТ : Астрель, 2004.
3. Вишнякова, О. В. Паронимия в русском языке : монография. М. : Рус. яз., 1984.
4. Грамматическая правильность русской речи. Стилистический словарь вариантов / Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова РАН; Л. К. Граудина, В. А. Ицкович, Л. П. Катлинская. М. : Астрель : АСТ, 2004.
5. Красных, В. И. Толковый словарь паронимов русского языка. М. : АСТ : Астрель, 2003.
6. Муравьева, Н. В. Язык конфликта [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rusexpert.ru/books/lang/content.htm>

Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 33 (248). Филология. Искусствоведение. Вып. 60. С. 49–52.

У. А. Жаркова

ВОПЛОЩЕНИЕ ЗНАКОВОЙ ПРИРОДЫ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОГО ИСКУССТВА В ИСКУССТВОВЕДЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ (на материале немецкоязычных музейных каталогов)

В статье обосновывается правомерность вычленения стратегии интерпретации в искусствоведческих текстах, описываются способы ее вербализации на разных уровнях репрезентации иконического знака.

Ключевые слова: *искусствоведческий дискурс, стратегия, иконический знак.*

Когда произведения искусства становятся предметом произведений вербальных, совокупность, взаимодействие и функционирование последних становится особым видом дискурса — искусствоведческим. Термин «искусствоведческий» представляет собой аллюзию к названию науки об искусстве, но, безусловно, следует при-

знать, что научные тексты из указанной предметной области формируют лишь одно из микрополей искусствоведческого дискурса, сосуществующее с текстами разной прагматической природы — рекламными, публицистическими, биографическими и т. д. И тем не менее название типа дискурса как нельзя более точно отражает

его сущность — какой бы ни был текст, как правило, его автор стремится «ведать искусством», понять и объяснить его смысл, предложить свою версию позиции художника и в этом смысле отождествить себя с ним, ведь даже споря с творцом произведения искусства, автор текста часто «говорит» за художника, приписывая ему те или иные интенции.

В дискурс-анализе существуют разные подходы к природе искусствоведческого текста. Е. А. Елина постулирует принципиальную интерпретативную природу текста о произведении искусства: «... невербальный вид художественного творчества постигается субъектом посредством включения механизма рецепции, оценивается, переводится в вербальный код и тем самым интерпретируется» [2. С. 5]. «Любое письменное представление изображенного объекта — это уже его интерпретация» [2. С. 125]. Для данной концепции терминологическая дифференциация «описания» и «интерпретации», очевидно, не является строго необходимой «Третий уровень описания ... высший, наиболее сложный уровень интерпретации изображенного объекта...» [2. С. 129]. Значимым здесь представляется выделение трех уровней интерпретации — денотативного (низшего, номинативного), коннотативного (предполагающего введение эмотивно-оценочного, характеризующего и потому более субъективного, менее достоверного комментария) и символического (высшего, на котором изображению придается значение и значимость символа, метафоры).

В работах А. П. Булатовой ключевым для дискурсивного подхода к исследуемым текстам становится понятие стратегии: «... дискурс понимается как вербализованная и используемая для коммуникации совокупность соответствующих языковых знаний и стратегий» [1. С. 34]. В числе основных автор называет следующие стратегии: авторитета, оценочности, деконструкции представленного как целое, «приоритетного» восприятия некоторых аспектов объекта, стратегия ассоциативно-расширенного восприятия, высокого стиля, конкретно-объективирующая стратегия и стратегия моделирования ситуации восприятия [1. С. 47–48]. Очевидно, что интерпретация, в традиционном смысле понимаемая как истолкование, объяснение, в данной концепции не рассматривается как сколько-нибудь значимая стратегия искусствоведческого типа дискурса.

Представленные два «полярных» подхода свидетельствуют, по меньшей мере, об актуальности проблемы интерпретационной природы ис-

кусствоведческого текста. Ясно, что не любое изображение является произведением искусства. Последнее отличает концептуальная нагруженность: искусство является наглядно-образной, символической формой познания мира, и то или иное полотно или рисунок воплощает (возможно, частично) авторскую концепцию мироустройства. В этом смысле произведение искусства можно считать знаком сродни словесному, в котором означающее и означаемое тесно взаимосвязаны. Если понимать под означающим форму, изобразительный ряд, совокупность «фигур», а под означаемым авторское послание, смысл, то вопрос об интерпретативной составляющей искусствоведческого текста решается более или менее последовательно: описание означающего не есть интерпретация, объяснение означаемого, напротив, реализует стратегию интерпретации. С этим удачно коррелирует определение интерпретации, принятое в логике: приписывание некоторого смысла, значения символам и формулам формальной системы; в результате формальная система превращается в язык, описывающий ту или иную предметную область [4]. Здесь, впрочем, необходимо признать, что описание и интерпретация не составляют, на наш взгляд, специфику искусствоведческого дискурса, в отличие от передачи впечатления от артефакта, тех самых «коннотативного» уровня описания, стратегии оценочности и ассоциативного расширения.

Тем не менее, в сфере профессиональной коммуникации именно попытки выявить смысл изображения, декодировать невербальный знак представляют наибольший исследовательский интерес, так как интерпретация без опоры на специальное знание часто приобретает умозрительный характер. Мы рассматриваем особый вид общения, соотносимый с научно-популярным стилем речи, когда автор статьи в музейном каталоге, будучи профессионалом, предлагает интерпретацию, а реципиент вправе ее отвергнуть или принять, хотя в силу разницы в степени информированности и искусствоведческой компетентности здесь автор текста воспринимается как авторитет, и его толкование претендует на истину. Это, а также достаточно лаконичный формат текста из каталога объясняет единичную, не вариативную интерпретацию картины.

Рассмотрим способы соотнесения означаемого и означающего в текстах, посвященных прежде всего произведениям графики и живописи XX века. Специфика модернистского искусства, состоящая в воплощении особой, кризисной кон-

цепции мироустройства особыми, экспериментальными средствами не может не отразиться в комментирующих текстах. Кроме того, текстовый материал такого рода накладывает отпечаток и на способ его анализа — типизировать или классифицировать его чрезвычайно сложно.

Произведение искусства можно рассматривать как определенную дихотомию денотата (внешнего объекта изображения) и изображения (самого иконического знака). Интерпретируя, автор текста может приписывать некое значение, функцию, характеристику персонажу сюжетного полотна.

Dicht an den vorderen Bildrand gerückt, wird der Kopf des im Bett liegenden Künstlers von einem grauenvollen Nachtmahr bedrängt, der ihm Alpträume beschert. Der enthauptete Inkubus hockt über dem Kopf und kämmt mit der linken Hand die Haare des Künstlers, die in Alpträumen stets eine magische Rolle spielen, während die Finger eine magische Rolle spielen, um zu prüfen, ob noch Leben im Körper ist (к картине «Alpdrücken» М. Клингера).

С референциальной точки зрения реципиент видит, что чудовище раздвигает веки персонажа. Автор текста придает этому жесту значение «чтобы проверить, есть ли еще жизнь в теле». Такая интерпретация основывается скорее на культурной, ментальной, психологической компетенции. В этом же отрывке интересно отметить взаимодействие названия картины и ее интерпретации: автор текста утверждает, что расчесывая волосы, чудовище навевает персонажу страшные сны. Взаимосвязь действий с волосами и кошмаров не воспринималась бы так органично, если бы не название картины — «Ночной кошмар».

Такой же ход на начальном этапе интерпретации наблюдаем в следующем примере:

Das Bild Doll Boy ist eine Liebeserklärung... Auf der grauen Farbfläche in der rechten unteren Ecke sind die Wörter 'you love means more to me' zu lesen. Dies kann als eine Art Valentinskarte verstanden werden, die Hockney dem Sänger als Zeichen seiner Zuneigung sendet (к картине «Doll Boy» Д. Хокни).

Строчка о любви, написанная в углу картины интерпретируется на двух уровнях — это (как) открытка на День Святого Валентина, которая, в свою очередь, является знаком особого расположения художника к певцу. Всё это позволяет автору текста интерпретировать полотно как признание в любви, о чем он заявляет в первой фразе текста, в связи с чем мы имеем дело с ре-

троспективной многоуровневой интерпретацией. Здесь снова немаловажную роль играет название картины, являющееся аллюзией, намеком на песню «Living Doll» Клиффа Ричарда, которому и посвящена эта картина и это признание в любви.

Произведение изобразительного искусства можно представить как текст, отличительной особенностью которого является целостность [З. С. 189]. Но любое синкретичное образование может быть рассмотрено как нерасчленимая совокупность элементов, в частности «фигур» (линия, цвет, форма), а также изображенных объектов. Именно последним профессиональные интерпретаторы склонны приписывать некие абстрактные значения.

Zu einer der wichtigsten Ausdrucksformen gehörte die Collage, der Triviales und Alltägliches als Fragmente der wirklichen Welt beigefügt wurden: Fahrkarten, Briefe, Eintrittskarten, Autographen und Dada-Parolen (к коллажу «Р» Р. Хаусманна).

So kann der Fisch als Sinnbild übernatürlicher Kraft und Regeneration des Lebens, aber auch als Symbol der Seele und ihres Fortlebens zu verstehen sein, das Beckmann hier ins Zentrum der eigenen Aufmerksamkeit rückt (к рисунку «Selbstbildnis mit Fisch» М. Бекманна).

Bevor sich das Geflecht der Wundmale zur Physiognomie des Ecce homo und zum Umriss einer Spotkronen verschnürt, hält der Maler ein und lässt die Wunde als Zeichen für viele Verletzungen stehen (к картине «Komposition» Уолса).

На основании данных комментариев можно утверждать, что билеты, письма, автографы символизируют тривиальное и будничное и являются фрагментами реального мира, рыба — символ чрезвычайной силы и возрождения, а также души и продолжения ее жизни и т. д. В двух последних примерах символическое значение элементов изображения эксплицируется словами Sinnbild, Zeichen, что подчеркивает семиотическую природу изображения и ее воплощение в комментирующем тексте.

Отдельное толкование может получить название картины.

Klee weist mit dem Wortspiel nicht nur auf seine persönliche, von unausweichlicher Krankheit geprägte, Situation hin, sondern auch auf die politische Bedrohung des zweiten Weltkrieges (к картине «Drei Vierer segeln» П. Клее).

В гораздо меньшей степени знаковость подчеркивается в высказываниях комментатора, интерпретирующих картину как целостное полотно.

Bacon hat die Bilder häufig voller Selbstzweifel als „Studie“ bezeichnet und damit das Vorläufige im Verhältnis zum Gemälde betont (к картине «Studie zu einem Bildnis» Ф. Бэкона).

In seinen zahlreichen Selbstbildnissen hat Beckmann nicht nur das eigene ich inszeniert, sondern auch 'das große verschleierte Mysterium des Daseins' zu begreifen versucht (к рисунку «Selbstbildnis mit Fisch» М. Бекманна).

В приведенных примерах можно наблюдать, как толкование смысла изображения практически совпадает с экспликацией интенций художника (*полон сомнений, подчеркивал преходящее, пытался понять великую завуалированную мистику бытия*).

Итак, несомненной представляется возможность выделения стратегии интерпретации, реализующейся в искусствоведческом дискурсе независимо от описывающих и эмотивно-оценочных стратегий. Интерпретация произведе-

ния изобразительного искусства представляет собой вербальное выражение, раскодирование абстрактной концепции, заключенной в изображении в наглядной форме. Перспективным нам представляется исследование языковых способов реализации указанной стратегии.

Список литературы

1. Булатова, А. П. Концептуализация знания в искусствоведческом дискурсе // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 1999. № 4. С. 34–49.
2. Елина, Е. А. Вербальные интерпретации произведений изобразительного искусства (номинативно-коммуникативный аспект) : дис. ... д-ра филол. наук. Волгоград, 2003.
3. Карасик, В. И. О категориях дискурса // Языковая личность: социолингвистические и эмотивные аспекты. Волгоград; Саратов : Перемена, 1998. С. 185–197.
4. URL : www.sovetikus.ru/log/126/

Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 33 (248). Филология. Искусствоведение. Вып. 60. С. 52–54.

Д. А. Звездин

ПРАВОСЛАВНАЯ ПРОПОВЕДЬ КАК КОММУНИКАТИВНЫЙ АКТ (на примере творчества архимандрита Иоанна Крестьянкина¹)

В статье рассматриваются коммуникативные характеристики жанра проповеди на материале текстов православного проповедника второй половины XX века. Делается вывод о том, что проповедь представляет собой полноценный речевой акт, обладающий рядом специфических черт.

Ключевые слова: проповедь, жанр, коммуникативное пространство, адресат, адресант, речевое событие, функции.

В настоящее время в России возрастает интерес к изучению церковной речи, что связано с активной миссионерской позицией Церкви в обществе, благодаря которой традиционные жанры церковной коммуникации, к ним относятся и проповедь, становятся содержанием актуального речевого пространства. По замечанию Р. Якобсона, «любой акт речевого общения» состоит из компонентов, которые и делают его таковым, это адресант, адресат, контекст, сообщение, контакт, код².

Компонентам «речевого события» соответствуют определенные «функции»: 1) референтивная; 2) эмотивная; 3) конативная³;

сату (addressee). Чтобы сообщение могло выполнять свои функции, необходимы: контекст (context), о котором идет речь; контекст должен восприниматься адресатом, и либо быть вербальным, либо допускать вербализацию; код (code), полностью или хотя бы частично общий для адресанта и адресата (или, другими словами, для кодирующего и декодирующего); контакт (contact) — физический канал и психологическая связь между адресантом и адресатом, обуславливающие возможность установить и поддерживать коммуникацию [5].

³ В качестве дополнительной приводится и «заклинательная» функция — «превращение» отсутствующего или неодушевленного «третьего лица» в адре-

¹ Известный русский православный проповедник второй половины XX века. В настоящей статье рассмотрены тексты проповедей из I тома собрания «Проповедей», 1993 г. [2].

² Адресант (addresser) посылает сообщение адре-

4) *фатическая*; 5) *метаязыковая*; 6) *поэтическая* [5].

Задача настоящей работы — выяснить, как в конкретных проповеднических текстах архимандрита Иоанна реализованы упомянутые функции¹.

Адресантом проповеди (это актуально для жанра в целом) выступает священник (*пастырь*, духовный наставник прихожан). Формально проповедь является коммуникацией односторонней, хотя «учет адресата» и становится порой «механизмом развертывания текста» [3. С. 26], заключается он в ответах на вероятные вопросы «собеседников». Основным адресатом проповеди выступает *паства*. Это общее наименование слушающих проповедь людей, которые «воцерковлены» в разной степени и обладают неодинаковыми социолингвистическими характеристиками. Всех их объединяет именно «слышание» слова пастыря.

Важно отметить, что проповедь как «комплексный жанр <...>, состоящий из цепочки более мелких» [1], включает в себя (у отца Иоанна это регулярный признак) молитву, обращенную к Богу, Богородице или святым. Потому *адресантом* сообщения в рамках коммуникативного пространства проповеди, помимо паствы, могут становиться Бог, а также Богородица и другие святые. В молитвенных обращениях адресантом (инициирующим началом) выступают, таким образом, *священник + паства*: *Ты Сам, милосердный Господи, вдохни в нас чувство Своей Любви и удостой вечных радостей в стране живых* [2. С. 107]; *Господи, имя тебе — Сила, подкрепи же нас всех, изнемогающих и падающих* [2. С. 118]. *Бог* (в случаях цитирования Священного Писания) или *святой* (при цитатных отсылках к святоотеческим трудам) может выступать в проповеди и в качестве *адресанта* сообщения. В способе введения библейских и святоотеческих цитат, когда проповедник указывает не опосредованный (книга), а непосредственный (Бог, святой) источник сообщения, мы видим отношение пастыря к Богу и к святым как к личностям² и участникам церковного общения: *Господь подтверждает наши худшие опасения.*

санта конативного сообщения (см. [5]).

¹ В данной статье мы не рассматриваем функции поэтической, которая, безусловно, представлена в текстах, однако требует специального изучения.

² В православном мирозерцании духовный мир «личностен». Потому вера, или религиозное сознание (отсутствие ее), имеет непосредственное отношение к «коду» проповеди.

«Посеянное на каменистом месте означает тех, которые... не имеют в себе корня и непостоянны...» [2. С. 77]; *«Мати — се сын Твой!»* — звучит с креста из уст *Божественного Страдальца* [2. С. 65]; *...святитель Феофан Затворник говорит нам так: «Если ты веруешь, разбери, сообразны ли с верою чувства твои, дела твои...»* [2. С. 41]. В приведенных примерах *священник и паства* составляют коллективный адресат сообщения. Ту же модель видим в случаях, когда проповедник использует «*мы*»-формы [6. С. 15] и, таким образом, возникает автоадресация: *Мы с вами, дорогие мои, часто забываем, что у Бога один день как тысяча лет и тысяча лет, как один день* [2. С. 179]; *Так дай нам Господь не туне услышать сегодняшний рассказ...* [2. С. 179]³. Таким образом, коммуникативные модели, встречающиеся в проповеди, иллюстрируют подвижность формальной коммуникативной роли пастыря, при его иницирующем начале и доминантной для проповеди модели *пастырь (адресант) — паства(адресат)*.

Исследователи справедливо отмечают, что «всякая проповедь одновременно несет информацию о предмете, выражает отношение к нему проповедника и оказывается поэтически украшена» [4]. Весь фактический материал, который мы узнаем, услышав (прочитав) гомилию, составляет референтивную (когнитивную) функцию сообщения, которая является одной из важнейших. Когнитивный аспект даже отдельно взятой проповеди весьма обширен и должен исследоваться особо, однако в некоторых случаях он может быть сведен к некому информативному «зерну». Так, в *Слове о малом доброделании* [2. С. 3] сообщение может быть «свернуто» к мысли об *отсутствии мелочей в духовной жизни*. Тон проповедника безапелляционен, суждения однозначны. В текстах отсутствуют вводные слова и сочетания, выражающие какие-либо колебания, раздумья или сомнения автора по поводу сообщаемого. Пастырь *знает* истину и говорит о ней: *Многие люди думают, что жить по вере и исполнять волю Божию очень трудно. На самом деле — очень легко...* [2. С. 3].

Важной представляется и *эмотивная* функция, отражающая отношение адресанта к тому, о чем он сообщает. Для проповеди значима нравственная *оценка* событий и явлений. Выражена она вербально через слова с оценочным значением, через позитивную/негативную лексическую кон-

³ Данный пример можно рассматривать и как пожелание, и как молитвенную просьбу.

нотацию: *Да, все те бедствия и скорби, которые переносит наша родина ныне... — это ведь явные признаки, что в нашей жизни явились злые делатели, которые глумятся над верой, богохульствуют, попирают святыню...* [2. С. 31]; *человек с ожесточением набрасываясь на то, что было святым... разбивает то нежное и великое, что жило в глубине души и освящало жизнь* [2. С. 33]; *Последним натиском разнузданного ума и грязного сердца объявляется, что Бога нет, что жизнь человека ему не подотчетна...* [2. С. 34].

Проповедь — жанр, «живущий» в Литургии, этим объясняется то, что фатическая функция в гомилии связана с привлечением внимания слушающих к началу сообщения, а также с обозначением его конца (в статье мы рассматриваем лишь вербальные средства). Традиционное для проповеди посвящение *во имя Отца и Сына и святого Духа* (сохраняя, разумеется, свой номинативный смысл), а также *аминь* в конце выполняют важную роль в реализации этой функции. Если проповедь посвящена святому, молитва, обращенная к нему, может быть указанием на конец гомилии, например: *Ублажаем, ублажаем тя, преподобне отче Серафиме...* [2. С. 139]; *Святителю отче Николае, моли Бога о нас* [2. С. 227]. Чтобы «поддерживать связь» [5] пастырю необходимо периодически активизировать внимание слушателей, для чего он использует обращения, размещает их в начале предложения: *Друзи мои, поздравляю Вас с неземной нынешней радостью, посетившей нас! Друзи наши, сегодняшнюю литургию предваряла торжественная панихида...* [2. С. 24]. Обращения реализуют и конативную функцию, которая выражена также и в формах повелительного наклонения, преимущественно инклюзивных: *Не забудем, дорогие мои, что мы живем в мире зла, мы немощны, мы склонны ко греху...* [2. С. 79]; *Итак, дорогие наши, други наши, будем учиться вере* [2. С. 157]; *Подумайте. Как часто и мы, не убивая физически, наносим смертельный удар ближнему...* [2. С. 194]. Важно отметить, что многочисленные императивные формы выражают одну из важнейших коммуникативных задач проповеди — нравственный призыв.

Неодушевленное лицо также может быть адресатом конативного сообщения, однако «заклинательная» функция встречается у отца Иоанна нечасто и является художественным приемом, например: *РОССИЯ! Будь такою, какою ты нужна Христу!* (развернутое олицетворение).

Метаязыковая функция не столь ярко, но всё же представлена в текстах. Основной «повод»

для ее реализации — «двойственный» код проповеди, в которой существен элемент лексической архаики. Расширяя гуманитарную эрудицию паствы, проповедник комментирует свои высказывания, толкует значение неясных, на его взгляд, слов: *Грешник, не упорствуй, не косней (т. е. не медли) во грехе* [2. С. 40]; *Варварское племя сарацин (народ, родственник теперешним туркам, магометане по вере)...* обложило город Константинополь... [2. С. 65].

Таким образом, православная проповедь, рассмотренная нами на примерах текстов архимандрита Иоанна (Крестьянкина), являет собой полноценный речевой акт, в котором представлены соответствующие коммуникативные компоненты и разнообразные речевые функции. Даже обзорное их рассмотрение позволяет сделать некоторые важные выводы о жанровых особенностях проповеди как речевого события, среди них: специфические модели *адресат — адресант*, подвижность формальной коммуникативной роли *пастыря*, присущие именно проповеди средства выражения фатической функции, значимая роль конативной функции. Отметим, что внимательного исследования требует поэтическая функция, ее изучение позволило бы, на наш взгляд, отметить яркие особенности идиостиля отца Иоанна, а также расширить представления о стилистике жанра православной проповеди на современном этапе.

Список литературы

1. Захаренкова, О. С. Жанровые особенности современной проповеди (на материале текстов красноярских и железногорских священнослужителей) [Электронный ресурс]. URL: http://home.uic.tula.ru/~zrv/happy/happy_moral.htm
2. Иоанн (Крестьянкин), архимандрит. Проповеди. Т. 2. П.; М.: Свято-Успен. Псково-Печер. монастырь, 1994. 208 с.
3. Мишланов, В. А. Диалогичность церковно-религиозных текстов / В. А. Мишланов, В. А. Салимовский // Вестн. Перм. ун-та. 2010. № 6 (12). С. 24–28.
4. Ульянич, Г. А. Духовная проповедь как комплексный ритуальный акт социальной коммуникации [Электронный ресурс]. URL: http://www.analiculturolog.ru/journal/archive/item/206-article_18.html.
5. Якобсон Р. Лингвистика и поэтика // Структурализм: «за» и «против». М., 1975. URL: <http://www.farit.ru/forum/34444-3.html>.
6. Ярмульская, И. Ю. Духовное послание в документоведческом и стилистическом освещении: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2006

НЕКОТОРЫЕ ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ МЕТАФОРЫ В МЕДИЦИНСКОЙ КОММУНИКАЦИИ

В статье рассматривается медицинская метафора, функционирующая в сфере профессионального дискурса. Дана характеристика функционирования языка в естественных условиях, при которых раскрывается соотношение языковых и ментальных структур, общекультурного и профессионального знания.

Ключевые слова: медицинская коммуникация, профессиональная метафора, психолингвистический эксперимент, субъективные дефиниции.

В настоящей статье представлены результаты проведенного автором психолингвистического эксперимента с использованием методики субъективных дефиниций. Эксперимент проводился в профессиональной медицинской сфере с представителями двух лингвокультур — русской и французской.

Отбор 19 медицинских метафор из медицинского дискурса был осуществлен в процессе работы с текстами 40 анамнезов, 40 эпикризов, 50 историй болезни. Выбор 16 медицинских метафор из письменного языка французских медицинских работников определился в результате анализа 38 индивидуальных карт пациентов, 10 клиентских журналов, 30 выписок, 40 анамнезов.

Таким образом, материалом для эксперимента послужили следующие профессиональные метафоры, функционирующие в отечественной письменной медицинской коммуникации: *синдром Квазимодо, комплекс Каина, симптом Ван Гога, болезнь Святого Валентина, Пиквикский синдром, болезнь колючей проволоки, синдром Обломова, нарциссическая травма, синдром Алисы в стране чудес, синдром Мюнхгаузена, синдром Отелло, синдром Ромео и Джульетты, синдром Дианы, синдром Диогена, синдром Плюшкина, синдром Розенталя, солдатская болезнь, синдром отмены табака, синдром Шалтай-Болтая.*

Материалом для эксперимента с франкоговорящими испытуемыми послужили профессиональные метафоры: *symptôme du Chaperon rouge, symptôme du Barbe-Bleue, syndrome d'Alexandre, syndrome de Chevalier, sophrologie sur La Rochelle, le mauvais stress, le bon stress, syndrome de l'X fragile, le pied d'athlète, enfant TED, semi-lunaire, syndrome du saint François d'Assise, psychose d'idéaliste, angle interne de l'oeil, don juanisme, colique néphrétique.* Всего в эксперименте приняла

участие 175 ии. Эксперимент проводился со студентами пятого курса факультета клинической психологии и лечебного факультета Курского государственного медицинского университета (120 человек в возрасте 22–23 лет); с психиатрами, медицинскими и клиническими психологами стационаров г. Курска (30 человек, возраст 32–50 лет); с психоаналитиками, медицинскими и клиническими психологами, детскими психиатрами частной клиники г. Парижа (25 человек, от 30 до 50 лет).

Испытуемым предъявлялась карточка, на которой была записана отдельная медицинская метафора, задача состояла в том, чтобы объяснить предложенное выражение. Возможно было дать неограниченное количество объяснений, главное — не задумываться. Если словосочетание представлялось незнакомым или непонятным, бланк можно было отложить и больше к нему не возвращаться, условие обязательного заполнения бланков не ставилось. Время работы с каждым бланком не ограничивалось. В результате проведения эксперимента было получено 175 бланков (150 — от русскоговорящих и 25 — от франкоговорящих ии.). При осуществлении вертикального анализа нами были отбракованы два бланка, содержащих в себе отказы от реакции (чистые бланки). Все остальные экспериментальные карточки были признаны годными для дальнейшей работы с ними. В расчет брались все четко читаемые слова и рисунки. Общее количество полученных субъективных дефиниций — 502.

Анализируя полученный нами экспериментальный материал с точки зрения качественного наполнения субъективных дефиниций, не можем не отметить доминанту культурной картины мира в интерпретациях весьма специфических, узкопрофессиональных языковых средств — медицинских метафорах. Культурная картина мира находит свое выражение в жестких рамках

терминологического поля, отражая результирующие оценки носителей языка, являющихся совокупностью рациональных знаний и представлений о ценностях и нормах собственной культуры. Например: «*sympôme du Chaperon rouge*» — «*Non, je ne suis plus jaloux, Mais je te veux ardemment, Et mois-même tends le cou À mon bourreau maintenant*» (Я больше не ревную Но я тебя очень хочу И сам я несу свою голову сейчас к моему палачу). Мы наблюдаем дефиницию, имеющую в своей основе реализацию связей по линии глубинного яруса индивидуального лексикона, через включение выражения в контекст акта глубинной предикации. Вероятно, восприятие слов «*Chaperon rouge*» привело к актуализации на разных уровнях осознаваемости определенной, связанной с этими словами «чувственной группы», базирующейся на знаниях свойств и отношений объективного мира.

Профессиональные метафоры (в нашем случае медицинские) — важный элемент языковой картины мира, они отображают способ членения и классификации реальности, принятый в рамках данного языкового сообщества, являются отражением системы ценностей, что подтверждается данными эксперимента. Например: «*sophrologie sur La Rochelle*» — «*Modifier l'image que vous avez de vous-même: vos amis, au lieu de ne voir en vous qu'un symbole d'élégance, d'originalité ou de frivolité, apprendront à vous aimer pour autre chose que votre apparence! Par exemple, pour l'art d'aimer!*» (Менять образ самого себя: ваши друзья вместо того чтобы видеть в вас символ элегантности, неповторимости или фривольности, обучат вас любить себя за что-либо иное, чем вашу внешность! Например, за искусство любить!); «*болезнь Святого Валентина*» — «*в православии Святой Трифон; переживания в связи с недостаточностью знаков внимания и любви со стороны противоположного пола (попросту говоря мало «валентинок» в день Св. Валентина), свойственных детям, подросткам, а также эмоционально незрелым личностям*».

В метафорических фондах анализируемых языков присутствует как общечеловеческое, так и национально-культурное содержание, что эксплицирует сходства и различия в мировосприятии конкретных лингвокультурных сообществ. Несмотря на универсальный характер человеческого мышления, освоение окружающей реальности осуществляется специфическим, присущим конкретной национально-культурной общности способом, что и манифестируется в метафоре. Например: «*sympôme du Barbe-*

Bleue» — «*ART DE VIVRE, on utilise des procédés qui lui sont propres, et dont l'originalité tient à leur caractère «vivantiel». (La vivance est un acte de conscience, c'est la certitude d'une présence: la vie en train de se manifester à l'intérieur de notre corps)*» (ИСКУССТВО ЖИТЬ, используются способы, которые ему присущи, в которых проявляется оригинальность его «полного жизни» характера. (Жизненность — акт сознания, это уверенность присутствия: жизнь стремится к тому, чтобы проявляться внутри нашего тела)); «*синдром Алисы в стране чудес*» — «*сокрытие своего существования «за миром детства» (светлое только в детстве, а сейчас нужна «бронь» от всего мира). И лучше если эта бронь поддержана кем-то из властимущих!*».

Вместе с тем, в профессиональной метафоре находит отражение персонификация соответствующей культуры. Так, например, при употреблении прецедентного имени в письменной медицинской коммуникации происходит апелляция не к денотату, а к набору дифференциальных признаков и признаков имени и коннотаций той прецедентной ситуации, с которой данное имя связано. Не вызывает сомнения вариативный характер данного набора. Однако все инварианты, как правило, известны представителям лингвокультурного сообщества. Именно благодаря последнему обстоятельству, а не только общности языкового опыта, достигается взаимопонимание медицинских работников при употреблении медицинских метафор с прецедентными именами. Например: «*Пиквикский синдром*» — «*записки Пиквикского клуба*», «*вечно спящий слуга Джо*».

В медицинской метафоре отражается и гендерная специфика конкретной лингвокультуры. В русском лингвокультурном сообществе социальная активность женщины по-прежнему несколько ниже по сравнению с социальной активностью мужчины. Во французской языковой картине мира женщины представлены как сильные, наделенные властью, уверенные в себе, имеющие хорошую профессию, делающие успешную карьеру, что свидетельствует о постепенном размывании традиционных гендерных стереотипов у французов и достаточно высоком уровне стереотипии у русскоговорящих. Например: «*синдром Дианы*» — «*как истинная женщина должна добывать себе мужа, еду, рожать детей, а мужчина на диване*»; «*angle interne de l'oeil*» — «*De belles dames sont trop occupées par la carrière et nous que c'est le destin pour hommes*» (Прекрасные дамы слишком заняты карьерой и нами, это мужской удел), «*syn-*

drome du saint François d'Assise» — «*Maintenant en France peut apparaître tout à fait sacré dans la jupe féminine (Si Vatican est non contre)*» (Сейчас во Франции вполне может появиться святой в женской юбке (если Ватикан не будет против)), «*semi-lunaire*» — «*À la femme non jusqu'à telles bêtises. Du système nerveux plus plastique, a la mentalité — est stable*» (Женщине не до таких глупостей. Их нервная система более пластичная, а психика — устойчивее).

На основе проведенного анализа можно констатировать, что русская лингвокультура отличается разнообразием типов оценок профессиональных феноменов, номинируемых с помощью метафоры, в которых реализуется модификационное значение. Профессиональные феномены более детализированы и лексически разнообраз-

нее. Вместе с тем подчеркнем, что для франкоговорящих медицинских работников типично употребление в медицинских метафорах прецедентных имен и ситуаций, характерных только для французской лингвокультуры; в то время как для русскоговорящих свойственна определенная «интернационализация» в их использовании.

Таким образом, очевидна непосредственная связь между исследуемым феноменом и культурой, образом жизни и национальным характером в рамках сравниваемых лингвокультур. Являясь результатом специфической номинации, обусловленной приоритетами конкретного общества, профессиональная метафора представляет особый, стилистически маркированный способ употребления медицинского высказывания в пространстве медицинской коммуникации.

Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 33 (248). Филология. Искусствоведение. Вып. 60. С. 57–59.

Н. П. Ивинских

МЕТАФОРИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ «ЛИТЕРАТУРА» КАК ОТРАЖЕНИЕ ДИНАМИКИ МЕТОДИЧЕСКОГО ДИСКУРСА (на материале английского языка)

В статье рассматривается функционирование когнитивной метафоры в методическом дискурсе. Избранная для анализа метафорическая модель позволяет проследить динамику методического дискурса. Если в начале XX века методическое знание вербализовалось с помощью таких метафор, как бог Хеймдалль, Сцилла, Харибда, чудовище, то в XXI веке эти метафоры уже утратили актуальность.

Ключевые слова: *методический дискурс, концептуальная метафора, метафорическая модель, динамический аспект.*

На современном этапе развития лингвистической науки изучение концептуальной метафоры приобретает особую исследовательскую ценность. В рамках когнитивно-дискурсивного подхода под метафорой понимается универсальный механизм познания и осмысления мира, «когнитивный механизм, выражающий и формирующий новые понятия и без которого невозможно получение нового знания, который играет важную роль в процессах концептуализации и категоризации мира» [4].

Перспективным, на наш взгляд, является рассмотрение концептуальной метафоры с точки зрения отражения динамики методического дискурса. Под дискурсом мы понимаем вербально опосредованную деятельность в специальной сфере. Особенностью методического дискурса является то, что участники данного дискурса

(учитель и ученик) обладают разным объемом научного знания, здесь не происходит как такового приращения знания, а имеет место передача знаний и опыта. По словам Л. М. Алексеевой, метафора может выполнять «роль интермедиатора», т. е. способствовать «уравнению объемов знаний коммуникантов» [1]. Следовательно, метафора в методическом дискурсе выполняет описательную, иллюстрирующую роль.

Материалом для исследования послужили книги датского лингвиста Отто Есперсена «How to Teach a Foreign Language» (1904) и английского лингвиста Генри Суита «The Practical Study of Languages: a Guide for Teachers and Learners. Language and Language Learning» (1899), относящиеся к началу XX века, а также работы современных лингвистов, методистов, интернет-публикации конца XX — начала XXI века.

Единицей исследования является контекст. Изучением типологии контекста занимались Г. Н. Скляревская, О. Н. Лагута и др. Т. А. Ширяева в своем диссертационном исследовании предлагает различать метафорический контекст (микрконтекст — слово или словосочетание, макрконтекст — целое предложение) и когнитивный контекст («для декодирования надо привлечь универсальное знание того или иного понятия и весь комплекс ассоциаций, которые сопутствуют этому понятию» [7]). Данный подход представляется наиболее разумным, поскольку соответствует пониманию метафоры как лингвистического и когнитивного феномена.

Одним из эффективных методов изучения метафоризации является составление словаря метафор по методике А. Н. Баранова и Ю. Н. Караулова [2; 3]. Организация языкового материала в таком словаре производится на основе положения о противопоставлении двух смысловых комплексов, образующих метафорическое значение: оппозиция сигнификативного измерения (метафорической модели) и денотативного измерения (области объектов метафорического осмысления) определяет структуру словаря. В целях унификации параметров сравнения тезауруса метафор нами был построен таксономический фрейм — на основе выделения доменов, базовых таксонов, видовых, подвидовых, терминальных таксонов. Метафорическая модель методического дискурса состоит из двух базовых доменов ЧЕЛОВЕК и ПРИРОДА. Первый из них включает таксоны **Человек как биологическое существо** и **Человек как социальный субъект**. Ко второму относятся таксоны **Неживая природа** и **Живая Природа**.

Рассмотрим подвидовой таксон **Литература**, относящийся к видовому таксону «КУЛЬТУРА» (домен **Человек как социальный субъект**). В публикациях начала XX века встречаются такие репрезентации методического знания, как бог Хеймдалль, Сцилла и Харибда, чудовище, Золушка (Синдирелла). Например, в ситуации перехода от одного метода к другому новый метод (прямой) репрезентируется при помощи аналогии с богом Хеймдаллем. В германо-скандинавской мифологии это страж богов, имеющий 9 матерей. Таким образом, прямой метод имеет пять отцов, то есть у данного метода существует пять создателей, каждый из которых привносит свою трактовку:

• If in old Norse methology, the god Heimdall had nine mothers, our reform-method has at least seven wise fathers (O. Espersen).

Переход к обучению иностранным языкам при помощи связных текстов репрезентируется при помощи мифических существ, чудовищ:

• The use of connected texts in the elementary teaching of language has already previously been tried, but it seems as if in the effort to avoid **the Scylla** of disconnected sentences it has been impossible to escape **the Charybdis** of such texts as ... (O. Espersen).

Энциклопедический словарь дает следующее определение: «Сцилла и Харибда — в греческой мифологии два чудовища, жившие по обеим сторонам узкого пролива и губившие проплывающих между ними мореходов. Отсюда выражение «находиться между Сциллой и Харибдой» — подвергаться опасности с обеих сторон».

В попытках избежать искусственного, неестественного произношения, изучающие иностранный язык энтузиасты нередко вместо разговорного английского порождают так называемых монстров:

• The revolt against artificial standards of pronunciation sometimes tempts phonetic enthusiasts into constructing colloquial **monstrosities** when dealing with a foreign language - they become more colloquial than the most slovenly native (H. Sweet).

Говоря о роли современных языков в системе образования, Отто Есперсен пишет, что отношение к ним во времена, когда латынь считалась единственным достойным изучения языком, было пренебрежительное, как к Золушке. В словаре С. И. Ожегова находим такое определение: «Золушка — тот, кого не любят, постоянно незаслуженно обижают [по имени безответной и нелюбимой падчерицы — героини одноименной сказки Ш. Перро]».

• Modern languages, which were formly treated like **Cinderella** in our schools and universities, begin to feel of age, and want to have a word to say, because they cannot put up with various arrangements which may have been more or less satisfactory for the classical languages, but do not suit modern languages at all (O. Espersen).

На современном этапе развития методического дискурса мы не находим метафор, репрезентирующих что-либо «страшное», хотя весьма распространена метафора Золушки, которая усложняется путем распространения предложения и привлечения дополнительных фоновых знаний и ассоциаций. Например:

• Pronunciation: **The “Cinderella”** of Language Teaching. Indisputably, teaching pronunciation is one of the most complicated yet significant aspects of EFL / ESL teaching. That is why it has been looked

upon as **the “Cinderella”** of language teaching (Kelly, 1969, Dalton, 1997) (Adrian Underhill).

• There are several reasons for **the Cinderella** status of vocabulary (Andrew Sheehan).

• I have suggested that pronunciation is **the Cinderella** of language teaching in that it has been neglected, and become disconnected from other language learning activities. However I claim that if we pay attention to **this Cinderella** we will find something truly magnificent in terms of engagement for learners, impact on the rest of language learning, and enjoyment (Adrian Underhill).

• I think pron (pronunciation) is definitely **the ‘Cinderella’** of ELT. **She hardly ever gets to the party** so to speak (Leahn).

Таким образом, исследование выявило, что метафорическая модель «Литература» отображает динамику развития методического дискурса в английском языке. Если в начале XX века преобладают метафоры, вербализирующие семантику страха (чудище, Сцилла и Харибда), что связано, вероятно, с переживанием чего-то нового, неизведанного — в то время в методике происходила смена парадигм (осуществлялся переход от грамматико-переводного к прямому методу), то на современном этапе таких метафор нет, но по-прежнему актуальны метафоры, ре-

презентирующие пренебрежение (Золушка) некоторыми аспектами языка (например, фонетическим или лексическим).

Список литературы

1. Алексеева, Л. М. Термин и метафора. Пермь, 1998.
2. Баранов, А. Н. Русская политическая метафора. Материалы к словарю / А. Н. Баранов, Ю. Н. Караулов. М., 1991.
3. Баранов А. Н. Словарь русских политических метафор / А. Н. Баранов, Ю.Н. Караулов. М., 1994.
4. Краткий словарь когнитивных терминов / Е. С. Кубрякова и др. М., 1996.
5. Мишланова, С. Л. Метафора в медицинском дискурсе. Пермь, 2002.
6. Складаревская, Г. Н. Метафора в системе языка. СПб., 1993.
7. Ширяева, Т. А. Метафора как фактор прагма-семантической характеристики текстов публицистического стиля : дис. ... канд. филол. наук. Пятигорск, 1999.
8. Jespersen, O. How to Teach a Foreign Language. London, 1904.
9. Sweet, H. The Practical Study of Languages: a Guide for Teachers and Learners. Language and Language Learning. London, 1899.

Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 33 (248). Филология. Искусствоведение. Вып. 60. С. 59–61.

В. В. Игнатенко

ОСОБЕННОСТИ ПРОИЗВОДСТВЕННОЙ МЕТАФОРЫ В КОНТЕКСТЕ СПЕЦИАЛЬНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

В статье предпринимается попытка выявить и описать особенности производственной метафоры в сфере специальной лексики на основе анализа технических текстов, используемых в процессе обучения студентов университета.

Ключевые слова: производственная метафора, промышленный дискурс, метафорическая модель.

Постоянное участие метафоры в функционировании языка и культуры в целом является ее отличительной особенностью. Новые метафоры возникают под воздействием современных источников знаний и информации, активно используются при определении свойств объектов в сфере технических достижений человечества.

Цель анализа — выявить метафорические номинации и продуктивные метафорические модели. Мы исходили из того, что метафора присутствует в интерпретации каждого вида дея-

тельности человека. Особое место в лексико-семантической системе языка принадлежит специальной лексике, используемой в различного рода социально-функциональных подъязыках, в частности в профессиональной речи. В этой связи теоретически значимым становится вопрос о специфике метафоры в контексте лексики ограниченного употребления, в профессиональных текстах.

Актуальность исследования обусловлена важностью промышленного производства не только

как отрасли хозяйственно-экономической деятельности, но и как среды обитания человека.

Нами проанализированы тексты учебных пособий, используемых в образовательном процессе студентов высших учебных заведений, обучающихся по направлению «Пищевая инженерия». В результате выявлена специфическая разновидность метафоры — **производственная метафора**. Полагаем, что она может быть реализована двумя типами. Первый тип — производственно-художественный — характерен не только для профессионального дискурса, но и для языка в целом, представляет собой сочетание общеупотребительного слова и специального термина (*под гнетом общественного мнения, железная хватка, накал страстей*). Второй тип — собственно производственная метафора, которая распространена в профессиональных языках сферы промышленного производства и представляет собой сочетание слов из профессионального языка и языка общего употребления (*ребра жесткости, поворотный фартук, живое сечение*). Денотативное значение производственной метафоры первого типа формируется лексемой литературного языка, а коннотативное — техническим термином, в то время как в метафоре второго типа денотативное значение формируется специальным понятием, а коннотативное — словом из бытового дискурса. При этом технический термин сохраняет коннотативное значение, имеет ситуативную обусловленность, слово бытового дискурса реализует денотативный аспект вновь образованной метафоры. В результате подобного взаимодействия рождается феномен производственной метафоры.

Мы понимаем под **производственной метафорой** структуру, которая возникает в процессе речемыслительной деятельности человека как результат его взаимодействия с окружающим миром и выражает эмоционально-оценочное отношение к явлениям действительности. Вслед за А. А. Залевской мы трактуем метафору как достояние индивида, поскольку она изначально заложена не столько в природе мира, сколько в природе самого человека [1].

Производственная метафора может быть классифицирована в рамках описания ее традиционных видов:

— стертая метафора представляет собой общепринятую метафору, фигуральный характер которой уже не ощущается (*задняя ножка, оребренная батарея, рабочий орган*);

— метафора-формула близка к стертой метафоре, но отличается от нее большей стереотип-

ностью и иногда невозможностью преобразования в нефигуральную конструкцию (*живое сечение*);

— «резкая» метафора — метафора, сводящая далеко стоящие друг от друга понятия (*поворотный фартук, ножи с усиками*);

— развернутая метафора — это метафора, последовательно осуществляемая на протяжении большого фрагмента сообщения или всего сообщения в целом (*К задней ножке крепится выходная, закрытая стойка корзины, которая, в свою очередь, является основным рабочим органом машины КПУ-М, предназначенной для притирания томатов, семечковых и косточковых плодов*);

— «реализованная» метафора — предполагает оперирование метафорическим выражением без учета его фигурального характера, т. е. так, как если бы метафора имела прямое значение (*Гусиная шея — это загрузочное устройство-элеватор...*).

Таким образом, мы полагаем, что специфика осмысления феноменов промышленного дискурса проявляется в обращении к обыденным представлениям человека о мире, которые уточняются с помощью метафорических моделей. Анализ специальных текстов из учебников и учебных пособий позволил выявить следующие сферы-источники метафор — «Живой организм», «Элементы гардероба», «Домашняя утварь», которые «свидетельствуют о том, что для создания профессионального образа мира избираются те области знания, которые знакомы и понятны человеческому сознанию» [4. С. 52].

Рассмотрим метафорические модели, характерные для промышленного дискурса.

В метафорической модели **производство** — **живой организм**, выделяем метафоры, относящиеся к миру животных, например, *вращающаяся собачка, гусиная шея, червячный редуктор; органам восприятия*, например, *алюминиевые зубья, ножи с усиками, частям тела*, например, *соединительные щечки, палец барабана, задняя ножка, ребра жесткости, тело барабана, выдвигная пята, оребренная батарея, кулачковый механизм* [3. С. 381–919].

Производственный процесс (как симбиоз людей и машин) нередко сравнивают с жизнеобеспечивающими процессами, протекающими в живом организме. Каждая деталь выполняет свою функцию, обеспечивая бесперебойную работу всего конвейера производства. «Оживление» производственных процессов, аппаратов, станков и их деталей вполне объясни-

мо: создаваемая человеком картина мира изначально антропоцентрична — этот мир строится разумом человека, который концептуализирует производственные реалии, опираясь на свои представления о соотношении индивида и мира. Метафора реализует представления о человеке как о центре мира.

В основу метафорической модели **промышленные объекты — это элементы гардероба** легли метафоры, которые мы условно отнесли к **аксессуарам**, например, *соединительная серьга, съёмный бандаж, опорные ролики, карман и одежде*, например, *поворотный фартук, выгрузочный рукав, соединительный рукав, водяная/охлаждающая рубашка* [3. С. 414–878]. Часто такие метафоры обозначают второстепенные, вспомогательные детали промышленного объекта.

Метафорическая модель **детали машин — это домашняя утварь** опровергает представление о техническом языке как лаконичной и сухой системе специальных единиц. Эмоциональный характер метафоры свидетельствует о стремлении человека «обжить» производственную среду, сделать ее более комфортной для своего существования, наполнить близкими и хорошо знакомыми предметами и элементами быта.

Выделенные в рамках этой метафорической модели номинации представляют **элементы посуды**, например, *тарелка питания* и **бытовые приспособления**: *соединительное коромысло* [3. С. 693]. Приведенные примеры показывают, что в промышленном дискурсе метафора способствует упрощению и правильному осмыслению сложных профессиональных понятий.

Механизм метафоризации представляет собой «своего рода экспансию концептов области-источника, в результате которой» имеет место «захват и освоение ими новой области — области цели», что в конечном итоге обеспечивает «эв-

ристическую функцию осмысления новых <...> реалий и деконструктивную функцию разрушения сложившихся стереотипов сознания» [2]. Мы полагаем, что особенность метафорического переноса в рамках производственной метафоры основана на внешнем сходстве элементов двух сфер: источника и цели, а также близостью выполняемых функций, например, *«Задняя ножка крепится к входной, закрытой стойке корзины, ...»* Почему именно *ножка*, а не, скажем, *ручка*? Метафора обращает внимание на то, что речь идет о *стойке корзины*, т. е. аппарат *стоит*, а стоит человек чаще всего на ногах [3. С. 381].

Сходство объектов метафорической номинации обеспечивается признаком, выступающим в качестве семантического посредника. Так, основным объектом метафорического признака *железная* (в выражениях *железная хватка, железная логика*) является компонент «надежный», вспомогательным — компонент «металл», семантическим посредником или, как его можно назвать, аспектом сравнения выступает «качество металла — прочность». Таким образом, употребление производственной метафоры в тексте опирается не только на профессиональный, но и на обыденный опыт носителей языка.

Список литературы

1. Залевская, А. А. Психолингвистические исследования. Слово. Текст: Избранные труды. М., 2005. 543 с.
2. Кобозева, И. М. К формальной репрезентации метафор в рамках когнитивного подхода [Электронный ресурс]. URL: <http://www.dialog-21.ru>
3. Панфилов, В. А. Машины и аппараты пищевых средств / В. А. Панфилов, С. Т. Антипов [и др.] М., 2001. 1383 с.
4. Симоненко, М. А. Архитектурная метафора в контексте архитектуры. Астрахань, 2010. 124 с.

ПАРЕМИИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ СФЕРЫ: ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Статья посвящена анализу пословиц профессиональной тематики в лингвокультурологическом аспекте. В паремиологической картине мира эти единицы актуализируют концепт «Мастерство», который можно рассматривать как структурную часть концептосферы «Труд».

Ключевые слова: паремии профессиональной тематики, концепт, концептосфера, паремиологическая картина мира.

Идея постановки и решения лингвистических проблем применительно к сферам профессиональной деятельности приобрела сегодня особенное звучание. В поле зрения современной лингвистики оказались вопросы, касающиеся всех уровней языка и охватывающие как фундаментальные, глубоко разработанные проблемы, так и относительно новые — в русле лингвокультурологии, когнитивной лингвистики, психо- и социолингвистики и других областей знания.

В настоящей статье представлены результаты исследования паремий профессиональной сферы в лингвокультурологическом аспекте.

Традиционно паремии профессиональной тематики относят к обширной, тщательно изученной концептосфере «Труд», принадлежащей к «концептным доминантам, которые интересовали паремиологов искони и были детально уложены в прокрустово ложе собраний пословиц и поговорок» [2. С. 13]. В данной статье мы рассматриваем ту часть паремий, в которых отношение к труду измеряется степенью владения трудовыми навыками — мастерством. Именно мастерство, по нашему мнению, выступает точкой отсчета в оценке профессиональной деятельности.

Концепты в паремиях выделяются нами путем дефиниционного анализа на основе ведущих лексикографических изданий, в число которых вошли современные и исторические толковые словари русского языка под редакцией К. С. Горбачевича, А. П. Евгеньевой, С. И. Ожегова, Н. Ю. Шведовой, Т. Ф. Ефремовой, Д. Н. Ушакова, В. И. Даля и др.

«Труд»: 1. Целенаправленная деятельность человека, требующая умственного и физического напряжения; работа. 2. Результат такой деятельности, произведение, сочинение (в основном, результат интеллектуальной деятельности). 3. Усилие, умственное или физическое, направленное на достижение чего-либо. В толковых

словарях основные значения слова дополняются сведениями о целесообразности труда, о материальных и духовных ценностях, созданных в процессе деятельности, о труде как источнике заработка, о труде как процессе привития умения и навыков в какой-либо профессиональной деятельности (применительно к школьному преподаванию).

«Мастерство»: 1. Ремесло. 2. Большое умение, владение профессией, трудовыми навыками. 3. Высокое искусство в какой-то области.

«Профессионализм»: 1. Занятие чем-либо как профессией. Хорошее владение своей профессией, хорошее знание дела. В словаре В. И. Даля указывается: «Профессия — промысел, всякое сословное занятие»; *сословие* же трактуется им как «разряд, каста, цех, более тесное братство (сословие столяров, сапожников и портных)», люди одного сословия — это «люди одного занятия и прав». Исходя из этого важного дополнения, можно сделать вывод, что профессиональное умение приобреталось в результате овладения ремеслом и оттачивалось, постепенно переходя в мастерство, которое высоко ценилось. Любопытно, что в современных источниках нет упоминания о профессионализме как степени мастерства или искусстве.

Мастерство как высокая степень овладения профессией, профессиональными навыками, ремеслом относится к безусловной ценности. В словаре Ю. С. Степанова «Константы: словарь русской культуры» концепт «Ремесло» объединен с концептом «Действие»: «В ремеслах — как теме духовной культуры — мы выделим некоторые типизированные и концептуализированные представления о ремесленных действиях, выраженные в словах русского языка» [3. С. 363–364]. В процессе этимологического анализа автор приходит к выводу, что концепт «Ремесло» нуждался в словесном вы-

ражении. За его словесной формой возможно прочесть не только аксиологию ремесла, но и мастерства как степени владения ремеслом, профессией. По Ю. С. Степанову, в этот аксиологический ряд также входят: «ремесло; сноровка в деле; умение; искусство», представляющие собой ясно выраженную динамику мастерства.

Идея актуализации концепта «Мастерство» получила развитие в паремиях, которые формируют своеобразную иерархию элементов данного концепта.

Мастерство как искусство: *Искусный плаватель и на море не тонет; Искусство лучше силы.*

Ценность мастерства: *Не то дорого, что красного золота, а дорого, что доброго мастерства; Мастерства за плечами не носят, а с ним добро; Не работа дорога — умение; Умение — не ноша за спиной; Умение везде найдет применение.*

Постепенное овладение профессией, приобретение мастерства: *Бей галку и ворону, добьешься и до ясного сокола; Добился сладкого, молотя солоду; К большому терпенью придет и умение; Кузнецом никто не рождается; Не испортив дела, мастером не будешь.*

Постоянное обучение, повышение квалификации: *Век живи, век трудись, а трудясь, век учишься; Золотые руки у того, кто обучился хорошо; Кукушка не ястреб, а неуч не мастер; Мастеру золотые руки в ученье делают; Не учаешь, и лаптя не сплетишь.*

Усилие (умственное, физическое, нравственное), направленное на достижение мастерства: *Всякое умение трудом дается; Мало хотеть, надо уметь; Мастеровой, что курица: что ступит, то и стукнет; Не трудно сделать, да трудно задумать; Усердие — мать удачи; Всякий мастер про себя мыслит.*

Любовь к делу — признак истинного мастера: *Люби дело — мастером будешь.*

Право называться мастером своего дела нужно заработать. Оценка мастерства, мнимого или истинного, придет незамедлительно.

Мастерство и мастера оценивают: по работе как процессу: *Всякая работа хвалит мастера; Каков мастер, такова и работа; По работе и мастера знают; Недаром говорится, что дело мастера боится; по результату работы:* *Какова пряжа, такова на ней и рубаха; Клин тесать — мастерство казать; У портного и локоток наотлет; Дело — не ворона: не каркнет, а скажется; Маленькое дело, а громко кричит; По мерке мастера знают; по*

орудиям труда: *У плохого мастера такова и пила; У кого больно чист струмент, тот плохой мастер; Долгая нитка — ленивая швея; по особым признакам мастера и мастерства (именные клейма, приемы работы, профессиональные знания и навыки):* *Хорошего мастера по хватке видно; Клеймо мастера скажет; Марка дело красит; Языком не мастер, а знает, что тютюн, что кнастер; Для умелой руки все работы легки; У всякого своя сноровка.*

Признание, благодарность, заслуженная честь, почет: *Все бондаря, да не многих благодарят; Мастерство везде в почете; По крыльям полет, по делам почет; Прием мастера кажет; Ремеслу везде почет.*

Мастерство — предмет гордости: *С мастерством люди не родятся, но добытым мастерством гордятся.*

Материальный достаток мастера, ремесленника: *Имею ремесло — и на камне хлеба достану; Каков работник, такова ему и плата; Какова работа, такова и плата; Работнику — алтын, а мастеру — рубль; Хорошему делу — красная цена.*

Истинный мастер имеет продолжение в учениках: *Всяк мастер на выучку берет, да не всяк доучивает; И всяк не мастером родился, а от людей научился.*

Не все становятся мастерами своего дела: *Всяк спляшет, да не как скоморох; Из него мастер, как из пивной бочки кадило; Дело мастера боится, а иной мастер дела боится; Коли не коваль, так и рук не погань; Кто шьет, а кто и порет; Мастер, мастер: подавал глину на стену; Мастер один, а подносчиков десять; Не тот стрелок, кто стреляет, а тот, кто попадает; Шить горазд и подшивать горазд, а щетинку вставлять — надо мастера искать.*

Таким образом, исследование паремий профессиональной тематики показало, что они включают в себя единицы, которые актуализируют концепт «Мастерство» в паремиологической картине мира. Данный концепт можно рассматривать как структурную составляющую концептосферы «Труд».

Примечательно, что профессионализм как актуальнейшая тема духовной культуры не получил своей реализации в традиционных паремиях. Думается в связи с этим, что определения профессионализма в современных словарях нуждаются в дополнении и уточнении. Существенным уточнением дефиниции считаем

информацию о степени владения трудовыми навыками, мастерством.

В целом, актуализация тех или иных концептов культуры на языковом уровне — процесс не случайный, поскольку слово и культура находятся в непрерывном взаимодействии. Как подчеркивает А. Вежбицкая, «имеется тесная связь между жизнью общества и лексикой языка, на котором оно говорит» [1. С. 14].

Список литературы

1. Вежбицкая, А. Понимание культур через посредство ключевых слов. М. : Языки славян. культуры, 2001.
2. Мокиенко, В. М. Современная паремология (лингвистические аспекты) // Мир рус. слова. 2010. № 3. С. 6–20.
3. Степанов, Ю. С. Константы: Словарь русской культуры. М. : Академ. проект, 2004.

Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 33 (248). Филология. Искусствоведение. Вып. 60. С. 64–66.

Е. В. Ковязина

СЕМАНТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ МЕТАФОРЫ В ФИЛОСОФСКОМ ДИСКУРСЕ

В статье представлены разные типы метафорических значений и методы идентификации метафоры в философском дискурсе. Исследование выполнено на материале произведения «History of Western Philosophy» Б. Рассела. Автор применяет семантический анализ по И. М. Кобозевой и методику пиступенчатой идентификации метафоры по Г. Стейну.

Ключевые слова: философский дискурс, метафора, метафорическое значение, контекст, денотат, сигнификат.

В исследованиях по профессиональной коммуникации все большую актуальность приобретает изучение концептуальных систем и особенностей концептуализации в различных типах дискурсов. В связи с этим обращение к философскому дискурсу предполагает постановку следующих задач: 1) способствовать развитию философской саморефлексии — критического анализа, которому подвергает себя философская наука как стремящаяся к развитию форма интеллектуальной активности; при этом процесс саморефлексии предстает перед исследователем в форме философского текста, и задача заключается в том, чтобы описать процессы, происходящие в языковых (знаковых) структурах философского текста; 2) через изучение семантики языковых единиц, вербализующих философские концепты, получить доступ к содержанию концептов как не данных нам в ощущении мыслительных единиц; 3) исследовать когнитивную метафору как эффективный механизм концептуализации.

Материалом нашего исследования послужили контексты употребления метафор из произведения Б. Рассела «History of Western Philosophy». Цель исследования заключалась в выявлении и описании типов метафорических значений в

философском дискурсе на основе типологии значений И. М. Кобозевой.

В нашем исследовании мы акцентировали внимание на типах значений, выделяемых по степени обобщенности информации и по типу знаний, используемых для идентификации значения. Перейдем к рассмотрению типов значений, выделяемых по степени обобщенности информации. Значения слов имеют две модификации — актуальную и виртуальную. Виртуальное значение мы рассматриваем абстрактно, как единицу лексической системы языка, а актуальное — конкретно, как единицу речи [1. С. 53]. Виртуальное значение слова рассматривается вне какого-либо контекста: оно максимально абстрагировано от любой конкретной ситуации употребления слова с данным значением в речи. Виртуальное значение обладает необходимым набором релевантных семантических признаков и является семантическим базисом для актуального значения. Актуальное значение реализуется в дискурсе. Оно мыслится в рамках определенного контекста и фиксированной ситуации употребления слова с данным значением. Рассмотрим следующий пример: “The most famous passage from Plato, in which he compares the world to a *cave*, in which we see only shadows of

the realities in the bright world above, is anticipated by Empedocles...” [5. P. 64]. Виртуальное значение (ВЗ) в данном примере следующее: covered opening in the earth [7. P. 45]. Актуальное значение (АЗ): мир вещей (в философской концепции Платона). Актуальное значение в данном случае — метафорическое. Идентифицировать данное значение как метафорическое нам позволила схема дискурсивного анализа метафор, предложенная Г. Стейном [6]. Данная процедура включает в себя пять ступеней, которые позволяют выявить фокус метафоры, идею метафоры, метафорическое сравнение, метафорическую аналогию, метафорическое пересечение (mapping).

На первом этапе мы устанавливаем, что лексема «cave» — фокус метафоры, так как употребление данного понятия в философском контексте выходит за рамки устоявшихся норм словопотребления. На втором этапе мы видим, что реализация метафорического смысла происходит через пропозицию *He compares the world to a cave*, и данная пропозиция выступает как форма репрезентации метафорической мысли [6]. На третьем этапе реконструируем сходство между элементами области-источника и области-цели. Область-источник служит семантическим базисом для образования нового значения — метафорического, выступающего как область-цель. Сравнение в нашем случае может быть передано через такую формулу:

(*CAVE)(*X) {SIM[X(CAVE),X(WORLD OF THINGS)]}

Существует пещера «cave» и присущий ей как нерукотворному объекту неживой природы признак X. В основе данного образного отождествления лежит сходство, установленное между материальным миром *the world of things* и неким признаком, входящим в характеристику пещеры как природного объекта. На четвертом этапе мы заполняем слот X, вкладывая в него информацию об определенной характеристике пещеры как природного объекта, и восстанавливаем отношения аналогии между элементами области-цели и области-источника. Так X в нашем примере — расположение объекта в пространстве. Пещера, являясь углублением, располагается ниже уровня земной поверхности. Об этом свидетельствует словарная дефиниция данного понятия: пещера — это полость, подземная или в горном массиве, образующаяся от действия подземных вод или в результате вулканических процессов [3. С. 252–253]. Отношения аналогии между областью-целью и областью-источником могут быть выражены следующим образом:

{SIM[РАСПОЛОЖЕНИЕ НИЖЕ МИРА ИДЕЙ (МИР ВЕЩЕЙ), РАСПОЛОЖЕНИЕ НИЖЕ УРОВНЯ ЗЕМЛИ (ПЕЩЕРА)]}

Данная аналогия включает в себя две пропозиции: «Мир вещей расположен ниже мира идей» и «Пещера находится ниже уровня земной поверхности», которые отсылают к ситуации, когда элементы области-цели и области-источника аналогичны по своим пространственным характеристикам. На пятом этапе на основании аналогии, установленной на предыдущей стадии, формируется перечень соответствий компонентов области-цели и области-источника, составляющих в итоге метафорическое пересечение (mapping). Нами установлено четыре типа соответствий. 1. Пещера соответствует материальному миру. 2. Расположение в пространстве пещеры соответствует расположению материального мира — ниже уровня земли и, соответственно, ниже идеального мира. 3. Физические характеристики пещеры соответствуют характеристикам материального мира: темнота, глубина, зависимость от дополнительных источников освещения (огонь), наличие отверстия, выходящего наружу, на поверхность земли. 4. Функция пещеры соответствует функции материального мира — служить вместилищем живых существ, объектов и т. д. Итак, пройдя все пять ступеней идентификации метафоры в философском дискурсе, мы приходим к выводу, что в рассматриваемом контексте актуальное значение — метафорическое.

Обратимся к типу значения, выделяемому по характеру передаваемой информации. По характеру передаваемой информации выделяются четыре типа значения — сигнификативное и денотативное, прагматическое и синтаксическое. Денотативное значение выступает в языке в двух основных модификациях — актуальной и виртуальной. Актуальный денотат (референт) языкового выражения — это «тот предмет или ситуация из мира дискурса, которые имеет в виду говорящий, употребляя это выражение в речи» [1. С. 58]. Например, в рассматриваемом примере актуальный денотат отсутствует. Виртуальным денотатом, или экстенционалом, является «множество объектов мира дискурса, которые могут именоваться данным выражением» [1. С. 58]. В нашем примере виртуальный денотат (ВД) — вся совокупность объектов мира дискурса, которые могут именоваться существительным «пещера». Сигнификативное значение (интенционал) — это «информация о том способе, каким объект или ситуация мира дискурса отражаются

в сознании говорящего» [1. С. 59]. В рассматриваемом примере сигнификат (С) — мир вещей как тюрьма (пещера) для воплощенных идей — томящихся в ней узников. Покинуть пещеру — счастье, потому что таким образом удаётся получить доступ к подлинной реальности, т. е. к миру чистых идей, свободных от своих материальных слепков из мира вещей. Термин «сигнификат» соответствует базовому понятию когнитивной лингвистики — концепту. Если значение — продукт языкового сознания человека, то концепт — продукт сознания когнитивного. Смысловая, или содержательная, сторона концепта представлена имеющимися в структуре его значения базовыми концептуальными признаками, релевантными для сообщения, передача которого является задачей говорящего, входит в его интенцию [2. С. 78–79]. Воссоздание сигнификата в рассматриваемом примере возможно на заключительной стадии дискурсивного анализа метафоры по Г. Стейну. Пройдя этапы идентификации языковой метафоры, сознание исследователя «восходит» к уровню осмысления метафоры концептуальной. Концептуальная метафора становится возможной благодаря такому естественному механизму человеческого мышления, как «установление предикативных отношений между концептами» [2. С. 74]. Вместе с этим концепт-источник имени «предицирует» новообразованному концепту семантический компонент, определяющий смысловую (сигнификативную) структуру последнего. Наличие этого семантического компонента прослеживается как в значении концепта-источника, так и в значении концепта-цели. «По причине такой опосредованности номинации, некоторые признаки значения, присущие переосмысляемой языковой единице,

переносятся в сигнификат нового наименования» [4. С. 74]. Подобная мыслительная операция с участием метафоры осуществима лишь в когнитивно-дискурсивной деятельности.

Результаты нашего исследования позволяют сделать вывод о том, что актуальные значения во всех исследованных контекстах — метафорические. Денотативный слой значения представлен исключительно виртуальными денотатами. Перейдя на уровень осмысления метафоры как феномена концептуального толка, мы смогли идентифицировать признаки, образующие сигнификат языковых выражений. Во всех проанализированных контекстах сигнификат — результат операции со смыслом, произведенной в ходе вторичной номинации.

Список литературы

1. Кобозева, И. М. Лингвистическая семантика. М. : Едиториал УРСС, 2000. 352 с.
2. Попова, З. Д. Когнитивная лингвистика / З. Д. Попова, И. А. Стернин. М. : АСТ : Восток-Запад, 2007. 315 с.
3. Толковый словарь русского языка : в 4 т. / под ред. Д. Н. Ушакова. Т. 3. М. : Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1939.
4. Языковая номинация (виды наименований) / под ред. Б. А. Серебренникова. М. : Наука, 1977. 357 с.
5. Russell, B. A History of Western Philosophy. Simon & Schuster/Touchstone, 2004. 895 p.
6. Steen G. Finding Metaphor in Grammar and Usage: A methodological analysis of theory and research (Converging Evidence in Language and Communication Research). John Benjamins Publishing. 2007. 430 p.
7. Webster's New Compact Dictionary. Longman, 1985.

ОСОБЕННОСТИ ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА И ЕГО ИНТЕРПРЕТАЦИЯ

В статье анализируются различные подходы к содержанию понятия «политический дискурс». Обосновывается, что данный дискурс является полиаспектным феноменом, обладает рядом системообразующих признаков, его отличает специфика концептуализации и широкий набор средств речевого воздействия.

Ключевые слова: *политический дискурс, язык политики, институциональные формы общения, речевая деятельность, семиотическое пространство.*

Уже сама речь, как считает Э. Косериу (см. [6]), «политически нагружена», поскольку является знаком солидарности с другими членами общества, употребляющими тот же язык. Связь между языком и политикой очевидна: «ни один политический режим не может существовать без коммуникации» [11. С. 17]. Более того, можно утверждать, что «специфика политики, в отличие от ряда других сфер человеческой деятельности, заключается в ее преимущественно дискурсивном характере: многие политические действия по своей природе являются речевыми действиями» [Там же]. По мнению Е. И. Шейгал, «политический дискурс представляет собой своеобразную знаковую систему, в которой происходит модификация семантики и функций разных типов языковых единиц и стандартных речевых действий». Другими словами, речь идет не просто о языке как важном факторе политики, а о «языке политики» [12].

Иного мнения придерживается П. Б. Паршин, который подвергает сомнению существование политического языка как феномена: «То, что обычно имеется в виду под языком политики, в норме не выходит за рамки грамматических, да, в общем-то, и лексических норм соответствующих идиоэтнических («национальных») языков — русского, английского, немецкого, арабского и т. д.» [7]. В связи с этим П. Б. Паршин предлагает «считать преждевременными и, более того, неправомерными широко распространенные обобщающие утверждения относительно структурных свойств «политического языка» вообще. На практике объектом исследования являются конкретные идиополитические дискурсы — способы говорения, характерные для индивидуальных, коллективных или метафорических субъектов политического действия» [7].

По мнению большинства лингвистов, понятие «политический язык» все же имеет право на существование. В качестве объекта лингви-

стического исследования область речевой деятельности в политике рассматривалась в разных отношениях: как разновидность статусно-ориентированного общения [5]; как сфера преимущественного употребления некоторых языковых форм и речевых приемов [8]. А. Н. Баранов развивает представление о политическом языке, который понимается как «особая знаковая система, предназначенная именно для политической коммуникации: для выработки общественного консенсуса, принятия и обоснования политических и социально-политических решений в условиях множественных общественных интересов истинно плюралистического общества, в котором каждый человек является не объектом идеологического воздействия и манипулирования, а субъектом политического действия» [2. С. 108]. Аналогичная точка зрения представлена в работе Е. И. Шейгал, которая определяет язык политики как «структурированную совокупность знаков, образующих семиотическое пространство политического дискурса», в которое включаются «специализированные знаки — как вербальные (политические термины, антропонимы и пр.), так и невербальные (политические символы и пр.), а также неспециализированные знаки, изначально номинативно не ориентированные на данную сферу общения, однако, вследствие устойчивого функционирования в ней, приобретающие содержательную специфику» [11. С. 22].

Даже исходя из столь неполного набора характеристик, можно говорить об отличительных особенностях языка в политике. Во-первых, «политическая лексика» терминологична, а обычные, не чисто «политические» языковые знаки употребляются не всегда так же, как в обычном языке; во-вторых, специфичны речевые приемы; в-третьих, специфично языковое оформление — звуковое или письменное.

В свое время В. фон Гумбольдт, Х. Г. Гадамер, позднее В. Н. Волошинов и другие, в частности

Р. Лангакер, подчеркивали, что «мир не дан человеку непосредственно, а создается им и интерпретируется», поэтому вполне уместным будет утверждение, что мы создаем мир с помощью нашей психики. И как следствие, описывая мир вокруг себя, говорящий интерпретирует наблюдаемое, исходя из личностных установок и понимания того, что его окружает; он преобразует эту действительность, используя в речи формальные элементы языка, которые, в свою очередь, подстраиваются под фоновые знания слушающего; говорящий, помимо прочего, способен описывать состояния и качества объектов через состояния и качества, присущие совсем иным объектам, так появляются в речи метафоры; говорящий всегда учитывает определенную временную/пространственную перспективу, а также оценивает структуру своего окружения в терминах «существенное/несущественное». В результате действия данных факторов, согласно Р. Лангакеру (см. [13]), возникает некий конструкт. Этот новый объект, отражающий созданный субъектом мир, и предлагается называть дискурсом, который понимается как вербализация определенной ментальности, такой способ говорения и интерпретирования окружающей действительности, в результате которого не только специфическим образом отражается окружающий мир, но и конструируется особая реальность, создается свой (присущий определенному социуму) способ видения мира, способ упорядочения действительности.

Дискурс является неотъемлемой частью социальных отношений, ибо, с одной стороны, формируется ими, а с другой — сам формирует эти отношения. Поэтому всякий дискурс можно рассматривать как «особое использование языка» [9. С. 38], как коммуникативное событие («дискурс — это речь, погруженная в жизнь» [1. С. 136]), а также как «способ упорядочения действительности» [10. С. 18]. Дискурс, таким образом, является «сложным единством языковой формы, знания и действия» [4. С. 121], поскольку в его реализации участвует не только язык в актуальном употреблении, но и экстралингвистические факторы, предопределяющие общение, и — главное — ментальные (когнитивные) структуры, обуславливающие существование дискурса. Следовательно, вполне правомерно говорить о такой разновидности, как политический дискурс.

Политический дискурс является специфической разновидностью дискурса, поскольку имеет своей целью завоевание и удержание политиче-

ской власти. Он обладает набором системообразующих признаков, в число которых входят (а) цель общения, (б) участники общения, (в) способ общения — избираемые стратегии и тактики.

Авторы многочисленных работ последних лет (см. работы П. Б. Паршина, Е. И. Шейгал, В. З. Демьянкова, М. Р. Желтухиной, И. М. Кобозевой и др.) используют термин «политический дискурс», вкладывая в него разное содержание. Одни исследователи пользуются данным термином как данным априори, другие отказывают ему в наличии лингвистического содержания, сторонники третьей точки зрения утверждают, что языку политики, напротив, свойственно специфическое содержание, а не форма [8], иные используют его наряду с терминами «язык политики», «политическая коммуникация», «политический язык». Тем не менее, в лингвистической литературе политический дискурс представлен как многоаспектное и многоплановое явление, как комплекс элементов, образующих единое целое.

Политический дискурс — это совокупность «всех речевых актов, используемых в политических дискуссиях, а также правил публичной политики, освященных традицией и проверенных опытом» [2. С. 6]. Данное определение представляет широкий подход к содержанию понятия «политический дискурс». В широком смысле «политический дискурс» включает такие формы общения, в которых к сфере политики относится хотя бы одна из составляющих: субъект, адресат либо содержание сообщения. В узком смысле политический дискурс — это разновидность дискурса, целью которого является завоевание, сохранение и осуществление политической власти.

При определении границ политического дискурса, исходя из широкого понимания, включаем в него как институциональные, так и неинституциональные формы общения, если к сфере политики относится хотя бы одна из трех составляющих: субъект, содержание сообщения, адресат. Широкий подход опирается на два уровня в определении политики: при первом «политика определяется как набор некоторых действий, направленных на распределение власти и экономических ресурсов в какой-либо стране и мире между странами. Второй уровень политики — личностный, он представляет собой сам способ, которым первый уровень актуализируется в индивидуальном сознании, как он проявляется в личности, в семье, во взаимоотношениях людей, в профессиональной деятельности, а также

в восприятии человеком произведений литературы и искусства» [11. С. 23].

При узком понимании политический дискурс будет ограничен только институциональными формами общения (например, инаугурационная речь, указ, отчетный доклад, партийная программа, послание президента о положении в стране и т. д.), т. е. такими, которые осуществляются в общественных институтах, где общение является составной частью их организации. В данном случае речь идет о некоем стандарте поведения, которому, в свою очередь, свойствен определенный набор типичных для данной сферы речевых событий, типичных моделей речевого поведения при исполнении тех или иных социальных ролей, типичной тематики общения.

Помимо вышеупомянутых двух уровней, политический дискурс, с точки зрения Е. И. Шейгал, имеет и два измерения: реальное и виртуальное. Под реальным измерением исследователь понимает текущую речевую деятельность в определенном социальном пространстве, а также возникающие в результате данной деятельности речевые произведения (тексты), взятые во взаимодействии лингвистических, паралингвистических и экстралингвистических факторов. Виртуальное измерение дискурса, по мнению Е. И. Шейгал, — это семиотическое пространство, включающее вербальные и невербальные знаки, совокупным денотатом которых является мир политики, тезаурус высказываний, набор моделей речевых действий и жанров, специфических для общения в данной сфере.

Краткий обзор литературы по проблеме позволяет сделать следующие выводы: общепринятого определения политического дискурса на сегодняшний день не существует, а термин «дискурс» в современной лингвистике используется для обозначения разных видов речи и речевых произведений, осмысление которых должно строиться с учетом всей совокупности языковых и неязыковых факторов; однако мы можем рассматривать его как вербальную коммуникацию в определенном социально-психологическом контексте, в которой отправитель и получатель наделяются определенными социальными ролями согласно их участию в политической жизни, которая и является предметом коммуникации. Именно дискурсивный подход к сфере полити-

ческой коммуникации представляется особенно плодотворным, потому что он задает тот ракурс исследования, который позволяет осмыслить важную, сущностную сторону этой области функционирования языка — специфику осуществляемой в ней концептуализации мира, порождающей широкий спектр форм речевого воздействия.

Список литературы

1. Арутюнова, Н. Д. Метафора и дискурс // Теория метафоры. М., 1990. С. 5–32.
2. Баранов, А. Н. Парламентские дебаты: традиции и новации / А. Н. Баранов, Е. Г. Казакевич. М. : Знание, 1991.
3. Баранов, А. Н. Политический дискурс: прощание с ритуалом // Человек. 1997. № 6. С. 108–118.
4. Дейк, Т. А. ван. Язык. Познание. Коммуникация. М. : Прогресс, 1989.
5. Карасик, В. И. О типах дискурса // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс : сб. науч. тр. Волгоград : Перемена, 2000. С. 5–20.
6. Нарумов, Б. П. «Архитектура языка» в концепции Э. Косериу [Электронный ресурс]. URL: <http://danefae.org/pprs/venedikt/narumov.htm>
7. Паршин, П. Б. Об оппозиции системочентричности и антропоцентричности применительно к политической лингвистике [Электронный ресурс]. URL: <http://www.dialog-21.ru/Archive/2000/>
8. Серио, П. Русский язык и советский политический дискурс: анализ номинализаций // Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса. М. : Прогресс, 1999. С. 12–53.
9. Степанов, Ю. С. Альтернативный мир, Дискурс, Факт и принцип Причинности // Язык и наука конца 20 века : сб. ст. М. : Ин-т языкознания РАН; Рос. гос. гуманит. ун-т, 1995. С. 35–73.
10. Фуко, М. Порядок дискурса // Воля к истине: по ту сторону власти, знания и сексуальности. М. : Магистериум : Касталь, 1996. С. 47–97.
11. Шейгал, Е. И. Семиотика политического дискурса : дис. ... д-ра филол. наук. Волгоград, 2000.
12. Шейгал, Е. И. Семиотика политического дискурса : автореф. дис. ... д-ра филол. наук [Электронный ресурс]. Волгоград, 2000. URL: www.lib.ua-ru.net/diss/cont/94853.html.
13. Langacker, G. W. Foundations of Cognitive Grammar. Stanford : Stanford University Press, 1987.

Т. В. Колесникова

СТАНДАРТ И ЭКСПРЕССИЯ КАК СПЕЦИФИЧЕСКИЕ ЧЕРТЫ НОВОСТНОГО ТЕЛЕВИЗИОННОГО ТЕКСТА (на материале программы «Вести» телеканала «Россия»)

Статья посвящена таким особенностям новостного телевизионного текста, как стандарт и экспрессия. Анализируются примеры столкновения стандартных и экспрессивных единиц на материале новостных текстов.

Ключевые слова: стандарт, экспрессия, новостной телевизионный текст.

Экспрессивность в «Лингвистическом энциклопедическом словаре» определяется как «совокупность семантико-стилистических признаков единицы языка, которые обеспечивают ее способность выступать в коммуникативном акте как средство субъективного выражения отношения говорящего к содержанию или адресату речи» [4. С. 591]. Экспрессивно окрашенные единицы обладают выразительностью.

Стандарт — это «типовой образец, который должен удовлетворять вещи, предметы, явления по размерам, форме, качеству, то, что не включает в себе ничего оригинального, своеобразного; шаблон, трафарет» [1. С. 1259].

В. Г. Костомаров первым из ученых рассмотрел стандарт и экспрессию как элементы текста СМИ на примере языка газеты. В своем труде «Русский язык на газетной полосе» он пишет, что «сутью процесса газетной коммуникации выступает многообразное чередование сегментов, находящихся в каждом отдельном случае в отношениях стандартно-экспрессивного контраста или конфликта и обеспечивающих «двоичность выхода». В противном случае надежность связи резко падает, и газетный язык не выполняет своих задач» [3. С. 61].

В. Г. Костомаров убеждает читателей в том, что соотношение экспрессивных и стандартных элементов в языке СМИ всегда сложно варьируется, коррелируя с интеллектуальной и эмоциональной сторонами общения.

Надежность языка газет (как и языка телевидения) в передаче информации обеспечивается чередованием экспрессивных и стандартных элементов на коротких отрезках текста и на протяжении целых композиционных схем в «чистом» виде или в усложненных супrasegmentных формах, переплетающихся с внеязыковыми приемами экспрессии, в тесной или поверхностной связи с содержанием.

Последовательное, хотя очень различно и в разных комбинациях реализуемое, чередова-

ние экспрессии и стандарта, выступая основным свойством газетного языка, как и языка синтетических жанров СМИ, обеспечивает надежное донесение до читателя содержательно-информационной стороны (с ее будничностью, деловитостью, строгостью, однозначностью, интеллектуальной точностью) и воздействующе-организующей стороны (с ее исключительностью, эмоциональностью, даже сенсационностью).

Визитной карточкой любого телеканала является информация. Язык новостных сообщений — это особенный язык. Телевидение и радио — средства общения. Необходимо, чтобы аудитория поняла журналиста с первого слова. Неудачно построенная фраза, неясное выражение, нелогичная последовательность событий недопустимы в любом журналистском материале, но особенно — в выпуске новостей. Нельзя превращать новость в скучное перечисление фактов. Всегда стоит искать детали, которые вдохнут жизнь в сообщение. Конечно, многое зависит от факта, но всегда привлекает слушателя элемент эмоциональности, наиболее удачно подобранные экспрессивные средства, некий личностный оттенок.

В качестве примера приведем фрагмент репортажа об обвинении в сексуальных домогательствах президента Израиля Моше Кацава к бывшим подчиненным (корреспондент С. Пашков, «Вести» Россия от 31 октября 2006 г.): «*“Моше Кацав — Маца в Каише”, — пишут пикетчики на своих плакатах. На иврите стоит поменять местами первые буквы имени и фамилии израильского президента, получится фраза “трудное положение”... О том, что Кацаву надо уходить, в Иерусалиме разве что камни не вопиют. Верховный суд Багац направил в канцелярию президента запрос, почему он до сих пор не прервал своих полномочий. Об этом говорят депутаты, журналисты и политологи... В живописном районе Иерусалима за невысокой стеной — резиденция президента Израиля. Пожалуй, этими сте-*

нами сегодня ограничивается и власть, и влияние Моше Кацава, который не рискует лишним раз выйти наружу: каждый выход за ворота неизбежно приводит к скандалу, к скандалу шумному и неприятному. Как-то достаточно быстро он стал в Израиле фигурой, что называется, “нерукопожатой”, низведшей институт президентской власти, доселе сравнимый по моральному уровню разве что со святым престолом, в контуре скандальную и почти анекдотичную».

Из фрагмента виден не только факт, здесь много экспрессивных языковых единиц. В тексте мало стандартных языковых средств, а те, которые используются журналистом, в основном принадлежат сфере юридической, общественно-политической (*направил запрос, не прервал полномочий, институт президентской власти, резиденция президента, верховный суд, канцелярия президента*). Они звучат официально и не отличаются экспрессивностью – ни положительной, ни отрицательной.

Экспрессивные языковые средства в данном репортаже использованы в негативном ключе и отражают соответствующее отношение журналиста к поступкам израильского президента. Так, оборот *разве что камни не вопиют*, относящийся к книжному стилю, — трансформированный вариант библеизма *камни возопиют* — выражает «крайнюю степень возмущения, негодования кем, чем-либо» [1. С. 149]. Его отрицательная эмоциональная оценка соответствует общей тональности новостного текста. Эпитет *живописный* в словосочетании *живописный район* должен вызывать положительные эмоции, так как *живописный* означает «привлекающий внимание яркостью красок, необычностью, красотой» [1. С. 305]. Однако примененное рядом выражение *не рискует выйти* вносит элемент эмоционального напряжения, ибо *рисковать* — это «подвергать себя опасности, идти на риск» [1. С. 1123]. Слово *рукопожатие* в словаре определяется как единица книжного стиля. Оно указывает на доброжелательное отношение, доверительность («обменяться рукопожатиями — значит, выразить доверие друг к другу» [1. С. 1133]). Но в данном новостном тексте журналисту достаточно было употребить выражение *нерукопожатая фигура*, как появляется сема неприятия, отторжения, и израильский президент предстает как человек, который потерял из-за аморального поступка доверие, и порядочный человек не станет подавать ему руки.

В последнем предложении приведенного фрагмента мы находим устаревшие языковые единицы: *доселе*, что означает «до настоящего време-

ни, до сих пор» [1. С. 278] и книжное слово *низвести* — ‘свести вниз, унижить’, в данном случае — «лишить высокого положения, уровня; свести на более низкую ступень, степень и т. п.» [1. С. 649]. Рядом с оборотом высокого стиля *святой престол*, которое содержит сему уважения, почитания и обладает положительным эмоциональным зарядом, журналист помещает словосочетание *скандальную и почти анекдотичную контуру*. Оба они характеризуют институт президентской власти. *Святой* в религиозном значении — «обладающий высшим совершенством и сверхъестественной силой» [1. С. 1164], *престол* «в христианской церкви — место, на котором изображается сидящий Бог» [1. С. 396]. *Скандальный* и *анекдотичный* — слова разговорного стиля, первое означает «являющийся скандалом (скандал — случай, происшествие, получившее огласку и позорящее его участников)» [1. С. 1192], а второе — «похожий на анекдот, маловероятный, небывалый» [1. С. 40]. Здесь использован прием контраста. Журналист противопоставляет *институт президентской власти*, который в представлении граждан Израиля приравнивается к *святому престолу*, и *контуре скандальную, почти анекдотичную*. Автор сталкивает слова высокого и разговорного стилей, обладающие соответственно позитивной и пейоративной окраской. Именно таким образом журналист выражает свое отношение к деяниям президента, который оскверняет *святой престол* президентской власти.

Из вышесказанного мы явственно осознаем, что журналист осуждает президента Израиля, употребляя выражения с ярко выраженной оценочностью, как позитивной, так и отрицательной. Сталкивая стандартные и экспрессивные элементы в тексте, С. Пашков достаточно убедительно и точно характеризует главного героя репортажа — президента Моше Кацаву, сексуальные домогательства которого привели к кризису государственной власти в Израиле.

Список литературы

1. Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб. : Норинт, 2000.
2. Костомаров, В. Г. Наш язык в действии: очерки современной русской стилистики. М. : Гардарики, 2005.
3. Костомаров, В. Г. Русский язык на газетной полосе. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1971.
4. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. М. : Большая Рос. энцикл., 2002.
5. Цвик, В. Л. Телевизионная журналистика: История, теория, практика. М. : Аспект Пресс, 2004.

ЭВОКАЦИОННОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ В ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ НА ПРИМЕРЕ ИНФОРМАЦИОННОЙ ВОЛНЫ

В статье исследуется эвокационное воздействие на пользователей Интернета путем преднамеренного распространения информации в частном сегменте виртуального пространства. Рассматриваются пути и средства осуществления информационной волны с прогнозируемыми результатами эвокации.

Ключевые слова: публицистический дискурс, эвокация, эвокационное воздействие, информационная волна.

Теория эвокации была разработана на материале художественной речи А. А. Чувакиным. Согласно этой теории, эвокация представляет собой деятельность homo loquens, направленную на реализацию репрезентативной функции языка через текст в рамках коммуникативной деятельности. В процессе эвокации осуществляется преобразующее воздействие текста на действительность и другие тексты. Другими словами, эвокация является одним из базовых механизмов коммуникации, отвечающим за выполнение задачи конструирования действительности в тексте и тем самым создающим текстовую реальность как таковую. Такое понимание эвокации позволяет рассматривать текст любого жанра как эвокационную структуру, состоящую из компонентов — минимальных ситуаций действительности, воплощенных автором в коммуникации. В качестве компонентов структуры А. А. Чувакин выделяет следующие базисные элементы: объект, продукт и средство эвокации. Раскроем содержание базисных эвокационных компонентов на примере публицистического дискурса [4].

Объектом эвокации является действительность в широком смысле слова: существующий реально мир, не исключая коммуникативную, текстовую действительность, а также представления человека о мире. Специфика объекта эвокации в публицистическом дискурсе заключается в следующем: публицистический дискурс целенаправленно призван сообщать о явлениях окружающей действительности, конструировать ее в текстах для передачи широкому кругу лиц. Поэтому представлять объект эвокации в публицистических текстах могут самые разнообразные явления — от фактов реальной действительности, до самых абстрактных мысленных конструкций. Необходимо учесть также обязательное наличие автора. Согласно учению М. Фуко о природе дискурса, наличие персонафицированного автора (имеющего имя) призвано

охарактеризовать определенный способ бытования дискурса, что уже предопределяет в той или иной форме наличие субъективизма в конструировании действительности в тексте. Хотелось бы отметить также высокую интертекстуализованность публицистического дискурса, что способствует более тесному контакту самих текстов при построении действительности в рамках текстовой реальности публицистического дискурса [4].

Объект эвокации представлен в тексте посредством языка, который интерпретирует и категоризирует его, делая доступным для понимания, и в то же время предоставляет возможность оказывать непосредственное воздействие на реципиента. Необходимо учесть тот факт, что в современном публицистическом дискурсе широко используется эвокационное воздействие на целевую аудиторию. Оказание влияния на аудиторию, наведение на определенные мысли, формирование мнения и оценок, побуждение к каким-либо действиям — всё это является конечной целью любого публикуемого материала и представляет собой типы эвокативного воздействия публицистического текста на получателя. И в данном ракурсе на передний план выдвигается эвокативная функция (по К. Бюлеру) языка публицистики. Таким образом, язык публицистики является ярким примером эвокационного средства и в процессе коммуникации осуществляет воздействие на получателя, которое чаще всего запланировано автором текста заранее.

В результате эвокационного процесса (взаимодействие названных компонентов при реализации автором текста своей интенции) возникает особый продукт — текст, содержащий информацию об объекте эвокации, представленной языковыми знаками при помощи специфических приемов, характерных для языка публицистики. В качестве последних выступают стилистические, грамматические, лексические особенности, жанровые характеристики и т. д.

Но публицистический текст — это целостный продукт эвокации автора, в то время как А. А. Чувакин говорит и о частном продукте эвокации, коммуникативном блоке, одном из составляющих всего продукта. Процесс эвокации воплощается в продукте и закладывает в него способность функционировать в коммуникативной деятельности реципиента и порождать благодаря ей множество текстов на базе продукта эвокации. Яркой иллюстрацией подобного воздействия в публицистическом дискурсе могут служить публикации электронных СМИ в Интернете. Желание как можно быстрее сообщить о событии в виртуальном публичном пространстве породило весьма интересное явление — информационную волну. Рассмотрим это явление подробнее, поскольку оно наилучшим образом демонстрирует процесс эвокации.

Виртуальное медиапространство — идеальная среда для быстрого распространения информации по всему миру. Информационная волна представляет собой эвокативное воздействие на пользователей Интернета через намеренное распространение информации в определенном сег-

менте виртуального пространства. Материалом для распространения служат различные материалы, написанные таким образом, чтобы оказать максимально глубокое эвокационное воздействие на целевую аудиторию.

В качестве примера такой информационной волны можно привести распространение реакции зарубежных читателей на публикацию на российском сайте inosturman.com перевода интервью Д. О. Рогозина, данное им журналу «Профиль» 14 марта 2011 года. Интервью было представлено на русском языке и переведено на 9 иностранных языков — английский, немецкий, французский, испанский, греческий, польский и эсперанто, болгарский и сербский (публикации от 19–20 марта 2011 года).

В ряде зарубежных ресурсов появились перепечатки соответствующих вариантов перевода этого интервью на форумах, посвященных обсуждению геополитических проблем. Были открыты новые темы, развернулись дискуссии. Ниже приведен ряд примеров-ссылок на такие ресурсы и реакция посетителей зарубежных форумов:

Название ресурса, страна	Реакция реципиентов
Politicsforum, США	Перепечатка и последующее удаление модераторами — политическая премодерация.
Politiclub, Франция	Перепечатка, комментарии: <i>par maxi le Dim 20 Mar — 22:37 «Bienvenue à nos amis Russes et bravo pour votre Français» «Добро пожаловать, наши русские друзья и ура французам»</i>
Forum-politique	Перепечатка
Форум «Spiegel»	Перепечатка, комментарии: <i>«leser77: Ich denke, dass NATO an keiner Kampagne teilnehmen wird. Der Krieg gegen Jugoslawien, der den UNO-Normen zuwider lief, wird von vielen hier immer noch als ein Fehler wahrgenommen. Und ich lasse vollkommen zu, dass sich die USA theoretisch zusammen mit den angelsächsischen Freunden in den Konflikt in Libyen einmischen können. Ich bin entschlossen dagegen. Ich meine, man kann alle Militärpläne, jede Anwendung der rohen Gewalt, auch wenn sogar unter den edelsten Vorwänden, aber ohne UNO-Sanktion, als ein Verstoß gegen internationales Recht bewerten. Außerdem bezweifle ich, dass eine Einmischung in inneren Konflikt zum positiven Ergebnis bringen wird. Es ist einfach, hineinzuklettern - hervorzutreten ist aber unmöglich. Ein Einmischungsergebnis kann das werden, dass sich die kämpfenden Seiten gegen den allgemeinen Feind ganz schnell vereinigen» «leser77: Я думаю, что НАТО не принимало участия в (военной — прим. перев.) компании. Война против Югославии, которая противоречит нормам ООН, считается многими из нас ошибкой. И я рискну предположить, что США со своими англосаксонскими друзьями вмешаются в конфликт в Ливии. Я решительно против этого. Я считаю все военные планы, каждое применение силы, даже под самыми благородными предложениями, но без санкции ООН, нарушением международного права. Кроме того, я сомневаюсь, что любое вмешательство во внутренние конфликты приведет к положительным результатам. Легко вмешаться — выйти невозможно. Вмешательство может быть причиной того, что воюющие стороны быстро объединятся против общего врага»</i>

Окончание таблицы

Название ресурса, страна	Реакция реципиентов
Politik-forum, Австрия	Перепечатка и комментарии: <i>«Gemeinsame Aktionen gegen gemeinsame Bedrohungen sind eine Sache. Die Einbindung in eine militärische, imperialistische Organisation, um sich von dort dominieren zu lassen, eine andere. Das war eigentlich immer schon das Ziel des kapitalistischen Westens, der auch die NATO ins Leben rief, Macht über Russland und den rest der Welt zu erlangen. Diesem Anliegen verdankten wir auch den kalten Krieg»</i> «Совместные действия по борьбе с общими угрозами являются одним — интеграция в военную, империалистическую организацию для того, чтобы доминировать с её помощью над другими. Это на самом деле всегда было целью капиталистического Запада, который также называют НАТО, существующего, чтобы получить власть над Россией и остальным миром. Этим беспокойством мы также обязаны холодной войне»
Politik-forum, ЕС; Grblogs, Inews, Friendfeed Греция; Liilil, Польша, Ipernity, Россия; Freak-search, Германия	Перепечатка
АБВ, Болгария	Перепечатка и комментарии: <i>D-r A: «Мисля че това е най-голямото безумие на човечеството — да се затваря огромен финансов ресурс за никому ненужна защита... Защо е ненужна? Защото колкото и скрити фактори да са отчетени, извън декларираните 5, винаги съществува фактора наречен човек — а той е непредсказуем. Т.е. започне ли реална «проверка за ефективност на ПРО» — човечеството ще прекрати съществуването си. Затова е безумие създаването и наличието на този капитал. Бесполезност, обречаща на мизерно съществуване милиарди човеци...»</i> «Я думаю, самая большая глупость человечества — выбросить огромные финансовые ресурсы на никому не нужную защиту... Почему ненужную? Потому что, кроме скрытых факторов, которые необходимо рассматривать вне названных 5, всегда есть фактор, который называется человек — и он непредсказуем. Т.е., если реально оценить «эффективность противоракетной обороны» — человечество перестанет существовать. Поэтому и является безумием создание и существование этого капитала. Бесполезность, из-за которой обречены на жалкое существование миллиарды людей ...»
Vidovdan, Сербия	Перепечатка и комментарии: biljana.a «Велики борац за правду и истину. Изузетан човек јасних и одлучних ставова» «Великий борец за справедливость и истину. Исключительный человек чётких и решительных позиций» Brojanic: «мени је врло интересантна ова руска прича о сарадњи и пребацивању лопте у нато двориште, наравно, европске земље које су тренутно у нато су посебна тема...» «Мне была бы очень интересна история о русском сотрудничестве и перебрасывании мяча во двор НАТО, конечно, европейские страны, которые в настоящее время находятся в НАТО в качестве отдельного предмета...»

В дальнейшем материалы воспроизводятся читателями на других сайтах и форумах, и таким образом создается информационная волна, проходящая по ресурсам нескольких стран. Перепечатки материалов чаще всего происходят с целью «топикстарта» — создания темы для обсуждения. Последующая дискуссия может развиваться по-разному, может касаться темы публикации, а может уйти в смежные тематические сферы. Ссылка на статью может также использо-

ваться в качестве аргумента в дискуссии, и перепечатка через посты может пройти через несколько смежных ресурсов. Таким образом, оказывается существенное влияние на ход дискуссий, создается определенный отклик в комментариях, что является важным фактором при формировании текстовой реальности в дискуссиях на форумах и сайтах. Эвокация находит свое отражение именно в подобном воздействии на пользователей форумов. Причем размещение текста или

гиперссылки на ресурс-источник позволяет избежать неточностей при передаче информации, потому что в любой момент можно обратиться к исходной информации и сверить свои впечатления.

Список литературы

1. Белл, Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. М. : Academia, 1999.

2. Василенко, Т. Н. Новые возможности лингвоэвокационных исследований / Т. Н. Василенко, Ю. В. Ожмегова, Е. А. Савочкина и др. // Сибир. филол. журн. 2007. № 3. С. 83–95.

3. Макаров, М. Л. Основы теории дискурса. М. : Гнозис, 2003.

4. Чувакин, А. А. Смешанная коммуникация в художественном тексте. Основы эвокационного исследования. Барнаул : Изд-во Алтайс. ун-та, 1995.

Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 33 (248). Филология. Искусствоведение. Вып. 60. С. 75–77.

Г. М. Костюшкина, И. В. Горбунова

СТРАТЕГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ АНГЛИЦИЗМОВ В ИНТЕРНЕТ-ДИСКУРСЕ

Статья посвящена стратегическим аспектам функционирования англицизмов как средствам речевого воздействия и манипулирования в интернет-дискурсе. Англицизмы рассматриваются как элемент речевых стратегий и тактик. Особое внимание в исследовании уделяется стратегии манипуляции.

Ключевые слова: интернет-дискурс, англицизм, речевая стратегия, суггестия.

В настоящее время в связи со становлением общей парадигмы инфомодинамики и изменением концепций информатизации общества терминологическая система русского языка претерпевает существенные изменения. Среди принятых технических терминов, названий программ, команд, устройств, языков программирования, которые регистрируются в соответствующей технической документации, большую долю составляют термины английского происхождения. Поскольку на момент внедрения новых информационных технологий в русском языковом стандарте терминосистема компьютерной сферы не сложилось, и, следовательно, появление иноязычных наименований не вызывало нарушения системных соотношений, русский язык Интернета активно формировался на основе англоязычной заимствованной терминологии.

В условиях глобализации и интернетизации общества повсеместное распространение англизации позволяет исследовать стратегический аспект англицизмов и рассматривать английские заимствования как лингвистический способ речевого воздействия, выбор и использование которого строго мотивированы адресантом. Стремление добиться максимального результата определяет планирование передачи сообщения и, как следствие, стратегию использования автором особых языковых средств — английских

заимствований, рассчитанных на возбуждение интереса к сообщаемой информации, поддержание внимания адресата, а в определенных случаях — на манипуляцию и возможность модификации модели мира адресата в желаемом для адресанта ключе.

Так, в дискурсивном взаимодействии посредством сети Интернет англицизмы, обладая функциональным разнообразием, персуазивным потенциалом и способностью суггестивного действия, активно используются носителями русского языка для реализации избранных коммуникативных стратегий и тактик. Например, англоязычные заимствования, выступая в качестве манипулятивного компонента высказывания, способны создавать и менять мнение интернет-сообщества, вынуждать коммуникантов выполнять дополнительные интерпретативные действия или даже вводить неопытных пользователей в заблуждение. Таким образом, англицизмы служат оказанию необходимого воздействия на явного или потенциального адресата, т. е. осуществлению говорящим стратегии манипулирования в интернет-дискурсе.

С одной стороны, чтобы войти в некоторую социальную группу в Интернете, пользователь вынужден подстраиваться, соблюдая нормы сетевого этикета, переключая свой код общения и порой предусмотрительно насыщая свои

сообщения английскими заимствованиями. Так, например, при разъяснении понятия *флейм*, часто встречающегося на интернет-форумах, автор статьи об этом явлении намеренно вводит и другие англицизмы, характерные для данной сферы употребления:

Зачастую, флейм начинается тогда, когда в тред приходит пользователь, запятивший свое имя какими-либо поступками, либо нуб. Иногда, люди намеренно провоцируют флейм в свою сторону, чтобы участник, поддавшийся на провокации, получил бан. Такие люди именуется троллями [4].

Приспосабливая свое сообщение под нормы компьютерного подязыка, автор вынужден использовать англицизмы, поскольку стремится удовлетворить потребность ощущать себя социально значимой частью данного виртуального сообщества в условиях сохранения его целостности и самобытности. Причем в некоторых случаях англицизмы используются ошибочно (когда носитель языка не знает их точного значения и стилистических особенностей). Так, например, в следующем дискурсивном фрагменте присутствует тактика запроса информации одного из пользователей и ироничный ответ специалиста:

Sashko1535_93: Вот я скачал программу Radmin, и я ещё хочу узнать: можно ли с помощью этой программы стать провайдером интернета, так чтобы работать не у самого провайдера, а на себя? Если да — то как? И ещё: как туда поставить запрет IP-адресов?

К_АНТОН: Вы еще забыли Тетрис установить для DNS маршрутизации [5].

Пользователь Sashko1535_93, желающий позиционировать себя как «своего» в интернет-сообществе, употребляет слово *провайдер* (от англ. *provider* — поставщик), не зная его полного лексического значения, вероятно, не обладая компетентно сформированным концептом *провайдер*. В русском языковом сознании понятие *провайдер* ассоциируется скорее с компанией, предоставляющей услуги по обеспечению доступа к компьютерным сетям, а не с частным лицом. С точки зрения специалиста компьютерных технологий, такое сообщение покажется ироничным, поскольку программа *Radmin* отвечает за пользовательский уровень и не дает возможности участвовать или, тем более, заменять деятельность провайдера. Распознав неправильное толкование и употребление компьютерной лексики, пользователь К_АНТОН, имплицитно выражая иронию над собеседником, советует установить

Тетрис (компьютерная игра) для *DNS маршрутизации* (компьютерная распределенная система для получения информации о доменах), чем усиливает комический эффект всего высказывания. Ответным сообщением автор также может ввести в заблуждение пользователя Sashko1535_93, если последним не будет раскрыт замысел его ироничного оценивания. В терминах теории речевого акта Дж. Серля иллокутивная функция последнего высказывания является отрицанием локутивной, а задача перлокутивной — объявить собеседника не способным к диалогу [2]. Таким образом, инициатор общения становится объектом иронии и, в некоторой степени, объектом воздействия, осуществленного благодаря использованию англицизмов в стратегии манипулирования. Так знание и адекватное употребление англицизмов становится условием, соблюдение которого необходимо для вхождения в определенную группу интернет-сообщества.

С другой стороны, заимствованные слова употребляются все чаще без перевода и каких-либо комментариев (даже если это абсолютно новый термин), что ведет либо к необходимости приложить дополнительные интерпретативные усилия, либо к вероятной коммуникативной неудаче. Так, выбор англоязычного термина во многих случаях оказывается стратегически основанным на способности иноязычных слов создавать «эффект информационной опустошенности в тексте» [1]. Незнакомые и непонятные английские слова, значение которых не разъясняется, вносят определенную долю неясности, оставляя русского пользователя в недоумении. Например, создатель сайта «poznai-internet.ru» предлагает приобрести его авторский видео-курс по интернет-грамотности:

У Вас часто спрашивают, «какая у тебя аська или скайп», есть ли Вы в Контакте или на Одноклассниках, и другие подобные вопросы, на которые Вы не можете более-менее вразумительно ответить? В Вашем присутствии упоминают такие слова как торрент, ютуб, твиттер, пикаса, озон, и Вы некомфортно себя чувствуете, до конца не понимая, о чём всё же идёт речь? [6].

В данном отрывке автор сообщения, создавая эффект непосредственного диалогирования с потенциальным адресатом, демонстрирует знание его внутреннего состояния, происходит мнимое угадывание его психологического дискомфорта при работе в сети Интернет. Одновременное употребление такого количества иноязычной компьютерной лексики (7 единиц в двух фразах:

аська, скайп, торрент, ютуб, твиттер, пикаса, озон) способно привести неопытного пользователя в заблуждение, т. е. в данном случае сформировать у него ложное представление о сложности использования Сети и о необходимости дополнительного обучения. Терминологическое засорение текстов иноязычными заимствованиями вынуждает адресата либо декодировать сообщение с помощью совершения необходимых действий, либо принять сообщение на веру и следовать установкам адресанта, не исключая возможности оказаться объектом его манипулятивного воздействия.

Таким образом, если пользователь — неспециалист (дилетант), он не способен раскрыть денотативное значение англоязычных новообразований-терминов и, оценив свой уровень владения информацией как недостаточный, может сделать вывод о необходимости приобретения предлагаемого видеокурса. Поскольку пользователь — это прежде всего потребитель информационного продукта на рынке товаров и услуг компьютерной сети Интернет, то в задачи автора рекламного сообщения входит реализация интенции заставить целевого адресата купить продукт, что достигается путем осуществления стратегии манипулирования посредством англицизмов, которые оказывают искомый персуазивный эффект.

Суггестивность англицизмов проявляется в случаях, когда «взамен исконных лингвокультурем, выросших из определенной культуры и богатых смысловыми ассоциациями, появляются номинации с неявным смыслом, который можно развить в направлении, противоречащем стереотипному» [3]. Такая номинация часто используется для так называемой «подмены понятий». Так, например, в интернет-дискурсе происходит «облагораживание» понятия *компьютерный вор-взломщик* с помощью англоязычного заимствования *хакер*, когда снимается отрицательная

коннотация, а предмет высказывания становится соответственно значимым.

Примечательно, что в современной компьютерной сфере происходит сознательная замена одних слов другими: вместо *пользователь* употребляется *юзер*, вместо *сообщение* — *пост*, вместо *ошибка в программе* — *баг*, вместо *беспользовательный участник файлообменной сети* — *личар* и мн. др. Примеры, подобные приведенным, достаточно частотны в интернет-дискурсе: замена русской лексики англицизмами, как правило, происходит ввиду функциональной слабости исконного эквивалента и благодаря суггестивности иноязычного слова, что, в конечном счете, позволяет оказать воздействие на адресата, в зависимости от конкретных интересов адресанта интернет-сообщения.

Таким образом, в русскоязычном интернет-дискурсе обнаруживаются регулярно повторяющиеся средства манипулирования персуазивного и суггестивного воздействия — англицизмы, которые могут провоцировать необходимость дополнительных интерпретативных усилий, а также вызывать непонимание и заблуждение со стороны адресата, в результате чего коммуникация приобретает стратегемную тональность.

Список литературы

1. Романов, А. Ю. Англицизмы и американизмы в русском языке и отношение к ним. СПб. : Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2000.
2. Серль, Дж. Основные понятия исчисления речевых актов / Дж. Серль, Д. Вандервекен // Новое в зарубежной лингвистике. 1986. Вып. 18. С. 242–263.
3. Шелестюк, Е. В. Речевое воздействие: онтология и методология исследования : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Челябинск, 2009. 48 с.
4. URL: <http://lurkmore.ru>
5. URL: <http://www.bibo.kz>
6. URL: <http://www.poznai-internet.ru>

АНАЛИЗ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ КОНЦЕПТА ‘ОТРИЦАНИЕ’ В НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ

Статья посвящена анализу вербальных средств, репрезентирующих отрицание в научно-технических текстах. Отрицание рассматривается как когнитивный и языковой феномен, принципиально значимый для человеческого мышления и коммуникации. Представлены особенности функционирования концепта ‘отрицание’, проанализированы его прототипы и средства выражения.

Ключевые слова: научно-технический текст, концепт, репрезентация, имплицитное отрицание.

Научно-технический текст, как и проблемы профессиональной коммуникации научного сообщества в целом, вызывает неослабевающий интерес у исследователей. Это обусловлено прежде всего тем, что прогресс человечества невозможен без усовершенствования и развития уже имеющихся технологий и новых открытий, меняющих наше представление о действительности. Цель научной коммуникации связана с ориентацией на получение нового знания в эксплицитном виде. Традиционно научный текст, в котором фиксируется фрагмент научной деятельности, рассматривается как единица коммуникации, осуществляемой на специальном подъязыке (LSP). Он представляет собой функциональную разновидность естественного языка, в которой аккумулировано и сохранено специальное знание, и обеспечивает адекватное и эффективное общение специалистов в определенной предметной области.

К стилистическим особенностям научно-технического текста относятся объективность, обобщенность, логичность, доказательность, четкость изложения, однозначность, нейтральность и отсутствие экспрессивности. Неотъемлемыми характеристиками являются целостность и когерентность. Первая трактуется как совокупное единство событийной и логической базы, языковой структуры и коммуникативной организации текста, она позволяет рассматривать текст как системно-структурное образование. Когерентность — это пространственно-временная, причинно-следственная и ассоциативная связь элементов текста на уровне концептов (явлений, событий, процессов, фактов). Она проявляется в структуре знания, которая опосредована языковой системой в виде связей и отношений между элементами текста на поверхностном уровне.

Таким образом, с когнитивной точки зрения научно-технический текст представляет собой

фрагмент специального знания в определенной предметной области. С точки зрения языка в научно-техническом тексте научное знание находит свое выражение с помощью языковых категорий и языковых средств. В научно-техническом тексте как в когнитивном пространстве объединены разнообразные концепты и категории, связанные между собой сетью отношений. Они служат средством формирования информационной ценности текста и образуют план содержания, т. е. его глубинную структуру.

Под концептом понимается единица осмысленного (осознанного) знания о предметах или событиях, их отдельных свойствах, характеристиках, взаимосвязях с другими предметами и событиями, которой человек оперирует в процессе речемыслительной деятельности. Концепты репрезентируются на разных языковых уровнях и образуют концептуальную систему человека. Концептуальная система человека и концептосфера языка включают в себя знания самого разного формата с точки зрения их структуры и содержания. Формат знания — это определенная форма представления знания на мыслительном (концептуальном) или языковом уровнях.

План выражения, т. е. поверхностная структура научно-технического текста, манифестируется в естественном языке, поэтому языковое знание является неотъемлемой частью общей концептуальной системы человека.

Рассматриваемая категория отрицания, принадлежит одновременно человеческому сознанию и языку, она играет весьма важную роль в познавательной деятельности человека. Сущность концепта ‘отрицания’ определяется как выражение при помощи лексических, фразеологических, синтаксических и других средств языка того, что связь, устанавливаемая между элементами высказывания, реально не существует (мыслится в речи как реально

не существующая) [1. С. 302–303]. Специфика формирования и организации отрицания заключается в том, что оно объединяет определенные языковые средства на основе общности их концептуальной (интерпретирующей) функции.

Интерпретирующая функция отрицания предполагает его зависимость от положительного знания. Причем такое положительное знание должно быть стереотипным. Необходимо отметить, что отрицание указывает на отсутствие объекта или явления, обладающего некоторой значимостью для конкретной ситуации или несоответствие определенного признака ранее установленному для этой ситуации. Поэтому среди особенностей отрицания Н. Н. Болдырев выделяет его способность профилировать «отсутствие чего-либо на фоне определенного стереотипного знания» [2. С. 17]. Например, в предложении: *Technical production of aluminium did not occur until the work of St. Claire-Deville, a French schoolteacher, in 1854* [5. P. 15] констатируется факт, что промышленное производство алюминия существует с 1854 г. Следовательно, до этого момента процесс был неизвестен и отсутствовал. Таким образом, для представления той или иной ситуации в языке человек должен привлечь все знания об этой ситуации, т. е. соответствующий фрейм, и выделить отсутствующий элемент с помощью механизма профилирования, тем самым добиваясь нужного смысла.

Для выражения отрицания могут использоваться грамматические, лексические, фразеологические и другие средства. Именно для грамматических средств (отрицательные частицы, отрицательные аффиксы и др.), отражающих онтологию языка [2. С. 9–10], выражение отрицания является основной функцией. Для лексических средств (отрицательные наречия, отрицательные местоимения и др.) выражение отрицания является не единственной и не ключевой функцией, что позволяет говорить о разнородности средств выражения отрицания, о центральности одних, для которых выражение отрицания является ключевым, и периферийности других, выражение отрицания для которых является не единственной и не основной функцией.

В результате анализа научно-технического текста [5] были выявлены некоторые особенности функционирования категории отрицания. Система языковых средств выражения отрицания включает эксплицитные и имплицитные средства. К эксплицитным средствам относятся формальные средства: отрицательные частицы,

аффиксы, местоимения, наречия. Среди имплицитных средств выражения концепта 'отрицание' выделяют слова отрицательной семантики, сослагательное наклонение, риторический вопрос и повтор. При этом риторический вопрос и повтор имеют экспрессивную окрашенность. Прототипическим средством выражения отрицания в английском языке следует считать частицы 'not' с глаголом и 'no' с существительным: *Additives should not increase the metal solubility in the electrolyte since this causes a lowering in the current efficiency. Since no uniform standards exist, data is not available for all blocks.*

К прототипическим средствам относятся и отрицательные аффиксы: а) *non-ferrous* (metal), *non-toxic*, *non-consumable* (anode); б) *unlikely*, *unfortunately*, *uneconomic*, *unstable*, *unwanted*, *unacceptable*; в) *insufficient*, *impurities*; д) *disadvantages*; е) *antifriction* (characteristic); ф) *seamless*, *harmless*.

Внимания заслуживает префикс 'non-', так как он наглядно иллюстрирует функцию отрицания категоризировать и структурировать окружающий мир. Так, в русском языке все металлы делятся на две группы: черные и цветные. Оба понятия не имеют отрицания в своей структуре. В английском языке цветные металлы исключаются из класса металлов, содержащих железо, причем для этого используется интерпретирующая функция отрицания. В словаре дается следующее определение префикса 'non-': *in adjectives and nouns shows a negative* [3]. А 'non-ferrous' имеет дефиницию: 1. *(of a metal) containing no iron*, 2. *noting or pertaining to metals other than iron or steel* [4].

Отрицательные наречия 'never', 'nowhere': *Because of its chemical reactivity, aluminium is never found in nature as an element.*

Еще одним эксплицитным средством выражения отрицания является союз 'neither ... nor': *Neither petroleum coke nor the carbon arising from the decomposition of the coal tar pitch are of similar structure to the forms of carbon we are familiar with when doing experiments in a laboratory.*

Имплицитное отрицание выражается словами отрицательной семантики: *Some smelters evaluating modified baths failed to account for these (lithium and/or magnesium electrolytes). Because these (polymers) lack ductility ... the degree of substitution is restricted.*

Поскольку стиль научно-технического текста характеризуется отсутствием эмоциональности, в тексте не было выявлено экспрессивных средств выражения отрицания.

В заключение следует отметить, что отрицание играет значительную роль в расширении познания, категоризации и структурировании научного знания, репрезентируемого средствами естественного языка. Вследствие стилистических особенностей научно-технического текста языковые средства, используемые в нем, отличаются от арсенала языковых средств выражения отрицания в художественном тексте. Значимо то, что с помощью отрицания в научно-техническом тексте исключаются ситуации, не совпадающие со стереотипным знанием.

Список литературы

1. Ахманова, О. С. Словарь лингвистических терминов. М. : Сов. энцикл., 1966.
2. Болдырев, Н. Н. Языковые категории как формат знания // *Вопр. когнитив. лингвистики*. 2006. № 2. С. 5–22.
3. Longman Dictionary of Contemporary English. Third Edition L. : Longman, 2001.
4. Webster's Encyclopedic Unabridged Dictionary. New York : Gramercy Books, 1996.
5. Welch, Barry. Aluminium Smelter Technology: Theory and Practice. Auckland : University of Auckland, 2001.

Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 33 (248). Филология. Искусствоведение. Вып. 60. С. 80–82.

Г. В. Кубиц

СТРАТЕГИЯ РЕЧЕВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ АДВОКАТА В СУДЕБНОМ ПРОЦЕССЕ

В статье рассматриваются средства речевого воздействия адвоката на жюри присяжных, а также способы структурирования и произнесения судебной речи.

Ключевые слова: стратегия речевого воздействия, речь адвоката, судебная речь.

Проблема речевого воздействия судебной речи остается главным направлением в курсе юридической риторики. Мы остановимся на особенностях речевого воздействия адвоката, так как в суде присяжных данную функцию может выполнить только достаточно квалифицированный специалист.

В юридической практике с большей или меньшей интенсивностью проявляются когнитивно-коммуникативные стороны деятельности, успех которой в большинстве случаев зависит от умелого установления психологического контакта с людьми, от правильного подхода к индивиду как к личности. Сформировавшаяся у юриста (в нашем случае — адвоката) направленность на человека способствует успеху общения, выбору наиболее соответствующих особенностям другого человека способов взаимодействия с ним. При этом в направленности проявляется отношение, которое порождает в личности каждого ориентацию на положительные качества в другом человеке, эта направленность способствует раскрытию личностного потенциала коммуниканта. В этом заключается особенность судебного ораторского искусства. Суть же судебного ораторского искусства проявляется в приемах

построения и произнесении убедительной судебной речи и ее воздействии на суд.

И. А. Стернин определяет речевое воздействие как воздействие на человека при помощи речи с целью побудить его сознательно принять точку зрения другого человека, сознательно принять решение о каком-либо действии, передаче информации и т. д. [5. С. 38]. Защитительная речь — это публичное высказывание особого стиля, сделанное адвокатом-защитником в судебных прениях по поводу предъявленного обвинения, с целью убедить суд в истинности данной им оценки обстоятельств дела и собранных доказательств. Речевое воздействие защитительной речи адвоката на суд и аудиторию определяется нами как влияние на сознание адресатов. Воздействие может быть прямым, косвенным и скрытым. Прямое и косвенное воздействие осуществляется адвокатом сознательно, открыто; такое воздействие происходит при помощи риторических тропов и фигур, употребления других языковых средств, что побуждает к действию аудиторию и суд присяжных. Скрытое же воздействие на психологическом уровне воспринимается отправителем, но не осознается получателем [2. С. 123].

Говоря о податливости человека по отношению к тем или иным словесным воздействиям со стороны адвоката, можно говорить о таких особенностях личности, как степень внушаемости или способность к переубеждению. Однако, проанализировав и обобщив множество ситуаций общения (адвокатов, юристов в юридических и адвокатских консультациях), утверждаем, что изменение первого впечатления является не столько личностной особенностью человека, сколько результатом убедительного речевого воздействия специалиста. Адвокат А. Г. Осипов пишет «...только воздействие фактами на чувства есть законный прием адвокатского искусства и законное пользование властью красноречия» [4. С. 5] По мнению А. А. Леонтьева, [1. С. 28] для юридической деятельности характерны такие виды воздействия, как информирование, убеждение и внушение. Все они взаимосвязаны, особенно в работе адвоката.

В процессе речевой коммуникации адвоката приходится не только оперировать законом, но и разъяснять, объяснять, доказывать, убеждать. Поэтому этих специалистов можно отнести к категории специалистов, умеющих активно использовать специальные приемы воздействия на людей, позволяющие достигнуть желаемого результата. Соответственно, чем выше уровень специальной лингвистической подготовки адвоката, тем эффективнее его воздействие на граждан в решении многих профессиональных задач. Эффективность речевого воздействия в значительной мере определяется индивидуальными психологическими особенностями и профессиональным опытом адвоката.

С целью исследования этой гипотезы проведен эксперимент, который заключался в наблюдении за работой адвокатов в судебных процессах. В эксперименте участвовали 9 адвокатов, которых мы распределили по 3 группам: *первая группа* — адвокаты в возрасте от 23 до 25 лет, стаж работы 1–2 года (3 чел.); *вторая группа* — адвокаты в возрасте от 30 до 35, стаж работы 5–7 лет (3 чел.); *третья группа* — адвокаты в возрасте от 40 до 50 лет, стаж работы 15–20 лет (3 чел.). За критерий оценки были взяты возраст, стаж работы, учитывался внешний вид, языковой словарь, эмоциональность, исход судебного дела, применение методов воздействия и др.

Анкететы составлены совместно с психологами для анализа психологических характеристик и речевого воздействия. Анкетирование проводилось письменно. Участники судебного процесса и студенты 3-го курса юридического факультета

при помощи анкеты оценивали коммуникативные особенности адвокатов. В ходе обработки анкет были получены следующие результаты.

Эффективность речевого воздействия оказалась высокой там, где опыт и профессионализм был выше (78 %) — третья группа. Были отмечены такие качества, как убедительность, тщательность освещения своей позиции, эмоциональность, риторические приемы, доброжелательность, профессионализм и др.

Второй группе адвокатов (61 %) оказались присущи такие характеристики, как тщательность подготовки речи, доброжелательность, принципиальная позиция по делу, умелое исследование причины совершения преступления, обширный лексикон и др.

В первой группе эффективность воздействия речи оказалась низкой (43 %). Отмечены заносчивость, пренебрежительное отношение к клиентам, присутствие в речи слов-паразитов, неумение четко сформулировать свою позицию, что вызывало недоверие к специалисту.

С целью выяснения причин низкой эффективности и ответственности речи адвокатов мы провели беседы с теми клиентами, кто воспользовался услугами адвоката, и получили следующие данные: в основном недоверие к профессионалу возникало ввиду малого опыта адвоката, неумения установить контакт с собеседником, отсутствия уверенности.

Проследивая эффект воздействия речи адвокатов в судебном процессе, мы попытались оценить не только сиюминутный эффект этих воздействий, но и долговременные результаты — когда эти воздействия накапливались, приводя к появлению нового качества взаимодействия. Таким образом, можно отметить, что выбор стратегий речевого воздействия адвоката зависит от его профессионального опыта, при этом степень воздействия речи определяется общим уровнем подготовленности специалиста, развитием его личных речевых навыков как основного фактора успешной профессиональной деятельности.

Коммуникативная деятельность специалиста, в процессе которой он корректирует складывающуюся в его сознании систему языка, приводит ее в соответствие с тем, чем оперируют оппоненты в судебном процессе с целью достижения коммуникативных целей. Именно от убедительной, грамотно построенной речи зависит дальнейшая судьба человека по конкретно рассматриваемому делу. Психологами доказано, что воздействующая речь проявляется в искреннем

тоне речи, последний естественным образом выражает чувства и подлинные мысли говорящего, его внутреннюю убежденность в правильности и справедливости отстаиваемых положений и доводов. Как отмечает В. В. Мельник, это способствует формированию такой же внутренней убежденности у председательствующего судьи и присяжных заседателей [3. С. 142].

В основе выбора стратегии речевого воздействия лежат личностные намерения адвоката. Под термином «стратегия» мы понимаем модель речевого поведения адвоката в определенной ситуации для достижения поставленных коммуникативных задач. Правильно подобранная стратегия речи адвоката способствует расположению к нему слушателей. При этом влияние защитительной речи может быть обращено как к сознательному, так и к бессознательному восприятию аргументов судьями и присяжными заседателями.

Адвокат как субъект ответственной судебной речи использует такие коммуникативные качества речи, как правильность, точность, уместность, логичность, ясность, выразительность. Отсутствие одного или нескольких указанных критериев нарушают убедительность судебной речи, снижает качество воздействия на выработку коллегией присяжных заседателей заданного психологически вердикта в соответствии с позицией защиты, особенно когда речам защитни-

ка недостает эмоциональности и искренности [6. С. 235].

Таким образом, для выстраивания речевой стратегии необходимо целостное видение данного явления, профессиональное осмысление ситуации общения и соотнесение ее с целями коммуникации.

Список литературы

1. Леонтьев, А. А. Речь в криминалистике / А. А. Леонтьев, А. М. Шахнарович, В. И. Батов. М., 1979.
2. Матвеева, Г. Г. К вопросу о речевых стратегиях скрытого воздействия отправителя текста на его получателя // Личность, речь и юридическая практика. Вып. 6. Ростов н/Д, 2003. С. 123–128.
3. Мельник, В. В. Ораторское искусство как средство построения убедительной судебной речи в состязательном уголовном процессе // Рос. право. 2001. № 9. С. 139–144.
4. Осипов, А. Г. Судебное ораторское искусство как средство построения убедительной защитительной речи в суде с участием присяжных заседателей [Электронный ресурс]. URL: <http://www.jurymen.ru/material.law>
5. Стернин, И. А. Введение в речевое воздействие. Воронеж, 2001.
6. Трунов, И. Л. Искусство защиты в суде присяжных : учеб.-практ. пособие / И. Л. Трунов, В. В. Мельник. М., 2009.

Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 33 (248). Филология. Искусствоведение. Вып. 60. С. 82–85.

М. А. Куниловская

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДНОГО КОМПЬЮТЕРНОГО ДИСКУРСА: ЗАКОНОМЕРНОСТИ ПЕРЕДАЧИ ПРЕДИКАТИВНОЙ МОДАЛЬНОСТИ С АНГЛИЙСКОГО НА РУССКИЙ ЯЗЫК

В статье исследуются особенности выражения модальности в переводном компьютерном дискурсе. Представлены результаты переводоведческого анализа средств выражения модальности в блоге в сопоставлении с аналогичным русскоязычным текстом.

Ключевые слова: компьютерный дискурс, модальность, модальный глагол, переводной дискурс.

В настоящей статье под компьютерным дискурсом, вслед за Е. Н. Галичкиной и О. С. Рублевой, понимается любой вид общения в компьютерных сетях [1; 2]. А. Б. Кутузов предложил снять известную многозначность указанного термина и в приведенном значении использовать вместо него устоявшийся англоязыч-

ный вариант computer-mediated communication (CMC) [3].

Интерес к заявленной теме обусловлен специфичностью перевода компьютерного дискурса и появлением в практике оценки качества перевода такого понятия, как «good enough translation». Источником для исследования послужи-

ли 10 постов за 2004–2005 гг. из блога Джоеля Спольски — основателя Fog Creek Software, небольшой компании по разработке программного обеспечения, расположенной в Нью-Йорке, общим объемом 27 тыс. словоупотреблений [7], а также их переводы на русский язык [8]. Такого рода материалы обычно переводятся энтузиастами в режиме так называемого краудсорсинга (crowd-sourcing), что не может не отразиться на специфике перевода.

Цель работы — описать закономерности перевода английских модальных глаголов на русский язык в рамках СМС, представленного блогом на компьютерную тематику, а также определить, насколько типичным является переводческий выбор средств выражения модальности в русскоязычном переводе.

Модальные глаголы являются «единицами несоответствия» в двух языках, существенно различаясь по парадигматическим характеристикам в структуре функционально-семантического поля модальности. В качестве материала отобраны 109 употреблений английских модальных глаголов и их переводы на русский язык. К модальным были отнесены глаголы, статус которых не вызывает разногласий у большинства лингвистов: *must, can, could, may, might, should, will, would* и *shall*. Этот список сокращен до 6 первых лексем за счет редко встречающихся в функции модальных глаголов (но частотных в функции form-word) *will, would, shall*.

В качестве теоретической базы исследования избрана концепция модальных значений Ф. Палмера [4]. Ученый различает две основные модальные категории в рамках нереальности: 1) **пропозициональная модальность**, которая «выражает субъективное отношение говорящего к достоверности и реальности пропозиции/ее соответствию действительности [перевод наш. — М. К.]: *Kate may be at home now. → It is possible that Kate is at home*; 2) **событийная модальность**, характерная для высказываний, обозначающих потенциальные, не актуализированные еще ситуации, содержащие, в отличие от предыдущего вида высказываний, элемент желательности: *Kate may come in now — It is possible for Kate to come in now* [4. Р. 8].

Основное различие между ними сводится к сфере действия — если пропозициональная модальность характеризует всю пропозицию в целом, то событийная модальность относится только к предикату и обозначает отношение действующего лица (а не говорящего!) к соответствующему действию, состоянию, событию.

М. А. К. Халлидей видит между ними и функциональное различие: если пропозициональная модальность способствует реализации **межличностной функции** текста (interpersonal function), включающей механизмы языкового взаимодействия с собеседником, то событийная модальность относится к сфере **концептуальной репрезентации** (ideational function), обозначая скорее дополнительный признак ситуации, нежели ее оценку говорящим [5].

Пропозициональная модальность может быть представлена в виде **эпистемической** либо **эвиденциальной** модальности: в рамках первой выражаются умозаключения (суждения) говорящего о соответствии высказывания действительности (значение возможности). (*I (the speaker) think(s) that smth is true, possible, necessary, likely, etc.*) Эвиденциальная модальность предполагает наличие в контексте неких доказательств, на которых основывает свое предположение говорящий. Однако ввиду отсутствия средств ее выражения в английском языке мы, вслед за S. Kranich, не будем выделять ее в отдельный тип [6. Р. 8].

Событийная модальность реализуется как **деонтическая** или **динамическая**. Обе они выражают суждения говорящего о возможности (в т. ч. значение разрешения) или необходимости (в т. ч. значение долженствования) действия, состояния, события. Различие между этими видами модальных значений заключается в том, что источник этой возможности или необходимости в первом случае является внешним по отношению к субъекту предложения (значения долженствования и разрешения), а во втором случае — совпадает с субъектом предложения (желание и способность). Ф. Палмер приводит следующие примеры: *John must come in now* — деонтическая модальность; *John will do it for you* — динамическая модальность [4. Р. 10].

Данный подход не позволяет однозначно отнести традиционные для категории модальности виды значений типа «возможность», «желательность», «необходимость» к какому-либо из указанных классификационных типов. Различают, например, эпистемическую возможность (*Kate may come in any minute=I (the speaker) think that it is possible that Kate will come in*) и деонтическую возможность (*Kate may come in=Somebody (an external subject) has allowed Kate to come in*).

В ходе анализа семантики модальных глаголов для определения вида модальности, реализуемого в каждом предложении, мы использовали методы парафраза и контекстуального анализа,

а также анализ дефиниций модальных глаголов, приведенных в словаре *Encarta*.

Гипотеза исследования состояла в том, при одинаковой степени полисемантичности/полифункциональности модальных глаголов в русском и английском языках, проявляющейся в возможности использовать эти глаголы во всех трех значениях (Сравните соответственно: *you can't be Laura's brother — she's an only child; I'm sorry, you can't leave yet; you can't swim. Если бы вы минут через двадцать сюда явились, могли бы меня не застать. Вы не можете так уйти! Ты знаешь, я владеть стрелю могу*), типичными/наиболее частотными для соответствующих друг другу модальных глаголов двух языков являются разные функции, что приводит к неузуальности их использования как взаимодозначных эквивалентов.

Анализ англоязычной выборки показал, что исследуемые модальные глаголы употребляются в СМС с разной частотой. Наиболее частотным глаголом является *can/could*, представляющий 62% всех модальных словоупотреблений, реже используется *may/might* (22 %), *should* и *must* встречаются соответственно в 9 и 6 % случаев.

Функционально описываемые глаголы характеризуются следующим образом. *Can/could* реализует преимущественно эпистемическую и динамическую функции (соответственно 54 % и 38 %), лишь изредка употребляясь в деонтическом значении (6 %). Глагол *should*, напротив, является исключительно деонтическим, а у глагола *must* деонтические и эпистемические значения реализуются почти с одинаковой частотой. Глагол *may/might* используется в основном для выражения эпистемических значений, хотя в 17% случаев ему оказались присущи и деонтические значения. Результаты функционального анализа модальных глаголов показали, что для английского СМС в большей мере характерна пропозициональная модальность, реализующая межличностную функцию текста. Это позволяет отнести тексты блогов к иллюкутивному типу, ориентированному, в первую очередь на взаимодействие с собеседником, что дает нам право характеризовать его именно как дискурсивную практику.

Переводной computer-mediated дискурс выступает как специфический как по субъекту перевода, так и по избираемой стратегии перевода. Субъективно ощущается «прозрачность» переводчика, который во многом следует синтаксическим особенностям оригинала, что в плоскости перевода модальных глаголов в редких слу-

чаях приводит к нарушениям функциональной направленности текста. Например, в предложении *The old Microsoft, the Microsoft of Raymond Chen, might have implemented things like Avalon, the new graphics system,.... There's no technical reason not to do this. But Microsoft needs to give you a reason to buy Longhorn....* Глагол *might*, включенный в структуру *might have done ... but*, реализует значение деонтической необходимости, а переводчик, рутинно переводя *might* системно (но не функционально в данном случае) соответствующим ему глаголом *мочь*, которому в русском языке более присущи эпистемические и динамические значения, создает перевод, в котором значение модального глагола вступает в диссонанс со значением контекста: *Старая Microsoft, Microsoft Рэймонда Чена, могла реализовать вещь наподобие Avalon — новую графическую систему — как серию DLL,.. Нет технических причин так не сделать. Но Microsoft нужна причина, по которой вы купите Longhorn, ...* Вместе с тем в большинстве случаев неузуальность выражения модальных значений в русском языке не приводит к серьезным смысловым потерям в связи с тем, что калькирование исходной структуры «оживляет» свойственные русскому языку, но не типичные для него способы выражения модальных значений. Это позволяет характеризовать перевод как имеющий «good enough quality». Часто такие переводы не учитывают формально-личный характер английских предложений и используют личные конструкции вместо типичных безличных с *можно, нельзя, надо*.

В целом, описывая переводческие решения, связанные с передачей предикативной модальности с английского на русский язык в текстах анализируемых блогов, можно отметить, что, во-первых, закономерен отказ от сохранения модальности (14 % от всей выборки), причем более чем в половине случаев он вызван необходимостью менять синтаксическую структуру предложения, либо в связи с необходимостью преобразования страдательного залога в активный (*The formula for the company I started with Michael Pryor in September, 2000 can be summarized in four steps.— Формула компании, созданной мной с Майклом Прайором (Michael Pryor) в сентябре 2000 года, состоит из четырех элементов*), либо в связи с преобразованием предиката во вторичный (*Almost any metric you can come up with (lines of debugged code, function points, number of command-line arguments) is trivial to game.— Практически все системы изме-*

рения, приходящие вам в голову (строки отлаженного кода, количество методов, количество аргументов командной строки), тривиально обыгрываются). Интересно отметить, что пропадают в равных долях эпистемическая и динамическая модальность, в то время как для деонтической модальности это не так свойственно.

Самым частотным способом перевода английских модальных глаголов следует признать глагол *мочь*. Он использован как переводческое соответствие в подавляющих 60 случаях из 87 (70 %), из них в примерно 62 % *мочь* соответствует исходному глаголу в эпистемическом значении, в 30 % — в динамическом, а остальные 8 % — в деонтическом. К другим способам перевода относятся по степени убывания значимости предикативные *можно, должен и нужно* (21 %), сослагательное наклонение (3,6 %), полнозначный глагол, содержащий модальные семы в структуре лексического значения (*разрешается, хотите* — 2,2 %), модальные слова и выражения (*скорее всего, пожалуй* — 2,2 %), частица (1 %).

Таким образом, наиболее частотным значением предикативной модальности в проанализированном нами тексте является эпистемическое значение, которое в основном передается *can/could* и *may/might*. Это, с точки зрения М. Халлидея, свидетельствует о межличностной направленности текста, его ориентированности скорее на собеседника, чем на предметное содержание, что позволяет нам отнести его к разновидности СМС (CMD). Сложившаяся практика

перевода таких текстов характеризуется сильной синтаксической зависимостью от оригинала, большой прозрачностью переводчика, что приводит, в частности, к нетипичности средств выражения модальности, используемых в переводном СМД. Вместе с тем, эта нетипичность редко становится препятствием к пониманию текста, что позволяет признать, что подобные переводы укладываются в стандарт «good enough».

Список литературы

1. Галичкина, Е. Н. Специфика компьютерного дискурса на английском и русском языках (на материале жанра компьютерных конференций) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2001.
2. Рублева, О. С. Некоторые особенности компьютерного дискурса [Электронный ресурс]. URL: <http://lingvomaster.ru/files/190.pdf>
3. Кутузов, А. Б. Переводчик в дискурсе сетевых форумов // Вестн. Челяб. гос. ун-та. 2011. № 24 (239). Филология. Искусствоведение. Вып. 57. С. 239–241.
4. Palmer, F. R. Mood and Modality. Cambridge University Press, 2001.
5. Halliday, M. A. K. An Introduction to Functional Grammar. 3rd ed. London : Arnold, 2004.
6. Kranich, S. Epistemic Modality in English Popular Scientific Texts and Their German Translations // Zeitschrift für Translationswissenschaft und Fachkommunikation. Band 2. № 1. 2009. P. 26–41.
7. URL: <http://joelonsoftware.com/>
8. URL: <http://russian.joelonsoftware.com/>

Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 33 (248). Филология. Искусствоведение. Вып. 60. С. 85–87.

А. С. Курносова

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ СПЕЦИАЛЬНОЙ ЛЕКСИКИ В РЕКЛАМНОМ ТЕКСТЕ

В статье рассматриваются особенности функционирования специальной лексики в рекламных текстах автомобилей, определяется целесообразность использования профессионально маркированных наименований в средствах массовой информации.

Ключевые слова: *рекламный текст, специальная лексика, термин, воздействие, эффективность рекламного текста.*

Реклама является неотъемлемым атрибутом не только любой предпринимательской деятельности, но и человеческой жизни в целом. Под влияние рекламы «падают все живущие и работающие в современном мире» [1. С. 34]. В постиндустри-

альном обществе реклама превратилась в одно из существеннейших звеньев в формировании такого социокультурного феномена, как образ жизни.

В настоящее время растет количество специальных лингвистических исследований, посвя-

ценных рекламе. Рекламный текст изучается с позиций различных направлений языкознания: семиотики, психолингвистики, когнитивной лингвистики, лингвистики текста, прагмалингвистики, жанроведения, стилистики. Однако ряд проблем остается на периферии исследовательского внимания. Одна из таких проблем — функционирование специальной лексики в текстах современной рекламы.

Рекламный текст представляет собой сложное семиотическое целое, состоящее из последовательных знаковых единиц, выраженных посредством структурных элементов (заголовков, слоган, основной текст, иллюстрация, логотип и др.), максимально адаптированных для выполнения главной задачи — воздействия на аудиторию с целью получения необходимого эффекта, а именно желания приобрести данный товар или услугу.

Особенностью рекламного текста является то, что это текст массовой коммуникации, который призван не просто информировать, но и побуждать к запланированному действию целые группы реципиентов, влияя на их сознание.

Одним из традиционных способов классификации рекламных текстов является классификация по рекламируемому объекту. Здесь можно выделить рекламу автомобилей, бытовой техники, косметических средств и т. д. Объект рекламы, безусловно, влияет на язык и стиль рекламного текста. Так, в рекламе автомобилей копирайтер посредством языковых единиц стремится создать у реципиента впечатление скорости, мощности и эффективности. Профилирование внимания на этих характеристиках достигается и рациональными средствами — через использование специальной лексики (терминологии, номенклатурных обозначений), а также разнообразных формул для описания технических характеристик автомобиля.

«0 — 100: 6.9 Sec. The GTI is back» (реклама автомобиля GTI марки Volkswagen).

Цифровое выражение «0–100: 6.9 Sec.» означает, что автомобиль может разогнаться до скорости 100 километров в час всего за 6,9 секунды. Передача данного смысла через формулу, а не через словесный текст, сокращает время восприятия рекламы реципиентом, экономит необходимое рекламное пространство, а также способствует лучшему запоминанию информации (благодаря компактности).

«Honda City. Reliable **drive-by wire** technology. **Real-time fuel consumption meter**. Intuitive **I-VTEC engine**».

В приведенном рекламном тексте посредством таких автомобильных терминов, как *drive-by wire* (электронные автомобильные системы, к которым относят системы управления подводом воздуха, подачей топлива и зажиганием, системы ABS, EMS и т. д. [4]), *real-time fuel consumption meter* (измеритель расхода топлива в режиме реального времени, разновидность электронных систем автомобиля [4]), *I-VTEC engine* (двигатель с электронной системой газораспределения и автоматически изменяемыми фазами клапанов [4]), — у реципиента создается ощущение высокой технологичности автомобиля, его превосходных эксплуатационных характеристик, складывается положительный образ легкого в управлении и качественного автомобиля, так как он оснащен различными системами, способствующими повышению уровня безопасности и комфорта вождения.

Чаще всего в рекламных текстах автомобилей используются терминологические обозначения типа кузова: *седан* (название закрытого кузова легкового автомобиля, оборудованного четырьмя дверями, двумя или тремя рядами сидений [2]), *купе* (закрытый кузов легкового автомобиля с одним или двумя рядами сидений и двумя дверями [2]), *универсал* (закрытый кузов автомобиля с двумя или тремя рядами сидений, с тремя или пятью дверями (одна из которых задняя), с багажным отделением, размещенным за спинкой заднего сиденья внутри пассажирского помещения. Сиденья заднего, а при трех рядах — среднего и заднего рядов могут складываться, образуя дополнительную площадку для багажа, являющуюся продолжением пола багажного отделения [2]). Так, например, рекламный слоган автомобиля M3 марки BMW звучит следующим образом: «The M3 **coupe**. It's a lot like nothing else». Или реклама автомобиля Z4 той же марки: «The BMW Z4 **Roadster**. A true **roadster** once again roams the earth». Наличие терминов **coupe** (купе) и **roadster** (тип кузова легкового автомобиля со складывающимся верхом, двумя боковыми дверями и одним или двумя рядами сидений [3]) позволяет реципиенту, прочитав рекламный текст, сразу представить, как выглядит автомобиль, какие у него внешние характеристики.

При описании технических показателей автомобиля важную роль играет не только качественный состав характеристик, воплощенный в терминологии, но и еще в большей степени количественный, выражаемый с помощью цифр. Например:

«The Audi Q7. From the creator of quattro. The Audi Q7 has arrive **A350hp V8** or **280hp V6 SUV** that complements its aggressive stance with **coupe-like** grace...»

В данном рекламном тексте акцент сделан на мощности двигателя, которая на самом деле поражает. Потенциальный клиент, еще не сев за руль, может представить, какую мощь таит в себе рекламируемый автомобиль. Указание на конкретное количество лошадиных сил оказывает куда более глубокое воздействие, чем оценочное словосочетание «мощный двигатель».

В связи с наличием столь большого количества специальной лексики тексты автомобильной рекламы в полной мере могут быть поняты и осмыслены лишь профессиональными водителями, инженерами, специалистами автопрома и автолюбителями. Однако произвести глубокое впечатление они могут на куда более широкую аудиторию. Поскольку даже если человек не знает, что такое ABS, HDC, ASR, MSR, ESP, EBD, EDS, он будет думать о том, как ему повезло, что все это есть в автомобиле.

Специальные лексемы способствуют увеличению эффективности рекламного текста, демонстрируя профессиональный подход производителя не только к созданию автомобиля,

но и к его рекламе, вызывая чувство доверия и ощущение безопасности у простого обывателя, ведь он будет знать, что приобретает не просто красивый автомобиль, а автомобиль, «оснащенный **двухлитровым турбированным двигателем, автоматической трансмиссией с системой Tiptronic и т. д.**» (из текста рекламы автомобиля Audi A4. [Перевод наш. — А. К.]).

Полагаем, что употребление специальной лексики в рекламе автомобилей вполне оправданно. В этой сфере она не только не мешает восприятию, но и повышает эффективность рекламного текста.

Список литературы

1. Аренс, У. Современная реклама / У. Аренс, К. Бове. Тольятти, 1995. 185 с.
2. Большой энциклопедический политехнический словарь [Электронный ресурс]. URL: <http://dic.academic.ru/contents.nsf/enc3p>.
3. Большой энциклопедический словарь [Электронный ресурс]. URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/polytechnic>.
4. Соснин Д. А. Новейшие автомобильные электронные системы / Д. А. Соснин, В. Ф. Яковлев. М. : Солон-Пресс, 2005. 240 с.

Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 33 (248). Филология. Искусствоведение. Вып. 60. С. 87–90.

С. Л. Кушнерук

ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА ПРОФИЛИРОВАНИЯ АДРЕСАТА ТЕКСТОВЫХ МИРОВ РУССКОЯЗЫЧНОЙ И АНГЛОЯЗЫЧНОЙ РЕКЛАМЫ

Статья посвящена практическому применению теории текстовых миров, получившей широкое распространение в современной лингвистике. Особое внимание уделяется анализу лингвистических средств профилирования адресата в рекламных текстах на русском и английском языках.

Ключевые слова: рекламная коммуникация, средства профилирования, адресат, русский язык, английский язык.

Изучение рекламной коммуникации, предполагающее анализ как собственно дискурсивных, так и текстовых характеристик, направляет исследовательский интерес на процессуальный аспект взаимодействия рекламодателя с потенциальным покупателем и его отражение языковыми средствами. Образ покупателя как главного участника экономически значимого типа социальной активности делает фигуру адресата

полноправным объектом лингвистического описания в рамках теории текстовых миров, активно развиваемой в зарубежной науке (J. Gavins, L. Hidalgo Downing, E. Lahey, K. Pitkanen, E. Semino, P. Stockwell, P. Werth).

В основе данной концепции — представление о том, что в процессе совместной языковой деятельности продуцент и реципиент выстраивают «миры», или ментальные репрезентации,

благодаря которым происходит осмысление поступающей информации. При этом в концептуализации дискурса выделяется два взаимодополняющих уровня — дискурсивный мир и текстовый мир. Они являются ментальными конструктами в том смысле, что создают концептуальные репрезентации отдельных сторон действительности. Если *дискурсивный мир* — контекст ситуации вокруг речевого события, то *текстовый мир* мыслится как концептуальный сценарий, представляющий существующее положение дел [1; 2].

Сказанное служит отправной точкой практического анализа, который в настоящей статье ограничивается ответом на вопрос, какие дискурсивные характеристики потенциального покупателя находят отражение в конструируемых текстовых мирах и какие языковые средства служат инструментами выделения адресата в русскоязычной и англоязычной рекламе.

Специфика рекламной адресации состоит в обращенности к **обобщенному получателю**, индивидуальность которого редуцируется до нескольких характеристик — пол, возраст, образование, доход, семейное положение. Дискурсивные параметры в значительной степени влияют на выбор вербально-знаковых средств выделения адресата. Наиболее частотными оказываются **формы личных местоимений 2 лица ед. или мн. числа** в русскоязычной рекламе (*ты, вы, вам, вас, тебя, тебе*). Ср.: Подключая услугу «Сообщники», *ты сам создаешь свою группу общения...* (сотовая связь). **Личное местоимение you** демонстрирует востребованный способ обозначения адресата в англоязычной рекламе. Ср.: *Have you ever wanted to experience what it's actually like to fly an aero plane or helicopter?..* (реклама путешествия на вертолете). В той же функции фигурируют **притяжательные местоимения your/yours**, констатирующие обращенность. Ср.: *Saga. Your life. Your music* (радиостанция); *Your region. Your Paper* (ежедневная газета).

Другим свидетельством присутствия адресата является **местоимение-существительное каждый**. Широкая семантика слова не предполагает параметризацию потенциального потребителя. Ср.: *Капля святого есть в каждом* (водка); *В каждом есть немного кетчупа Кальве* (кетчуп). Соотносимыми средствами в англоязычной рекламе выступают **местоимения-существительные everyone/everybody**. Ср.: *A car for everyone* (автомобиль); *Everyone dreams of an Audi* (автомобиль).

Слоганы с местоименным прилагательным каждый не всегда прямо называют адресата, однако формируют смысл присутствия человека, к которому осуществляется обращение. Ср.: *Бережное отношение к каждому клиенту, качество и профессионализм (центр кадрового менеджмента). Знает каждый человек, «Чудо-доктор» — сеть аптек! (аптека). Англоязычные примеры с местоимением every* носят единичный характер. Ср.: *High drama for every single lash* (тушь для ресниц).

В русскоязычной рекламе нередко употребляется **возвратное местоимение-существительное себя**, указывающее на лицо, которое воспринимается объектом собственного действия. Ср.: *Почувствуй себя королевой!* (печенье); *Venus. Почувствуй себя богиней!* (бритвенные станки). Аналогично в англоязычной рекламе используется **возвратное местоимение yourself**. Ср.: *Danielle's Esthetics. Because you need time for yourself* (салон красоты); *A moment to yourself* (печенье).

Инвентарь синтаксических средств выделения обобщенного адресата русскоязычной рекламы существует за счет **определенно-личных предложений**, которые в большинстве случаев содержат глагол в форме повелительного наклонения. Ср.: *Serenata. Подними ему настроение* (колготки); *Сохрани свое тепло...* (термобелье). В англоязычных слоганах отсылка к адресату преимущественно обнаруживается в **личных предложениях**. Ср.: *Cooper. Don't give up a thing* (шины); *We're here to get you there* (маршрутный автобус). Так же как и в русскоязычной рекламе, из набора синтаксических форм профилируется императив.

Стремление к максимальному охвату аудитории определяет выбор синтаксических средств, акцентирующих внимание на неопределенном количестве потенциальных покупателей. При конструировании текстового мира данный принцип реализуется посредством обозначения адресата через особые структуры предложения — **типизированные схемы «для тех, кто + глагол» / «for those who + глагол»**. Являясь калькой, данная схема приобрела большую востребованность в русскоязычной рекламе по сравнению с англоязычной. Ср.: *Маккофе 3 в 1. Для тех, кто хочет большего (кофе); Для тех, кто хочет достичь большего (банк). Синтаксическая конфигурация «for those + глагол» формирует смысл присутствия обобщенного адресата в англоязычной рекламе.*

Ср.: *For those who get turned on by cars* (журнал); *The newspaper for those who can read* (газета).

В ряде кампаний рекламист желает обратиться к строго определенной целевой группе, которая обозначается через лексические единицы с конкретным значением. Ср.: *Нахимов. Коньяк для мужчин (коньяк)*; *Gillette. Лучшие для мужчин нет (средство для бритья)*. Адресат воспринимается на основе демографических характеристик, таких как пол (*мужчины — женщины*), возраст (*взрослые — дети*), положение, занимаемое в семье (*родители — дети*). Ср.: *Mazda Fighter. Men only* (автомобиль); *For millions of women the secret is TENA* (прокладки); *It's a Woman's thing* (сигареты).

Адресат может замещаться метафорическими единицами, что особенно характерно для русскоязычной рекламы. Ср.: *Родовое гнездо птиц высокого полета (жилой комплекс)*; *Саванна. Среда обитания светских львиц (салон красоты)*. Отметим, что в сопоставимых англоязычных примерах адресат выражается через метафору значительно реже. Ср.: *Longines times winners — winners choose Longines* (часы). Метонимические формулы представления адресата позволяют в сжатой форме определить потенциального покупателя. Ср.: *Panasonic. Для любимых глаз (телевизор)*; *MIA. Специально для молодой кожи! (косметика)*; *For that feminine look you always wanted (салон красоты)*.

Итог предложенных размышлений по заявленной в названии статьи проблеме заключается в том, что конструирование текстовых миров русскоязычной и англоязычной рекламы основано на феномене профилирования, который реализуется как выбор языковых средств, направляющих внимание интерпретатора на фигуру адресата. Выделение адресата осуществляется за счет морфологических, синтаксических и лексических элементов, которые обнаруживают взаимодополняемость и структурируют текстовый мир в соответствии с прагматическими интенциями отправителя. В зависимости от прямого или косвенного указания на адресата, в текстовом мире рекламы формируется образ обобщенного или конкретного представителя целевой аудитории.

Выявление рекуррентных морфологических и синтаксических средств обозначения адресата позволяет констатировать сходство в устройстве текстовых миров русскоязычной и англоязычной рекламы. В русскоязычной рекламе инвариант-

ными формами морфологической презентации обобщенного адресата оказываются личные местоимения 2 л. ед. и мн. числа, притяжательные местоимения, местоимение-существительное *каждый*, возвратное местоимение *себя*, а также личные формы глаголов. Набор средств выделения адресата англоязычной рекламы включает личное местоимение *you*, притяжательные местоимения *your/yours*, местоимения-существительные *everyone/everybody*, возвратное местоимение *yourself*.

В репертуаре синтаксических средств профилирования обобщенного адресата русскоязычной рекламы доминируют определенно-личные предложения. Окончание глагола-сказуемого указывает на то, что волеизъявление относится к потенциальному покупателю. В англоязычных примерах отсылка к адресату обнаруживается в личных предложениях. Маркерами обращенности к адресату может быть форма императива, а также сопряженные с глаголом морфологические средства. С точки зрения характера передаваемой информации как в русскоязычной, так и в англоязычной рекламе чаще всего используются императивные конструкции, выражающие побуждение к совершению потребительского действия и предлагающие «готовые решения» относительно того, что именно нужно сделать для достижения результата. Перспективу осмысления обобщенного адресата в русскоязычной рекламе также задают стабильно частотные схемы «для тех, кто + глагол». Соотносимая структура «for those who + глагол» в англоязычных рекламных произведениях оказывается менее типичной для установления общих параметров концептуализации реципиента.

К средствам выделения конкретного адресата в рассматриваемых дискурсах относятся лексические единицы с конкретным значением, а также метонимические формулы, позволяющие в сжатой форме установить адресацию. Вместе с тем восприятие фигуры адресата нередко формируется благодаря метафорическим наименованиям, которые сравнительно редко встречаются в англоязычных слоганах по сравнению с русскоязычными.

Обозначенные способы представления адресата носят регулярный характер в русскоязычной и англоязычной рекламе. Однотипность в выборе средств выделения адресата ярче всего иллюстрируется на грамматическом уровне, что подразумевает использование возможностей морфологических и синтаксических единиц,

структурирующих текстовый мир в рамках повторяющихся конфигураций. Индивидуальная специфика адресации в значительной степени проявляется на лексическом уровне, включающем широкий класс языковых знаков, которые наполняют грамматический каркас конкретным содержанием.

Список литературы

1. Werth, P. "World Enough, and Time". *Deictic Space and the Interpretation of Prose // Twentieth-Century Fiction: From Text to Context*. New York : Routledge, 1995. P. 181–205.
2. Werth, P. *Text Worlds: Representing Conceptual Space in Discourse*. London : Longman, 1999. 390 p.

Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 33 (248). Филология. Искусствоведение. Вып. 60. С. 90–91.

Т. А. Локтионова

РЕКЛАМНЫЙ ЗАГОЛОВОК В ЛИНГВИСТИЧЕСКОМ ЗЕРКАЛЕ

В статье рассматриваются некоторые виды современных рекламных заголовков, особенности структуры и языкового построения заголовков. Показано, что вербальные и невербальные компоненты рекламных заголовки являются равнозначными и взаимосвязанными.

Ключевые слова: *рекламный текст, рекламный заголовок, вербальный компонент заголовка, невербальный компонент.*

Реклама в настоящее время является одним из наиболее динамично развивающихся видов массовой коммуникации. Принято считать, что рекламный текст — это прежде всего набор слов и графических образов, с помощью которых рекламист воздействует на потребителя. Рекламное сообщение — «элемент рекламной коммуникации, являющийся непосредственным носителем информационного и эмоционального воздействия, оказываемого коммуникатором на получателя» [3. С. 306].

В рамках рекламы мы предлагаем рассматривать заголовок как представление информации о товаре/услуге в виде лингвистических единиц, целью которого является выделение и акцентирование внимания на важных частях рекламного сообщения. Как и все остальные характеристики рекламного текста, заголовок должен в максимальной степени способствовать достижению рекламных целей адресанта. Для этого он должен быть облечен в форму, наиболее понятную и приемлемую для целевой аудитории. Форма должна позволять полностью реализовать содержание рекламного заголовка.

Информативность текста рекламы иногда обеспечивается повторяемостью отдельных слов или даже одного слова в заголовке, это означает, что понятия в тексте должны говорить об одном и том же. С точки зрения внешнего оформления печатный рекламный текст всегда

имеет определенные границы, что позволяет отделить его от других рекламных текстов и статей. Присутствие всех составляющих в каждом рекламном тексте совсем не обязательно — необходим только заголовок, однако в последнее время и этот компонент включают не во все рекламные сообщения. Например, в рекламе, напоминающей потребителям о продукции той или иной фирмы-производителя, в некоторых случаях вербальная часть представлена только названием компании или товара.

Заголовок также играет важную роль. Надо учитывать, что заголовок — это подчас единственное, что потребитель сумеет или успеет прочесть. Для заголовков внешняя форма может являться более важным моментом, чем для основного текста. Важным средством выделения заголовка являются кавычки — ведь люди привыкли полагаться на чье-либо авторитетное мнение, следовать советам друг друга. Заголовок — это самая важная часть рекламного текста, это вторая остановка на пути взгляда после иллюстрации. Если заголовок некоммуникативен, то и рекламное объявление будет некоммуникативным, независимо от того, насколько удачные были использованы иллюстрация и композиция. Основной текст является семантическим развертыванием идеи, выраженной в заголовке или иллюстрации, хотя далеко не всегда является логическим продолжением

заголовка, нередко эта связь основана на контрасте [4. С. 64].

Анализ существующих рекламных заголовков с лингвистических позиций свидетельствует о построении необычных с семантической точки зрения сочетаний с целью привлечения внимания, например: *умный крепеж, экономика знаний, мир часов, океан времени, мягкие цены* и т. д. Следует отметить, что в структуре рекламных заголовков высок процент прилагательных, значение которых подвергалось метафоризации в сознании испытуемых на основе их знаний, опыта, эмоционально-оценочного компонента.

Социальная действительность повлияла на лингвистическую составляющую заголовков, например, *плазменные телевизоры Flatron — современное творение высоких цифровых технологий; ипотека — это просто* (Банк УралСиб); *мы научили мир копировать* (компания «Ринк Ксерокс»); *интернет начинается здесь* (мультипортал km.ru), *такой безлимит по мне* (оператор сотовой связи Билайн).

С другой стороны, отмечается проявление эмоционально-оценочного компонента при конструировании фрагмента «положительной» действительности. При создании рекламного текста, который должен нести в себе определенную информацию, используются различные семиотические коды и лингвистические приемы.

Выявлено также конструирование заголовков на основе сужения или расширения значения, например, *Зиртек. Приговор аллергии*. Визин. *Ясный взгляд в мгновение ока*. Ролтон. *Горячая поддержка*. Если рассматривать значение как явление, обладающее двойственной природой (с одной стороны — продукт общественного сознания, а с другой — индивидуального), необходимо отметить, что, будучи единицей общественного сознания, значение отражает накопленный человечеством опыт и является формой фиксации знаний [1. С. 302].

В заголовках весьма широко представлены асимметричные лингвистические конструкции, чаще всего связанные с использованием прила-

гательных *белый — черный, твердый — мягкий, чистый — грязный* и т. п.

Следует отметить также, что при построении заголовков проявились характерные стереотипы как национального, так и интернационального характера, например, *Electrolux. Швеция. Сделано с умом* (компания бытовой техники *Electrolux*); *Lyons. Чай в лучших английских традициях* (английский чай); *Россия — щедрая душа* (шоколадные конфеты); *McDonald's. Это я люблю!* (сеть быстрого питания); *что в России — «ПИТ», в Бельгии — «экспорт»* (пиво).

Встречаются рекламные тексты, в которых в качестве заголовка привлекается видеоряд, потому что «собственно вербальная информация (рационального порядка) занимает <...> не основное место пространственно, а также психологически она играет отнюдь не ключевую роль» [2. С. 295]. Могут быть случаи, когда рекламному объявлению вообще не нужна иллюстрация, но никогда не бывает, чтобы иллюстрации оказался не нужен заголовок. Значение визуальных образов при этом не принижается. Но изображения призваны лишь подкреплять слова, дополнять текст, а не играть главенствующую роль, так как ведущая сила всегда за словом.

Таким образом, вербальные и невербальные компоненты равноправны и тесно взаимосвязаны в рекламных заголовках — они позволяют обозначить конкретные воздействующие единицы: иллюстрации, побудительные предложения, оценочные слова.

Список литературы

1. Залевская, А. А. Психолингвистическое исследование. Слово. Текст: Избранные труды. М. : Гнозис, 2005. 543 с.
2. Почепцов, Г. Г. Коммуникативные технологии двадцатого века. М.: Рефл-бук ; Ваклер, 1999. 352 с.
3. Ромат, Е. В. Реклама: История. Теория. Практика. СПб. : Питер, 2002. 544 с.
4. Ямпольская, А. Л. Синонимия как средство создания рекламного образа (экспериментальное исследование) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Курск, 2009.

ТЕРМИНЫ В МЕДИЦИНСКОМ ДИСКУРСЕ

В статье рассматриваются особенности функционирования медицинских терминов в дискурсе врача и пациента. Показано, что функционирование медицинских терминов зависит от опыта врача, знаний пациента и специфики их языковой картины мира.

Ключевые слова: медицинский дискурс, термин, когнитивное пространство, параметры коммуникации.

Понятие «дискурс» приобрело необычайную популярность в современном языкознании и признается одной из базовых категорий когнитивной лингвистики, представляя собой многоаспектное явление. Дискурс понимается как «вербально опосредованная деятельность в специальной сфере» [1. С. 41]. В теории языка к настоящему времени изучены с самых различных позиций политический дискурс (Е. И. Шейгал, В. З. Демьянков, А. И. Хмельцов, Т. Б. Рябцева и др.); рекламный дискурс (Н. А. Красавский, А. В. Денисова, А. В. Беликова, Е. В. Куликова, В. В. Детинкина и др.); научный (Н. К. Рябцева, С. В. Ракитина, Т. В. Дроздова); публицистический (Е. С. Бриченкова, Н. И. Клушина и др.); а также дискурсы деловой (В. С. Григорьева, О. А. Алимуратов); педагогический (В. Б. Черник, Ю. Ю. Еремина и др.); религиозный (О. В. Швед, А. А. Чернобров, Е. В. Бобырева и др.); ритуальный (М. Г. Цвекова, В. С. Григорьева и др.); юмористический (А. А. Проскурина, Н. С. Соколова, А. М. Морозова и др.); компьютерный (О. С. Рублева, Т. Н. Прокопчик, В. Ю. Меновщиков и др.); экономический (К. В. Томашевская, О. Г. Ревзина); организационный (Н. А. Комина, Е. В. Харченко, Л. А. Шкатова и др.). Данные работы подтверждают меткое замечание Т. ван Дейка о том, что «зачастую наиболее расплывчатые и с трудом поддающиеся определению понятия становятся наиболее популярными. Дискурс одно из них».

Особый интерес для современной лингвистики приобретает исследование научно-популярного медицинского дискурса. В лингвистических исследованиях уже были представлены результаты его изучения: стратегии взаимодействия врача и пациента и уровни информированности пациента (Л. М. Алексеева, С. Л. Мишланова, Л. С. Бейлинсон, Г. П. Бурова, Л. Н. Гончаренко, В. В. Жура, Я. Заневски, С. Г. Казарина, В. И. Карасик и др.). В своих работах исследователи показали, что специфика медицинского дискурса заключается в асимметрии общения врача и

пациента, в результате которой возникает проблема понимания; выявили основные и вспомогательные стратегии медицинского дискурса, особенность которых состоит в том, что стратегии речевого поведения врача преобладают над стратегиями речевого поведения пациента; определили, что речевые действия врача и пациента осуществляются в вопросно-ответной форме и подразделяются на информирующие, побудительные, оценочно-модальные, контактивные, метакоммуникативные.

Необходимость популяризации медицинских знаний обусловлена сменой базовых концепций медицины и, соответственно, изменением модели взаимодействия врача и пациента. В рамках пациентоцентрической концепции медицины актуальным становится поиск путей повышения уровня их взаимопонимания и сотрудничества, а это, в свою очередь, неизменно влечет за собой повышенный интерес к изучению медицинской терминологии. Наличие весьма разработанной и обширной медицинской терминологии, специфика которой заключается в том, что наряду с научной системой терминов в языке существует система бытовых терминов или терминоидов, приближающихся к статусу терминов; знание этого подъязыка выделяет врачей в отдельную социальную группу.

К медицинскому дискурсу исследователи относят лекции перед студентами, официальное и неофициальное общение с коллегами и младшим персоналом, общение с пациентами и их родственниками, записи в карточке пациентов, истории болезни, больничные листы, справки. Дискурс врача и пациента не может происходить без специальной терминологии. Термин в медицинском дискурсе выполняет информативную, гносеологическую, ориентирующую функции. Наши исследования доказывают, что термин выступает как «вербализованный результат профессионального мышления, значимое лингвокогнитивное средство ориентации в профессиональной сфере и важнейший элемент професси-

ональной коммуникации» [2. С. 55], без которого невозможен медицинский дискурс.

В связи с современным развитием терминологии ее проблемы рассматриваются с точки зрения функционирования термина в речи. Данный аспект, на наш взгляд, принципиально важен при анализе медицинской терминологии, поскольку термин попадает в тесное окружение не только общеупотребительных слов, но и профессионализмов, а также образно-выразительных речевых средств, создающих лексико-семантическое и стилистическое пространство языка. Таким образом, термин в нашем исследовании понимается широко: во-первых, как обозначение «специального знания» в разных областях медицины, во-вторых, как выражение «специального знания и опыта» в контексте общения врача и пациента.

Исследование медицинских терминов в дискурсе показало, что их функционирование зависит от профессионального опыта. По нашему мнению, профессиональный опыт состоит из двух важных факторов: профессионализма и профессиональной культуры. Сущность их сводится к тому, что профессионализм — это итог и своего рода критерий деятельности. От профессиональной культуры, профессионализма зависит и языковая картина мира медика, языковые структуры, которыми он пользуется при общении с пациентом.

Терминологическое пространство медиков также зависит и от опыта пациента, его кругозора, интеллекта. В начале своего заболевания больной сахарным диабетом оперировал в своей речи такими словами, как *жажда, утомление, давление*. Пациент, впервые приходя на прием к эндокринологу, имеет языковую картину, основанную на минимальных знаниях и ограниченную общеупотребительной лексикой. С годами его языковая картина меняется и включает такие термины, как *тест, глюкоза, инсулин, диабет инсулинозависимый, инсулиновая помпа, глюкометр, хлебная единица, диабет типа II и I, диабетическая стопа, анализ на ацетон, диабетическая нейропатия* и т. д. Знание специальной терминологии помогает врачу и пациенту общаться, взаимодействовать и, следовательно, и бороться с болезнью.

Врач не только лечит, но и учит, занимается исследованиями. Текст монографии отличается от текста общения с пациентами, поскольку терминологическая лексика, как никакая другая, информативна. Поэтому в языке науки термины незаменимы: они позволяют кратко и предельно

точно сформулировать мысль. Однако степень терминологизации научных трудов неодинакова. Частотность употребления терминов зависит от характера изложения, адресации текста, а также от профессионального и научного опыта. Необходимо уметь выбрать правильный термин, так как в медицинской терминологии концентрируется квинтэссенция разных областей медицины. Например, в эндокринологии широко распространены термины таких направлений медицины, как кардиология, терапия, хирургия, генетика, урология, офтальмология и др.

Термин в настоящее время рассматривается как средство познания природы языка. Термины по-разному трактуются как специалистами-медиками, так и пациентами. Например, заболевание *сахарный диабет* для врача — термин, побуждающий к лечению, указывающий на нарушение обменных процессов у больного. Для пациента же — это *«другая жизнь», «life style»: отмена сладкого, вкусного, лекарственные препараты, посещение врача*. Термин *СПИД* для специалиста-медика — *«инфекционное заболевание», «возможные пути заражения»*. Для больного — *страх, горе, ненависть, стыд, депрессия*. Для обывателя — *«чума XX века», «чума беспутных», болезнь гомосексуалистов, наркоманов*.

Из вышесказанного следует, что семантика термина зависит от параметров коммуникации, от языковой картины мира пациента, речемыслительных особенностей говорящего. Медицинский термин является составной частью когнитивного пространства пациента, потому что выступает базовым компонентом образования когнитивных структур, детерминированных совокупностью необходимых знаний о мире.

Для медицинского дискурса характерна тенденция к экспрессивности. Еще Б. Н. Головин отмечал, что термин регулярный, однозначный, лишенный каких бы то ни было нюансов, в процессе функционирования отклоняется от чистого образца [3. С. 365]. Тенденция от регулярности к экспрессивности проявляется в создании синонимических обозначений компрессивного, «суженного» характера. Например, врачи употребляют такие фразы как: *пациент гиповал, у Вас диабет I, декомпенсированный, наступил «медовый месяц»*. Прием лексического свертывания используется в речи опытных медиков, его использование связано с экономией языковых средств. Особенно это характерно для медиков во время операций, когда только одно слово врача дает указание на совершение действий:

Шприц! Тампон! Зажим! Это соответствует принципам компрессивного построения фраз во время оперативного вмешательства в организм человека. Следующий прием «разрушения» регулярных моделей терминов является прием создания расчлененных экспрессивных синонимов, равнозначных однословным номинациям. Например: *диабет* — «*неинфекционная эпидемия*», *СПИД* — «*чума XX века*», *стенокардия* — *грудная жаба*. Эти наименования представляют собой ассоциативные связи оценочно-экспрессивного ряда врачебной лексики, указывающие на кругозор врачей.

В заключение отметим, что терминологическое пространство является необходимым условием формирования, развития и совершенствования специалиста-медика. Врач как агент соци-

альной деятельности должен выступать в роли организатора коммуникации, обладать представлениями о достижении ее эффективности, правильно использовать специальную лексику.

Список литературы

1. Алексеева, Л. М. Медицинский дискурс. Теоретические основы и принципы анализа / Л. М. Алексеева, С. Л. Мишланова. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 2002. 200 с.
2. Голованова, Е. И. Когнитивное терминоведение: учеб. пособие. Челябинск : Энциклопедия, 2008. 180 с.
3. Головин, Б. Н. Терминология // Б. Н. Головин, Ф. М. Березин. Общее языкознание. М. : Просвещение, 1979. С. 264–268.

Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 33 (248). Филология. Искусствоведение. Вып. 60. С. 94–95.

Т. А. Мараховская

СТРУКТУРА ТЕКСТА ВИРТУАЛЬНОГО ПОЛИЛОГА: ТРЕД И СООБЩЕНИЕ

Цель статьи — дать некоторые теоретические сведения о структуре текста виртуального полилога. Рассматриваются механизмы распространения информации в интернет-форумах, где пользователи могут комментировать и обсуждать любые выбранные ими темы. Темой потока или просто «поток» называется набор сообщений, визуально сгруппированных в иерархию по этой теме.

Ключевые слова: виртуальный полилог, тред, электронное пространство, интернет-форум.

Электронное пространство интернет-форума (от англ. Internet-forum, синоним: www-conference) представляет собой уникальную, не существовавшую ранее сферу вербального взаимодействия людей и является одним из наиболее эффективных инструментов общения во Всемирной паутине.

Каждый интернет-форум имеет определенное, но в достаточной степени широкое тематическое направление, а типичная иерархия «разделы — темы — сообщения» дает пользователям возможность создавать новые темы в предложенных разделах с последующим их многоплановым обсуждением. Следует подчеркнуть, что подобное разграничение обсуждаемых тем является отличительной чертой интернет-форумов. Оффтоп или оффтопик (от англ. off topic — «вне темы») — отклонение от заданной инициатором треда гипертемы — ча-

сто запрещен правилами форума. К оффтопу можно отнести:

- 1) флуд (от неверно произносимого англ. flood «наводнение, затопление») — размещение бессмысленных потоков информации, повторяющихся фраз, графических символов, букв, слов, коротких сообщений в тредах интернет-форума;
- 2) флейм (от англ. flame «пламя») — своеобразную «словесную войну», неожиданно возникшее бурное обсуждение или эмоциональный спор с нарушением правил, в процессе которых собеседники обычно переходят на личности и забывают о первоначальной теме дискуссии.

Основу виртуальной коммуникации интернет-форума составляет письменный полилог, последовательно разрабатываемый в речевом общении группой коммуникантов, при этом связь между виртуальными личностями устанавливается путем обмена электронными сообщениями.

Объединенные общей тематикой и представляющие связанную последовательность вопросов и ответов, такие коммуникативные эпизоды образуют тред (от англ. thread «нить») — метафорическое обозначение хода обсуждения, неформально также называемого «веткой».

Коммуникативное взаимодействие в виртуальном пространстве интернет-форума осуществляется по принципу many-to-many (многие-многим), в силу чего содержание дискуссии становится доступным всему электронному сообществу. Чем более актуальной для партнеров по общению является тема, тем длиннее цепочка вопросов и ответов, составляющих древовидную структуру письменного полилога, участником которого может стать любой пользователь, присутствующий в данный момент на форуме, независимо от того, участвует он в обсуждении предложенной темы или пассивно следит за его ходом.

Языковая структура треда неоднородна, многослойна и иерархична. Сложный речевой внутритредовый механизм обеспечивает содержательное развитие письменного полилога, образуя замысловатый мозаичный рисунок — своеобразный коллаж, собранный из открывающих и продолжающих коммуникативные эпизоды сообщений, характеризующийся нелинейностью представляемой информации и предопределяющий характер восприятия языкового произведения. Внося свои тематические предложения и реагируя на тематические предложения других коммуникантов, собеседники имеют возможность поворачивать полилог в соответствии со своими коммуникативными намерениями, направленными на установление и поддержание контакта, передачу информации, взаимный обмен мнениями.

В этой связи имеет смысл подробнее остановиться на коммуникационной модели «адресант — сообщение — адресат», регулирующей взаимодействие между виртуальными личностями.

Адресант своим речевым поведением оказывает воздействие на получателя сообщения — адресата, позволяя последнему занять в отношении себя ответную позицию. Другими словами, коммуникативная направленность каждого ини-

цирующего коммуникативное взаимодействие репликового шага адресанта вызывает определенный реагирующий репликовый шаг адресата. При этом в силу множественности интерпретаций содержания сообщения, реагирующий репликовый шаг необязательно будет ответным, соответствующим смысловой направленности инициирующего репликового шага¹. Кроме того, сообщения могут располагаться нелинейно (т. е. отделяться друг от друга другими сообщениями), а также содержать два и более реагирующих шага к различным инициирующим репликам, принадлежащим одному или нескольким участникам виртуального полилога.

Особого внимания требует и рассмотрение структуры поста (от англ. to post «отсылать», «отправлять») — отдельно взятого электронного сообщения, представляющего собой развернутое монологическое высказывание, в большинстве случаев с достаточно высокой степенью информативности. Первый пост в тред, являющийся началом темы для обсуждения, называют корневым или сабжем (от англ. subj, сокращение от subject «предмет», «тема»).

Электронные сообщения очень похожи на почтовые. Каждое из них имеет тему, автора, собственно содержание, указание даты и времени, а в зависимости от механизма функционирования интернет-форума и такие дополнительные атрибуты, как опрос и голосование, позволяющие коммуникантам проголосовать или ответить на указанный в заголовке темы вопрос, не создавая нового сообщения.

Многие интернет-форумы предлагают также систему личных сообщений, при помощи которой зарегистрированные пользователи могут осуществлять процесс коммуникации индивидуально, как по электронной почте.

Образуя особую коммуникативную среду, интернет-форум не только предоставляет неисчерпаемые возможности для функционирования сетевого языка, но и открывает редкие перспективы для реализации межличностного общения и развития межличностных отношений.

¹ Романов, А. А. Системный анализ регулятивных средств диалогического общения. М. : ИЯ АН СССР, 1988. С. 27.

ПРЕЦЕДЕНТНОСТЬ КАК ОСНОВА МИФОЛОГИЧНОСТИ ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

В статье прецедентные феномены рассматриваются как основа мифологичности политического дискурса. В прецедентных феноменах выделяются такие типичные характеристики мифа, как гиперболичность, аксиологичность, неverifiedируемость и внерациональность.

Ключевые слова: *прецедентность, политический дискурс, миф, мифологема.*

Прецедентность является основой мифологичности. Мифологичность — одна из необходимых составляющих политической коммуникации, так как достаточно часто в массовом политическом сознании «знание и понимание фактов политики замещается образами, символами, вымыслами, легендами и верой в них» [3. С. 580]. Это обусловлено, по мнению Е. И. Шейгал, «фантомностью политического сознания», «фидеистическим отношением к слову», «магической функцией политического дискурса» [6. С. 133]. Политическая мифологизация является способом «категоризации и объяснения политической реальности» [5. С. 82].

К признакам мифа Е. И. Шейгал относит гиперболичность, аксиоматичность, неverifiedируемость, внерациональность [6. С. 135–136]. Миф в политическом дискурсе, по мнению исследователя, — это «принимаемые на веру стереотипы массового сознания», «способ интерпретации актуальных явлений, вызывающих интерес или беспокойство», «смыслонесущая реальность, неизмеримо более сильная, нежели реальность как таковая» (последний компонент включен Е. И. Шейгал в дефиницию мифа со ссылкой на А. М. Лобок) [6. С. 133].

Формирование «смыслонесущей реальности» мифа возможно при помощи мифологем — прецедентов. Мифологема, по определению Е. И. Шейгал, является «языковым носителем мифа», ключевым знаком политического дискурса [6. С. 139]. Мифологемы могут быть представлены в тексте в виде прецедентных имен (ПИ), прецедентных высказываний (ПВ) и других прецедентных феноменов (ПФ).

ПФ, использованные в функции мифологем, могут в определенной степени завуалировать такую черту мифа, как неverifiedируемость, так как создают иллюзию доказательной базы основного тезиса, принимаемого на веру в массовой политической коммуникации. В данном случае используется выделенная О. Дюкро в ка-

честве «основания для принятия довода» «апелляция к авторитету»: в этом случае «говорящий как бы вводит в дискуссию еще один голос — еще одного незримого участника, который с этого момента становится гарантом еще одной точки зрения (на нее-то и предлагается опереться адресату)» [1. С. 27].

Рассмотрим эту особенность на примере мифа о современном образовании в России, формируемом в массовом сознании средствами массовой информации и прежде всего газетными текстами.

Именно ПФ в силу яркой образности и аксиологичности позволяют воздействовать на читателя, формируя негативное отношение к новейшим российским преобразованиям.

Так, например, ПИ Митрофанушка (источник — имя героя комедии Д. И. Фонвизина «Недоросль» М. Простакова) используется для негативной характеристики учеников современных школ: «Живы ли митрофанушки сегодня? Еще как живы, достаточно почитать школьные сочинения. Что тому причиной? Видимо, преобразования, которые с размахом ведет министр образования и науки А. Фурсенко» (Попова Н. «Яйцо для министра Фурсенко», «Аргументы недели», 26.01.2011). Автор статьи неоднократно использует ПИ Митрофанушка, для того чтобы показать, что реформа образования в том виде, в котором планируется ее провести, угрожает безопасности России: Н. Попова предупреждает, что «митрофанушки заполонят все российское пространство, а не только министерские посты».

Одной из причин снижения общего уровня образования в России является низкое качество современных учебников. Редакция «Литературной газеты» определила общую тему дискуссии как «Королевство кривых учебников» (2008, № 3–4) (Источник прецедента — название повести-сказки В. Губарева «Королевство Кривых Зеркал»). Смысл дискуссии состоит в том, что авторы со-

временных учебников не только допускают фактические ошибки, но и искажают историческое прошлое нашей страны: «Так, в учебнике по географии Индия названа материком. В учебнике по литературе перепутаны даты рождения и смерти Пушкина. Кроме того, детям предлагается запомнить, что Шолохов получил нобелевскую премию за роман «Судьба человека»; в учебниках истории «даже про нашу Великую Победу отзывались с брезгливым сомнением, а про весь советский период писали с тотальной неприязнью». Негативно оценивается и деятельность составителей современных программ: «Из программы исчезают великие книги и авторы, веками, десятилетиями сеявшие «разумное, доброе, вечное» в юных душах». Источник ПВ — строка из стихотворения Н. А. Некрасова «Сеятелям»: «Сейте разумное, доброе, вечное...» [4. С. 225].

В лиде к обзору материалов В. Сивковой, И. Образцовой, О. Шаблинской «Когда реформы облегчат жизнь?», посвященных проблеме образования, использовано трансформированное высказывание В. С. Черномырдина «Мы хотели как лучше, а получилось, как всегда» [2. С. 457]: «2005 год занял свое место в длинной череде лет, проходящих в нашей стране под знаком всевозможных реформ. Сможем ли мы в этом году ощутить на себе их результаты — естественно, положительные? Ведь, казалось бы, улучшается все: пенсионеры радостно возвещают с телеэкранов, как им по душе «монетизация льгот», студенты в восторге от того, что смогут стать «бакалаврами» и «магистрами», а медицина, согласно тем же реформам, поднимет продолжительность нашей жизни до невиданных высот. Да, все хотят «как лучше», однако получается...» («Аргументы и факты», 2005, № 1–2).

В. Агеносов в аналитической статье «Обсудим, прежде чем реформировать» («Литературная газета», 2005, № 10) отмечает, что в 2003 г. «министр образования В. М. Филиппов подписал Декларацию о едином образовательном пространстве». Автор приводит заявление министра образования А. А. Фурсенко, сделанное в 2005 г. на встрече с американцами: «Качество образования падает, и мы теряем конкурентоспособность», — таким образом министр указал на необходимость реформирования образования. В конце публикации В. Агеносов пишет: «Реформа вузовского образования — всенародное дело. <...> Но создается впечатление, что именно этого не хотят наши чиновники, живущие по не оправдавшему себя, но широко применяемому на Руси принципу «ввязаться в дело, а там видно будет»

А если не будет?!». В контексте статьи использовано ПВ, употребленное в контексте статьи В. И. Ленина «О нашей революции (по поводу записок Н. Суханова)», в которой анализируемое ПВ является также прецедентным, восходящим к запискам Наполеона: «Помнится, Наполеон писал: «On s'engage et puis... on voit». В вольном русском переводе это значит: «Сначала надо ввязаться в серьезный бой, а там уже видно будет». Вот и мы ввязались сначала в октябре 1917 года в серьезный бой, а там уже увидели такие детали развития (с точки зрения мировой истории это, несомненно, детали), как Брестский мир или нэп и т. п. И в настоящее время уже нет сомнений, что в основном мы одержали победу».

Против новой системы высшего образования выступил А. Вассерман в публикации «Плюс болонизация всей страны» («Известия», 02.09.2009): «Судя по разделению между практичным бакалавриатом и теоретичным магистратом, сократится прежде всего преподавание теоретических дисциплин <...>», однако если «теория известна — вовсе не обязательно рыться в справочниках <...>. Не зря Клод Адриан Гельвеций <...> сказал: знание некоторых принципов легко возмещает незнание некоторых фактов». В заголовке публикации также использовано ПВ, заимствованное из речи В. И. Ленина: «Коммунизм — это есть Советская власть плюс электрификация всей страны» [2. С. 235].

В публикации Н. Лариной «А как же в области балета?..» («Аргументы недели», 2010, № 49) критически оценивается закон «Об образовании», который лишает «возможности работать по своим программам» училища «творческой направленности». В заглавии использовано ПВ — строки из авторской песни Ю. Визбора: «Зато мы делаем ракеты, Перекрываем Енисей, А также в области балета Мы впереди планеты всей» [2. С. 78].

Таким образом, для мифа о современном российском образовании характерна гиперболичность: элемент некоторого преувеличения есть и в том, что современные школьники попадают под категорию Митрофанушек, однако такая категория обучающихся была в разные периоды истории России, и в том, что «из программы исчезают великие книги и авторы <...>, десятилетиями сеявшие “разумное, доброе, вечное”», и в том, что современное высшее образование не даст «знания некоторых принципов», которое «легко возмещает незнание некоторых фактов», и в том, что происходит «болонизация всей страны» (как известно, в новой системе высшего

образования предусмотрены магистратура и специалитет), и в том, что не сохранится система подготовки в училищах «творческой направленности» и др.

Аксиологичность анализируемого мифа состоит в том, что все действия по реформированию образования получают в контексте газетных публикаций резко отрицательную оценку, причем негативно оцениваются как недостатки, которые свойственны современному образованию, так и гипотетические результаты реформирования. Прецеденты легко меняют эмоционально-экспрессивную окраску: например, Ленин, цитируя Наполеона, позитивно оценивает результаты Великой Октябрьской социалистической революции, а в контексте газетной публикации это же ПВ является ярким средством негативной оценки.

Такая черта мифа, как неверифицируемость, как уже было отмечено, частично нивелируется мифологемами-прецедентами, однако следует подчеркнуть то, что возможность обобщения, заложенная в ПФ, переносится на смысловой и логический уровни публицистических контекстов: прецеденты становятся универсальными характеристиками, в нашем случае — новейших российских преобразований (например, приведенная выше широко применяемая фраза В. С. Черномырдина).

Внерациональность анализируемого мифа проявляется прежде всего в том, что он относится к числу мифов-прогнозов.

Таким образом, анализ прецедентов-мифологем позволяет выявить характерные особенности мифа о современном российском образовании и квалифицировать прецедентность как основу мифологичности политического дискурса.

Список литературы

1. Демьянков, В. З. Эффективность аргументации как речевого воздействия // Проблемы эффективности речевой коммуникации. М.: ИНИОН АН СССР, 1989. С. 13–40.
2. Душенко, К. В. Словарь современных цитат. М.: Эксмо, 2005.
3. Кравченко, И. И. Миф политический // Новая философская энциклопедия : в 4 т. М. : Мысль, 2001. Т. 2. С. 580–581.
4. Некрасов, А. Н. Сеятелям // Некрасов, А. Н. Избр. соч. М. : Худож. лит., 1989.
5. Чудинов, А. П. Политическая лингвистика: учебное пособие. М. : Флинта : Наука, 2007.
6. Шейгал, Е. И. Семиотика политического дискурса. М. : Гнозис, 2004.
7. URL: [http://ru.wikipedia.org/wiki/Королевство Кривых Зеркал](http://ru.wikipedia.org/wiki/Королевство_Кривых_Зеркал)
8. URL: <http://revarchiv.narod.ru/vladimilitch/lenin45/suhanov.html>

Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 33 (248). Филология. Искусствоведение. Вып. 60. С. 98–100.

Л. А. Нефедова, Г. А. Ким

РОЛЬ ИМПЛИЦИТНОЙ ИНФОРМАЦИИ В АРГУМЕНТАТИВНОМ ДИСКУРСЕ ОБЛАСТИ «МАРКЕТИНГ»

В статье рассматриваются средства введения имплицитной информации в аргументативный дискурс в текстах, относящихся к области маркетинга. Данные средства могут применяться в функции убеждения, позволяя специалистам, работающим в сфере маркетинга, эффективно использовать ресурсы языка.

Ключевые слова: *имплицитная информация, маркетинг, аргументативный дискурс.*

Важным инструментом регулирования взаимоотношений в сфере маркетинга является язык. Главной задачей маркетолога является информирование, а затем и убеждение клиентов, коллег, конкурентов в своей правоте — с целью продвижения на рынке того или иного продукта или товара.

Можно сказать, что язык маркетинга находится между двумя векторными величинами,

а именно, между функционально-обусловленным языком и корпоративным языком определенной группы специалистов. Тексты должны быть доступны для понимания (реклама, продвижение товара на рынок, расширение рынка спроса и т. д.), поскольку целевой группой выступают читатели — потенциальные клиенты, и одновременно должны быть ориентированы на

специалистов в области маркетинга, на аналитиков и очень часто на конкурентов.

Для того чтобы сформировать определенные знания у читателя или внести изменения в существующую у него систему знаний, нужно, чтобы информация, получаемая им, не противоречила модели мира адресата, т. е. имеющимся представлениям. Поэтому нецелесообразно всю информацию подавать эксплицитно, следует обратиться к имплицитно выраженной информации. Именно поэтому в аргументативном дискурсе механизм скрытого внедрения нового знания активно используется для эффективного речевого воздействия.

По мнению Ю. К. Пироговой, имплицитная информация имеет определенные преимущества: (1) она не осознается адресатом и, следовательно, не подвергается критической оценке; (2) процесс извлечения скрытой информации происходит в сознании говорящего, и поэтому воздействие не воспринимается как влияние «извне»; (3) за имплицитно переданную информацию автор сообщения редко несет ответственность, поэтому его трудно привлечь к ответственности за нарушение каких-либо законов («О рекламе, «О выборах»») [3. С. 214].

Рассмотрим некоторые приемы неявного введения нового знания для того чтобы показать, каким образом происходит успешное убеждение, так необходимое в языке маркетинга.

1. Семантические пресуппозиции, используемые авторами, являются одним из самых распространенных приемов для убеждения адресатов в той или иной точке зрения, в достоинствах продукта, в успешности деятельности фирмы. Выделенные ниже слова с имплицитными семантическими компонентами помогают в этом убеждении:

***Теперь** аппараты Nespresso можно увидеть на Елисейских полях, в центре всех больших городов. Бренд ассоциируется с качеством и ценностью.*

***Печально**, но даже когда я ушел, они так и не поняли до конца важность дизайна.*

*И тем не менее, я испытываю **разочарование** из-за того, что люди не понимают — вкладывая деньги в дизайн, они получают большую прибыль! Это ведь как взбитые сливки на торте (Л. Валентин. Россия может приучить весь мир есть суп. МаркетингPRO.ru, 18.04.2010).*

Подобные слова-операторы дают возможность убедить читателей в важности самого бренда или дизайна.

2. Другим распространенным приемом воздействия на сознание является введение неявной информации в форме вопроса. В риторических вопросах имплицитно представлена подоплека описываемой ситуации, например:

Например, отключаете ли вы сотовый телефон, уходя в отпуск? Или, сидя на берегу Карибского моря, продолжаете отвечать на нервные звонки своих коллег и клиентов? Как долго вы можете не проверять электронную почту? А не читать сообщения в Twitter или отказаться от праздного созерцания оценок ваших фотографий на Одноклассники.Ру, поставленных абсолютно неизвестными вам людьми? С чего начинается ваше утро — с гимнастики или с включения ноутбука и выхода в Интернет? (Д. Кот. Все клиенты приносят только головную боль? MarketingPRO.ru, 02.03.2010).

Благодаря использованию риторических вопросов создается иллюзия диалога с адресатом, хотя на самом деле отправители навязывают ему определенное видение ситуации и ее оценку.

3. Следующим приемом убеждения является «неоспоримо доказанное положение». Его мы можем идентифицировать по таким суждениям, как «есть мнение», «всем известно» и т. д. Например:

*Бренд ассоциируется с качеством и ценностью. Это мы называем сегмент «супер премиум». **А всем известно**, что если Вы получаете этот сегмент, Вы получаете прибыль (Л. Валентин. Россия может приучить весь мир есть суп. МаркетингPRO.ru, 18.04.2010).*

***Есть мнение**, что сегодня мы за день получаем столько же информации, сколько человек в средние века получал за год (Как работать в виртуальном офисе и не стать интернет-маньяком? MarketingPRO.ru, 01.04.2010)*

В приведенных примерах нет имен и конкретных обозначений, этот прием в психологии известен под названием «паттерн кавычек»: утверждение, которое известно всем, выглядит очень убедительно.

Существует еще один прием, основанный на апелляции к фонду общих знаний, — «общая платформа». Адресат убежден, что отправитель, так же как и он, уверен в какой-то точке зрения. Семантически это выражается в модели «общезвестной» информации: «все знают, что...».

***Нам, как специалистам**, нужно различать понятия продуктового бренда и бренда самой компании. Бренды представляют собой совокупность определенных атрибутов, в то время как компания отвечает за доверие, традиции,*

качество и т. д. (Л. Валентин. Россия может приучить весь мир есть суп. МаркетингPRO.ru, 18.04.2010).

4. Аргументация осуществляется иногда и за счет доведения до абсурда или аналогии какого-то тезиса или мнения. Хотя в теории и практике аргументации известно, что это аргумент для слабого противника, но он достаточно эффективен. Например:

Какая модель для Вас привлекательнее? Для себя я назвал это «парадоксом чистильщика бассейнов». Что лучше — чистить бассейны в Доминикане или получить титул самого успешного бизнесмена на своей милой Родине? Сохранить не тронутым мыслями мозг или сойти с ума от работы? (Как работать в виртуальном офисе и не стать интернет-маньяком? MarketingPRO.ru, 01.04.2010)

5. Немаловажную роль в аргументативном дискурсе играют окказионализмы. По мнению Л. А. Нефедовой, «если явно выраженные смыслы являются результатом взаимодействий между регулярными значениями слов и грамматическими значениями синтаксических единиц и при этом важную роль играют более крупные составляющие, то имплицитные смыслы чаще всего выражаются при помощи разного рода окказионализмов: необычными грамматическими формами, видоизмененными синтаксическими конструкциями, словами с видоизмененной семантической структурой» [2. С. 54–55]. Например, в статье «Почему увольняются в кризис?» (МаркетингPRO.ru от 30.03.2010) автор делает попытку проанализировать причины увольнения людей во время кризиса и дает советы, которые он обозначает как «несколько простых истин», которые помогут читателям избежать быть «выжатым как лимон в корпо-

ративной “соковыжималке”». Для убеждения автор текста использует слова с видоизмененной семантической структурой (*рынок работодателя, «разрулить» ситуацию, стремный старый комп* и т. д.), а также необычные грамматические формы и синтаксические конструкции (*Назвать рассказанные выше истории единичными никак нельзя. А можно ли «застраховать» себя от подобных неприятностей? «Тревожные звоночки» опасности можно заметить задолго до того, как прозвучит финальный колокол*). Для большего убеждения автор использует формы императива: *помните, просите, не обходите*, а также модальные глаголы, такие как *вы должны, нужно настаивать, нужно помнить* и т. д.

Таким образом, в аргументативном дискурсе существуют определенные приемы ввода имплицитной информации, необходимые для убеждения адресатов, что наглядно представлено в текстах области «маркетинг». Такие приемы позволяют специалистам, работающим в сфере маркетинга, целенаправленно использовать скрытые возможности речевого воздействия.

Список литературы

1. Блакар, Р. Язык как инструмент социальной власти // Язык и моделирование социального взаимодействия. М., 1987. С. 88–125.
2. Нефедова, Л. А. Когнитивные особенности имплицитивной коммуникации. Saarbrücken : Lambert Academic Publishing, 2011. 140 с.
3. Пирогова, Ю. К. Имплицитная информация как средство коммуникативного воздействия и манипулирования // Scripta linguisticae applicatae. Проблемы прикладной лингвистики. М., 2001. С. 181–208.

В. Ф. Новодранова, Ю. Б. Мотро

СЕМАНТИЧЕСКИЕ МОДИФИКАЦИИ ТЕРМИНА В МЕДИЦИНСКОМ ДИСКУРСЕ

Статья посвящена изменениям значений терминов в дискурсе и тем факторам, которые влияют на эти изменения. Семантические модификации описываются с учетом когнитивных процессов концептуализации и конструирования. Семантический анализ проводится на основе разработанных Р. Лэнекером и Л. Талми когнитивных понятий концептуального диапазона, профилирования и активной зоны.

Ключевые слова: медицинский дискурс, семантические модификации термина, концептуализация, научный текст, учебно-академический текст, научно-популярный текст.

Важнейшая особенность современной науки состоит в том, что многие уже известные факты и явления получают более глубокое и всестороннее объяснение. Так проблемы семантики выходят на качественно новый уровень, который задается когнитивно-дискурсивным направлением лингвистики.

Стратегия когнитивной лингвистики состоит не только в более глубоком изучении содержательной стороны языка, она нацелена также на то, чтобы дать объяснение когнитивным механизмам формирования значения, установить корреляции между концептуальным и языковым уровнями. Через когнитивно ориентированные исследования ученые стремятся глубже проникнуть в суть «интериоризованного» языка, приблизиться к решению проблемы моделирования языковой способности человека и к объяснению того, как протекает скрытое от наблюдения формирование структур знания в процессе коммуникации.

В связи с этим обращение к коммуникативным актам и к дискурсу дает возможность выйти за пределы собственно языкового знания и определить соотношение языкового значения и концептуального содержания, передаваемого отдельным словом как в системе языка, так и в речевых актах. Анализ коммуникативного контекста позволяет увидеть факторы, определяющие модификации когнитивных структур в различных типах дискурса.

Статья посвящена изменениям значений терминов в дискурсе и тем факторам, которые влияют на эти изменения. Семантические модификации описываются с учетом когнитивных процессов концептуализации и конструирования. В статье выявляются дискурсивные параметры для широкого класса коммуникативных событий, в которых происходит обмен специальными знаниями. Коммуникативное событие расма-

тривается как фрагмент дискурсивной деятельности. Важными характеристиками коммуникативного события являются его участники — специалисты и институциональная среда общения (научная область, образовательное учреждение и др.).

Семантический анализ проводится на основе разработанных Р. Лэнекером и Л. Талми когнитивных понятий концептуального диапазона, профилирования и активной зоны. Под концептуальным диапазоном (“conceptual scope”) Р. Лэнекер понимает то концептуальное содержание, которое лежит в основе значения языковой единицы. При этом, как правило, лишь часть этого содержания является релевантной в конкретном типе дискурса, поэтому Р. Лэнекер предложил различать максимальный и ближайший концептуальные диапазоны (maximal and immediate scope) [5; 6].

Под ближайшим диапазоном понимается совокупность концептов (концептуальных признаков) непосредственно связанных с данным словом в соответствующей области специальных знаний. Ближайший диапазон — это относительно стабильное семантическое ядро термина.

Максимальный диапазон — это все концептуальное содержание, которое потенциально может активизировать определенная языковая единица (соответствующий термин), являясь обозначением определенного фрагмента специальной картины мира. Например, ближайшим диапазоном для слова *зрачок* служит концепт «глаз», а максимальным диапазоном — концепт «лицо».

Под профилированием или помещением в фокус внимания понимается когнитивная способность выдвинуть на первый план тот или иной компонент концептуализируемого события или объекта.

Активная зона — это та часть концептуального диапазона (ближайшего или максимального), которая профилируется в конкретном акте коммуникации. Активная зона представляет собой наиболее мобильную и прагматически зависимую часть концептуального объема термина, а вербализующие ее языковые единицы находятся в ближайшем концептуальном окружении данной терминологической лексемы. Подвижность активной зоны зависит от собственных знаний говорящих и целей коммуникации.

Способом выявления концептов и концептуальных структур ближайшего и максимального диапазонов является анализ дефиниций специальных энциклопедических словарей и справочников, а способом определения активной зоны является анализ функционирования термина в различных контекстах.

Модификации специальных значений связаны не только с изменением концептуального объема термина, с расширением или сужением активной зоны, но и со способом конструирования значения в контексте — инферентным (выводным, логическим) или перцептивным (связанным с чувственным восприятием мира).

Для описания семантических модификаций терминов нами были выбраны письменные медицинские тексты, относящиеся к научному, учебно-академическому и научно-популярному дискурсу, которые характеризуются общими условиями коммуникации — письменной формой общения и отсутствием непосредственного контакта между коммуникантами.

Изменения специальных значений в конкретных типах дискурса рассматривались по следующим критериям: 1) по концептуальному объему активной зоны относительно ближайшего и максимального диапазонов; 2) по равномерности охвата основных элементов концептуального диапазона; 3) по зависимости от привлечения знаний из других сфер деятельности; 4) по способу конструирования активной зоны.

Научный дискурс представлен научными статьями и монографиями. ИмPLICITным заказчиком в научной коммуникации выступает научное сообщество, а непосредственными участниками выступают специалисты в определенной области знания, обладающие статусно-ролевой характеристикой «ученый». Основной целью такого коммуникативного события является обмен специальной информацией о научном явлении или о проведенном исследовании. К предварительным условиям общения относятся институциональный характер научной среды, наличие

научной проблемы, требующей обсуждения, намерение участников реализовать данное коммуникативное событие. К условиям успешности коммуникативного события относятся необходимый объем знаний коммуникантов о научной проблеме, о типе дискурса, а также их коммуникативная компетентность.

В результате анализа медицинских текстов по офтальмологии, репрезентирующих научный дискурс, нами было выявлено несколько типов модификаций специальных значений в тексте: сужение активной зоны, равномерное расширение и неравномерное расширение.

Активная зона подвергается сужению, когда в анализируемом тексте профилируется часть ближайшего диапазона семантики термина, а в отдельных случаях и часть максимального диапазона. Сужение в научном дискурсе обусловлено тем, что продуцент и потенциальный реципиент научного текста обладают сходным объемом профессиональных знаний. Следовательно, относительно основных научных понятий, используемых в тексте, взаимопонимание между ними уже достигнуто, и значительная часть концептуального диапазона термина находится в пресуппозиции.

Расширение активной зоны характеризуется включением в нее всех элементов ближайшего диапазона и значительной части максимального диапазона.

Равномерное расширение активной зоны — это такой тип модификации специального значения термина, в котором оба концептуальных диапазона термина представлены в относительно полном виде.

Неравномерное расширение активной зоны представлено случаями, когда в активную зону попадает весь ближайший диапазон и лишь ограниченное количество элементов максимального диапазона.

Неравномерное расширение в научном дискурсе наблюдается также тогда, когда термин не является общепризнанным и нуждается в уточнении и конкретизации некоторых аспектов обсуждаемой проблемы.

Учебно-академический дискурс представлен текстами учебников, энциклопедий и справочных материалов. ИмPLICITным заказчиком в учебно-академической коммуникации выступает институт (государство, министерство образования), который выполняет посредническую роль между непосредственными участниками коммуникативного события — автором учебника и учащимися. Основная цель автора заключа-

ется в том, чтобы передать оптимально специальную информацию об объекте. Текущими целями является стремление разъяснить информацию, пояснить какое-то явление, найти пути решения проблемы, заинтересовать учащегося и т. д. Предварительными условиями общения выступают институциональная учебно-академическая среда; намерение реципиента приобрести, расширить или углубить знания; недостаток знаний у реципиента по определенной проблеме, требующей обсуждения. Успешность данного коммуникативного события обеспечивает наличие профессиональной компетенции продуцента, т. е. умение реализовать свои цели, в том числе с помощью определенных языковых средств (терминов); оптимальное предоставление информации: она должна быть краткой и наглядной по форме и понятной, объективной, аргументированной по содержанию. Реципиент, который может иметь некоторые фоновые и обыденные знания, но не владеет полноценной теоретической базой и эмпирическим опытом изучаемой области знания, должен быть нацелен на получение информации.

Анализ учебных медицинских текстов по ларингологии показал, что доминирующим типом модификации специальных значений является неравномерное расширение активной зоны с конкретизацией, что связано с тем, что у реципиента еще не сформировалось представление об описываемом понятии, объяснение носит более конкретизированный характер. Абстрактные связи поясняются через конкретные события, используются языковые единицы со значением конкретных физических действий и эмоциональных состояний. Были также выявлены другие типы семантических модификаций, равномерное расширение и сужение, обусловленные возрастом реципиента и стремлением автора предоставить информацию в более подробном или компрессированном виде. Кроме того, нередко создаются метафорические проекции, способствующие более краткому и понятному выражению объемного значения описываемого абстрактного понятия.

Научно-популярный дискурс представлен статьями из научно-популярных журналов, которые рассчитаны, прежде всего, на массового читателя. Имплицитным заказчиком в научно-популярной коммуникации выступают средства массовой информации (а также государство, корпорации, общественные организации и др.), ориентированные на все общество в целом и являющиеся посредником в передаче специальной (научной)

информации. Непосредственными участниками данного коммуникативного события выступают квазиспециалисты в какой-либо области знания, которые, как правило, не имеют глубоких профессиональных знаний об обсуждаемом объекте и выступают в качестве связующего звена между специалистом (ученым) и неспециалистом. Необходимо заметить, что нередко для более точного разъяснения актуализируемого вопроса авторы статей могут обращаться к специалистам и добавлять интертекстуальные включения (например, цитаты ученых, статистические данные или определение какого-либо понятия из словаря). Основной целью такого коммуникативного события является передача специальной информации об интересующем объекте в доступной для неспециалиста форме. Текущими целями являются стремление автора заинтересовать, поддержать интерес к различным областям науки, развлечь, объяснить, описать явление, упростить научный текст и т. п. К предварительным условиям общения относится наличие институциональной среды с элементами персональности, интереса к научной проблеме, требующей популярно-просветительского объяснения, намерение участников реализовать данное коммуникативное событие. К условиям успешности коммуникативного события относится умение продуцента упростить научный текст для того, чтобы он был понят массовым читателем, не обладающим специальными знаниями.

Анализ медицинских текстов из научно-популярного журнала «Наука и жизнь» показал, что способом построения специального значения термина является сужение активной зоны с метафорическим смещением. Сужение активной зоны может осуществляться не только в результате того, что ближайший и максимальный диапазоны представлены не полностью, но и путем более активного вовлечения фрагментов обыденной картины мира, в результате чего термин частично теряет свою специализированность. Но модификация специального значения термина в данном типе дискурса может идти и по принципу неравномерного расширения активной зоны термина. Это обусловлено тем, что авторы статей стремятся не только дать пояснения явлениям и понятиям, максимально упростив их описание, употребляя минимальное количество специальных единиц, но и использовать оценку — собственную или чужую.

Анализ статьи из журнала «Наука и жизнь» показал, что для научно-популярных текстов характерны пониженный уровень профессиональной

компетентности коммуникантов, преобладание в качестве цели общения разъяснения, развлечения, популяризации специальных знаний, использование этически-правовой, телеологической и иной оценки. Конструирование значения термина в данном коммуникативном событии происходит интегративно с привлечением как перцептивного модуса, так и элементов инферентного модуса.

Таким образом, анализ функционирования терминов в научных, учебно-академических и научно-популярных текстах показал, что построение терминологических значений обусловлено взаимодействием следующих факторов: объемом специальных знаний коммуникантов, объемом фоновых знаний реципиента, соотношением общих и текущих целей коммуникантов; степенью когнитивной выделенности конкретного термина на том или ином этапе построения текста; средой коммуникации (институциональной или персональной); общими особенностями самой области специальных знаний.

Список литературы

1. Алексеева, Л. М. Медицинский дискурс: теоретические основы и принципы анализа / Л. М. Алексеева, С. Л. Мишланова. Пермь : Изд-во Перм. ун-та, 2002. 200 с.
2. Карасик, В. И. Структура институционального дискурса // Проблемы речевой коммуникации. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2000. С. 25–33.
3. Beaugrande, R. Language, Discourse and Cognition: Retrospects and Prospects // Approaches to Cognition through Text and Discourse / ed. T. Virtanen. Berlin : Mouton de Gruyter, 2004. P. 17–32.
4. Dijk, T. van. Discourse, context and cognition // Discourse Studies. 2006. Vol. 8. № 1. P. 159–177.
5. Langacker, R.W. Grammar and Conceptualization. Berlin; New York : Mouton de Gruyter, 2000. 430 p.
6. Talmy, L. Towards a Cognition Semantics. Vol. II: Typology and Process in Concept Structuring. Cambridge : MIT Press, 2001. 503 p.

Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 33 (248). Филология. Искусствоведение. Вып. 60. С. 104–107.

А. М. Обжорин

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ, ВЫРАЖАЮЩИХ ПСИХИЧЕСКОЕ СОСТОЯНИЕ ЧЕЛОВЕКА, С РУССКОГО НА АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК

В статье раскрываются основные особенности коммуникативной стратегии перевода фразеологических единиц, выражающих психическое состояние человека, с русского на английский язык. Автор выделяет отдельные шаги коммуникативной стратегии и кратко характеризует их.

Ключевые слова: коммуникативная стратегия перевода, фразеологизм, психическое состояние человека, русский язык, английский язык.

Современная лингвистика изучает разнообразные ситуации использования речи в межличностной коммуникации, вербальное поведение человека как языковой личности, экспрессивность речевых актов, и в конечном счете, эффективность использования языка. «Общее эмоциональное пространство человечества предполагает существование общего (инвариантного) эмоционального смыслового поля, которое кодируется и воспроизводится в лексических и фразеологических знаках языков. Эти эмотивные знаки обеспечивают как внутреннее, так и межкультурное общение homo loquens на эмоциональном уровне» [8. С. 46].

Таким образом, проблема вербального выражения психических состояний человека в различных языках является актуальной, ее решение позволит выявить сходства (универсальные черты) и различия (национальные, ментальные особенности) в репрезентации этого «общего эмоционального пространства» различных культур.

Фразеологизм — один из самых востребованных объектов современных антропоцентрических исследований. Перевод фразеологизмов — задача непростая, т. к. основной особенностью фразеологизмов является несоответствие плана содержания плану выражения, что определяет специфику фразеологической единицы, прида-

ет гибкость и глубину ее значению [7]. Именно гибкость значения фразеологизмов и является главным фактором, усложняющим процесс их перевода.

О. С. Иссерс так определяет понятие коммуникативной стратегии: «Стратегия представляет собой когнитивный план общения, посредством которого контролируется оптимальное решение коммуникативных задач говорящего в условиях недостатка информации о действиях партнера» [3. С. 14].

Наиболее значительными работами в изучении межъязыковых фразеологических соответствий являются исследования А. В. Кунина, Э. М. Солодухо, А. Д. Райхштейн, Е. Ф. Арсентьевой.

На основе компонентной теории тождества/различия семной структуры фразеологического значения Е. Ф. Арсентьевой выделены следующие типы межъязыковых отношений: фразеологические эквиваленты (полные и частичные); фразеологические аналоги (полные и частичные) и безэквивалентные ФЕ [2], которые, относительно коммуникативной стратегии, можно организовать в систему (см. рис.), состоящую из двух условных блоков. Первый характеризует эквивалентность фразеологической единицы. Ядром, максимально приемлемым вариантом перевода фразеологизма, является полный эквивалент, удаленность от центра влияет на выразительность (качество) перевода. Второй блок — факторы, влияющие на перевод ФЕ. Идеальным при переводе является учет всех факторов.

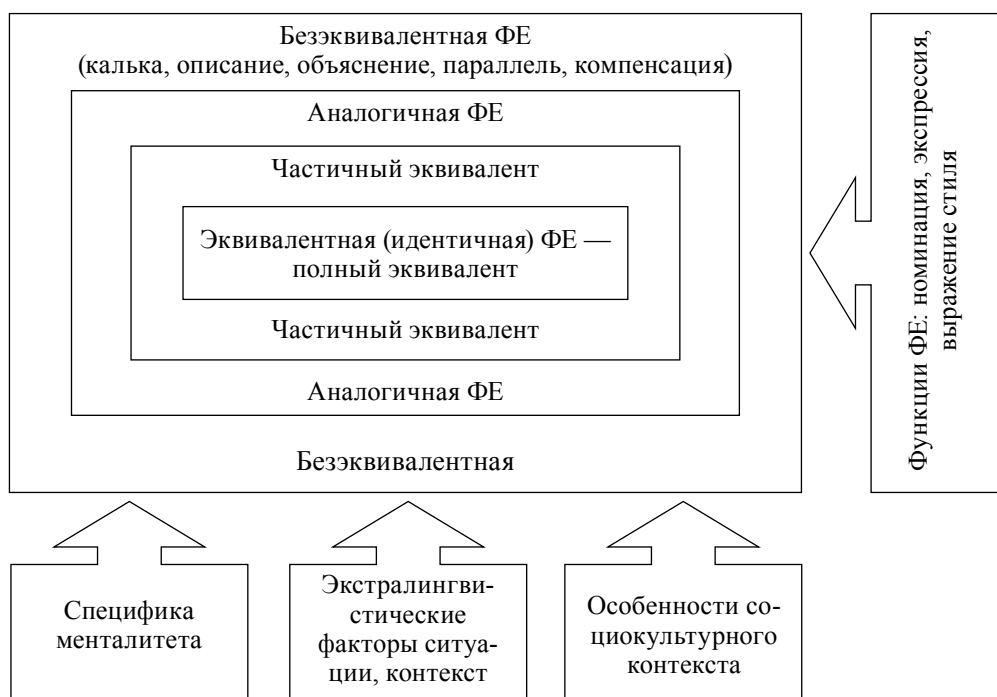
Определим важнейшие шаги коммуникативной стратегии перевода фразеологизмов, обозначающих психическое состояние.

1. Распознавание в тексте фразеологизмов, в отличие от свободных сочетаний языковых единиц. Для этого необходимо выделить в тексте противоречащие общему смыслу единицы, поскольку, чаще всего, именно они и свидетельствуют о присутствии переносного значения.

Фразеологизм может обратить на себя внимание грамматическими аномалиями ('to go the whole hog', 'без никаких'), необычной лексической сочетаемостью ('fair-weather friend' — 'ненадежный друг', 'глядеть сентябрём'), либо ирреальностью ситуации ('to have butterflies in one's stomach' (бабочки в желудке) — нервное напряжение, нервничать, 'вылезать из себя').

Наряду с перечисленными выше случаями существует множество выражений, совпадающих по своему составу со свободными сочетаниями слов. Для распознавания ФЕ в данном случае поможет контекст. 'When his wife found him, he had pushed his books and was in a brown study'. То, что 'Жена нашла мужа погруженным в тяжёлые раздумья' (а не в коричневом кабинете), можно понять, лишь зная контекст ситуации в целом [6].

2. Анализ речевых функций ФЕ в конкретной коммуникативной ситуации поможет выбрать из имеющихся возможных вариантов перевода соответствующий. Нередко конфликт между переносным и буквальным значением используется автором текста для обыгрывания каких-либо



образных, эстетических, эмоционально-оценочных и других ассоциаций или для создания юмористического эффекта. Функции фразеологизмов разнообразны: в научной, официально-деловой речи они используются как номинативные единицы терминологического характера, в художественной, публицистической литературе и разговорной речи на первый план выдвигаются экспрессивно-стилистические особенности и выразительные возможности ФЕ.

3. Поиск идентичной (эквивалентной) фразеологической единицы (ФЭ) в переводящем языке. Русско-английских ФЭ со значением психических состояний выделяется достаточно много.

Полные ФЭ по образу, лексическому составу и смыслу полностью совпадают с оборотами другого языка. Это выражения, которые восходят к одному источнику, например, Библии, мифам Древней Греции, третьему языку, историческому событию, общности человеческого опыта и наблюдений: *'as cold as ice'* — *'холодный как лед'*. Частичные ФЭ имеют единый или сходный образ, несколько различный лексический состав и совпадающий или очень близкий смысл (*'to be on pins and needles'* — *'сидеть как на иголках'*).

4. Поиск аналогичной фразеологической единицы (фразеологического аналога), имеющей общее с исходным значение, но построенной на иной словесно-образной основе (*'not for love or money'* — *'ни за что на свете, ни за какие деньги, ни за какие коврижки'*).

5. Перевод безэквивалентных ФЕ, обозначающих несуществующие в другом языке реалии. При переводе подобных фразеологизмов используются:

– калькирование — пословный перевод ФЕ с одного языка на другой язык. Необходимое условие — «привычность» образа для носителей языка-реципиента (*'To roll out the red carpet for somebody'* — *'Выкатить красный ковер'* — *тепло приветствовать кого-то, одарить теплым приемом*). Дословный перевод часто применяется при наличии расширенной метафоры, фразеологических синонимов, игре слов и каламбурах и позволяет сохранить образный строй оригинала (что особенно важно в художественном переводе) [4. С. 174]. Кальку можно использовать с поясняющими дополнениями типа «как говорится» или «как говорят англичане» и др.;

– дескриптивный или описательный перевод — ФЕ языка-источника воспроизводится в языке-реципиенте развернутым словосочетанием или предложением и позволяет достаточно точно воспроизвести сигнификативно-дено-

тативный макрокомпонент значения (*'grin like a Cheshire cat'* — *'ухмыляться во весь рот'*). Недостатками являются потеря образности, экспрессивности и выразительности фразеологизма (*'soak into smb.'s brain'* — *'дойти до сознания'*) [5];

– комбинированный (двойной, параллельный) перевод — сочетание двух или более способов передачи фразеологизма языка-источника на язык-рецептор, его достоинством является наиболее полное воспроизведение семантики исходного фразеологизма. В одной фразе сочетается фразеологическая единица и объяснение ее переносного значения в возможно более кратком виде (*'Patient as Job'* — *'терпеливый как Иов, обладающий ангельским терпением'* — калькирование + дескриптивный перевод);

– компенсация — не имея возможности идиоматично перевести один отрезок высказывания, можно вводить идиому подобной тональности в другом отрезке произведения, сохраняя тем самым общий баланс экспрессивности текста (*'This Roberts is a hot sketch for a fighter, anyway'*. *'Этот Робертс — такой «прекрасный» боксер, что дальше ехать некуда'*, *A hot sketch* — ирон. 'полный жизни, яркий, незаурядный человек').

Как уже говорилось выше, существуют факторы, не являющиеся шагами коммуникативной стратегии, но, однако, влияющие на качество перевода ФЕ. Контекст, речевые функции мы уже рассмотрели выше, что касается специфики менталитета, то здесь возможно привести мнение В. Ю. Апресяна: «...разным культурам свойственно разное отношение к эмоциям, что выражается, в частности, в наличии культурно вариативных правил проявления эмоций» [1. С. 27].

Особенности социокультурного слоя накладывают свой отпечаток главным образом на принадлежность ФЕ к определенному стилю (стилистическая окраска). Элементы высокого, нейтрального или низкого стиля, профессиональные жаргонизмы переводятся ФЕ с соответствующими элементами. Иногда при переводе фразеологических единиц для достижения адекватного перевода вполне можно прибегнуть к нейтральному стилю, если переводчик затрудняется найти полное стилистическое соответствие. Например: *'камя на камне не оставить'* (книжный стиль), *'учинить расправу'* (книжный стиль), *'разделать под орех'* (разговорный), *'задать перца'* (разговорный).

Как показало недавнее исследование В. Ю. Апресяна, «языковая выразимость той или иной эмоции в данном языке является результатом не

только ее этической оценки в соответствующей культуре, но и многих других, отчасти психологических, отчасти культурных, отчасти чисто языковых факторов» [1]. Таким образом, главным фактором коммуникативной стратегии перевода эмоциональных и психических состояний, кроме знания языковых особенностей, будет знание культуры, психологических и этических особенностей говорящего.

Список литературы

1. Апресян, В. Ю. Речевые стратегии выражения эмоций в русском языке // Рус. яз. в науч. освещении. 2010. № 2 (20). С. 26–56.
2. Арсентьева, Е. Ф. Сопоставительный анализ фразеологических единиц, семантически ориентированных на человека, в русском и английском

языках и вопросы создания русско-английского словаря : дис. ... д-ра филол. наук. М., 1993. 322 с.

3. Иссерс, О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Екатеринбург, 1999. 29 с.

4. Комиссаров В.Н. Современное переводоведение : учеб. пособие. М. : ЭТС, 2002. 424 с.

5. Кунин, В. А. О переводе английских фразеологизмов в англо-русском фразеологическом словаре [Электронный ресурс]. URL: http://www.belpaese2000.narod.ru/Trad/kunin_fra.htm

6. Теория перевода (лекции) [Электронный ресурс]. URL: <http://youreng.narod.ru/teoper.html>

7. Шанский, Н. М. Фразеология современного русского языка: учеб. пособие для вузов. СПб. : Спец. лит., 1996. 192 с.

8. Шаховский, В. И. Лингвокультурология эмоций : учеб.-метод. пособие. Волгоград : ВГПУ, 2004. 80 с.

Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 33 (248). Филология. Искусствоведение. Вып. 60. С. 107–109.

М. Ю. Олешков

ЭМОТИВНЫЕ РЕЧЕВЫЕ АКТЫ В ПЕДАГОГИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Разработка лингвистической теории эмотивности охватывает не только средства языка, но и пути их реализации, с учетом влияния на языковую личность. В статье рассматриваются экспрессивно-эмотивные речевые акты, получающие реализацию в педагогическом дискурсе, которые имеют прагматический потенциал и могут быть типологизированы с точки зрения интенционального воздействия.

Ключевые слова: педагогический дискурс, эмотивный речевой акт, вербальное воздействие.

В современных психологических исследованиях подчеркивается, что эмоции как ситуативно обусловленные психические состояния человека не только мотивируют деятельность человека, но и воздействуют на мышление, а следовательно, побуждают к принятию решений. Это позволяет предположить, что определенные свойства эмоций в коммуникативно-прагматических условиях речевой ситуации используются говорящим для манипуляции и управления деятельностью адресата. В большой степени это актуально для профессиональных дискурсов, когда воздействие на аудиторию становится неотъемлемым правом «держателя речи» и его прямой обязанностью.

Объектом нашего исследования в указанном выше аспекте является педагогический дискурс — устное вербальное общение на школьном уроке.

В обобщенном понимании процесс воздействия может трактоваться как событие, состоящее в том, что субъект **A** вызывает или предотвращает некоторое изменение объекта **B**. В контексте дидактического взаимодействия естественно считать такое воздействие адресанта **A** (учителя), которое вызывает или предотвращает изменение определенных характеристик и проявлений адресата **B** (учащегося), в том числе относящихся к его деятельности (и поведению в целом), к его сознанию (и бессознательной сфере психики), к его личности.

Воздействия такого рода могут анализироваться во многих аспектах, в частности:

1. Интенциональный аспект определяется тем, на активацию или предотвращение каких изменений реципиента ориентировано воздействие.

2. Операциональный аспект касается того, каким образом, посредством каких операций осуществляется воздействие.

3. Результативный аспект определяется тем, какой результат достигается благодаря воздействию (при этом он не всегда совпадает с исходными интенциями).

4. Статусно-ролевой аспект касается социального или социально-психологического статуса адресанта и адресата.

В нашем исследовании мы рассматриваем специфику вербального воздействия учителя на учащихся в контексте эмотивной природы используемых в коммуникативном процессе речевых актов. Таким образом, статусно-ролевой и результативный аспекты при этом остаются «за кадром», и нас интересуют, в первую очередь, интенциональный и операциональный аспекты, проявляющиеся в виде высказываний (реплик) учителя на уроке.

Характеризуя операциональный (прагматический) аспект дидактического воздействия, следует учитывать, что анализируются примеры прямого воздействия, когда адресант и адресат (реципиент) находятся в непосредственном контакте.

Кроме того, при анализе мы рассматриваем только фрагменты дидактической ситуации, то есть речевые акты, реализуемые в рамках монологической (а не диалогической) стратегии воздействия, хотя развитие интеракционного процесса на вербальном уровне во многих случаях легко прогнозируется: многие высказывания учителя имеют внутреннюю «диалогическую» основу (подразумевают адекватные / неадекватные вербальные реакции адресата).

В процессе педагогического взаимодействия на уроке эмотивные речевые акты направлены на создание атмосферы, способствующей плодотворному обмену информацией между преподавателем и учениками. Во временном аспекте такие речевые акты достаточно локальны, но при этом они выполняют важнейшую функцию создания особого микроклимата, при котором возникает более полное взаимопонимание, доброжелательность и положительный эмоциональный настрой обеих сторон.

Выражение эмоций является неотъемлемой частью любого общения, но в педагогической практике оно несет в себе дополнительную нагрузку — привлечь внимание учеников к материалу. В то же время следует заметить, что в процессе обучения возникают различные ситуации, в которых происходит «выплеск» не только положительных эмоций, но и отрицательных, выражающих отношение к сложившейся ситуации. Таким образом, экспрессивно-

эмотивные речевые акты, обладающие иллюкутивной силой, содержащие определенные иллюкутивные цели и реализующие соответствующие интенции, могут быть типологизированы и по этому признаку.

Нами зафиксированы речевые **акты-пожелания** («На сегодняшнем уроке мы будем писать контрольную работу. Желаю вам успеха в ее написании»), **акты-комплименты** («Сегодня Андрей меня по-настоящему порадовал!»), **эмотивные акты-требования** («Вставай, когда разговариваешь с учителем!»), **акты передачи эмоционального состояния** («Сегодня у меня очень хорошее настроение, и я хочу, чтобы оно таким же было у вас»), **акты эмоциональной поддержки** («Пожалуйста, Надя, не волнуйся и рассказывай»), **акты-предостережение** («И, пожалуйста, осторожнее в построении фраз»), **акты-упреки** («Даша, спишь сегодня на уроке, не работаешь»)¹.

Вместе с тем справедливым представляется утверждение Е. Г. Бронниковой, которая отмечает, что «эмоциональность как характеристика высказывания не локализована в структуре одного вида речевых актов. Являясь универсальной категорией, она может входить в структуру всех видов речевых актов как дополнительная иллюкутивная цель — выражение эмоций» [1. С. 6].

Уровень эмоциональности при использовании перечисленных речевых актов во многом зависит от «личностных» качеств говорящего (учителя), от ситуации, от его отношения к ученику. Так, в педагогическом процессе предостережение очень часто граничит с эмоциональной поддержкой, так как перлокутивный эффект, достигнутый с помощью такого приема, способствует «улучшению» ситуации в пользу ученика, «ненавязчиво» корректирует его деятельность. Речевой акт-требование часто принимает жесткие формы вербальной агрессии (см. [2]). Это вызывает протест. Подчас подростки не выполняют требований учителя именно потому, что их оскорбляет неуважительный тон и грубость высказывания. Например: «Я сказала, подойди сюда, олух!»; «Выйди вон, дебил». Такие речевые формулы уязвляют личность и не обеспечивают педагогическую эффективность, ибо не стимулируют внутреннюю мотивацию.

Анализ процесса реализации эмотивных речевых актов учителя как «говорящего» в пе-

¹ Подробный анализ см. в [3].

дагогическом дискурсе позволяет констатировать, что разговорная речь всегда в большей или меньшей степени эмоциональна. По мнению Е. А. Селивановой, эмотивность (как тексто-дискурсивная подкатегория) «характеризуется эмотивной направленностью авторских стратегий <...>, эмотивностью текста и его компонентов, а также эмотивной настроенностью интерпретатора. Эффективность эмотивной программы адресованности выражается в эмоциональной гармонизации сознания адресата» [4. С. 214]. Все это позволяет считать эмотивность, наряду с аксиологичностью, «универсальной» составляющей информационного пространства любого профессионального дискурса, в том числе, и педагогического.

Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 33 (248). Филология. Искусствоведение. Вып. 60. С. 109–111.

Список литературы

1. Бронникова, Е. Г. Эмоциональность и структура речевого акта в тексте художественного произведения : на материале английского языка : дис. ... канд. филол. наук. Абакан, 2008. 162 с.
2. Олешков, М. Ю. Вербальная агрессия учителя в процессе педагогического общения // Стандарты и мониторинг в образовании. 2005. № 2. С. 43–50.
3. Олешков, М. Ю. Дидактическое вербальное воздействие: эмотивный аспект // Проблемы социо- и психолингвистики. Пермь, 2010. Вып. 14. С. 68–80.
4. Селиванова, Е. А. Основы лингвистической теории текста и коммуникации. К. : ЦУЛ, «Фито-социоцентр», 2002. 336 с.

А. В. Осипов

ОСОБЕННОСТИ ЭВФЕМИЗАЦИИ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ (на примере лексики медицины и силовых структур в русском и английском языках)

Статья посвящена феномену эвфемизации в профессиональном общении. Проанализированы специфические примеры эвфемизмов в речи медицинских работников и сотрудников правоохранительных органов. Особое внимание уделено проблеме разграничения криптологии и эвфемизации.

Ключевые слова: эвфемизм, эвфемизация, профессиональная коммуникация, русский язык, английский язык.

Человечеством выработаны особые системы правил и запретов, благодаря которым возможно существование социума и цивилизации. Правила поведения присутствуют в любой сфере человеческой деятельности, будь то управление страной, вождение автомобиля или повседневное общение. Разновидностью запретов, известной с древнейших времен, является табу. В языке табу выражается в том, что человек ограничивает употребление определенной части известной ему лексики в тех или иных ситуациях исходя из различных причин (нежелание оскорбить собеседника, вызвать в сознании неприятные ассоциации и проч.). Но поскольку вещи и явления, которые табуируются, реально существуют, и о них так или иначе приходится говорить, появляется потребность в использовании особых приемов их обозначения. Один из таких приемов — употребление эвфемизмов.

Под эвфемизмом понимается «слово или выражение, служащее в определенных условиях для замены таких обозначений, которые представляются говорящему нежелательными, не вполне вежливыми, слишком резкими» [8]. О. С. Ахманова дает следующую характеристику эвфемизма — это «троп, состоящий в непрямом, прикрытом, вежливом, смягчающем обозначении какого-либо предмета или явления» [2. С. 521]. Согласно словарю Merriam-Webster Dictionary, «euphemism is the substitution of an agreeable or inoffensive expression for one that may offend or suggest something unpleasant» [10] (замена выражения, которое может оскорбить или намекнуть на что-то неприятное, другим, приемлемым или неоскорбительным выражением [перевод наш. — А. О.]).

Рассмотрим примеры использования эвфемизмов в сфере профессиональной коммуникации.

В речи медицинских работников широко употребляются эвфемизмы для обозначения тех или иных болезней (например, *алопеция* вместо *облысение*) или проявлений человеческой физиологии (*урина* вместо *моча* и т. д.). В коммуникации сотрудников силовых структур (армии, полиции и т. п.) также представлены случаи замены тех или иных слов, но по несколько другим причинам. Например, в английском *ill* (больной) — вместо *arrested* (арестованный), в русском *задержать* — вместо *арестовать*. В данной сфере эвфемизмы используются преимущественно в конспиративных целях, а также для маскировки неприятных явлений в глазах общественности.

Соглашаясь с В. П. Москвиным, отметим, что для системного изучения проявлений эвфемии необходимо уточнить само понятие эвфемизма и отграничить его от смежных явлений. В частности, следует дифференцировать эвфемизмы и криптолалию (криптологию [7. С. 107]), или тайноречие, как два самостоятельных явления, выполняющих разные функции [6. С. 60–61].

В профессиональной коммуникации эти два явления также необходимо различать. «Эвфемизм — благоречие, вежливое выражение (порой мнимо вежливое), смягчающее прямой смысл резкого, грубого или интимного высказывания» [4. С. 374]. Тайный язык или тайноречие — это язык особых социальных групп, создаваемый в целях замкнутого общения в пределах данной группы» и «непонятный для тех слоев общества, которые не входят в данную социальную группу» [2. С. 106–107]. Таким образом, замену прямых наименований общими (например, *город N*) в речи военных, используемую с целью сокрытия ценной информации, или употребление терминов и латинизмов в речи врачей, пытающихся скрыть от пациентов предмет своего разговора, не стоит относить к эвфемизмам.

Для того чтобы отнести то или иное слово к эвфемизмам или криптолалии, необходимо учитывать контекст и ситуацию использования. Например, одно и то же слово во врачебной практике можно квалифицировать как эвфемизм в одном случае и тайноречие — в другом. Сравните ситуации, когда врач говорит больному, что у него педикулез, и больной понимает значение этого слова, и когда один врач говорит другому, что у больного педикулез, при условии, что пациент не знает значения этого термина. Во втором случае профессиональный термин используется отнюдь не для смягчения высказывания, а для сокрытия смысла передаваемого сообщения.

Использование эвфемизмов в медицине носит традиционный характер (с древних времен на употребление названий болезней или упоминание о смерти накладывалось табу). Кроме того, в медицинской практике часто обсуждаются такие явления природы и физиологии человека, упоминание о которых не принято в данном социуме или может вызвать у человека неприятные ощущения (ср. в рус. *летальный исход* — вместо *смерть*, *новообразование* вместо *опухоль*, в англ. *growth* «новообразование, опухоль» вместо *cancer* «рак»). Примечательно, что специальная терминология, носящая нейтральный характер, нередко преодолевает границы профессиональной сферы и переходит в обыденное употребление.

Основным способом образования эвфемизмов в медицине являются иноязычные заимствования, именно здесь «часто прибегают к латинским названиям болезней (заменяют русские слова латинскими синонимами) или употребляют особые медицинские термины (*это не чахотка, а tbc* (туберкулез)» [7. С. 106]. Другой распространенный способ — замена конкретного обозначения родовым понятием.

В среде работников силовых структур эвфемизация используется для вуалирования, сокрытия или смягчения истинных намерений и действий в глазах общественности. При этом очевидно влияние языка дипломатии, благодаря которому конкретные вещи и явления называются обобщенными и отвлеченными названиями. Сравните, например, в русском языке: *пойти на крайние меры, конфронтация* (когда речь идет о войне), *принцип взаимности* (правило «око за око»), *высшая мера* (о смертной казни), в английском языке: *eliminate* — устранить (вместо *kill* — убить), *conflict* — конфликт (вместо *war* — война), *Vietnam efforts* — вьетнамские усилия (вместо *war in Vietnam* — война во Вьетнаме), *electronic surveillance* — электронное наблюдение (вместо *illegal wiretapping* — незаконное прослушивание). Этот вид эвфемизмов используется «с целью искажения или маскировки подлинной сущности обозначаемого» [1. С. 590].

В речи военных и сотрудников органов разведки также очень часто можно встретить и криптолалию, при этом важно не путать ее с эвфемизмами, поскольку они применяются в разных функциях и для различных целей. Например, в английском *target* — объект (вместо *цель наблюдения*) или *ill* — больной (вместо *арестованный*) используются скорее для сокрытия истинного смысла слов и больше похожи на профессиональную криптолалию. Для данной сфе-

ры коммуникации наиболее характерным способом образования эвфемизмов является замена слов родовым понятием.

Таким образом, при изучении эвфемизмов, функционирующих в профессиональной коммуникации, важно отличать данное явление от смежных феноменов. Специфика образования и использования эвфемизмов во многом зависит от особенностей конкретной профессиональной среды, от целей и задач профессиональной деятельности в целом.

Список литературы

1. Арапова, Н. С. Эвфемизмы // Лингвистический энциклопедический словарь. М. : Сов. энцикло., 1990. С. 590.
2. Ахманова, О. С. Словарь лингвистических терминов. М. : Сов. энцикл., 1969.

3. Брунова, Е. Г. Пространственные отношения в архаичной языковой модели мира: (лексико-этимол. и лингвокультурол. исслед.). Тюмень : Изд-во ТюмГУ, 2007.

4. Квятковский, А. Поэтический словарь. М. : Сов. энцикл., 1966.

5. Крысин, Л. П. Эвфемизмы в современной русской речи // Русистика. 1994. № 1–2. С. 28–49.

6. Москвин, В. П. Эвфемизмы: системные связи, функции и способы образования // Вопр. языкознания. 2001. № 3. С. 58–70.

7. Реформатский, А. А. Введение в языковедение. М. : Аспект Пресс, 1996.

8. Русский язык. Энциклопедия / гл. ред. Ф. П. Филин. М. : Сов. энцикл., 1979.

9. Сеничкина, Е. П. Словарь эвфемизмов русского языка. М. : Флинта : Наука, 2008.

10. Merriam-Webster Dictionary online [Электронный ресурс]. URL: <http://www.merriam-webster.com>

Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 33 (248).

Филология. Искусствоведение. Вып. 60. С. 111–113.

И. Н. Потеряхина

ЯЗЫКОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ КОРПОРАТИВНЫХ САЙТОВ

В статье анализируются особенности структурирования и языкового оформления официальных корпоративных сайтов, выявляются основные тенденции и факторы развития языка интернет-коммуникации.

Ключевые слова: язык Интернета, корпоративный сайт, электронная коммуникация.

Исследователи языка Интернета редко уделяют должное внимание корпоративным сайтам. Между тем, корпоративный сайт — это полноценное представительство компании в Интернете. В первую очередь это имиджевый ход, который должен запоминаться клиентам и партнерам уникальным дизайном, удобством в использовании, функциональностью и гибкостью в управлении. Грамотно сделанный корпоративный веб-сайт компании — мощный инструмент продвижения предлагаемых компанией товаров и услуг, привлечения потенциальных клиентов и поиска деловых партнеров. Следовательно, трудно переоценить ту роль, которую играет язык корпоративных сайтов в решении многообразных коммуникативных задач. Данный язык вписывается в рамки деловой коммуникации, которая подвергается определенным изменениям, поскольку Интернет представляет собой новую коммуникативную среду [1].

Основными конститuentами официального сайта корпорации являются функциональность, текст и дизайн. В центре внимания настоящей работы находятся языковые особенности текстов корпоративных сайтов.

Именно текст корпоративного сайта является главным источником информации и рекламного воздействия на клиента. Однако при его создании следует учитывать, что чтение с экрана монитора осуществляется иначе, чем с листа бумаги, и в этом основная особенность текста корпоративного сайта.

Английский язык, обслуживающий Интернет и компьютерные технологии от момента их появления, играет особую роль в развитии виртуальной среды, в том числе корпоративных сайтов. Не случайно многие исследования, посвященные особенностям компьютерно-опосредованной коммуникации (от англ. computer-mediated communication), проводились на основе

Британского национального лингвистического корпуса [3]. Для изучения языковых особенностей и основных тенденций структурирования информации на официальных сайтах корпораций нами были выбраны англоязычные корпоративные сайты таких общеизвестных компаний, как Microsoft Worldwide Home, Intel, McDonalds.com, The Coca-Cola Company.

Структура официального сайта корпорации, как правило, включает главную страницу с самой общей или актуальной информацией (микроуровень) и следующие основные разделы (эксплицирована макроструктура всей представленной на сайте информации): «*About/Our Company*», «*Investors*», «*Products*», «*Careers*», «*Press Center*»/«*Media Center*», «*Contact Us*». Такое разнообразие позволяет посетителю выбрать разделы, которые соответствуют цели его посещения. Выбор слов для названий рубрик на главной странице детерминирует статус и функции посетителей, разделяя их на потенциальных покупателей, потенциальных партнеров и потенциальных инвесторов.

Основные разделы корпоративного сайта представляют иерархичную структуру: каждый раздел содержит несколько подразделов, что позволяет легко ориентироваться в пространстве сайта и быстро находить информацию о компании, ее товарах и услугах.

Весь объем информации на сайте, как правило, разбит на небольшие тексты, которые нелинейно связаны между собой гиперссылками, благодаря чему текст становится открытым. Каждый отдельный посетитель формирует траекторию знакомства с информацией самостоятельно, в соответствии с уровнем своих знаний. Краткий, на первый взгляд, текст может содержать несколько гиперссылок, позволяющих читателю при желании увеличить объем информации. В результате позиция адресата с пассивной, свойственной письменной речи, меняется на активную, ставшую возможной благодаря электронным технологиям. Читатель сам регулирует объем и порядок получения информации и может быстро реагировать на нее.

Таким образом, электронный вариант подачи материала позволяет квантифицировать информацию, облегчая восприятие текстов большого объема. Тексты удобны для беглого ознакомления — наряду с заголовком посетителю сайта предлагается развернутый подзаголовок или первые несколько предложений, с тем чтобы он мог сразу оценить ценность/релевантность представленной информации.

Важную роль в организации текста играют формально-типографские знаки. Перечисления часто даются в виде списка, содержащего короткие предложения, что нарушает равномерность текста и облегчает восприятие важной информации. Ключевые слова и словосочетания, которые наилучшим образом иллюстрируют мысль, выделяются более жирным шрифтом, размером кегля или цветом.

Изучение интернет-языка, в том числе особенностей языкового оформления корпоративных сайтов, дает важные сведения о функционировании английского языка в электронной среде, о характере различий между устной, письменной и электронной речью.

В проанализированных нами текстах виртуальной коммуникации приемы воздействия на читателя, свойственные письменной речи (употребление повелительного наклонения и однородных членов предложения), объединяются с приемами, ставшими возможными в виртуальном (цифровом) пространстве.

Основными тенденциями развития языка электронного корпоративного общения являются стремление к языковой экономии, например, путем аббревиации: «*the Coca-Cola system is advancing global momentum at the CAGE (Consumer Analyst Group of Europe)*», «*The Civic Action Network (CAN) is a non-partisan grassroots network of citizens and businesses*» [7], и совмещение особенностей устной и письменной речи: «*Delicious and only a dollar? You bet!*» [6]. Приведенный пример демонстрирует употребление разговорной лексики и диалогичность, свойственную устной речи. В результате влияния этих тенденций, по мнению ученых, в электронной среде постоянно возникают новые формы общения, которые, в свою очередь, влияют на особенности интернет-языка.

Среди языковых инноваций в электронной среде, и в частности в текстах корпоративных сайтов, следует отметить появление большого количества слов и словосочетаний для обозначения типичных ситуаций, операций и действий. На сайтах Microsoft и Intel находим следующие примеры: *View the latest figures online; To visit the Web site of any Microsoft Worldwide Office, choose from the drop-down list; choose the location for which you want contact information*, — описания, необходимые только в электронной коммуникации: просмотр он-лайн, выбор вариантов из меню [2]. Это позволяет считать язык электронной коммуникации одной из самых насыщенных неологизмами сфер современного английского

языка, где активно используется его творческий потенциал.

Если говорить об особенностях синтаксиса, следует отметить, что в текстах корпоративных сайтов часто используется повелительное наклонение, побуждающее клиента-посетителя к активным действиям или облегчающее его навигацию:

«*Visit the site*», «*Learn more*», «*Stay informed*», «*Sign up for our monthly email newsletter*» [7];

«*Find out what Intel is creating right now and how our technology continually challenges the concept of what's possible*» [5];

«*Learn how we've created a unique environment where innovation lives in everything we do*» [5].

Данные примеры языкового оформления корпоративных сайтов демонстрируют операционный характер текстов: они мотивируют читателя к прочтению.

Подводя итоги, подчеркнем, что корпоративные сайты дают богатый исследовательский ма-

териал, глубокое всестороннее изучение которого позволит приблизиться к пониманию многих аспектов профессиональной коммуникации в современном деловом сообществе.

Список литературы

1. Бурас, М. М. Язык корпоративных сайтов: игра, пародия, провокация [Электронный ресурс] / М. М. Бурас, М. А. Кронгауз. URL: <http://www.dialog-21.ru/dialog2007/materials/html/17.htm>
2. Иванов, Л. Ю. Язык в электронных средствах коммуникации // Культура русской речи. М.: Флинта: Наука, 2003. С. 791–793.
3. Crystal, D. Language and the Internet. Cambridge: Cambridge University Press, 2001. 272 p.
4. URL: <http://www.microsoft.com/worldwide/>
5. URL: <http://www.intel.com/>
6. URL: <http://www.mcdonalds.com/us/en/home.html>
7. URL: <http://www.thecoca-colacompany.com/index.htm>

Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 33 (248). Филология. Искусствоведение. Вып. 60. С. 113–115.

Е. Г. Прончатова

ОСОБЕННОСТИ ПРОСТРАНСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ В РЕКЛАМНОМ СУБДИСКУРСЕ

Статья посвящена анализу пространственных отношений в рекламном тексте. Источником текстового материала послужили печатные издания федерального («Аргументы и факты», «Комсомольская правда», «Жизнь» и др.) и регионального уровня («Вечерний Оренбург», «Южный Урал», «Оренбургская неделя» и др.).

Ключевые слова: рекламный субдискурс, коммуникация, текст, пространство, время.

В современном гуманитарном знании существует представление о тексте как центральном звене, связывающем язык и мышление, язык и общество, язык и культуру. В силу исторических обстоятельств последние полтора десятилетия в фокус внимания исследователей попадают тексты, отвечающие динамичному ритму современной жизни, — тексты средств массовой информации, в том числе тексты рекламы — нового для России жанра массовой коммуникации.

Активное развитие практики рекламного творчества обусловило интерес лингвистов к теоретическому осмыслению речевых произведений, функционирующих в сфере рекламы.

Согласно Федеральному закону «О рекламе» (от 13.03.2006 № 38–ФЗ), под *рекламой* понима-

ется информация, распространенная любым способом, в любой форме и с использованием любых средств, адресованная неопределенному кругу лиц и направленная на привлечение внимания к объекту рекламирования, формирование или поддержание интереса к нему и его продвижение на рынке.

Реклама представляет собой особый вид коммуникации, характерной особенностью которой является фактор воздействия, требующий использования особых механизмов, с помощью которых реализуется основная цель любой рекламы — привлечение внимания и побуждение к действию. Высокая степень воздействия рекламы на сознание человека очевидна. Эффект воздействия определяется правильным и точным

информационным содержанием рекламного сообщения.

Категория пространства — важнейшая часть логической организации текста, его структуры. Рассматривая пространственные обозначения в языке, стоит упомянуть и основные понятия, от которых берут свое происхождение пространственные номинации.

По мнению В. Г. Гака, лишь четыре понятия «человек — дом — страна — мир» способствуют переходу из непространственных сфер значений в пространственные, т. е. способствуют входу в пространство [2. С. 127]. *Теперь недалеко от дома. Нико-Банк; Покупай не выходя из дома. Quelle; В масштабах страны в интересах каждого. Газпромбанк; Балтика 7 теперь в 49 странах.* Переход в названные сферы подтверждает **осязаемость** и **конечность** пространства в силу выделения участка пространства в некоторых границах.

Воспринимаемое человеком пространство **растяжимо**, что позволяет приписать пространству самые разные размеры и масштабы, например, отождествляя его с миром [3. С. 26]. *Отправить и получить денежный перевод возможно по всему миру. Золотая Корона; Лови позитив! Взгляни на МИР по-новому. Рекламное агентство МИР; Услуга Мир без границ. МТС.* Частотность и семантические корреляции слова *мир* в языке рекламы свидетельствуют о таком явлении современной действительности, как глобализация.

Пространственное восприятие всегда имеет **антропоцентрическую ориентацию**. «Оно организуется вокруг человека, ставящего себя в центр микро- и макрокосмоса» [2. С. 134]. *Всё ещё кипятите? Тогда мы идём к вам! Tide; «Твое время» настало. Наконец-то пришло наше время. Мегафон.*

Чрезвычайно актуальны в рекламной лексике указания на **длительность** процессов и **протяженность** материальных образований. Числительные в лексической структуре рекламного текста четко и понятно указывают на длительность событий, действий. *Цетрин действует быстро — через 20 минут после приема; «А/Д-Норма» С нормальным давлением проживешь до ста лет! Инновационные формулы «Биоритм» защищают Вас 24 часа в сутки; Как в 50 выглядит на 35? Эвалар Ци-клим; Тушь, стимулирующая рост ресниц. Ресницы ещё длиннее за 30 дней! Pupalash.* Таким образом, стандартно-бытовое пространство **поддается измерению**.

Ярким выражением пространственных отношений являются *глагольные формы*. Глаголы активизируют воображение, вызывая в сознании зрительные образы, придают рекламному слогану динамический характер, формируя структурно-семантический пласт высказывания. *Якобс Монарх — аромагия сближает; Меняйся. Не отставай. COLIN'S.* Форма повелительного наклонения глаголов способствует побуждению к действию, к движению. *Тарифная опция «Продли скорость». Мегафон; Подготовьтесь к лету. Кондиционеры Panasonic.* Глагольная семантика обеспечивает возникновение информативной суггестивности.

С движением, в конечном счете, связано и такое обозначение времени, как *час*: данное слово легко сочетается с глаголами *бежать, спешить, лететь*, которые в этом случае актуализируют быстротечность времени. Так, слово «час» в большинстве случаев обозначает единицу времени, а само время мы преимущественно осознаем как способ существования материального мира. С другой стороны, слово «время» может иметь и более узкий смысл, синонимичный семантике слова «пора»: *время собирать урожай, время отдыхать; время подумать о себе.*

Идея времени тесно связана с понятием динамической смены состояний. Действительно, время мыслится нами как однонаправленный вектор, передающий графический аналог непрерывного смещения временных планов (*прошедшего, настоящего и будущего*). Таким образом, в наших представлениях время — это поток, вектор, последовательность [4]. Все эти понятия обозначают те изменения, которые возможны лишь в **трехмерном** пространственном мире. Итак, время, действие, пространство — это неразрывно связанные аспекты бытия. *Ваша будущая пенсия с плюсом. Программа государственного софинансирования пенсии; Мы строим будущее. Квартиры в микрорайоне «Степные просторы»; 15 лет мы помогаем своим клиентам создавать будущее. Сбербанк России; Мегафон — Будущее зависит от тебя.*

Пространственные и временные отношения могут репрезентироваться и через дейктические наречия и местоимения (*тут, там, здесь, везде, всюду, повсюду* и др.). Под дейксисом обычно понимается указание на такие элементы ситуации, как говорящий, собеседник, время и место, а также на всё то, что может быть обозначено как непосредственно относящееся к акту речи [1. С. 116]. *Живи сейчас! Интернет-газета; «Меня там нет» Биографическая драма; Радоваться*

жизни здесь и сейчас. Женский клуб «Астра»; Одной ногой тут, другой там. Кроссовки Mizuna от АитарВВДО.

Одним из средств выражения пространственного дейксиса в рекламных текстах являются конструкции предложно-падежных форм имени в сочетании с предлогом: *Один банк на все направления. ВТБ 24; В масштабах страны, в интересах каждого. Газпромбанк; Акция «Везде как дома». Роллтон; Теперь недалеко от дома. Нико-Банк.*

В текстах встречаются подобные конструкции со словами, включающими в свою семантику и временную сему: *Аденома: как за несколько минут избежать операции. Ликолам; Когда на счету каждая секунда, Тирет Турбо устранил засор за 5 минут, устранил засор быстро.*

Такие словосочетания как нельзя наиболее ясно репрезентируют категорию пространства, вовлекая воображение и сознание читателя в активный процесс идентификации себя в мире.

Универсальность дейксиса заключается в том, что речевой процесс невозможно представить без дейктических единиц, ориентированных на говорящего и слушающего, высказывание не может быть произнесено вне указания на пространство и время. В приведенных примерах можно отметить два аспекта сферы дейксиса: указание на предмет речи и указание на пространствен-

ную локализацию сообщаемого факта (что является частью хронотопического дейксиса).

Исследование пространственных отношений в структуре рекламного текста позволяет сделать коммуникацию между адресантом и адресатом более эффективной, так как рекламное сообщение в этом случае отвечает на два наиболее важных вопроса *где?* и *когда?*

Изучение лексической репрезентации пространственных отношений позволяет представить хронотоп рекламы и выявить концептуальную пространственно-временную модель этого жанра речевой коммуникации, что позволит в дальнейшем продуцировать более точные с точки зрения «идеального адресата» рекламные тексты.

Список литературы

1. Вольф, Е. М. Грамматика и семантика местоимений. М. : Наука, 1974. 224 с.
2. Гак, В. Г. Пространство вне пространства // Логический анализ языка. Языки пространств. М. : Языки рус. культуры, 2000. С. 127–134.
3. Кубрякова, Е. С. Язык пространства и пространство языка (к постановке проблемы) // Изв. РАН. Сер. лит. и яз. 1997. Т. 56, № 3. С. 22–31.
4. Яковлева, Е. С. Фрагменты языковой картины мира: (модели пространства, времени и восприятия). М. : Гнозис, 1994.

Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 33 (248). Филология. Искусствоведение. Вып. 60. С. 115–117.

А. В. Прохоров

МЕТАФОРИКА СОВРЕМЕННОЙ РЕКЛАМЫ

В статье рассматривается метафорическое представление объекта рекламы. Метафорическая модель «объект рекламы — это человек» анализируется на материале русско- и англоязычных рекламных текстов.

Ключевые слова: *концептуальная метафора, реклама, объект рекламы.*

В лингвистике последних десятилетий широкое распространение получила **теория концептуальной метафоры**, основоположниками которой являются Дж. Лакофф и М. Джонсон. Концептуальная метафора определяется Лакоффом и Джонсоном как понимание одних сущностей в терминах других [3. Р. 5]. В русле когнитивной лингвистики метафора рассматривается как основная ментальная операция, как способ познания, структурирования и объясне-

ния мира (Дж. Лакофф, М. Джонсон, Н. Д. Арутюнова, А. Н. Баранов, Ю. Н. Караулов, Е. С. Кубрякова, В. В. Петров, А. П. Чудинов и др.).

Концептуальными метафорами принято называть устойчивые соответствия между исходной понятийной областью и новой понятийной областью, которые находят отражение в культурной и языковой традиции данного общества. Так, для европейской культуры концептуальными метафорами выступают такие

устойчивые соответствия, как ВРЕМЯ — это ДЕНЬГИ, СПОР — это ВОЙНА, ЖИЗНЬ — это ПУТЕШЕСТВИЕ и др. [3].

Специфика реализации концептуальных метафор исследуется на материале различных типов дискурса, например, *политического* (Дж. Лакофф, Э. В. Будаев, А. Б. Ряпосова, А. М. Стрельников, А. П. Чудинов, О. А. Шаова, Е. О. Шибанова и др.), *экономического* (Н. Ю. Бородулина, Е. В. Колотнина, Е. О. Шибанова), *рекламного* (С. Lundmark, К. Tanaka), *публицистического* (О. Г. Орлова), *медицинского* (С. Г. Дудецкая, В. Ф. Новодранова), *поэтического* (Е. Б. Рябых) и др.

Особая роль концептуальной метафоре отводится в *рекламном дискурсе*. Копирайтеры прибегают к метафорическому описанию при представлении рекламируемого объекта и его характеристик, которые могут рассматриваться как значимые для адресатов рекламного текста. Концептуальная метафора предоставляет возможность наряду с эксплицитными передавать имплицитные смыслы. Концептуальная метафора обладает значительным манипулятивным потенциалом, служит средством формирования оценочных смыслов в сознании рекламной аудитории.

Анализ русско- и англоязычных рекламных текстов позволил выделить метафорическую модель ОБЪЕКТ РЕКЛАМЫ — это ЧЕЛОВЕК. В процессе реализации данной модели оказываются задействованными и переосмысленными различные участки концептуальной сферы ЧЕЛОВЕК. Данная модель особенно частотна в текстах рекламы автомобилей. Автомобиль может описываться как существо, обладающее, например, сознанием, зрением, сердцем, характером: *Он понимает, куда вы свернете... Он видит, когда вам нужно помочь... Ваш Passat знает, чего хотите вы...* (За рулем, июнь 2011 — реклама Volkswagen Passat); *Сердце Continental Flying Spur — феноменальный 560-сильный 6-литровый двигатель с двойным турбонаддувом, самый мощный в мире серийный автомобильный мотор.* <...> (Top Gear, октябрь 2008); *Успех в его характере.* Новый Audi A6 (Top Gear, октябрь 2008).

Процесс образования концептуальных метафор по модели ОБЪЕКТ РЕКЛАМЫ — это ЧЕЛОВЕК заключается в определении сходств, аналогий между двумя понятийными областями, в актуализации различных концептуальных характеристик исходной понятийной области ЧЕЛОВЕК и их переносе на рекламируемый

объект, в новую понятийную область ОБЪЕКТ РЕКЛАМЫ. Основываясь на широком круге знаний человека о самом себе, собственном опыте, создатели рекламного текста приписывают объекту рекламы характеристики, обычно используемые при описании человека, его внешних и внутренних качеств и т. д. (подробнее см. [1; 2]).

С целью выделения основных концептуальных характеристик понятийной области ЧЕЛОВЕК мы обратились к словарным толкованиям существительных *человек* и *man, person, human being*, репрезентирующих концепт «человек» соответственно в русском и английском языках. На основании словарных толкований данных существительных были выделены следующие концептуальные характеристики понятийной области ЧЕЛОВЕК: *наличие интеллекта; характеристики внешнего вида; физическая сила; деление по половому признаку: мужчина, женщина; характер как совокупность свойств и качеств человека; определенное социальное положение, принадлежность к социальной группе; род занятий, профессиональная принадлежность.*

Далее мы рассмотрим метафорическое переосмысление некоторых из перечисленных выше концептуальных характеристик понятийной области ЧЕЛОВЕК на материале текстов рекламы.

Примером метафорического переосмысления концептуальной характеристики «интеллект» понятийной области ЧЕЛОВЕК является следующий рекламный текст: *Гений чистоты. Пылесос De'Longi Aqualang WF 1500E. Техника, которая знает, что делает. Некоторые вещи умнее других. Например, стильный пылесос Aqualang WF 1500E от Де Лонги, который не только чистит ковер и пол, но — внимание! — очищает воздух с помощью двух НЕРА-фильтров, применяемых в современных очистителях воздуха. При необходимости он соберет даже разлитую воду. Экологично и быстро. Всем бы так работать* (Вокруг света, февраль 2003, № 2 — реклама пылесоса De'Longi Aqualang WF 1500E). Актуализация концептуальной метафоры в данном случае осуществляется за счет использования следующих лексических единиц: существительных (*гений*), прилагательных (*умнее других*) и глаголов (*знает, что делает*). В других примерах мы встречаем следующие метафорические описания объекта рекламы: *умный макияж* (о крем-пудре), *привилегия интеллекта*. Audi наделен мощным *интеллектом* (об автомобиле Audi), *привилегия умного автомобиля* (об автомобиле Volkswagen) и т. д.

Метафорическое представление объектов рекламы может базироваться на переосмыслении концептуальной характеристики «**внешний вид**» понятийной области ЧЕЛОВЕК и ее переносе в понятийную область ОБЪЕКТ РЕКЛАМЫ. На языковом уровне данная метафора реализуется за счет следующих лексических единиц: *внешность; эталон безупречного вкуса; синоним стиля; превосходное чувство стиля; совершенство формы; неординарная; элегантный*, которые обычно используются для описания внешности человека: *Всегда и везде в центре внимания новый Colt. Неординарная, яркая внешность... Совершенство формы и содержания... Это новый Mitsubishi Colt, эталон безупречного вкуса и новый синоним стиля* <...> (Cosmopolitan, октябрь 2004 — реклама автомобиля Mitsubishi Colt); *Ford Mondeo. Совершенство в форме. Уверенность в характере* <...> *Мощь двигателей нового поколения и исключительная динамика заявляют об уверенном характере, а безупречные линии подчеркивают совершенство формы и превосходное чувство стиля. Элегантный, стремительный, великолепно управляемый Ford Mondeo: стоит увидеть однажды, и Вы уже не сможете отвести взгляд* (Клаксон, июль-август 2006, № 15).

На аналогии между силой человека и мощностью автомобиля базируется концептуальная метафора в следующем рекламном тексте: *The new Infinity M45. The muscle car with brain. 340-horsepower V8 0-60 in 6.1 seconds* (Scientific American, November 2002, № 11). В данном примере метафорическое переосмысление получает характеристика «**физическая сила**» понятийной области ЧЕЛОВЕК. На языковом уровне концептуальная метафора реализуется посредством сочетания *muscle car*.

Примерами актуализации концептуальной характеристики «**пол**» понятийной области ЧЕЛОВЕК являются следующие примеры: *Новый RAV 4. Стиль — свободный! Новый RAV 4. За его мужественной внешностью стоят универсальные возможности.* <...> (Клаксон, июнь 2006, №11 — реклама Toyota Rav 4); *Плавные линии, легкий характер... Ее легко заметить в потоке, она притягивает взгляд. С ней хорошо днем и увлекательно ночью. Она всегда рядом и готова поддержать в любую минуту. Город не может отвести от нее глаз.* <...> *Она соз-*

дана для города, а город создан для нее. LADA Kalina. Наш город, кажется, влюбился (Тюнинг, октябрь 2005, № 10).

В основе метафорического переосмысления характеристики «**социальное положение**» лежат знания о возможной принадлежности человека к определенной социальной группе. В следующем примере объект рекламы (автомобиль) осмысливается как принадлежащий к высшему привилегированному слою общества, на что указывает лексическая единица «аристократ»: *Rover 75. Рожденный аристократом* (Клаксон, август-сентябрь 2002, № 16).

При метафорическом переносе ОБЪЕКТ РЕКЛАМЫ — это ЧЕЛОВЕК оказывается задействованной концептуальной характеристикой «**объединение людей по общности интересов**» понятийной области ЧЕЛОВЕК. Данная концептуальная метафора реализуется в тексте рекламы за счет использования следующих сочетаний: *верный, надежный друг; надежный помощник; лучший компаньон; попутчик; работает за троих* и т. д., например: *UAZ Patriot. Бывает, что в одиночку — никак не справиться... когда нужно проявить характер, быстро принять верное решение... когда взаимопонимание — на вес золота... поможет он — верный, надежный друг* (Авто мир, 15 октября 2005, № 42); *Mutlu — попутчик, которому стоит доверять* (За рулем, октябрь 2004, № 10 — аккумуляторы Mutlu).

Рассмотренная метафорическая модель ОБЪЕКТ РЕКЛАМЫ — это ЧЕЛОВЕК позволяет копирайтерам в оригинальной и доступной форме представить объект рекламы, его свойства и характеристики, значимые для потребителей. Используемые концептуальные метафоры призваны стать эффективным средством воздействия на представление и мнение в отношении рекламируемого объекта.

Список литературы

1. Прохоров, А. В. Метафорика современного рекламного текста // Полит. лингвистика. 2009. № 2 (28). С. 133–137.
2. Прохоров, А. В. Обусловленность процессов инференции импликатурами рекламного текста : автореф. ... канд. филол. наук. Тамбов, 2006.
3. Lakoff G. Metaphors We Live By / G. Lakoff, M. Johnson. Chicago, L. : The University of Chicago Press, 1980.

ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ ОБЩЕНИЕ И СФЕРА СЕРВИСА

В статье рассматриваются особенности профессионального общения в сфере услуг. Выявляются современные тенденции профессиональной коммуникации, обсуждаются профессиональные качества работников, соответствующие требованиям рыночной экономики и национально-культурным традициям России.

Ключевые слова: профессиональная коммуникация, модели речевого поведения, управление общением, коммуникативная профессия.

Коммуникация и язык являются неотъемлемыми компонентами всех областей профессиональной деятельности. Последние 30 лет характеризуются повышенным вниманием лингвистов к вопросам коммуникации в профессиональной сфере, где можно говорить о профессиональном или непрофессиональном общении. Это относится в первую очередь к областям, в которых умение общаться предполагается как основное и необходимое условие успеха профессиональной деятельности. Здесь должны работать профессиональные коммуникаторы, то есть специалисты, имеющие многообразные варианты речевого поведения и осознанно отбирающие их в зависимости от ситуации для достижения поставленных целей.

Внимание к речевому поведению специалистов сферы «человек — человек» как одной из важных составляющих профессионализма обострилось в последние годы по многим причинам, назовем лишь некоторые из них: во-первых, развитие науки и новых технологий привело к узкой специализации во многих отраслях, что обусловило появление большого количества терминов, затрудняющих коммуникацию; во-вторых, благодаря рыночным отношениям и избытию товаров и услуг, практически не отличающихся качеством, все чаще в качестве основного критерия покупательского выбора выступает «речевое оформление» процесса приобретения; в-третьих, общая тенденция смещения фокуса внимания на человека, в том числе в основной сфере его жизнедеятельности — трудовой; в-четвертых, выделение корпораций со сформировавшейся культурой [3. С. 8].

Сфера сервиса, или более раннее и привычное сочетание «сфера услуг», как особый вид экономической деятельности появилась на самых ранних этапах развития человечества. Уже в античном обществе существовал широчайший спектр сервисных видов деятельности, почти полностью совпадающий с современным — транспорт,

торговля, наука, здравоохранение, образование, финансы, искусство, туризм, шоу-бизнес и т. д. Лишь в XIX–XX вв. к ним добавились немногие относительно новые виды — связь, некоторые виды маркетинга, аудит.

Вплоть до середины XX в. сфера услуг считалась относительно второстепенной экономической деятельностью. Хотя она охватывала весьма значительную долю работников (см. таблицу), но это были в основном работники с более низким уровнем квалификации (особенно в сфере торговли — самой большой отрасли сервиса).

Перелом произошел в эпоху НТР. Не случайно многие обществоведы называют зарождающееся постиндустриальное общество *сервисным*. Если ранее степень развития сферы услуг зависела от успехов материального производства, то теперь, наоборот, материальное производство зависит от развития сервиса. Скажем, выпуск нового вида любого материального товара требует предварительных маркетинговых исследований и рекламной компании. Изобретение новых, наукоемких товаров невозможно без участия научных работников и подготовки системой образования высококвалифицированных специалистов. Именно отрасли сферы услуг (наука, образование, интернет-торговля и т. д.) стали главными направлениями научно-технического прогресса.

В современных развитых странах сервисная занятость (порядка 70 % всех работников) заметно преобладает над занятостью в других сферах экономики вместе взятых (см. табл.). Поэтому одним из критериев развертывания НТР является абсолютное доминирование занятости в сфере услуг над занятостью в материальном производстве [5].

Все ранее сказанное свидетельствует о важности исследований, в том числе и лингвистических, в области сервиса, особенно для России. Современная Россия по степени развития сферы услуг занимает промежуточное положение между развитыми и развивающимися странами.

**Структура занятости экономически активного населения
по основным секторам экономики, %**

Годы	Доля занятых		
	В сельском хозяйстве	В промышленности	В сфере услуг
ВЕСЬ МИР			
1900	66,3	13,7	20,0
1950	58,2	16,4	25,4
2000	33,3	18,1	48,6
РАЗВИТЫЕ СТРАНЫ			
1900	30,9	20,0	43,1
1950	13,1	39,8	58,1
2000	3,6	26,3	70,7
РАЗВИВАЮЩИЕСЯ СТРАНЫ			
1900	81,1	1,1	11,8
1950	77,0	9,1	13,9
2000	40,7	16,0	43,3
РОССИЯ			
1900	58,6	27,4	13,8
1950	36,7	36,8	26,5
2000	13,1	30,0	56,9

С одной стороны, в 1990-е гг. в крупных городах (особенно в Москве и Санкт-Петербурге) наблюдается стремительное приближение к западным стандартам развития сервиса. С другой стороны, в российской «глубинке» сфера услуг развивается в формах, более близких к странам «третьего мира» — (неформальная организация бизнеса, широкое использование малоквалифицированного труда, нехватка наукоемких услуг).

Российский сервис только становится на ноги, и на этапе его формирования весьма значимо установить те формы речевого и невербального поведения, которые с национально-культурной точки зрения могли бы быть признаны отвечающими требованиям современного общества [2. С. 222].

Профессиональным качеством человека, представляющего сферу услуг, должно быть внимание к каждой человеческой личности независимо от места в обществе и роли, уважение к человеку как таковому, овладение искусством воздействия на клиента, налаживания партнерских отношений, способность к творчеству в складывании взаимоотношений. Недаром сферу услуг иногда еще называют службой хорошего настроения, хотя именно она имеет целый ряд негатив-

ных сторон, к которым нужно готовить работника заранее. На примере торговли их выявил Э. Э. Линчевский [1. С. 12–17].

В исследовании Е. В. Харченко выявлены модели вербального поведения для сферы торговли и услуг. Эта сфера деятельности человека благоприятна для подобных исследований, поскольку при предоставлении какой-либо услуги особое внимание клиента обращено именно на речь (услуга является часто нематериальной, ее нельзя увидеть и потрогать, а следовательно, и оценить, особенно заранее). Сервис — это прежде всего то впечатление, которое остается у клиентов после встречи с сервисодателем.

Сознательное управление общением, прогнозирование результатов контакта, создание условий для оптимального взаимодействия с собеседником становится в коммуникативных профессиях не просто насущной необходимостью, а качеством, по которому оценивают уровень не только конкретного специалиста, но и всей организации (фирмы, завода, холдинга и под.) в целом. Именно эффективное межличностное общение зачастую становится конкурентным преимуществом, позволяющим выиграть в тех сферах, где качество, цена и ассортимент

товаров и услуг все в большей степени дублируются. Коммуникативные сбои и конфликты непонимания в работе профессиональных коммуникаторов в сущности можно рассматривать как брак, поскольку профессиональное речевое поведение должно входить в число необходимых специальных умений и навыков.

Сегодня активно развивается относительно новая для России область деятельности — так называемый «душевный бизнес», который настоятельно требует пересмотра сложившегося в нашей культуре восприятия службы сервиса и сферы услуг как проявления лакейства и холуйства.

Показательным является и замена бездушных, казенных наименований тип «клиент», «потребитель» теплым словом «гость» в гостинично-ресторанном бизнесе, что, по сути, влияет и на само взаимодействие с посетителем, поскольку изменяет модель поведения сервисодателя. Клиент — это объект, которым можно манипулировать, гость же воспринимается в первую очередь как друг, это наименование обуславливает и поведение принимающей стороны, меняя роль «прислуги» и «обслуживающего персонала» на роль радушного хозяина [3. С. 9–10].

Профессиональная коммуникация в сфере услуг требует следующих социально-коммуникативных умений:

1) *умение наладить контакт с клиентом*: войти в разговор, выйти из разговора, понимать, когда и в каком направлении проявлять коммуникативную активность и под.;

2) *умение планировать общение*: определять задачу и сверхзадачу деловой коммуникации, перестраивать ее и корректировать по мере необходимости;

3) *умение моделировать поведение во время коммуникации*: расположение по отношению к собеседнику, очередность вступления в контакт (кому взять на себя инициативу разговора), темп и тембр речи, степень интимности беседы, ее громкость и экспрессивность, использование жестыкуляции и под.;

4) *умение реализовать план общения*: выбирать стиль общения и его необходимые регистры, полно и дифференцированно использовать языковые средства, владеть своим голосом;

5) *умение создавать в глазах клиента и поддерживать такой имидж*, который наиболее привлекателен и эффективен для данной ситуации [4. С. 138].

Список литературы

1. Линчевский, Э. Э. Социальная психология торговли. М., 1981. 152 с.
2. Харченко, Е. В. Клиентурное речевое поведение: межкультурные аспекты / Е. В. Харченко, Л. А. Шкатова // Языковое сознание: формирование и функционирование : сб. ст. М., 2003. 256 с.
3. Харченко, Е. В. Речевые модели поведения в профессиональном общении. Челябинск, 2003. 336 с.
4. Шкатова, Л. А. Этнопсихоллингвистика // Этнокультурная специфика языкового сознания: сб. ст. М., 2003. 256 с.
5. URL: www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/ekonomika_i_pravo/SFERA_USLUG.html

Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 33 (248). Филология. Искусствоведение. Вып. 60. С. 120–123.

Н. С. Скрипичникова

КЛЮЧЕВЫЕ КОНЦЕПТЫ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОМ ДИСКУРСЕ РАБОТНИКОВ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ

В статье рассматриваются особенности профессиональной коммуникации сотрудников правоохранительных органов, выявляются ключевые концепты в их профессиональном дискурсе.

Ключевые слова: *профессиональная коммуникация, концепт, профессиональный дискурс, профессиолект.*

Существуют различные точки зрения на определение понятия «профессиональная коммуникация»: коммуникация, в процессе которой конструируются профессиональные со-

общества, процесс возникновения взаимопонимания в определенной предметной области, процесс обмена информацией между специалистами. В контексте данной статьи под професси-

ональной коммуникацией будем понимать профессионально обусловленный процесс обмена информацией в познавательной-трудовой и творческой деятельности, направленной на профессиональное развитие, в ходе которого создаются профессиональные сообщества, характеризующиеся определенными нормами мышления, поведения и взаимодействия между членами сообщества.

Организованная на достаточно высоком уровне коммуникация специалистов любого профиля формирует профессиональную ментальность, под которой подразумевается способность индивида хранить знания, навыки, структуры, определяющие его принадлежность к определенному социуму. Профессиональные знания о правоохранительной деятельности на ментальном уровне представлены в виде концептуальных структур, элементами которых выступают профессиональные концепты [4].

Профессиональный концепт актуализируется в дискурсе, под которым мы понимаем вербально опосредованную коммуникацию. Именно здесь осуществляются все потенциальные реализации концепта. Задачей настоящей статьи является моделирование концептосферы профессионального дискурса работников правоохранительных органов, а именно сотрудников полиции, выявление ключевых для сферы их деятельности концептов.

Полиция как социальный институт является связующей нитью между разными слоями общества. Общаясь на разных уровнях, сотрудники полиции являются гарантом сохранения правовых и морально-этических норм жизни. Разносторонняя работа (общение с правонарушителями, воспитательная работа с несовершеннолетними, расследование преступлений, работа с населением и т. д.) и общение на всех уровнях профессиональной коммуникации неизбежно предполагают восприятие и оценивание разнообразных качеств, характеристик, свойств друг друга, соотнесение их с ценностями и нормами, которые непосредственно попадают в поле зрения.

В целом формирование и пополнение концептуальной сферы правоохранительных органов имеет долгую и сложную историю. Многие концепты, которые сегодня активно используются в профессиональном языке полицейских прошли длительный путь формирования.

Так, например, актуальный для работников правоохранительных органов концепт «мундир» сформировался в эпоху расцвета жандармерии,

в XVIII–XIX веках, когда офицеры носили мундир голубого цвета. *Голубой мундир* — название офицера жандармерии не только в народно-разговорной среде, но и в профессиональном общении. Значимость этого концепта подтверждается функционированием в современном дискурсе работников правоохранительных органов таких устойчивых единиц, как «не запятнать (чести) мундира», «честь мундира», «снять мундир», «опозорить мундир». Выражение «голубой мундир» также не исчезло и по-прежнему бытует в профессиональной среде, в настоящее время так обозначают работников прокуратуры, офицеров прокурорской службы.

Данный концепт дает нам четкое представление о том, что служба в структурах охраны правопорядка была и остается почетным и сложным делом. Офицеры полиции стремятся соответствовать тем правовым и морально-этическим нормам жизни, которые лежат в основе их работы (честность, неподкупность, прямота, правдивость, храбрость и т. д.). Эти характеристики многообразно представлены аспектами концепта «мундир».

Профессиональная коммуникация, бесспорно, имеет чрезвычайно сложную организацию. К компонентам модели профессиональной коммуникации, определяющим «внешний» контекст речевого общения, относятся традиционно выделяемые «сцена действия» и «участники».

«Сцена действия» характеризует среду, в которой осуществляется профессиональное речевое взаимодействие, и определяет, зачем оно происходит. Так, для сотрудника полиции среда будет представлять достаточно широкое понятие. Работа правоохранительных органов не привязана к определенному месту и сотрудник (следователь, сотрудник ППС, судмедэксперт, оперуполномоченный) общается как на улице, так и в кабинете. В зависимости от ситуации (допрос, сбор свидетельских показаний, работа с населением) в профессиональном дискурсе сотрудника полиции будет в той или иной степени присутствовать профессиональный язык.

Компонент «участники» отвечает на вопрос: кто совершает речевое взаимодействие, и характеризует субъектов речевого общения в социальном плане, принимая во внимание те личностно-психологические особенности участников, которые накладываются на них профессией. Так, сотрудники полиции, в силу специфики своей работы, общаются с преступными элементами, и это накладывает отпечаток на структуру их речи, в профессиональный язык проникают

элементы арго (*мент, ствол, браслеты, бугор, барыга, амбал* и т. д.).

Речевое взаимодействие является неотъемлемой частью профессиональной деятельности полиции и осуществляется в разных формах. Основу языка полицейских составляет профессиональная лексика, изменение состава которой в диахронии и синхронии обусловлено не только лингвистическими причинами, но и во многом экстралингвистическими факторами (созданием и реорганизацией структур правоохранительных органов, политическим устройством государства, социальным статусом профессионального деятеля — милиционера, следователя, полицейского и т. д.).

Ряд терминологических номинаций, выступающих обозначениями оперативных действий, объектов, субъектов, обстоятельств правоохранительной деятельности, оружия и проч. носит устойчивый характер, например: *розыск, расследование, подозреваемый, обвинение, улика, доказательство, частная собственность*. Данные наименования входят в ядро профессионального языка работников правоохранительных структур и отражают актуальные для них сферы знания.

Говоря о профессиональной коммуникации работников правоохранительных органов, мы прежде всего имеем в виду актуализацию повседневных концептов (подробнее см. [4]). В отличие от понятия, представляющего собой результат логического обобщения, повседневный концепт является результатом деятельности познающего сознания в практической сфере про-

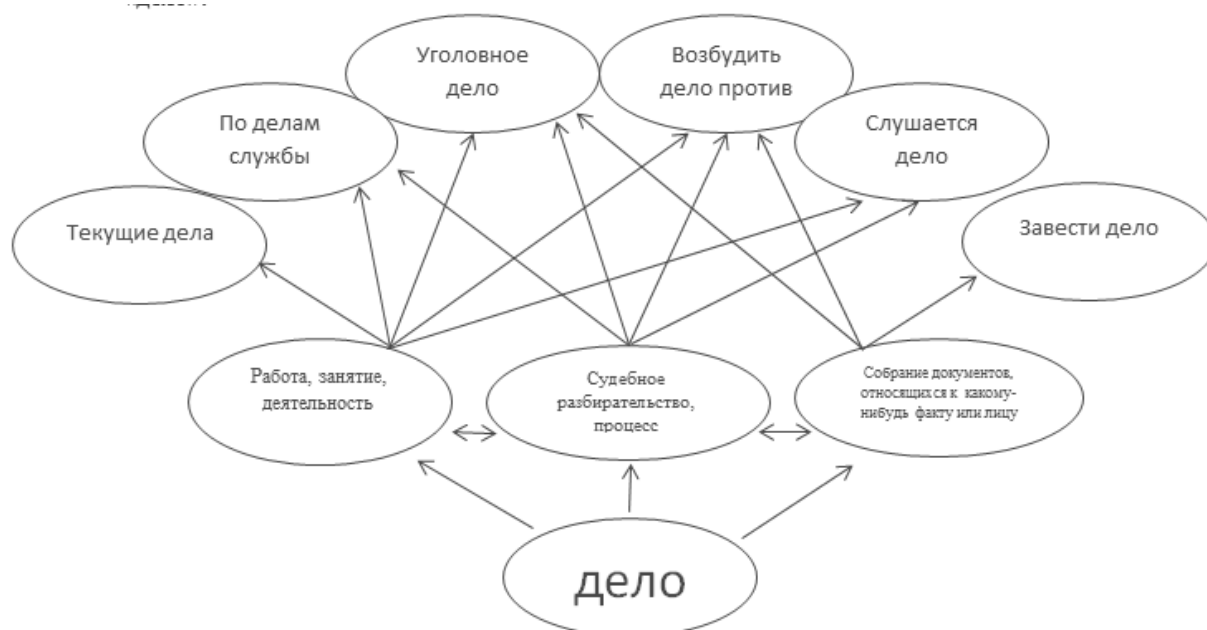
фессиональной деятельности. Для этой сферы характерны следующие виды познания: чувственное восприятие, получение информации посредством органов зрения, слуха, обоняния, осязание, вкуса; первичная обработка данной информации путем анализа, синтеза, сравнения и обобщения; оценка информации.

Рабочий процесс в полиции состоит из событий, организованных в пространственно-временной системе координат, в связи с чем одним из наиболее значимых концептов повседневной профессиональной деятельности полицейского является концепт «ДЕЛО».

Основные элементы-узлы концепта «дело» детерминированы концептуальными признаками, которые позволяют описать структуру концепта [5]: 1) работа, занятие, деятельность; 2) судебное разбирательство, процесс; 3) собрание документов, относящихся к какому-нибудь факту или лицу. Схематически данный профессиональный концепт, его базисные компоненты представим следующим образом (рисунок).

На лексическом уровне данный концепт представлен целым рядом устойчивых единиц: *завести дело, возбудить дело, закрыть дело, текущие дела, по делам службы, уголовное дело, слушается дело, личное дело, папка для дел* и др.

Не менее значимым в профессиональном лексиконе сотрудников полиции является концепт «СЛЕДСТВИЕ». Актуализация этого концепта представлена в ряде стереотипных конструкций профессиональной речи, включающих имя концепта: *вести следствие, работать со следствием, предварительное следствие (до суда),*



судебное следствие, следствием установлено, назначить следствие по какому-нибудь делу, попасть под следствие. Структуру концепта в данном случае определяют такие концептуальные признаки, как «обстоятельство, положение, являющееся выводом (вытекающее) из чего-нибудь», «выяснение различных обстоятельств, связанных с уголовным делом, для установления обстановки и характера преступления, а также лиц, виновных в совершении преступления».

Отметим, что в профлексилекте полицейских развивается межотраслевая терминологическая синонимия: многие термины являются характерными одновременно для полиции и прокуратуры, для сотрудников органов госбезопасности и тюремных служащих (*арест, преследование, следствие, слежка, конвой* и многие другие). Вместе с тем в концептуальной среде возникает значительное количество и собственно милицеских концептов (*дело, ходка, бытовуха, мокруха, повязать, халтура, опер, свидетель, показания* и многие другие).

В языке работников правоохранительных органов четко проявляется влияние арго (тюремноблатного жаргона), которым обязаны владеть все сотрудники МВД в силу специфики своей работы. Так, например, концепт «ОРУЖИЕ», помимо нейтральных вербализаций, широко представлен номинациями, заимствованными из арго: «ствол», «волына», «пушка», «макарыч», «железо».

Другим концептом, отмеченным арготической вербализацией, выступает концепт «ДОПРОС» — следственное или судебное действие по получению устных сведений об обстоятельствах данного дела. Среди наиболее ярких экспрессивных компонентов — *расколоть, стучать, жуэжжать, лопотать, покаяться*, а также такие выражения, как «упасть на кулак» (применение силы при допросе или задержании преступника со стороны офицера), «петь как соловей» (рассказывать все, перечислять соучастников и факты, которых не знали полицейские).

Не менее важным для работы опера или следователя является концепт «СЛАЖЕННАЯ РАБОТА» (совместная работа с другими подразделениями). Благодаря согласованным действиям сотрудников разных служб, подразделений и структур, деятельность по охране правопорядка становится более эффективной. Данный концепт представлен в профессиональном дискурсе целым рядом устных единиц: *свои подсобят, гашишники помогут, опера прикроют, сработаем-*

ся, постовые прихватили (задержали), облава, рейд, на соседней земле и другие.

Юмор и самоирония занимает одно из центральных мест в профессиональной коммуникации сотрудника полиции. Такой концепт как «РАБОТА» пополняется значительным количеством выражений и фразеологизмов, носящих ярко-выраженный ироничный характер. Вербализаторами данного концепта в профессиональном дискурсе сотрудников полиции являются следующие единицы: «поедем кататься» (выезд на место преступления), «матюгальник» молчит» (ехать без сирены), «пришел без ансамбля» (прийти с повинной самостоятельно), «заработать значок почетного мента» (аналогия с пионерской дружиной, когда значок являлся знаком отличия за хорошие дела), «халтурка» (простое дело) и т. д.

Ярким средством вербализации данного концепта являются устойчивые выражения, характерные для данной профессиональной среды: «преступники на месте не сидят», «сколько дадут — все твое», «трое в нападении, один в защите» (схема задержания преступника, по аналогии со спортивной игрой), «моя милиция меня стережет» (следить за преступником из засады), «цирк приехал» (задержание преступника с группой ОМОНа), «старый труп лучше новых двух» и др.

Проведенный анализ ключевых концептов, представленных в профессиональном дискурсе работников правоохранительных органов, позволяет судить не только о структуре соответствующей деятельности, но и об особенностях профессионально-группового мышления, поведения и взаимодействия представителей данного социума.

Список литературы

1. Блакар, Р. М. Язык как инструмент социальной власти // Язык и моделирование социального взаимодействия. М., 1987. С. 88–120.
2. Босова, Л. М. Соотношение семантических и смысловых полей качественных прилагательных: психолингвистический аспект : дис. ... д-ра филол. наук. Барнаул, 1998.
3. Вежица, А. Понимание культур через посредство ключевых слов. М., 2001.
4. Голованова, Е. И. Введение в когнитивное терминоведение. М., 2011.
5. Краткий словарь когнитивных терминов / Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков, Ю. Г. Панкрац, Л. Г. Лузина. М., 1996.

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ ДИСКУРС В ЭПОХУ МОДЕРНИЗАЦИИ

Статья посвящена исследованию характеристик дискурса в эпоху модернизации с позиций обобщения действительности и реальной коммуникации в психолингвистическом аспекте.

Ключевые слова: дискурс, текст, коммуникация, психолингвистический аспект.

По классическому определению Н. Д. Арутюновой, дискурс понимается как «связный текст в совокупности с экстралингвистическими — прагматическими, социокультурными, психологическими факторами; текст, взятый в событийном аспекте; речь, рассматриваемая как целенаправленное социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизмах их сознания (когнитивных процессах). Дискурс — это речь, «погруженная в жизнь». Поэтому термин «дискурс», в отличие от термина «текст», не применяется к древним и другим текстам, связь которых с жизнью не восстанавливается непосредственно» [1. С. 136–137].

Другими словами, под дискурсом предлагается понимать схематически выраженное определение «текст + ситуация», а текст, соответственно, можно рассматривать как «дискурс — (минус) ситуация». Текст, как правило, принадлежит одному автору, в то время как дискурс — это интерактивный способ речевого взаимодействия двух и более коммуникантов (авторов). Во многих функционально ориентированных исследованиях прослеживается тенденция противопоставлять дискурс и текст по ряду критериев: функциональность — структурность, процесс — продукт, динамичность — статичность, а также актуальность — виртуальность. Соответственно различаются структурный дискурс, где текст рассматривается как продукт, и функциональный дискурс, который сам выступает как процесс (деятельность).

Таким образом, в современных лингвистических исследованиях термином «дискурс» (фр. *discours* «речь») обозначается разворачивающийся текст, текст в динамике. Мы же понимаем *дискурс* как обобщающее понятие, включающее в себя не только сам текст, но и его организацию (форму) в процессе овнешнения содержания при помощи языковых знаков в момент речи.

С позиции обобщенных функциональных категорий *текст* может быть квалифицирован как высшая коммуникативная единица и может представлять собой совокупность метатекста и гипертекста, а также иметь свою микро- и макро-

структуру, которая определяется особенностями внутренней организации единиц текста и закономерностями взаимосвязи этих единиц в рамках цельного сообщения (устного и письменного).

Процесс модернизации дискурса в современном обществе связан с проблемами преобразования и дальнейшего развития так называемого нового поколения (поколения, которое пережило этап своего взросления в 1990-е годы), что также нашло свое отражение в различных сферах профессиональной деятельности.

Одним из значимых факторов изменения характера современного дискурса является процесс модернизации, который занимает лидирующие позиции в жизни социума как в России, так и на мировой арене. Рассмотрим в качестве иллюстрации характерный пример.

Шеф-редактор «Русского журнала» Борис Межуев в одном из своих выступлений, 9 апреля 2010, рассказал о неоднозначном восприятии текста, с которым он выступил накануне на заседании Цеха политической критики в РГГУ, посвященном обсуждению доклада «Модернизация как политическая программа». Свое новое выступление он назвал «Российское идеологическое поле не имеет резонаторов, способных подхватить дискурс модернизации». Речь в докладе идет о том, что современное политическое общество неспособно однозначно понимать задачи, которые ставит перед ним власть, порой неверно истолковывая приоритеты. В своем выступлении он говорит: «Как только заходит речь о модернизации, если уходят какие-то официальные слова, то все понимают, это либо о возвращении в 90-е, либо о возвращении к Сталину. Вот две ясные, четкие парадигмы: либо модернизация как силовая, авторитарная мобилизация, давайте по-настоящему докажем, вернемся к силовой мобилизации, закручиванию гаек, репрессиям и так далее, и только так мы прорвемся. Либо это понимается как возвращение даже не к 90-м, а, скорее, к тем идеалам, которые в 90-е были, но не реализовались, к свободному рынку и максимально минимальному государству» [7]. В докладе освещаются и другие темы, но нас, пси-

холингвистов, интересуется употреблением в нем определенных языковых единиц (слов и словосочетаний) и построение самого текста.

Автор доклада использовал в своем выступлении следующие единицы: «интеллектуальный **брейнсторм**», «возник **дискурс модернизации**», «модернизация как силовая, авторитарная мобилизация», «немножко **замылилось**», «в клинтоновские годы», «прогрессизм», «стало **проклевываться в сознании**», «**зацикливаться**», «сложное общество». Причем, «сложное общество» он объяснил как «термин, используемый в социологии для дифференцированного общества, общества модернизированного, модернизационного, в котором существует, в первую очередь, некоторая автономия различных сфер» [7].

В тексте присутствуют и такие экспрессивно-оценочные выражения, как «наших горе-модернизаторов», «шарашка», «общество... как торжище», «пиар-бизнес», «пропиарить», «расставить... идеологические вешки» [7].

Можно привести еще один пример, когда в программе «Литературное шоу» (от 20 ноября 2009 года) И. Е. Дискин, председатель Совета по национальной стратегии и автор книги «Кризис... и все же модернизация!», которую в ходе этого шоу, собственно, и обсуждали, использует такие характерные выражения, как «сойти с энергоионной траектории», «в механизмах рекрутирования» и др. [8].

Причем, какие бы тексты мы ни исследовали, устные (публичные выступления) или письменные (тексты докладов, статьи, книги и проч.) всегда их авторы предпринимают попытку растолковать или разъяснить слушателям-читате-

лям, что же они все-таки пытались донести до адресата.

Таким образом, проблематика, связанная с изучением современных форм дискурсивной деятельности, в том числе профессионального характера, становится чрезвычайно актуальной в период модернизации и развития глобализирующийся экономики во втором десятилетии XXI века.

Конечно, невозможно вести речь о дискурсе только с вышеупомянутых позиций, поскольку данная тема прочно вошла в ряд современных исследований в области языкознания, и именно по этой причине возникает необходимость дальнейшей ее разработки в том числе в психолингвистическом аспекте.

Список литературы

1. Арутюнова, Н. Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь. М. : Сов. энцикл., 1990. С. 136–137.
2. Демьянков, В. З. Парадигма в лингвистике и теории языка // Горизонты современной лингвистики. Традиции и новаторство. М. : Языки славян. культуры, 2009. С. 27–37.
3. Кибрик, А. А. Когнитивные исследования по дискурсу // Вопр. языкознания. 1994. № 5. С. 126–139.
4. Макаров, М. Л. Основы теории дискурса. М. : Гнозис, 2003. 280 с.
5. Phillips, Nelson & Hardy, Cynthia. What Is Discourse Analysis? In N. Phillips and C. Hardy Discourse Analysis: Investigating Processes Of Social Construction. Thousand Oaks, CA : Sage, 2002. P. 1–18.
6. URL: www.isg.sfu.ca/uchier/misc/hypertext_review
7. URL: www.kreml.org/opinions/266724006
8. URL: www.russia.ru/video/litshow_8113

Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 33 (248). Филология. Искусствоведение. Вып. 60. С. 125–127.

К. А. Устинова

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ПРИЗНАКИ СУДЕБНОГО ДИСКУРСА

В статье анализируется характер и специфические особенности судебного дискурса, который рассматривается как разновидность юридического дискурса.

Ключевые слова: *судебный дискурс, юридический дискурс, субдискурс, институциональные признаки.*

Судебный дискурс мы рассматриваем как разновидность юридического дискурса, или юридический субдискурс, понимая под юридическим дискурсом совокупность текстов, объединенных

общей тематикой (закон, право, правовые отношения) и имеющих единую концептуальную основу (закон, право). Придерживаясь столь широкого понимания юридического дискурса, мы

предполагаем дальнейшее его дробление на отдельные субдискурсы, или виды, охватывающие более конкретные сферы его реализации. Именно в субдискурсах основополагающие концепты «закон» и «право» проявляют себя в частных случаях и служении конкретной цели. Подобным юридическим субдискурсом нам представляется судебный дискурс, который понимается нами как речевое и текстовое проявление юридического дискурса в рамках судебного заседания. Исходя из принятого нами определения юридического дискурса, определяя понятие «судебный дискурс», мы обращаемся к частному значению дискурса, подразумевающему конкретное коммуникативное событие.

Как вполне самостоятельная разновидность юридического дискурса, судебный дискурс обладает рядом особенностей и признаков. Придерживаясь терминологии (классификации дискурсов) В. И. Карасика, мы полагаем, что судебный дискурс является ярко выраженным типом институционального дискурса, представляющего собой «общение в заданных рамках статусно-ролевых отношений» [3]. Институциональный характер судебного дискурса раскрывается в свойственных ему отличительных признаках.

Главные «системообразующие признаки» институционального дискурса — цели и участники общения — позволяют нам выделять именно «институциональный» характер судебного дискурса. Целью судебного дискурса является, на наш взгляд, разрешение правового конфликта в соответствии с действующим законом государства, в котором имеет место судебный процесс. В. И. Карасик делит основных участников институционального дискурса на две группы: представители института (агенты) и люди, обращающиеся к ним (клиенты). Участниками же судебного дискурса являются представители государственного института правосудия (судья, прокурор, адвокат) и представители общественности, обращающиеся к институту правосудия для разрешения определенной конфликтной ситуации: сторона обвинения, сторона защиты, сторонние свидетели. Отношения между участниками судебного дискурса, роли и правила поведения каждого участника строго определены нормами института правосудия.

К другим компонентам институционального дискурса, позволяющим дать более подробную характеристику конкретному дискурсу, В. И. Карасик относит: хронотоп, ценности, стратегии, материал (тематика), разновидности и жанры, прецедентные (культурогенные) тексты, дискур-

сивные формулы. Опираясь на данную классификацию, мы дадим более подробную характеристику судебному дискурсу [3].

Хронотопом, или наиболее типичной для судебного дискурса обстановкой, является зал судебных заседаний, в рамках которого происходит воплощение и реализация судебного дискурса. Ценности судебного дискурса во многом выражены в его основных концептах: закон, право, правда, справедливость, непоколебимость и истинность закона, справедливость решений, основанных только на законах, истинность. Говоря о концептуальной основе судебного дискурса, необходимо упомянуть также наличие национально-исторического и национально-культурного аспектов, которые обуславливаются законоправовым обеспечением, существующим в государстве в момент проведения судебного заседания, а также ценностно-моральными установками, традиционно принятыми в данном обществе. В своем исследовании судебного дискурса Т. В. Дубровская дает следующее определение понятию «судебный дискурс» с учетом данных аспектов: «вербально-знаковое выражение процесса коммуникации в ходе судебного процесса, которое рассматривается в социально-историческом, национально-культурном, конкретном ситуативном контексте с учетом характеристик и намерений коммуникантов» [1. С. 10].

Мы считаем возможным выделение следующих стратегий судебного дискурса: слушание дела, анализ материалов дела, вынесение приговора (судебного решения). Стратегии реализуются в конкретных действиях, или задачах, которые, по нашему мнению, возможно соотнести с основными этапами судебного заседания: объявление дела, деталей и подробностей; выслушать объяснения и опросить истца, затем ответчика; исследование дополнительных доказательств (свидетельские показания, письменные и вещественные доказательства, аудио- и видеозаписи, заключение эксперта); прослушать обоснование сторонами правовой и фактической позиции (во время судебных прений); совещание суда по рассматриваемому делу; оглашение судебного решения; составление протокола судебного заседания.

Жанровое дробление судебного дискурса, равно как и любого другого дискурса, является вопросом открытым и спорным, ввиду неоднозначности подходов к жанровому выделению в принципе. В результате объединения нескольких точек зрения на выделение жанров, а именно экстралингвистического подхода, заключающегося в том, что дискурсы одного жанра имеют общий

набор коммуникативных целей, признаваемых дискурсивным сообществом, и лингвистического подхода, основывающегося на структурном и лексико-грамматическом анализе, нам представляется возможным выделить следующие письменных и устных жанров судебного дискурса.

Письменные жанры:

- протокол судебного заседания,
- ходатайство,
- письменные заявления сторон.

Устные жанры:

- вводная речь судьи,
- судебное решение,
- речь истца,
- речь ответчика,
- речь адвоката,
- речь прокурора.

Последние четыре устных жанра (речь истца, речь ответчика, речь адвоката, речь прокурора) возможно также представить как частные случаи жанра «речь участника/представителя судебного процесса» — с точки зрения лингвистического подхода, однако нам представляется логичным все-таки разделить их с экстралингвистических позиций, ввиду разных коммуникативных целей.

Тематика судебного дискурса — правовой конфликт, который может возникать в различных сферах межличностных, социальных, рабочих взаимоотношений. Тематика определенного случая проявления судебного дискурса определяется обстоятельствами дела, разбираемого в ходе конкретного судебного заседания. Для того чтобы охватывать широкую тематику, объективно оценивать рассматриваемую ситуацию, трактовать показания участников / свидетелей дела, оценивать улики и выносить решение, в судебном дискурсе обязательным является использование прецедентных текстов — текстов, составляющих основу судебного дискурса — закона. Высокая интертекстуальность судебного дискурса обуславливается его беспрекословным подчинением существующему в данном государстве закону, описанному в официальных текстах государственной важности. Приведем лишь неполный список прецедентных текстов, составляющих основу российского судебного дискурса: Конституция РФ, Арбитражный процессуальный кодекс, Гражданский кодекс, Жилищный кодекс, Кодекс об административных правонарушениях, Семейный кодекс, Уголовный кодекс, Уголовно-процессуальный кодекс, Трудовой кодекс.

Другой особенностью судебного дискурса является постоянное использование коммуника-

тивных клише — речевых оборотов, присущих определенному типу дискурса. Анализ часто встречающихся в рамках одного дискурса коммуникативных клише позволяет наиболее подробно истолковать сам дискурс и происходящие в нем процессы. Коммуникативные клише являются неотъемлемой частью судебного дискурса, носящего сугубо официальный характер и предусматривающего большое количество формальностей, строгий распорядок действий и непоколебимость представителей института правосудия — в особенности в лице судьи. Н. Н. Ивакина в своих исследованиях, посвященных юридической речи, отмечает, что в современной России судебная речь сопоставима с деловым, профессиональным обсуждением, в ходе которого различные точки зрения высказываются без излишних эмоций, а с использованием коммуникативных клише, многообразно представленных в виде устойчивых фраз и предложений: «уголовное дело выделено в отдельное производство»; «предъявлено обвинение»; «виновность доказана»; «собраны доказательства»; «судимость погашена»; «рассматривается уголовное дело»; «виновность подтверждается»; «органы предварительного следствия квалифицировали действия по статье»; «наступает ответственность»; «не оспариваю квалификацию преступления»; «прошу определить меру наказания»; «материалы дела подтверждают» [2].

Таким образом, проведенный анализ позволяет представить судебный дискурс как разновидность юридического дискурса, сферой реализации и функционирования которого является зал судебных заседаний. Принадлежность судебного дискурса к выделенному В. И. Карасиком институциональному типу подтверждается наличием ярко выраженных «системообразующих» признаков. Обоснование жанров судебного дискурса представляется нам наиболее спорным моментом, который требует детального анализа и рассматривается нами как перспектива дальнейшего изучения.

Список литературы

1. Дубровская, Т. В. Судебный дискурс: речевое поведение судьи: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Саратов, 2010. 39 с.
2. Ивакина, Н. Н. Профессиональная речь юриста: учеб. пособие. М. : Норма, 2008.
3. Карасик, В. И. О типах дискурса // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс : сб. науч. тр. Волгоград : Перемена, 2000.

ТИПЫ КОНТРАКТОВ В СОВРЕМЕННОМ АНГЛОЯЗЫЧНОМ ДЕЛОВОМ ДИСКУРСЕ

Статья посвящена типологии деловых контрактов в современном англоязычном деловом дискурсе.

Ключевые слова: деловой дискурс, бизнес-контракт, типология, маркетинг-ориентированный контракт, базовые понятия.

Современный англоязычный деловой дискурс (ДД) — область междисциплинарных исследований, которая возникла более двух десятилетий назад из европейских традиций межкультурного изучения деловых переговоров и анализа языка на рабочем месте. По мнению таких европейских лингвистов, как F. Bargiela-Chiappini, M. L. Charles, L. Louhiala-Salminen, ДД представляет собой исследование как устной, так и письменной речи в коммерческих организациях с целью выявления специфики взаимоотношений лингвистических и экстралингвистических коммуникативных факторов [7. P. 17].

Активизация бизнес-операций с международными партнерами, изучение языковой личности, создание в России в конце 90-х годов XX века профессиональной организации «BESIG. RUSSIA» («Business English Special Interest Group») — все это послужило предпосылками активного развития лингвистических исследований в области делового дискурса в России. Важной особенностью понимания сущности ДД в российской лингвистике является многозначность его толкования.

В широком смысле под ДД понимается любое небытовое и нехудожественное общение [1. С. 40]. В узком смысле ДД — это жанр официально-деловой корреспонденции [3. С. 1320]; текст, перцепция которого осуществляется через опосредованный канал общения [4. С. 22]. Со своей стороны заметим, что в нашем понимании деловой дискурс — «речемыслительная деятельность, детерминированная бизнес-сообществом и актуализированная определенным регламентированным типом текста» [6. С. 119].

При всем разнообразии сложившихся точек зрения на природу ДД все исследователи единогласны в том, что этот феномен представляет собой чрезвычайно сложное явление, в котором важное место, бесспорно, занимают бизнес-контракты. Бизнес-контракты — это те «артерии», которые способствуют поддержанию жизнедеятельности всего бизнеса. Взаимодействие между бизнесменами и постав-

щиками, потребителями и предоставляемыми услугами, работодателями и работниками, все маркетинговые операции, финансовая деятельность — все это в основном и в частности регламентировано контрактами.

Существующие определения контракта в основном раскрывают его юридическую составляющую (Д. Я. Новгородцев, И. А. Улиткин, В. Ю. Дорошенко, Т. Б. Назарова и др.). Мы рассматриваем бизнес-контракт как социально-детерминированный феномен, понимая под ним специфичный регламентированный правовой текст, который обладает структурно-композиционными (название (title), вступительная часть (introductory clause), декларативная часть (recitals), начало (lead-in), основная часть (the body of the contract), завершающая часть (concluding clause), подписи сторон (signature blocks), приложения (attachments)) и документообразующими характеристиками (функциональность, трафаретность, регламентированность и др.).

На наш взгляд, бизнес-контракт является текстовой репрезентацией речемыслительных феноменов, функционирующих в бизнесе и представляет собой результат организованных усилий отдельных лиц по производству и продаже товаров и услуг, целью которых является получение прибыли и удовлетворение потребностей общества. Следует отметить, что проведенный нами дефиниционный анализ понятия *бизнес*, позволил представить его в виде трех пересекающихся и взаимовлияющих сфер (финансовой, маркетинговой и социальной). Соответственно, принимая во внимание сферу функционирования, диктующую как форму, так и содержание регламентирующего деятельность документа, можно выделить следующие типы контрактов: маркетинг-ориентированные, социально-ориентированные и финансово-ориентированные.

В ходе анализа текстов контрактов было выяснено, что наиболее распространенными типами бизнес-контрактов являются маркетинг-ориентированные контракты (49,15%). Несколько реже,

но не менее регулярно используются социально-ориентированные контракты (39 %), и наконец, финансово-ориентированные составляют 11,85 % (таблица).

Бизнес-контракты (Business Contracts)		
Маркетинг-ориентированные 49,15 %	Социально-ориентированные 39 %	Финансово-ориентированные 11,85 %

Такое процентное соотношение может объясняться тем, что бизнес-сфера — это не только сфера маркетинга товаров и услуг, но и социально-обусловленная среда, успешность бизнесу гарантирует именно общественная стабильность и безопасность.

Маркетинг-ориентированные контракты принадлежат предметной области «**маркетинг**» (**marketing**), которая определяется по-разному: 1) как предпринимательская деятельность, связанная с продвижением товаров и услуг от производителя к потребителю [8. Р. 327]; 2) как определенные методы (ценовая политика, политика в сфере рекламы и т. д.), которые использует компания для привлечения потребителей к покупке своих товаров [10]; 3) как производственно-сбытовая деятельность предприятия, ориентированная на потребителя и обеспечивающая фирме стабильную прибыль [11]. Таким образом, мы можем утверждать, что ядерной частью понятия «маркетинг» являются следующие компоненты: деятельность, потребитель, производитель, товары и услуги, прибыль. Наше исследование показало, что именно эти наименования чаще всего репрезентированы в текстах маркетинг-ориентированных контрактов. Например:

(1) Futuredontics will provide marketing and selling advice to Attorneys, including, without limitation, advice on the design and production of collateral marketing materials, sales scripts, television, radio, print and other advertisements and compensation programs for sales personnel. Futuredontics will provide such services primarily at Futuredontics's own offices in Los Angeles, California.... (www.findlaw.com. Marketing Alliance Agreement. Oct 18, 2000).

Для **социально-ориентированных контрактов** предметной областью будет «**социальная сфера**» (**social sphere**), которая представляет собой область деятельности людей, занятых предоставлением или получением социальных благ и услуг [2. С. 15], а также ответственность субъектов бизнеса за соблюдение норм и правил,

недостаточно прописанных законодательством (в области этики, экологии и т. д.), влияющих на качество жизни отдельных социальных групп и общества в целом (социальная ответственность бизнеса (corporate social responsibility)) [9. Р. 9]. Соответственно, мы можем говорить о том, что базовыми понятиями для «социальной сферы» будут социальные услуги, социальное благо и социальная ответственность. Справедливость данного утверждения находит свое подтверждение в текстах социально-ориентированных контрактов. Например:

(2) Your salary will be payable in accordance with the Company's standard payroll policies (subject to normal required withholding). You will be covered by the Company's standard benefits package including health insurance and flexible time off policy. (www.findlaw.com. Employment Agreement. Feb 25, 2001).

Для **финансово-ориентированных контрактов** предметной областью являются «**финансы**» (**finance**) — 1) деньги, одалживаемые для последующих инвестиций [8. Р. 206]; 2) совокупность финансовых отношений, в процессе которых образуются и используются различные денежные фонды [5. С. 33]. Следовательно, можно утверждать, что для понятия «финансы» ключевыми словами будут деньги и инвестиции. Подтверждением данного утверждения служат тексты финансово-ориентированных контрактов. Например:

(3) Interest Period for a Eurodollar Loan and for each Index Rate Bid Loan, (a) the rate determined by the Administrative Agent to be the arithmetic mean of the offered rates for deposits in Dollars for a period of such Interest Period which appear on the Reuters Screen LIBO Page as of 11:00 a.m., London time, on the date that is two Working Days prior to the beginning of such Interest Period (www.findlaw.com. Credit Agreement. Feb 19, 2001).

Итак, подведем некоторые итоги. Одну из ключевых позиций в бизнесе занимают бизнес-контракты — письменные соглашения, обладающие юридической силой, регламентирующие взаимодействие между бизнесменами и поставщиками, потребителями и предоставляемыми услугами, работодателями и работниками, все маркетинговые операции и финансовую деятельность. Распространение типов контрактов (маркетинг-ориентированных, социально-ориентированных, и финансово-ориентированных) характеризуется разным процентным соотношением и диктуется той сферой, в которой они функционируют.

Список литературы

1. Карасик, В. И. Этнокультурные типы институционального дискурса // Этнокультурная специфика речевой деятельности : сб. обзоров. М., 2000. С. 37–64.
2. Попов, С. Г. Социальный менеджмент. М. : Осъ-89, 2009.
3. Сошникова, Р. С. Проектная заявка как элемент делового дискурса // Изв. Самар. науч. центра Рос. акад. наук. 2009. № 4 (5). С. 1320–1336.
4. Федотова, Н. С. Концепт «гарантия» в англоязычном деловом дискурсе : дис. ... канд. филол. наук. Астрахань, 2005.
5. Финансы, денежное обращение и кредит : учебник / под ред. М. В. Романовского, О. В. Врублевской. М., 2004.
6. Ширяева, Т. А. Деловой дискурс: сущность, признаки, структура // Вестн. ПГЛУ. 2010. № 2. С. 118–122.
7. Bargiela-Chiappini, F. The handbook of business discourse. Edinburgh : University Press.
8. Longman Business English Dictionary New Edition, Pearson Education Limited, 2007.
9. Williams, C. A. Corporate Social Responsibility in a Comparative Perspective // The Oxford Handbook of Corporate Social Responsibility. Oxford : Oxford University Press, 2008.
10. URL: <http://www.macmillandictionary.com/dictionary/british/marketing>
11. URL: <http://www.comarket.ru/voc/marketing.htm>

Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 33 (248). Филология. Искусствоведение. Вып. 60. С. 130–133.

С. И. Шамарова

К ВОПРОСУ О ПРИРОДЕ РЕЛИГИОЗНОГО ИЛИ БЛАГОЧЕСТИВОГО ЯЗЫКА

В статье рассматриваются сущностные признаки языка религии, выявляются важнейшие характеристики его структуры. Обосновывается наличие таких базовых свойств религиозного языка, как статичность, догматизм, ортодоксальность, сакральность, эзотеричность, дидактизм, просветительство, символизм, герменевтизм, архаичность, узуальность, эмотивность и этноконфессиональная гетерогенность.

Ключевые слова: религиозный язык, знаковая система, религиозное мышление, структура, религиозная лексика, категория сакральности.

Этимология слова *религия* указывает на его связь с представлением о благочестии (от лат. *religio* «благочестие, святость»). Иными словами, религиозный язык — благочестивый или святой (сакральный) язык. Под религиозным языком мы понимаем экклезиастическую (церковно-духовную) знаковую систему языковых средств, которая отражает и соответственно выражает релевантные мировоззрения и представления человека о Боге априори с позиции теологии и теории креационизма.

Являясь формой существования и выражения религиозного мышления, религиозный язык безусловно и повсеместно играет существенную роль в формировании и развитии религиозного сознания человека, а религиозная литература влияет на становление внутреннего мира человека, его нравственно-этическую концептосферу (такие категории, как совесть, мышление, язык и поведение в обществе).

Для структуры религиозного языка характерны следующие признаки или составляющие его элементы: статичность или априорность, догматизм или каноничность, ортодоксальность, сакральность или сакраментальность, эзотеричность или имманентность, дидактизм и просветительство, символизм и герменевтизм или экзегетизм, архаичность и узуальность, эмотивность, этноконфессиональная гетерогенность.

Словарному составу религиозного языка свойственна относительная статичность или априорность, нежели динамизм и изменчивость, благодаря перманентной устойчивости церковной лексики, связанной с релевантными реалиями и концептами, которые остаются неизменными — согласно церковным канонам и уставу. Отсюда вытекает структурный признак каноничности, ортодоксальности или догматизма. В церковном употреблении слово *канон* (от греч. *kanon* «правило») имеет двоякое значение. Во-первых, это

правило, которое церковь постановляет в отношении веры для обязательного выполнения со стороны верующих христиан. Во-вторых, канон есть соединение многих священных песен в один стройный состав [3. С. 25].

Следующим признаковым элементом является сакральность или сакраментальность, т. е. священность, которая выступает ядром (главным центром) всего религиозного языка, так как «путеводной звездой» религиозной литературы является Священное Писание, или Библия (от греч. *ta biblia* «книги») — наидревнейшее собрание книг, написанных пророками и апостолами по вдохновению от Бога. Библия состоит из двух частей: Ветхого Завета и Нового Завета или Евангелия (от греч. *evangelia* «благая весть»). Священное Писание есть книга Церкви — общественный институт, религиозная структурная единица, которым управляет сам Господь.

Для церковной лексики характерна узуальность, моносемия и уникальность значений слова. Все церковные таинства и обряды имеют исключительно сакральный, т. е. священный характер (например, в католицизме — *исповедь, конфирмация, хиротония, причастие*; в православии — *крещение, соборование, отпевание усопших*). Отсюда следует структурный признак эзотеричности или имманентности, т. е. сугубо внутреннее функционирование церковного словарного состава (язык в себе) — специально-профессиональный пласт лексики.

С сакральностью и сакраментальностью тесно связаны структурные признаки символизма и герменевтизма или экзегетизма. Существуют различные методы и версии разъяснения и истолкования Священного Писания, а также многообразие религиозной символики (например, христианские символы: священный крест как орудие — символ спасения человеческой души и веры в Царствие Небесное). «Голубь является символом Святого Духа, чистоты, вдохновенной мысли, мира, Крещения, Благой Вести, воды творения. Семь голубей — это семь даров Духа; стая голубей — верующие; голубка с оливковой ветвью — мир, прощение и избавление. Подобно тому, как голубка из Ноева Ковчега принесла оливковую ветвь в знак мира между Богом и человеком и не нашла места нигде, кроме Ковчега, также и христианин не находит спасения нигде, кроме Церкви. Голубь с пальмовой ветвью означает победу над смертью. Белая голубка — символ спасенной души, прошедшей очищение, как антитеза черному ворону греха.

Голуби на лозе символизируют верующих,шедших укрытие во Христе. Образ венца — это символ венца славы и символ венца Царствия Небесного. У А. С. Пушкина, например, священный крест символизирует любовь к Богу» (цит. по [1. С. 242–243]). Виноградная лоза — это Иисус Христос Спаситель рода человеческого; рыба — это также символ Мессии — Христа, т. е. Помазанника. Мессия — это древнееврейское слово, означающее то же, что и греческое «Христос» (Помазанник Божий).

Древний язык и литература были экзотеричными, т. е. прозрачными и понятными по содержанию, явно выраженными концептами окружающей среды для человека древней эпохи, в то время как для современного человека те же древние тексты являются эзотеричными, т. е. не явно выраженными в смысловом контексте, с непонятными концептами и когнициями или когнатами. Современному человеку невозможно обойтись без герменевтических ключей при чтении Библии и других религиозных текстов, что свидетельствует о большой тенденции к апостасии, т. е. богоотступничеству, а значит, влиянию мышления на язык в отрицательном для теологии и религии дискурсе. В древний и средневековый периоды преобладала религиозная литература, и поэтому язык мог в значительной степени влиять на мышление, которое было божественно-религиозным по своей природе, и религия, и церковь являлись основным социальным институтом в культурной жизни человека. Главным законом для людей был Закон Божий. Постепенно, начиная с XVII века в Европе церковно-религиозная литература все более вытесняется светской, что приводит к тотальной секуляризации общества и, к сожалению, доминантой становится нецерковный, нерелигиозный язык в силу исторического ослабления позиций Церкви, появления различных конфессий, а точнее — многочисленных сектантских течений и школ. Мы считаем, что религия зиждется на силе добра и любви — это символ и источник света и радости, а не тьмы и зла, что лежит в основе демонологии, куда относятся магия, эзотерика и оккультизм, ибо к религии и тем более к концепту «священность, святость» они не имеют никакого отношения.

Следует сделать оговорку, что наш термин *эзотеричность* эквивалентен имманентности в отличие от термина эзотерика — оккультно-мистические учения и практики, возникшие еще в древности «(в тесной связи с половозрастными и профессиональными посвящениями —

инициациями, с тайными союзами, магическими церемониями и т. д.), но получили организационное оформление на рубеже XIX–XX вв. (теософия, антропософия, экстрасенсорика и др.) как оппозиция официальной идеологии традиционных религий» [2. С. 424].

В целом религиозной лексике свойственна архаичность, связанная с узуальностью и эзотеричностью, что является частью архаики, т. е. традиционной культуры, наиболее ранней формы человеческой коллективности, а также соответствующих им форм культуры и религиозных представлений» [2. С. 50]. Например, *капище* — языческий храм, кумир, идол; *иссоп* — душистое растение Палестины с голубыми или белыми цветами; стебли его, связанные в пучок, употребляются евреями для кропления; *кивот* — ковчег завета — особый ящик, в котором хранились скрижали Завета и другие ветхозаветные святыни; *скиния* — палатка, шатер, сень, куща (ветхозав.— походная церковь) и т. д. [3. С. 24–26].

Несмотря на кажущуюся казенную сухость и тенденцию к моносемии, религиозная лексика вся пропитана признаком эмотивности, эмоциональной экспрессивности, так как архетипом и символом религии являются концепты «свет» — «добро» (т. е. благо) и взаимная любовь между человеком и Богом, ибо, как неоднократно подчеркивается в Евангелии, Бог есть любовь, и внутренний мир верующего человека зиждется на трех главных добродетелях — вере, надежде и любви — через его стремление очиститься от грехов и страстей для спасения души и ее водворения после смерти в рай, т. е. Царствие Божие (мир любви и света). Не случайно в религиозной лексике так много слов с корнем *благ-* (например: *благостыня* — добро, *благость*; *благоутробие* — щедрость, милосердие; *благословенный (ая)* — похваленная, прославленная, сопровождаемая благословениями; *благочестно* — *благочестиво*, *благоговейно*; *благодать* — *милость*, *благоволение*, *приятность* и др. [3. С. 6–7]). Благодаря таким религиозным концептам, как «любовь», «счастье», «радость», «блаженство», «свет», «добро», «благость», «милосердие» и т. д., религиозный язык весь светится и играет оттенками релевантных понятий и категорий и воспринимается как язык тепла, света и доброты, т. е. язык благочестия и святости. На структурном признаке дидактизма и просветительства построена вся церковно-религиозная литература, которая наставляла и учила свою паству добру,

справедливости, любви к Богу и ближнему, соблюдению заповедей Божиих. Поскольку языкознание возникло благодаря и с помощью теологии и служило потребностям Церкви, отсюда и теолингвистику или априори историческую теолингвистику следует рассматривать с точки зрения двух антипозиций: филогенеза и онтогенеза, которые, безусловно, оказали огромное влияние на концептуальную и языковую картины мира и прежде всего на развитие внутреннего мира человека (становление его духовно-нравственного облика и религиозного мировоззрения, его принадлежности к той или иной этнической конфессии).

В древности люди жили исключительно церковно-религиозными представлениями в силу преобладания релевантной жизненной среды, которую они вполне адекватно воспринимали без каких-либо герменевтических ключей, так как весь их быт был пропитан религиозными верованиями (сначала языческими, а позже христианскими). Поэтому на ранних этапах развития истории человечества мышление сильнее воздействовало на язык, что, как уже говорилось ранее, способствовало появлению науки о языке. По своему складу мышление было исключительно божественным, а значит и древние манускрипты были по своему содержанию, главным образом, религиозными, так как самыми образованными и культурными людьми в древности считались монахи и церковнослужители, которые жили и работали при монастырях и творили различные произведения литературы, т. е. создавали прарелигиозный язык — основу современного религиозного языка или занимались переводами Священного Писания с древнееврейского, древнегреческого, латыни на родной язык. Они поистине являлись просветителями своего народа.

Еще одним структурным признаком религиозного языка является относительно «молодой» и новый элемент — этноконфессиональная гетерогенность, который активно пополняется псевдо- или околорелигиозными течениями и направлениями сектантского характера, пытаясь внести изменения в каноническую литературу, т. е. ересь и искажения подлинного материала, поэтому их не следует относить к классическому религиозному языку. Например, в англоязычном мире существует одна из версий современного перевода Библии — это «Священное Писание — Перевод нового мира»: сектантские переводчики «Свидетели Иеговы» при переводе Священного Писания короля Иакова

(Авторизованная версия) «вместо 7 раз употребляют ветхозаветное имя Бога «Иегова» 7210 раз или транслитерированное с еврейского языка выражение «Аллилуйя» передано словосочетанием «восхваляйте Иаг» («Иаг» — это сокращение от имени Иегова)» [4. С. 238].

Таким образом, вышеуказанные структурные признаки религиозного языка тесно взаимосвязаны, взаимообусловлены и вытекают один из другого. Концептуальным ядром в этой признаковой системе является сакральность или сакраментальность, т. е. категория «священного, святого». Мы считаем, что эта категория кроется в высшей тайне боговоплощения — Слово Божие актуализируется в религиозном языке и в церковных таинствах и обрядах и находит свое отражение в морально-нравственных ценностях, предназначенных для человека.

Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 33 (248). Филология. Искусствоведение. Вып. 60. С. 133–135.

А. Ю. Шевцова

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИХ НОМИНАЦИЙ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОГО ТЕКСТА В СФЕРЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

В статье представлены результаты анализа терминологических номинаций, функционирующих в публицистическом тексте сферы международных отношений. Определены критерии терминологичности той или иной лексической единицы, которые апробированы на материале газетного текста.

Ключевые слова: *термин, терминологичность, публицистический текст, дефиниционный анализ.*

В данной статье предлагается предварительный фрагментарный анализ терминологических номинаций на базе пробной выборки из публицистического текста в сфере международных отношений, а именно одной статьи на международную тематику, размещенной на официальном сайте американской газеты “The New York Times” [2]. Нас прежде всего интересует описание процедуры произведенного анализа.

Цель данной работы заключается в выявлении функциональных признаков терминологичности номинативных лексических единиц для первичной проверки рабочей гипотезы: реализация специального значения слова в контексте рассматривается как функциональный признак терминологичности номинативной лексической единицы.

Для проверки данной гипотезы мы определили следующие этапы анализа, каждый из которых соответствует выполнению определенной задачи:

Список литературы

1. Головач, К. Ю. Символические признаки в структуре концепта «любовь» (на примере авторской картины мира А. С. Пушкина) // Концепт и культура. Кемерово, 2008. С. 241–245.
2. Новейший словарь религиоведения / О. К. Садовников, Г. В. Згурский. Ростов-н/Д, 2010.
3. Словарь малопонятных слов, встречающихся при чтении Псалтири и молитв. По благословению Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия. URL: http://azbyka.ru/tserkov/tserkovno-slavyanskiy/uchebnye_posobiya/slovar.shtml
4. Шагапов, А. И. «Перевод нового мира» и «Библия короля Иакова»: современные и классические переводы Библии на английский язык // Гуманистическое наследие просветителей в культуре и образовании. Уфа, 2008. Т. 3. С. 237–241.

Этап	Задачи
1. Отбор номинативных лексических единиц из публицистического текста методом сплошной выборки;	Сформировать корпус лексических номинаций для проведения функционального анализа;
2. Дефиниционный анализ семантической структуры каждой лексемы;	а) Выделить специальные или неспециальные значения лексической единицы; б) Выявить контекстуальное значение лексической единицы;
3. Логико-понятийный анализ контекстуального значения лексической единицы.	Установить терминологичность лексической единицы.

Перейдем непосредственно к описанию содержания проведенного анализа, подробно представив процедуру рассмотрения материала на каждом этапе.

1 этап: Отбор номинативных лексических единиц из публицистического текста.

Для проведения фрагментарного анализа лексических номинаций нами была отобрана статья «**A Year of Terror Plots, Through a Second Prism**» из электронного выпуска газеты “The New York Times” за 12 января 2010 года. Выбор именно этого материала обусловлен прежде всего методическим аспектом. Данный материал, а именно публикации иностранных СМИ на международную тематику, активно используется нами в работе со студентами направления и специализации «Международные отношения».

Была произведена сплошная выборка 52 лексических номинаций из представленной статьи. В связи с ограничением объема настоящей публикации выборку представим частично: plot, «...», hand.

2 этап: Дефиниционный анализ семантической структуры каждой лексемы.

Понятие дефинитивности термина является исходным и основополагающим в ходе рассмотрения процесса терминообразования. Дефинитивностью термина мы называем его главное свойство быть производным дефиниции. Считается, что термин всегда порождается на основе актуализированной или потенциальной дефиниции. Сущность научного термина состоит в его дефинитивности, термин становится полноправным членом данной категории слов, только если его содержание может быть адекватно требованиям соответствующей дисциплины и раскрыто в точной дефиниции [1. С. 36–39].

Принимая во внимание тот факт, что сущность научного термина состоит в его дефинитивности, нам представляется важным проведение дефиниционного анализа семантической структуры отобранных лексем.

На данном этапе исследования, используя словарь английского языка «Collins», мы представили семантическую структуру отобранных лексических единиц в виде словарных статей, затем приступили к анализу семантической структуры каждой отдельной лексической единицы.

В ходе анализа мы пытались разграничить все значения, входящие в семантическую структуру слова, на специальные и неспециальные. Для этого выделили следующие 3 критерия установления специального/неспециального значения:

- Наличие специальной пометы в словарной статье, ограничивающей фиксацию сферы функционирования данной лексической единицы.

(Из общего числа выборки словарные статьи 47 лексических единиц содержат подобные пометы).

- Наличие термина в дефиниции значения, входящего в состав словарной статьи лексической единицы.

- Специальный характер родового понятия, ограничивающий сферу функционирования лексической единицы с данным лексическим значением.

Другой задачей, поставленной нами на данном этапе, было определение контекстуального значения лексической единицы. Данную процедуру мы осуществляли путем подстановки значений слова в контекст на уровне словосочетания, а в некоторых случаях и на уровне предложения. В результате было установлено, какое именно значение из словарной статьи (в кругу отобранных лексических единиц) является контекстуальным, а следовательно, подлежит дальнейшему анализу.

3 этап: Логико-понятийный анализ контекстуального значения лексической единицы.

На последнем этапе работы был проведен логико-понятийный анализ непосредственно контекстуального значения лексической номинации с целью установить ее терминологичность. Например:

alarm:

1) fear or terror aroused by awareness of danger; fright

2) apprehension or uneasiness the idea of failing filled him with alarm

3) a noise, signal, etc., warning of danger

4) any device that transmits such a warning a burglar alarm

5) a) the device in an alarm clock that triggers off the bell or buzzer b) short for alarm clock

6) *archaic* a call to arms

7) *fencing* a warning or challenge made by stamping the front foot

Третье значение в семантической структуре слова выделено нами как контекстуальное, однако в результате дефиниционного анализа по заданным критериям данное значение как специальное не актуализировано. Следовательно, лексическая единица alarm как термин нами не рассматривается. Другой пример:

discrimination:

1) unfair treatment of a person, racial group, minority, etc.; action based on prejudice

2) subtle appreciation in matters of taste

3) the ability to see fine distinctions and differences

4) *electronics* the selection of a signal having a particular frequency, amplitude, phase, etc., effected by the elimination of other signals by means of a discriminator

Первое значение данной лексической единицы реализуется в контексте, и это значение является специальным. Значит, лексическая единица discrimination — термин.

Проведенный анализ позволил прийти к следующим выводам. Из 52 отобранных единиц лишь 12 удовлетворяют заданным параметрам и, следовательно, обладают той или иной степенью терминологичности, могут считаться терминами данного институционального дискурса.

Кроме того, нам представляется возможным ранжировать термины, выделенные из общего числа лексических единиц, по степени их терминологичности — согласно следующей шкале терминологичности:

Степень терминологичности	1 уровень	2 уровень	3 уровень
Критерий	Контекстуальное значение является специальным (что подтверждается словарной пометой)	Наличие термина в дефиниции контекстуального значения	Специальный характер родового понятия, входящего в состав контекстуального значения

Проанализировав лексические номинации в соответствии с представленной шкалой, мы получили следующие результаты:

9 из 12 выделенных нами терминов характеризуются терминологичностью третьего уровня, т. е. не имеют ярко выраженных признаков термина (*plot, media, message, government, explosive, station, strike, term, discrimination*); два термина (*bomb, bomber*) характеризуются терминологичностью второго уровня, и лишь одна лексическая номинация из 12 является стопроцентным термином, поскольку ее контекстуальное значение является специальным (*coverage*).

Предварительный фрагментарный анализ терминологических номинаций на базе пробной выборки из публицистического текста показал, что данный текст характеризуется низкой степенью терминологичности, так как лишь одна лексическая единица из 52 отобранных может быть с полной уверенностью отнесена к терминам.

Для проверки нашей гипотезы можно выделить еще один дополнительный формальный критерий терминологичности, а именно критерий частотности, рассмотреть, как слова с разной степенью терминологичности распределены

в тексте по частоте встречаемости. Мы провели частотный анализ отобранных нами единиц, обладающих некой степенью терминологичности. В данном тексте их 12. В результате подобного анализа статьи мы пришли к выводу, что отобранные нами единицы, предположительно термины, не обладают высокой степенью частотности в данном контексте. Исключение составляет лишь термин *plot*, который встретился в тексте 6 раз. Однако это можно объяснить тематикой данной публицистической статьи, которая и называется “A Year of Terror Plots, Through a 2nd Prism”.

Таким образом, проведенный частотный анализ подтвердил, что степень терминологичности лексической единицы не проявляется через критерий частотности. Следовательно, данный критерий нельзя считать определяющим и важным.

В результате проведенного нами предварительного фрагментарного анализа терминологических номинаций на базе пробной выборки из публицистического текста удалось выявить

функциональные признаки терминологичности номинативных лексических единиц. Это наличие специальной пометы в словарной статье контекстуального значения; наличие термина в дефиниции контекстуального значения; специальный характер родового понятия, входящего в состав контекстуального значения.

Согласно выявленным функциональным признакам, лишь одна лексическая единица из 52 отобранных может быть с полной уверенностью отнесена к терминологическим номинациям, т. е. может быть названа термином, так как лишь у этой лексической единицы контекстуальное значение является специальным. Следовательно, наша рабочая гипотеза подтвердилась: реализация специального значения слова в контексте рассматривается как функциональный признак терминологичности номинативной лексической единицы.

Список литературы

1. Зубченко, И. В. Термин и слово (семантический аспект) : межвуз. сб. науч. тр. М., 2007. С. 36–39.
2. URL: www.NewYorkTimes.com

ДЕЛОВОЙ ДИСКУРС: ЗНАНИЯ, ЯЗЫК, ТЕКСТ (на материале современного английского языка)

Статья посвящена когнитивным особенностям современного делового дискурса. Особое внимание уделяется описанию глобального фрейма делового дискурса и определению его структуры, институциональных фреймов.

Ключевые слова: деловой дискурс, когнитивные структуры, институциональный фрейм, глобальный фрейм делового дискурса.

Знания о мире, актуализированные языком, складываются у участников современного делового сообщества по определенным сценариям на основе знаний о фиксированном наборе стереотипных ситуаций и могут быть описаны как результат формирования *глобального фрейма делового дискурса* (ДД), понимаемого нами не только функционально как последовательность процедур, но и конструктивно, как совокупность структурированных единиц знания, в которых выделяются определенные компоненты и отношения между ними [2]. Глобальный фрейм делового дискурса, репрезентируя всю систему знаний делового сообщества, представляет собой объемную фигуру.

В основании данного фрейма находятся три вершинных узла, являющиеся системообразующими инвариантными категориями делового дискурса: специфические цели, участники и хронотоп. Поскольку именно *специфическая цель общения*, т. е. взаимовыгодная профессиональная деятельность, направленная на получение прибыли; *участники современного делового дискурса*, к которым мы причисляем управленцев всех звеньев, деловых людей, предпринимателей, ученых, клиентов, людей, интересующихся бизнесом и, наконец, *специфический социальный хронотоп* — социальный институт «деловое сообщество» задают когнитивные диспозиции, формируют определенные знания и представления в сознании каждого участника делового сообщества, детерминируют использование языка и диктуют стратегии и тактики взаимодействия социальных групп и индивидов в мире бизнеса.

В свою очередь, каждый из вершинных узлов содержит определенное количество слотов, являющихся переменными данной вершины. Количество слотов каждого вершинного узла различно и может варьироваться в зависимости от парадигмы рассмотрения ДД. Вершинный узел «специфические цели» содержит 2 слота: «тексты ДД» и «стратегии»; вершинный узел

«специфический хронотоп» включает слоты: «ценности» и «профессиональные доминанты»; вершинный узел «участники» репрезентируется развернутым слотом «профессиональная картина мира». Вершинные узлы глобального фрейма ДД обладают большей степенью абстрактности, а остальные единицы — слоты — характеризуют, уточняют и детализируют всю данную систему концептуализации. Актуализация глобального фрейма делового дискурса осуществляется путем извлечения информации из конкретного текста и заполнения слотов фрейма. Границами «фигуры» являются *институциональные фреймы* ДД «ЭКОНОМИКА», «ФИНАНСЫ», «МАРКЕТИНГ», «ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО», «ВЛАСТЬ», которые репрезентируют данный глобальный фрейм, каждый из них содержит определенный «квант знания» [1. С. 4].

Институциональные фреймы рассматриваются нами как глубинные структуры знания для создания в пределах языка множества конкретных типов текстов современного делового мира. Отличительной особенностью институциональных фреймов ДД является то, что они фиксируют некоторый нормативный способ описания ситуаций, типичный для языкового коллектива современного делового сообщества. Фреймы, с одной стороны, могут быть ориентированы на использование и описание конкретных и однозначно интерпретируемых ситуаций; с другой стороны, они служат для распознавания смысла любого текста в целом, и текста ДД в частности. Любой институциональный фрейм задает своего рода сценарий, принятый в деловом мире для описания какого-либо фрагмента внешнего мира (ситуации и объектов, в них участвующих), определенный тип текста.

Фреймовая теория типов текстов ДД базируется на предположении о том, что любой текст актуализирует модель фрейма через ограниченное число универсальных категорий — слотов.

Это возможно в том случае, когда адресат понимает ситуацию, которая послужила референтом. Институциональный фрейм ДД, отражающий основное содержание исходного текста, является информативным для фиксированного круга адресатов ДД, понимающих реальные профессиональные события или речевые события, способных конструировать ментальное представление, и в особенности осмысленное представление определенного факта профессиональной действительности, только при том условии, что они располагают общими знаниями о профессиональных реалиях и событиях.

В каждом институциональном фрейме ДД, представляющем собой грань глобального фрейма ДД, можно выделить основание, которое представляется нам в виде определенной структуры вершинных узлов, являющихся инвариантными фиксированными составляющими. Узлы самого верхнего уровня основания институциональных фреймов ДД обычно заполнены названиями ситуаций, наиболее типичных для всего делового сообщества. Узлы нижних уровней заполняются конкретными данными, представляющими собой их возможные воплощения в процессе приспособления определенного институционального фрейма к конкретному аспекту профессиональной деятельности, что в тексте может репрезентироваться группой фреймов, образующей целостную систему, отраженную текстом ДД.

Так, в структуре фрейма «*Economics*» могут быть выделены следующие слоты — «*microeconomics*» и «*macroeconomics*», являющиеся стереотипными составляющими всех аспектов экономической деятельности для любого члена делового сообщества. Это подтверждается следующим определением: The basic concepts of business are drawn from *macroeconomic and microeconomic theories*, but new tools of decision-making process have been added. Репрезентативным примером актуализации фрейма «*ЭКОНОМИКА*» в ДД является информационно-аналитический текст Britain's economy:

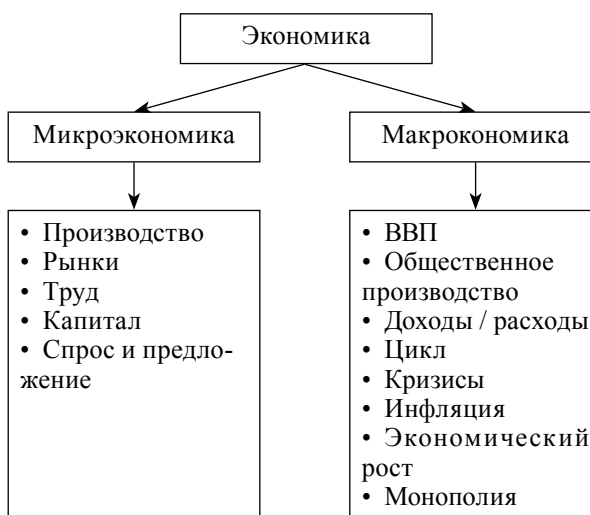
Britain's *economy* was once known for wild swings in *inflation* and *growth*. With the http://www.economist.com/research/backgrounders/displaystory.cfm?story_id=3556578 *housing-market boom* over and *structural flaws*—such as *low labour productivity*, a lack of innovation and a high level of people on incapacity benefit—it seemed, after an exceptional decade, that Britain's *economic prospects* looked less bright. During Labour's first five years in office real disposable *income per person increased*

by 3 % a year. And spending *growth* is to be reined in so that *expenditure* slides from 42.6% of GDP in 2007-08 to 42.0 % in 2010-11. Official statisticians revealed that *retail prices*, the broadest measure of *inflation*, increased in the year to February by 4.6 %, the highest rate since August 1991 and ahead of average *earnings*, which have been growing by 4.2 %

Something odd has happened to the debate about the housing market and the economy. As the chances of an imminent fall in house prices have risen, there is increasing insouciance about the likely impact on the economy.

(Economist.com)

Следует принять во внимание тот факт, что под институциональным фреймом «*ЭКОНОМИКА*» мы понимаем когнитивную модель организации знаний о стереотипной ситуации экономики в деловом сообществе, являющуюся концептуальным основанием значения определенных лексем. Из приведенного выше текста можно сделать вывод о том, что фрейм «*ЭКОНОМИКА*» (и его частная реализация Britain's economy) является весьма сложной моделью, отношения внутри которой описываются с помощью вершинных узлов «макроэкономика» и «микроэкономика» и актуализации различных слотов. Так, вершинный узел «макроэкономика» вербализуется через слоты: «ВВП», «доходы/расходы» — expenditure slides from 42.6 % of GDP in 2007-08 to 42.0 % in 2010-11, average earnings which have been growing by 4.2 %; «инфляция» — the broadest measure of inflation, wild swings in inflation; «экономический рост» — wild swings in growth, spending growth is to be reined. Субфрейм «микроэкономика» актуализируется через слоты: «рынки» — **the housing market**, housing-market boom; «производство, труд» — low labour productivity. Схематически институциональный фрейм «*Экономика*» можно представить следующим образом:



Вершинными узлами, лежащими в основании всех выделенных нами институциональных фреймов, являются «менеджмент», «конкуренция», «человеческие ресурсы», «реформаторство/развитие», «кастомизация», «партнерство», т. е. те доминанты, которые «пронизывают» ДД, играют существенную роль в профессиональной деятельности современного делового сообщества и поэтому получают многостороннее обозначение в языке. Доминантные черты занимают «центральную зону» в языковой картине современного делового мира, являясь многомерными культурно-значимыми социальными и профессиональными образованиями в коллективном сознании всех членов делового мира, опредмеченными в той или иной языковой форме, тем или иным типом текста ДД.

Итак, проведенное исследование позволило установить связь между познавательной дея-

тельностью языкового коллектива современного делового сообщества и представлением накопленных этим коллективом знаний в языке. Все знания, накопленные современным бизнес-сообществом и отраженные языком, могут быть смоделированы в глобальный фрейм делового дискурса, объединяющий 5 институциональных фреймов, которые актуализируют языковую картину делового сообщества в определенном типе текста.

Список литературы

1. Болдырев, Н. Н. О диалектном концепте в когнитивной системе языка / Н. Н. Болдырев, В. Г. Куликов // Изв. РАН. Сер. лит. и яз. 2006. № 3. С. 3–13.
2. Кубрякова, Е. С. Размышления о судьбах когнитивной лингвистики на рубеже веков // Вопр. филологии. 2001. № 1. С. 28–34.

СПЕЦИФИКА ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ

И. А. Голованов

ЕСТЕСТВЕННОНАУЧНЫЙ И ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ТИПЫ МЫШЛЕНИЯ В ПРОЗЕ А. ПЛАТОНОВА

В статье анализируются особенности отражения в прозе А. Платонова оригинального мировосприятия автора, в котором соединились естественнонаучный и художественный типы сознания. Выявляется своеобразие взаимодействия реальности и вымысла в его творчестве, определяются важнейшие эстетические принципы изображения героев.

Ключевые слова: художественный текст, мировосприятие писателя, естественнонаучное мышление, авторская мифология, проза А. Платонова.

Мировосприятие А. Платонова на раннем этапе его творчества определялось верой в энергию человека, которая «высвободилась» в результате революции. Строительство нового мира, новой жизни и человека, с точки зрения писателя, должно было происходить с опорой на науку. Отсюда в его произведениях возникает пафос технического переустройства мира, а в центре внимания оказывается герой, обладающий естественнонаучным типом мышления. Так, в рассказах «Маркун», «Потомки солнца» и других, традиционно относимых исследователями к научно-фантастическим, под разными именами выступает, по существу, один и тот же персонаж — философ-механик, инженер.

Не будет преувеличением сказать, что основу оригинальной художественной системы Андрея Платонова составляет единство трех начал: естественнонаучного, литературно-практического и художественного. Уникальной в этом триединстве выступает первая составляющая. Не случайно в качестве постоянного приема поэтики Платонова исследователи называют «включение в текст художественного произведения описания реального технического изобретения автора» [4. С. 17]. Так, в повести «Рассказ о многих интересных вещах» подробно описан «электрический увлажнитель корневых систем и корнеобитающего слоя почвы», на который Платонов получил авторское свидетельство. В «Эфирном тракте» писатель изображает «агрегат электромотор-насос», управляемый мыслью человека. «Фотоэлектромагнитный резонатор-трансформатор» описан в платоновской статье «О культуре запряженного света и познанного электричества» (этот двигатель получает различный облик и сферы применения — от сельскохозяйственной до космической).

Естественнонаучное мышление автора находит свое яркое отражение в рассказах «Сатана мысли», «Приключения Баклажанова», в повести «Ювенильное море» и романе «Счастливая Москва». Особое место в кругу этих произведений занимает рассказ «Маркун», где в полную силу обнаружились характерные для писателя идеи и сюжетные мотивы, которые получают развитие в последующих его сочинениях. Этот рассказ можно рассматривать как один из первых фактов реализации художественного принципа А. Платонова — соединение научного и художественного, обыденного и бытийного, природного и онтологического.

Писатель обращается в рассказе к концепции активного переустройства мира, всей Вселенной, для чего использует известный в науке и культуре образ, ставший мифологемой, — образ Архимеда. Этот символ вечного стремления человека к преобразованию природы нужен писателю, чтобы подчеркнуть новаторство героя в деле «переустройства». Платоновский Маркун знает, где находится точка опоры: «Эта точка была под твоими ногами — это центр земли» (I, 26¹). Для писателя центр земли выступает точкой мифологически маркированного пространства (об этом подробнее см. [3]).

Не менее важной для понимания отношения автора к идее «перевернуть землю» оказывается аллюзия к поискам *тяги земной* в песенном и преимущественно былинном фольклоре [2] (традиционный мотив былин о Святогоре, Самсоне, духовных стихов об Анике-воине). В связи с авторской отсылкой к образу похваляющегося богатыря в повествовании возникает важная для

¹ Цитаты даются по собр. соч. А. Платонова [5]; в скобках указывается номер тома и страница.

писателя тема индивидуализма и прагматизма — она служит испытанием «механистической» идеи Маркуна. Платонов подвергает сомнению итоги творческого акта героя.

Имя Архимеда ассоциируется с началом формирования трудно выразимого в рациональных терминах представления о *золотом правиле механики*: выигрывая в силе, проигрываешь в пути (т. е. существует некий баланс между силой, совершаемой работой и суммарным путем, необходимым для достижения результата).

«Золотое правило механики» тесно связано с понятием энергии. Это привлекает А. Платонова и его героя: возможность найти источники энергии в количествах, необходимых для перевоссоздания Вселенной. С этой идеей связано и первое начало термодинамики, в суть которого оказывается посвящен платоновский герой: невозможность существования вечного двигателя, который совершал бы работу, не черпая энергию из какого-либо источника. Маркун нашел этот источник — «неограниченное количество естественных сил (воды, ветра)». «Итак, мощность будет возрастать бесконечно; предел ее — прочность металла, из которого сооружены моторы» (I, 27). Герой уверен, что «такой металл есть: он просто один из видов мировой энергии, вылитой в форму противодействия» (I, 27). Через эти рассуждения становится понятна истинная цель механика-изобретателя: «моя машина — пасть, в которой может исчезнуть вся вселенная в мгновение, принять в ней новый образ, который еще и еще раз я пропущу через спирали мотора», «...я спущу в жерло моей машины южный теплый океан и перекачаю его на полюсы» (I, 27).

Механистический подход определен естественнонаучным, технократическим типом сознания героя Андрея Платонова. Идея его проста: умирать по одному — малый всплеск энергии, смерть всех — дает энергетическую бурю, достаточную для воскресения всех ушедших ранее.

А. Платонов в своей художественной концепции очевидно исходит еще из одного физического закона — второго начала термодинамики, который предполагает «тепловую смерть Вселенной», т. е. допускает в какой-то период конец Вселенной.

Герой Платонова пытается противостоять, точнее, повернуть вспять необратимый процесс рассеивания энергии. Этот процесс в физике получил название энтропии. В современной науке — и естественной и гуманитарной — термин

широко употребляется как мера необратимости каких-либо процессов: в физике — мера вероятности осуществления какого-либо макроскопического состояния; в теории информации — мера неопределенности какого-либо опыта (испытания), в исторической науке — для выражения феномена альтернативности истории, как инвариантность и вариативность исторического процесса (о символике энтропии в творчестве А. Платонова см. [1]).

Значимой в данном контексте оказывается художественная деталь, призванная еще раз подчеркнуть естественнонаучный склад ума героя, а также реализовать мотив оторванности его от мира (=человеческой общности): «Маркун любил чертежи больше книги» (I, 26).

Очевидно, что и христианские истины стали частью мировоззрения Платонова, частью художественного сознания писателя. Сам он, вспоминая о своем детстве, говорит о важности нескольких моментов: «Я родился в слободе Ямской, при самом Воронеже. <...> В Ямской были плетни, огороды, лопуховые пустыри, не дома, а хаты, куры, сапожники и много мужиков на Задонской большой дороге. Колокол «Чугунной» церкви был всею музыкой слободы, его умирительно слушали в тихие летние вечера старухи, нищие и я» (III, 487). Значимым для будущего писателя стало обучение в церковно-приходской школе: «Была там учительница — Аполлинария Николаевна, я ее никогда не забуду, потому что я через нее узнал, что есть пропетая сердцем сказка про Человека, родимого «всякому дыханию», траве и зверю, а не властвующего бога, чуждого буйной зеленой земле, отделенной от неба бесконечностью...» (III, 487).

Идея рассказа «Маркун», вероятно, была предопределена влиянием ветхозаветных книг. Образ Маркуна — нового «кудесника»-творца нужен был Платонову для того, чтобы художественно ярко выразить мысль об отступлении человеческого мира от ценностей «первотворения»: на земле и во вселенной вновь хаос, и задача его героя — «упорядочить» жизнь, восстановить высшую истину и справедливость. Это дано только человеку мыслящему, познающему реальность, человеку совестливому и чистому как духовно, так и телесно.

«Чистота» героя абсолютна, в забытом когда-то листочке он прочел: «А вчера я видел во сне свою невесту. Но ни одной девушки я никогда не знал близко. Кто же та?» (I, 25) Невеста из сна; «веселый пароход с смеющимися красавицами»; девушка, «которая маячила в синем сумраке

красноватой юбкой» — это образы с поля битвы духа и плоти, борьбы, которая непрерывно происходит в человеке, чье избранничество осознается им самим, и чем величественнее задача, тем ожесточеннее борьба.

Герой с именем Маркун, в семантике которого заключен смысл «испачканный грязью», как и сам автор, Андрей Платонов, ощущают необходимость преодоления предвзятого отношения к себе и таким, как они: «Вы говорите о великой целомудренной красоте и ее чистых сынах, которые знают, видят и возносят ее. Меня вы ставите в шайку ее хулителей и поносителей, людей недостойных и не могущих ее видеть, а потому я должен отойти от дома красоты — искусства, не лапать ее белые одежды. Не место мне, грязному, там» (Ш, 488).

Маркун, инженер-изобретатель, он же философ-«странник», проходит путь испытаний, подобно сказочному герою, переживает инициацию, обретает истину и тем самым решает художественную задачу автора произведения.

В другом рассказе Платонова — «Потомки солнца», — как и в устной народной традиции, поэтизируется творческое дерзание человека. Фольклору в целом близка идея избранничества, тема необыкновенной участи тех, кто, пройдя через цепь испытаний, достигает желанной цели. Так и А. Платонов с первых строк своего рассказа заставляет увидеть в «нежном, печальном ребенке» — будущего героя, предназначение которого сделать то, «что невозможно и чего не может быть на земле, но чего хочется» [5. С. 32]. В еще не сформированном сознании маленького героя соединились символы реального и метафизического, мира механизмов, машин и мира души: поле и небо, колокольный звон и рев паровозного гудка. В повествовании возникает тема сиюминутного, привычного существования и тема счастья, «которое придет завтра».

В новом мире, который будет строить главный герой рассказа — инженер Вогулов, нет места для сострадания. Ницшеанский принцип «любви к дальнему» писатель пытается актуализировать в тексте через материнскую и вообще родительскую любовь к ребенку. Заданные с первых строк два плана — мифологический (метафизический) и реальный — получают развитие в мотиве странничества. Темные, клокочущие силы — это новый подход к изображению вселенской энергии, которую в новую эпоху пытаются подчинить себе человек: «Упорнее и нестерпимее вонзались мысль и машины в неведомую,

непокоренную, бунтующую материю и лепили из нее раба человеку» [5. С. 33].

Проходит некоторое время — и инженер Вогулов, «тот самый нежный мальчик», который видел «радостные сны» [5. С. 33], руководит кардинальной технической перестройкой земного шара. Фамилия героя обращает нас к фольклорным преданиям о древнем народе — вогулах. Вогулов — это и есть «дитя» народа-странника, которое выросло и теперь готово работать «бесменно, бессонно, с горящей в сердце ненавистью, с бешенством, с безумием и беспокойной неистощимой гениальностью» [5. С. 33]. Инженер-пиротехник Вогулов открывает «взрывчатый состав невероятной чудесной мощи» — ультрасвет («не вещество, а энергия — перенапряженный свет <...>, энергия, рвущаяся обратно в мир к «нормальному» состоянию со странной, истребительной, невероятной, не выразимой числами силой»). Теперь у Вогулова все было «для постройки из земли дома человечеству». Перед нами еще один мифологический мотив — мотив «упорядочения хаоса», который заявлен через тему великого строительства и переустройства планеты.

«Далекие миллионы людей (здесь и далее в цитируемом тексте курсив наш.— И. Г.)» [5. С. 35] начинают под руководством Вогулова «великую героическую работу», но оказывается, что для осуществления задуманного нужно **новое сознание**. К такому совершенно иному типу сознания пришел в результате огромной внутренней работы главный герой рассказа. Новизна обретенного «пламенного сознания» (=«прометеевский тип») подчеркнута отсылкой к христианской, ветхозаветной мифологии творения мира: воскресить человечество («далеких и умерших») может только *сатана* (букв. «противник») мысли. «Сатана мысли» — именно так первоначально назывался этот рассказ. Исходная идея ясно выражена в следующих строках, сохраненных автором: «Чтобы земное человечество в силах было восстать на мир и на миры и победить их — ему нужно родить для себя сатану сознания, дьявола мысли и убить в себе плавающее теплокровное божественное сердце» [5. С. 36].

В такие переломные минуты спасительной для него оказывалась социальная идентификация: «и пел, чтоб опомниться, *рабочие* песни — других он не знал». Платонов передает ощущение, что всё не так, как казалось: «И никто не знал, что было сердце и страдание у инженера Вогулова. Такое сердце и такая душа, каких не должно быть у человека» [5. С. 39].

Нечеловеческие страдания и боль привели к тому, «что не мог уже умереть» [5. С. 40]. Гибель души — смысловая, онтологическая неудача человека, но герой существует на уровне вечности, теперь он живет не «теплокровным божественным сердцем» и не душой, а мозгом «невиданной, невозможной, неимоверной мощи» [5. С. 40]. Герой существует в зеркальном, метафизическом мире, где «любовь стала мыслью, и мысль в ненависти и отчаянии истребляла тот мир...» [5. С. 40]. Так любовь, которая созидает, в художественной концепции А. Платонова оборачивается своей онтологической противоположностью — ненавистью, а жизнь меняется местом со смертью.

Таким образом, рассмотренные рассказы, во многом созвучные другим ранним произведениям А. Платонова, в силу особенностей своей поэтики являются весьма трудными для интерпретации. Ключом, с помощью которого приот-

крывается многомерная концептуальная организация авторской картины мира, становятся образы и мотивы, сконструированные соединением естественнонаучного и художественного типов сознания.

Список литературы

1. Баршт, К. А. Поэтика прозы Андрея Платонова. СПб. : Филол. ф-т СПбГУ, 2005. 480 с.
2. Былины / сост., вступ. ст., подгот. текстов и коммент. Ф. М. Селиванова. М. : Сов. Россия, 1988. 576 с.
3. Голованов, И. А. Константы фольклорного сознания в устной народной прозе Урала (XX–XXI вв.). Челябинск : Энциклопедия, 2009. 251 с.
4. Малыгина, Н. М. Андрей Платонов: поэтика «Возвращения». М. : ТЕИС, 2005. 334 с.
5. Платонов, А. Собр. соч. : в 3 т. М. : Сов. Россия, 1984–1985. Т. 1. 464 с. Т. 3. 576 с.

Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 33 (248). Филология. Искусствоведение. Вып. 60. С. 142–144.

С. П. Горбунов

ПРИМИТИВНАЯ КАРТИНА МИРА В СЕМИОТИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ ПОЭТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА ДЖ. МОРРИСОНА

Статья описывает специфику проекции примитивного мировоззрения через семиотику поэтического дискурса американского поэта и рок-музыканта Дж. Моррисона.

Ключевые слова: *поэтический дискурс, семиотическое пространство, примитивная картина мира.*

Любая естественная языковая система создает своеобразную проекцию окружающего мира, пропущенную через призму личного опыта индивидуума либо социума — группы носителей определенной языковой системы. Отображенные в нем элементы могут в сумме привести к единой системе представлений, коллективной установке, являющейся в большинстве случаев укоренившейся в сознании нормой, обязательством, если так можно выразиться, для всех носителей языка. Свойственный некоему языку способ введения онтологических представлений в массив эмпирических данных отчасти является универсальным и в то же время национально-специфичным, благодаря чему носители различных языков способны воспринимать окружающую действительность

по-разному [1. С. 26]. Здесь стоит вспомнить, что такая картина мира, которая многими учеными определяется как «наивная» или «примитивная», отличается в определенной степени от «научной» картины мира и что каждый язык, включая специфический язык индивидуума, создает свой пространственно-временной континуум — вселенную, состоящую из персонально генерированной материи познания окружающей действительности. Уместно будет привести метафору Т. В. Булыгиной — «понимание чужой языковой картины мира сродни тому, как вы примеряете солнечные очки от различных производителей — один и тот же объект выглядит по-разному в связи с отличными свойствами очков преломлять и отображать солнечный свет» [2. С. 12].

Одним из широко используемых способов реконструкции языковой картины мира является анализ семиотического пространства — знаковой стороны языка, что позволяет выявить эмоционально формируемый конкретный образ и характер восприятия окружающей действительности группой индивидуумов. Как правило, данный вид реконструкции разрешается проводить на материале ярких представителей эпохи, которые своей выдающейся деятельностью определяют характер восприятия реальности целого поколения, а также являются законодателями популярных трендов творческого развития представляемого ими поколения. В данном случае знаковая составляющая играет огромную роль в модели восприятия окружающей действительности.

Попытаемся рассмотреть тенденции отображения картины мира в культуре молодежи Соединенных Штатов Америки 60-х годов XX столетия через семиотическое пространство поэтического дискурса поэта и рок-исполнителя группы The Doors Дж. Моррисона.

Обоснуем свой выбор. Дж. Моррисону удалось запечатлеть себя в сознании публики 1960-х не только музыкальным гением, но и культурным феноменом. Этому способствовала уникальная харизматичная личность и глубокая лирика поэта. Данная персона вдохновила молодых бунтарей прошедшей эпохи и дала начало целому движению. Дж. Моррисон был заинтересован в создании новой мифологии, соответствующей эпохе, переставшей быть героической и в то же время находящейся в отрыве от естественного мира. В 1969 году Моррисон заявил, что «современное общество видит высшую ценность в «контроле» и в сокрытии того, что спрятано внутри. Оно высмеивает примитивную культуру и гордится тем, что подавило природные инстинкты и импульсы» [4. Р. 64]. Поиск нового порядка, индивидуальной веры, дикой, «языческой», часто присутствует в его работах и занимает большую часть его творческих размышлений. Именно эту грань мы постараемся проследить.

Частотность появления объектов, символизирующих протяженность, бесконечность, невообразимую величину, интенсивность, неисчислимость, в поэтических текстах Дж. Моррисона достаточна велика, они позволяют передать величие и могущество, не подвластные человеческому контролю. Моррисон противопоставляет организованному человеческому бытию нечто стихийное, природное, неуправляемое (буйство

природной стихии, болезнь, бунт, социальное разложение). Признак величины и протяженности выступает синонимом к примитивному бытию, взывает к древним человеческим инстинктам, которые были подавлены развитием цивилизации. Данную тенденцию можно проследить в следующем поэтическом отрывке:

*You parade thru the soft summer
We watch your eager rifle decay
Your wilderness
Your teeming emptiness
Pale forest on verge of light
decline...*

Абстрактные понятия *wilderness* (пустыня) и *emptiness* (пустота) создают атмосферу безысходности и душевной пустоты, приносят элемент дикости в систематизированную обществом реальность. Глагол *parade*, который подразумевает структурированное движение многочисленной группы людей по улице, контрастирует с вышеупомянутыми словами. В противовес ему, автор использует глагол *decay* (разлагаться), что подчеркивает главную идею противопоставления примитивного и механизированного бытия. Автор усиливает атмосферу разложения общества с помощью оксюморона *teeming emptiness* (кишащая пустота); этот прием содержит ту же идею противопоставления.

В следующем примере мы можем проследить похожую идею:

*The banks are high and overgrown
rich with warm green danger
Unlock the canals
Punish our sister's sweet playmate distress.*

Автор использует географические объекты **banks** и **canals**, чтобы спроецировать присущие им признаки протяженности в сознание читателя. Дать почувствовать читателю на себе мили, исчезающие за горизонтом, и заявить о том, что природа долгое время существовала в гармонии без человека и может существовать далее, если человек будет жить в гармонии с ней. Лексемы *high*, *overgrown*, *rich* (возвышенный, неухоженный, изобилующий) используются автором для усиления воображаемой протяженности, подчеркивают величие природного начала. Автор метафорически обозначает его *green warm danger* (зеленая знойная опасность), тем самым подчеркивая, насколько сильно природа возвышается над человеческим сообществом.

В своих стихотворениях автор также показывает читателю, что природное начало вкупе с величием собственной сущности также может нести опасность, ввергать в панику:

*Now for the valley
Now for the syrup hair
Stabbing the eyes, widening skies
behind the skull bone.*

Необъятные просторы могут действовать устрашающе, как и замкнутые пространства. *Valley* и *widening skies* (долина и беспредельный горизонт) символизируют обширное пространство, «географическое варварство», бесконечность, которые сводят с ума, слепят и убивают (*stabbing the eyes*) здоровый человеческий разум.

Автор подчеркивает важность коллективного бессознательного, и указывает на то, что, как бы человек ни был цивилизован, корни его первобытного прошлого заставляют вспомнить о себе:

*Startling obedience from the pool people
Astonishing caves to plunder...
Dead crackling wires dance pools of sea blood.*

В другом фрагменте примитивные животные инстинкты и импульсы, которые современный человек умело прячет под маской самоконтроля, поэт называет метафорически *dawn of dreams*. Слово *dream* (сон) в данном контексте выступает в роли подсознания, которое управляет человеком, двигает невидимыми нитями. *Dawn* (рассвет) ссылается на градацию в развитии, ознаменование нового этапа в инволюции, а вернее, к возвращению к примитивным корням:

*The unblinking blind eyes
behind walls new histories rise
and wake growling & whining
the weird dawn of dreams.*

Длинные стены (*walls*), которые автор упоминает в тексте, являются символом невидимой протяженной границы, мешающей переходу человека современного, цивилизованного к новой формации человека, подчиняющегося только своим инстинктам. «Стена» выступает метафорой человеческих предрассудков, передает неуверенность, нежелание рисковать.

Включение сложных по своему построению объектов — характерная особенность семиотического пространства поэзии Дж. Моррисона. Автор тем самым подчеркивает, что, вопреки

желанию облегчить свою жизнь, человек усложняет ее, загоняя себя в тупик лабиринтов и хитросплетений дорог — творений его же рук:

*Savage destiny
Naked girl, seen from behind, on a natural road
Friends explore the labyrinth
-Movie
young woman left on the desert
A city gone mad with fever.*

Здесь автор представляет читателям апокалиптическую картину мира, в котором города умирают от необъяснимой лихорадки, люди остаются погибать в городах, которые символично именуются лабиринтами (*labyrinth*). А то, что впоследствии остается от мертвых городов, автор называет пустыней (*desert*) — выжженной, безлюдной, бесплодной. Он недвижно наблюдает за всем происходящим, не выражая никаких эмоций — автор констатирует факт. Данное отношение к происходящему четко характеризует сущность Дж. Моррисона, стремящегося погрязнуть в акте саморазрушения.

Таким образом, примитивная картина мира, реконструированная по материалам поэтических произведений Дж. Моррисона, позволяет выделить объекты/символы, определяющие не одно конкретное понятие или представление, но целый ряд различных единиц языкового сознания, обладающих специфическими свойствами, которые в свою очередь могут быть объединены в единую модель апперцепции, процесс обогащения языкового сознания.

Список литературы

1. Арутюнова, Н. Д. Метафора и дискурс // Теория метафоры. М. : Прогресс, 1990. С. 5–32.
2. Булыгина, Т. В. О языковой картине мира. М. : Политрон, 1998.
3. Huddersfield. Статья о творчестве Джима Моррисона. URL: www.huddersfield1.co.uk/poetry/morrisonpoetry
4. Kennealy, B. Through the eyes of poet. N. Y. : Random house, 1993. P. 135–150.

ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА РЕАЛИЗАЦИИ ОБРАЗА ПИСАТЕЛЯ

Статья посвящена анализу авторского сознания в художественном дискурсе. Охарактеризованы способы реализации образа писателя в тексте, делается попытка исследования данного образа на основе доминантных речевых средств.

Ключевые слова: художественный дискурс, авторское сознание, образ автора, доминанта.

Художественный текст — это смысловое единство со своими эстетическими целями. Соединение единиц текста в смысловое и структурное целое осуществляется посредством авторской модальности — «выражения в тексте отношения автора к сообщаемому, его концепции, точки зрения, позиции, его ценностных ориентаций» [4. С. 89]. С данной категорией тесно связано понятие «образ автора», представление о котором закладывается в выборе формы субъекта повествования. Образ автора можно определить как «концентрированное воплощение сути произведения» [5. С. 91].

При рассмотрении категории автора важно определить отношения реального автора и текста, а также особенности сознания автора, поэтому целостное исследование художественного объекта предполагает изучение выражения в нем авторского сознания. При этом необходимо помнить, что реальное сознание автора и категория авторского сознания вовсе не тождественны друг другу. Авторское сознание анализируется посредством языкового материала и воспроизводит далеко не все черты сознания реального автора [3. С. 3].

Предпосылками изучения проблемы авторского сознания явились разработки общих и частных вопросов языкового сознания. В отечественной лингвистике поворот языкознания в сторону когнитивных концепций был подготовлен лингвистикой начала века, нейрофизиологией и психологией последующего периода [3. С. 9].

Художественный текст — это модель мира автора. Смысл актуализируется языковыми средствами, и авторское сознание влияет на организацию и устройство текста на всех этапах его существования, а значит, исследование авторского сознания позволяет осветить особенности всей структуры художественного целого.

В центре любого высказывания и любого текста находится авторское сознание субъекта, которое определяет смысл и словесную форму речевого акта в их социальной направленности и ориентации на определенное восприятие.

Современные психолингвисты делают акцент на речевой деятельности и ее субъекте, в частности, производится анализ с позиций теории доминанты [3. С. 11]. На наш взгляд, при изучении авторского сознания вполне закономерно обращение к смысловым доминантам текста.

В романе Д. Митчелла «Black Swan Green» выделяется два субъекта повествования — условный рассказчик (герой произведения — начинающий писатель) и недекларированный автор, которые объединяют два повествовательных пласта. При этом фиксированных переходов между повествованием от автора и от рассказчика практически нет, часто даже при раскрытии внутреннего мира автор в повествование не вступает, а доверяет это рассказчику. И наоборот, внешние описания порой принадлежат автору, о чем можно судить лишь по различиям в манере изложения. При этом, благодаря форме повествования с двусубъектным автором, создается «эффект объемности изображения мира человека как центра художественной действительности» [4. С. 95].

Роман Д. Митчелла повествует о 80-х годах прошлого века. Соответственно, все приметы времени также присутствуют, например, холодная война, война на Фолклендских островах, политика Маргарет Тэтчер и т. п. События, касающиеся главного героя, освещены им самим с использованием обилия деталей и личного отношения, а те, которые нужны только для исторического фона, — автором.

Анализ языка художественной литературы характеризуется поиском доминантных речевых средств, позволяющих выделить «ключевые» слова, организующие целостное единство в эстетическом восприятии, согласно Л. А. Новикову (цит. по: [1. С. 214]).

Для Джейсона очень важна категория нормальности. Эта лексическая доминанта с неоднократным повтором «*normal*» с разными существительными или же отдельно («*normal people*», «*normal phones*», «*that's not just normal*» и т. п.) позволяет заключить, что для Джейсона в мире

существует важная оппозиция «*normal* — *abnormal*». И важно то, как он ощущает себя в этом мире: для него состояние «*abnormality*» привычное, внутренне он не ощущает разницы, однако старается казаться нормальным для друзей, которые вовсе не толерантны, и для родителей, которые заняты своими проблемами. В эту доминанту входит и понятие «*rule*». Джейсон боится нарушить какое-либо правило, иначе, по его мнению, он утратит свою «нормальность» и будет исключен из этого мира даже за малейшую провинность.

Анализ приемов создания образа Джейсона Тейлора включает также раскрытие особенностей его мышления. Отличительной чертой персонажа является его воображение. Даже при обычном стечении обстоятельств он фантазирует, как бы могло развиваться событие. Например, он представляет себя героем, сбившим катапультировавшегося советского летчика, тем самым спасая жизни десятки тысяч своих соотечественников, а затем отказывается от медали со словами «*I was just doing my job*». В этой фантазии проявляются многие качества Джейсона: желание совершить подвиг, чтобы его заметили, а потом отказаться от награды, чтобы подняться в глазах людей еще выше, тривиальные слова отказа свидетельствуют о том, что он прочел немало книг или посмотрел фильмов в жанре беллетристики.

Фантазии Джейсона не всегда имеют счастливый конец. Когда он рассуждает, что бы мальчики сделали с ним, если бы узнали, что он — Элиот Боливар, пишущий стихи, то пришел к выводу: «*<...>they'd gouge me to death behind the tennis courts with blunt woodwork tools<...>*». Когда же он слышит настойчивый телефонный звонок, а отца дома еще нет, он воображает: «*S'pose Dad'd been mangled by a juggernaut on the M5 and the police only had this office number 'cause all his other ID'd got incinerated? We could lose our final chance to see our charred father in the terminal ward*». Можно заключить, что Джейсон Тейлор фантазирует в разных направлениях. В своих вымыслах он реализуется.

Основными содержательными аспектами создания образа персонажа в литературном произведении являются средства и способы интродукции образа; портретная характеристика персонажа; его речевая партия; описание его поступков; средства и способы выражения авторского отношения и социального статуса. Последние два аспекта являются сквозными и «пронизывают» другие аспекты создания образа персонажа [2. С. 5].

Социальный статус героя выражается посредством поступков и портрета Джейсона Тейлора. Среда, в которой живет Джейсон, очень сильно влияет на него, даже давит. Он пытается создать для себя нечто наподобие имиджа: когда его друг спрашивает, что ему подарили на Рождество, то Джейсон называет «*The Game of Life*» (подаренную дядей и тетей), а не книжные купоны, полученные от родителей. Для себя он объясняет этот выбор следующим образом: «*Books're gay*». То, что могут заметить приятели, должно соответствовать их ожиданиям. Поэтому он следит за своей одеждой и не носит шерстяную шапочку («*Woolly hats're gay...*»), надевает «*navy duffel coat*» вместо «*black parka*» («*Truth is, black means you fancy yourself as a hard-knock*»), — объясняет он про себя, а матери отвечает: «*My duffel's a bit warmer, that's all*»), тем самым противоречит самому себе.

Образ Джейсона Тейлора характеризуется и через его отношение к окружающим, например, к приятелям. Популярных детей зовут по имени, менее популярные дети получают уважительное прозвище, далее идут дети, которых зовут по фамилии, а самое низкое положение занимают дети, которым дали насмешливые прозвища. Джейсон ясно это осознает и подводит итог как истинный писатель: «*It's all ranks, being a boy, like the army*». И хотя внутри себя он против такой дифференциации и наедине называет своего друга Дина Морана по имени, в компании он его зовет уничижительным прозвищем *Mogon*, иначе это повредит его репутации («*it'd damage my own standing*»). В этом проявляется противоречивость, заложенная в Джейсоне: он мягче остальных, но не может этого показать, боится, а потому следует установленным правилам.

Джейсону чужда конкуренция и уничижение: «*Games and sports aren't about taking part or even about winning. Games and sports're really about humiliating your enemies*». Ему кажутся отвратительными игры, где нужно быть предателем («*I hate that about British Bulldogs. It forces you to be a traitor*»). Ему также неприятно, когда мальчики хвастаются своими шрамами после игры в *Scabby Queen*, так как он считает это не выражением мужественности, а глупостью.

Тем не менее, для Джейсона превыше всего верность. Лексическая доминанта «*strategy*», «*plan*» встречается на протяжении всего произведения и характеризует мужской склад ума. К тому же он, думая о неприемлемости насилия, тем не менее, дает отпор, а не сдается («*But in-*

stead of trying to struggle free I got a firmer grip on his wrist and flung him off me straight into Ant Little and Darren Croome»).

Джейсон как настоящий писатель наблюдателен и способен описать свои ощущения, хорошо подмечает состояние людей, начитан, размышляет по поводу языковых фактов.

Список литературы

1. Бабенко, Л. Г., Казарин, Ю.В. Лингвистический анализ художественного текста. М. : Флинта : Наука, 2003.

2. Борисова, Е. Б. Художественный образ в английской литературе XX века: типология — лингвопоэтика — перевод : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Самара, 2010.

3. Бутакова, Л. О. Авторское сознание как базовая категория текста: когнитивный аспект : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Барнаул, 2001.

4. Валгина, Н. С. Теория текста. М. : Логос, 2003.

5. Виноградов, В. В. О языке художественной прозы: Избранные труды. М. : Наука, 1980.

Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 33 (248). Филология. Искусствоведение. Вып. 60. С. 147–149.

Н. Н. Дуринова

СЕМАНТИКА СЛОВА В ИНДИВИДУАЛЬНО-АВТОРСКОМ СТИЛЕ

В статье рассматриваются семантические особенности слова в идиостиле Шекспира. Для анализа взяты два слова во фразе, которые имеют различные толкования. Их значения прослеживаются этимологически, сравниваются в двуязычных и толковых словарях, благодаря чему раскрываются изменения, которые произошли в современном языке.

Ключевые слова: художественный текст, индивидуально-авторский стиль, ключевые слова, перевод.

В художественном тексте, отражающем авторское понимание действительности, происходит преобразование внутренней структуры значения слов, что, безусловно, создает значительные трудности при переводе такого текста на другой язык. При отсутствии должного понимания невозможно даже «дословно» перевести отдельные слова и фразы. Покажем это на примере, взятом из трагедии «Макбет» выдающегося английского драматурга Вильяма Шекспира. В этой трагедии есть ключевая фраза, которая столь же многозначна, сколь и непонятна:

Fair is foul and foul is fair.

Она необыкновенно трудна для перевода, поскольку слова *fair*, *foul* обладают высокой степенью многозначности, а сама трагедия — двойственностью, препятствующей выбору одного из множества значений. Некоторые переводчики, объясняя свой выбор, отмечают в комментариях, что в подлиннике «дословно» сказано: «прекрасное — дурно, а дурное — прекрасно». Так, например, считает А. Л. Соколовский, но почему же тогда он переводит: «Ложь и зло добром зовите»?

Если первое слово *fair* могло употребляться в качестве существительного в значении «красо-

та», что встречается в сонетах Шекспира, то случаев употребления второго слова — *foul* — в таком частеречном значении не отмечается. То, что имеется в виду, на самом деле понять очень трудно. Фраза может быть понята только из макроконтекста всей трагедии. Вопреки распространенному мнению, добро со злом в ней никак не смешивается.

Некоторые исследователи считают, что фраза имеет паремиологический характер и достаточно часто встречается в поэзии елизаветинского периода, например, у Э. Спенсера в “*Fairy Queen*”:

Then beauty, which was made to represent
The great Creator’s own resemblance bright
Unto abuse of lawless lust was lent
And made the baite of bestial delight.

Then *fair* grew *foul* and *foul* grew *fair* in sight’
(IV, 8: 32).

Слово *fair* в значении «положительные природные и моральные качества» часто встречается в английской поэзии елизаветинского периода. В специальной работе о паремиологии у Шекспира такой пословицы не приводится, однако противопоставление рассматриваемых слов содержится в пословице *fair without but foul*

within — красиво снаружи, да гнило внутри [3. Р. 328], что по смыслу очень близко тому выражению, которое встречается в трагедии.

Как уже было отмечено, лексемы *fair/foul* полисемантчны. В толковом (англо-английском) и двуязычном (англо-русском) словарях зафиксировано десять значений, которыми эти лексемы могут обладать. Это число легко расширить, так как вследствие широкой семантики обеих лексем синонимичные значения могут наделяться самостоятельностью. Например, из ряда синонимов *fair* «честный, справедливый, беспристрастный, законный» [1. С. 731] последнее значение может быть выделено как отдельный лексико-семантический вариант.

Обратимся к дефинициям, которые даются приведенным синонимам. В Толковом словаре русского языка лексемы «беспристрастный» и «справедливый» определяются одно через другое: «беспристрастный — не имеющий ни к чему пристрастия, справедливый» [2. С. 45], «справедливый — действующий беспристрастно, соответствующий истине» [2. С. 757], что свидетельствует о высокой степени взаимозаменяемости этих синонимов.

Прилагательное «законный» определяется как «соответствующий закону; вполне понятный, допустимый» [2. С. 208]. Можно было бы предположить, что в русском сознании «справедливый» не ассоциируется с законностью, но и в англо-английском словаре эти значения прилагательного *fair* разведены:

1 *free from dishonesty or injustice (честный)*;

2 *that is allowed to be done, given etc. as under the rules of a game (законный)*.

Прямые и переносные значения этих лексем даны в современных словарях хронологически недифференцированно, хотя общие словари не нацелены на то, чтобы придерживаться такой последовательности. Очевидно, что переносные значения развились позже, отражая распространение признака предмета на моральные качества: «чистый, незагрязненный (об одежде)» переходит на репутацию — «чистая, незапятнанная».

Возникает вопрос: «Какие из приводимых в современных словарях значений лексем *fair/foul* отмечались в эпоху Шекспира?» Для этого обратимся к Оксфордскому этимологическому словарю английского языка, где развитие значений этих лексем дано в хронологическом порядке [5]. (В скобках указывается время появления того или иного значения.)

1 *beautiful, pleasing — красивый, приятный (Old English)*

Fair 2 free from blemish — чистый, незапятнанный (XII)

3 *favourable — благоприятный (XIII)*

4 *light-coloured — светлый (XVI)*

Сравним значения этого слова с теми значениями, которые приводятся в «Хрестоматии английского языка» известного ученого-англиста А. И. Смирницкого:

Fair (др.-англ. и ср.-англ.) красивый, приятный, милый

(новоангл.) 1 *красивый*; 2 *честный*; 3 *белокурый*.

Основываясь на этимологическом словаре, первое (*beautiful, pleasing*) и четвертое (*light-coloured*) значения — прямые, третье (*favourable*) — переносное. Второе значение (*free from blemish — чистый*) можно рассматривать и как прямое — «освобожденный от грязи, опрятный», и как переносное, если говорить о моральных качествах — «нравственно безупречный, честный, правдивый».

Как видим, интересующее нас значение *free from blemish* в «Хрестоматии английского языка» связывается с новоанглийским периодом, хотя по данным этимологического словаря оно появляется достаточно рано, в раннесреднеанглийский период (XII век).

Далее сведем лексико-семантические варианты лексем *fair/foul* вместе, сопоставив их значения в англо-английском и англо-русском словарях.

Fair 1 (old use) beautiful, attractive

(арх. поэт.) *красивый, прекрасный*

2 *having a good clear, clean appearance or quality*
чистый, незапятнанный

3 *free from dishonesty or injustice*

честный, правдивый, беспристрастный

4 *showing by favourable conditions (weather, wind)*

благоприятный (о погоде, ветре)

5 *light in colour (hair)*

белокурый.

В этом же порядке проанализируем лексико-семантические варианты лексемы *foul*. В этимологическом словаре отмечаются только два значения:

foul 1 grossly offensive to the senses (opposite of clean)

вонючий, противный, со скверным запахом (Old English);

2 *opposite of fair*

противоположный по значению слову «fair» (Middle English).

В «Хрестоматии» А. И. Смирницкого отмечается два значения *foul*:

1 *грязный, отвратительный* и 2 *подлый, низкий*.

Если первое значение лексемы *foul* — *evil-smelling or evil-tasting* (*вонючий, противный, со скверным запахом*) конкретно, то второе значение — *opposite of fair* — неопределенно. Допустим, что имеются в виду антонимичные лексеме *fair* значения, отмечаемые в этимологическом словаре. В таком случае это

1 very bad, disagreeable, unpleasant (informal)

безобразный, непривлекательный

2 showing by unfavourable conditions

неблагоприятный (о погоде)

К этому добавляется еще одно значение *against the rules* — *недопустимый, играющий не по правилам*, антонимически также соотносимое с *fair*. Это важное для понимания трагедии значение.

В значении *fair* (*честный, правдивый, беспристрастный*) и *foul* (*подлый, низкий*) эти лексемы концептуализируются, давая событиям и предметам сущностные характеристики. Они дополняются близкими им синонимами, расширяя семантическое поле трагедии.

Говоря о добре и зле как абсолютных категориях, переводчики допускают упрощение с самого начала и встают на путь искажения основ-

ной мысли, заложенной в «Макбете». Можно предположить, что смысл начальной фразы *Fair is foul and foul is fair* заключается в том, что хорошие, добрые поступки могут привести к дурным последствиям (о том, что и добрые намерения могут быть обращены во зло, всем хорошо известно).

Нельзя согласиться с теми комментаторами «Макбета», которые видят в этой трагедии «изменение ценностей» (reversal of values), потому что меняются не нравственные ценности, а люди по отношению к ним, проявляя то благородную сторону своей натуры, то низменную.

Список литературы

1. Новый большой англо-русский словарь / под ред. Ю. Д. Апресяна : в 3 т. М. : Рус. язык, 1993.
2. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. М. : Цитадель, 1998.
3. Dent, R.W. Shakespeare's Proverbial Language. Los Angeles ; London, 1981.
4. Longman Dictionary of Contemporary English. London : Longman, 1978.
5. Oxford Concise Dictionary of English Etymology. Oxford : Oxford Univ. Press, 2003.

Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 33 (248). Филология. Искусствоведение. Вып. 60. С. 149–151.

М. В. Загидуллина

ЧИТАТЕЛЬ В ЗРИТЕЛЕ И ЗРИТЕЛЬ В ЧИТАТЕЛЕ: СДВИГ КОММУНИКАТИВНЫХ ОСНОВАНИЙ

Основная идея этой статьи связана с положением Бориса Эйхенбаума о диалектике зрителя и читателя. Автор считает, что общая ситуация с неграмотностью зрителя делает процесс получения визуальной культуры слишком сложным или даже невозможным.

Ключевые слова: *читатель, зритель, восприятие, художественный текст, язык кино, коммуникативный код.*

В. Шкловский говорил о «невозможности перевода» текста на язык другого искусства (поскольку всякий «пересказ» есть порождение нового произведения) [4. С. 19]. Но для Б. Эйхенбаума важнее была мысль о постоянной внутренней «зеркальной» работе читателя и зрителя: «Но еще важнее другой факт — процесс внутренней речи у зрителя. Для изучения законов кино (прежде всего — монтажа) очень важно признать, что восприятие и понимание фильмы неразрывно связаны с образованием вну-

тренней речи, связывающей отдельные кадры между собой. Вне этого процесса могут быть восприняты только «заумные» элементы кино. Кинозрителю приходится проделывать сложную мозговую работу по сцеплению кадров (построение кинофраз и кинопериодов), почти отсутствующую в обиходе, где слово покрывает собой и вытесняет иные способы выражения. Он должен непрерывно составлять цепь кинофраз — иначе он ничего не поймет. Недаром есть люди, для которых киномозговая работа оказывается

трудной, утомительной непривычной и неприятной. Одна из главных забот режиссера — сделать так, чтобы кадр «дошел» до зрителя, т. е. чтобы он угадал смысл эпизода, или, иначе говоря, перевел бы его на язык своей внутренней речи; эта речь входит, таким образом, в расчет при самом построении фильма. Кино требует от зрителя некоторой специальной техники угадывания, и техника эта, вместе с развитием кино, будет, конечно, усложняться. Уже теперь режиссеры часто пользуются символами и метафорами, смысл которых прямо опирается на ходячие словесные метафоры. Кинозрению сопутствует непрерывный процесс внутренней речи. Мы уже привыкли к целому ряду типичных шаблонов киноязыка; малейшее нововведение в этой области поражает нас не менее, чем появление нового слова в языке. Трактовать кино как искусство совершенно внесловесное невозможно. Защитники кино от «литературщины» часто забывают, что в кино выключено слышимое слово, но не выключена мысль, т. е. внутренняя речь. Изучение особенностей этой киноречи — одна из самых важных проблем в теории кино» [5].

Таким образом, речь идет о диалектике читателя и зрителя. Читатель, воспринимающий художественный текст, должен этот текст *увидеть*. Зритель, воспринимающий видеоряд, должен перевести иконические изображения в *мысль*, фактически сделаться *писателем*. Говоря о «киномозговой» работе, Эйхенбаум вплотную подступает к проблеме смены коммуникативного кода. Получается, что важнейшим теоретическим вопросом должна стать разработка теории переключения этих кодов в сознании (фактически речь идет об осознанном расщеплении в сознании человека коммуникативной системы — сам зритель должен *подавить* в себе читателя, остановить коммуникативные коды *считывания* мыслей, а включить коммуникативный код *образно-зрительного* восприятия). О. В. Конфедерат использует понятие «зависания» на границе языкового мышления [2. С. 145] в кинематографе (применяя это понятие для описания конкретного состояния отечественного кинематографа к 90-м годам XX века). Но для нас это понятие «зависания» особенно значимо. Как и «наивный» (неподготовленный) читатель, наивный зритель оказывается в ситуации беспомощности, когда сталкивается с кинематографическим коммуникативным кодом. «Кинемозговая работа» очень часто оказывается недоступна *особенно* тому зрителю, кто является искушенным и хорошо подготовленным читате-

лем. Например, в рецензиях на фильм Р. Фанса «Евгений Онегин» невозможно было найти *кинематографический* разбор фильма: большинство рецензентов остановилось на этапе критики *соответствия* сюжетов и смыслов. Между тем, читатель «Евгения Онегина» должен был бы оставить в стороне свою читательскую рефлекссию и смотреть фильм как зритель (то есть новый писатель, вербализующий предлагаемые ему кинообразы *безотносительно* к источнику сценария). Зритель оценивает работу режиссера. Читатель — работу писателя. Именно режиссер фильма выступает тем объединяющим центром, демиургом, что определяет действие всех участников фильма (актеров, сценариста, оператора, музыки и т. п.). Вот этот замысел и будет единственно значимым, трансформация зрительного в словесное и должна стать основой коммуникативной встречи зрителя и кино. При попытках же привнести в готовое произведение искусства *свое видение* текста, зритель не состоится как зритель, он останется на уровне того самого «зависания на границах языкового мышления», а следовательно, кадр до него, по выражению Б. М. Эйхенбаума, «не дойдет». О. Аронсон указывает на некий «чистый язык» кинематографа, отличный от языка в прямом понимании слова, и сетует на то, что кинематограф до сих пор еще не обрел «языковую полноту» [1. С. 141].

Но с точки зрения теории коммуникации, наиболее интересным моментом должен быть четкий ответ на вопрос — является ли наше восприятие *цельным* и неделимым при восприятии *чего угодно*, в частности любого произведения искусства. Был ли Эйхенбаум прав, рассуждая о переводе иконического в вербальное при просмотре фильма и вербального в иконическое при чтении книги? Можно предположить, что языковое мышление однозначно доминирует, а визуальное выступает лишь своеобразной «подпоркой» внутренней речи.

На наш взгляд, особенно значимым здесь следует считать вопрос об *изучении* языка кино. По отношению к привычному языку кинематограф выступает особым культурным кодом, незнание которого при коммуникации неизбежно подменяется использованием *известного* кода (читательского). Это подобно эпизоду в «Войне и мире», когда русские солдаты пытаются общаться с пленными французами. Произносимые теми неизвестные фразы мигом «считываются» по принципу соответствия русским словам, чем и создается комический эффект эпизода. Но тогда совершенно очевидно, насколько бессмысленна

вся рефлексия экранизаций даже в профессиональной кинокритике: критик пытается оценить *французский с позиций русского языка*. И тогда возникает конфликт коммуникативных кодов.

В отличие от фильма, основанного на «аутентичном» сценарии (вербальном ряде, созданном специально как канва кинофильма, без расчета на автономное словесное существование и иного читателя, кроме режиссера), экранизация художественного произведения представляет собой работу с готовой эстетической формой иного языка, иного (по отношению к кино) искусства. При этом зритель экранизации несет в своем сознании заведомое предзнание сюжета, который развернется перед ним в виде иконических знаков. Нет сомнений, что литература (как искусство владения словом) может в связи с этим рассматриваться как универсальное «второе (базовое) искусство» по отношению ко всем другим видам искусства. Зритель (наблюдатель) живописного полотна, скульптуры, архитектуры, даже слушатель музыки неизбежно вербализует свои впечатления и эстетические ощущения в потоке внутренней речи. Но для нас более значимым будет тандем читателя (писателя) и зрителя (режиссера) в ситуации восприятия экранизации литературного произведения.

Конфликт двух языков порождает ощущение неудовольствия и недостаточности экранизации по отношению к тексту. Это особенно ярко проявляется в случае попыток экранизации ключевых текстов какой-либо национальной культуры [1. С. 137–142]. Символическая «намоленность» таких текстов превращается в непреодолимый барьер на пути «остранения», необходимого для перевода на язык кино. Это чувство неудовлетворенности порождается несовпадением интерпретаций «внутреннего режиссера» каждого воспринимающего сознания и реального режиссера экранизации. Но это также и конфликт читателя и зрителя.

Воспринимая художественный текст как эстетическую целостность, читатель выстраивает определенную логику сюжета и событий этого текста. Режиссер фильма, несомненно, идет к этой логике иным путем, используя арсенал иконических средств. Для читателя экраниза-

ция — какой бы талантливой она ни была — будет «хуже» первоисточника (просто в силу своего интерпретационного, а следовательно, вторичного характера). Фильм «опрощает», «выпрямляет» прихотливую логику художественного текста. Фильм не может «свести своды» (выражение Льва Толстого) *так же*, как и текст. Он сведет их иначе — ограниченный во времени, оперирующий иными (по сравнению с литературой) путями донесения смысла до читателя. Если воспринимающее сознание при этом не переключает внутренний эстетический код восприятия, оно остается в рамках критики экранизации как примитивизирующей (либо — в лучшем случае — сильно искажающей) источник.

Ян Левченко пишет о «ненаписанной теории» кинематографа, точно обозначая этим общую коммуникативную проблему нового времени [3]. Литература, выступая базовым кодом, «ключом культуры», оказывается непреодолимой помехой на пути создания *отличной* от нее самой эстетической кодификации, применимой к восприятию кинематографа. Кино (и визуальное) занимает в жизни современного человека огромное место, но до сих пор остается исключено из числа социально-значимых, осмысленно включенных в социализирующие институты практик — во многом именно потому, что попытки выработать особую теорию кино и визуального наталкиваются на непреодолимую стену неизбежного *соответствия* коммуникативному коду литературы.

Список литературы

1. Аронсон, О. Коммуникативный образ: Кино. Литература. Философия. М. : Нов. лит. обозрение, 2007.
2. Конфедерат, О. В. Прозрачный кадр: концептуальный фильм как опыт нерелективной антропологии. Челябинск : Энциклопедия, 2009.
3. Левченко, Я. Контуры ненаписанной теории: кинематографический сюжет русских формалистов // Нов. лит. обозрение. 2008. № 92. С. 42–68.
4. Шкловский, В. Б. Литература и кинематограф. Берлин : Рус. универсальн. изд-во, 1923.
5. Эйхенбаум, Б. М. Поэтика киностилистики // Поэтика кино. М.; Л. : Кинопечать, 1927.

ОСОБЕННОСТИ КОММУНИКАЦИИ АДРЕСАТА И АДРЕСАНТА КИНОДИСКУРСА

Статья посвящена выявлению особенностей коммуникации адресата и адресанта сообщения в кинодискурсе. Автор утверждает, что этот процесс осложняется аудиовизуальным характером кинодискурса.

Ключевые слова: коммуникация, кинодискурс, адресат, адресант, восприятие, лакуна, кинодиалог.

Кинодискурс является особым видом дискурса, имеющим отличия от других его разновидностей с точки зрения процесса коммуникации адресата и адресанта. Прежде всего эти отличия связаны с самой природой взаимодействия реципиента и отправителя сообщения в кино.

Адресат сообщения, содержащегося в кинодискурсе, — удаленный, множественный. Как правило, он характеризуется социо-культурной неоднородностью. Особенностью адресата кинодискурса является то, что он представляет собой группу людей, объединенных некими общими признаками (пол, возраст, страна проживания, национальность, культурный и интеллектуальный уровень). Возможность выделения этих общих признаков обусловлена наличием у любого фильма так называемой целевой аудитории, что связано, прежде всего, с необходимостью окупаемости кинокартины, производство которой весьма затратно. Итак, фильмы задумываются в расчете на определенную группу зрителей, к которой, безусловно, могут примыкать и другие группы, не определяемые изначально в качестве целевых — например, кинокритики, родители, пришедшие на детское кино, случайные зрители и т. д. Таким образом, хотя для некоторых жанров кинодискурса адресат, или целевая аудитория, описывается довольно четко, как, например, для “teenpics” — «молодежных комедий», можно все же говорить о неоднородности зрителей.

Понятие целевой аудитории как адресата кино существенно, так как целевая аудитория в некоторой степени задает жанр кинодискурса, ибо у каждого жанра есть свой зритель. В свою очередь, адресант кинодискурса, т. е. его создатель, задумывая фильм, имеет в виду некую группу реципиентов, что определяет выбор жанра. И хотя проблема жанров кинодискурса является очень сложной и не до конца изученной, корреляция между жанром фильма и адресатом является очевидной.

Что касается адресанта кинодискурса, он тоже является множественным. Кинодискурс создается коллективом авторов (сценаристы, режиссер, композитор, оператор и т. д.). В современной киноиндустрии огромное влияние на процесс производства кинофильма оказывает продюсер, исполнительный директор и другие лица, санкционирующие съемки того или иного сценария, одобряющие кандидатуры актеров [9. Р. 42]. В случаях же, когда основой кинодискурса является литературное произведение, вопрос об авторстве становится особенно сложным.

Информация в кинодискурсе воспринимается и обрабатывается реципиентом сообщения — зрителем. Однако было бы упрощением свести роль зрителя к простому декодированию сообщения, посланного авторами кинодискурса. Зритель всегда соучаствует в создании смысла [9. Р. 46], т. е. является активной, а не пассивной стороной, а кинодискурс открыт для познания и допускает множественность интерпретаций. Интерпретация кинодискурса, глубина его прочтения зависят, в частности, от культурных особенностей аудитории [7. С. 4; 5. С. 76]).

В связи с этим остановимся на понятии «лакуны» как «некоторого фрагмента текста (или всего текста), который оценивается как нечто непонятное, странное, ошибочное» [6. С. 90]. Если носитель языка имеет дело с инокультурным текстом, он может столкнуться с языковыми и культурологическими лакунами, которые могут встречаться на всех уровнях вербального и невербального поведения. Лакуны сигнализируют о том, что в воспринимаемом тексте есть «зоны непонимания» (частичного, неадекватного понимания). В случае необходимости лакуны могут быть элиминированы из текста, «заполнены» или компенсированы, что уменьшает зону непонимания [6. С. 90]. Лакуны могут быть и не заполнены, и не компенсированы, если в переводе требуется передать национальный колорит или если коммуникатор сознательно при-

бегают к приему увеличения «зоны непонимания». Большинство лакун возникает вследствие нетождественности картины мира реципиента текста и отправителя. Наличие лакун неизбежно затрудняет процесс восприятия кинодискурса адресатом.

В кинодискурсе формат передачи сообщения — это отсроченный контакт при отсутствии непосредственного обмена репликами между коммуникантами. Однако несмотря на то, что реакция зрителя на кинодискурс всегда бывает отсроченной, создается кинодискурс именно в расчете на зрительское восприятие, что влечет за собой «эффект двойного сказывания» [3. С. 5] или «подслушивания зрителем» (overhearing) [10. Р. 57; 9. Р. 1]. Следствием этого является принципиальное отличие кинодиалога от обыденной речи. В кинодиалоге любое слово должно быть сказано так, чтобы быть услышанным и понятым не только тем персонажем, к которому обращаются с речью, но и зрителем, который, как бы «подслушивая» чужой разговор, на основе общих для создателей фильма и для аудитории когнитивных моделей и фреймов делает выводы о его содержании.

Коммуникация между адресантом и адресатом сообщения в кинодискурсе, как правило, рассматривается на основе классической схемы передачи информации. Некоторые исследователи, в частности И. П. Муха [4. С. 9], считают, что в кино, в отличие от классической схемы, имеется не один, а два передатчика: сценарист и режиссер. Мы считаем, что более уместно говорить о коллективном авторе как создателе кинодискурса, потому что кинодискурс возникает в результате очень сложного процесса. Например, сценарий может неоднократно изменяться и существенно отличаться от готового фильма, и даже сам фильм может существовать в нескольких вариантах, как, например, знаменитое «Головокружение» А. Хичкока (для европейской аудитории было снято другое окончание фильма). Поэтому мы рассматриваем всех авторов кинодискурса в единстве, не выделяя отдельных стадий создания кинодискурса, при этом, как и большинство исследователей, наиболее важной фигурой считаем режиссера фильма.

К. Бубель модифицировала классическую схему передачи информации, чтобы показать, как много людей принимает участие в создании вербального компонента фильма, как кинодиалог специально планируется таким образом, чтобы быть «подслушанным» зрителем. На основе знаний о мире, общих для коллектива авторов

фильма (продюсер, автор сценария, режиссер, оператор, редактор) и для кинореципиентов (зрителей) создается кинодиалог. Этот кинодиалог «разыгрывают» между собой актеры, изображающие определенных персонажей. Зритель, обладающий теми же знаниями о мире, что и создатели фильма, «подслушивает» диалог, делая свои предположения насчет его содержания, мотивов действующих лиц и т. д. При этом зритель также обладает знаниями о том, что диалог специально создается в расчете на то, чтобы быть услышанным [9. Р. 57].

Отметим, что не все исследователи согласны с тем, что интерпретация кинодискурса может вписываться в традиционную модель речевой коммуникации «отправитель сообщения — сообщение — адресат» [2. С. 14]. Так, Т. А. Вархотов [1. С. 58] пишет, что далеко не все фильмы несут в себе «сообщение», т. е. информацию, подлежащую интерпретации, особенно это касается так называемых «низких жанров — боевика, фильма ужасов и др.» Аудитория, по Т. А. Вархотову, приходит на киносеанс не для того, чтобы расшифровать «сообщение», а для того, чтобы фильм проделал с ними определенную «работу», т. е. чтобы пережить некие эмоции, которые скрасят обыденность, повысят самооценку и т. д. Именно с «работой» кинодискурса, по Т. А. Вархотову, связано влияние его на жизненный стиль, ценности зрителей.

Несмотря на то, что такая точка зрения объясняет некоторые особенности восприятия кинодискурса, она неудобна для лингвистического исследования, поэтому мы предпочитаем модель К. Бубель, а шаблонность, традиционность некоторых жанров рассматриваем как неотъемлемую принадлежность массовой культуры и важную характеристику определенных дискурсов. Кроме того, существенно мнение Е. Ф. Тарасова, разъясняющего, что «сообщение, вернее, его содержание, не передается, а конструируется слушающим (читающим) при восприятии тел языковых знаков, образующих текст» [8. С. 10].

Одной из особенностей коммуникации адресанта и адресата кинодискурса является возможность неоднократного просмотра фильма, что связано с таким свойством кинодискурса, как воспроизводимость. Кроме того, наличие копий фильма в записи позволяет зрителю управлять процессом восприятия: останавливать его, перематывать вперед или назад, просматривать отдельные эпизоды. В последнее время большую популярность приобретает комментированный просмотр, который возможен, когда на DVD

с фильмом имеется дополнительная звуковая дорожка, на которой создатели фильма поясняют зрителю смысл отдельных эпизодов и рассказывают о процессе создания фильма. Такого рода коммуникация возможна только для кинодискурса, так как комментирование литературных произведений и театральных постановок, как правило, осуществляется последовательно с просмотром.

Еще одна особенность коммуникации обусловлена природой сообщения, передаваемого зрителю при помощи фильма. Это сообщение является аудиовизуальным, т. е. в процессе его передачи задействуются разные каналы — как зрительный, так и слуховой, в связи с чем сообщение оказывается информационно насыщенным. Информация поступает к реципиенту как по вербальному, так и по невербальному каналам, что аналогично процессу коммуникации в реальности, однако отличается от реального общения тем, что носит четко спланированный, сконструированный характер. Кинодискурс имеет метки начала и конца сообщения (начальные и финальные титры) и, как правило, заданную продолжительность (короткометражный или полнометражный фильм). Большой массив передаваемой информации, с одной стороны, приводит к возможности рассказать многое на ограниченном промежутке времени, а с другой стороны — в определенной степени ограничивает возможности интерпретации фильма зрителем, в отличие от чтения литературного произведения. Хотелось бы особо отметить, что цвет, музыкальный ряд, аудиовизуальные эффекты несут в кинодискурсе определенную информационную нагрузку, в то время как находящаяся сейчас на пике популярности 3D-технология, по сути, ничего не добавляет к информационной составляющей фильма, являясь всего лишь способом привлечь зрителя. Возможно, именно с этим связан отказ многих зрителей от просмотра фильмов в 3D-варианте.

Таким образом, процесс коммуникации адресанта и адресата кинодискурса является сложным в связи с особенностями последнего.

Список литературы

1. Вархотов, Т. А. Стратегия исследования кинофильма : методологический аспект // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования. М. : Изд-во Моск. ун-та, 2004. Ч. 2. С. 58–64.
2. Гойхман, О. Я. Речевая коммуникация / О. Я. Гойхман, Т. М. Надеина. М. : ИНФРА-М, 2007. 272 с.
3. Горшкова, В. Е. Теоретические основы процессориентированного подхода к переводу кинодиалога (на материале современного французского кино) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Иркутск : Иркут. гос. лит. ин-т, 2006. 32 с.
4. Муха, И. П. Категория информативности кинодиалога : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Иркутск, 2011. 22 с.
5. Слышкин, Г. Г. Кинотекст (опыт лингвокультурологического анализа) / Г. Г. Слышкин, М. А. Ефремова. М. : Водолей Publishers, 2004. 153 с.
6. Сорокин, Ю. А. Текст и национально-культурная рефлексия // Оптимизация речевого воздействия. М. : Наука, 1990. С. 87–99.
7. Сургай, Ю. В. Интердискурсивность кинотекста в кросскультурном аспекте : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 2008. 17 с.
8. Тарасов, Е.Ф. Речевое воздействие: методология и теория // Оптимизация речевого воздействия. М. : Наука, 1990. С. 5–18.
9. Bubel, C. The linguistic construction of character relations in TV drama : Doing friendship in Sex and the City. Dissertation zur Erlangung des akademischen Grades eines Doktors der Philosophie der Philosophischen Fakultäten der Universität des Saarlandes. Saarbrücken : Universitaet des Saarlandes, 2006. 294 p.
10. Kozloff, S. Overhearing Film Dialogue. Berkeley & Los Angeles : University of California Press, 2000. 332 p.

РЕАЛИЗАЦИЯ ПРИЯДЕРНОЙ ЗОНЫ КОНЦЕПТА «ПРОФЕССИЯ» В ПРОИЗВОДСТВЕННЫХ РОМАНАХ Д. ЛОДЖА

Статья посвящена рассмотрению реализации концепта «профессия» и вербализации его основных (базовых) признаков в производственных романах Дэвида Лоджа.

Ключевые слова: концепт, полевая структура, ядро, периферия, профессиональная деятельность, интерпретация.

Несмотря на различия в определениях термина «концепт», предлагаемых исследователями, а также в подходе к структуре лингвокультурного концепта, можно наблюдать сходство мнений в понимании полевого строения концепта, включающего ядро (наиболее яркий образ с актуальными для носителей языка ассоциациями) и периферию (более абстрактные признаки с менее значимыми ассоциациями).

Данное исследование посвящено особенностям вербализации базовых признаков концепта “profession” («профессия») в производственных романах Дэвида Лоджа, эксплицируемых парадигматическими связями, имеющими тесную смысловую связь с ядром, и синтагматическими связями слова-имени, в которых реализуется его семантический потенциал и которые образуют приядерную зону — универсальный слой концепта «профессия», то, что известно всем представителям определенной лингвокультуры.

Анализ функционирования лексем, вербализующих концепт “profession” («профессия») в произведениях Дэвида Лоджа, показал, что профессия может выполнять роль объекта, претерпевающего над собой действия:

– в работу можно вникать (to ease oneself into the job): “She had worked for Pringle’s for years, and Vic was heavily dependent on her know-how while he eased himself into the job” [5. P. 35].— «Ширли много лет работала на «Принглс», и Вик очень нуждался в ее знаниях и помощи, когда входил в курс дела» [3. С. 33];

– на работу можно устроиться (to land a job): “Charles’s success in landing a job provoked in Robyn the first twinge of jealousy, the first spasm of pique, to mar their relationship” [5. P. 47].— «Успех Чарльза, нашедшего работу, вызвал у Робин первую вспышку ревности, первый приступ раздражения, который едва не испортил их отношения» [3. С. 45];

– работу можно получить (to get a job): “Anyway, you’ll never get a job here, Robyn”

[5. P. 50].— «Во всяком случае, ты никогда не получишь здесь работу» [3. С. 48];

– работу можно потерять (to be thrown out of work): “Then hundreds of men would be thrown out of work, with no hope of getting another job” [5. P. 155].— «Тогда сотни людей потеряют работу, а другую такую уже не найдешь» [3. С. 153];

– ее можно искать (to look for a job, to apply for a job): “She began to look for a university job outside Cambridge” [5. P. 50].— «Она стала искать работу за пределами Кембриджа» [3. С. 48]. “But I just wanted to say that I, we, shouldn’t at all blame you if you were to start applying for jobs elsewhere now” [5. P. 64].— «Я хотел сказать, что у меня...у нас не будет претензий, если вы уже сейчас начнете подыскивать себе работу» [3. С. 62];

– выполнение работы возможно возобновить (to resume work): “He resumes work on the drawing-pin” [5. P. 61].— «Хорошо, я вас запишу, - соглашается Боб и снова принимается за кнопку» [3. С. 59];

– работу можно закончить (to finish the job): “Marion was worried that she wouldn’t get paid because she didn’t finish the job” [5. P. 254].— «Мерион очень переживала, что не получит денег, ведь она не доделала свою работу» [3. С. 248];

– работу можно сохранить (to keep job): “After all that trouble I took back in January keeping Danny Ram’s job for him, now I discovered I’d helped to lose it for him again” [5. P. 300].— «После всех моих усилий, приложенных в январе к тому, чтобы Денни Рэм не потерял работу, я вдруг выясняю, что помогла ему лишиться ее» [3. С. 295];

– можно перейти на другую работу (to move to another job): “Couldn’t you move him to another job occasionally?” [5. P. 123].— «А разве вы не можете время от времени переводить людей на другую работу?» [3. С. 121];

– к работе можно вернуться (to go back to work): “After about twenty minutes they sent a del-

egation to say that they were prepared to go back to work providing Danny was guaranteed his job back after retraining and on condition they were given five minutes paid washing-up time at the end of their shift" [5. P. 157].— «Минут через двадцать они прислали делегацию с сообщением, что готовы снова приступить к работе, если, во-первых, Денни Рэм после переподготовки сможет вернуться на свое место, а, во-вторых, им предоставят после смены пять минут оплачиваемого времени, чтобы они могли умыться» [3. С. 155];

– от работы можно отвлечься (distraction from work): "It was a distraction from her work" [5. P. 215].— «Эти поездки отвлекали ее от работы» [3. С. 211];

– можно остаться без работы (to be out of job): "Does she know I shall probably be out of a job next year? Robyn asked" [5. P. 239].— «А она знает, что в следующем году я скорее всего останусь без работы? — спросила Робин» [3. С. 233];

– работу можно предложить в качестве подарка (to offer a job as a present): "You are offering me Danny Ram `s job as a sop, as a bribe, as a present, like other men give their mistresses strings of pearls" [5. P. 301].— «Ты предлагаешь мне работы для Денни Рэма как взятку, как подачку, как подарок. Так мужчины дарят своим содержанкам нитки жемчуга» [3. С. 296];

– работой можно обменяться с кем-либо (to swap job): "The two men had swapped more than their jobs, according to Rupert Sutcliffe, who whispered to Robyn that there had been an affair between Zapp and Hilary Swallow at the same time that Swallow was carrying on with Zapp `s then wife Desiree, subsequently famous as the author of *Difficult Days and Men*, big best-selling books written in a mode Robyn sometimes called "vulgar feminism" [5. P. 322].— «По словам Руперта Сатклифа, мужчины обменялись не только должностями. Он нашептал Робин, что между Цанном и Хилари Лоу завязались более чем тесные отношения. В то же время Лоу сошелся с тогдашней супругой Цанна, Дезире, впоследствии прославившейся книгами «Критические дни» и «Мужчины» - бестселлерами, написанными в стиле, который Робин окрестила «вульгарным феминизмом» [3. С. 316].

Работа может быть представлена как совокупность знаний, умений, и результат процесса их присвоения отражается в таких сочетаниях, как «моя профессия», «наша профессия»:

"Don `t forget there is an element of risk in our job" [5. P. 186].— «Не забывай, что в нашей работе есть элемент риска» [3. С. 182].

Профессиональную деятельность можно классифицировать по виду затраченных усилий:

– умственная (intellectual): "The steady grind of intellectual work, punctuated by brief explosions of indoor physical exercise — that was the rhythm of Robyn `s first winter at Rummidge" [5. P. 214].— «Напряженная умственная работа, изредка прерываемая короткими вспышками физических упражнений, - таков был ритм жизни Робин в ее первую раммиджскую зиму» [3. С. 210];

– неквалифицированная (unskilled): "For every unskilled job we advertise, we get a hundred applicants — more than a hundreds" [5. P.120].— «Про каждое место, не требующее квалификации, мы даем объявление и получаем сотню предложений. Даже больше сотни» [3. С. 117];

– требующая квалификации (skilled): "We have plenty of coloureds in skilled jobs" [5. P. 134].— «А если предложить работу, требующую квалификации?» «У нас есть цветные и на этих местах» [3. С. 131].

Профессия может осмысляться во времени. Согласно этому критерию, работа может быть:

– временной (permanent): "Besides, if it wasn `t for the cuts, I `d have had a permanent job by now" [5. P. 115].— «К тому же, если бы не сокращения, у меня уже была бы постоянная работа» [3. С. 113];

– новой (new): "He delivered his dissertation on time, was awarded his doctorate, and was lucky enough to obtain a lectureship in the Comparative Literature Department at the University of Suffolk, "the last new job in Romanticism this century", as he was wont to describe it, with justifiable hyperbole" [5. P. 47].— «Диссертацию он написал в срок, обрел докторскую степень, и ему посчастливилось получить курс лекций на факультете сравнительного литературоведения Саффолкского университета. Сам Чарльз окрестил этот курс (с вполне оправданной долей преувеличения) «последней в столетии новой работой по романтизму» [3. С. 113];

– с частичной занятостью (part-time job): "Marion does not qualify for a maintenance grant because her parents are well off, but they are also estranged, from each other and from her, so she is obliged to support herself at University with a variety of part-time jobs" [5. P. 67].— «Мерион не получает стипендию, потому что ее родители весьма обеспеченные люди, но живут они отдельно не только друг от друга, но и от дочери. Поэтому Мерион вынуждена подрабатывать то там, то тут» [3. С. 65–66];

– повторяющейся, монотонной (repetitive): “The noise. The dirt. The mindless, repetitive work.” [5. P. 120].— «Шум. Грязь. Тупая монотонная работа» [3. С. 117];

– профессия может сопровождать человека в течение всей его жизни: “You were demonstrating in support of the other lecturers `right to a job for life?” [5. P. 115].— «Вы выступали в поддержку пожизненных должностей других преподавателей?» [3. С. 113];

– работа может не занимать много времени (not to take much time): “But it `s quite well-paid, and it doesn `t take up too much of her time” [5. P. 253].— «Но ей хорошо платят, и работа не занимает много времени» [3. С. 248];

– работа может передаваться по наследству (hereditary job): “You mean the jobs are hereditary?” [4. P. 60].— «У них что, ставки по наследству передаются?» [1. С. 28].

С точки зрения отношения человека к выполняемой им/другими людьми работы она может быть:

– интересной (interesting): “Do you find it interesting work?” “As an anthropologist, yes” [6. P. 162].— «И вы находите эту работу интересной? Как антрополог — да» [2. С. 80];

– приличной, пристойной (proper): “I haven `t got a proper job at the moment” [6. P. 11].— «У меня сейчас нет постоянной работы» [2. С. 5];

– приносящей радость и удовлетворение (glamorous, satisfying): “The job of check-in clerk at Heathrow, or any other airport, is not a glamorous or particularly satisfying one” [6. P. 114].— «Работу сотрудника аэропорта Хитроу по регистрации пассажиров — впрочем, это же относится и к сотрудникам других аэропортов — ни особо радостной, ни особо содержательной не назовешь» [2. С. 57];

– скучной, монотонной (dull monotonous): “For the most part the job is a dull and monotonous one, processing people who are impatient to conclude their brief business with you, and whom you will probably never see again” [6. P. 114].— «Так что для многих служащих аэропорта это просто скучная и монотонная обработка пассажиропотока, отдельные единицы которого желают как можно быстрее пройти формальности и с которыми едва ли возможна повторная встреча» [2. С. 57];

– однообразной, нудной (mechanical and repetitive): “The work is mechanical and repetitive: inspect the ticket, check it against the passenger list on the computer terminal, tear out the ticket from its folder, check the baggage weight, tag the baggage,

ask Smoking or Non-smoking, allocate a seat, issue a boarding pass” [6. P. 114].— «Она, вообще говоря, довольно однообразная и нудная: проверить авиабилет, сличить фамилию пассажира со списком в компьютере аэровокзала, оторвать билет от корешка, взвесить багаж, приклеить к нему ярлык, спросить, какой салон — для курящих или некурящих, подыскать подходящее место и выдать посадочный талон» [2. С. 57];

– ответственной, сложной (tricky): “My Dad was a skilled worker, sand-moulder in foundry, he had a wonderful touch, the management groveled to him whenever they had a tricky job to be done” [6. P. 175].— «Отец мой был литейщиком высшего разряда, и руки у него были золотые: начальники в ножки ему кланялись, если предстояла ответственная работа» [2. С. 57];

– тяжелой (heavy): “Foundry work is heavy work, dirty work” [5. P. 134].— «Работа в литейном цехе грязная и тяжелая» [3. С. 130];

– трудной (hard): “You just admitted blacks do all the worst jobs, the dirtiest, hardest jobs” [5. P. 134].— «Но ведь вы заставляете цветных выполнять самую неприятную работу, самую грязную и трудную» [3. С. 130];

– серьезной (serious): “It `s not a serious job, though, is it?” [5. P. 239].— «Разве это серьезная профессия?» [3. С. 223];

– высокооплачиваемой (well-paid): “But it `s quite well-paid, and it doesn `t take up too much of her time” [5. P. 253].— «Но ей хорошо платят, и работа не занимает много времени» [3. С. 248];

– хорошей (nice): “She was his girlfriend, his mistress, his dolly-bird, his bit of spare, his nookie-cookie, thinly disguised as his secretary or PA, going with him to Frankfurt on the firm `s expenses, nice work if you could fiddle it, lucky bastard” [5. P. 270].— «Она его любовница, содержанка, куколка, птичка, ягодка, пристроенная секретаршей, и она летит во Франкфурт за счет фирмы. Получить такую работу — большое счастье» [3. С. 267].

Профессия может представлять живым существом:

– работа может отвечать на вопросы: “Only work seemed to provide an answer” [5. P. 214].— «Единственный возможный ответ — работа» [3. С. 210];

– работа может исчезнуть: “Maybe you should consider it seriously, it might be useful when your job runs out” [5. P. 296].— «Он пригодится, если ты останешься без работы» [3. С. 291].

Таким образом, в произведениях Д. Лоджа представлена многосторонняя интерпретация

профессиональной деятельности, о чем можно судить по функционированию 190 лексем, вербализующих приядерную зону концепта “profession” («профессия»). Профессия в языке производственных романов Лоджа может выполнять роль объекта, претерпевающего над собой действия, представлять совокупностью знаний и умений или живым существом. Лексемы, вербализующие содержание данного концепта, позволяют классифицировать профессиональную деятельность по виду затраченных на нее усилий, с точки зрения отношения к ней человека и с позиций ее протяженности во времени.

Список литературы

1. Лодж, Д. Академический обмен. М. : Независимая газ., 2000. 543 с.
2. Лодж, Д. Мир тесен. М. : Независимая газ., 2004а. 432 с.
3. Лодж, Д. Хорошая работа. М. : Независимая газ., 2004б. 384 с.
4. Lodge, D. Changing Places. Penguin Books Ltd. 2007. 256 p.
5. Lodge, D. Nice Work. Penguin Books Ltd. 1989. 384 p.
6. Lodge, D. Small World: An Academic Romance. Penguin Books Ltd. 1993. 478 p.

Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 33 (248). Филология. Искусствоведение. Вып. 60. С. 158–160.

Т. Н. Маркова

ЖАНРОВЫЙ ЭКСПЕРИМЕНТ ИЛИ ИГРА В ПОДДАВКИ (к вопросу о выборе писательской стратегии)

В статье анализируется современное состояние словесности, связанное с интенсивным развитием средств массовой коммуникации. Показывается, что в литературном процессе все большее значение приобретает презентация книги. Автор подчеркивает, что в условиях рынка писатель поставлен перед необходимостью выбора индивидуальной стратегии взаимоотношения с читателем и издателем, а выбор всегда сопряжен с определенным риском.

Ключевые слова: *литературный процесс, стратегия взаимодействия с читателем, художественный эксперимент.*

Современное состояние словесности связано с интенсивным развитием в XX веке средств массовой коммуникации. Художественная литература в условиях рынка переживает жесточайший разлад между изготовителем и пользователем текста, между писателем, издателем и читателем. В современном литературном процессе все большее значение приобретает презентация книги. И это не тяга к шоу-эффектам, а важный симптом, характеризующий существенную трансформацию коммуникативных механизмов.

Издательство «Гелиос» анонсировало выход романа В. Маканина «Испуг» (2006) зазывно и провокационно: «Асимметричный ответ набоксовской «Лолите». Газета «Метро» мгновенно отреагировала: «Прикольный старикан, кочующий по постелям особ, годящихся ему во внучки, вызывает сочувствие, симпатию, доверие и, наконец, неподдельный интерес. Читателя ждет несколько интригующих ночей». «Решительной неудачей» назвал публикации Маканина А. Немзер [4]. А. Агеев увидел воз-

можность прочтения «Испуга» как «дешевой, хотя и со специфическим душком, эротики» [1]. О. и В. Новиковы парировали: «Прорабатывать сатира и нимфу на профсоюзном собрании бесполезно», гедонизм героя Маканина есть «возможное утешение, которое осталось уходящему поколению» [5]. Скандальный резонанс книге был обеспечен. Но что это — только ли коммерческий ход издательства, или сознательная писательская стратегия?

В одном из интервью на вопрос корреспондента, есть ли искушение писать «для публики», В. С. Маканин уклончиво отвечает: «Так получилось. Внешне». Живой классик сетует на то, что читательские запросы сегодня упрощены, огрублены, сведены к самым простым и понятным потребностям в сильных, грубых и непосредственных ощущениях. Форма взаимодействия писателя с читателем сегодня представляется Маканину как «бартер в чистом виде. Дашь на дашь»: «Читатель хочет, чтобы его «трахнули» или «пристрелили», — пожалуйста. На пер-

вых же страницах — пожалуйста. Писатель делает, как ты хочешь. Но зато и сам выскажется от души» [2].

В другом интервью читаем: «Я когда-то совпадал со временем. Было модно меня читать. Печатали... Любили... Но все в жизни проходит — прошло и это. Я пережил без особых, к счастью, страданий. Меня веселит прочтение моего нового романа: Маканин, мол, спянул, помешался на молоденьких девочках» [6]. Считается, что писателю проще брать для своих текстов известные обстоятельства, нередко, из собственной жизни. Так возникает обычная путаница: отождествление автора с героем. Писатель жалуется и негодует на прессу, вряд ли не сознавая того, что именно скандал есть наиболее эффективная реклама и книге, и ее автору.

«Новый провокационный», как гласит эта самая реклама, роман В. Маканина «Испуг» правильнее было бы назвать циклом эротических новелл. Высвобождение телесности, сюжеты посрамления мужа-рогоносца, мотив ошибки, фрагментарность композиции отсылают к роману Боккаччо. Фрагменты будущего романа Маканин печатал в «Новом мире» в течение пяти лет — с 2001 по 2006-й. Сначала журнальные публикации шли с отсылками к складывающемуся циклу «Высокая-высокая луна», но уже в 2006-м рассказы «Нимфа», «Старики и Белый дом», «Старость, пятая кнопка» печатались как главы из романа. В новой книге легко угадываются аллюзии на широко известные произведения Маканина — «Голоса», «Утрата», «Отставший», «Кавказский пленный», «Нешумные» и, конечно, на роман «Андеграунд, или Герой нашего времени».

На превосходно выполненной обложке книги — картина Адольфа Бугро «Нимфы и сатир». Тексту романа предпосланы два эпиграфа: один — из каталога художественной выставки (об известной картине Жана Антуана Ватто «Сатир и испуганная нимфа»), второй — из газетного очерка о стариках, наблюдавших за обстрелом Белого Дома в октябре 1993 года.

Двенадцать новелл цикла объединены образом главного героя-повествователя. Пенсионер Петр Петрович Алабин, в полнолуние страдающий бессонницей и одержимый любовной страстью, подглядывает за молодыми особами. Луна возбуждает его, вдохновляет на любовные подвиги. Кто такой Алабин? Племянник Олежка с солдатской прямоотой именуется своего влюбчивого дядю «старым козлом», «шизоидом» и Лукой Мудищевым. С Козлодоевым Алабина уравнивает

эпиграф к «Моим воровским ночам». Другие различные идентификации не менее ироничны: «сытый бухарский кот», «блистательный (и лишь чуть пошловатый) малаховский Казанова» [3. С. 24].

Издательская реплика про «асимметричный ответ набоковской «Лолите» придумана очень умно. Тема преступной любви к нимфеткам неизменно популярна. «Лолита» — испытанный, твердый бренд. Однако несовершеннолетних девиц маканинский герой не растлевет. Герою-любовнику за семьдесят, при этом ни одна из женщин ему не отказывает: на кого Луна, ночь и сон действуют, кто из жалости, кто из безысходности, а кто просто поддается зову природы. Старческая гиперсексуальность дачника Петра Петровича Алабина шокирует читателя. Однако совершенно очевидно, что для Маканина одержимость молодыми женщинами не патология, а норма. Интрига как раз и состоит в той жажде любви, которая вопреки обстоятельствам, возрасту не затухает никогда.

В одном из интервью Маканин признается: «Я понимал, что риск изрядный, но меня охватила жажда дела, жажда лепки образа, которого еще не было. Это образ старика, который живет, как молодой. Литература не занималась этим делом, меня охватил ужасный экстаз, когда я понял, что топчу совершенно нехоженую землю. Все, что было, даже в западной литературе, это оправдание старика — перед закатом солнца жениться на молодой. В русской литературе есть старик Карамазов, но, безусловно, считается, что он занимается не своим чувством по сравнению с молодыми. Я рассматриваю это как данность Богом: способность любить в старом возрасте не как ущерб, не как какой-то изъян, который проигрывает рядом с молодыми, а напротив как нечто сильное и мощное» [6]. Любовь — величина, равная жизни и смерти. Она дается всем, в то время как качество любви — вещь сугубо индивидуальная, как талант.

Изначальный импульс этой книги был очень грустным. Ровесники писателя один за другим уходят из жизни. Это люди, которые ездили на целину, участвовали в социалистических преобразованиях, освоении Сибири и Крайнего Севера. Вспомним одного из героев повести «Гражданин убегающий» (1978) семидесятилетнего «хлопотуна и подвижника» по имени Аполлинарьич. Романтик образца 30-х годов, эпохи «большевиков пустыни и весны», он влюблен производственной страстью в женщину по имени Сибирь и живет в своем собственном временном измерении, единица которого —

количество выкопанных колодцев, а конечная цель и смысл жизни выражаются космическим лозунгом: «Копай. Планета ждет!»

У сегодняшнего семидесятилетнего героя ничего не осталось, он одинок, беден, ничего не нажил. «Если посмотреть шире,— размышляет писатель,— наше поколение было задумано с размахом. Не было перебито революцией, 37-ым годом или, скажем, войной. Первое небитое поколение. Но зато нам досталась драма ухода. После энергичной и много обещавшей жизни нищенская старость: пенсия ничтожная... истощившееся здоровье... блеклость былых идеалов. Наше поколение доживает неудовлетворенным, непонятым, недоговорившим: жизнь ушла, а былой порыв зачем-то остался!» [6]. Этот порыв проявляется в неодолимой жажде любви.

Другими словами, авторская мысль такова: состарившееся, но сохранившее порыв поколение противостоит молодому, но уже лишившемуся силы, страсти и вкуса жизни. Им, сегодняшним молодым — искалеченному в «горячей точке» внучатому племяннику Олежке, дочери известного политика, прекрасной наркоманке Даше — жизнь без допинга, без наркоты — не в кайф! Племянник Алабина, прошедший Чечню, вдохновляется только под грохот проходящих танков, и в своем мужском бессилии бессознательно стремится назад, в утробу. Дашу влечет к Белому дому не судьба России, а наркотическая зависимость.

Активная старость, по Маканину, есть форма сопротивления бессмыслице жизни. Нет ничего, что так же мощно противостоит ожиданию неизбежной смерти, как любовь. Это единственное, что вытесняет последний страх. Маканин напи-

сал роман о русских стариках, об их боли, об их жизни, но еще о любви и красоте. Эпиграф из Поля Валери оформлен как реплика в затяжном споре: «Человек думает и рассказывает о красоте. В конце-то концов!..».

Подводя итог, подчеркнем, что в новых рыночных условиях писатель поставлен перед необходимостью выработки индивидуальной стратегии взаимоотношения с читателем и издателем. Игра в поддавки всегда сопряжена с определенным риском. Но самое главное, думается, в том, что всякий значительный художник время от времени испытывает острую потребность в преодолении инерции стиля, собственной манеры видеть и писать, ему жизненно необходимо «переворачивать стило!» А результаты художественных экспериментов непредсказуемы.

Список литературы

1. Агеев, А. Гражданин убегающий. О романе Владимира Маканина «Испуг» [Электронный ресурс]. URL: http://www.litkarta.ru/dossier/ageev-o-makanine/view_print
2. Маканин, В. Интервью А. Солнцевой с писателем // Время новостей. 2000. № 148. 17 октября.
3. Маканин, В. Испуг: роман. М. : Гелиос, 2006. 416 с.
4. Немзер, А. Полное олуние. О повести Владимира Маканина «Коса — пока роса» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruthenia.ru/nemzer/makanin-kosa.html>
5. Новикова, О. Сладострастие потеснило сердечность. Или нет? / О. Новикова, В. Новиков // Звезда. 2007. № 3. С. 206–207.
6. Чаплыгина, М. «Опасно писать про любовь и смерть» (интервью с писателем) [Электронный ресурс]. URL: http://geleos.ru/?key=art&art_id=134.

ИНТЕРТЕКСТ КАК ОДНА ИЗ ФОРМ КОММУНИКАЦИИ МЕЖДУ АВТОРОМ И ЧИТАТЕЛЕМ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ

В статье рассматривается проблема интертекстуальности как форма коммуникации между автором и читателем художественного произведения. Утверждается, что подобный диалог возможен лишь при наличии общей памяти у автора и читателя.

Ключевые слова: художественный дискурс, русская литература, автор, читатель, коммуникация, интертекст, интертекстуальная ирония.

Современное литературоведение воспринимает художественный текст как результат коммуникации между автором и читателем. Причем смыслом произведения наделяет не только автор, но и читатель. С точки зрения рецептивной эстетики: «Художественное произведение не равно себе. Его текст не меняется, но смысл изменчив, потому что является результатом взаимодействия опыта читателя (слушателя, зрителя) и автора. Восприятие произведения идет в режиме диалога читателя и текста» [2. С. 362].

Одной из форм такого диалога становится интертекст. Р. Барт трактует интертекстуальность как неотъемлемый фактор понимания и интерпретации любого произведения: «Текст сплошь соткан из цитат, отсылок, отзвуков; все это языки культуры <...>, старые и новые, которые проходят сквозь текст и создают мощную стереофонию», игра цитат фактически является игрой культурных «языков», в которой «ни один язык не имеет преимуществ перед другим» [6. С. 334]. Для субъекта восприятия текста это предполагает обязательную и исчерпывающую подключенность к мировой культуре, что должно обеспечить читателю так называемую «интертекстуальную компетенцию», позволяющую ему узнавать цитаты не только в смысле формальной констатации их наличия, но и в смысле содержательной их идентификации

Однако круг авторов, являющихся сегодня «центрами интертекстуального излучения» (Н. А. Фатеева), не широк. Он сводится к «школьной программе» и наиболее известным именам — Пушкину, Гоголю, Тургеневу, Толстому, Достоевскому, Чехову. Этот феномен объясняется пониманием художником того факта, что «адекватность восприятия порождаемых им текстов зависит от «объема общей памяти» между ним и его читателями» [8. С. 35].

Диалог с творчеством А. П. Чехова в современном художественном дискурсе представлен значительным числом произведений. Вот лишь

некоторые из них, созданные на рубеже XX–XXI веков: Б. Акунин «Чайка», О. Богаев «Вишневый ад Станиславского», Э. Дрейцер «Дама с собачкой: апокриф», Ю. Кувалдин «Ворона», Л. Петрушевская «Дама с собаками», В. Пьецух цикл рассказов «Чехов с нами», А. Слаповский «Мой вишневый садик», Л. Улицкая «Русское варенье» и др. Большую роль в формировании читательской рецепции этих текстов играет знание читателем произведений Чехова, то есть диалог читателя с автором возможен лишь при условии узнавания и интерпретации интертекста.

В качестве примера такого диалога рассмотрим рассказ В. Пьецуха «Наш человек в футляре» из цикла «Чехов с нами» [7]. Связь с претекстом осуществляется за счет включения фамилии классика в заглавие цикла, цитирования с добавлением компонента «наш» в названии рассказа, отсылки к чеховскому персонажу в первом абзаце текста, в котором главный герой — учитель русского языка и литературы Серпеев оказывается зеркальным отражением Беликова.

Начало рассказа сближается с классическим уже нарративом от 3-го лица, который у Чехова переходит к учителю Буркину, жившему с Беликовым «двери напротив», а у Пьецуха сохраняется до конца произведения. Чеховское повествование, ведущееся от лица героя, по отношению к автору является объективным, в то время как нарратор Пьецуха сохраняет субъективность на протяжении всего текста, что объяснимо принадлежностью писателей к разным художественным направлениям: цель Чехова — создать реалистическую ситуацию, цель Пьецуха — показать возможность интеллектуальной игры с известным текстом. Несоответствие мыслимого и реального порождает так называемую «интертекстуальную иронию»: «С одной стороны, органическая литературность русской жизни заставляет автора узнавать, вычитывать литературно-исторические прототипы из описываемых им анекдотических

коллизий. Причем, как правило, это узнавание является прерогативой того самого литератора-рассказчика, который непременно присутствует в текстах Пьецуха. Он-то и встраивает дикую историю в контекст русских культурных традиций. С другой стороны, прямые интертекстуальные переключки с русской классикой лишь подчеркивают несоответствие жизненной ситуации тому, что знакомо из литературы и истории XIX века» [4. С. 233].

Лексически начало рассказа Пьецуха сближено с повествованием учителя гимназии Буркина. Ср.: «...месяца два назад умер у нас в городе некий Беликов, учитель греческого языка, мой товарищ» [9. С. 42–43] и «Учитель древнегреческого языка Беликов, в сущности, не знал, чего он боялся, и умер от оскорбления...». Чеховский персонаж строит свое сообщение в форме инверсии, акцентируя реальность излагаемого факта, а современный повествователь инверсию снимает, выдвигая на первый план псевдоцитату, составленную из узнаваемых компонентов чеховского текста. Первое предложение рассказа Пьецуха, по сути, становится обобщением известного классического сюжета. Фраза «Нет, все-таки жизнь не стоит на месте», завершающая авторское сопоставление героев и первый абзац, провоцирует читателя на поиски «движения жизни», то есть на самостоятельное сопоставление образов в дальнейшем тексте. Та же фраза станет рефреном и выводом, к которому, по мысли Пьецуха, должен прийти реципиент.

Более глубинный интертекстуальный слой выявляется при сопоставлении фамилий персонажей. По словарю В. И. Даля, словами, от которых, возможно, произошла фамилия Беликов оказываются: «белый» («бесцветный, противный черному» [3. С. 209] — цветовая характеристика героя в противовес «чернобровой и краснощекой» Вареньке Коваленко), «белец» и «белица» («живущий в монастыре, но еще не постриженный в монашество» [3. С. 211] — трактовка, близкая к образу жизни героя). Производящим словом к фамилии Серпеев, видимо, является «серпистый» («согнутый серпом» [3. С. 69], то есть задавленный страхом). Итак, происхождение обеих фамилий связано с образом жизни персонажей — для создания фамилии своего героя Пьецух использовал тот же прием, что и Чехов.

Сопоставление Беликова и Серпеева начинается уже с первых строк рассказа. Если для учителя XIX века футляром становится преподавание греческого языка, то для учителя века

XX — преподавание русского языка и литературы. Беликовское «как бы чего не вышло» в варианте Серпеева доходит до своей наивысшей точки: «Беликов боялся, так сказать, выборочно, а Серпеев почти всего: собак, разного рода привратников, милиционеров, <...> — одним словом, почти всего, даже глупо перечислять». Отдельные лексемы данной фразы переключаются с чеховским повествованием за счет повтора местоимения «всего» (ср.: «В городе стали бояться всего...»). Первоначальный вывод, делаемый рассказчиком из подобного сопоставления, оказывается не в пользу Серпеева: «Беликов все же был сильная личность, и сам окружающих заставлял, постоянно вынося на люди разные пугательные идеи; Серпеев же был слаб, подавлен своими страхами и, кроме как на службу, во внешний мир не совал носа практически никогда...» Налицо смена ситуации: Беликов запугал жителей города, жители города (страны) запугали Серпеева.

В повествовании Буркина мы узнаем об уже сложившейся ситуации, а рассказчик Пьецуха сообщает нам предысторию возникновения страхов героя: горе-отец сообщил четырехлетнему сыну о том, что все люди смертны, и мальчик начал бояться смерти; товарищи по детским играм били его за интеллигентность... Выясняется, что страхи героя В. Пьецуха «имели под собой в той или иной степени действительные резоны». «Наш человек в футляре» в самом деле оказывается нашим, то есть понятным и близким людям, пережившим описанные времена. Мотивируя страхи персонажа, Пьецух создает портрет эпохи в ее характерных чертах, хотя и не конкретизирует ни место, ни время действия.

Желание Серпеева спрятаться от страшной действительности представляется вполне обоснованным: «...он боялся звуков ночи, потому что по ночам в округе то страшно стучали, то страшно кричали, а у него не было сил, если что, поспешить на помощь». Аллюзии с Беликовым становятся чертами различия, а не сходства. В дальнейшем образ как бы раздваивается: с одной стороны, перед нами современный Беликов, боящийся абсолютно всего, с другой — порядочный человек, тонко чувствующий прекрасное, болеющий за души доверенных ему учеников. Серпеев оказывается способен и на смелые поступки: он регулярно подменяет «глупые плановые темы» интересными и важными для формирования детей, то есть идет против циркуляров, отказывается перестраиваться «на виду у целого класса» в момент внезапной проверки из город-

ского отдела народного образования, то есть открыто выступает против начальства.

После увольнения героя из школы он получает возможность вести «внешкольный курс словесности» «для особо заинтересованных учеников хотя бы у себя дома», то есть по-прежнему имеет возможность учить «если так можно выразиться, душе, опираясь главным образом на светлую литературу девятнадцатого столетия». В. Пьецух разрушает читательские стереотипы, связанные с концептами «футлярный человек», «футляр». Его герой, несмотря на свою «задавленность страхами» оказывается «футлярным диссидентом» [5].

Конец рассказа также трагичен. Причиной смерти Серпеева становится уход учеников, запуганных в школе, сорок восемь часов ожидания ареста и сердечная недостаточность. (Этот момент рассказа отдаленно напоминает происшествие с другим чеховским героем — чиновником Червяковым, но без комизма ситуации.) Удивительно то, что Серпеев не побоялся учить детей прекрасному без разрешения отдела образования, хотя вполне мог предположить подобное развитие событий. То есть, боясь «почти всего», он не боялся ничего, если дело касалось его учеников. «Футлярный человек» осознает парадоксальную истину: «это они все чуточку не в себе, а он-то как раз в себе» — явная реминисценция «Палаты № 6». Его идеалы, почерпнутые из «светлых книг» девятнадцатого столетия, невозможны в страшном XX веке. Если на верхних интертекстуальных слоях выявляется сходство героев Чехова и Пьецуха, то на более глубинном уровне Серпеев — человек, сохранивший душу, сердце, свой внутренний мир в очень непростое время.

Открытая апелляция к Чехову, использование чеховского названия и сюжета при сохранении

жанра рассказа служат способом изображения современной автору социальной действительности. Сопоставляя явления высокого и низкого уровня, вводя в произведения иронически переосмысленные культурно-исторические и литературные реминисценции, широко обращаясь к цитации и параллелям, Пьецух обостряет восприятие русской истории и литературы и их идеалов в современности. «Вечные истины», поданные в ироническом ракурсе, звучат ново и неожиданно. Литературоцентричность русской жизни становится художественным выражением постмодернистского понимания алогичности, аномальности и абсурдности ситуации рубежа XX — XXI веков. Интертекст становится основой диалога между автором и читателями.

Список литературы

1. Барт, Р. Смерть автора // Барт, Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика. М., 1994. С. 384–392.
2. Борев, Ю. Б. Эстетика. Теория литературы : энцикл. слов. терминов. М., 2003. 574 с.
3. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 12 т. М. : Мир книги, 2003. Т. 1.
4. Липовецкий, М. Н. Русский постмодернизм: Очерки исторической поэтики. Екатеринбург, 1997.
5. Петухова, Е. Н. Притяжение Чехова: Чехов и русская литература конца XX века. СПб., 2005. 118 с.
6. Постмодернизм. Энциклопедия / ред.-сост. А. А. Грицанов, М. А. Можейко. М., 2001. 1040 с.
7. Пьецух, В. А. Чехов с нами // Я и прочее: Циклы; Рассказы; Повести; Роман. М., 1990. С. 34–42.
8. Фатеева, Н. А. Интертекст в мире текстов: Контрапункт интертекстуальности. М., 2006. 280 с.
9. Чехов, А. П. Человек в футляре // Полн. собр. соч. и писем: в 30 т. М., 1986. Сочинения. Т. 10.

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ДИСКУРС КАК ПОЛИЛОГ АВТОРА, ЧИТАТЕЛЯ И ТЕКСТА

В статье исследуется полилог автора, читателя и текста в художественном дискурсе. Выявляется взаимодействие интенций автора, возможных реакций читателя и текста как продукта семиосферы.

Ключевые слова: художественный дискурс, автор, читатель, текст, полилог.

Литературно-художественный дискурс представляет собой совокупность художественных произведений, выступающих результатом толерантного взаимодействия авторских интенций, сложного комплекса возможных реакций читателя и текста, выводящего произведение в пространство семиосферы (под семиосферой понимается совокупность всех знаковых систем, используемых человеком, включая как текст, язык, так и культуру в целом). Реализация художественного дискурса в сложном идейно-тематическом единстве неопределенного множества литературных произведений, находящихся в тесном и динамическом взаимодействии в пределах соответствующего культурно-исторического контекста, дает основание говорить о существовании в рамках семиосферы различных видов литературно-художественного дискурса, одним из которых является постмодернистский художественный дискурс.

В качестве определяющего критерия отнесения того или иного произведения к разряду постмодернистских может служить отношение автора к своему тексту и к художественному творчеству вообще. Художнику-постмодернисту свойственен некоторый цинизм по отношению к своей персоне — он не питает иллюзий по поводу особого призвания творца, эксклюзивности своих идей и степени их влияния на окружающий мир. Выстраивая свое произведение, автор играет, примеряя на себя то одну, то другую маску. Размытость авторского начала выражается в том, что создатель произведения пользуется некими готовыми культурными блоками, культурными ассоциациями, чтобы выстроить что-то свое. Автор-постмодернист словно «заключает в рамку» фрагмент действительности и создает текст, восприятие которого рассчитано на то, чтобы читатель не ограничивался уровнем автора, а попытался иронически переосмыслить текст, то растворяясь в нем, то отстраняясь. Осознание отсутствия конечной истины и, соответственно, единого смысла художественного произведения приводит к волюнтаризму

в отношении к культурным традициям и толерантности как условию сохранения разнообразия, к цитатности и ироничности, а также приоритету игрового начала в постмодернистском тексте.

Конструирование нового авторского произведения при помощи свободно извлекаемых из «культурного слоя» и компокуемых в произвольном порядке фрагментов возможно лишь в рамках условного пространства игры. Постмодернизм — это некая территория тотальной игры, в которой читатель, текст, контекст и сам автор занимают в идеале равноправные позиции и строят свои взаимоотношения на доверии и терпимости. Автор не диктует и не может диктовать все те смыслы, которые порождает текст, а читатель заранее готовится почерпнуть из текста гораздо больше, чем хотел сказать автор. Текст рассматривается как бесконечный поток смыслов и ассоциаций, не все из которых были заложены автором. Подобное допущение множественности интерпретаций характеризуется как герменевтическая толерантность постмодернистского художественного дискурса, выступающего в качестве развивающейся синергетической системы, в рамках которой процесс порождения художественного текста осуществляется в результате взаимодействия семиосферы, авторских интенций и возможных реакций читателя.

С точки зрения иерархичности семиосфера состоит из микро- (интертекст), макро- (дискурс) и мега- (интердискурс) уровней. Способность каждого уровня находиться в состоянии относительного равновесия определяется параметрами порядка — факторами, управляющими его функционированием. Порядок в системах с взаимными связями между элементами возникает вокруг так называемых «аттракторов» (от англ. to attract — притягивать) — «притягивающих множеств, которые помогают создавать и поддерживать устойчивое состояние системы» [1]. Параметры порядка, задающие язык макроуровня, ассоциируются с авторским замыслом

как креативным аттрактором, обеспечивающим устойчивое состояние дискурса. Переменные, задающие язык нижележащего микроуровня, — различного рода интертекстуальные включения — служат для макроуровня дискурса бесструктурным хаотическим материалом. Вышележащий над макроуровнем мегауровень интердискурса организован так называемыми «вечными» переменными (системообразующими концептами), которые выступают для макроуровня управляющими параметрами. Другими словами, интердискурсивное пространство семиосферы образовано разнородной совокупностью дискурсов, среди которых мы выделяем художественный постмодернистский дискурс, состоящий из множества интертекстов, обеспечивающих многомерную связь частей соответствующего текста между собой, текстов одного автора с другими текстами данного автора, а также текста с прецедентными феноменами. Автор, используя интертекстуальный «строительный материал», под влиянием системообразующих концептов постмодернизма («маска автора», «игра», «миф» и другие) организует художественный дискурс, отличительными особенностями которого выступают сближение элитарной и массовой культур, активное смешение художественных языков, стилей и жанров, цитатность, игровое начало, акцентированная поливариантность и толерантность, обеспечивающая суверенность «другого», активизирующая творческий потенциал адресата как со-творца и актуализирующая процессы самоорганизации произведения.

В целом, для осуществления самоорганизации художественного дискурса необходимо выполнение следующих условий: во-первых — обеспечение постоянного притока информации из семиосферы для создания новых структур, что повышает нелинейность системы, и, во-вторых, осуществление рассеивания (диссипации) возникающей неоднородности. В постмодернистском художественном дискурсе диссипация означает самоподобное переструктурирование чужого в свое и рассеивание лишнего в случае неспособности читателя распознать авторские намеки и отсылки. Замысел художественного произведения, то есть его конечная цель, нередко весьма смутно осознаваемая творцом, включает в действие механизм диссипации и словно «ведет» данную структуру от первых набросков до завершения произведения. Случайное сочетание отдельных образов актуализирует ассоциативную память адресата и рождает не один, а множество смыслов.

Случайность в данной ситуации — это тот самый высший тип детерминизма, когда соединение разных дискурсов, случайное, на первый взгляд, направлено к определенной цели, к некому аттрактору.

Замысел как креативный аттрактор, с одной стороны, задает «путь» восприятия текста, сужает его, с другой — позволяет привлекать к его интерпретации практически неограниченное количество смысловых элементов. Автор, создавая произведение, предлагает некоторую структуру, открытую и свободную, которая вызывает у читателя определенные ассоциации, способные сложиться во что-то принципиально отличное от исходного сообщения. Осознавая тот факт, что текст изначально богаче, чем то, что он (адресант) хочет сказать, автор отдается во власть текста, во власть культурной традиции и сложившихся образов. Другими словами, речь идет об изменении качества авторского сознания, а именно о том, что разрушается прерогатива монологического автора на владение высшей истиной. Авторская истина релятивизируется, растворяясь в многоуровневом диалоге различных точек зрения. Текст превращается в имманентную процессуальность языка, в «многомерное пространство, где сочетаются и спорят друг с другом различные виды письма, ни один из которых не является исходным» [2. С. 388]. По М. Фуко, речь идет о нестабильности письма как самоорганизующейся вербальной среды: «регулярность письма все время подвергается испытанию со стороны своих границ, письмо беспрестанно преступает и переворачивает регулярность, которую оно принимает и которой оно играет; письмо разворачивается как игра, которая неминуемо идет по ту сторону своих правил и переходит таким образом вовне» (цит. по: [3. С. 237]). Актуализация процессуальности, незавершенности и толерантной диалогичности превращает произведение в открытую и подвижную систему, самоорганизующуюся в пространстве семиосферы.

Подводя итог, подчеркнем, что художественный дискурс как разновидность бытийного общения представляет собой развернутый, предельно насыщенный смыслами полилог автора, читателя и текста, выявляющий взаимодействие авторских интенций, сложного комплекса возможных реакций читателя и текста, который выводит произведение в пространство семиосферы. Авторское видение проблемы находит воплощение в открытой (обнаруживающей связь с культурной традицией) структуре текста, кото-

рая вызывает у читателя определенные ассоциации, способные породить отличное от исходного сообщение.

Список литературы

1. Аршинов, В. И. Синергетика как феномен постнеклассической науки [Электронный ресурс].

URL: <http://www.i-u.ru/biblio/archive/arshinov%5Fsinergetika/02.aspx>

2. Барт, Р. Избранные работы: Семиотика: Поэтика / пер. с фр., сост., общ. ред. и вступ. ст. Г. К. Косикова. М.: Прогресс, 1994.

3. Можейко, М. А. Дискурсивность // Постмодернизм: энциклопедия. М.: Интерпрессервис; Кн. дом, 2001. С. 237–239.

Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 33 (248). Филология. Искусствоведение. Вып. 60. С. 166–168.

Т. В. Печагина

КОНЦЕПТ «ВЛАСТЬ» В НЕМЕЦКОЙ ДЕТСКОЙ ФЭНТЕЗИ

В статье рассматриваются способы вербализации концепта «Власть» на примере романов немецкой детской фэнтези (К. Майер и П. Фройнд). Прослеживается связь между концептами «Власть» и «Зло».

Ключевые слова: *категориальный концепт, власть, зло, немецкая детская фэнтези.*

Конфликт произведений фэнтези часто основан на борьбе за власть и борьбе за свержение несправедливой власти, тирана. У разных авторов эта тема проявляется по-разному и на разных уровнях. В детской фэнтези изображены властелины государства (К. Майер), города (Т. С. Леванова), волшебного мира (Дж. Роулинг, П. Фройнд, К. Майер, Т. Ш. Крюкова), руководители школы (Дж. Ниммо, Дж. Роулинг, П. Фройнд). Концепт «Власть» обладает многими общими средствами вербализации с категориальными концептами «Добро» и «Зло». Это связано с разным отношением к власти как таковой и разными способами управления, которые выбирают руководители. В данной статье мы рассмотрим, реализацию концепта «Власть» в немецкой детской фэнтези и его связь с категориальным концептом «Зло».

В немецком языке существует две лексемы, репрезентирующие имя концепта «Власть», — *Macht* и *Gewalt*. *Macht* — «право, способность распоряжаться кем-либо, чем-либо» [1. С. 598], *Gewalt* — «право и способы распоряжаться чем-то/кем-то, управлять» [1. С. 425]. Концепт «Власть» реализуется через характеристику персонажей, которые занимают руководящие должности, оценку их деятельности остальными героями, через персонажей, желающих стать руководителями страны, государства и т. п., а также через отдельные высказывания персонажей относительно того, что такое власть и какой она должна быть.

В романе «Ледяное пламя» К. Майера упоминается о нескольких правителях: Снежной Королеве, русском царе Александре III и его отце Александре II. Ни один из них не изображен положительно.

Снежная Королева (*Schneekönigin*) — владычица северных земель. Она изображена тираном (*Tyrannin*), и, соответственно, ее правление характеризуется в тексте рядом негативных лексем: *unterjochen* (поработать), *bestrafen* (качать, наказывать), *Kerker* (тюрьма), *erfrieren* (замораживать), *sterben* (умирать), *entführen* (уводить, похищать), *an sich zu binden* (привязать к себе), *zwingen* (покорять), *ausgebeutet* (эксплуатировать), *selbst in Saus und Braus gelebt* (жила в свое удовольствие). Сердце Снежной Королевы — изо льда: «*Wer so alt und kalt und schlau ist wie die Herrin des Nordlandes, der tragt sein Herz nicht in der Brust... Schon vor vielen Zeitaltern hatte sie sich das Herz aus der Brust gepflückt und bewahrte es seither in einer Kammer ihres Palastes auf...*» («У таких старых, холодных и хитрых, как хозяйка северных земель, сердце находится не в груди... Уже много лет как достала она свое сердце из груди и прячет его в одной из комнат своего дворца») [2. С. 8]. В книге ее сердце называют сосулькой (*Eiszapfen/Zapfen*). Кроме холода в нем заключено могущество тиранки. «*Und selbst das Sternlicht des Anbeginns ist hier eingeschlossen, in Türmen aus Eiskristall und in den tödlichen Augen der Königin*» («И сам свет звезды мироздания заключен здесь, в ледяных башнях, в смер-

тоносных глазах Королевы») [2. S. 7]. Когда ее сердце похищают, она постепенно начинает терять власть не только над своими землями, но и над холодом, который находился внутри нее: «*Sie verliert allmählich die Kontrolle über die Kälte in ihrem Inneren*» («Постепенно она теряет контроль над холодом внутри нее») [2. S. 98]. Таким образом, показано, что власть Королевы ужасна и жестока, но не менее опасным является ее потеря контроля над своими силами, над холодом, который вырывается наружу.

В романе звучит тема незаконного захвата власти. Снежная Королева обладала достаточной силой, чтобы получить то, чего она хотела. «*Sie wolte einen Sohn, also stahl sie sich einen... sie wolten Untertanen, also locket sie Menschen ins Nordland*» («Она хотела, чтобы у нее был сын, и поэтому украли его... она хотела, чтобы у нее были подданные, и поэтому заманила людей в Северные Земли») [2. S. 212].

Снежная Королева обычно разговаривает грубо, надменно (*unhöflich, barschen* Worte). Ее речь характеризуется употреблением местоимения *du* (ты) при обращении ко всем персонажам романа, использованием конструкций повелительного наклонения *Komm zu mir* (иди сюда), *Komm reih, hab ich gesagt* (заходи, я сказала), *Tritt ein* (входи).

Автор проводит параллель между властью Снежной Королевы и властью русских царей Александра II (Alexander der Zweite) и Александра III (Alexander der Dritte). Об их правлении можно узнать только из рассказов главной героини Маус и отдельных высказываний других персонажей романа. Александр II и Александр III, согласно роману, проводили одинаковую политику при управлении государством. Поэтому характеристики правления одного из них относятся и ко второму царю. Отношение персонажей к их власти различно. Согласно нигилистам и их сторонникам, любая власть подавляет народ. «*Sie glauben, jeder Herrscher unterdrücke sein Volk, und sie geben ihm die Schuld daran, dass so viele Arme in den Städten und draussen auf dem Land gibt*» («Они считают, что каждый правитель угнетает народ, и они ставили ему в вину то, что в городах и деревнях живет так много бедных людей») [2. S. 91]. Нигилисты обвиняют правительство в том, что в стране много бедных (*viele Arme*), тысячи людей замерзают (*tausende von Menschen erfrieren*), еженедельно сотни умирают с голоду (*jede Woche hunderte verhungern*). При этом царь бездействует (*Zar schauen tatenlos zu*). Наказания, которым были подвергнуты нигилисты, жестоки. Некоторых казнили (*werden hing-*

erichten), другие были сосланы в Сибирь (*nach Sibirien in Straflager gebracht*), некоторых отправили в Тюрьму Молчания (*Gefängnis der Stille*). Тюрьма изображена как самое страшное наказание. Она описана следующим образом: «*Dort ertönt nie irgendein Geräusch... Niemand dort darf je seine Zelle verlassen. Und keinem ist erlaubt, ein Wort zu sprechen*» («Там не слышно ни шороха... Никому там не разрешено покидать своих камер. И никому нельзя произносить ни слова») [2. S. 93].

С другой стороны, из реплик Кукушки и из его истории, которую пересказывает Маус, видно, что не все согласны с позицией нигилистов:

- Haben sie denn Recht? // - Nein, ich glaube nicht.

(- Они были правы? // - Нет, я думаю, нет.) [2. S. 91].

В момент покушения, когда была брошена первая бомба, Александр II хотел лично убедиться, что нет пострадавших («*Der Zar liess anhalten um sich persönlich nach den Verletzten zu erkundigen*» — «Царь остановился, чтобы лично убедиться, есть ли пострадавшие») [2. S. 91].

Таким образом, автор показывает, что к власти может быть неоднозначное отношение. Нельзя судить о правителе односторонне. Те лексические средства, которые использованы для характеристики власти нигилистами, вербализуют концепт «Зло». Концепт «Добро» в данном случае представлен лишь небольшим количеством лексических единиц, выражающих отрицание позиции нигилистов и указывающих на некоторые другие качества правителя.

В романе П. Фройнда «Лаура и оракул серебряного сфинкса» изображено несколько типов правителей. Темными силами управляет Борборон (Borboron). Практически равной с Борбороном властью обладает Сири (Syri). В романе также появляется директор школы, сторонник тьмы Квинтус Швартц (Quintus Schwartz).

Лексические единицы, используемые в характеристиках Борборона, вербализуют концепты «Власть» и «Зло». Автор называет Борборона Черным властелином (*Schwarze Fürst*), тираном (*Tyrann*), властителем (*Herrscher*), дьяволом (*Teufel*), отвратительным типом (*widerliche Kerl*). При описании внешности Борборона используются лексемы с негативной коннотацией: *das grimmige Haupt* (свирепое лицо), *roten Glutaugen* (красные горящие глаза), *Augen glühen feuerrot auf* (глаза налились кровью), *Augen leuchteten tiefrot auf* (в глазах вспыхнул красный огонь), *bleiche Gesicht* (бледное лицо), *böses Grinsen* (злая ухмылка), *finster Gesicht* (мрачное лицо).

Замок, в котором живет Черный властелин, также создает мрачную, неуютную атмосферу. В основном это осуществляется благодаря лексемам, обозначающим темные цвета: *Tronsessel aus schwarzem Holz* (трон из черного дерева), *Dunklen Festung* (мрачный замок), *dämmriges Licht* (полумрак).

Власть Борборона основана на беспрекословном подчинении нижестоящих по званию. Он безжалостен по отношению к своим подчиненным и к своим врагам. В связи с этим его речь характеризуется наличием большого количества глаголов в повелительном наклонении: «*Schwieg, du Wurm!*» («Молчать, ты, червь!») [3. S. 67], «*Mitkommen!*» («Пошел!») [3. S. 213], «*Komm her zu mir*» («Подойди ко мне») [3. S. 301], «*Sag uns endlich*» («Скажи нам, наконец») [3. S. 375], «*Gib mir dein Gewand... Wird es bald!*» («Дай мне свою одежду... Немедленно!») [3. S. 430]. Чтобы унижить человека, Черный властелин употребляет оскорбительные слова: *Hund* (пес, собака), *Menschenwurm* (человеческий червь), *Wurm* (червяк). Он нередко откровенно издевается над своими жертвами: «*Darf ich vorstellen: Gurgulius der Allesverschlinger. Ist er nicht hübsch?*» («Разрешите представить: Гургулиус Всепоглощающий. Ну разве не прелсть?») [3. S. 72].

К другим людям Борборон относится, как к вешам. Он покупает детей для рабства: «...*durch die Reihen der Kinder schritt und sie begutachtete, als wären sie Vieh: Da prüfte er den Wuchs der*

Zähne, dort die Härte der Muskeln, und bei einem Mädchen interessierte er sich gar für die Rundungen ihrer Hüften» («[он] шел вдоль рядов детей и рассматривал их, как будто они были животные: он проверял, какие у них зубы, мышцы, и у одной девушки его заинтересовала округлость ее бедер») [3. S. 163].

Таким образом, проведенный анализ позволяет судить о том, что немецкие авторы изображают тиранию как крайне жестокую и в то же время достаточно эффективную форму власти. Несмотря на то что тираны, представленные в детских фэнтези, в большинстве случаев способны добиться своих целей и подчинить себе немалое количество людей, в романах наблюдается резко негативное отношение к такого рода правителям. Это выражено посредством лексических единиц с соответствующей оценочной коннотацией, преимущественным употреблением в их речи форм повелительного наклонения и инвективной лексики. Все названные средства вербализации концепта «Власть» характерны и для репрезентации концепта «Зло».

Список литературы

1. Universalwörterbuch. Dudenverlag, 2007.
2. Meyer, K. Frostfeuer. Random house GmbH, 2005.
3. Freund, P. Laura und das Orakel der Silbernen Sphinx. Bastei Lübbe, 2008.

Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 33 (248). Филология. Искусствоведение. Вып. 60. С. 168–171.

С. А. Путина

НЕРЕАЛЬНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ В РОМАНЕ К. ИСИГУРО «НЕ ОСТАВЛЯЙ МЕНЯ»

В статье раскрываются художественные и стиливые особенности романа современного английского писателя К. Исигуро «Не оставляй меня». Автор показывает, что при внешней простоте языка романа в нем поднимаются острее проблемы современности, связанные с ответственностью человека и общества в целом перед будущим.

Ключевые слова: художественный текст, реальность, параллельный мир, эвфемизация, контекст, подтекст.

К. Исигуро (более распространенный в переводах и литературной критике отечественной транслитерации, но менее правильный вариант написания фамилии известного современного английского писателя с японскими корнями, чем

Ишигуро) в романе *Never Let Me Go* «Не оставляй меня» (2005) создал параллельный реальному мир клонов-доноров, чьи органы предназначены для спасения людей, чья жизнь коротка и трагична, чьи мечты безыскусны, но несбыточны.

Роман прост по стилистике (повествование ведется от лица немного наивного, но чрезвычайно искреннего клона Кэти), но сложен в плане постановки проблем и передачи чувств и эмоций клонов-доноров. Автор намеренно акцентирует внимание читателя на проблемах жертвенности, ответственности, обреченности, неравенства, безысходности, отсутствия выбора. Перечисленные вопросы актуальны и вневременны, но их конкретизация в романе на примере Англии девяностых годов прошлого столетия заставляет задуматься о будущем не только науки и медицины, но также о нравственных аспектах реализации новых технологий и открытий. Будущее широкомасштабное клонирование описано автором как привычное и не такое шокирующее с точки зрения биоэтики, как в недалеком прошлом (когда появились первые клоны), явление.

Клоны в романе изображены как скоротечная составляющая реальности. У клонов обычные английские имена: Kathy, Ruth, Tommy, но нет настоящих фамилий, только начальные буквы после имени: Kathy H., Jenny B. Клонов много, их выращивают (как овощи в теплицах) в необходимом количестве в плохих и хороших интернатах, они воспитываются в изоляции от общества либо в специальных учреждениях (явная аллюзия на концентрационный лагерь), либо в привилегированных заведениях типа Hailsham (топоним-компонит, состоящий из существительных hail — град, приветствие и sham — притворство), расположенных в идиллической сельской Англии.

Хейлшем воспринимается его воспитанниками и клонами из других интернатов как некое идеальное место для взросления и подготовки к «жизни» в реальном мире, туда стремятся вернуться, но он недоступен, исчезает, как мираж: «I might pass the corner of a misty field, or see part of a large house in the distance as I come down the side of a valley, even a particular arrangement of poplar trees up on a hillside, and I'll think: «Maybe that's it! I've found it! This actually *is* Hailsham!» Then I see it's impossible and I go on driving, my thoughts drifting on elsewhere. In particular, there are those pavilions. I spot them all over the country, standing on the far side of playing fields, little white prefab buildings with a row of windows unnaturally high up, tucked almost under the eaves»¹.

Описания в романе краткие, места узнаваемые, однако герои почти всегда изолированы

от людей, существуют в параллельном мире. Препятствия, заборы, колючая проволока, лес, пустые поля, утраты, одиночество — преобладающая лексика в романе: «I found I was standing before acres of ploughed earth: «There was a fence keeping me from stepping into the field, with two lines of barbed wire, and I could see how this fence and the cluster of three or four trees above me were the only things breaking the wind for miles. All along the fence, especially along the lower line of wire, all sorts of rubbish had caught and tangled. It was like the debris you get on a sea-shore: the wind must have carried some of it for miles and miles before finally coming up against these trees and these two lines of wire. Up in the branches of the trees, too, I could see, flapping about, torn plastic sheeting and bits of old carrier bags. That was the only time, as I stood there, looking at that strange rubbish, feeling the wind coming across those empty fields, that I started to imagine just a little fantasy thing, because this was Norfolk after all, and it was only a couple of weeks since I'd lost him».

В романе четко противопоставляются «свой» мир, упрощенно похожий на мир людей, и «чужой» мир — реальность, где клоны существуют обособленно от людей. Клоны почти как люди, но даже их воспитатели, прошедшие специальную подготовку, не могут общаться с ними, как с людьми: «So you're waiting, even if you don't quite know it, waiting for the moment when you realise that you really are different to them; that there are people out there, like Madame, who don't hate you or wish you any harm, but who nevertheless shudder at the very thought of you—of how you were brought into this world and why—and who dread the idea of your hand brushing against theirs. The first time you glimpse yourself through the eyes of a person like that, it's a cold moment. It's like walking past a mirror you've walked past every day of your life, and suddenly it shows you something else, something troubling and strange».

Воспоминания клона Кэти похожи на рассказ ребенка, у которого нет будущего, страшное настоящее и прошлое, которым она очень дорожит. Детскими представляются и наивно переданные страшные истории о привидениях, в которые превращаются непослушные ученики-клоны, что похоже на знакомые всем городские легенды или стереотипизированные детские страшные истории: «There were all kinds of horrible stories about the woods. Once, not so long before we all got to Hailsham, a boy had had a big row with his friends and run off beyond the Hailsham boundaries. His body had been found two days later, up

¹ Здесь и далее текст цитируется по: Isiguro, K. *Never Let Me Go*.

in those woods, tied to a tree with the hands and feet chopped off. Another rumour had it that a girl's ghost wandered through those trees. She'd been a Hailsham student until one day she'd climbed over a fence just to see what it was like outside. This was a long time before us, when the guardians were much stricter, cruel even, and when she tried to get back in, she wasn't allowed. She kept hanging around outside the fences, pleading to be let back in, but no one let her. Eventually, she'd gone off somewhere out there, something had happened and she'd died. But her ghost was always wandering about the woods, gazing over Hailsham, pining to be let back in».

Пространственные и временные параметры отражены в романе также достаточно реалистично: узнаваемая Англия последнего десятилетия прошлого века, маленькие, как на фотографиях, городки, школы, где учебные предметы и занятия спортом занимают одинаковое место в программах, где работают лишь строгие и брезгливые воспитатели и учителя.

Исигуро не использует медицинские термины, очень редко называет клонов клонами: «Before that, all clones — or *students*, as we preferred to call you — existed only to supply medical science. In the early days, after the war, that's largely all you were to most people. Shadowy objects in test tubes». Тема смерти — одна из основных в романе, но слова *смерть*, *умирать* заменяются эвфемизмами *complete*, *lose*, *the fourth donation*: “I'll tell you something I heard. I heard about Chrissie. I heard she completed during her second donation”.

Внутренние органы клонов-доноров в зависимости от их физического и эмоционального состояния берут не более четырех раз, но большинство клонов уходит из жизни после третьей операции: “You know why it is, Kath, why everyone worries so much about the fourth? It's because they're not sure they'll really complete. If you knew for certain you'd complete, it would be easier. But they never tell us for sure”(1). О конце, вернее, о смерти говорится часто, спокойно, обреченно. Атмосфера страха и безысходности реализуется в романе при помощи кратких, как в набросках, сдержанных описаниях больничных палат, немногочисленных личных вещей и многочисленных утрат: “I've known donors to react in all sorts of ways to their fourth donation. Some want to talk about it all the time, endlessly and pointlessly. Others will only joke about it, while others refuse to discuss it at all. And then there's this odd tendency among donors to treat a fourth donation as something worthy of congratulations. A donor “on a fourth,” even one who's been pretty unpopular up till

then, is treated with special respect. Even the doctors and nurses play up to this: a donor on a fourth will go in for a check and be greeted by whitecoats smiling and shaking their hand”.

Эвфемизация и недосказанность являются излюбленными стилистическими приемами автора. Учителя, охранники клонов, врачи, да и все люди обозначаются в романе при помощи обобщающего личного местоимения *they*, врачей также называют, используя привычный эвфемизм *whitecoats* — *белые халаты*: “I heard that as well,” said Tommy. “I think it happens much more than they ever tell us,” Ruth said. “My carer over there. She probably knows that's right. But she won't say.” “They're really careful these days.”... “I bet it happens much more than they tell us,” Ruth said again. “That's one reason why they keep moving us around between donations”.

У героев романа Исигуро всего два предназначения, две страшных по своей сути, нереально жестоких по отношению к клонам, но благородных по отношению к людям «профессии»: *donor* и *carer* (донор и сиделка). У клонов нет выбора, нет будущего. Никто из них даже не мечтает стать кинозвездой, пределом желаний оказывается работа почтальона, фермера или продавщицы: «Mind you, none of us pushed it too far. I don't remember anyone saying they were going to be a movie star or anything like that. The talk was more likely to be about becoming a postman or working on a farm. Quite a few students wanted to be drivers of one sort or other, and often, when the conversation went this way, some veterans would begin comparing particular scenic routes they'd travelled, favourite roadside cafés, difficult roundabouts, that sort of thing». Клоны лучше подготовлены к реальной жизни, чем многие из людей, у них просто нет выбора: «I'm thirty-one years old, and I've been a carer now for over eleven years. That sounds long enough, I know, but actually they want me to go on for another eight months, until the end of this year. That'll make it almost exactly twelve years. Now I know my being a carer so long isn't necessarily because they think I'm fantastic at what I do. There are some really good carers who've been told to stop after just two or three years. And I can think of one carer at least who went on for all of fourteen years despite being a complete waste of space». Может показаться, что Кэти еще повезло — она проживет дольше многих клонов, проработав почти двенадцать лет сиделкой. Но все ее друзья умерли, все ее мечты остались нереализованными. У Кэти практически ничего и никого нет, у нее есть только несколько месяцев работы

сиделкой, потом она станет донором и перестанет существовать. Ее предназначение благородно, бессмысленно, но страшно и вместе с тем вполне допустимо.

Глубокий подтекст романа контрастирует с обманчивой простотой изложения воспоминаний Кэти, стирая грани между реальностью и вымыслом.

*Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 33 (248).
Филология. Искусствоведение. Вып. 60. С. 171–173.*

О. Ю. Подъяпольская

ТИПОЛОГИЯ ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТИ И ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ЕЕ РЕАЛИЗАЦИИ В РОМАНЕ К. ВОЛЬФ «МЕДЕЯ»

Настоящая статья посвящена особенностям реализации категории интертекстуальности в романе «Медея» К. Вольф. Рассматриваются различные типы интертекстуальности, а также языковые средства ее представления.

Ключевые слова: *интертекстуальность, миф, аллюзия, интекстуальность, метатекстуальность, гипертекстуальность.*

В романе немецкой писательницы Кристи Вольф «Медея» наглядно воплощается характерная для постмодернистской литературы тенденция разработки традиционных сюжетов и образов мифологического происхождения. Основу произведения составляет древнегреческий миф об аргонавтах («Миф о Золотом руне»), творческой переработке подвергнуты также трагедии древнегреческого поэта-драматурга Еврипида и римского философа и писателя Сенеки, посвященные колхидской царевне Медее, возлюбленной аргонавта Ясона.

Роман достаточно сложен для неподготовленного восприятия, поскольку повествование представлено в форме потока сознания. Шесть голосов (роман имеет подзаголовок «Stimmen» / «Голоса»), сменяя друг друга, вскрывают суть происходящих событий. Интровертивная перспектива повествования (обращенность к миру мыслей и чувств героев) создает дополнительные трудности для читателя, ввиду того что многое недосказывается, передается с помощью намеков. Эксплицирование подобных моментов возможно во многом за счет обращения к упомянутым выше первоисточникам.

Интертекстуальность как способность текста аккумулировать информацию о претекстах мы рассматриваем как конститутивный признак исследуемого произведения, поскольку именно данная текстовая категория за счет различного рода реминисценций организует текст романа в нечто целое, гомогенное.

Опираясь на классификацию различных видов реализации интертекстуальных связей в постмодернистской литературе, разработанную Н. С. Олизько [2], мы выделяем в романе следующие типы интертекстуальности: *интекстуальность, метатекстуальность, гипертекстуальность.*

Основной разновидностью интертекстуальных связей в романе выступает *интекстуальность*, реализующаяся посредством текстуальных включений, вносящих «в текст информацию о различных прецедентных феноменах», отражающих «цитатность мышления» — насыщенность произведений различными реминисценциями» [2. С. 89].

К. Вольф в целом следует за развитием сюжета греческого мифа и возникших на его основе трагедий, но при этом она полностью развенчивает их фантастичность, вскрывая вполне реальную подоплеку описываемых событий. Центральной проблемой романа выступает вовсе не безумная любовная страсть: поднимается целый ряд дискуссионных вопросов — этические проблемы власти, свобода личности в тоталитарном обществе, трудности эмиграции, роль женщины в обществе и др.

Интекстуальность в романе реализуется за счет ссылок на мифологические прецедентные феномены, находящих конкретное воплощение в различного рода аллюзиях. Необходимо отметить, что использование в названии романа аллюзивного имени (волшебницы Медеи), является

важным фактором, вызывающим у читателей ассоциации с мифом-претекстом за счет активизации их «интертекстуальной энциклопедии» (термин У. Эко — цит. по: [3. С. 335]).

Следующий пример также содержит *аллюзивные имена собственные*: упоминаются топонимы — Колхида, Коринф, а также антропоним — имя собственное предводителя аргонавтов Ясона, сына царя Иолка, отправившегося в Колхиду за золотым руном на своем корабле «Арго». В цитате присутствует также *аллюзивная реалия* (Vließ /Руно). Повествование ведется от лица Медеи [1. С. 214–248]:

Ich hätte Kolchis nicht verlassen müssen. Nicht dem Jason zu seinem Vließ verhelfen. Nicht die Meinen zum Mitkommen überreden. Nicht diese lange schlimme Überfahrt auf mich nehmen, nicht all diese Jahre als halb gefürchtete, halb verachtete Barbarin in Korinth durchleben [4. S. 113].

Другой разновидностью аллюзий, представленных в тексте, являются *аллюзивные факты* — переосмысленные в романе мифологические факты. К аллюзивному мифологическому факту, например, можно отнести упоминание убийства малолетнего брата Медеи — Апсирта. Согласно легенде, Ясон и Медея убивают юношу, чтобы задержать преследовавшего их царя Эета [1. С. 239]. Однако из текста романа становится понятным, что в смерти брата Медея обвиняет отца, принесшего своего сына, претендовавшего на престол, в жертву. Основной же причиной побега Медея объявляет тщетность попыток изменить «прогнившую» политическую систему страны, а не страстную любовь к Ясону:

Ich bin mit Jason gegangen, weil ich in diesem verlorenen, verdorbenen Kolchis nicht bleiben konnte. Es war eine Flucht. Nun habe ich den gleichen Zug von Anmaßung und Furcht, den unser Vater Aietes zuletzt zeigte, im Gesicht des Königs Kreon von Korinth gesehen. Unser Vater konnte mir nicht in die Augen blicken bei den Totenritualen für dich, seinen geopferten Sohn [4. S. 104-105].

Не повинна Медея и в смерти своих детей: в романе о смерти сыновей она узнает от дочери близкой подруги через много лет после их убийства жителями Коринфа, отомстившими Медее, которую считали виноватой во всех своих бедах:

Tot. Sie haben sie ermordet. Gesteinigt, sagt Arinna... Und die Korinther sollen immer noch nicht fertig sein mit mir. Was reden sie. Ich, Medea, hätte meine Kinder umgebracht. Ich, Medea, hätte mich an dem ungetreuten Jason rachen wollen [4. S. 236].

Как видно из примера, нереальность происходящего подчеркивается также с помощью со-

слагательного наклонения (Konjunktiv “hätte“). На русский язык употребление конъюнктива может быть переведено с помощью модальных слов «оказывается», «якобы», что подчеркивает сомнительность утверждаемого: «Это, оказывается, я, Медея, убила своих детей. Я, Медея, якобы, хотела отомстить Ясону за его неверность».

Вышеизложенное демонстрирует, что заимствованные у мифа общеизвестные факты, сюжетные линии, К. Вольф представляет в совершенно новом свете. Писательница наглядно демонстрирует, как свойственно человеку создавать мифы, представляя вполне реальные события в чудесном свете и предлагая выгодную для общества (и, в частности, для власти) интерпретацию событий.

Следующим видом интертекстуальности в романе «Медея» является *метатекстуальность*. Под метатекстуальностью понимается авторский комментарий к собственному тексту, обнажающий приемы, отражающие процесс становления произведения [2. С. 71]. В исследуемом романе о наличии метатекстуальности свидетельствуют внетекстовые авторские комментарии в виде общего эпиграфа (высказывание Элизабет Ленк), эпиграфов к главам (высказывания Сенеки, Еврипида, Платона, Р. Жирара и др.), а также авторское предисловие к роману, где писательница поднимает волнующие ее вопросы, в частности, проблему отношения к неоднозначной личности главной героини. Отдельные эпиграфы по главам задают общее настроение, ракурс интерпретации соответствующей главы романа. Так, эпиграф к первой главе настраивает читателя на восприятие Медеи как женщины, характер которой формировался в страданиях, а поступки продиктованы любовью:

Alles, was ich begangen habe bis jetzt, nenne ich Liebeswerk ...

Medea bin ich jetzt, gewachsen ist meine Natur durch Leiden.

Seneca, *Medea* [4. S. 11]

Основным средством реализации метатекстуальности в романе являются атрибутированные цитаты, маркированные лексически (через указание автора) и композиционно (вынесены на отдельную страницу). Некоторые цитаты (как видно в том числе из приведенного примера) реализуют *интекстуальные* связи с претекстами — одноименными трагедиями Сенеки и Еврипида.

Еще одна разновидность интертекстуальных отношений, которую мы выделяем в романе, — *гипертекстуальность*. Гипертекстуальность маркирует связь между произведениями данного

автора, объединенными общим эстетико-фило-софским содержанием и особенностями лингвистического построения [2. С. 56]. Особенно явственно гипертекстуальные связи просматриваются между описываемым романом К. Вольф и ее повестью «Кассандра». Средством выражения гипертекстуальности в данных произведениях служат, прежде всего, аллюзивные имена собственные — имена главных героинь. Образы обеих героинь заимствованы писательницей из древнегреческих мифов (Кассандра — провидица, дочь царя Трои — Приама [5]). Их судьбы и характеры похожи: и Медея и Кассандра — страстные женщины, сильные личности, пытающиеся утвердиться в этом мире. Обе женщины терпят много страданий, виновниками которых являются мужчины: Медею предает возлюбленный, Кассандру оклеветал отвергнутый Аполлон. Обе женщины слывут безумными в глазах окружающих, у обеих — драматические судьбы.

Принципиально сходны и конфликты, лежащие в основе произведений: и Медея, пытавшаяся открыть правду о нравственном преступлении (тайное жертвоприношение старшей дочери царя Креонта), ввергающим Коринф в бездну саморазрушения, и Кассандра, посмеявшаяся предсказать правду о гибели Трои — обе они пыта-

ются противостоять жестокости и агрессии патриархального общества. И в каждом случае не воля богов и не безумная ревность приводят к трагедии, а нежелание людей мириться с горькой правдой. Общим для обоих произведений является также использование внутреннего монолога как формы повествования.

Вышеизложенное, таким образом, дает нам право утверждать, что в романе «Медея» реализуется система интертекстуальных отношений, определяющая его целостность и связность как посредством внутритекстового диалога, так и через диалог с другими текстами.

Список литературы

1. Кун, Н. А. Легенды и мифы Древней Греции. Челябинск, 1981. 464 с.
2. Олизько, Н. С. Интертекстуальность как системообразующая категория постмодернистского дискурса (на материале произведений Дж. Барта) : дис. ... канд. филол. наук. Челябинск, 2002. 194 с.
3. Постмодернизм : энциклопедия / сост. А. А. Грицанов, М. А. Можейко. М., 2001. 1040 с.
4. Wolf, Ch. Medea. Stimmen. Luchterhand Literaturverlag, 1996. 237 s.
5. Wolf, Ch. Cassandra und Voraussetzungen einer Erzählung. Luchterhand Literaturverlag, 1990. 416 s.

Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 33 (248). Филология. Искусствоведение. Вып. 60. С. 173–176.

О. Б. Пономарева

ЛИНГВОКОГНИТИВНЫЕ МОДЕЛИ СЕМАНТИЧЕСКОЙ ДЕРИВАЦИИ ПРОФЕССИОНАЛИЗМОВ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ СТИЛЕ

В статье рассматривается проблема интержаргона, возникающего в результате конвергенции терминологической лексики и профессионализмов, криминальной и профессиональной лексики. Показывается, что в художественном стиле интержаргон широко используется для речевой характеристики персонажей, раскрывая их профессию, интересы, жизненный опыт. Анализируются лингвокогнитивные модели семантической деривации в интержаргоне в контексте романа Дж. Гришема «Братство».

Ключевые слова: *интержаргон, конвергенция, семантическая деривация, лингвокогнитивная модель, имплицативная функция, классифицирующая функция.*

По своей природе язык является социальным явлением и во всех своих проявлениях не может ни функционировать, ни развиваться вне связи с жизнью. Язык как средство общения людей имеет ярко выраженный социальный характер.

Проблема взаимодействия языка и общества не может быть разрешена без изучения функционирования языка в различных общественных слоях и профессиональных группах, без тщательного исследования его социально-диалектальной

стратификации и функционально-стилистического варьирования [1. С. 3]. Соответственно изучение лексико-семантической системы языка будет исчерпывающим и адекватным только в том случае, если в него входит анализ субстандартной лексики, включающей в себя жаргонизмы, просторечные единицы, вульгаризмы, а также сленговую лексику. Исследование когнитивных процессов семантической деривации в субстандартной подсистеме представляет интерес с точки зрения специфики семантических процессов и семантических сдвигов, характерных для этого пласта лексики.

Семантическая деривация является одним из самых продуктивных способов образования новых лексических единиц. Изучение процессов семантической деривации помогает объяснить механизмы развития языка, выявить семантические реляции и мотивационные связи, существующие между основным вокабуляром и субстандартной лексикой.

С помощью семантической деривации обогащается не только литературный язык, изменение семантики существующих слов — один из основных способов пополнения субстандартной лексики. Непрерывный процесс создания новых слов в языке — это сложный когнитивный процесс, происходящий под влиянием экстралингвистических факторов. Он осуществляется в русле уже известных прототипов, используемых по аналогии и в соответствии со структурными моделями. Главный процесс речевой деятельности — продуцирование, или порождение речи, ее моделирование. Исследование языковых моделей приобретает особую значимость в так называемых периферийных, или маргинальных системах языка, к которым относится и нестандартная лексическая подсистема, имеющая как общие черты с языковой системой, так и явления синкретизма (диффузности, контаминации, переходности) [3]. Язык в качестве коммуникативной системы зависит от субъекта коммуникации и, таким образом, расширяет наше представление о языковой системе и о языковой картине мира в целом. Изучение субстандартной семантической деривации дает возможность соединить два подхода к изучению аспектов лексической семантики: семасиологического и ономазиологического, предполагающих рассмотрение лексического значения в двух направлениях: знак → значение и значение → знак [4–7].

Просторечную лексику по ее системным связям с кодифицированной лексикой можно разбить на две группы, выделяя в каждой из них по

две подгруппы. В первую группу входят аналоги (связанные и свободные), во вторую — универбы (связанные и свободные) [1. С. 84]. В основу предлагаемой классификации положен признак наличия или отсутствия синонимических связей между литературной и просторечной лексикой. Группу аналогов составляют просторечные единицы, являющиеся синонимами слов литературного стандарта. В толковых словарях их значение передается с помощью стилистически немаркированного синонима.

Профессиональные жаргоны, или профессиональное просторечие, — это особая языковая среда, ограниченная рамками какой-либо профессии и расположенная между терминологической лексикой и общелитературным, или лексическим экспрессивным просторечием. Профессиональные жаргонизмы являются словами и выражениями оценочного характера, передающими отношение того или иного коллектива к предметам труда и быта. Как стилистически сниженные дублиеты терминов, слов литературного языка, они являются не только экспрессивно-оценочными или эвфемистическими дублиетами литературного языка, но и могут обозначать специфические понятия, которые требуют в литературном стандарте не синонимического толкования, а описательных дефиниций [1. С. 58–59].

В художественном функциональном стиле специальная лексика широко используется для речевой характеристики героя, раскрывая его профессию, интересы, жизненный опыт. Так, в романе Дж. Гришема «The Brethren» основными персонажами являются бывшие судьи, отбывающие срок заключения, но продолжающие и в тюрьме свою профессиональную деятельность, но с криминальным уклоном. Поэтому в тексте романа наблюдается конвергенция терминологической лексики и профессионализмов, зачастую представляющих **интержаргон**, который носит смешанный характер, сочетая в себе криминальную и профессиональную лексику. Например: «*Let all ye who search for justice draw nigh and get screwed*» [8. P. 2]. Последнее выражение является примером профессионального жаргона и имеет термин-синоним “*to be imprisoned*”. Использование термина “*search for justice*” в контексте профессионального жаргона ярко характеризует атмосферу тюрьмы и передает иронию персонажей, бывших судей, над своим положением. Лингвокогнитивной моделью в данном примере является метафорическая модель «сферы источника» *screw* “*инструмент (сверло)*”

с переносом в «сферу цели» «заключенный» [9]. Такое же тесное взаимодействие терминологической лексики и профессионального жаргона находим и в ряде других примеров разговоров бывших судей, а ныне заключенных: «*And besides, most of the high-tech and online companies are built with **funny money***» (фальшивые деньги) [8. P. 12]; «*Value. **The long haul** (большая добыча) ...Look, this is **a bogus case** (фальшивое дело) brought by some boys looking for an **easy buck**» (легкие деньги) [8. P. 13]. «*It is silly to think that some **disbarred yahoo** (лишенные адвокатской практики олухи) sitting in prison, reading an old copy of Forbes, can somehow buy a thousand dollars' worth of ValueNow*» [8. P. 12]. Широко используется профессиональный жаргон и в языке конгрессменов и политиков. Семантическая деривация представлена лингвокогнитивными моделями метафорического и метонимического сдвигов, с сужением или расширением значения. Например: «*Chenkov solidifies Russia's old **turf** (территория), and casts a **longing eye** (призывные взгляды) westward*» [8. P. 23]. Лингвокогнитивной моделью является метонимическая модель сферы источника с биологическим названием почвы «*торф*», с переносом в сферу цели, где семантический дериват **turf** означает территорию страны, на которую обращены взгляды политиков, жаждущих прибрать ее к рукам.*

В результате проведенного исследования обнаружилось, что большинство анализируемых лексических единиц являются связанными аналогами. Связанные аналоги — это просторечные единицы, образующиеся в результате расширения смысловой структуры литературного слова за счет появления в ней социально и стилистически маркированного лексико-семантического варианта, возникающего вследствие семантической деривации. Типовыми для формирования просторечного варианта являются метафорические и метонимические переносы. Например, в ряд с доминантой *steal* входят лексические единицы, относящиеся к связанным аналогам: *to skim bingo profits, to be looted by mobsters, to be smuggled out, to swap oil, to sneak out, to stash smth. Offshore*, а также единицы, означающие «обман, махинация»: *fraud, scam, bilk, swap, dodge*.

Степень семантической избыточности связанных и особенно свободных аналогов варьируется, так как они в профессиональных жаргонах могут, помимо экспрессивной, получать и семантическую добавку, которая делает их частичными синонимами слов литературного стандарта.

Семантическая структура слова проявляет себя в двух взаимосвязанных аспектах. В одних случаях под ней подразумевается совокупность узусных значений слова, связанных отношениями **семантической деривации**. Вместе с тем, между определенными значениями и компонентами значения существуют определенные механизмы, связывающие их. Существуют различные виды связей, но наибольший интерес для нас представляют импликационные и классификационные, так как между значениями профессиональных жаргонизмов существуют именно эти виды связей. Прежде всего обратимся к импликационным связям. Импликационные связи — это когнитивный (мыслительный) аналог реальных связей сущностей объективного мира, их взаимодействий и зависимостей. В конечном счете это отражение связей между видами, между частью и целым, между вещью и признаками.

Импликация в широком понимании является одним из двух универсальных способов организации сознания в концептуальные структуры. Частным случаем импликационных связей выступают метонимические связи значений. Например: *to be shipped off to prison, to plug in, to ease from the office, to get outed, to get booted*. Между значениями данных глаголов наблюдается метонимическая связь. Значения «транспортировать, прервать связь, высвободить, получить пинок» будут основными, а все остальные — производными (в результате метонимического переноса в субстандарте). При импликационной связи гипосема производного значения «перебрасывает мостик» к исходному значению. Если она исчезает из значения или утрачивает дифференцирующую роль, то значение обобщается, приравниваясь по содержанию к гиперсеме. В контексте данного произведения актуализируются пейоративные коннотации, характерные для профессиональных жаргонов и интержаргонов, связанных с профессиональной деятельностью, носящей криминальный характер. Например: «*He'd been drinking two nights before being **shipped off to prison**, and had said something about the \$ 90,000*» [8. P. 45]. «*We know his father is still active in the business, so you have to figure the old man might **go nuts** (свихнется) if his boy **gets outed** (убит). **Quince can't afford to get booted** (выброшен) from the family **gravy train** (легкая добыча), so he'll pay whatever we demand*» [8. P. 4].

Наиболее частотными являются также метафорические и метонимические лингвокогнитивные модели, в которых актуализируются семы импликационала с криминальной и тюремной

спецификой, например, модель «помещение для животных — тюрьма»: *pen* “a small enclosure for animals” употребляется в значении “prison” (тюрьма): “Guess he’s out of the pen now” [8. P. 46]. Модель «природа — человек» приобретает профессионально-криминальную специфику в метафорических значениях, например, *rookie* (грач) — “an inexperienced recruit” (неопытный в политических махинациях новичок): “A rookie congressman from Kentucky, one of the lowest of the 435, desperately needed money to fight what appeared to be a losing campaign back home” [8. P. 11]. Ряд сложных слов также выполняет классификационную функцию, подвергаясь переосмыслению, приобретая уничижительные коннотации в отношении простых людей из провинции, например, слово *grass-roots* (корни травы) приобретает контекстное значение «common rural people»: «D-PAC would go to the grass-roots, to the defense workers and their bosses, and orchestrate a massive phone campaign in support of Aaron Lake and more military spending» [8. P. 11]. Так, с помощью классификационных и импликационных связей профессионального жаргона автор вскрывает политические махинации во время избирательной компании,

Профессиональные жаргонизмы служат для создания вторичной картины мира, которая отражает особое профессиональное мировоззрение и определяется условиями данной языковой среды [2. С. 67]. Анализ исследуемого материала подтверждает тезис о том, что интерференция социального и профессионального жаргона образует интержаргон, представляющий сложную

конвергенцию импликационных и квалификационных семантических компонентов, служащих созданию профессионально-криминальной картины мира со сложными пересечениями профессиональных и криминальных интересов политиков, занятых коррупционной избирательной компанией в своих личных интересах обогащения вкупе с криминальной деятельностью бывших судей — нынешних заключенных в американской тюрьме.

Список литературы

1. Беляева, Т. М. Нестандартная лексика английского языка / Т. М. Беляева, В. А. Хомяков. Л., 1985. 136 с.
2. Голованова, Е. И. Категория профессионального деятеля: Формирование. Развитие. Статус в языке. Челябинск, 2004. 330 с.
3. Кудрина, Н. А. Периферийные и маргинальные явления как объект лингвистического исследования // Лингвистика на исходе XX века: итоги и перспективы. М., 1995. Т. 1. С. 280–281.
4. Никитин, М. В. Лексическое значение (структура и комбинаторика). М., 1983. 144 с.
5. Пономарева, О. Б. Когнитивные и прагматические аспекты семантической деривации // Лексика, лексикография, терминология в русской, американской и других культурах. Иваново, 2005. С. 231–233.
6. Соссюр, Ф. де. Курс общей лингвистики. М., 2004. 256 с.
7. Уфимцева, А. А. Семантика слова // Аспекты семантических исследований. М., 1980. С. 17–21.
8. Grisham, J. The Brethren. London, 2000. 440 p.
9. Slang American Style. Chicago, 1997. 555 p.

Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 33 (248). Филология. Искусствоведение. Вып. 60. С. 176–178.

Н. Б. Попова

НЕОПРЕДЕЛЕННОСТЬ КАК ПОЭТИЧЕСКИЙ ПРИЕМ ТВОРЧЕСТВА ПОЛЯ ВЕРЛЕНА

В статье описываются возможности синергетического подхода к пониманию поэтического текста, его эстетического функционирования и информационной значимости на примере творчества Поля Верлена, поэта импрессионистического видения в искусстве

Ключевые слова: поэзия, метафора, семантическая неопределенность, нечетный стих, короткий метр, импрессионистический прием.

Проблема исследования поэзии в целом возникает в связи со стремлением понять, с одной стороны, поэтическое искусство как эстетиче-

ское явление, а с другой — проникнуть в индивидуальную лабораторию конкретного поэта, постичь его творческую личность.

Исследование поэтического творчества касается, по сути, разных филологических дисциплин: эстетики, литературоведения, поэтики, лингвистики текста, к которым мы бы сегодня отнесли и синергетику как дисциплину, представляющую теорию самоорганизации нелинейных динамических сред, задающих новую матрицу видения объекта в качестве сложного. основополагающим тезисом синергетики является наличие неравновесности, неустойчивости или разнообразия нелинейных соотношений. Одновременно неустойчивость является условием и источником возникновения «порядка» на всех уровнях организации материи.

Для лингвистики, поэтики, для некоторых художественных направлений в целом естественнонаучное понятие неравновесности вполне может быть выражено понятием неопределенности и неоднозначности. Это касается и поэтического текста, который может рассматриваться как система синергетическая, порождающая неопределенное количество смыслов благодаря наложению на последовательность языковых единиц метрической схемы и созданию на этой основе ритмического подобия и динамического разнообразия семантических флуктуаций.

Поэтическое творчество Поля Верлена, поэта импрессионистического видения в искусстве, — яркий тому пример. При этом заметим, что искусство импрессионизма как художественного метода в живописи, поэзии, литературе и музыке полностью опирается на принцип неопределенности и размытости, который лежит в основе синергетической парадигмы как понятие неравновесности нелинейных соотношений.

Импрессионистический метод в целом представляет собой итог развития искусства после стагнации классицизма, основанного на декартовском культе разума «Я мыслю, следовательно, существую». Импрессионистический тезис «Я чувствую, значит, существую», сформулированный Андре Жидом, резюмирует философию и эстетику импрессионизма в живописи, литературе, поэзии, музыке. Основным эстетическим принципом поэтического импрессионизма, таким образом, является субъективная оценка действительности, лирическое «Я», через призму которого эта действительность отражена.

Творчество Верлена представляет собой яркую иллюстрацию художественного метода импрессионизма в поэзии: его короткие метры и нечетные стихи можно сравнить с импрессионистическими мазками кисти такого художника-импрессиониста, как Клод Моне, творчество

которого отражает расцвет импрессионизма в живописи. Не говоря уже о родственности тематики творчества обоих представителей импрессионистической парадигмы в искусстве: зарисовки городской жизни и пейзажи природы, прекрасные в своей обыденности и изменчивой многоцветности.

Импрессионистический метод Поля Верлена проявляется уже в его первом поэтическом сборнике «Сатурновские стихотворения», написанном под влиянием бодлеровского пессимизма. Это чисто верленовские пейзажные зарисовки, отражающие состояние души поэта, «Осенняя песня» и «Закаты». Оба стихотворения, написанные нечетным коротким метром (импрессионистическое открытие Верлена в области стихосложения), создают впечатление зыбкости и неопределенности волнообразным движением музыкального рисунка.

Короткий метр «Осенней песни» написан четырех- и трехсложным размером. Стиховая строка настолько коротка, что не позволяет мелодическому движению остановиться внутри. Имеется только два акцентных выделения в стихах 4 и 9 на глаголах «Blessent» (*ранят*) «Sonne» (*звучит*), которые вносят едва заметные вариации в неопределенность ритма стихотворения:

1. (0-4) Les sanglots longs 7. (0-4) Tout suffocant
2. (0-3) Des violons 8. (0-4) Et blême, quand
3. (0-3) De l'automne 9. (1-3) Sonne l'heure,
4. (1-4) Blessent mon coeur 10. (0-4) Je me souviens
5. (0-4) D'une langueur 11. (0-4) Des jours anciens
6. (0-3) Monotone. 12. (0-3) Et je pleure;

Если объединить в одну стиховую строку по три верленовских стиха, то получится шесть 11-сложных стихов, напоминающих александрийский стих с исключительно парной рифмой. И это будет взгляд с расстояния на импрессионистическую картину, в которой мазки короткого метра стирают на близком расстоянии контуры смыслового описания. Одновременно это будет совсем другой рисунок александрийца: нечетный 11-сложный ритм в отличие от 12-сложного ритма и 2 цезуры (4-4-3) в отличие от 1 цезуры (6-6) классического александрийского стиха. Так просматривается эволюция поэтического искусства в области стихосложения, отвечающая синергетическому закону самоорганизации с выходом на новую систему короткого метра и нечетного стиха.

Что касается содержания, то перед нами удивительно импрессионистический поэтический

пейзаж: рыдания скрипок осени ранят сердце поэта монотонной тоской; воспоминания о прошлом наполняют слезами его глаза; и поэт уходит, гонимый ветром, подобно опавшему листу.

В этом грустном пейзаже, монотонно организованном на ритмическом и звуковом уровне с повтором носовых звуков «а» и «о», неожиданно звонко и трагично звучит чистый звук «а» последних строк третьей строфы:

13. (0-4) Et je m'en vais

14. (0-4) Au vent mauvais

15. (0-3) Qui m'emporte

16. (0-4) Deçà, delà

17. (0-4) Pareil à la

18. (0-3) Feuille morte.

Пятикратный повтор звука «а» завершается ярким стиховым переносом в 17 стихе, когда артикль «*la*» как бы повисает в воздухе, отрываясь от лексемы *Feuille morte* «опавший лист». Это тот кульминационный (катастрофический) скачок в системе неопределенностей и флуктуаций, который маркирует переломный момент процесса самоорганизации при переходе на новую систему. В данном случае мы предполагаем рождение образа «пейзаж души» в поэтической системе Поля Верлена. Артикль «*la*», оторванный от лексемы *Feuille morte* «опавший лист», уподобляется этому опавшему листу и далее самому поэту, который определенно идентифицирует себя с этим листом, «уносимым злым ветром». Так фрагмент пейзажа природы становится элементом внутреннего состояния «души» поэта.

Сборник «Галантные празднества» — это уже импрессионизм в его чистом виде, характеризуемый французскими исследователями творчества Верлена как «живописный импрессионизм». Действие «Галантных празднеств» происходит среди изящных мраморных статуй, колоннад и водометов классического пространства версальского парка. Герои и персонажи сборника — это тени или лунные силуэты, погруженные в дымчатые очертания парков и садов, перенесенных из картин Ватто, Буше и Фрагонара. Поэтический образ «пейзаж души», неожиданно прозвучавший в первом сборнике поэта, здесь только намечается, накладываясь на реально существующий, хотя и декоративный пейзаж. Однако уже в первом стихотворении сборника

«Лунный свет» поэт проводит прямую параллель между «душой» и «пейзажем»: «*Votre âme est un paysage choisi...*». Импрессионистический прием Верлена в данном сборнике проявляется в размытости контуров пейзажей и персонажей, в приглушенном освещении прогулок под лунной, в общей меланхолической тональности настроения. Голос поэта не сливается с природой, а как бы вторит ей. Показательным в этом плане может быть разговор двух призраков о былой любви в ночной тиши заброшенного сада, воспроизведенный в виде эха, в стихотворении «Чувствительная беседа»:

— Qu'il était bleu, le ciel, et grand, l'espoir!

— L'espoir a fui, vaincu, vers le ciel noir.

Поэтический образ «пейзаж души» характерен в целом для сборника «Романсы без слов». Это уже подлинно поэтический импрессионизм, который суггестирует душевное настроение поэта через фрагментарное описание явлений природы, самой природы или городского пейзажа. Достаточно перечислить такие состояния, как томление души, лесов и трав (*Ariette oubliée I*), плач дождя (*Ariette oubliée III*), образ заснеженной равнины с ее бесконечной тоской, (*Ariette oubliée VIII*), зловещую картину города, надвигающуюся с быстротой несущегося поезда (*Charleroi*), а также быстрюю смену бельгийских пейзажей из окна поезда. Каждое из перечисленных стихотворений заслуживает особого описания. Многие из них стали хрестоматийными и во французской школе и в преподавании французского языка в нашей отечественной школе, — настолько они поэтичны, гармоничны, лаконичны и глубоко поэтически, стилистически и эстетически информативны. В этой связи верленовские «пейзажи души» заслуживают отдельного исследования в рамках зарождающейся междисциплинарной синергетической парадигмы.

Список литературы

1. Можейко, М. А. Синергетика. Всемирная Энциклопедия: Философия XX век. М. ; Минск, 2002. 976 с.
2. Эткинд, Е. Лирика Поля Верлена (предисловие к сборнику) // Поль Верлен. Лирика. М. : Худож. лит., 1969. С. 5–23.
3. Nadal, O. Paul Verlaine. P., 1961. 162 p.

В. Ю. Прокофьева, Ю. В. Черенкова

СОЦИОКУЛЬТУРНОЕ И ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЕ СОСТОЯНИЕ РОССИИ В ПОЭТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ (на материале русской поэзии XX века)

В статье показано, как в поэтическом дискурсе преломляются такие геополитические катаклизмы России, как Октябрьская революция 1917 года, Великая Отечественная война, перестройка, распад социалистической системы, и какие гештальты России зафиксированы в лексической структуре соответствующих поэтических текстов.

Ключевые слова: поэтический дискурс, метафоризация, образ России, метафорическая модель, гештальт.

Геополитическое положение России, насыщенность ее истории событиями и серьезные социокультурные изменения в стране в XX веке вызвали пристальное внимание к ней поэтов, что вылилось в художественное осмысление этого важного для национального самосознания локуса и особое дискурсивное преломление образа России, с использованием повторяющихся гештальтов и метафорических моделей. Покажем это на примере поэтической трансформации таких российских катаклизмов прошедшего столетия, как революция 1917 года, Великая Отечественная война и перестройка с последующим распадом социалистической системы.

Поэзия начала XX века представила концентрацию возможных образов России, вобрав в себя метафоризацию страны из художественного творчества XIX века и став своеобразной точкой отсчета в поэтическом определении родной страны авторами XX века. Наиболее ярким представлением России в поэтическом дискурсе становится персонифицированный гештальт, антропоморфный и неантропоморфный.

Самый частый антропоморфный гештальт — женский, ибо культурный концепт «Россия» для языкового сознания россиянина изначально связан с архетипом матери, базовым элементом концепта «Родина»: «активация этого архетипа для обозначения признака «как бы материнское попечение родины по отношению к ее “сынам” и “дочерям”» обусловила выбор глаголов, образующих вместе с базовым наименованием фразеологически связанные с ним сочетания *родина вскормила, воспитала, вырастила, дала...*» [2. С. 470]. Поэтический дискурс использует такие обозначения России, как *жена, невеста, сестра* и — наиболее часто — *мать*. Если первые три характерны для поэзии Серебряного века (Блок, Белый, Волошин, Клюев), то последний становится особенно востребован в период гео-

политических и социокультурных катаклизмов, когда страна требует защиты, и образ России сливается с образами матери-земли и матери человеческой:

Россия! Мы все у тебя в долгу.
Ты каждому — трижды мать.
(Д. Кедрин, 1942)

А уж если воевать —
Только за Россию-мать.
(В. Николаева, 1995),

приобретая фольклорные и мифологические черты:

Меня как будто оросили
Живой и мёртвой водой,
Как будто надо мной Россия
Склонилась русой головой!..
(И. Уткин, 1943)

Интересно, что женская параметризация образа России в поэзии начала XX века коррелирует с поэтическим представлением страны постперестроечного времени. В стихотворении З. Гиппиус «Апрель 1918» состояние России оценивается как *блудодейство*, в ноябре 1917 года М. Волошин дает сходное представление: *Ты — бездомная, гуляющая, хмельная, Во Христе юродивая Русь!* А. Ахматова в это же время рисует поэтический образ революционного Петрограда: *Когда приневская столица, Забыв величие свое, Как опьяневшая блудница, Не знала, кто берет ее...* А вот строки В. Николаевой 2002 года, где поэтический дискурс представляет тот же образ пропащей, продажной, публичной России:

Россия! Что с тобой, Россия?!
Ты пропадаешь ни за грош!
За всю историю впервые¹
Себя публично продаешь!

¹ Как мы видим,— не впервые.

Еще один антропоморфный гештальт России, востребованный поэтическим дискурсом в переломные эпохи, — Россия-Христос, Россия-Мессия. Впервые это отождествление появляется в поэзии Серебряного века в 1917–1918 гг. в связи с восприятием революции: *Россия, Россия, Россия — Мессия грядущего дня!* — А. Белый, 1917; *Россия! ... Распятъ себя дала ты на кресте* — Р. Ивнев, 1918. Встречаем его и в поэзии Великой Отечественной войны, где поэтический дискурс в силу идеологических причин использует лишь имеющий библейские корни фразеологизм «нести крест»: *В годину испытаний, В боях с ордой громил, Спасла ты, заслонила От гибели весь мир. Сурово и достойно Несла свой тяжкий крест...* (М. Исаковский. Слово о России, 1944). Возвращение к этому гештальту встречаем в поэзии 1990-х: *Радуйтесь, когда кругом все плачут, Что Россия гибнет на кресте* (Ю. Ключников, 1996).

К распространенным в поэзии XX века неантропоморфным персонифицированным образам России можно отнести связанные между собой и имеющие мифологическую семантику Россия-птица и Россия-Феникс. Образ «Россия-птица», навеянный гоголевской птицей-тройкой (быть может, полет вкупе со звоном колокольчика из этого образа родил есенинскую строчку *Звени, звени, золотая Русь!*), находит текстовое воплощение на основе метонимической ассоциации *птица — крылья* в известной есенинской строчке *О Русь, взмахни крылами* (начало стихотворения без названия, 1917). В «орнитологическом» ключе, взятом за основу А. Блоком в поэме «Возмездие» (*Победоносцев над Россией Простер совиные крыла*), представлена и Россия-мать: *Россия-мать, как птица, тужит О детях; но ее судьба, Чтоб их терзали ястреба*. Этот образ, дополненный параметризацией, использует поэтический дискурс 1990-х:

Тройка-Русь,
 Ответа на такой вопрос боюсь:
 Куда ты так несёшься, «Тройка-Русь»?
 Наезженных дорог не выбираешь,
 Коней до хрипа загоняешь...
 И отвечает «Тройка-Русь»:
 Я и сама теперь в галоп боюсь..
 Ты посмотри!..
 Меня изрубцевали,
 На части сбрую разодрали,
 Узды по заграницам растеряли
 И вожжи брошены на произвол...

Подковы сбиты, коренной дрожит,
 Кровавой пеной круп его покрыт...
 (Ю. Максименко, 1999)

В «Словаре поэтических образов» Н. В. Павлович [1] зафиксированы сравнения России с хищными птицами и зверями: Россия-орел (орлица), Россия-лев (львица), но образы эти принадлежат поэзии рубежа других веков, XVIII–XIX (Державин, Ломоносов, Хомяков, Капнист), в начале же XX века с хищными птицами сравниваются враги России, от которых она терпит бедствия, сама же она сопоставляется с ласточкой (Нарбут), коровой (*Телица-Русь* — Есенин), медведем (Нарбут, Северянин, Городецкий), сурком (Пастернак), светляком (Клюев). В поэтическом дискурсе конца XX века зооморфные сравнения не так разнообразны, кроме Тройки-Руси, нами обнаружена Россия-корова: *Россия — дойная корова Для проходимца и дельца?* (В. Николаева, 1992). Если поэтический дискурс Серебряного века использует именно «птичьи» ассоциации в гештальтном представлении тройки-Руси, которая несется по своему загадочному пути, то в поэзии конца XX века образ России соотносится с активно используемым домашним скотом, *загнанной* тройкой и *дойной* коровой, теряя орнитологическую часть метафорической модели.

В годы Великой Отечественной войны поэтами активно используется образ соловья как контраст происходящему и идеал мирной жизни. Это не только фатьяновские «Соловьи», но и включение наименования этой птицы в число «птиц России» с постановкой в ключевую позицию (последняя строчка в строфе), авторским курсивом и примечанием:

Люблю, Россия, птиц твоих:
 Военный строй в гусином стане,
 Под небом сокола стоянье
 В размахе крыльев боевых,
 И писк луны среди жнивья
 В очарованье лунной ночи,
 И на невероятной ноте
*Самоубийство соловья!*¹

(И. Сельвинский, 1942),
 а также прямое отождествление: *Соловьиное горло — Россия* (А. Прокофьев, поэма «Россия», 1944).

Гештальт «Россия-Феникс», имеющий в основе своей семантики значения умирания и воскресения, «восстания из пепла», в поэзии начала XX века связан с революционным преображе-

¹ Курсив автора, примечание автора: «У соловья во время пения иногда разрывается сердце».

нием страны и особенно ярко эксплицируется в творчестве А. Белого (*В перегоревших углях — Ты*; название цикла — *Пепел*) и М. Волошина:

России нет — она себя сожгла,
Но Славия воссветится из пепла!
(Ангел времен, 1918)

Истлей, Россия,
И царством духа расцвети!
(Преосуществление, 1918).

Идею возрождения России из праха преломляет поэтический дискурс в период начинающейся перестройки:

Вновь православный наш народ
Из праха возродит Россию.
(Ю. Максименко, 1985)

В поэзии 1990-х надежда на возрождение исчезает, появляются метафорические модели, акцентирующие другие мифологические корреляции: *Россия кончилась, Помпея началась* (С. Соколкин, 1993).

Поэтический дискурс, отражая исторические катаклизмы начала и середины XX века, использует устаревшую лексику и грамматику:

Выпросил у Бога светлую Россию Сатана —
Да очервленил — ю
Кровью мученической.
(М. Волошин, 1918)

Россия, мати! Свете мой безмерный,
Которой мезтью мстити мне за тебя?
(С. Наровчатова, 1941)

Интересно, что в поэзии конца XX века уже не встречаются элементы старославянского языка, что, возможно, объясняется отсутствием практики чтения древних текстов. Хотя само обращение к истокам при описании России 1990-х присутствует в наименованиях *Русь*, *Русская земля*, эпитетах *святая*, *православная*, *крещеная*, *юродивая*, обращениях к *Богу* и *Господу*, употреблении библейских фразеологизмов *судный час*, *нести крест*.

Что касается неантропоморфных гештальтов, то их число невелико. Поэты начала XX века, как правило, представляют Россию через другой локус, реально-бытовой: *Россия-сад*, *покойный*

уголок (Есенин), *Россия сверху* — *прямо огород* (Маяковский), географический, имеющий культурно-мифологические коннотации: *Россия — Третий Рим* (В. Соловьев, Волошин), *родная Галилея*, *Новая Америка* (Блок), *Индия духа* (Гумилев) или мифический: *Россия — вертоград*, потерянный или несбывшийся *рай* (поэзия 1990-х предлагает антонимичное отождествление: *Россия — ад* — Г. Горбовский). Военная поэзия реализует гештальты с противоположным пространственным наполнением — *Россия-дом*:

И чувствует солдат, что дом
Не там, где вербы над прудом,
Что и в длину и в ширину
Он больше всех хором,
Что стены дома — на Дону,
А двери — за Днепром,
И надо Одер перейти
Под ревом непогод,
Чтоб в дом родной порог найти...
Идет на Родину солдат,
Домой идет солдат!

(П. Шубин, 1942)

и *Россия-мир*: *Мы не страну в тебе боготворим, Россия, Ты больше, чем страна: ты — мир...* (И. Сельвинский, 1941). В поэзии 1980–90-х наблюдается только первое отождествление: *Что есть Россия? Хмурая изба?* (Г. Горбовский, 1985), *Нам Россия — Отчий Дом* (В. Николаева, 1994).

Таким образом, поэтический дискурс использует вполне определенный набор языковых средств и метафорических моделей для представления геополитического состояния страны и социокультурных катаклизмов, происходящих в России на протяжении XX века.

Список литературы

1. Павлович, Н. В. Словарь поэтических образов : в 2 т. М. : Едиториал УРСС, 2007.
2. Телия, В. Н. Рефлексы архетипов сознания в культурном концепте «Родина» // Славянские этюды : сб. к юбилею С. М. Толстой. М. : Индрик, 1999. С. 466–476.

М. В. Соколова

ФУНКЦИОНАЛЬНО-СТИЛИСТИЧЕСКАЯ НАГРУЗКА ИМЕНИ СОБСТВЕННОГО В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

В статье представлен анализ функциональной и стилистической роли собственных имен в тексте. Исследуются функции собственных имен в жанре фэнтези, анализируется структура и виды собственных имен.

Ключевые слова: художественный текст, имя собственное, антропоним, ономастикон.

Исследователи указывают на различные свойства имен собственных и отмечают своеобразие их реализации в художественном тексте. А. В. Суперанская считает, что «имена в художественном произведении занимают промежуточное положение между именами реальных и вымышленных предметов, потому что: а) денотаты их конструируются на основе опыта художника, писателя, но не существуют в действительности; б) они создаются по моделям реальных и нереальных предметов с учетом принадлежности их определенному ономастическому полю» [7. С. 336].

Ю. А. Карпенко выделяет несколько существенных признаков как литературной ономастики в целом, так и имен собственных в художественном произведении: 1) вторичность литературной ономастики; 2) разная причинная обусловленность появления литературной ономастики и реальной ономастики (жанр и стиль текста для литературной ономастики и социальная среда и язык народа для реальной); 3) выполнение литературной ономастикой стилистической функции; 4) различие функций собственных имен в речи обиходной и художественной; 5) наличие в литературно-художественном произведении заглавия, которое является главным компонентом ономастического пространства [4. С. 34–40].

Каждый из писателей употребляет собственные имена в соответствии со своим творческим методом и конкретными идейно-художественными задачами, стоящими в том или ином произведении. «На употреблении имен лежит печать определенной эпохи, литературного направления, классовой позиции автора. Одно и то же имя может служить разным целям» [5. С. 54].

Взаимовлияние художественного текста и имени собственного имеет двунаправленный характер: «С одной стороны, обозначая единый денотат, имя собственное выполняет роль текстовой скрепы и наделено, таким образом, текстообразующей функцией. С другой стороны,

имя собственное, по мере продвижения в тексте, приобретает собственную семантическую структуру» [1. С. 25]. Для литературных онимов, в отличие от ономастики общеязыковой, «коннотативное значение становится обязательным и часто выходит на первый план, обуславливая особый аспект функционирования имен собственных в художественной литературе» [2. С. 119].

По мнению М. В. Горбаневского, «имена и названия являются неотъемлемым элементом формы художественного произведения, слагаемым стиля писателя, одним из средств, создающих художественный образ. Они могут нести ярко выраженную смысловую нагрузку, и обладать скрытым ассоциативным фоном, и иметь особый звуковой облик; имена и названия способны передавать местный колорит, отражать историческую эпоху, к которой относится действие художественного произведения, обладать социальной характеристикой» [3. С. 4]. Примерно такие же характеристики имени собственного как элемента художественного текста отмечает и В. А. Никонов: «имя персонажа — одно из средств, создающих художественный образ; оно может характеризовать социальную принадлежность персонажа, передавать национальный и местный колорит. В художественном произведении имена личные — неотъемлемый элемент стиля, без соотнесения с которым нельзя ими пользоваться» [6. С. 234].

Следовательно, можно сделать вывод о том, что имена собственные, входящие в структуру художественного произведения, непосредственно связаны с его содержанием. Изучение их в литературной ономастике вытекает в первую очередь из потребности более глубокого понимания художественного произведения. Функционирование имен собственных в тексте имеет свою специфику. Имена и названия являются неотъемлемым элементом формы художественного произведения, одним из средств, создающих художественный образ. Они могут

гут нести на себе смысловую нагрузку, иметь звуковой облик, обладать ассоциативным фоном. Имена собственные должны быть стилистически верными и точными, должны соответствовать всему духу, идее, целям произведения, должны передавать характерный колорит, а иногда и какой-то специальный смысл, особое значение, в котором выражена авторская идея. Удачно выбранное имя становится дополнительным средством характеристики персонажа, усиливает эмоциональное впечатление от всего произведения.

Каждое собственное имя получает в тексте определенную эстетическую нагрузку, цель которой — представить фигуру героя более наглядно. В этом смысле наиболее показательны имена собственные в произведениях жанра фэнтези, поскольку их авторы достаточно свободны в выборе приемов и средств создания художественного мира. Большую роль здесь играют имена собственные, с помощью которых автору удается не только подчеркнуть характерную черту героя, но и придать особый колорит изображаемой реальности.

Рассмотрим функционально-стилистическую нагрузку имен собственных на примере романов о Гарри Поттере.

В произведениях Дж. К. Роулинг выделяется несколько разрядов онимов, каждый из которых представляет собой разветвленную и глубоко продуманную систему. Так, антропонимы включают в себя:

1) личные имена, в состав которых входят:

а) качественные: деминутив **Newt** (*Трифон*) — от *Newton* (*Ньютон*), **Rubeus** (*Рубеус*), **Narcissa** (*Нарцисса*);

б) добавочные: **Billius** (*Биллиус*), основное имя — *Ronald* (*Рональд*), **Wulfric** (*Вульффрик*), основное имя — *Albus* (*Альбус*), **Jane** (*Джейн*), основное имя — *Dolores* (*Долорес*);

2) прозвища: **the Horny-Handed**, прозвище гоблина. К ним также относятся:

а) мелиоративы: **the Invincible** (*Непобедимый*) — возвеличивающее прозвище волшебника Андроса (*Andros*), который был единственным, кому удалось создать патронаса размером с великана;

б) качественные: **the Bloodthirsty** (*Кровожадный*) — прозвище великана, **the Smarmy** (*Проныра*) — прозвище волшебника, который изобрел зелье, чтобы «втираться в доверие» к людям; **Moony** (*Лунатик*) — прозвище профессора-оборотня, **Wormtail** (*Червехвост*) — прозвище Питера Петтигрю, **Snivellus** (*Нюниус*,

Сопливиус) — уничижительное прозвище Снейпа.

3) имена-перифразы:

а) эвфемистические: **the Dark Lord** (*Темный Лорд*) — имя-перифраз Волдеморта среди Пожирателей Смерти, **You-Know-Who** (*Сам-Знаешь-Кто*) — имя-перифраз Волдеморта среди волшебников;

б) образные: **Mad-Eye** (*Грозный Глаз*) — прозвище Аластора Грюма.

4) фамилии: **Warbeck** (*Ворбек*), **Creevey** (*Криви*), **Davies** (*Дэйвис*).

При этом в ономастиконе каждого народа, описанного в произведениях Роулинг, присутствуют свои особенности (отсутствие фамилий и наличие прозвищ у гоблинов, только личные имена у эльфов-домовиков, кентавров), наблюдаются особые принципы имянаречения («двойная» система именования у оборотней: наличие фамилии и личного имени, как у обычного мага, и прозвища, как у магического существа; частичное отсутствие имен у великанов). Все это наглядно показывает социальную структуру общества, быт и характер народов, описываемых в произведении.

Ономастикон произведения «Гарри Поттер» поражает не только богатством и разнородностью разрядов онимов, но также и многочисленными приемами имянаречения. В целом, можно выделить несколько приемов имянаречения, используемых автором:

1) онимы, взятые из реального именника:

а) современной эпохи, например, антропонимы **Black** (*Блэк*), **McDonald** (*Макдональд*), **Potter** (*Поттер*) — реально существующие английские фамилии;

б) предыдущих эпох, например, древне-северные антропонимы **Fenrir** (*Фенрир*), **Mara** (*Мара*) древнеанглийский антропоним **Wulfric** (*Вульффрик*), кельтские антропонимы **Baal** (*Баал*), **Rhianonn** (*Рианон*);

2) онимы, возникшие в произведении в результате перенесения известных литературных имен и названий из ранее опубликованных произведений на новые художественные образы (аллюзивные имена собственные), например, антропонимы **Percival** (*Персиваль*), **Ginevra** (*Гвинивера*) заимствованы из произведений Томаса Мэлори, **Diggory** (*Диггори*), **Harfang** (*Харфанг*) — из произведения «Хроники Нарнии»;

3) вымышленные имена и названия, в число которых входят:

а) онимы, построенные по типовым языковым моделям и имеющие семантически прозрачную

внутреннюю форму в естественных языках: антропоним **Macnaire** (*Макнейр*) — от гэльского «мас» — «сын» + «naire» — «грех»;

б) внemodelные, искусственные имена и названия, без семантической мотивировки, выражающие лишь фонетическую экспрессию — антропонимы **Karkus** (*Каркус*), **Urg** (*Ург*).

Список литературы

1. Бакастова, Г. В. Имя собственное в художественном тексте // Рус. ономастика. 1984. С. 23–27.
2. Буштян, Л. М. К проблеме фонетической

коннотации собственных имен в поэзии // Рус. ономастика. 1984. С. 118–124.

3. Горбаневский, М. В. Ономастика в художественной литературе: Филологические этюды. М., 1988.

4. Карпенко, Ю. А. Имя собственное в художественной литературе // Филол. науки. 1986. № 4. С. 34–40.

5. Михайлов, В. Н. Экспрессивные свойства и функции собственных имен в русской литературе // Филол. науки. 1966. № 2. С. 54–66.

6. Никонов, В. А. Имя и общество. М., 1974.

7. Суперанская, А. В. Общая теория имени собственного. М., 1973.

Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 33 (248). Филология. Искусствоведение. Вып. 60. С. 184–187.

Е. А. Тумова

ПРАГМАТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ЗВУКОИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ СТИХОТВОРНЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ДЖОНА КИТСА

В статье раскрываются звукоизобразительные особенности поэтических текстов, помогающие автору передать эмоции, чувства лирического героя и способствующие целостному восприятию текста. Показана специфика поэтических произведений Дж. Китса в использовании звукоподражания и звукоимитации.

Ключевые слова: поэтический текст, звукоподражание, звукоимитация, ассонанс, аллитерация.

Язык поэзии — особенный, именно поэтический текст является средоточием эмоциональных переживаний. Благодаря особому звучанию и оформлению текстов поэты способны передавать свои эмоциональные состояния, одновременно вызывая соответствующую реакцию у реципиента. Такие явления, как звукоподражание, звукоимитация, благозвучие, неблагозвучие, аллитерация и ассонанс приобретают прагматическую насыщенность в поэтическом тексте.

Исследуя особенности звуковой инструментальной стихотворных текстов, мы отметили, что у каждого автора прослеживается некая закономерность фонетического оформления произведений. Некоторые поэты очень часто прибегают к аллитерациям и выстраивают схемы звуковых повторов; другие же обыгрывают благозвучие и неблагозвучие, создавая контрастное восприятие явлений действительности.

Самыми яркими и действенными являются звукоподражание и звукоимитация, так как помимо эмоциональных откликов они способны создавать образы и вызывать определенные ассоциации. Творчество Джона Китса отличается

обилием звукоподражательных и звукоимитационных техник.

Так, например, в произведении *'After dark vapours have oppressed our plains...'* мы встречаемся с явлением звукоимитации, которое заключается в «обыгрывании» звуков различного качества и противопоставлении противоположных по значению фонем.

*After dark vapours have oppressed our plains
For a long dreary season, comes a day
Born of the gentle South, and clears away
From the sick heavens all unseemly stains.
The anxious month, relieving from its pains,
Takes as a long-lost right the feel of May,
The eye-lids with the passing coolness play,
Like rose leaves with the drip of summer rains.
And calmest thoughts some round us — as of leaves
Budding — fruit ripening in stillness — autumn suns
Smiling at eve upon the quiet sheaves —
Sweet Sappho's cheek — a sleeping infant's
breath —
The gradual sand that through an hour-glass runs —
A woodland rivulet — a Poet's death.*

John Keats

Нетрудно заметить, что в начале сонета автор использует «темные», депрессивные краски. Это легко «прочитывается» как на лексическом, так и на фонемном уровне — очевидно преобладание «темных» звуков [d], [a], [o], [p] (*dark, vapours, oppressed, dreary*), что влечет за собой возникновение у читателя негативных впечатлений. Вслед за развитием сюжета меняется настроение произведения. Появляется большее количество «мажорных» звуков (*month, relieving, feel, May, coolness*). Но несмотря на их обилие, нельзя говорить об их преобладании над «темными»: они «сосуществуют» с ними, еще не подавляя, но уже присутствуя.

Помимо этого, Дж. Китс использует аллитерацию [s], который встречается практически в каждой строке сонета. Это явление можно охарактеризовать как косвенное звукоподражание — имитация шуршания песка в песочных часах. Поэт дает читателям возможность «услышать» течение времени (*vapours, oppressed, season, sick, unseemly, anxious*).

Внимание привлекает частотное, не свойственное английскому языку, употребление [r]. Действительно, лейтмотивной линией здесь, по нашему мнению, является чередование латерального сонорного «светлого» [l] и медиального «напряженного» [r]: *relieving from its pains, long-lost right, like rose leaves, with the drip of the summer rains, some round us — as of leaves, fruit ripening in stillness...* Звуки вступают в своеобразное «противостояние» — «очень светлый» [l] — «агрессивный» [r].

Заканчивается произведение неожиданно — Дж. Китс, перечисляя явления, традиционно считающиеся «положительными», «светлыми», резко вводит понятие смерти, которое замыкает список и, по сути своей, является основным в нем: *calmest thoughts — fruit ripening in still-*

ness — autumn suns — smiling at eve upon the quiet sheaves — sweet Sappho's cheek — a sleeping infant's breath — the gradual sand — a woodland rivulet — a Poet's death.

Так, поэт, сочетая «темные» и «светлые» звуки, говорит нам, что жизнь неоднозначна, все в ней меняется, вслед за зимой приходит весна, которая приносит радость, затем лето и осень. Лейтмотивное чередование [l] — [r] — как чередование «хорошего» — «плохого» в жизни, и все это заканчивается одним — смертью.

Коммуникативный эффект произведения “*After dark vapours have oppressed our plains...*” можно охарактеризовать так:

- 1) негативные эмоции в первой строке — обилие «темных» звуков;
 - 2) изменение настроения — введение автором большего количества «светлых» звуков;
 - 3) течение времени — аллитерация [s];
 - 4) изменчивость жизни, чередование «черных» и «белых» полос — противостояние [l]–[r].
- Звукоизобразительные характеристики стихотворения показаны на рис. 1.

В следующем стихотворении Дж. Китса *Keen fitful gusts are whisp'ring here and there...* основополагающими также являются звуко-символические и звукоподражательные приемы.

*Keen, fitful gusts are whisp'ring here and there
Among the bushes half leafless, and dry;
The stars look very cold about the sky,
And I have many miles on foot to fare.
Yet feel I little of the cool bleak air,
Or of the dead leaves rustling drearily,
Or of those silver lamps that burn on high,
Or of the distance from home's pleasant lair:
For I am brimful of the friendliness
That in a little cottage I have found;
Of fair-hair'd Milton's eloquent distress,*

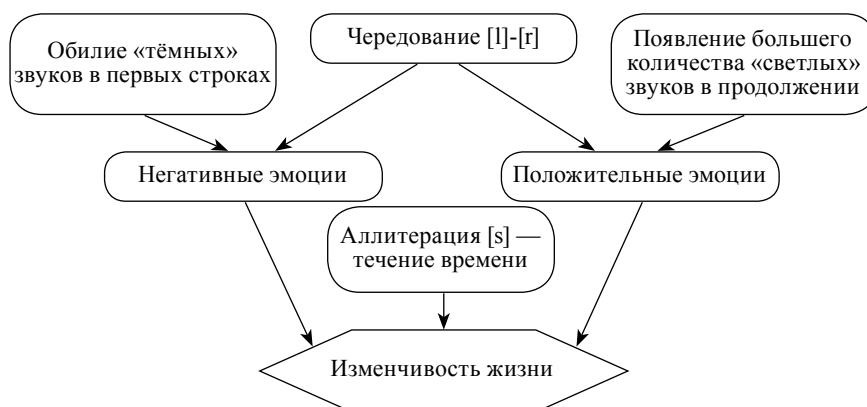


Рис. 1. Звукоизобразительные характеристики стихотворения Дж. Китса “*After dark vapours...*”

*And all his love for gentle Lycid drown'd
Or lovely Laura in her light green dress,
And faithful Petrarch gloriously crown'd.*

John Keats

В этом сонете Дж. Китс описывает свое возвращение домой холодным осенним вечером. Дует сильный ветер, но поэта «греют» мысли о проведенном времени с друзьями.

Для описания явлений природы автор использует как прямое, так и косвенное звукоподражание, что способствует созданию ярких образов и помогает передать звуки реальной действительности. Так и в этом сонете Дж. Китс вводит звукоподражательные слова, благодаря которым реципиент «слышит» шум ветра: *fitful gusts, whispering*. Такой эффект также достигается благодаря аллитерации звуков [s-f] (*fitful gusts, whispering, bushes half leafless*). Помимо этого, поэт имитирует шуршание опавших листьев под ногами: *leaves rustling drearily*. В результате адресат может яснее представить осенний вечер.

Кроме того, присутствует сочетание [k-o-u-l], при помощи которого он обыгрывает слово cold (холодный): *look-cold-cool-bleak*.

С первых же строк произведения наблюдается обилие неприятных для слуха сочетаний и частотное появление [r] (*whispering, dry, very, rustling, drearily, brimful, distress*), что способствует созданию неблагозвучия. Наряду с этим Дж. Китс часто употребляет «мажорные» звуки и приятные сочетания (*many miles, feel I little, silver lamps, pleasant lair*). В результате создается ощущение «противостояния», что раскрывает дисгармонию между внешним миром и внутренним состоянием поэта. Внешний

мир — порывы ледяного ветра, опавшие листья, холод; внутренний — воспоминания о приятном вечере, проведенном с друзьями. Тем не менее, положительные эмоции не преобладают над дискомфортом, вызванным холодной погодой, обилие напряженных сочетаний ([dr]: *dry, drearily, drown'd*; [br]: *brimfull*; [dʒ]: *cottage, gentle*; [kr]: *crown'd*...) не дает читателю почувствовать умиротворение и спокойствие. Мы понимаем, что, несмотря на приятные мысли, холод и ветер доставляют лирическому герою неудобства.

Коммуникативные намерения Дж. Китса можно определить так:

- 1) создание образа осеннего вечера (включает в себя порывы холодного ветра, шелест опавших листьев, холод) — звукоподражание, обилие [r], неблагозвучие, напряженные сочетания, обыгрывание слова *cold* — негативные эмоции;
- 2) воспоминания о времени, проведенном, с друзьями — благозвучие — положительные эмоции;
- 3) противопоставление — контраст благозвучия и неблагозвучия.

Схематически рассмотренные особенности представлены на рис. 2.

Таким образом, проведенный анализ позволил обнаружить тенденцию, которая присуща поэтическому стилю Дж. Китса — интенсивное использование как звукоподражательных и звукосимволических слов, так и создание звукоподражания и звукосимволизма посредством определенных комбинаций звуков.

Звукоподражательные образования позволяют автору воссоздать звуки действительности, что делает произведение «говорящим»; звуко-

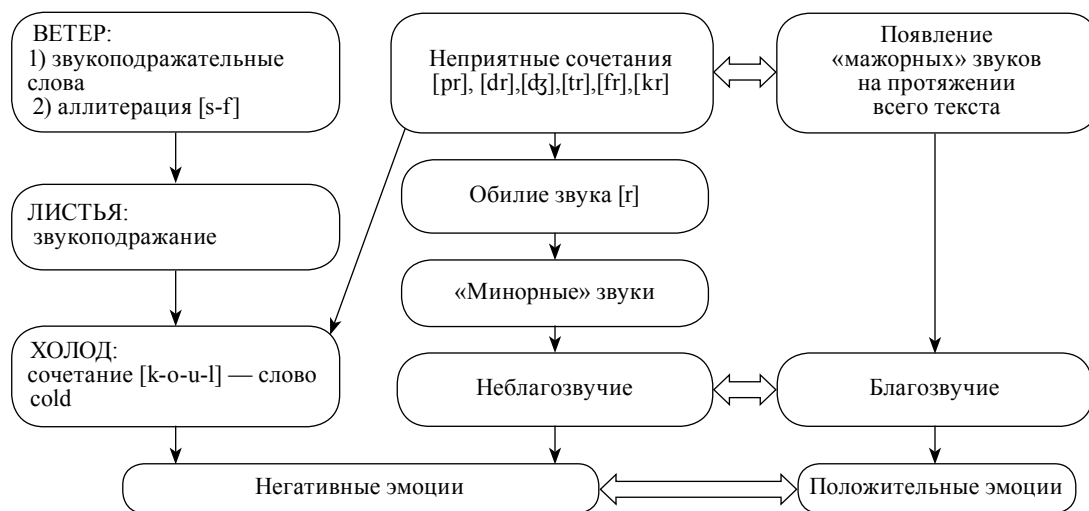


Рис. 2. Звукоизобразительные характеристики стихотворения Дж. Китса “*Keen fitful gusts are whispering here and there*”

символические же сочетания «живописуют» действительность и помогают автору воссоздать и передать читателю свои чувства, вызывая у него соответствующий эмоциональный отклик.

Список литературы

1. Английский сонет XVI–XIX веков : сб. / сост. А. Л. Зорин. М. : Радуга, 1990. 698 с.
2. Воронин, С. В. Основы фоносемантики. Л. : Изд-во ЛГУ, 1982. 244 с.

3. Гончаренко, С. Ф. Стиховые структуры лирического текста и поэтический перевод // Поэтика перевода : сб. М. : Радуга, 1988. 235 с.

4. Зырянова, Т. Средства создания звуковой экспрессии // Зеленая лампа. 2004. № 1.

5. Лотман, Ю. М. О поэтах и поэзии. СПб. : Искусство-СПб, 1996. 245 с.

6. Шадрина, И. Н. Фоносемантическая доминанта как структурообразующий компонент текста перевода (экспериментальное исследование на материале русского и английского языков) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Горно-Алтайск, 2001. 16 с.

НОВЫЕ АСПЕКТЫ И ОБЪЕКТЫ ТЕРМИНОГРАФИИ

Е. А. Березовская

О ПРОЕКТЕ СЛОВАРЯ «ТРУДНОСТИ В ЛЕКСИЧЕСКОЙ СОЧЕТАЕМОСТИ: СПРАВОЧНИК ДЛЯ РЕДАКТОРА»

В статье констатируется увеличение количества ошибок, связанных с нарушением лексической сочетаемости в текстах на русском языке. Автор исходит из того, что современному редактору трудно идентифицировать и исправлять подобные ошибки. В связи с этим предлагается создать справочник, который позволит быстро и эффективно редактировать тексты.

Ключевые слова: лексическая сочетаемость, контекст, лексическое значение, словарь трудностей.

Современному редактору нередко приходится сталкиваться с предложениями типа: *Уникальность нашего университета в том, что в его состав входит председатель УрО РАН, то есть осуществляется важная для любого вуза связь учебного процесса и академической науки. Введено в эксплуатацию современное научно-исследовательское оборудование стоимостью 550 млн. рублей, что позволило значительно расширить привлечение студентов и аспирантов к процессу научных исследований. Каждый человек — это личность, и чтобы найти с ним общий язык, интерес, познать его, нужно много времени.* Все они имеют в своем составе дефектные словосочетания. В первом контексте — *осуществляется связь*, во втором — *расширить привлечение*, в третьем — *познать человека*. Дефектность словосочетаний состоит в том, что слова, их образующие, не сочетаются друг с другом по значению.

В настоящее время существенно возросло количество «спонтанных» словосочетаний, состоящих из слов, лексическая сочетаемость которых невозможна. Может быть названо множество причин этого явления. Во-первых, влияние системных парадигматических отношений в лексике, например, синонимии. Синонимы могут быть очень близкими по значению, но отличаться особенностями употребления, что приводит к возникновению дефектного словосочетания при попытке устранения неоправданного повтора. Так, слова *уменьшение* и *сокращение* являются синонимами (как производные синонимичных глаголов *сокращать* и *уменьшать* [1]), однако если словосочетание *уменьшение температуры* возможно, то **сокращение температуры* — нет [7. С. 72]. Во-вторых, вследствие смешения паронимов: ср. *Прежде чем предпринимать какие-*

то решения, необходимо успокоиться, где *предпринимать* ошибочно использовано вместо *принимать* на основании формального сходства. В-третьих, в результате неоправданного эллипсиса — пропуска значимого компонента предложения. Так, в третьем из приведенных в начале статьи примеров дефектное словосочетание *познать человека* возникло, скорее всего, по причине пропуска слова (ср. *Каждый человек — это личность, и чтобы найти с ним общий язык, интерес, познать его психологию, нужно много времени*).

Под лексической сочетаемостью многие специалисты понимают способность слов сочетаться и по смыслу, и по формальным признакам (речь идет, в частности, о глагольном управлении) (ср. [2. С. 3–69; 3. С. 22–23; 6. С. 77–78] и др.). Однако в нашем исследовании под лексической сочетаемостью будем понимать способность слов сочетаться друг с другом только на уровне лексического значения, т. е. по смыслу. Объектом нашего описания станут словосочетания типа **пить сахар*, которое является абсурдным с точки зрения значения, в то время как с точки зрения грамматики оно практически безупречно.

При анализе правильности того или иного словосочетания с точки зрения возможностей лексической сочетаемости его компонентов (валентности) современный редактор вынужден опираться исключительно на свое языковое чутье. Однако это не самый лучший критерий, во-первых, потому что редактор является носителем живого языка и воспринимает тенденции, существующие в нем на определенном этапе развития, во-вторых, потому что не всегда легко выявить ошибку, а тем более ее исправить. В связи с этим нужны формальные критерии определе-

ния ошибок в лексической сочетаемости и возможности исправления ошибок, связанных с ее нарушением.

Критерием при определении дефектности тех или иных сочетаний могут стать результаты компонентного анализа лексического значения слов, составляющих то или иное словосочетание. Если в структуре лексического значения компонентов словосочетания удастся выявить сопоставимые семы, значит, оно может быть употреблено; если такие семы отсутствуют, значит, словосочетание дефектно. Так, у компонентов словосочетания **пить сахар* нет сопоставимых сем, поскольку глагол *пить* имеет значение «глотать, поглощать какую-либо жидкость для утоления жажды, голода» [10. Т. 9. С. 1262], а сахар жидкостью не является: «продукт питания — белое кристаллическое вещество сладкого вкуса, получаемое из свекловицы или тростника особого вида» [10. Т. 13. С. 204].

Для выявления набора сем, входящих в состав лексического значения слов, образующих словосочетание, используем методику компонентного анализа. Для достижения поставленной цели наиболее удачным представляется компонентный анализ по словарным дефинициям. Описание методики такого анализа дал Ю. Н. Караулов [5. С. 6], а продолжила О. Н. Селиверстова, снабдив его дополнениями [9. С. 119–146].

Проведем компонентный анализ лексических значений слов, составляющих словосочетание *расширить привлечение* (контекст см. выше).

Согласно «Словарю современного русского литературного языка» (БАС), слово *расширить* имеет три значения: «делать обширнее, больше по площади»; «увеличивать в количестве, в объеме»; «распространять (круг действия чего-либо), усиливать» [10. Т. 12. С. 1009–1010]. Все три значения имеют общую сему «увеличения». Дальнейший анализ требует обращения к каждому значению анализируемого слова по отдельности.

1. Значение «делать обширнее, больше по площади» связано со словом *площадь* в значении «часть земной поверхности, пространство, естественно ограниченное или специально выделенное для какой-либо цели» [10. Т. 9. С. 451]. В результате анализа в дополнение к семе «увеличения» можно выделить сему «пространственности» (ср. обширный «занимающий большое пространство, очень большой по занимаемой площади» [10. Т. 8. С. 513–514]).

2. Значение «увеличивать в количестве, в объеме» определяет количественный параметр (ср.

количество «число, величина, объем, масса» [10. Т. 5. С. 1159]) и позволяет выделить дополнительную сему «количественности».

3. Значение «распространять (круг действия чего-либо), усиливать» [10. Т. 12. С. 1009–1010] не требует дополнительной конкретизации и позволяет говорить только о семе «увеличения».

Таким образом, набор сем в структуре лексического значения глагола *расширить* следующий: «процессуальность», «увеличение», «пространственность», «количественность».

Теперь обратимся к существительному *привлечение*, которое БАС определяет как «действие по знач. глаг. *привлечь* (во 2–7 знач.)» [10. Т. 11. С. 383], т. е. обладает семой «процессуальности». В свою очередь глагол *привлечь* имеет значения: 1) «возбуждать интерес к кому-, чему-либо; занимать», 2) «притягивать кого-либо, побуждать приходить куда-либо, бывать где-либо», 3) «побуждать заниматься чем-либо, принимать участие в чем-либо, вовлекать во что-либо», 4) «использовать кого-, что-либо для чего-либо, в каких-либо целях», 5) «вызывать, возбуждать в ком-либо какие-либо чувства, какое-либо отношение», 6) «заставлять давать отчет в своих действиях по подозрению в чем-либо» [10. Т. 11. С. 381–382]. Для того чтобы сделать вывод о возможности или невозможности существования словосочетания *расширить привлечение*, нет необходимости проводить глубокий анализ; достаточно глубины дефиниции 1 (см. [4]). Учитывая контекст, приведенный в начале статьи, актуальными являются значения глагола 1–3. На основании анализа этих значений можно выделить следующие семы: «побуждения», «действия». Таким образом, набор сем существительного *привлечение*, актуальных для данного исследования, будет следующим: «процессуальность», «побуждение» и «действие». Ни одна из этих сем (кроме «процессуальности», которая является категориальной) не связана с количественным параметром — числом, величиной, объемом, массой, т. е. невозможно связать семы «увеличение», «пространственность», «количественность», присущие глаголу *расширить*, с семами «побуждение» и «действие», присущими существительному *привлечение*.

Увеличение числа дефектных словосочетаний в современном русском языке существенно усложняет работу редактора. Проблема усугубляется тем, что нет литературы, которая могла бы помочь редактору найти и исправить ошибки, связанные с нарушением лексической сочетаемости. Безусловно, существуют специальные

справочники (см., например, «Справочник редактора и автора» А. Э. Мильчина и Л. К. Чельцовой [8]), однако они чаще всего описывают технологию оформления издания, изредка содержат правила орфографии, пунктуации или грамматики. Специальная лингвистическая литература, посвященная проблемам лексической сочетаемости, дает, с одной стороны, избыточную информацию, которая является лишней для практика, а с другой стороны, в чрезмерно обобщенном виде (ср. [3; 7] и др.). Так, в «Толково-комбинаторном словаре» И. А. Мельчука и А. К. Жолковского [7], который был призван стать словарем нового типа, отражающим прежде всего нетривиальную сочетаемость лексем, семантика слов описывается в виде развернутых формализованных толкований, использующих ограниченный набор единиц; семантически более сложные элементы толкуются через более простые, пока не доходит до использования неразложимых далее элементов — так называемых семантических примитивов.

Практикующему редактору необходима справочная литература, в которой описываются конкретные случаи ошибочных употреблений слов и возможности исправления ошибок. В связи с этим нами было принято решение о создании электронного словаря «Трудности в лексической сочетаемости: справочник для редактора». В настоящее время идет сбор материала — дефектных словосочетаний, которые извлекаются из текстов, направляемых автору проекта на редактирование. Ближайшей задачей является создание корпуса дефектных словосочетаний.

Корпус, помимо самого набора дефектных словосочетаний, включит контекст, из которого извлечено словосочетание, и комментарии. В комментариях планируется объяснить, почему словосочетание определено как дефектное, с опорой на данные компонентного анализа лексического значения слов, его образующих, и предложить вариант правки.

Поиск дефектного словосочетания будет осуществляться по начальной форме любого компонента, входящего в его состав. Это позволит пользователю корпуса находить слова, опреде-

ление возможностей лексической сочетаемости которых вызывает сложности, и видеть, в каких сочетаниях их употреблять нельзя, а в каких — можно.

Помимо дефектных словосочетаний, извлеченных автором из текстов, направляемых на редактирование, предполагается использование текстов, включенных в национальный корпус русского языка на сайте www.ruscorpora.ru, текстов различных СМИ (в том числе сетевых), документов, студенческих письменных работ, устных выступлений, повседневных бесед.

Список литературы

1. Абрамов, Н. Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений. М. : Рус. словари, 1999.
2. Апресян, Ю. Д. Избранные труды. Т. 1. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М. : Вост. лит., 1995.
3. Апресян, Ю. Д. Новый объяснительный словарь синонимов / Ю. Д. Апресян, О. Ю. Богуславская, И. Б. Левонтина и др. М. : Русские словари, 1995.
4. Арнольд, И. В. Основы научных исследований в лингвистике. М. : Высш. шк., 1990.
5. Караулов, Ю. Н. Частотный словарь семантических множителей русского языка. М. : Наука, 1980.
6. Кобозева, И. М. Лингвистическая семантика: учеб. пособие. М. : Эдиториал УРСС, 2000.
7. Мельчук, И. А. Толково-комбинаторный словарь русского языка: Опыт семантико-синтаксического описания русской лексики / И. А. Мельчук, А. К. Жолковский. Вена : Wiener Slawistischer Almanach Sonderband 14, 1984.
8. Мильчин, А. Э. Справочник издателя и автора: Редакционно-издательское оформление издания / А. Э. Мильчин, Л. К. Чельцова. М. : Олимп : АСТ, 1998.
9. Селиверстова, О. Н. Об объекте лингвистической семантики и адекватности ее описания // Принципы и методы семантических исследований. М. : Наука, 1976. С. 119–146.
10. Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. М. ; Л. : Наука, 1950–1965.

О ГАРМОНИЗАЦИИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ТЕРМИНОСИСТЕМ (к постановке проблемы)

В статье обсуждается проблема гармонизации терминологии высшего образования на национальном и международном уровнях. Описываются наиболее значительные словари образовательных терминосистем, составленные в Великобритании, США и России.

Ключевые слова: образовательная терминосистема, гармонизация терминосистем, словарь образовательной терминологии.

Система образования каждой страны нуждается в собственном терминологическом аппарате, необходимом для ее эффективного развития и управления. Вместе с тем, в связи с интеграцией образовательного сообщества, особенно актуальным становится вопрос о гармонизации терминосистем.

Под гармонизацией В. А. Татаринов понимает вид терминологической деятельности, заключающийся в согласовании терминов на национальном и международном уровнях [2. С. 38].

Следует отметить, что терминосистемы высшего образования в английском и русском языках научно упорядочены на сегодняшний день крайне незначительно, и в первую очередь это касается двуязычных переводных словарей.

Первым крупным англоязычным словарем терминов высшего образования стал словарь К. Гуда, выпущенный в США и включавший в себя 16 000 терминов [5]. Интересно, что в отзывах на данную работу отмечалось, что словарь «позволит работникам образования говорить и писать более осмысленно, чем ранее, а также внесет значительный вклад в повышение профессионального статуса педагога» [6]. Данное замечание свидетельствует об ограниченном читательском адресе и функциях словаря, иллюстрируя, таким образом, восприятие данного типа словарей учеными середины XX века.

В 1950-е годы вопрос о необходимости гармонизации терминологии в области образования, в частности в английском языке, встал особенно остро. О. Уайлд сказал, что «Великобританию и США разделяет только общий язык» (цит. по: [10. Р. 380]). Именно это высказывание и стало эпиграфом к началу процесса взаимоизучения систем образования двух стран, говорящих на одном языке. Именно в 50-е годы XX века возникла идея систематизации (в то время термин *гармонизация* еще не получил широкого распространения) образования и создания международного глоссария, поскольку «резко возрос интерес

к компаративистским исследованиям подобного рода» [7. Р. 2]. Распространением опыта в области образования, включая терминоведческий опыт, занялись несколько международных организаций. Так, ЮНЕСКО опубликовал ряд подобных работ, в частности, серию Всемирных обзоров образования (World Surveys of Education). Первый том был опубликован в 1955 г. и содержал структурную и статистическую информацию о системах образования в 200 странах мира. На сайте unesco.org доступен on-line глоссарий 300 терминов-соответствий на английском, испанском, французском и арабском языках. Перевод на русский язык, а также толкования терминов в данном глоссарии отсутствуют.

В 1977 году в Лондоне был издан труд Г. Пейджа, Дж. Томаса и А. Маршалла «International Dictionary of Education» [9]. Словарь содержал 10 000 лексических единиц из различных сфер, касающихся образования, включая психологию, социологию и др., снабженных короткими определениями. Однако словарь подвергся некоторым критическим замечаниям по причине включения в него ряда британских сленговых выражений и т. д. [4. Р. 24].

В 1982 году в Лондоне был издан одноязычный толково-энциклопедический словарь под редакцией П. Хиллза [3]. Несмотря на отнесение автором данной работы к разряду словарей, вышеуказанный труд состоял из двух частей, одна из которых действительно являлась словарем в традиционном понимании этого слова. Другая часть была посвящена отдельным разделам педагогики, таким как история педагогики, философия педагогики и т. д. Словарь вызвал в Европе ряд негативных отзывов. Так, Р. Вилсон в своем критическом отзыве, опубликованном в Британском научном педагогическом журнале отметил, что «обратившись ко второй части книги, представляющей собой словарь, мы обнаружим отсутствие в словаре терминов образования и таких словарных статей, как бакалавр

педагогике, магистр педагогике, кафедра педагогике и т. д.» [12. Р. 287].

Более лестные отзывы получил переизданный в США в 2003 г. Гринвудский словарь по образованию [5]. Словарь насчитывает 2 600 словарных статей. В нем представлены термины, используемые в начальном и дополнительном образовании, в обучении иностранным языкам, а также в процессе составления учебных планов. «Ни одна библиотека, публичная или научная, не должна остаться без данного источника информации», считает представитель библиотеки Конгресса США М. Вильямс [11. Р. 85]. Словарь также является одноязычным.

Информационная сеть образования EURYDICE также предпринимает попытки систематизации терминологии, используемой на территории Европейского Союза. Так, в последние два десятка лет разработаны такие документы, как “European Glossary on Education. Teaching Staff” («Европейский глоссарий по образованию. Преподавательский состав»), “Key Data on Teaching Languages at School in Europe” («Основная информация по преподаванию иностранных языков в школах Европы»). Глоссарии представляют собой перечни основных терминов образования, используемых в различных Европейских странах, сопровождаемых достаточно подробными пояснительными записками.

В последующие годы было выпущено еще несколько подобных словарей, большая часть которых была разработана и выпущена в США.

В России существует несколько русскоязычных педагогических словарей, например «Педагогический энциклопедический словарь» под ред. Б. М. Бим-Бада, изданный в 2002 г., «Словарь по образованию и педагогике» под ред. В. М. Полонского (2004), «Словарь по педагогике» Г. М. Коджаспирова (2005) и т. д. На национальном уровне основная терминология в области высшего образования представлена в «Словаре-справочнике современного русского профессионального образования», разработанного Министерством образования и науки РФ ФГУ «Федеральный институт развития образования» в 2010 г.

Что касается англо-русских словарей, то лишь в 1998 г. был издан англо-русский учебно-педагогический словарь, составленный М. В. Федоровой и В. П. Лапчинской. Словарь насчитывает 2000 лексических единиц, которые охватывают такие сферы, как народное образование, педагогика, начальное и среднее образование, высшая школа, методика, психология, внеклассная

деятельность учащихся. По словам составителей, при разработке данного словаря была предпринята попытка отобрать те словарные единицы, которые могут быть отнесены не столько к той или иной стране, сколько к образовательным системам трех стран — США, Англии и России, и, таким образом, дать возможность российским обучаемым общаться на одном языке с его носителями» [1. С. 3]. Таким образом, сами составители признают, что в процессе составления словаря имела место попытка унификации, приведения трех систем к общему знаменателю без уделения внимания различиям в системах образования. Кроме того, словарь, как и многие из вышеперечисленных словарей, включает достаточно большое количество слов, не относящихся напрямую к сфере образования, например, *ancient* (древний), *accent* (акцент) и т. д.

Возможно, существуют и другие разработки в данной области, однако они или недоступны широкому кругу пользователей, или являются незначительными.

В целом, в настоящее время, несмотря на интеграцию систем образования, рост количества международных контактов в области образования, внедрение программ двойных дипломов, развитие программ мобильности студентов и т. д. национальные терминосистемы образования к новым условиям адаптированы слабо, что является серьезным препятствием в развитии как самого образования, так и международного сотрудничества в этой и других областях деятельности. Так, большинство российских студентов и выпускников, выезжающих в европейские страны на стажировку, по грантам, программам обмена, испытывают серьезные проблемы с переводом документов, зачетных книжек, учебных планов и проч. В настоящее время не существует двуязычного терминологического словаря, способного решить указанные проблемы.

Таким образом, проблема гармонизации терминосистем образования, в первую очередь высшего, стоит весьма остро и требует заинтересованного внимания терминографов, деятелей образования, представителей государственной власти.

Список литературы

1. Англо-русский учебно-педагогический словарь / сост. Н. В. Федорова, В. П. Лапчинская. М. : Издат-школа, 1998.
2. Татаринов, В. А. Общее терминоведение : энцикл. словарь. М. : Моск. Лицей, 2006.

3. A Dictionary of Education / ed. by P. J. Hills. London : Routledge and Kegan Paul, 1982.
4. Allen S. Review // Library Journal. 1977. December 1, 1977. P. 38.
5. Dictionary of Education / ed. by C. Good. New York : McGraw Hill Book Company, 1945.
6. Journal of Educational Sociology. Review [untitled]. Vol. 20. № 4. P. 256.
7. Kendel I. Problems of Comparative Education // International Rev. of Education. Vol. II, 1956. P. 1–15.
8. The Greenwood Dictionary of Education / ed. by John W. Collins and Nancy O'Brian. 2003.
9. Page, G. Terry and J.B. Thomas with A. R. Marshall. International Dictionary of Education. Nichols Pub. Co. New York, 1977.
10. Wells, P. International Review of Education. Vol. 2. № 3. 1956. P. 380–382.
11. Williams M. Review // Library Journal. April 1, 2004. P. 85.
12. Wilson R. Review [untitled] // British Journal of Educational Studies. 1983. Vol. 31, № 3. P. 287–288.
13. World Surveys of Education: handbook of education and statistics. Paris : Unesco, 1955.

Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 33 (248). Филология. Искусствоведение. Вып. 60. С. 193–195.

А. А. Елистратов

К ПРОЕКТУ СОЗДАНИЯ ТОЛКОВОГО СЛОВАРЯ РУССКОГО СПОРТИВНОГО ЖАРГОНА

Статья посвящена описанию проекта толкового словаря русского спортивного жаргона. Словарь должен стать одной из немногих лексикографических работ подобного рода в России и, таким образом, заполнит пробел в русской лексикографии. В статье содержится изложение некоторых общих принципов, значимых при создании словаря.

Ключевые слова: толковый словарь, субстандартная лексика, спортивный жаргон, словарная статья.

Прошедшие двадцать лет для российского языкознания знаменательны во многих отношениях. Это и расцвет когнитивной лингвистики, и более пристальное, чем когда-либо, внимание к проблеме «язык — культура», и углубленное изучение особенностей языковой личности, и появление новых способов коммуникации (прежде всего — электронной), требующих своего исследователя-языковеда. С точки зрения лексикографии, эти годы замечательны всплеском интереса к субстандартной (просторечной, жаргонной, арготической, социолектной и пр.) лексике. С начала 1990-х гг. один за другим издаются словари, лексика которых в той или иной степени противопоставлена литературной, нормированной лексике русского языка.

По охвату языкового материала подобные словари делятся на общие и частные. Под частными понимаются словари, охватывающие языковые единицы, свойственные сниженной речи отдельной социальной группы. Это, например, словари военного жаргона, воровского арга, молодежного сленга и т. п. Лингвистический уровень подачи материала в таких словарях варьируется от положительного до неудовлетворительного —

в зависимости от квалификации их авторов, методов сбора и обработки данных.

Судя по научным публикациям на эту тему, сбор и обработка субстандартной лексики, характерной для разных субкультур, продолжается, поэтому стоит ожидать появления новых лексикографических работ, которые закроют пока еще пустующие ниши в отечественной субстандартной лексикографии.

Нельзя утверждать, что спортивный жаргон является неисследованным лексикографическим феноменом. Работы по его описанию ведутся достаточно давно. Насколько известно, первый словарь спортивного жаргона, составленный В. Б. Орловым, появился в 1993 году. Уже в нынешнем веке были изданы работа Ф. Х. Исмаевой и два словаря Т. Г. Никитиной и Е. И. Рогалевой. Сюда же стоит отнести многочисленные словарики и словники, разбросанные по Всемирной паутине и спортивно-публицистической литературе. Ранее — до 1990-х гг. — спортивные жаргонизмы иногда фиксировались в регулярно издаваемых словарях новых слов и значений. Тем не менее единый толковый словарь русского спортивного жаргона до сих пор

отсутствует. Необходимость издания такого словаря назрела.

С 2002 года автор статьи собирает и изучает спортивные жаргонизмы. Источники спортивного жаргона характеризуются разнообразием: с одной стороны, это мемуарная литература, публицистика, художественные произведения, научные монографии и диссертации, с другой — многочисленные общие и частные словари жаргонной, литературной, новой, обценной и прочей лексики. Собранный материал подвергся классификации и обработке с учетом принципов современной лексикографии.

Полезность такого словаря очевидна. Он может явиться базой для создания новых работ в отечественной русистике и переводоведении, причем не только в сфере лексического субстандарта, но и в области спортивной терминологии, так как спортивные жаргонизмы имеют тенденцию сублимироваться до уровня терминов. Автор питает надежду, что появление словаря будет способствовать упорядочению исследований спортивных терминов.

Охарактеризуем словарь с точки зрения современной лексикографии.

По объему и типу — это малый (однотомный) толковый словарь, вокабулы которого расположены в алфавитном порядке.

Словарная статья состоит из следующих компонентов:

1. Заглавное слово. Выделенное полужирным шрифтом, оно дает представление об орфографии, произношении и ударении жаргонизма. Иногда вокабула состоит из двух или более слов. В таком случае жаргонизм рассматривается либо как устойчивое выражение, и тогда дается отсылка на ключевое слово (как правило, существительное) (напр.: **НА ОТБОЙ**. См.: **ОТБОЙ**), либо как самостоятельная языковая единица (напр.: **ПРИШЛИТЕ НОГУ!**).

2. Грамматическая характеристика слова состоит в указании его грамматических категорий (части речи, рода, вида, числа и т. п.), напр.: **КРЫЛЫШКИ**, -шек, ср., мн. Если жаргонизм состоит из двух и более компонентов, то даются грамматические характеристики всех входящих в него слов, напр.: **МЯГКАЯ ИГРУШКА**, -ой; -и; ед., ж. При этом сама часть речи редко указывается прямо, поскольку ее легко определить по косвенным признакам — указанию на окончание вокабулы, глагольный вид, форму существительного в родительном падеже, окончание прилагательного в мужском и женском роде.

3. Толкование лексического значения. В большинстве случаев жаргонизм сопровождается описательным определением: напр. **ЗАКЙСЛИТЬСЯ**, -ился, сов. *Устать во время бега*. Иногда это может быть синонимическое определение особенно в его отсылочном или словообразовательном варианте: напр. **КОМАНДА ЛЕЙТЕНАНТОВ**. То же, что **ЛЕЙТЕНАНТЫ**; **ПЯТАЧОК**. См. **ПЯТАК** 1.

Определения многозначного слова следуют друг за другом с новой строки, отделяясь арабскими цифрами. Если в структуре толкования многозначного слова встречается многозначный фразеологизм, то его значения отделяются заглавными буквами русского алфавита, напр.: **ВОДА́**, -ы, ж. 1. ♦ **Вода́ лёгкая**. А. Плав. Греб. *Вода, в которой хорошо плавается;*

Б. Разг. *О легких победах в водных видах спорта;*

В. Плав. *Вода с низким содержанием хлора и солей.*

Если в разных источниках жаргонизм имеет слегка различающиеся значения, то применяется знак //, напр.: **АППЕНДИЦИ́Т**, -а, м. *Петля, извилина дистанции // сложная крученая дорожка.*

Иногда, для того чтобы дать значению жаргонизма исчерпывающее толкование, стоит обратиться к помощи терминологических словарей.

4. Стилистические пометы. Спортивный жаргон обслуживает представителей такой огромной и вариативной общности, как спортивная субкультура, и потому наличие стилистических маркеров представляется полностью необходимым для создания правильного, всестороннего представления о жаргонизме.

Функционально стилистические маркеры отображают инвективную окраску жаргонизма, время его появления и бытования (темпоральные пометы), сферу его употребления (профессиональные и корпоративные маркеры), место употребления (локальные маркеры): напр. **БРЕХА́ЛОВКА**, -и, ж. Футб. Фан&бол. Ирон. *В Ростове — место сбора и общения местных футбольных болельщиков*: возм. до 1990-х. Пометы *Футб. Фан&бол.* указывают на профессионально-корпоративную вариативность жаргонизма, который распространен в субкультуре футболистов и особенно — футбольных фанатов и болельщиков. Помета *Ирон.* (иронично) содержит информацию об эмоционально-выразительных свойствах слова. Помета *возм. до 1990-х* определяет темпоральную вариативность слова: «которое, вероятно, было в употреблении до 1990-х гг.». Наконец, локальная помета зало-

жена в самой дефиниции — этот жаргонизм был распространен в Ростове. Отметим, что темпоральные и особенно локальные пометы представляют наибольшую трудность при работе со спортивными жаргонизмами, поэтому, к сожалению, иногда нельзя обойтись без пометы *возм.* (возможно) либо вовсе затруднительно локализовать жаргонизм.

5. Компонентом словарной статьи являются фразеологические обороты и устойчивые сочетания слов. В словарной статье они отделяются знаком черного ромба, выделяются полужирным шрифтом и дефинируются, напр.: **♦ Включить мясорубку.** Футб. Начать грубую игру.

6. Очень важный элемент словарной статьи — ссылочный аппарат иллюстрации. Они подаются в самом конце статьи. Их назначение — дать представление об употреблении жаргонизма в определенном контексте, раскрыть его стилистические и грамматические свойства, иногда — прояснить его значение и происхождение, напр. **КОЛОРАДСКИЕ ЖУКИ.** Хокк. Фан&бол. Х/к ВВС: 1945–1953;

«Колорадские жуки», как называли за полостную (под флаг) форму «летчиков», давали армейцам — особенно в отсутствие Боброва —

бои, напоминающие по самоотверженности воздушные [Нилин 2005: 388].

Изредка словарная статья снабжается несколькими ссылками и иллюстрациями, чтобы прояснить спорные вопросы относительно происхождения и семантики вокабулы.

7. Иногда по возможности в словарной статье следует давать справку о происхождении спортивного жаргонизма. Это позволит отследить мобильность жаргонной лексики, прояснить характер связей между отдельными субкультурами и лексическими пластами и даже дать характеристику некоторым общественно-политическим процессам определенного периода, напр.: **ШИКЁ.** Профессиональный жаргонизм дореволюционных борцов, означающий условную, фиктивную театрализованную борьбу < фр. *chiqué* ‘пыль в глаза’; ‘липа’.

Список литературы

1. Грачев, М. А. К проблеме создания словаря криминальных кличек // Проблемы истории, филологии и культуры. 2009. № 2. С. 531–535.
2. Кодухов, В. И. Введение в языковедение. М.: Просвещение, 1987. С. 196–201.

Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 33 (248). Филология. Искусствоведение. Вып. 60. С. 195–197.

Н. Г. Кантышева

ПРАГМАТИКА ТЕРМИНА ЭКОЛОГИЧЕСКОГО АУДИТА В ЭЛЕКТРОННОМ СИСТЕМАТИЗИРОВАННОМ ГЛОССАРИИ

В статье рассматривается прагматический аспект терминов экологического аудита в электронном систематизированном глоссарии «ЭкоАудит». Устанавливается, что лексикографические параметры позволяют представить информацию о прагматических особенностях терминологии экологического аудита, которая весьма востребована специалистами всех видов деятельности.

Ключевые слова: *термин, коммуникация, глоссарий, экологический аудит, лингвопрагматика, профессиональный тезаурус специалиста.*

Люди понимают друг друга не потому, что передают собеседнику знаки предметов, и даже не потому, что взаимно настраивают друг друга на точное и полное воспроизведение идентичного понятия, а потому, что взаимно затрагивают друг в друге одно и то же звено цепи чувственных представлений внутренних понятий, прикасаются к одним и тем же клавишам инструмента своего духа, благодаря чему у каж-

дого вспыхивают в сознании соответствующие, но не тождественные символы [2. С. 165–166].

В условиях активно развивающихся отраслей знания пользователь, обращаясь к специальному словарю за консультацией, ожидает получить не только толкование термина, но также объяснение контекстов употребления данной терминологической единицы, т. е. условий успешной коммуникации.

Понятие «коммуникация» является центральным в прагматических исследованиях. В рамках прагматики речевая коммуникация рассматривается не как самоцель, а как компонент в структуре человеческой деятельности. «Человек говорит для того, чтобы не просто передавать сообщения, а чтобы общаться, достигая при этом целей, подчиненных совместной деятельности. Для того чтобы понять смысл речевого высказывания, нужно знать деятельность, в которой оно было продуцировано и воспринято» [2. С. 11, 13].

Важным акцентом в прагматических исследованиях выступает включение в сферу научного исследования интересов второго участника коммуникации (реципиента), своим присутствием формирующего условия общения. Присутствие второго участника коммуникации, иногда незримое, но всегда ощущаемое говорящим, определяет специфику прагматического взгляда на языковые явления и намечает круг задач, подлежащих рассмотрению под углом зрения прагматики.

Современная лексикография обладает ярко выраженным антропоцентрическим характером и направлена на детальное изучение двух важных аспектов: перспективы пользователя и перспективы обращения к словарю. С точки зрения названных перспектив наличие прагматической составляющей, заключающейся в кратких комментариях, является достаточно востребованным, поскольку такая информация, наряду с переводными эквивалентами и дефиницией, дополняет семантическую характеристику термина.

Адресатом разработанного нами электронного систематизирующего глоссария «ЭкоАудит» являются экологические аудиторы, специалисты, работающие в области экологического аудита, а также преподаватели и студенты экологических и экономических факультетов, лингвисты и переводчики. Для указанных групп пользователей словаря информация прагматического характера особенно актуальна, поскольку позволяет описать, с одной стороны, систему терминов, с другой стороны, систему описываемых реалий, представляя тем самым профессиональный контекст использования терминов. Актуальность такого в узком смысле «контекста» для предметной области «экологический аудит» обусловлена следующими причинами:

– неполная сформированность развивающейся терминосистемы (проявляется в сочетании межнаучных, общетехнических, общенаучных и разноотраслевых терминов, которые взаимо-

действуют между собой, описывая указанную междисциплинарную область);

– междисциплинарность, комплексность теории дисциплины (отражается в совмещении понятийным аппаратом данной области терминологических единиц широкого круга смежных областей: *экологии, экономики, менеджмента, права, страхования, бизнеса*).

Экстралингвистическая информация в словарной статье глоссария «ЭкоАудит» реализуется с помощью ряда лексикографических параметров:

– интерпретационного (информация об объектах отрасли);

– библиографического (каждый термин документирован со ссылками на нормативные документы);

– нормативного (нормативный статус термина);

– хронологического (рамки словника);

– лингво-исторического (происхождение термина, первое появление, этапы развития);

– прагматического (дистрибутивные характеристики термина).

Полифункциональность прагматического компонента в систематизирующем глоссарии реализуется в успешной взаимозависимости следующих его функций:

– *дефинитивной* (определение и уточнение понятия);

– *коммуникативной* (передача реципиенту энциклопедического знания);

– *эвристической* (установление границ и связей между понятиями естественных, экономических, юридических наук, смежных отраслей знания);

– *классифицирующей* (представление структуры логической классификации объектов/реалий);

– *правовой* (отражение нормативного статуса термина с помощью ссылки на нормативные документы, разведение законодательной и научной сфер употреблений термина).

Лингвистическая прагматика не имеет четких контуров, в нее включается комплекс вопросов, связанных с говорящим субъектом, адресатом, их взаимодействием в коммуникации, ситуацией общения [1]. В рамках обозначенных подходов прагматика термина экологического аудита реализуется в систематизирующем глоссарии следующим образом:

• в связи с *субъектом речи* представлены: а) примеры речевого функционирования термина; б) референция говорящего, т. е. отнесение языковых выражений к предметам действитель-

ности; в) прагматические пресуппозиции: обозначение пересекающегося фонда знаний, конкретной информированности, интересов, мнений и взглядов;

• в связи с *адресатом речи* в словарь заложена следующая информация: а) адресная ориентация словарного продукта; б) интерпретация термина с учетом контекста и ситуации;

• в связи с *отношениями между участниками коммуникации* предложены: а) форма общения в виде информативного диалога; б) социально-нормативная составляющая (указан нормативный статус каждого термина);

• в связи с *ситуацией общения* представлена информация: а) примеры вербальных употреблений, цитаты, словосочетания; б) влияние речевой ситуации на тематику и формы коммуникации (например, в учебном и законодательном дискурсах).

Так, разработанный нами глоссарий подтверждает положение о том, что с коммуникативной точки зрения не может существовать монолога в чистом виде, ибо любая речь построена с ориентацией на адресата и предполагает его реакцию в форме вербального или невербального поведения.

Наличие энциклопедической составляющей в словарном сочинении формирует профессиональный тезаурус специалиста в данной предметной области, способствует эффективному получению информации, овладению термино-

логическим минимумом и осуществлению процесса успешной межкультурной коммуникации. Актуальность подобного справочника продиктована потребностями современного пользователя, который желает получить максимально полную и точную информацию о терминологической единице, специфике ее функционирования в процессе коммуникации, и, обобщив, сделать релевантные для себя выводы. Таким образом, объектом прагматических исследований в рамках современного словаря выступает изучение значения термина в его отношении к речевой ситуации и общих условий коммуникативного использования языка.

Регистрация в структуре систематизирующего глоссария «Экологический аудит» прагматической информации усиливает профессиональную и культурологическую ценность словаря, а также позволяет потенциальным пользователям устанавливать взаимовыгодные контакты и обеспечивать адекватную коммуникацию в рамках данной предметной области.

Список литературы

1. Арутюнова, Н. Д. Прагматика // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. М., 1990. С. 389–390.
2. Гумбольдт, В. Избранные труды по языкознанию. М., 1984.
3. Лингвистическая прагматика и общение с ЭВМ / отв. ред. Ю. Н. Марчук. М., 1989.

Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 33 (248). Филология. Искусствоведение. Вып. 60. С. 197–199.

О. В. Климова

PR-ТЕРМИНОЛОГИЯ В СОВРЕМЕННЫХ ЭЛЕКТРОННЫХ СЛОВАРЯХ

В статье показывается, что терминология PR в течение последних пяти лет по-прежнему демонстрирует свою неустойчивость и подвижность, ее границы размыты. Лексика, представленная в электронных словарях, различается и количественно, и по содержанию. В связи с этим требуется специальная лексикографическая разработка предметной области «Связи с общественностью».

Ключевые слова: электронный словарь, PR-терминология, динамический аспект.

По словам А. Моисеева, «медийный бизнес привносит все новые и новые изменения в современный русский язык. Появляется ряд понятий, относительно значений которых даже у специалистов не существует единого мнения» [2]. Терминология предметной области PR, являясь новой, становящейся на российской почве

совокупностью единиц, вызывает неподдельный интерес специалистов разных отраслей знаний, в том числе филологов. Развитие терминологии, «движение» отдельных ее единиц представляется крайне интересным для изучения. Как утверждает М. Кронгауз, «в языке существует зона, своего рода чистилище, для слов, не вполне

устоявшихся, еще не вошедших в язык. Большая часть этих слов благополучно умрет, то есть не пройдет чистилище, часть осядет в языке как специальная терминология и лишь небольшая часть, пройдя все испытания, войдет в общий словарный фонд языка» (цит. по: [2]).

Целью работы стала проверка гипотезы о существовании устойчивого системного массива лексики PR. В рамках исследования были отобраны пять наиболее часто востребованных словарей терминологии PR; выполнен хронологический и сопоставительный анализ лексических единиц в составе словарных статей; описаны структурные особенности лексем, охарактеризовано современное состояние лексики предметной области «Связи с общественностью».

Для анализа с помощью поисковой системы Яндекс были выбраны пять электронных словарей, пользующихся наибольшим спросом (максимальный индекс предъявлений; первые по счету словари из всего многообразия электронной выборки). Внимание именно к электронным словарям не случайно. Во-первых, печатных словарей терминологии PR в свободном доступе все еще нет; во-вторых, электронные версии словарей привлекают все больше пользователей в силу своего удобства, быстроты поиска, доступности и т. д.

Поскольку все описываемые электронные словари в сети Интернет имеют сходные названия: «PR-словарь», «словарь лексики PR», «словарь терминологии PR» — условно присвоим им числовой индекс (по количеству предъявлений, от 1 до 5, в порядке убывания индекса предъявлений).

Сопоставление указанных пяти словарей позволило говорить о следующем.

Словари 1 и 4 имеют наибольшее количество словарных статей из списка анализируемых (133 и 150 соответственно) и являются наиболее полными. Словари 3 и 5 — зеркальные копии, с небольшой разницей в оформлении и наличием обращения к читателям в словаре 3; содержат 31 словарную статью каждый. Словарь 2 насчитывает 86 лексем и словосочетаний.

Все словари в значительной части статей приводят оригинал термина на языке-источнике (в подавляющем большинстве случаев это англоязычная единица). Помимо английского, в словаре 4 есть одна отсылка к французскому языку (лексема *резюме* — франц. *resume*) и одна — к латинскому (*оферта* — от лат. *offerto* — предлагаю).

Интересным представляется тот факт, что словарь 4, как наиболее полный, в двух статьях,

кроме упоминания языка-источника, указывает частеречную и родовую принадлежность лексемы, например: *дженералист*, *сущ. м. р.*; *оферта*, *сущ. ж. р.* Возможно, это своеобразная дань академическому стилю. Словарь 4 и словарь 1 имеют по одной «двойной» словарной статье, т. е. лексема предъясняется дважды, каждый раз с новым значением (*якорь* — в словаре 4; *маркетинговые исследования* — в словаре 1).

Словарь 4 в определении термина *корпоративная культура* имеет уточнение авторства: «определение внесено по инициативе Валерия Кичкаева, гл. ред. ж-ла «Отдел кадров»».

Некоторые словари используют аббревиатуры в качестве названия словарных статей: *AIDA*, *BTL (below the line)* (словари 1, 2); *A. I. D. A.* (словарь 4); *ITDM — IT decisions maker(s)*, *OTL — on the line, point of purchase (P.O.P.)*, *point of sales (POS)* (словарь 4).

Словарь 1 содержит имя собственное как составляющую термина (*эффект Джиффена*) и русские аббревиатуры (*КСО — корпоративная социальная ответственность*, *СРТ — стоимость трансляции на тысячу зрителей*), а также одну словарную помету, указывающую на статус лексемы: *джинса — профессиональный сленг*.

Все 5 словарей имеют в своем составе обширную группу лексики смежных областей знаний (базовые — общие для всех отраслей знаний; привлеченные — термины смежных отраслей), например: *пресс-конференция*, *тендер* (словарь 1), *резюме*, *репутация*, *плакат*, *респондент* (словарь 4), *логотип* (словари 3, 5) — базовые; *анализ конкурентов*, *бизнес-план*, *маркетинговая стратегия* (словарь 1), *активная аудитория*, *контент-анализ*, *широкоформатная печать* (словарь 2), *рекламная аудитория*, *тампонная печать* (словари 3, 5) — привлеченные.

Примечательно, что все словари включают иноязычные термины в систему русского алфавита (т. е. расположение английских терминов чередуется с русскими).

Встречаются варианты номинаций внутри словарной статьи: *преамбула «лид» (lead, lead story, lead paragraph)*; *пресс-кит (press kit)* (словарь 2); *черный PR (чёрный PR, черный пиар)*; *бренд (brand, бренд)*; *брендинг (branding, брендинг)* (словарь 1); *выборка (sampling)*; *горячая линия (hot-line)* (словарь 3); и в разных словарях: *биллборд* (словарь 1) — *билл борд* (словарь 2) — *билборд* (словарь 4); *брендинг* (словарь 1) — *брендинг* (словарь 4).

Проведено сравнение со словарем лексики предметной области «Связи с общественностью»

предшествующих лет, в частности, с одним из первых появившихся в сети Интернет словарем PR-терминов Антона Пархоменко, опубликованном в мае 2006 г.

Следует отметить, что пять лет для становящейся терминологии — срок немалый, что и подтвердили результаты сопоставления словарей.

Так, современные электронные PR-словари не содержат следующую лексику, приведенную словарем Пархоменко как терминологию PR: *brandtower, browser, by-liner, press agency, public affairs, авторское право, адекватная выборка, анонимный товар, аудиторный разрез, бай лайнер, басорама, бесполезная аудитория, биеннале, бинго-карта, вояжер, вывеска, вымпел, гарнитура, демпинг, емкость рынка, лайтпостер, мотто, нонпарель, офорт, плоттер, периодика, сейлзмен, сигнат, синкел* и др.

В то же время в современных словарях появилась лексика, отсутствующая в словаре А. Пархоменко: *аккредитация* (словари 2, 3, 5), *брошюра, бизнес-игра, благотворительность, брифинг* (словарь 4), *горячая линия* (словари 2, 3, 5), *гудвилл, джоббер, дискурс, диффамация* (словарь 1), *заголовок (headline)* (словари 2, 3, 5), *«зонтик цен»* (словарь 4), *интернет-викторина* (словари 2, 4), *ивент-менеджер, игровой промощин, настенный календарь* (словарь 4), *лайтбокс* (словари 1, 4), *модератор* (словарь 2), *преамбула (lead)* (все словари), *прайм-тайм* (словарь 1), *призматрон* (словарь 2), *полевое исследование* (словари 1, 3, 4, 5), *про боно, репутация, супервайзер* (словарь 4), *спичрайтер, табльдот, Эффект Джиффена* (словарь 1), *тампонная печать* (словарь 2), *трансферт* (словари 3, 5), *тренинг, шоу-мероприятия* (словарь 4), *эффективность рекламы* (словари 1, 2) и др.

Такая подвижность лексического состава указывает на несформированность PR-терминологии в российском лингвистическом пространстве, наблюдается также увеличение в ней количества привлеченных терминов из сферы бизнеса.

Стоит отметить, что объективный анализ электронных словарей невозможен без упоминания несовершенства всех пяти источников. Так, оставляет желать лучшего оформление словарей: если словарную статью можно формально идентифицировать, но в ней нередко встреча-

ются недочеты различного характера, вплоть до орфографических и пунктуационных погрешностей, то выходные данные словаря, его авторство подчас отыскать невозможно, в результате чего и приходится прибегать к условной номинации словарей.

Таким образом, на протяжении последних пяти лет лексика предметной области «Связи с общественностью» остается подвижной, границы ее аморфны, количество лексем, предъявляемых разными словарями, значительно отличается (иногда — в разы), семантическая составляющая словарных статей требует особо тщательной проработки. Высокой подвижности лексического пласта способствует постоянный контакт с общеупотребительной лексикой (что обычно наблюдается при ускоренном развитии какой-нибудь области науки или техники), отражение ее достижений в СМИ, детерминологизация отдельных терминов.

Сохраняются общие тенденции, характерные для любой становящейся терминологии: основу лексики PR составляют заимствования, преимущественно из английского языка; большая часть слов привлечена из смежных областей знаний; больше половины терминоединиц являются словосочетаниями из 2–4 лексем; сохраняется аббревиация как на русском, так и на английском языке.

Список литературы

1. Климова, О. В. Отражение терминологии PR в российском лингвистическом пространстве // Языки профессиональной коммуникации : сб. ст. участников Четвертой междунар. науч. конф. Челябинск: Энциклопедия, 2009. С. 133–135.
2. Моисеев, А. Медийный новояз. 2007. URL: http://www.dv-reclama.ru/?p_id=2618
3. Пархоменко, А. Словарь рекламных и PR-терминов / 2B2 Бизнес-портал. 2006 URL: <http://www.geminibiz.com/forum/index.php/topic,9.0.html>
4. Словарь 1. PR-словарь. 2011. URL: <http://pr.web-3.ru/mainpr/glossary/>
5. Словарь 2. PR-словарь. 2011. URL: http://www.vortex-media.ru/services/pr_dictionary/
6. Словарь 3. PR-словарь. 2011. URL : <http://www.akron-media.ru/pr-slovar.html>
7. Словарь 4. PR-словарь. 2011. URL: <http://www.ipr.by/ru/dict/aa.html>
8. Словарь 5. PR-словарь. 2011. URL: <http://www.madiss.ru/pr/prslovar.html>

БАЗОВЫЕ БЛОКИ АВТОМАТИЗИРОВАННОЙ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ

В статье обосновывается создание лингвистического универсума на базе компьютерной модели лексической системы русского языка, с учетом реляционных, иерархических и парадигматических связей. Автоматизированная лексикографическая система позволит оптимизировать современные научные исследования, обеспечив их соответствующей классификацией и систематизацией лексических материалов.

Ключевые слова: лингвистический универсум русского языка, базовый блок, автоматизированная лексикографическая система, словарная база данных.

В данной статье излагаются основные положения научного исследования, выполняемого при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований по инициативному, исследовательскому проекту (грант) № 11-07-00733 (2011–2013) «Гипертекстовый информационно-поисковый тезаурус «Метаязык науки» (структура; математическое, лингвистическое и программное обеспечение; разделы лингвистика, математика, экономика)» (науч. руководитель — С. В. Лесников).

На базе компьютерной модели лексической системы русского языка планируется конструирование лингвистического универсума русского языка в нелинейной форме с учетом реляционных, иерархических и сетевых парадигматических связей посредством реализации синтагматических связей в интерактивном режиме на ЭВМ оцифрованных словарных и текстовых материалов, что позволит на основе новых информационных технологий при соответствующей классификации и систематизации объединить лексикографические материалы, обеспечить их оперативный ввод в научный оборот — с целью оптимизации научных исследований в современной лексикографии.

По определению, «УНИВЕРСУМ (лат. *universum* — мировое целое, мир) — всеобщее <...> множество, содержащее все элементы (объекты) какой-либо исследуемой области материального или духовного мира» [3. С. 627]. При этом неполнота знаний (в нашем случае языковая картина мира) предопределена на всех мыслимых уровнях — (для человека конечность, компактность категорий пространство — время) от объема лингвистической информации до скорости и качества ее переработки. Кроме этого, специализация, углубленное познание в отдельной научной дисциплине, детализация естественным образом размыывают общность,

даже этой одной конкретной дисциплины. Относительным выходом из парадокса неполноты знаний о мире как универсуме (согласуясь с неполнотой лингвистического универсума как продукта, отражающего в синтагматике и парадигматике языковые факты и явления), может служить некоторая предельно общая теория, позволяющая сконструировать, интегрировать в целостный объект ранее не связанные отдельные объекты (элементы) [2].

Блок словарей русского языка. Словари представляют упорядоченные по ряду признаков множества словоформ и устойчивых словосочетаний. Выбор словоформы и словосочетания в качестве единицы словаря (а) обоснован тем, что информация, закрепленная за каждой словоформой (словосочетанием), будет более точной, чем информация, присвоенная частям словоформы или целой парадигме (б). При этом под словосочетанием понимается непредикативная синтагма (интонационно-смысловое единство в составе предложения), соединение нескольких слов, связанных по смыслу и грамматически, а также устойчивое (частотное) сочетание слов, выявленное статистически на объемных текстах (разумеется, к словосочетаниям относятся: фразеологизмы, поговорки, пословицы, крылатые слова; термины и наименования (например, *ФИО, вуз*), состоящие из двух и более слов).

Можно представить словарную базу данных в виде системы из пяти полей: 1) префикс, 2) основа, 3) аффикс (а также суффиксы, постфиксы и флексии). Поле аффиксальной части содержит кодировку класса, или части речи, и грамматической позиции в виде категориальных признаков рода, числа, падежа, времени, наклона и т. п. Поле дефиниций содержит значение, смысл, толкование, определение, объяснение, иллюстрации и собственно словарные статьи

из словарей, справочников и энциклопедий русского языка. Данное поле создается на основе компьютерной версии «Словаря русских словарей» [4]. Поле источников содержит реферативно-аннотированное библиографическое описание словарей, справочников и энциклопедий. Фактически последнее поле создано на основе «Словаря русских словарей».

Блок отношений единства (грамматика). Множество объектов материального и материально представимого мира, отражаемых в нашем сознании, связаны друг с другом различными отношениями. При двух полярных типах отношений — единстве и противоположности — между ними находится гамма переходов от одного свойства к другому. Языковые отношения единства, рассмотренные в соответствующей главе, служат базой для упаковки знаний о мире аналогичным способом — в виде октетов или других связных структур расширенного типа, использующих код Грея. Знания же в специальных предметных областях очень часто представляют собой иерархо-неиерархические структуры различных типов (линейные, матрешечные, матричные и т. п.).

Блок законов композиции (синтаксис). Этот блок содержит данные о ядерном синтаксисе на уровне моделей и модификаций. Список моделей будет значительно меньшим, чем список модификаций. При наличии нескольких сотен ядерных моделей и таких множеств модификаций задача формализации ядерного синтаксиса может быть решена только при помощи современных суперкомпьютеров.

Блок системокодов (базисные функции, семантика). Функция системокодов вполне определенная: обслуживаются три вышеописанных блока — словарь, отношения единства и законы композиции. К системокодам предъявляются требования однозначности конкретной кодировки, сопряженности, информативности и оптимальности. Но оптимальность не должна быть самоцелью, более длинный код, работающий с большей точностью, предпочтительнее короткого, но менее точного [2].

Блок «вопрос ⇔ ответ». В этом блоке содержится информация лингвистического плана, необходимая для декодирования вопросов и формирования ответа на вопрос пользователя, другими словами — подсистема, отвечающая за диалог. Здесь предусматриваются программы и подпрограммы лингвистического преобразования вопроса большей длины в вопрос меньшей

длины и соответствующие длине вопроса ответы [2].

Блок сценариев. Сценарии могут быть различного типа — от перечислительного, где имеется некоторое подмножество словаря и список операций над словарем, до сценариев в смысле В. Я. Проппа [5], имеющих значительные разрешающие возможности в плане формализации множества производственных и иных ситуаций с помощью специального сценарного кода, который может фундироваться на одном из лингвистических системокодов. Выявление своего рода повторяющихся «блоков» в сценариях может позволить комбинаторику уже на более высоком уровне.

Блок «Свод всемирной литературы». «Свод всемирной литературы» в форме базы знаний предполагает как использование в виде источника наиболее общих знаний, так и специальные знания в виде различного рода художественных, учебных и др. текстов, списков (объектов, их свойств, свойств этих свойств, причинно-следственных связей и отношений между объектами, аксиом и теорем конкретной предметной области). Сейчас в русскоязычной части Интернета существуют сотни библиотек. Краткое описание некоторых наиболее интересных (на наш взгляд) электронных библиотек размещено на сайтах <http://lsw.ru> и <http://ЛСВ.РФ>.

К основным недостаткам существующих электронных библиотек и коллекций текстовых баз данных на компакт-дисках относим следующее: ошибки в текстах (главным образом, из-за сканирования и распознавания); хранение документов в различных кодировках; отсутствие единого стандарта оформления; объединение произведений из одной серии (цикла) в один файл, причем в произвольном порядке.

Эскизно представленные здесь базовые блоки компьютерной модели лексической системы русского языка являются чисто лингвистическими, отражающими прежде всего лингвистические аспекты проблематики интерактивного взаимодействия системы «человек — компьютер».

Список литературы

1. Андрющенко, В. М. Концепция и архитектура Машинного фонда русского языка // Машинный фонд русского языка: Идеи и суждения. М. : Наука, 1986. С. 26–44.
2. Карпов, В. А. Язык как система. Мн. : Выш. шк., 1992. 304 с.

3. Кондаков, Н. И. Логический словарь-справочник. М. : Наука, 1975. 720 с.
4. Лесников, С. В. Словарь русских словарей: более 3500 источников. М. : Азбуковник, 2002. 334 с.
5. Пропп, В. Я. Морфология сказки. Л. : Academia, 1928. 152 с.
6. Тузов, В. А. Компьютерная семантика русского языка. СПб. : Изд-во СПбГУ, 2003. 391 с.
7. Тузов, В. А. Математическая модель языка. Л.: ЛНИВЦ АН СССР, 1980. 47 с. ЛГУ, 1984. 176 с.
8. Тузов, В. А. Языки представления знаний. Л. : ЛГУ, 1990. 126 с.
9. Урманцев, Ю. А. Начала общей теории систем // Системный анализ и научное знание М., 1978. Т. 39. С.7–41.

Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 33 (248). Филология. Искусствоведение. Вып. 60. С. 202–204.

Е. В. Маринова

О ПРОЕКТЕ СЛОВАРЯ «ТЕОРИЯ ЗАИМСТВОВАНИЯ В ОСНОВНЫХ ПОНЯТИЯХ И ТЕРМИНАХ»

В статье содержатся сведения о проекте нового словаря «Теория заимствования в основных понятиях и терминах». Словарь может быть отнесен к изданиям смешанного типа (терминологическим и энциклопедическим). Словарь предназначен для восполнения терминологической недостаточности современной теории заимствования.

Ключевые слова: *теория заимствования, терминологический словарь, концепция словаря, словарная статья.*

Процесс заимствования слов из других языковых источников, способность русского языка «превращать» чужое в свое, отказываясь от избыточного словесного материала, всегда вызывали исследовательский интерес. Однако теория заимствования в отечественной лингвистике по-прежнему является недостаточно разработанной (подробнее об этом см. [1. С. 10–16]). На современном этапе назрела необходимость представить основные понятия теории заимствования в терминах. Эту задачу, на наш взгляд, отчасти может выполнить словарь «Теория заимствования в основных понятиях и терминах». Кратко охарактеризуем **концепцию словаря**.

В отличие от собственно терминологических словарей, дающих в основной части словарной статьи лишь толкование значения термина, в нашем словаре предполагается включать в словарную статью информацию и о самой реалии, обозначаемой заголовочным термином. В этом смысле словарь может быть отнесен к словарям смешанного типа (энциклопедический и терминологический).

По предварительным данным, в словарь войдет более 80 терминов: однословных (*адаптация, заимствование, интернационализм, экзотизм*) и составных (*иноязычное слово, иноязычное вкрапление, семантическая адаптация*). Все термины представляют собой либо имена

существительные, либо словосочетания на базе существительного. Порядок расположения терминов — алфавитный. В случае с составным термином вопрос о порядке следования компонентов будет решаться по-разному. Следуя опыту составления терминологических словарей В. Н. Немченко [2–5], мы будем придерживаться следующих принципов. Если слово, выступающее в качестве опорного компонента составного термина (имя существительное в форме именительного падежа), само по себе является термином в терминологии заимствования, то в заголовке словарной статьи оно указывается на первом месте. Например: *адаптация семантическая, заимствование вторичное, калька фразеологическая*. На первом месте в заголовке словарной статьи указывается также определяемое словосочетание с опорным словом, если данное словосочетание само по себе является термином теории заимствования, ср.: *иноязычное слово безэквивалентное, иноязычное вкрапление регулярное* и т. п. Во всех остальных случаях составные термины в заголовках словарной статьи указываются в обычном порядке следования компонентов (*практическая транскрипция, макароническая речь*).

Для удобства пользования словарем в «Приложение» будут включены (1) общий словник — перечень всех толкуемых терминов; (2) указа-

тель терминов, составленный с элементами гнездования, и (3) список предметных областей, соотносящихся с теми или иными аспектами процесса заимствования. Приведем примеры.

Фрагмент «Указателя терминов»:

адаптация

- адаптация грамматическая
- адаптация графическая
- адаптация морфемная
- адаптация орфографическая
- адаптация семантическая
- адаптация словообразовательная
- адаптация фонетическая
- адаптация формальная

Фрагмент «Списка предметных областей»:

I. Процесс заимствования среди других языковых процессов.

II. Концепции заимствования в лингвистике.

III. Иноязычное слово как объект лексикологии и единица лексики.

IV. Типологии иноязычных слов.

V. Типы иноязычных слов.

VI. Адаптация иноязычного слова.

VII. Переходные явления в сфере иноязычной лексики.

В словарной статье будет не только отражаться семантическое содержание термина, но и определяться место обозначаемого термином понятия в системе других, соотносительных понятий. **Словарная статья** включает несколько зон: 1. заголовочный термин; 2. указание на предметную область (с помощью индекса); 3. происхождение; 4. эквивалент на английском языке; 5. история термина (указание на авторство, источник); 6. дефиниция термина; 7. ассоциативная зона: синонимы, гипонимы/гиперонимы, смежные термины; 8. описание понятия (энциклопедическая зона, включающая важнейшие сведения, не содержащиеся в определении термина). Обязательными являются зоны 1, 2, 6, 7, 8. Остальные зоны включаются в словарную статью по мере необходимости. В тексте зоны 8 разрядкой будут выделены те термины, которые в свою очередь определяются в словаре на своем алфавитном месте.

Вот пример одной из словарных статей будущего словаря:

«**Иноязычное слово эквивалентное** (V). Иноязычное слово, которое, с точки зрения номинации, не является единственным обозначением денотата и представляет собой вторичное наименование реалии (или понятия), для обозначения которого в языке-реципиенте уже существует лексическая единица. **Родо-видовые**

отношения. Гипероним — *иноязычное слово*.

Гипоним — *безэквивалентное слово*. **Смежный термин:** *варваризм*.

И.с.э. не связано с заимствованием вещей или понятий. В «момент» вхождения в язык-р е ц и п и е н т *И.с.э.* представляют собой неологизмы, у которых новизной обладает лишь одна из сторон слова — фонетическая (план выражения), тогда как семантика (план содержания) не является новой и известна языку, его носителям. Напр.: *анимация* (ср. *мультипликация*), *кутюрье* (ср. *модельер*), *тур* (ср. *путешествие*), *массмедиа* (ср. *СМИ*), *нарратив* (ср. *повествование*) и др. Освоение такой лексики проходит иначе, чем освоение лексики б е з э к в и в а л е н т н о й, т. к. неизбежна конкуренция иноязычной и исконной или ранее заимствованной лексем.

В подавляющем большинстве случаев *И.с.э.* обозначают научные, специальные понятия и пополняют в системе заимствующего языка книжную лексику, в частности терминосистемы отдельных отраслей знания, напр.: *абстиненция* (мед.) — *воздержание*, *суицид* (мед.) — *самоубийство*, *эвальвация* (фин.) — *оценка* и др. Закрепление *И.с.э.* в заимствующем языке объясняется, во-первых, их стилиевой маркированностью (книжной окраской), ср.: *деструкция* — *разрушение*, *легитимный* — *законный*, *лимитировать* — *ограничивать*, *секвестирование* — *сокращение*, *стагнация* — *застой* и др. Во-вторых, *И.с.э.* могут отличаться от своих соответствий семантическими особенностями, семантическими оттенками. Так, при близости по смыслу к словам *равнодушие* и *бесстрастие* слово *апатия* является более сильным «по степени выражения этого качества, ... более психологически и социально ориентированным» [Сорокин 1965: 132]. В-третьих, немаловажное значение для устойчивого употребления иноязычных терминов имеют их деривативные возможности. См.: *суицид* — *суицидальный*, *суицидент*, *суицидология* и *суицидологический* (ср.: синонимичное слово *самоубийство* производных не имеет); *массмедиа* — *массмедийный*, *массмедийность* (ср. *СМИ* — производные отсутствуют). Кроме того, *И.с.э.* органично «вписываются» в русскую книжную лексику при наличии в ней соотносительных лексических единиц, сходных по структуре (ср., например: *эвальвация* и *девальвация*, *тернарный* и *бинарный*, *суицид* и *геноцид*, *экоцид*). Заимствование *И.с.э.*, представляющих собой термины, специальные, профессиональные номинации, объясняется также тенденцией к интернационализации современной терминологии.

В отличие от *И.с.э.* книжной окраски, *И.с.э.*, поступающие в субстандарт, полностью вытесняют, «замещают» слова общепринятой, литературной лексики, становясь (по крайней мере, какое-то время) единственным обозначением предмета (см. также в а р в а р и з м). Напр., жаргонизмы: *герла* (*девушка*), *мэн* (*мужчина*), *лонговый* (*длинный*) и др. Большую группу *И.с.э.* составляют глаголы (*аскать* ‘просить’ от англ. to ask; *дринкать* ‘пить’ от англ. to drink и др.). Это абсолютно не свойственно литературному языку, в котором заимствованный глагол, даже при наличии синонима в языке-реципиенте, отличается от него семантическими или/и стилистическими оттенками; ср., напр.: *аудировать* (спец.) и *слушать*, *мелировать* и *окрашивать* и др.

И.с.э. со временем могут разойтись со своим синонимом в семантическом отношении. Так, в русском языке руб. 20-21 вв. англицизмы *саммит*, *имидж*, *спонсор*, *консенсус*, *компьютер* первоначально воспринимались говорящими как эквиваленты слов *встреча*, *образ*, *благодетель*, *согласие*, *ЭВМ*. Впоследствии данные англицизмы разошлись по значению – а некоторые

и по стилистической окраске (*саммит*, *консенсус*) – со своими эквивалентами. Следовательно, для иноязычных слов эквивалентность может быть временным явлением».

Словарь адресован прежде всего специалистам (лексикологам), но может быть интересен и полезен также студентам, аспирантам, преподавателям.

Список литературы

1. Маринова, Е. В. Иноязычные слова в русской речи конца XX — начала XXI в.: проблемы освоения и функционирования. М.: Элпис, 2008.
2. Немченко, В. Н. Основные понятия лексикологии в терминах: учеб. слов.-справ. Н. Новгород: Изд-во ННГУ, 1995.
3. Немченко, В. Н. Основные понятия морфемистики в терминах. Краткий словарь-справочник. Красноярск: Изд-во Красноярск. ун-та, 1985.
4. Немченко, В. Н. Основные понятия словообразования в терминах: кр. слов.-справ. Красноярск: Изд-во Красноярск. ун-та, 1985.
5. Немченко, В. Н. Основные понятия фонетики в терминах: учеб. слов.-справ. Н. Новгород: Изд-во ННГУ, 1993.

Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 33 (248). Филология. Искусствоведение. Вып. 60. С. 204–206.

Л. В. Попова

СЛОВАРНАЯ СТАТЬЯ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ

В статье анализируются некоторые современные тенденции в сфере лексикографии для специальных целей (LSP). В работе представлено несколько точек зрения, принадлежащих отечественным и зарубежным лингвистам, относительно содержания и структуры словарной статьи.

Ключевые слова: *лексикография, терминологический словарь, структура словарной статьи, семантизация термина.*

Из всех проблем теоретической и описательной терминологии наиболее актуальными остаются, на наш взгляд, проблема типов терминологических словарей и проблема содержания и структуры словарной статьи. В данной статье попытаемся проследить тенденции описания словарной статьи в условиях современной лексикографии. Заметим, что термин *лексикография* используется в качестве синонима к термину *терминология*. Тем более что «деятельность по созданию словарей терминов, продолжает использовать основные приемы и положения традиционной лексикографии» [1.

С. 199]. Н. Bergenholtz, проведя последовательный анализ содержания понятий *лексикография* и *терминология*, приходит к выводу, что четкой границы между ними не прослеживается. *Лексикография для специальных целей (Specialised field lexicography (LSP))*, по мнению ученого, работает с терминами, с системными и алфавитными макроструктурами. Она должна быть и описательной, и предписывающей. В качестве адресата выступают специалисты и неспециалисты. Лексикография для специальных целей готовит словари с целью расшифровки текстов, а также их кодирования [9. P. 282].

Какие требования предъявляются к структуре словарной статьи в терминографии? А. С. Герд пишет, что «чаще всего словарная статья, согласно общей теории лексикографии, состоит из следующих частей: 1) заголовок словарной статьи; 2) грамматическая характеристика термина; 3) характеристика термина по его употребительности, стилистической окраске и происхождению; 4) семантическая характеристика термина» [2. С. 297–298]. В работах отечественных лингвистов, таких как А. С. Герд (1996), З. И. Комарова (1991), В. М. Лейчик (2006), И. С. Куликова, Д. В. Салмина (2002), вопросы специфики словарной статьи при описании терминов связаны непосредственно с вопросами типологических оппозиций (типов словарей): «Тип словаря определяется его задачами и адресатом и проявляется в специфике как левой части словаря (словника), так и его правой части, т. е. собственно словарной статьи» [5. С. 59]. Следовательно, сначала определяется задача словаря, затем адресат и следующим этапом является состав словника и структура словарной статьи.

Интерес вызывает позиция зарубежных исследователей. Так, датский ученый Н. Bergenholtz в соавторстве с S. Nielsen пишет, что «расположение данных в словарных статьях и/или компонентах словаря основывается на *лексикографической структуре (lexicographical structure)*». Далее намечается своеобразная схема движения. Во-первых, необходимо определиться с целевой аудиторией. Когда лексикографы установили адресата, характерные особенности целевой группы, типы коммуникативной ситуации и специфику отношения адресата к этим ситуациям, они могут перейти к определению так называемых *лексикографических функций (lexicographic functions)* [9. Р. 287]. Последние подразделяются на 1) коммуникативно-ориентированные (communication-oriented) и 2) когнитивно-ориентированные (cognition-oriented). При этом функции являются основными элементами лексикографической теории и практики и составляют главенствующий принцип, который подчеркивается во всех словарях [9. Р. 288]. Следующим шагом является решение о том, какие данные должны быть подготовлены и включены в словарь в соответствии с различными функциями словаря. Согласно функциональной теории лексикографии, никакие материалы не могут быть включены в словарь, если включение не может быть верифицировано на основе функций словаря. Представление и структура этих материалов должны следовать тем же принципам [9. Р. 288].

Таким образом, наблюдаются сходные позиции, а именно функциональный признак, специфика адресата, а также типы коммуникативных отношений и особенности отношения к ним целевой группы.

В. М. Лейчик отмечает, что содержание словарной статьи имеет непосредственное отношение к проблеме классификации терминологических словарей. Дело в том, что последняя может базироваться на восьми «релевантных» признаках, среди которых два признака связаны непосредственно с описанием словарной статьи: «содержание левой части (заголовочного слова) словарной статьи, содержание правой части словарной статьи» [6. С. 205].

Действительно, существует разделение на так называемые «левую» и «правую» части словарной статьи. И. С. Кудашев, например, полагает, что одним из характерных признаков справочных изданий можно назвать их разделение на условные «левую» и «правую» части, т. е. на список определенных единиц и информацию об этих единицах [4. С. 38]. Предлагается рассматривать в качестве левой части «любые единицы», о которых автор словаря сообщает какую-либо релевантную с точки зрения назначения словаря информацию, а под правой частью — саму эту информацию вне зависимости от места ее расположения в словаре [там же]. При этом В. М. Лейчик отмечает, что «в качестве заголовочного слова в терминологическом словаре могут выступать не только термины-слова, но и словосочетания, комбинации слов и символов, аббревиатурные сокращения» [6. С. 298]. Мы солидарны с И. С. Кудашевым в том, что «суть строения справочных изданий остается неизменной: имеются единицы «левой части», о которых сообщается релевантная с точки зрения назначения словаря информация, составляющая «правую часть». Соответственно, этот признак должен быть отражен в лексикографическом определении словаря» [4. С. 38].

И. С. Куликова и Д. В. Салмина, в свою очередь, полагают, что «проблема левой части словаря связана <...> с отбором словарного материала, в ряде случаев с его минимизацией, а также с различными способами компрессии материала: внутрисловные отсылки, гнездовой способ и др. Проблема правой части — это способы семантизации термина, т. е. способы его объяснения» [5. С. 59]. А. С. Герд полагает, что «семантическая характеристика — основная и самая сложная часть словарной статьи любого словаря». И если речь идет о терминологических словарях,

построенных по алфавитному принципу, что сближает их со словарной статьёй толковых словарей и энциклопедий, то «семантическая характеристика термина осуществляется либо через логическое определение его значения, либо через переводной эквивалент в переводных терминологических словарях» [2. С. 298].

В терминологических словарях, по мнению В. М. Лейчика, даются дефиниции, которые содержат упоминание родового понятия (с помощью основного или базового термина) и перечисление всех *differentiae specificae*. Это ведет к тому, что дефиниции в терминологических словарях «толкового» типа системны так же, как и сами термины, и в совокупности они отражают систему понятий [6. С. 205–207]. С другой стороны, указывает А. С. Герд, «толковые терминологические словари дают точное логическое определение научного понятия, отнюдь не передавая всего его содержания. На практике обычно в каждом терминологическом словаре мы встречаем и определения, и дополнительные описания» [2. С. 300–301]. Поэтому к построению полного лексикографического определения термина могут быть выдвинуты такие требования, как предварительный анализ логико-понятийной схемы, выделение родового понятия, выделение существенных признаков понятия, выделение отличительных признаков данного понятия по сравнению с другими понятиями [2. С. 300–301].

На современном этапе имеются разработки средств лексикографического описания в цифровом формате, например, в качестве предмета исследования в диссертации Н. А. Сиваковой выступают «средства лексикографического описания фитотерминов в электронном глоссарии» [8. С. 3]. Словарные статьи глоссария включают латинское название вида, общепринятые и диалектные названия растений на английском и русском языках, дословный перевод иноязычных эквивалентов, варианты диалектных названий, морфологическое описание каждого вида с примечаниями, этимологическую, фонетическую, хронологическую информацию, а также иллюстративный материал [8. С. 5–6]. Имеются также новые типы словарей, например «Комплексный

словарь терминов функциональной грамматики» [7]. Словарь посвящен комплексному исследованию терминов одного направления и является одновременно толковым, идеографическим, синонимическим и тематическим.

Таким образом, при описании словарной статьи в специальных терминологических словарях на современном этапе отмечается выдвигание на первый план целевой аудитории, ее специфика и отношение к тем или иным коммуникативным ситуациям, избранным исходя из функций справочного издания. Сохраняется признак системности, достигаемый благодаря выявлению родовидовых связей терминов в терминосистеме. Отмечается наличие разработок лексикографического описания терминов с применением современных электронных средств.

Список литературы

1. Авербух, К. Я. Общая теория термина. Иваново, 2004. 252 с.
2. Герд, А. С. Научно-техническая лексикография // Прикладное языкознание. СПб., 1996. С. 287–301.
3. Комарова, З. И. Семантическая структура специального слова и ее лексикографическое описание. Свердловск, 1991. 155 с.
4. Кудашев, И. С. Проектирование переводческих словарей специальной лексики. Helsinki, 2007. 445 с.
5. Куликова И. С. Введение в металингвистику (системный, лексикографический и коммуникативно-прагматический аспекты лингвистической терминологии) / И. С. Куликова, Д. В. Салмина. СПб., 2002. 352 с.
6. Лейчик, В. М. Терминоведение : Предмет, методы, структура. М., 2006. 256 с.
7. Попова, Л. В. Комплексный словарь терминов функциональной грамматики. Омск, 2005. 186 с.
8. Сивакова, Н. А. Лексикографическое описание английских и русских фитонимов в электронном глоссарии : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тюмень, 2004. 28 с.
9. Bergenholtz, H. Subject-field components as integrated parts of LSP dictionaries / H. Bergenholtz, S. Nielsen // Terminology 12:2. John Benjamins Publishing Company. 2006. P. 281–303.

ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ ЛЕКСИКИ ЛЕСОПИЛЬНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

Статья посвящена проблеме лексикографического описания лексики лесопильной промышленности. Автор рассматривает общие характеристики специальных словарей и показывает особенности русско-английской и англо-русской частей иллюстрированного толкового словаря лесопильной промышленности.

Ключевые слова: терминологический словарь, лексика лесопильной промышленности, словарная статья.

Усиление интереса к проблемам лексикографии на рубеже второго и третьего тысячелетий вполне естественно в условиях активизации межъязыковых/межкультурных контактов, что обусловило появление особых потребностей общества при все расширяющихся технических возможностях для перехода лексикографической теории и практики на новый уровень. Последнее связано как с автоматизацией работы по составлению словарей и выходом в глобальную сеть, так и с постановкой новых задач пользования словарем, соответствующих требованиям сегодняшнего дня.

Словари появляются на определенном этапе общественного развития — в тот момент, когда, с одной стороны, появляется потребность в описании лексики языка, а с другой, язык достаточно развит для того, чтобы предоставить лексикографам средства для такого описания. В связи с тем что существуют различные типы словарей (словари-справочники, энциклопедические, тезаурусные, толковые, толковые переводные, идеографические, синонимические, фразеологические, диалектные, терминологические, орфографические, грамматические словари и т. д.), выделяют ряд функций, которые они выполняют: описание и нормализация словарного состава языка, повышение языковой культуры общества; изучение литературного языка и т. д.

Всякий словарь характеризуется определенной концепцией, касающейся типа, объема словаря и разработки в нем различных лексикографических параметров, т. е. отбора слов и их аспектов, разъясняемых в словаре. Концепция словаря или имплицитно заключена в самой структуре словаря, либо разъясняется эксплицитно во вводной статье к нему. Отражение разных лексикографических параметров в конкретном словаре определяется спецификой языка, лексикографической традицией соответствующей страны, ти-

пом и назначением словаря и взглядами данного лексикографа.

Необходимость составления толкового переводного словаря лексики лесопильной промышленности возникла в связи с непосредственными потребностями профессионального общения.

Красноярский край занимает третье место в России по объемам лесозаготовок, и первое — по производству пиломатериалов. Сегодня только на территории краевого центра работают многочисленные предприятия по производству и реализации пиломатериала, среди них: ООО «Аркада», ЗАО «Бирлеспром», ОАО «Енисейлес», ООО «Енисейская лесная артель», ООО «Крона», ООО «Леспром», ООО «ЯрЛес», ООО «Леспромресурс». Открыты представительства: ООО «ЕТК-Лесэкспорт», ООО «Кодинский ДОК». Продолжают функционировать Красноярский ДОК, Лесоперерабатывающий завод, ДОЗ 1, ДОЗ 2. Экспорт лесо- и пиломатериалов осуществляется в страны ближнего и дальнего зарубежья.

В задачи вышеупомянутого словаря входит фиксация, систематизация и перевод специальных наименований русской и английской лесопильной промышленности.

Словарь содержит более 2500 специальных наименований с переводом на русский или английский язык, а также варианты и синонимы слов, функционирующие в подязыке лесопильной промышленности. Последние толкуются в словнике отсылочным способом.

Словарь состоит из двух частей. Первая часть является переводной — русско-английской с параллельным толкованием понятий. Вторая часть — англо-русская.

Русско-английский и англо-русский словарь лексики лесопильной промышленности представляет собой первую попытку в истории отечественной лексикографии зафиксировать как кодифицированные, так и некодифицированные

специальные наименования, используемые в профессиональной коммуникации.

При составлении словаря специальные наименования извлекались из двух основных групп источников:

лексикографических, представленных энциклопедическими, толковыми отраслевыми, переводными двуязычными, одноязычными словарями;

текстовых источников, представленных научной литературой (монографии, учебники, учебные пособия, периодические отраслевые журналы).

Часть лексики подъязыка лесопильной промышленности была собрана путем **анкетирования и интервьюирования** носителей данного подъязыка, работающих на деревообрабатывающих предприятиях.

Все специальные наименования, как основные, так и производные (составные), представлены отдельной словарной статьей. За основу принята английская орфография.

Словарные статьи расположены в алфавитном порядке с учетом гнездового принципа на основе лексических признаков наименований, т. е. учитывались родовидовые отношения. Поиск наименований, состоящих из ключевых слов и определений к ним, следует производить по ведущему (опорному) слову. Например, значение специального наименования **hollow knot** следует искать в гнезде **knot**, соответственно **выпавший сучок** — в гнезде **сучок**.

Ведущие слова в гнезде заменяются тильдой (~).

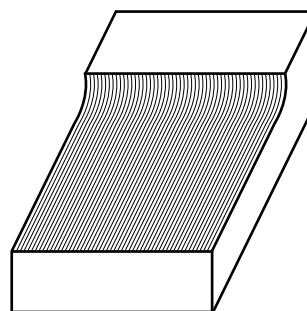
В обеих частях словаря приводится несколько синонимических вариантов, размещенных через

запятую; разные значения одного и того же термина отделены точкой с запятой.

Некодифицированные специальные наименования (профессионализмы) выделены курсивом.

Для наглядности приведем пример словарной статьи из русско-английской части словаря:

ВЫХВАТ [*выщербины*] snatch



углубление по всей ширине вырабатываемой поверхности, возникшее в результате удаления при фрезеровании части пилопродукции или детали ниже плоскости фрезерования.

Список литературы

1. Лях, Н. И. Терминологический словарь / Н. И. Лях, А. Н. Сычев. Красноярск, 2004. 167 с.
2. Лесная энциклопедия : в 2 т. М. : Сов. энцикл., 1986.
3. Elsevier, Elseviers Wood Dictionary. Amsterdam, 1964, 2 Vol.
4. McCulloch, W. Fraser, Wood Words. A comprehensive dictionary of logger terms. Oregon, 1958. 219 p.
5. Словарь терминов из области «деревесина и деревообработка» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.bohmans.ru/>

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОГО ОПИСАНИЯ РУССКОГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО СУБСТАНДАРТА

В статье выявляются факторы и условия формирования субстандартного направления терминографии, дается краткая характеристика регистрирующих словарей языков для специальных целей (LSP), раскрываются проблемы лексикографической фиксации ненормированных единиц специальной лексики, определяются актуальные задачи лексикографического описания русского профессионального просторечия и профессиональных жаргонов.

Ключевые слова: субстандартная лексикография, терминография, словарь специальной лексики, профессионализм, интерпрофессионализм, квазипрофессионализм, депрофессионализм, профессиональный жаргонизм, макро- и микроструктура словаря.

В лингвистической литературе последних лет нередко можно встретить утверждение, что словаря субстандартной лексики — это новый лексикографический жанр, который получил особенно активное развитие на рубеже XX–XXI вв. (см., например: [1. С. 526]). С этим утверждением едва ли можно согласиться. Истоки русской субстандартной лексикографии уходят корнями в XIX век, когда начала складываться лексикографическая традиция описания групповых жаргонов и условно-профессиональных языков. В 2009 г. М. Н. Приемышевой был впервые опубликован составленный И. И. Срезневским еще в 1839 году «Русско-офенский словарь», а также ряд рукописных глоссариев и словников торговых и ремесленных аргос XIX столетия, которые свидетельствуют об огромном научном и общественном интересе к языку различных профессиональных групп. В широкий лингвистический оборот впервые введен большой массив языковых данных, отражающих особенности условно-профессиональных аргос тверских коновалов, глинотопов Перемышльского уезда, симбирских швцов, костромских шерстобитов, портных целого ряда губерний, представителей других промыслов и ремесел европейской России. К XIX в. относятся первые попытки лексикографов определить статус «офенского языка» как «торгово-классового» и «профессионального» [21. С. 113]. На протяжении всего последующего времени интерес к неофициальным, некодифицированным средствам профессионального общения не угасал. Частично его удовлетворяли авторы толковых словарей современного русского языка, которые в минимальном объеме включали в состав словников некодифицированные профессиональные и жаргонные наименования [22], а также специалисты в области исторической и диалектной лексикографии, описательной и сравни-

тельной социолексикографии [12; 14; 17; 25; 28]. Авторы инвентаризационных словарей (исторических и диалектных, тематических и сводных), фиксируя, наряду с иными, неофициальные специальные наименования, создавали научные тексты, которые в настоящее время могут служить лингвистическим источником для исследования наивной и профессиональной картины мира, для изучения полисемии, синонимии и вариативности в сфере «народных терминологий», их взаимодействия с общеупотребительными и диалектными словами, с лексическими системами контактных языков.

Как справедливо отметил С. В. Гринев, к середине XX века завершился длительный этап становления практической терминографии, и начали складываться теоретико-методологические основы этой области знаний как автономной отрасли русистики [7. С. 4]. В достаточно широком перечне терминографических трудов во второй половине XX века заметно преобладали толковые нормативные и переводные словари, что соответствовало актуальным задачам упорядочения, унификации и гармонизации терминологий. Крепнущие связи терминографии с родственными и смежными лингвистическими дисциплинами, накопление фактических сведений о семантических, ономаσιологических, функциональных, динамических и др. особенностях словарного состава «нижнего регистра» языков для специальных целей привели к формированию в недрах терминографии нескольких направлений, имеющих большую или меньшую самостоятельность: региональной терминографии [19; 20], исторической терминографии [2; 6], мотивологической терминографии [29]. Эти направления опираются на богатейшую фактологическую базу отечественного терминоведения и теории LSP.

Отличительной чертой терминографии новейшего периода является усиление дескриптивного подхода, интерес к лексикографической фиксации профессионального субстандарта. В данном случае под профессиональным субстандартом понимается совокупность функционально-семантических разновидностей языков для специальных целей, которые обслуживают устную речь специалистов в условиях неофициального общения на профессиональные темы. Отнесем к ним профессиональное просторечие, маркирующими единицами которого являются профессионализмы, профессиональный жаргон и их промежуточную форму — жаргонизированное профессиональное просторечие. Последнее, например, характерно для речи авиаторов, железнодорожников, хирургов, полицейских и представителей некоторых других профессий, которые требуют от человека повышенной меры социальной ответственности, предельной концентрации физических и духовных сил. В условиях частого профессионального стресса возникает необходимость в «речевом поглощении эмоций»; спонтанная речь на профессиональные темы достаточно образованных людей, прекрасно владеющих терминологией своей отрасли, «инкрустируется» профессиональными жаргонизмами [26. С. 211–219].

Формирующееся субстандартное направление в терминографии призвано выявить, описать и инвентаризировать маркирующие единицы устных разновидностей LSP (языков для специальных целей): профессионализмов, интерпрофессионализмов, депрофессионализмов, профессиональных жаргонизмов и сленгизмов (интержаргонной профессиональной лексики). Оно представлено относительно небольшим, но разнообразным кругом словарей, как изданных отдельными книгами, так и «примечательных», имеющих ярко выраженный прикладной характер. Среди первой группы отметим толковые словари отраслевых жаргонов: авиационного [9], спортивного [8], музыкального [3], морского [10; 24], компьютерного [15] и др., среди второй группы — лексикографические приложения к диссертациям, посвященным сопоставительным и иным исследованиям подязыков: пожарной охраны [18], музыкального [4], горного дела [23], железнодорожного транспорта [5] и др. В этих словарях лексика русского профессионального субстандарта характеризуется с точки зрения семантики, наличия/отсутствия у специальных наименований экспрессивно-эмоциональной окраски, в некоторых случаях также — исторической перспективы и территориального

распространения. Грамматическая характеристика слов традиционно сводится к указанию на часть речи, родовую принадлежность, окончание Р.п. (для существительных), видовую пару (для глаголов). В редких случаях приводятся этимологические справки и сведения о способах словообразования [23]. Отметим также многочисленные электронные любительские словари малых и сверхмалых объемов, в которых толкование специальных наименований зачастую дается с опорой на быденное языковое сознание, отсутствуют иллюстрации и лексикографические пометы. Они в изобилии представлены на многих сайтах Интернета, в частности, на сайте Жаргон Ру: Интерактивная энциклопедия современного языка (Режим доступа: <http://www.jargon.ru/>).

Отражение ненормативных специальных наименований в словарях профессионального субстандарта — дело чрезвычайно сложное. Разговорная специальная лексика подвижна, зависима от места, времени и условий функционирования, она быстро обновляется. Фиксация такой лексики осложняется необходимостью сбора основной информации методами включенного наблюдения, интервьюирования и анкетирования многочисленных профессиональных групп. При этом далеко не каждая из таких групп открыта для сбора языкового материала. Например, лингвисту почти невозможно осуществить включенное социолингвистическое наблюдение за речью работников атомных электростанций, космодромов, а также работников таких производств, как афинажное или монетное. Спорным остается вопрос о включении в круг лингвистических источников субстандартной терминографии материалов печатных СМИ, художественной литературы, блогов профессиональных сообществ, частной переписки, а также словарных материалов, подготовленных самими носителями профессионального жаргона. Выборочная расписка этих необозримых по своему объему источников является весьма трудоемкой, а результат может оказаться сомнительным. Не всегда с достаточной степенью уверенности можно отграничить редко употребляющийся профессионализм или профессиональный жаргонизм и окказиональное наименование. Трудности вызывают и нечеткие границы между различными разрядами профессиональной лексики, дискуссионность их лингвистического статуса. Это обстоятельство негативно сказывается на области стилистических помет словарей. Большинство лексикографов проявляют непоследовательность или вовсе избегают стратификационную характеристику спе-

циального наименования. При составлении словарей русского профессионального субстандарта следует учитывать, что неофициальные единицы LSP отличаются функциональными, денотативными и экспрессивно-стилистическими характеристиками. Профессионализмы — это нейтральные и/или стилистически окрашенные специальные наименования, основной сферой функционирования которых является устная речь специалистов на профессиональные темы. Отличительной особенностью *интерпрофессионализмов* является функционирование в специальном значении в двух и более подъязыках: *подошва* (горы, станка, здания и т. п.; *балда* — «кувалда» (в профессиональном просторечии электролизников, ремонтников, шахтеров и др.). *Квазипрофессионализмы* характеризуются тем, что не имеют синонимов в терминосистеме отрасли, но их денотативное значение соотносится с профессиональными действиями и объектами (*новогодняя елка* — «поднятый на лебедках трал, полный рыбы»). Для *депрофессионализмов*, напротив, характерно использование единиц, которые по форме совпадают с наименованиями профессиональной сферы, но употребляются вне ее (*с разрезанной бизанью* — «с незастегнутыми брюками»). Ср. в морском подъязыке: *бизань* — «нижний косой парус») [24. С. 12]. Включение последних в словник словарей профессионального субстандарта можно мотивировать тем, что подобные слова и выражения характерны только для речи людей определенных профессий, они используются в ситуациях бытового общения с коллегами и членами семьи. В отличие от этих наименований, профессиональные жаргонизмы обладают ярко выраженной экспрессией. Некоторые из них с точки зрения людей, не являющихся носителями и творцами профессионального жаргона, вербально нарушают этические табу: *каренина* — «железнодорожная травма» (мед.); *Василек* — «ребенок с врожденным сифилисом» (мед.), *спалить гондон* — «забыть снять чехол ПВД во время проверки его обогрева» (авиа), *единица* — «погибший при пожаре человек» (пожарн.) и т. п. Однако «степень оскорбительности» таких номинаций в профессиональной среде достаточно низкая. Они не воспринимаются как средство дискредитации. В процессе профессионального общения уничижительные значения слов и словосочетаний девальвируются. Омытые волнами профессиональной смеховой культуры, «выражения на грани фола» начинают восприниматься как грубоватая шутка, как средство подсмеивания, иронизирования над собой, над коллегой, пациентом, неодушевлен-

ным объектом или ситуацией. Как средствами словарной статьи с большой степенью достоверности охарактеризовать тот «коннотативный довесок», который есть в структуре лексического значения любого профессионального жаргонизма? Каковы критерии определения эмоционально-экспрессивной окрашенности такого специального наименования? В современной ненормативной лексикографии эти вопросы до сих пор не решены в полном объеме. Это сказывается на качестве стилистических помет в словарях русского субстандарта вообще и профессионального субстандарта в частности. На практике мы нередко сталкиваемся с необоснованными, а порою даже курьезными стилистическими пометами. Например, в «Русском словаре профессионального подъязыка пожарной охраны» к слову *житомир*, т. е. «взрыв» приводится следующий перечень стилистических помет: «отр., презр., нейтр., уст., неодобр.», при этом единственная иллюстрация — выписка из материалов форума Figeman.ru не подтверждает ни одной из этих характеристик [18. С. 186].

Следует с сожалением отметить и тот факт, что многие авторы словарей русского профессионального субстандарта не испытывают рефлексии по поводу различий в методах социолексикографии [13] и терминографии, что приводит к неоправданному включению в состав словарей профессионального подъязыка большого числа слов и выражений, не имеющих специального значения.

Создание словарей ненормативной профессиональной лексики, учитывающих достижения современной лексикографической теории и практики, относится к числу важных задач русистики. Начинать такую работу необходимо с формирования лингвистических картотек и широкого внедрения корпусных методик, без которых сегодня немыслимы большие лексикографические проекты. Ненормативные специальные наименования являются неотъемлемой частью профессионального дискурса, фиксируют систему ценностей профессионального сообщества, ярко отражают активные процессы в LSP и национальном языке в целом, следовательно они заслуживают пристального внимания специалистов в области терминографии.

Список литературы

1. Анищенко, О. А. О проекте «Словаря жаргона школьников и беспризорников послереволюционной России. 1920–1930-е годы // Проблемы

- истории, филологии, культуры. М. ; Магнитогорск ; Новосибирск, 2009. № 2 (24). С. 526–530.
2. Борхвальдт, О. В. Словарь золотого промысла Российской империи. М., 1998. 241 с.
3. Валиева, Р. Х. Словарь русского профессионального музыкального языка. Казань, 2006. 78 с.
4. Валиева, Р. Х. Англо-русский словарь музыкального языка // Валиева, Р. Х. Универсальное и национально-специфическое в профессиональном подъязыке: на материале лексики русского и английского вариантов профессионального музыкального некодифицированного подъязыка : дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2006. С. 133–168.
5. Галимова, Х. Н. Русский словарь профессионального подъязыка железнодорожного транспорта // Галимова, Х. Н. Асимметрия профессионально маркированной лексики: на материале русского и английского вариантов профессионального подъязыка железнодорожного транспорта : дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2008. С. 169–182.
6. Гладилина, Г. Л. Словарь лексики лесного сплава XVIII — первой половины XX веков. Красноярск, 2007. 212 с.
7. Гринев, С. В. Основы лексикографического описания терминосистем : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 1990. 43 с.
8. Исмаева, Ф. Х. Словарь профессионального спортивного языка. Казань, 2006. 108 с.
9. Казачкова, М. Б. Словарь профессионального языка авиации. Одинцово, 2008. 152 с.
10. Каланов, Н. А. Словарь морского жаргона: около 1500 слов, 1400 идиоматических выражений. М., 2002. 447 с.
11. Латыпов, Н. Р. Русско-английский словарь терминологических единиц профессионального подъязыка авиации с метафорическим компонентом // Латыпов, Н. Р. Особенности межъязыкового изоморфизма метафорической номинации (на материале русского и английского вариантов профессионального подъязыка авиации) : дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2007. С. 183–220.
12. Коровушкин, В. П. Словарь русского военного жаргона: нестандартная лексика и фразеология вооруженных сил и военнизированных организаций Российской империи, СССР и РФ XVII — XX веков. Екатеринбург, 2000. 372 с.
13. Коровушкин, В. П. Проблемы социолексикографирования английского и русского военных субъязыков // Языки профессиональной коммуникации : сб. ст. участников IV междунар. науч. конф. Челябинск, 2009. С. 21–27.
14. Левикова, С. И. Большой словарь молодежного сленга. М., 2003. 928 с.
15. Мещеряков, В. А. Словарь компьютерного жаргона. Воронеж, 1999. 120 с.
16. Михалап, К. П. Опыт лесного словаря: На материале говоров Красноярского края. Ч. 1. Красноярск, 1994. С. 21–22.
17. Мокиенко, В. М. Большой словарь русского жаргона / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина. СПб., 2001. 720 с.
18. Мочелевская, Е. В. Русский и англо-русский словари профессионального подъязыка пожарной охраны // Мочелевская, Е. В. Этнокультурная маркированность единиц профессионального подъязыка (на материале русского и английского вариантов подъязыка пожарной охраны) : дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2009. С. 183–220.
19. Мурзаев, Э. М. Словарь народных географических терминов. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1999. Т. 1, 2.
20. Петроченко, В. И. Словарь рыбаков и охотников Северного Приангарья. Красноярск, 1994. 128 с.
21. Приемышева, М. Н. Тайные и условные языки в России. СПб., 2009. Ч. 1. 455 с.; Ч. 2: Приложения. 696 с.
22. Салаяев, В. А. Лексика арготического и жаргонного происхождения в толковых словарях современного русского языка : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1998. 16 с.
23. Сафиуллина, Р. Р. Русский словарь профессионального подъязыка горного дела // Р. Р. Сафиуллина. Особенности межъязыкового алломорфизма в профессиональном подъязыке (на материале лексики русского и английского вариантов профессионального подъязыка горного дела) : дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2008. С. 184–212.
24. Солнышкина, М. И. Словарь морского языка. М., 2005. 280 с.
25. Толикина, Е. Н. Русская ремесленно-промысловая терминология первой половины XIX в. и ее отражение в лексикографии того времени (Словарь В. Бурнашева). Л., 1954. 26 с.
26. Фельде, О. В. Комическое в профессиональном дискурсе // Речевое общение: специализированный вестник. Вып. 13 (21): Категория комического в аспекте теории и практики речевого воздействия. Красноярск, 2011. С. 210–211.
27. Фельде, О. В. Профессиональное просторечие как лингвистический феномен // Русское профессиональное просторечие как объект лингвистического исследования : сб. тр. IV междунар. конгресса исследователей русского языка «Русский язык: исторические судьбы и современность». М., 2010. С. 217.
28. Химик, В. В. Большой словарь русской разговорной экспрессивной речи. СПб., 2004. 768 с.
29. Штейнгард, Е. А. Мотивационный словарь профессиональной лексики алюминиевой промышленности / под ред. О. В. Фельде (Борхвальдт). Красноярск, 2005. 82 с.

С. С. Шляхова, О. В. Шестакова

ПРОБЛЕМЫ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОЙ ФИКСАЦИИ ИНТЕРЪЕКТИВОВ В РУССКИХ И НЕМЕЦКИХ СЛОВАРЯХ

Статья посвящена проблеме лексикографической фиксации интеръективов в русских и немецких словарях. Предлагаются принципы описания такого рода единиц в разрабатываемом авторами немецко-русском словаре. Данный словарь является первой попыткой систематического описания интеръективов с учетом их фоносемантической специфики.

Ключевые слова: словарь интеръективов, междометие, ономотопея, звукоизобразительная лексика, русско-немецкий фоносемантический словарь.

Одной из проблем лексикографии является отсутствие специализированных словарей, в том числе и словарей междометий / интеръективов. По нашим данным, на русском материале существует лишь один словарь звукоизобразительных единиц типа *ах, толк, тук*. [6]. В немецком языке такие словари отсутствуют.

В немецкой и русской лексикографической практике не различаются междометия и звукоподражания (ономатопеи), которые с давних пор объединяют в один класс. Обычно в словарях они имеют пометы *Interjektion / междометие*, далее следует помета *lautmalend / звукоподражание*. Однако собственно междометия (*ah, ach, aha / ах, ох, ага* и т. п.), производные (*Donnerwetter, Gott / Полундра!, Господи* и др.) междометия и ономотопеи (*bauz, pardauz, klipklapp / тук-тук, мяу, кап-кап* и т. п.) имеют различную лингвистическую природу. Так, в словаре Д. Н. Ушакова ономотопея *буль-буль* имеет помету «межд. звукоподр.».

При этом явное звукоподражание может и не иметь пометы *lautmalend*. Например, слово *hopp* «звук хождения, передвижения; топанье» в словаре К. Duden представлено как *Partikel* «частица», которая служит для побуждения к действию. В словаре В. И. Даля звукоподражание *буль-буль* также квалифицируется как частица, в словаре Д. Н. Ушакова и Т. Ефремовой ономотопеи *тук-тук, ах* — как междометия.

Некоторые звукоподражания не зафиксированы в словарях. Так, *brummt* «рычание собаки и т. п.; стрекотание насекомых»; *ähm* «восклицание, рассчитанное на ответственность; призыв к общению; звук заполнения паузы в речи при забывании кого-, чего-л., попытке воспоминания; пауза хезитации» не зафиксированы в немецких толковых словарях. Следует отметить, что в немецкой разговорной речи междометие *ähm* встречается очень часто и обозначает различные эмоциональные состояния.

В немецких этимологических словарях, как правило, не отмечается звукоизобразительная природа первообразных междометий (*äh, au, o, oh* и др.). Они характеризуются как возгласы при определенных эмоциональных состояниях. В словаре Д. Ушакова слова *ах, ох* и др. также квалифицируются как междометия восклицания при определенных эмоциональных состояниях, без указания на их звукоизобразительную природу.

Встречаются слова, например, *heida, heidi*, звукоизобразительное происхождение которых не вызывает сомнения. Ср. болг. *хайде*; укр., блр. *гайда*; чеш., польск. *hajda*; тур. *hayda*; кирг. *айдоо*; казах. *айдау* «ну», «пошла» [4. С. 32]. Однако в немецких этимологических словарях их звукоизобразительная природа также не отмечается: *heidi* «возглас для обозначения быстрого движения», *heida* «возглас удивления, изумления». В русском этимологическом словаре М. Фасмера слово *айда, гайда* имеет этимологию «межд., выражает восклицание, подгоняющее животных», т. е. также не отмечена его звукоизобразительная природа.

По нашим наблюдениям, сопоставление звукоизобразительной лексики в немецко-русских словарях основано на их смысловой близости, при этом не учитываются фоносемантическая специфика этих единиц. Так, слово *bum* помечено во всех словарях как *Interjektion* и переводится как *бум, бах*. Однако *bum* здесь — звукоподражание (а не междометие), которое характеризует акустический денотат: удар (выражен взрывным /b/) с последующим тоновым неударом (выражен сонантом /m/). Перевод через *бах* является не совсем точным, поскольку здесь акустический денотат являет собою удар с последующим шумовым неударом (выражен глухим гуттуральным /x/). Следовательно, русскому *бах* с учетом фоносемантических характеристик будет соответствовать немецкое *paff*.

В настоящее время готовится к печати немецко-русский словарь интеръективов, в котором делается попытка описания звукоизобразительных слов с учетом их фоносемантических свойств. Основной принцип включения единицы в словарь — примарная мотивированность. Отправной единицей описания являются фоносемантические маргиналии («корневые» образования), к которым относятся звукоподражания и междометия (кроме производных типа *Donnerwetter!* и т. п.), которые «надежнее» других сохраняют звукоизобразительный мотив номинации.

В словарь включены: 1) акустические онома-топы (экспликация неартикуляторных акустических звучаний внешней среды): *bat* / *бам* «низкий звук колокола»; *klatsch* / *шлен* «удар, шлепок»; 2) артикуляторные онома-топы (эксплицируют звуковые процессы в полостях носа, рта и горла человека): *hatschi* / *анчхи* «чихание»; *happ* / *хан* «хватание (зубами, ртом)»; 3) онома-топы говорения (экспликация нерелекторных акустико-артикуляторных звучаний, характеризующих процесс речи в его целевых, модальных, физиологических, акустических и прочих характеристиках): *blabla* / *бла-бла* «пустая речь»; *quaken* / *нудить* «говорить монотонно»; 4) слова клича (подзывные, вокативные, лексические апелленты): *put* / *цып* «для кур, цыплят»; слова отгона (лексические репелленты): *husch* / *кыш* «возглас для отгона птиц и животных»; подражания голосам животных и птиц: *miau* / *мяу* «мяукае»; *blaff*; *klaff* / *гав, ав* «лай собак»; 5) слова с переносным значением: *klapp* / *хлоп* «звук легкого удара, стук» является основой не только глаголов удара *klappen* / *хлопать* «хлопать, стучать».

В словаре отражается усложнение семантики, которая выходит за пределы «звуковых» значений. Ср. *klappen* «идти на лад» (*Die Sache klappt*); «поднимать, откидывать (крышку, воротник и пр.)» (*Er klappte den Kragen seines Hemdes nach innen*); «застукать (кого-л.), схватить, поймать» (*Der Dieb wurde geklappt*); «болтать»; «рот» (*Halt die Klappe!*); «болтуня, трещотка, машинистка» (*Die beiden Klapperschlangen quatschen schon eine geschlagene Stunde im Treppenhaus*); «стрелять» глазами, кокетничать» (*mit den Augen klappern*); «рехнуться» (*Er hat einen Klaps*); «реклама, шума» (*Klappern gehört zum Handwerk*) и пр.

Критериями включения единицы в словарь являются: 1) вхождение единицы в звукоизобразительную систему немецкого языка на основе универсальной классификации онома-топов [1]; 2) звукоизобразительная этимология в одном из

этимологических источников; 3) «звуковое» значение слова, указывающее на акустический денотат.

Сопоставление материала в словаре производится на основании: 1) акустического признака. Так, компактность, диффузность спектра гласного /a-i/ коррелирует с символическим значением большого-малого: нем. *bat* — рус. *бам* «низкий звук колокола»; нем. *bim* — рус. *бим* «высокий звук колокола»; 2) фонемной идентичности: *bäh* / *бе, bum* / *бум, hih* / *ху-ху, kikeriki* / *кукареку, piep* / *нун*); 3) фонестемы. Так, семантический признак «трещать» в немецком имеет начальное /kn/ [2. С. 71–72]. Ср. нем. *knack(s), knick(s), knips*. Для русского языка типичны начальные /xp/, /tr/. Ср. рус. *хрусть, треск*; 4) фонестемной идентичности: *PLumps* / *Плюх*; *KRächzen* / *КаРкать*; 5) фонемотипной идентичности: *KLaP* / *ХЛоп*, *SCHNaPP* / *ЩеЛК*.

Однако не все слова находят свои корреляты в сопоставляемых языках на основании выше-названных фоносемантических критериев, что связано, с одной стороны, со спецификой фонетической системы языка, с другой — с фоносемантическим законом множественной номинации, согласно которому один и тот же денотат может быть номинирован по различным признакам. Так, нем. *Bähschaf* «дурак» (< *bäh* «бэ, бляние овцы» + *Schaf* «овца») мотивировано характеристиками и звуками животного (буквально «похожий на овцу»), а рус. *дурак* (< о.-с. **dur-ь* связано с **du-ti* «дуть» — признаком «надутости»). Различие признаков, положенных в основу номинации в различных языках, не позволяет привести фоносемантически адекватных коррелятов. В таком случае соответствующим переводом на фоносемантическом основании будет не *дурак*, а жаргонно-разговорные пейоративы *овца, баран* и пр., которые также основаны на характерных чертах животного и являются примарно мотивированными. Ср. этимологии: *баран* < 1) о.-с. **borvъ*. см. *боров* < **bher* «резать, колоть» (> «холостить») [4. С. 72]; 2) из подзывн. *ber-*; ср. укр. *брр, бирь*; русск. *бар-бар, быр-быр* [3. С. 123]. Ср. *овца* < о.-с. **ovъsa*. Корень **ov-*, суф. *-ъс(a)*. Ср. о.-с. **ovъль* «баран» [4. С. 592].

На наш взгляд, создание немецко-русского фоносемантического словаря является насущной проблемой не только фоносемантики, но и германистики и русистики в целом. Даже простая фиксация слов звукоизобразительного происхождения, установленных в рамках классической (не фоносемантической) этимологии, позволит представить, какое значительное место за-

нимает звукоизобразительная лексика в составе немецкого лексического фонда. Словарь в общем виде представляет фонд немецких интеръективов, предлагает материал для этимологизирования отдельных немецких лексем, позволяет проследить семантическое развитие отдельных языковых единиц в рамках не только романо-германских, но и индоевропейских языков. Кроме того, Словарь может быть успешно использован для методических и переводческих целей.

Лексикография междометий и ономастопей в данном аспекте позволяет установить универсальные и специфические свойства звукоизобразительности различных языков. Важность подобной фиксации обусловлена тем, что ономастопеи являются теми «языковыми окаменелостями», которые в своей структуре и функционировании сохраняют признаки всех стадий развития

языка, как в генезисе и диахронии, так и в современной синхронии» [5. С. 34].

Список литературы

1. Воронин, С. В. Основы фоносемантики. Л., 1982.
2. Левицкий, В. В. Звуковой символизм: мифы и реальность. Черновцы, 2009.
3. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка. В 4 т. М., 1986-1987. Т. 1.
4. Черных, П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка : в 2 т. М., 1993. Т. 1.
5. Шляхова, С. С. «Другой язык». Опыт маргинальной лингвистики. Пермь, 2005.
6. Шляхова, С. С. Дребезги языка: Словарь русских фоносемантических аномалий. Пермь, 2004.

Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 33 (248). Филология. Искусствоведение. Вып. 60. С. 215–217.

Е. А. Юхмина

ПРОБЛЕМЫ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОГО ОПИСАНИЯ УСТНЫХ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ЕДИНИЦ КОМПЬЮТЕРНОЙ СФЕРЫ ЗНАНИЯ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

В статье рассматриваются проблемы, связанные с созданием словаря компьютерных терминов и единиц интернет-сленга, функционирующих в речи специалистов и рядовых пользователей персональным компьютером. Перечислены основные задачи, которые необходимо решить для составления названного словаря.

Ключевые слова: лексикографическое описание, устные профессиональные единицы, компьютерная сфера знаний, словарь компьютерной лексики.

Лексикографическое описание единиц компьютерной сферы знания стало одним из актуальных направлений в современных лингвистических исследованиях. Первые попытки создания словарей для пользователей компьютера были сделаны еще в 90-е годы XX века. В настоящее время существует большое разнообразие словарей компьютерных терминов и интернет-сленга, как переводных, так и толковых, на бумажных и электронных носителях. Однако данные лексикографические источники в большинстве своем носят познавательный, ненаучный характер. Ввиду того, что круг активных пользователей компьютерных, мобильных и интернет-технологий постоянно расширяется, возникает потребность в хорошо структурированном словаре дескриптивного типа, к которому мож-

но было бы обратиться за толкованием того или иного слова компьютерного языка.

Для того чтобы такая задача была выполнимой, следует создать большую картотеку, источниками которой должны быть современная научная и специальная литература по компьютерной и робототехнике, газеты, журналы (включая электронные), данные сетевых текстов, чатов, блогов, интернет-форумов, устная речь специалистов в различных ее разновидностях. Серьезное значение также имеет проблема смыслового содержания иллюстративного материала, который выполняет важную функцию, показывая сочетаемость слова и его семантические связи с другими словами. Перед началом практического осуществления «нового лексикографического предприятия» (Ф. П. Филин) необ-

ходимо решить ряд проблем, в частности — выбрать целевую аудиторию словаря, решить вопрос о его хронологических рамках, определить состав словника и источники отбора языкового материала, выделить единицу лексикографической обработки и разработать структуру словарной статьи. Остановимся на рассмотрении данных вопросов подробнее.

В качестве основной функции компьютерного словаря можно выделить справочную, первейшую для словаря любого типа. В соответствии с этим определяется и основной адресат словаря — лица, профессионально занимающиеся компьютером, а также массовые пользователи компьютера.

Главной особенностью компьютерных единиц является необычайная скорость их формирования, связанная с темпами эволюции электронных технологий, поэтому было бы неправильно ограничивать хронологические рамки словаря определенными годами. В компьютерном лексиконе имеется постоянный и переменный состав его структуры. В соответствии с этим источниками словаря должны быть компьютерные и сетевые тексты XX–XXI вв. Однако в словарь не следует помещать слова, значения слов, словосочетания и т. п., которые не употребляются в речи специалистов и пользователей компьютера, даже если они имеются в указанных текстах.

Одной из основных лексикографических проблем, возникающих в связи с работой над словарем, является проблема составления словника. Необходимо определить его количественный и качественный состав. В состав словника войдут слова и словосочетания, заимствованные из английского языка (*интерфейс* от англ. *interface*, *сопроцессор* от англ. *coprocessor*), а также русская общеупотребительная лексика, преобразованная в компьютерную посредством метафорического, метонимического переноса и различных способов словообразования (аббревиации: *БД* — *база данных*, суффиксации: *интернет-чик* и др.). Лексемы *гусеница* (поисковый агент), *спать* (находиться в режиме ожидания), *корень* (корневой каталог) иллюстрируют метафорическую номинацию, а единицы *Паскаль* (язык программирования), *мегабайт*, *Макинтош* (вид персонального компьютера) — метонимический перенос. Количество словосочетаний — отдельных словарных входов — должно быть минимальным, т. к. в большинстве случаев словосочетания будут иметь отсылки к словарной статье опорного компонента сочетания.

При составлении словника надо иметь в виду недолговечность некоторых понятий, с исчезновением которых исчезают слова их обозначающие. Единицы *перфокарта* → *перфоленга* → *магнитные ленты* (проф. «катушка», «резина») → *магнитооптический диск* (проф. «мод») → *гибкий магнитный диск* (проф. «флоппи-диск») → *жесткий магнитный диск* (проф. «винчестер», «винт», «хард») → *лазерный диск* (проф. «компакт-диск») → *флэши-диск* (проф. «флэши», «флэшка») отражают смену поколений носителей информации, вызванную лавинообразным ростом скорости ее обработки. Последние четыре словосочетания должны фиксироваться в словаре, т. к. довольно широко употребляются в речи специалистов и пользователей компьютера. Первые три единицы встречаются в отечественных разработках, но являются устаревшими, поэтому в словарь не включаются. В целом, следует придерживаться общих принципов отбора лексики для толкового словаря.

Компьютерная лексика неоднородна по своему составу. Мы выделяем несколько страт в зависимости от степени кодифицированности и информационной содержательности используемых единиц: терминология (*игровая консоль*, *тактовая частота*, *видеопамять*), профессионализмы (*темплейт*, *комодератор*, *геймплад*), сленгизмы (*айпишник* — IP-адрес, *аська* — интернет-пейджер (программа для мгновенного обмена сообщениями) ICQ, *гуглить* — искать в Интернете (при помощи Google)), номенклатура (*процессор Intel® Core™ i7-740QM*, *память 1024 МБ*).

Одной из проблем лексикографической репрезентации единиц компьютерного языка является размытость границ между профессионализмами и сленгизмами. Зачастую трудно квалифицировать те или иные словосочетания и словоупотребления по их принадлежности к той или иной страте. Поэтому представляется целесообразным регистрировать в словаре графические и словообразовательные варианты, а также слова, образованные по продуктивным моделям и относящиеся к указанным двум стратам. Например, рус. *код* — *коддинг* от англ. *code* — *coding*, рус. *автор* — *авторинг* от англ. *author* — *authoring*. Продуктивность выделенного суффикса *-инг-* определяется возможностью образования в русском языке существительных со значением действия, свойственное английским словам с окончанием *-ing*. Также можно выделить суффиксы *-фон*, *-нет*, *-тура*, которые характеризуются высокой встречаемостью в словах компьютерного языка, заимствованных из английского:

-фон- (*смартфон, скайпфон, гуглофон*), -нет- (*ботнет, Интернет, Рунет, скайнет*), -тура- (*гарнитура, клавиатура, тастатура*).

Ввиду того, что заимствование является ведущим способом пополнения русской компьютерной лексики, возникает вопрос о репрезентации в словаре безэквивалентных лексем, таких как *bot, lofting, rendering* и др. Мы его решаем с помощью транслитерации: *бот, лофтинг, рендеринг*.

Словник можно разделить на семь тематически связанных частей в соответствии с лексико-семантическими группами компьютерных терминов:

- устройство компьютера: *банка, винт, компакт, ноут*;
- программное обеспечение: *архиватор, баг, винда, пакер, аккорд, прокси*;
- интернет-коммуникация: *анлим, чат, блог, ссылка, буфер, портал*;
- компьютерная безопасность: *антивирус, антируткит, сплайн*;
- мультимедиа: *аниматор, темплейт, голограмма*;
- субъект взаимодействия: *программер, админ, реаниматор, спаммер, хакер, комодератор, навигатор, юзер*;
- единицы измерения: *гектар, метр*.

Количественный состав словника исчисляется несколькими тысячами единиц. На данном этапе исследования невозможно точно определить количество лексем словаря, т. к. производится отбор языкового материала.

Приведем образцы возможных словарных статей.

Г'аджет м., ед. (Англ. *gadget* → рус. терм. *устройство*) — программное или аппаратное средство, служащее для удобства пользования.
• *Версия USB 3.0 с декларируемым десятикратным повышением скорости передачи ожидается лишь в этом году, а распространение поддерживающих ее гаджетов — еще годом позже* [Компьютерра № 29 (745) / 2008].

Фишинг м., ед. (Англ. *phishing*) — 1. Разновидность интернет-мошенничества; 2. Мошеннические действия, нацеленные на получение конфиденциальной информации с помощью маскировки сообщений электронной почты и веб-сайтов под благонадежные источники; 3. Новый вид банковского мошенничества путем отправления спам-сообщений для получения се-

кретных данных о личных счетах. • *Технические меры, конечно, могут предотвратить часть фишинг-атак, однако важнейшим звеном тут являются люди, предостеречь которых от глупых действий и неверных решений гораздо труднее* [Компьютерра № 29 (745) / 2008].

Чипсет м., ед. (Англ. *Chipset*) — одна или несколько микросхем, специально разработанных для «обвязки» центрального процессора. Они содержат в себе контроллеры прерываний, прямого доступа к памяти, таймеры, систему управления памятью и шиной и другие компоненты, являющиеся своеобразными посредниками между процессором и платами расширения (периферийными устройствами). • *Feature познакомит вас с поддержкой различных процессорных инструкций, Device — с наименованием чипсета, видеокарты и сетевых подключений* [Мой друг компьютер № 11 (56) / 2009].

В представленных выше словарных статьях выделяются следующие элементы: заголовок, пометы, слово-этимон английского языка, толкование, примеры.

Таким образом, осмысление основных проблем лексикографической обработки устных профессиональных единиц является необходимым условием для создания словаря компьютерной сферы знания и будет способствовать адекватному отражению в нем современной ситуации в русском языке.

Список литературы

1. Виноградов, В. В. О некоторых вопросах теории русской лексикографии // Виноградов, В. В. Избр. труды. Лексикология и лексикография. М., 1977. С. 243–264.
2. Гак, В. Г. От толкового словаря к энциклопедии языка (Из опыта современной французской лексикографии) // Известия АН СССР. Отдел. лит. и яз. Т. XXX. Вып. 6. М., 1971. С. 524–530
3. Филин, Ф. П. О новом толковом словаре русского языка / Ф. П. Филин // Известия АН СССР. Отдел. лит. и яз. Т. XXII. Вып. 3. М., 1963. С. 177–189.
4. Шаповал, В. В. Источниковедение и лексикография жаргона // Текст источника как объект анализа для филолога и историка. М., 2001. С. 13–37.
5. Щерба, Л. В. Опыт общей теории лексикографии // Известия АН СССР. Отдел. лит. и яз. М., 1940. № 3. С. 89–117.

ПРОБЛЕМЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ЛИНГВОДИДАКТИКИ

О. В. Артебякина

ФОРМИРОВАНИЕ МАТЕМАТИЧЕСКОГО ЯЗЫКА У СТУДЕНТОВ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ВУЗА

В статье рассматривается сущность понятия «математический язык» как одного из компонентов математической культуры.

Ключевые слова: язык, математический язык, математические символы, математические понятия, математическая культура.

Как отмечает С. И. Ожегов, «язык — это система звуковых и словарно-грамматических средств, закрепляющих результаты работы мышления и являющихся орудием общения людей, обмена мыслями и взаимного понимания в обществе» [1. С. 747], т. е. язык — это основная знаковая система, необходимая для сохранения и передачи информации.

Термин «математический язык» употребляется как обозначение совокупности всех основных средств, с помощью которых выражается математическое знание и осуществляется математическое мышление. В таком употреблении «язык» охватывает оба важнейших проявления речемыслительной деятельности — язык и речь.

Специфика математического языка, в отличие от языков других наук, состоит в том, что он включает в себя, помимо терминов и слов естественного языка, по крайней мере, два подъязыка: символический язык алгебраических формул и язык геометрических фигур, графиков и т. п. Таким образом, названные подъязыки, а также система научных терминов вместе с элементами естественного языка и составляют математический язык.

Овладение математическим языком предполагает сознательное усвоение математических понятий (терминов, символов), их отношений (суждений) и математической речи (устной и письменной) путем целенаправленного руководства этим процессом, предполагающего разработку методики обучения и сознательного усвоения студентами его компонентов.

Знание отдельных математических терминов и символов математического языка не означает, что студент овладел математическим языком. Необходимо сформировать умение с их помощью составлять то или иное математическое предложение, расчленять предложение на отдельные понятия, анализировать его логическую структуру.

На становление и развитие математического языка будущих специалистов оказывают непосредственное влияние язык учебника, преподавателя, а также психолого-педагогической и другой информации.

Известно, что язык — исторически развивающееся общественное явление, творцом и носителем которого является народ. Речь же, будучи явлением индивидуально-психологическим, характеризует практическое владение языком отдельным человеком, т. е. речь — это язык в действии.

Социальная природа языка понимается как диалектическое единство языка и культуры, языка и общества. Речь, являясь средством общения и орудием мышления, является также и средством познания. Особенно это касается письменной речи, так как письменные тексты, материализуя процесс мышления, дают возможность сохранить и передать будущим поколениям знания, приобретенные человечеством. Кроме того, именно письменные тексты играют решающую роль в переходе от коллективной ориентации к индивидуализации мышления.

Таким образом, качество знаний студентов проявляется в умении мыслить, говорить и писать на родном языке. Грамотная, краткая и выразительная речь в значительной степени определяет общее и математическое развитие студентов.

Формирование математического языка осуществимо только в деятельности, которая поддерживается благодаря действию или цепи действий. С. Л. Рубинштейн рассматривал в качестве единицы психического анализа такое действие, которое формируется из определенных мотивов и сосредоточено на выполнении цели. При этом он отмечал: «Ход человеческой деятельности обусловлен, прежде всего, объективной логикой задач, в решение которых включается человек, а ее строение — соотношением этих задач. Единство

деятельности создается, прежде всего, наличием больших задач, подчиняющих себе ряд более мелких, частных задач, входящих в них в качестве звеньев» [2. С. 357] Следовательно, любая деятельность есть решение задач.

С. Л. Костюк, А. Н. Леонтьев и другие ученые, совершенствуя и углубляя идеи С. Л. Рубинштейна, тщательно исследовали такой подход к задаче, с помощью которого она рассматривалась с точки зрения внешних побудителей и внутреннего источника активности. Кроме этого, задача может быть приемом мобилизации активности, если она принята субъектом извне и самостоятельно определена.

Существуют различные варианты классификации задач (Л. В. Кондрашова, В. А. Слассенин, А. В. Усова и др.), и большинство из них направлено на развитие креативной стороны личности. Говоря о математическом языке, выделим языковые задачи, которые будут способствовать формированию математической культуры студентов:

– алгоритмические — задачи, при решении которых необходимо использование определенных схем; задачи, соответствующие начальному уровню овладения понятийно-терминологическим аппаратом; задачи, с помощью которых закрепляются знания математических понятий, символов, суждений и т. д.;

– полуалгоритмические — задачи, в которых требуется отступить от заданной схемы; задачи, требующие более высокого уровня владения понятийно-терминологическим аппаратом; задачи, в которых закрепляется понятийно-терминологический аппарат по заданной теме;

– эвристические — задачи, требующие самостоятельного поиска схемы решения; задачи, в которых определяется максимальный уровень сформированности математического языка; нестандартные задачи, направленные на закрепление понятийно-терминологического аппарата при изучении любой темы курса.

Разумеется, такое деление (по содержанию) является условным: одну и ту же задачу можно отнести в разные группы в зависимости от того,

какую функцию выполняет задача, какая цель ставится в конкретной ситуации.

Естественно, что совокупность задач и заданий не должна быть случайной, она должна представлять собой субординированную систему с научно обоснованной структурой, т. е.:

1. Совокупность задач должна представлять систему, обладающую основными признаками любой системы.

2. При переходе студентов от более низкого уровня развития к более высокому необходимо соблюдать принцип возрастания уровня сложности задач.

3. Система должна обеспечивать осуществление контроля и самоконтроля за развитием математического языка, должна развивать креативные способности студентов.

4. Задачи должны выполнять следующие функции: дополнять, углублять и уточнять теоретические знания; содержать в себе систему, способствующую формированию математического языка.

Резюмируя все сказанное, можно утверждать, что тесная взаимосвязь работы над формами (понятиями, суждениями, умозаключениями) с работой над единицами языка (словами, словосочетаниями, предложениями), развивая математическое мышление и математический язык в единстве, способствует развитию и математической культуры студентов, обеспечивает сознательность и прочность усвоения ими математических знаний и умений.

Список литературы

1. Ожегов, С. И. Словарь русского языка. М.: Рус. яз., 1983. 816 с.
2. Рубинштейн, С. Л. Основы общей психологии. М. : Учпедгиз, 1946. 704 с.
3. Усова, А. В. Формирование у школьников научных понятий в процессе обучения. М. : Педагогика, 1986. 173 с.
4. Монахов, В. М. Формирование алгоритмической культуры школьников при обучении математике / В. М. Монахов, М. П. Лапчик, Н. Б. Демидович, Л. П. Червочкина. М. : Просвещение, 1978. 94 с.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ТЕКСТОВ И ВЫСКАЗЫВАНИЙ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКЕ БУДУЩИХ ПЕРЕВОДЧИКОВ

В статье анализируется использование прецедентных текстов и высказываний в процессе подготовки будущих переводчиков как специалистов по межкультурной коммуникации. Утверждается, что подобные тексты позволяют развивать коммуникативную компетенцию студентов.

Ключевые слова: коммуникативная компетенция, прецедентный текст, прецедентное высказывание, учебный текст.

Одним из основных условий осуществления эффективной межъязыковой и межкультурной коммуникации является сформированное у обучающегося (учащегося или студента) ощущение, что он может свободно пользоваться своим языковым или речевым опытом, т. е. реализовывать свою коммуникативную компетенцию. Анализ работ исследователей (Т. Н. Астафурова, Н. И. Гез, Е. Р. Поршнева) по проблемам коммуникативной компетенции позволяет нам понимать под нею способность соотносить языковые средства с задачами и условиями коммуникации с учетом социальных норм поведения и коммуникативной целесообразности высказывания (цит. по: [4. С. 36]).

Недостаточная языковая подготовка, т. е. недостаточное знание лексики и грамматики, различие менталитетов, незнание истории, быта, традиций другого народа, разный социальный статус общающихся, неумение преодолеть волнение и нервозность, различие в восприятии партнера, осложняют процесс общения представителей различных языковых групп.

В обобщенном виде коммуникативную компетенцию составляют:

знания о системе изучаемого языка и сформированные на их основе навыки оперирования языковыми (лексико-грамматическими и фонетическими) средствами общения — лингвистический компонент коммуникативной компетенции;

знания, умения и навыки, позволяющие понимать и порождать иноязычные высказывания в соответствии с конкретной ситуацией общения, речевой задачей и коммуникативным намерением, — прагматический компонент коммуникативной компетенции;

знания, умения и навыки, позволяющие осуществлять речевое и неречевое общение с носителями изучаемого языка в соответствии с национально-культурными особенностями чужого лингвосоциума, — социолингвистический

компонент коммуникативной компетенции» [1. С. 19].

Ю. Н. Караулов использует понятие прецедентного текста для обозначения одной из актуализирующихся единиц мотивационного уровня языковой личности. Он понимает прецедентный текст как «повторяющийся, стандартный для данной культуры, <...> существующий в межпоколенной передаче текст» [2. С. 54]. Языковым способом выражения прецедентного текста может быть цитата, ставшая крылатым выражением, имя собственное, служащее не только обозначением художественного образа, но и актуализирующая у адресата коннотации, связанные с соответствующим прецедентным текстом [2. С. 54–55].

Интересным представляется случай перераспределения знаков прецедентных текстов из подсистемы одного языка в подсистему другого в многоязычном языковом сознании. В качестве знака прецедентного текста может выступать не только цитата, но и имя персонажа или автора данного текста, причем, как считает Ю. Н. Караулов, «при восприятии названия произведения, цитаты из него, имени персонажа или имени автора актуализируется так или иначе весь прецедентный текст» [2. С. 218]. Однако «в дискурс языковой личности прецедентный текст редко вводится целиком, а всегда только в свернутом, сжатом виде — пересказом, фрагментом или же <...> намеком — семиотически» [2. С. 218]. Ситуация перехода знака русскоязычного прецедентного текста в англоязычную «систему координат» не всегда может быть отнесена к ситуациям интерференции, но в случае интерпретации высказываний с подобными знаками носитель английского языка вряд ли полностью сможет восстановить весь прецедентный текст. Например, ассоциативная реакция *Education — celebration*, помимо звукового подобия лексем, в своей основе имеет отсылку к известному кинотексту 1970-х годов «Операция «Ы» и дру-

гие приключения Шурика» (*education — examination — professor — student — celebration*): «Профессор, экзамен для меня — всегда праздник». Данный ассоциативный ряд может быть восстановлен лишь интерпретатором, принадлежащим к русскоязычной культуре.

Таким образом, реализация лингвистического и прагматического компонентов коммуникативной компетенции студентов в учебных ситуациях межкультурного общения должны происходить с обязательным учетом третьего, социолингвистического компонента коммуникативной компетенции.

Мы предлагаем проектировать содержание профессиональной подготовки будущих переводчиков на основе включения прецедентных текстов и высказываний, обеспечивающих диалог культур. Включение прецедентных текстов и высказываний, обеспечивающих диалог культур, в содержание профессиональной подготовки будущих переводчиков позволяет пересмотреть систему традиционных материалов, текстов и упражнений, при помощи которых до сих пор осуществляется иноязычная подготовка студентов в системе высшего профессионального образования (Н. К. Иванова, В. Н. Мильцин, В. В. Сафонова, Е. А. Суринова и др.). Особое внимание следует обратить, прежде всего, на определенный корпус прецедентных текстов, которые представляют собой парадигму эталонных текстов национальной культуры. Именно к ним часто апеллируют носители языка, и на их основании можно сделать выводы об определенных чертах характера, поступках, действиях, осуждение или поощрение которых отражено в системе языка. Обращение к прецедентным текстам может многократно возобновляться в процессе коммуникации через связанные с этим текстом прецедентные высказывания или прецедентные имена. Таким образом, существует возможность предъявлять для восприятия студентов наиболее адекватную, соответствующую в большей мере реальной, инокультурную действительность. Подобным способом мы реализуем действия по развитию коммуникативно-интерактивной компетенции будущих переводчиков.

В этой связи мы считаем оптимальным строить методику обучения исходя, в первую очередь, из лексико-семантической составляющей, то есть располагая учебный материал традиционно, тематически, применяя в качестве базы обучения аутентичные прецедентные тексты либо прецедентные высказывания.

Корпус прецедентных текстов включает в себя следующие компоненты: 1) идиомы, пословицы и поговорки, афоризмы, фоновую лексику; 2) правила/нормы речевого и неречевого поведения и этикет; 3) страноведческие сведения; 4) реалии: общественно-политические, социальные и бытовые; 5) праздники и традиции; 6) систему морально-этических и эстетических ценностей, приоритетов, ориентиров, критериев и норм; 7) произведения национальной культуры и искусства; 8) художественные тексты, представляющие собой сложное и многомерное явление национальной литературы.

С точки зрения обучения каждый из данных пунктов может быть реализован с помощью учебного текста. Применение прецедентных текстов (ПТ) и прецедентных высказываний (ПВ) уместно совмещать с использованием аутентичных текстов. При этом работа с текстами может иметь как традиционный характер (чтение, перевод, пересказ, ответы на вопросы, составление вопросов и т. д.), так и иной. Например, текст может быть обработан с помощью прецедентных текстовых высказываний, вводимых в речь в измененном виде — цитатой, намеком, вырванным из контекста словом или фразой. Хорошие возможности для применения ПТ и ПВ дает диалогическая форма речи, например, беседа по прочитанному материалу, обсуждение, конференция, круглый стол и пр.

Активное использование ПТ и ПВ в процессе развития коммуникативно-интерактивной компетенции будущих переводчиков и дальнейшее применение их в реальной коммуникации может служить хорошей базой для профессиональной межкультурной коммуникации.

На первом этапе — этапе предъявления текста — полезно оперировать прецедентными высказываниями в качестве задания «прочитать», «прослушать». Второй этап — формирование подтем — предполагает выражение личностного отношения к тексту, а через него к общей теме. Могут быть выполнены следующие действия в начале второго этапа: 1) информация о наличии подтем, например: «*The text contains some clues... etc.*»; 2) концентрация подтемы в одном слове: «*Can we describe the idea of the text in one word?*»; «*I believe it's about ...*»; «*In my opinion it's...*» + подтема. 3) выражение подтемы посредством ПВ или ПТ: «*There's a saying, a proverb about...*»; «*N said that + ПВ*»; «*I've found a saying ...*» etc.

Третий и четвертый этапы — обсуждение подтем — состоит в основном из речевых упражнений (выражение собственного мнения),

направленных на формирование отношения к сказанному другими. Примерные действия: 1) информация о существовании нескольких мнений относительно одной подтемы: «*We have got several opinions on the point...*»; «*A says that...*»; «*B thinks that...*»; «*C considers that + ПВ*»; 2) выяснение причин каждого конкретного мнения: «*Can you explain why you think so?*»; 3) выражение согласия/несогласия с чьим-либо мнением: «*Do you agree?*»; «*Opponents of this view say that...*»; «*Many people are in favour of/against...*» и т. п.

Поскольку «фоновая информация», стоящая за прецедентными именами, может вызвать у студентов трудности при анализе их употребления в рекламных текстах, художественных произведениях и газетных статьях, в речи носителей языка, то целесообразно было бы в ходе работы с прецедентными явлениями использовать систему понижения трудностей — с помощью специальных предтекстовых и послетекстовых комментариев, при обращении к специальным словарям «культурных знаний», содержащих интерпретацию многих национально-прецедентных феноменов.

Список литературы

1. Гальскова, Н. Д. Теория обучения иностранным языкам: лингводидактика и методика : учеб. пособие / Н. Д. Гальскова, Н. И. Гез. М., 2004. 334 с.
2. Караулов, Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М., 2002.
3. Кабардов, М. К. Коммуникативные и когнитивные составляющие языковых способностей: индивидуально-типологический подход : дис. ... д-ра психол. наук. М., 2001. 354 с.
4. Поршнева, Е. Р. Междисциплинарные основы базовой лингвистической подготовки специалиста-переводчика : дис. ... д-ра пед. наук. Казань, 2004. 425 с.
5. Суслова, О. В. Развитие коммуникативно-интерактивной компетенции у студентов вузов : автореф. дис. ... канд. пед. наук. Уфа, 2007. 29 с.
6. Хуторской, А. В. Ключевые компетенции как компонент личностно-ориентированной парадигмы образования // Нар. образование. 2003. № 2. С. 58–64.

Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 33 (248). Филология. Искусствоведение. Вып. 60. С. 222–224.

А. С. Бовшик

АНАЛОГОВАЯ И СЕМИОТИЧЕСКАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ В АСПЕКТЕ ЛИНГВО-СЕМИОТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

Статья посвящена теоретическому обоснованию двух типов репрезентации (аналоговой и семиотической) на уровне денотации применительно к лингво-семиотическому анализу. Уточняются понятия презентации и репрезентации, показывается функциональная значимость модифицированной понятийной оппозиции.

Ключевые слова: презентация, аналоговая/семиотическая репрезентация, денотативное/коннотативное значение, вербальный/изобразительный текст.

Репрезентация является центральным понятием общей теории знаков. Несмотря на то, что содержание понятия репрезентации нестабильно, часто меняется в зависимости от «школы» и эпохи, можно попытаться дать ему определение, полагаясь на внутреннюю форму латинского слова «*repraesentatio*».

Так, не будет ошибкой, если мы назовем репрезентацию представлением, точнее — «представлением одного в другом и посредством другого» [3. Р. 5]. Добавим к этому то, что представление может пониматься как в отношении реципиента (собственно представление), так и в от-

ношении адресанта (выражение), являть собой одновременно и процесс и результат действия.

Дополнительно вводя понятие презентации (как неотъемлемый элемент бинарной оппозиции), мы подчеркиваем наиболее важный аспект репрезентации: она оказывается значима постольку, поскольку апеллирует к тому, что не покрывается одним лишь наличием. Именно выход за пределы презентации (данности, наличия) конституирует появление репрезентации.

Презентация, понимаемая буквально («*praesentia*»), напротив, представляет собой наличие и присутствие. Таким образом, присутствие объ-

екта, взятое в отвлечении, и будет совпадать с чистой презентацией

Главный вопрос, который возникает в связи с этим определением, касается принципиальной возможности/невозможности внекодowego восприятия.

Ведь код, или «метаинформация» (см. [2]), определяемая как информация о способах и методах переработки информации, то есть как некий установившийся «тезаурус приемника» [2], совсем не обязательно должен быть конвенциональным (языковым/основанным на языке). В пользу кода, или «метаинформации», говорит также *принципиальное* понимание через узнавание («код узнавания»). Так, презентация приобретает статус репрезентации уже в ходе *простого повторения*. Кроме того, если какой-либо объект представляется неузнаваемым, он *все равно интерпретируется* (иначе говоря, модифицируется), исходя из уже имеющихся знаний.

Отрицая внекодowego восприятие, мы отрицаем презентацию, признавая практическую невозможность презентации, мы имеем дело только с «миром как представлением». Однако далее, доходя до крайнего логического отрицания объективного мира, мы вынуждены также прийти и к самоотрицанию. И именно в этот момент мир, редуцированный до представления, вновь разворачивается перед мыслящим субъектом во всем многообразии, требуя мысленного разделения на внутреннее и внешнее, на субъект и объект, на презентацию и репрезентацию.

Требуется понять, что мышление, будучи совершенно по ту сторону субъекта и объекта, не является субъективным, ведь оно само стоит в основании этих и других понятий. Человеческое сознание, таким образом, является местом встречи понятия (репрезентации) и наблюдения (презентации), посредником между мышлением и наблюдением.

Таким образом, несмотря на то, что акцент с реальности как присутствия в современной парадигме знания небезосновательно переносится на репрезентации и на репрезентации репрезентаций, понятие презентации необходимо хотя бы для того, чтобы указать на *«пассивное» соприкосновение с объектами*.

Деконструкция классической понятийной оппозиции презентация-репрезентация не отражается на «здоровом смысле», но меняет отношение к истинности любого анализа, разрушает противопоставление истинного и ложного, указывая также и на альтернативные линии развития («перспективизм», см. [1]).

Следует говорить о принципиальной включенности *любой презентации в состав репрезентации* применительно к семиотическому целому — за счет опосредованной сцепленности с другими элементами (пропозиция, дискурс), структурного повторения или включения в коннотативную «символическую» область значения.

Применительно к лингво-семиотическому анализу, понятие презентации может понадобиться для обозначения «шумов» (отвлекающих и рассеивающих внимание раздражителей, в потенциале приводящих к феномену «поверхностной коммуникации»), либо изобразительного элемента до предметного «схватывания» его образа реципиентом и включения в осмысленную композицию.

В данном случае мы принимаем за отправную точку рассуждения то, что репрезентация именно *приходит на смену* презентации, то есть буквально может отставать от нее во времени и появляется по причине отсутствия объекта в самый момент его репрезентации. Установить, когда именно происходит этот «момент сдвига» и конституирования денотативного значения, крайне сложно. Более того, есть примеры, когда никакого сдвига (в сторону денотативного значения) и вовсе не происходит.

Это не означает, что механизм репрезентации вообще не запускается, но происходит это сразу на коннотативном уровне репрезентации, минуя денотативный уровень (например, недоступный прочтению фрагмент иероглифического письма и его «китайскость»; полотна беспредметной живописи и их глубоко интеллектуальная интерпретация).

Бывает и так, что сильная «оптическая иллюзия» не позволяет разглядеть в объекте знаки подобия (явление гиперреальности; эффект, который произвела кинолента “L’Arrivée d’un train en gare de la Ciotat” на первых зрителей).

Так, разницы между реальностью реального и виртуального объектов *для нас* может и не существовать, даже в виде тонкого намека на «реалистичность». «Мозг в пробирке» (в декартовской парадигме восприятия) теоретически может наблюдать, например, и некоторые иконические подобия, но теперь уже внутри иной реальности (гиперреальности).

Наше решение состоит не в том, чтобы принципиально отказать в праве на существование репрезентациям такого характера (опять же имеется в виду только денотативный план содержания), но в том, чтобы отличить их от тех других, которые становятся предметом семиотического анализа.

Мы уже упоминали о том, что репрезентация задается через диалектику присутствия и отсут-

ствия. Однако соотношение этих категорий в каждом отдельном случае неравное.

Так, например, «реальный стол», как и «стол-изображение», конституируется «кодом узнавания»: воспринимается через сходства и различия с абстрактными схемами (прототипами), со «списками» отдельных свойств (атрибутами, предполагаемыми, в том числе, оперирование вербальными структурами), образцами (прототипами в виде конкретных объектов). Все эти элементы формально отсутствуют в момент узнавания. Однако в данном случае речь идет скорее о том, что можно было бы обозначить как «аналоговая репрезентация» (коннотативный «символический» уровень оставим вне рассмотрения): в сознании имеются аналоги наблюдаемых объектов или их отдельных свойств, однако акцент делается именно на самом объекте, находящимся в поле зрения.

Совсем иначе обстоят дела в ситуации зависимо-подобия, иначе распределяется значимость между присутствующими и отсутствующими фигурами сообщения. Причем для репрезентации, понимаемой в нашем смысле, главенствующим началом является именно отсутствие (отсутствующий объект или же его свойство).

«Несовершенство» репрезентации (как выражения) частично гарантирует ей успех в смысле репрезентативности (на уровне представления): отсутствие будет напоминать «зияющую рану», а знаковая (свойство семиотической репрезентации) — определяться через нехватку и фрагментарность.

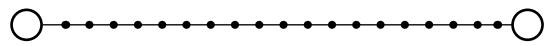
В этой связи определяющим моментом для различения двух видов репрезентаций может стать принцип «самодостаточности».

Так, если презентация в абсолюте должна представлять полностью самореференциальное образование, быть равной самой себе, то непосредственная (аналоговая) репрезентация объектов реальности или «совершенной» виртуальности к ней приближается.

При рассмотрении феномена репрезентации в связи с человеческой изобразительной коммуникацией имеет смысл выделить два абсолютных полюса, где денотативная репрезентативность как бы растворяется, становится трудноопределимой. Во-первых, это предельный схематизм (доходящий до «беспредметности»), во-вторых, опять же предельная («молчаливая») виртуальность. И тот, и другой полюс «самодостаточны», обращаются только на самих себя. Для того чтобы возник «дефицит» как ощущаемый недостаток, требуется отойти от предела и оказать ся на оси между двумя названными полюсами.

От специфики соотношения схематизма и виртуальности будут зависеть получаемые в результате формы денотативной репрезентации, их знаковый характер.

Предельный схематизм



Предельная («молчаливая») виртуальность

В определенном смысле недостаточность является необходимым условием денотативной «семиотической репрезентации» (в отличие от денотативной «аналоговой репрезентации»).

(Заметим, что аналоговая репрезентация семиотизируется с переходом на уровень коннотативного осмысления.)

«Схватывание» «буквального» денотативного значения происходит немедленно, однако порой, даже не прибегая к помощи специальной техники, мы в состоянии самостоятельно зафиксировать момент узнавания предметных форм, связанный с переходом от «беспредметности». На примере отдельных изображений мы сами можем убедиться в том, что «фактичность» первична по отношению к осмысленной композиции.

Особенно очевиден момент схватывания в так называемых «переворачивающихся картинках».

Процесс конституирования репрезентации не всегда очевиден для наблюдателя, однако нам такая неопределенность даже выгодна. Ведь тогда можно говорить о той или иной степени условности/близости к «оригиналу», что не может быть совершенно безразличным для общего понимания. Однако схема семиотической репрезентативности (для денотативного уровня), очевидно, относится только к изобразительному ряду.

Что же касается графического вербального текста, то эффективность перехода к денотативному значению будет зависеть как от сложности лексической единицы (узнавания ее реципиентом), так и от «прозрачности» и сбалансированности графических вербальных единиц, то есть меры, в которой начертание (верстка) текста располагает к реализации «эффекта закрытых глаз».

Список литературы

1. Ницше, Ф. Воля к власти. М., 1994.
2. Шрейдер, Ю. А. Информация и метаинформация // Научно-техническая информация. Сер. 2. Информационные процессы и системы. М., 1982. С. 3–10.
3. Mitchell, W. J. T. Picture theory. Essays on verbal and visual representation. Chicago, 1994.

ПРОБЛЕМА ИССЛЕДОВАНИЯ ГРАММАТОЛОГИЧЕСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ В ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

В статье анализируется проблема квалификации грамматологических фразеологизмов, делается обзор научных работ, рассматриваются перспективы дальнейшего исследования алфавитных систем.

Ключевые слова: письмо, алфавит, грамматология, буквенное значение, алфавитный (грамматологический) фразеологизм.

Современная традиционная философия определяет, что общественное сознание осуществляется на разных уровнях (теоретическое и обыденное сознание, идеология и общественная психология) и в разных формах (политическое и правовое сознание, мораль, религия, искусство, философия, наука, мифология). Несомненно, что общественное сознание связано с духовной жизнью общества и его порождением — духовной культурой. Письмо является производной частью культуры и потому существует в тех же формах, что и общественное сознание. Наше определение утверждает возможности и права существования разных значений одной и той же культурной составляющей (письма, алфавита как части письма) в разных формах общественного сознания. Отрицание этих возможностей и прав ведет к реализации этноцида, т. е. «уничтожению культуры народа, но не физическому истреблению самих людей» [4. С. 75].

Заметим, что алфавит, будучи системой, возникшей и осмысливаемой в недрах общественного сознания по способу своего возникновения и бытия никогда не ограничивается одной формой общественного сознания, ибо письмо (и его алфавит) связано с языком, и где деятельность языка, там и является когда-нибудь письмо с его постоянно и непрерывно достраиваемыми значениями и непростыми смыслами. Проблема современной грамматологии состоит в том, что исследователи находят новые и/или прежде забытые значения письменных алфавитных знаков, которые нельзя отнести к строгой сфере научной рациональности. Так, буквенные значения из различных религиозных форм (скандинавские и германские руны, знаки из Тантры, Кабалла, мандейский алфавит «абага» и т. п., см. работы А. М. Кондратова) не являются по существу многочисленными исключениями, поскольку рамки современной теории письма весьма заужены и оторваны от многообразной жизни общества в истории.

Значения букв, объяснимые в формах искусства и мифологии, мы находим в коллекциях Ф. И. Буслаева, К. А. Кедрова, Вяч. И. Иванова, Д. Н. Овсяннико-Куликовского, М. М. Маковского. Переводы слов — имен кириллических букв, начатые еще А. С. Шишковым и продолженные в XX веке Е. М. Верещагиным, являются восстановлением связи кириллической азбуки с философией и религией IX в. И, конечно же, объяснение этих слов как мнемонической считалочки не исчерпывает смысла их значения и является, собственно, внеисторическим поверхностным определением.

Наконец, геральдические мотивы в буквенных значениях гражданицы XIX века (кстати, метафора А. С. Пушкина) соединяют и форму идеологии, и эйдосы политической мифологии в стихотворных символах Вяч. И. Иванова (см. работы Л. М. Грановской). Даже малоприметная реакция народа на алфавитные реформы в России в XVIII и XX веке обнаруживает глубинные связи письма (алфавита) с разными формами протекания духовной общественной жизни, не ограниченной рамками науки. Речи охранителей и консерваторов отмечаются не только в России. История письма Англии, Франции, провалившаяся реформа Мао в Китае и многое иное утверждают многосложность и многоуровневую связь письма (алфавита) с разными формами общественного сознания. Таким образом, современной грамматологии, теории письма не следует ограничиваться изучением алфавита в рамках значений научной формы общественного сознания, ведь большое число исключений требует расширения объекта изучения буквенных значений в иных формах общественного сознания, иначе такая теория определяется в границах исторического планирования и реализации вышеупомянутого этноцида.

Мы предполагаем дать реальное определение той части множества фразеологизмов, которые существуют в языке благодаря алфавитам и их

текстам. Под *фразеологизмом* нами понимается семантически связанное, слитное, нечленимое, устойчивое сочетание слов и предложений, которое, в отличие от сходных с ним по форме синтаксических структур, не производится в соответствии с общими закономерностями выбора и комбинации слов при рождении высказывания, а воспроизводится в речи в закреплённом соотношении семантической структуры и определённого лексико-грамматического состава [2. С. 80; 5. С. 559].

Сравним, например, выражения: *писать ногами мыслёте* и *писать ногами* букву, *стоять фертом* и *стоять* прямо. Выделенные слова в первом словосочетании не имеют собственного значения: *писать* здесь не значит 'изображать какие-либо графические знаки на ч.-л.'. Кроме того это слово, не имея собственного значения, нуждается в соединении с определёнными словами, в итоге чего и возникают устойчивые словосочетания, передающие нечленимое, единое для всего словосочетания значение: *писать ногами мыслете* — 'быть пьяным', *стоять фертом* — 'важничать'. Так значение фразеологизма не делится на части, соответствующие частям его внешней формы, к тому же значение фразеологизма обычно не вытекает из сложения значений отдельных слов, так как не осознаётся говорящим, какое отношение к значению 'важничать, красоваться' имеют слова *стоять* и *ферт* (слово *ферт* нам непонятно и вряд ли было понятно многим сто лет назад); не знаем мы, как получается значение 'быть пьяным', если соединить слова *писать ногами* и *мыслете*, и т. д. Отличие свободного словосочетания от фразеологизма заключается в том, что слова являются членами свободных сочетаний, где они имеют свое собственное значение. Такие слова соединяются по выбору говорящего не только одно с другим, но и со многими другими словами данного языка. В свободных словосочетаниях значения отдельных слов складываются, а общее значение словосочетания достаточно ясно вытекает из значений соединяемых слов. В свободном словосочетании налицо соответствие между членимостью формы и содержанием [2. С. 80]. Иначе с фразеологизмом, который подобен отдельному знаменательному слову, что даёт право утверждать о равноценности фразеологизма слову, их возможной содержательной, смысловой, функциональной соотносительности.

Значимо, что фразеологизм, с одной стороны, может быть использован как основа в интерпретации алфавита, а, с другой стороны, этот осо-

бий фразеологизм собственно оказывается порождением алфавита, как некоей культурной постоянной или текста, являющегося источником словообразования в языке. В своей истории русский язык испытал влияние, вполне взаимное, не менее трёх алфавитов (кириллицы, имперской гражданницы с XVIII по XX в. и советской гражданницы с 1918 г. по настоящее время, ведь мы продолжаем пользоваться реформированным советским алфавитом), не следует забывать в этом длящемся контексте ещё и греческий алфавит.

Анализ содержания фразеологизмов русского языка (приблизительно с XIII в. и по настоящее время) позволяет обратить внимание на алфавит как на словообразовательный источник, включая не замечаемые многими исследователями графические образы письменных знаков. Известно, что буквенные наименования с древних времен использовались в языке для создания новых слов и выражений. Так, слово «алфавит» образовано от названий первых двух букв древнегреческой азбуки: альфа и бета (или вита, по византийскому произношению β). Слово «азбука» образовано сходным образом от кириллических буквенных имен: А (азь) и Б (буки). В XIX веке часто употреблялось выражение «альфа и омега», заимствованное из греческого текста Апокалипсиса: «Я — Альфа и Омега, начало и конец» (Откр.1: 8). Подобным же образом была введена семантическая аналогия в русский язык: «от аза до ижицы». Выражение, образованное от названий первой и последней букв кириллической или глаголической азбуки, через советскую гражданницу проникло в современный русский язык: «от а до я» [1], где «а», «бэ», «вэ»..., «я» также, собственно, являются именами букв. Имя первой кириллической или глаголической буквы отражено в следующих фразеологизмах: «начинать с азов» ('начинать с самого простого'), «познать азы» ('изучить науки, ремесла').

Очевидно, что наш народ в своем языке воспринял имена букв как слова, ставшие, в силу переосмысления их графических образов или начерков, неотъемлемой частью фольклора и родного языка. Важно отметить, что графическая форма, буквенный образ давали мощный творческий импульс многочисленным ассоциациям, порождающим весьма выразительную и емкую фразеологию.

Фразеологический состав языка — «наиболее специфическая для данного языка часть лексикона. Постоянно пополняясь новыми единицами, фразеологический состав отражает и накапливает культурно-исторический опыт на-

рода, а также особенности исторических законов развития данного языка» [5. С. 560]. Такой богатый материал свидетельствует о глубоком вращении алфавита как некой культурной постоянной, существующей в течение нескольких столетий,— в русский язык. По нашим подсчетам, количество русских алфавитных фразеологизмов составляет более 180 единиц. При таком соотношении общественное сознание, влияя на культурные константы, одновременно делает их своим содержанием и неким своеобразным зеркалом, находя в этом все новые и новые смыслы существования в определенных образах бытия и времени.

Исходя из вышесказанного, можно предложить следующее реальное определение данного вида фразеологизмов, с опорой на схему В. П. Жукова [3. С. 6]. Алфавитный фразеологизм —

устойчивая и воспроизводимая раздельноформенная единица языка, включающая в качестве компонентов имена букв, при этом необходимо наделенная целостным или частично целостным значением и сочетающаяся с другими словами.

Список литературы

1. Барандеев, А. В. От буквы к термину // Рус. речь. 1993. № 6. С. 89–92.
2. Головин, Б. Н. Введение в языкознание. М., 1983. 231 с.
3. Жуков, В. П. Семантика фразеологических оборотов. М., 1978. 160 с.
4. Словарь по правам человека / сост. Алберт Джей Джонгман, Алекс Пи Шмид. М., 1997. 75 с.
5. Телия, В. Н. Фразеологизм // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990. С. 559–560.

Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 33 (248). Филология. Искусствоведение. Вып. 60. С. 227–229.

Н. С. Бурганова

МАТЕРИАЛЫ СМИ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ИНОЯЗЫЧНОЙ ПОДГОТОВКЕ СТУДЕНТОВ СПЕЦИАЛЬНОСТИ «ФИНАНСЫ И КРЕДИТ»: КОГНИТИВНЫЙ ПОДХОД

В статье рассматриваются особенности когнитивного подхода к профессиональному образованию студентов-экономистов. Внимание уделяется чтению как главной цели обучения иностранным языкам. Устанавливается значение массмедийных средств в профессиональной подготовке студентов.

Ключевые слова: профессионально ориентированное обучение, новостной текст, культура мышления.

Современные процессы общемировой интеграции, расширения межнациональных и межкультурных связей выдвигают новые требования к подготовке выпускников высших учебных заведений. Человек, оканчивающий высшее учебное заведение, должен не только обладать знаниями и умениями, необходимыми для будущей трудовой деятельности, но и быть готовым к профессиональной реализации себя в новых условиях меняющегося мира, быть конкурентоспособным. Потому среди стратегических задач развития системы высшего профессионального образования выдвигается задача формирования конкурентоспособной личности.

Конкурентоспособная личность, как показали специальные исследования, это не одно качество,

а интегральная характеристика, включающая в себя следующие особенности личности: 1) высокий уровень работоспособности; 2) стремление к качественному конечному результату; 3) стрессоустойчивость; 4) творческое отношение к делу; 5) стремление к профессиональному самосовершенствованию; 6) коммуникативность, способность к кооперации, сотрудничеству; 7) способность к быстрому освоению нового дела; 8) способность к самообразованию [1. С. 332]. При этом творческое саморазвитие — это не самоцель, а выведение личности на новый, более высокий уровень творческой готовности к решению жизненно важных для нее задач и проблем.

И потому все более актуальными в системе высшего профессионального образования

становятся положения когнитивного подхода на основе активизации и развития когнитивных процессов (восприятия, внимания, способности к репрезентации знаний, памяти, мышления и т. д.). Обучение, опирающееся на комплекс познавательных процессов, учитывающее их особенности, позволяет развивать речемыслительные способности будущих специалистов, актуализирует их личностный потенциал.

Когнитивные процессы способствуют качественному преобразованию всех видов информации, репрезентаций и знаний. Это, в свою очередь, приводит к овладению процессом познания, к семантическому анализу разных видов знаний, к развитию мыслительных процессов и упрочению позитивной мотивации в профессиональном образовании.

Всё это позволяет трактовать когнитивный подход как методологически значимый в системе профессионального образования, соответствующий современному представлению об учащемся как активном субъекте познания и отвечающий общей тенденции движения теории обучения в направлении разработки механизмов развития и активизации познавательной деятельности.

Идеи когнитивно-коммуникативного подхода к образовательному процессу представлены в трудах Н. В. Барышникова, И. Л. Бим, М. Л. Вайсбурд, И. Н. Верещагиной, А. А. Лентьева, И. Ю. Мангус, С. Ф. Шатилова, А. В. Щепиловой и др.

Любой специалист в процессе профессиональной деятельности испытывает необходимость в получении новейшей информации по своей специальности, значительная часть которой представлена на иностранном языке.

Принимая во внимание изменившийся статус иностранного языка как средства общения и взаимопонимания в мировом сообществе, современная методика обучения иностранным языкам особо подчеркивает необходимость усиления прагматических аспектов изучения языка. Современность предъявляет все более высокие требования к обучению практическому владению иностранным языком в повседневном общении и профессиональной сфере.

Иностранный язык является одним из востребованных предметов в неязыковых вузах. Знание и владение одним или двумя иностранными языками дает студенту возможность не только получать профессионально-значимую информацию, но и узнавать особенности культуры и традиций страны изучаемого языка, расширять собственный кругозор, формировать способности

к принятию самостоятельных, нестандартных решений, проходить повышение квалификации в стране изучаемого языка.

В довольно сложных условиях обучения иностранному языку в высшей школе не представляется возможным обучить студентов всем видам речевой деятельности на коммуникативно-достаточном уровне. Специфика и реалии вузовского курса иностранного языка, особенно если речь идет о заочном либо очно-заочном обучении, где количество аудиторных часов весьма ограничено, вынуждают конкретизировать и уточнить целевые установки, сконцентрировав содержание обучения иностранному языку на чтении и работе с текстом.

В соответствии с программой по иностранному языку для студентов неязыковых специальностей владение всеми видами чтения литературы разных функциональных стилей и жанров является одной из задач обучения иностранному языку [2. С. 20].

Проблема обучения чтению достаточно полно исследовалась в трудах отечественных и зарубежных специалистов. Вопросы обучения профессионально ориентированному чтению в неязыковых вузах рассматривались в исследованиях А. Я. Багровой, И. М. Бермана, А. В. Войновой, М. В. Ляховицкого, Т. Г. Клепиковой, Э. П. Комаровой, Т. Ю. Поляковой, Т. С. Серовой, Г. И. Славиной, С. К. Фоломкиной, Н. И. Шевченко, С. Г. Улитиной и др.

В современном мире владение чтением на иностранном языке становится насущной потребностью, т. к. в некоторых областях (в частности, в экономике) происходит активное взаимодействие с зарубежными компаниями, идет обмен информацией, опытом, ведется деловая переписка. Доступными становятся не только традиционные печатные источники информации, но и электронные.

Интенсивное развитие сети Интернет позволяет огромному количеству специалистов из самых разных стран свободно общаться, устанавливать взаимовыгодные контакты, обмениваться знаниями, оперативно и быстро реализовывать свои коммуникативные интенции, решать профессиональные задачи. Способность адекватно воспринимать текстовый материал на иностранном языке (как правило, английском) напрямую зависит от сформулированности навыков и умений чтения.

Процесс обучения чтению текстов по специальности на экономических факультетах должен вестись целенаправленно на основе специ-

ально отобранных текстов, соответствующих критериям аутентичности, профессиональной направленности, и содействовать созданию положительной мотивации учения.

Наиболее оптимальным в современных условиях является использование материалов из англоязычной периодической печати. Новостные статьи насыщены как специальной терминологией, так и общеупотребительной лексикой, что способствует повышению не только профессиональной, но и социокультурной компетенции обучающихся.

При этом текст массмедиа решает основные психологические (привлечение внимания, оптимизация восприятия информации, принятие содержания текста адресатом) и когнитивные задачи (уровень осознания как самого материала, так и действий с ним).

В массмедийном дискурсе традиционно выделяют три группы текстов: информационные (заметка, информационная корреспонденция, информационный отчет, информационное интервью, блиц-опрос, репортаж, некролог), аналитические и художественно-публицистические. В основе данной жанровой классификации массмедийных текстов лежит способ отображения автором действительности: фактографический, аналитический и наглядно-образный.

Новостной текст, как наиболее часто применяющийся на занятиях иностранного языка, относится к информационным жанрам, так как его прагматическая задача заключается в информировании о событиях и фактах, свершившихся или свершающихся в реальном мире, т. е. текстовая информация является базовым компонентом его содержательно-фактуальной организации.

Тексты, относящиеся к информационным жанрам, в количественном отношении составляют основную часть массовых информационных потоков как периодической печати, так и сети Интернет.

Такого рода тексты выступают основными носителями оперативной информации, позволяющей аудитории осуществлять своего рода постоянный мониторинг наиболее значимых, интересных событий, в том числе языковых реалий, в той или иной сфере действительности, профессиональной направленности.

Методическое содержание работы с иноязычным, в том числе газетным, текстом довольно подробно описано в статьях Г. В. Роговой, Ж. И. Мануэльян, О. Н. Жердовой. Чтению текста, по их мнению, должна предшествовать работа по снятию лексико-грамматических трудностей: часто правильному пониманию текста может препятствовать незнание реалий той страны, где произошло событие.

Владение чтением материалов СМИ на иностранном языке позволяет специалистам получать новые знания, оценивать зарубежный опыт по интересующим проблемам, формировать культуру мышления.

Чтение новостных статей на иностранном языке представляет собой эффективное средство ориентации личности на непрерывное образование, поскольку оно способствует развитию мыслительных процессов, формирует умение самостоятельной работы с источниками информации (печатными, электронными), а заложенная в процессе обучения потребность в получении новой информации поддерживает устойчивый интерес к систематическому чтению иностранной литературы, материалов массмедиа по специальности.

Список литературы

1. Андреев, В. И. Педагогика высшей школы. Инновационно-прогностический курс. Казань, 2005. 332 с.
2. Примерная программа дисциплины «Иностранный язык» федерального компонента цикла ОГСЭ в ГОС ВПО второго поколения. М., 2000. 20 с.

ФОНЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ

В статье рассматривается проблема «профессионального билингвизма» с фокусом на фонетическом аспекте иноязычной речи в ситуации профессиональной коммуникации; подчеркивается необходимость целенаправленного обучения фонетике речи в условиях аудиторного билингвизма при обучении иностранному (английскому) языку.

Ключевые слова: профессиональная коммуникация, профессиональный билингвизм, обучение нормативному произношению.

В условиях глобализации сфер экономики, финансов, информационных и интеллектуальных технологий, науки, культуры, образования билингвизм становится нормой профессионального общения. Феномен *профессионального билингвизма* пока не получил достаточно глубокого осмысления. Это касается, с одной стороны, специфики языковой личности двуязычного специалиста, а с другой, особенностей его билингвального профессионального общения. Языковая личность рассматривается как индивид с точки зрения его способности и готовности осуществлять речевые поступки, принимать (распознавать) и создавать произведения речи [1].

Как известно, в современной ситуации значительная часть профессиональной коммуникации в мире осуществляется при помощи языка международного общения, статус которого уже давно завоевал английский язык. Понятно, что при этом профессиональное общение на английском языке может осуществляться не только между носителем английского языка (выходцем из Англии или США) и выходцем из стран Азии (Индии, Китая, Японии), но и между людьми, для которых английский язык выступает в роли языка неродного, но способного помочь в достаточно успешном осуществлении профессиональной коммуникации. Ситуация экономической неустойчивости в мире, по мнению некоторых ученых, вызвала к жизни необходимость развития массового профессионального билингвизма и профессиональной бикультурности в условиях международного сотрудничества в различных областях современной профессиональной деятельности: *“To-day, scientists, engineers and managers around the world — all speaking different professional vocabularies and different linguistic languages — must work together in teams on industrial and technical projects”* [3. P. 87].

Однако, оказавшись «заложниками» нового времени, вследствие беспрецедентного увеличения потока информации, появления множества

новых терминов и понятий, явлений полисемии, гибридизации, аббревиации и т. д., профессионалы пока не всегда успешно могут работать в международной «команде» (*“global professional culture clusters”*), в ситуации, требующей не просто межкультурного общения, но и общения транскультурного, предполагающего высокую степень владения международным языком и хороший запас культурологических знаний.

В устном речевом поведении говорящего большую роль с точки зрения успешности его профессионального общения играет характер произношения. Отклонения от нормы произношения в речи говорящего порождают в восприятии слушающего, партнера по общению, впечатление «чужого» качества речи, или «акцента». Как отмечает британский лингвист Джон Лейвер, различия в типах произносительных акцентов, объединяющих разные группы говорящих (с разной языковой принадлежностью) могут быть системными, структурными, частными, функциональными: *“Differences between accents spoken by different groups of people (with different language backgrounds) may be systematic, structural, selectional and realizational. They are possessed by a majority of this or that accent group”* [6. P. 63]. Акцент характеризуется носителем языка в терминах «иностранный», «иноязычный», «местный», «диалектный», иногда и обыденными определениями «странный», «необычный». Иноязычный акцент является весьма распространенным явлением вследствие экстенсивной и интенсивной миграции населения в мире, порождающей множество языковых контактов.

Изучением иностранных языков, и более всего английского, занимается все население планеты. При этом овладение звучащей стороной неродного языка является первостепенной задачей учащегося. При первом знакомстве с иностранным языком, происходящем в реальной языковой ситуации, на слух легко ощущается «чу-

жое» качество речи, необычность ее звучания. Постепенное овладение иностранным языком развивает способность к распознаванию особенностей иноязычного произношения, как на уровне сегментики, так и супraseгментики речи. Постановка иноязычного произношения в ситуации аудиторного (искусственного) билингвизма затруднена сильным интерферирующим воздействием родного языка, а также отсутствием возможности постоянного «погружения» в фонетику иноязычной речи. При усвоении грамматики и лексики опора на письменные источники (учебники, словари) может достаточно эффективно помочь изучающему язык разобраться в его лексико-грамматических нюансах. Что касается иноязычной фонетики, то, безусловно, необходим реальный звучащий материал либо специально озвученный материал, представленный нормативным произношением носителей изучаемого языка. Безусловно, возможности использования аутентичных аудио- и видеоматериалов в настоящее время значительно возросли, кроме того, существует доступ к таким материалам в сети Интернет, что открывает перспективы непосредственного, хотя и виртуального, общения на иностранном языке с его носителями. Однако отсутствие возможности реального общения с носителем языка значительно усложняет задачу овладения практической фонетикой иностранного языка.

Интерес к качеству произносительной стороны речи особенно возрастает при высокой степени владения иностранным языком, когда появляется потребность в овладении престижным нормативным произношением, то есть произношением, имеющим высокую оценку на социально-культурном уровне. Как правило, такое произношение характеризуется как литературное и нейтральное, в том смысле, что в нем отсутствуют признаки территориального свойства, либо социальные маркеры, указывающие на его привилегированность в обществе. Примером такого типа произношения в британском варианте английского языка продолжает оставаться *Received Pronunciation* (или RP), произносительный тип, отражающий общепринятую норму произношения, маркированную хорошим качеством речи, и имеющий положительную оценку образованной части населения.

Следует отметить, что ориентация на правильное нормативное произношение в области средств массовой информации является традиционной и поддерживается во многих странах. Овладение нормативным произношением

при изучении иностранного языка в ситуации аудиторного (искусственного) билингвизма представляется актуальной задачей с позиций эффективности межкультурного общения. Произносительный акцент, или чужое качество речи, является сложным речевым феноменом. Отклонения от произносительной нормы в неродной речи говорящего, с одной стороны, обладают определенной *спецификой*, отражающей языковую (национальную, социальную, территориальную) принадлежность человека, говорящего с акцентом. Но акцентная речь одновременно маркирована и *общими* признаками, характерными для любого человека, говорящего на неродном языке и не владеющего им в совершенстве вследствие отсутствия автоматизированных навыков говорения, в силу определенного психологического барьера при переходе на неродной язык в речевом общении и по ряду других причин, пока еще недостаточно изученных. Как общие, так и специфические признаки нарушения произносительной нормы в речи билингва на приобретенном языке составляют в восприятии и языковом сознании носителя языка общую картину акцентной речи (речи, маркированной чужим произносительным качеством). Речевое поведение носителя языка заметно меняется, становится менее естественным, когда он понимает, что перед ним иностранец. Имеющиеся наблюдения свидетельствуют о фонетических изменениях в речи, обращенной к иностранцу: более медленный темп речи, повышенная громкость произнесения, тщательность артикуляции звуков и т. д.

Социальная значимость акцента в речи говорящего неслучайно привлекает внимание многих исследователей. Вопросы повышения произносительной культуры языка международного общения, изучение воздействия «чужого качества» речи на партнера по общению является одной из важнейших проблем межкультурной коммуникации. Чаще всего акцент оценивается носителем языка отрицательно, поскольку восприятие речи билингва, насыщенной «помехами» (акцентными ошибками, отклонениями от нормы), затруднено и приводит к снижению заинтересованности носителя языка в акте общения. Особенности звучания голоса собеседника являются богатым источником информации для коммуникантов и иногда играют решающую роль в обеспечении успешности межкультурного общения.

Вопросу социальной значимости голосовых качеств человека уделяется все больше

внимания в жизни современного общества. «Социальные маркеры», наблюдаемые в речи человека, отражают его происхождение, уровень образования и культуры, род занятий и его профессиональный опыт, что существенно влияет на общественное мнение и, следовательно, на успешность общественной, деловой, либо политической карьеры личности. В одной из работ, опубликованных за рубежом, идет речь о явной дискриминации в США людей, говорящих с акцентом, о дискриминации, которая, как сожалеет автор, становится привычным явлением и никого не возмущает: “Accent discrimination can be found everywhere in our daily lives. In fact, such behavior is so commonly accepted, so widely perceived appropriate that it must be seen as the last back door to discrimination. And the door stands wide open” [7. P. 73]. Повышенные требования к владению нормативной английской речью при приеме на работу привели к росту специальных институтов в США, занятых исправлением нежелательного акцента у иммигрантов, выходцев из многих стран мира [4].

Мартин Хьюингс (2008), отмечая возрастающую активность английского языка как международного языка для профессиональных целей не только на сегодняшний день, но и в ближайшие десятилетия, особо подчеркнул роль профессионально ориентированного совершенствования фонетической стороны иноязычной речи в языковой подготовке будущих специалистов.

Иноязычный акцент как социальный маркер речевого поведения говорящего ставит перед исследователями новые теоретические и практические задачи, связанные с решением важнейших вопросов функционирования языка и роли речевого (произносительного) поведения индивида в современных условиях активных культурно-языковых контактов, в условиях тесного делового сотрудничества специалистов наиболее интенсивно развивающихся областей науки, бизнеса, культуры.

Список литературы

1. Богин, Г. И. Модель языковой личности в ее отношении к разновидностям текстов : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Л., 1984. 31 с.
2. Вишневецкая, Г. М. Билингвизм и его аспекты. Иваново, 1997. 98 с.
3. Carayannis, E. G. The Story of Managing Projects an interdisciplinary approach / E. G. Carayannis, Y. H. Kwak, F. T. Anbari. N. Y., 2005. 373 p.
4. Crawford, J. Hold your Tongue. Reading, Mass, 1992. 324 p.
5. Hewings, M. A History of ESP through ‘English for Specific Purposes’ [Электронный ресурс]. URL: [http://artsweb.bham.ac.uk/Hewings, M. \(2008\).](http://artsweb.bham.ac.uk/Hewings, M. (2008).)
6. Laver, J. Principles of Phonetics. Cambridge, 1994. 707 p.
7. Lippi-Green, R. English with an Accent: Language, Ideology, and Discrimination in the United States. L., 1997. 308 p.

Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 33 (248). Филология. Искусствоведение. Вып. 60. С. 232–234.

И. Ю. Голованова

ФОРМИРОВАНИЕ ДЕРИВАЦИОННОГО КОМПОНЕНТА КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ СТУДЕНТОВ

В статье раскрываются особенности деривационного преобразования исходного текста как важной составляющей коммуникативной компетенции студента вуза.

Ключевые слова: коммуникативная компетенция, коммуникативный текст, жанровое сознание, деривационные преобразования текста.

Коммуникативная компетенция — основа профессионального общения будущего специалиста, необходимая составляющая учебной деятельности студента. Формирование коммуникативной компетенции — одна из основных задач обучения языку. Понятие «коммуникативная компетенция», введенное Д. Хаймсом, трактуется им

как правильное употребление языковых единиц различных уровней в бесконечно разнообразных жизненных ситуациях и представляет собой, по мнению автора, связанные с пониманием и говорением способности индивида использовать язык в коммуникативных целях, обусловленных коммуникативными ситуациями [7]. Сам язык в

таком случае осознается не как «система правил для порождения структур, а как система ресурсов для выражения смыслов в текстовой деятельности, управляемой конвенциональными правилами и стратегиями» [1. С. 5–6]. Следовательно, именно текстовая деятельность способствует формированию коммуникативной компетенции, развитию коммуникативных тактик общения. Создание коммуникативного текста (текста, порождаемого коммуникантами в пределах ситуации общения [3. С. 23]) стимулирует активизацию необходимых речевых навыков, мотивирует выбор средств выражения, речевых тактик взаимодействия с адресатом и т. д. Многообразные коммуникативные тексты (см. о классификации коммуникативных текстов [3. С. 51–56]) воплощают исторически сложившиеся в пределах каждого функционального стиля и соотносимые с ситуацией общения жанры.

По мнению М. М. Бахтина, в сознании носителя языка сложились представления о выработанных в русской народной культуре специфических формах коммуникации. Мы, как считает ученый, всегда говорим жанрами: «говорящему даны не только обязательные для него формы общенародного языка (словарный состав и грамматический строй), но и обязательные для него формы высказывания, т. е. речевые жанры» [2. С. 259]. Однако, согласно концепции М. М. Бахтина о первичных и вторичных жанрах, в виде готовых «типовых проектов» в сознании языковой личности объективно существуют речевые жанры, стихийно складывающиеся в повседневном общении. Такие жанры автоматизируются в разговорной речи, вторичные же, «культурные» (преимущественно письменные) тексты в автоматическом режиме не создаются, поскольку стихийно их жанровая модель не формируются. Значит, формирование жанрового сознания как компонента коммуникативной компетенции (и, в частности, жанровой модели вторичных текстов) — значимый этап формирования текстовой компетенции носителя языка.

В разных коммуникативных сферах реализуется одна из важнейших функций языка — хранение и передача информации. При этом психоречевая деятельность коммуникантов связана с операциями интерпретации и трансформации исходной информации о фрагменте действительности. Процессуальное свойство понятия «коммуникативная компетенция» отмечает О. Т. Йокояма, рассматривая коммуникативную компетенцию как умение пользоваться механизмами передачи метаинформационного знания.

По мнению исследователя, коммуникативная компетенция включает «процедурную компетенцию» (оценка и передача знания, его понимание, корректировка, осведомленность в способах «упаковки» и «распаковки» передаваемого типа знания) и кодовую компетенцию (осведомленность говорящего в выборе наиболее пригодной семиотической системы, в способах кодировки и раскодировки в ней знания) [9. Р. 151]. Следовательно, важное условие формирования коммуникативной компетенции — выработка навыка деривационного преобразования исходного текста: представления о разных видах кодовых трансформаций исходной информации при образовании одного текста на базе другого, о специфике текстовых преобразований, связанной с родо-жанровой принадлежностью, особенностями стиля и т. д.

Сущность деривационных преобразований заключается в том, что «при восприятии исходного текста происходит его свертывание в некий «смысловой сгусток» (инвариант), который при репродукции развертывается в новую текстовую форму (варианты — вторичные тексты)» [4]. Межтекстовые отношения первичности/вторичности, исходности/производности, простоты/сложности — предмет изучения текстодериватологии (А. А. Чувакин и др.). Деривация может охватывать как разные уровни лингвистического объекта (фонетический, лексический, синтаксический, текстовый и др.), так и разные аспекты: семасиологический и ономасиологический (различные соотношения означающего и означаемого); видоизменения исходного текста могут касаться формы (устная/письменная, графический/звуковой облик текстов; уменьшение/увеличение объема текстов), содержания (наличие/отсутствие новых содержательных компонентов), функции (родо-жанровые трансформации). Типы деривационных преобразований исходного текста и их результаты (осложнение, упрощение, тождество, замена, перестановка, слияние) определяют основные типы деривационных межтекстовых отношений: развертывание, свертывание, усложнение [8; 5]. Деривационная структура вторичного текста мотивирована первичным текстом, имеющим свои жанровые, стилистические, языковые и др. особенности, и новым коммуникативным контекстом; характер преобразований обусловлен объективным (собственно лингвистический) и субъективным (антропологический) факторами. Коммуникативные тексты разных жанров предполагают различные механизмы деривации. Коммуникативное качество

производных текстов обусловлено сформированностью деривационного компонента языковой способности коммуникантов.

По мнению Н. Д. Голева, рассматривающего проблему деривационного инварианта текстовых преобразований, дериватологические интерпретации могут быть связаны с разными уровнями кодовой трансформации текста: одноуровневыми преобразованиями (устный текст 1/устный текст 2, письменный текст 1/письменный текст 2); преобразованиями «разнокодовых» текстов (устный текст 1/письменный текст 2, письменный текст 1/устный текст 2); переходом от внутренней речи к внешней (глубокое ядро кодовых трансформаций речи). В своей речевой практике говорящий постоянно сталкивается с проблемой деривационных преобразований первичных текстов. Остановимся на некоторых примерах разноуровневой кодовой трансформации научных текстов в контексте учебной деятельности.

Работа с научной информацией предполагает изучение, анализ, интерпретацию научного знания, представленного в первичных научных жанрах — научной статье, монографии. Одноуровневые деривационные преобразования связаны с созданием письменных жанров конспекта, реферата, аннотации и др., которые на уровне формы подвергаются количественным преобразованиям — уменьшению объема текста. При деривационных преобразованиях на уровне содержания (наличие/отсутствие новых содержательных компонентов) в этих жанрах происходит упрощение факультативной информации, однако свертывание может сопровождаться включением необходимых в каждом жанре информативных компонентов: например, описание методики исследования, его результатов — в реферате.

Другой уровень деривационных преобразований — создание разнокодовых текстов, например: доклада, сообщения (письменный текст 1/устный текст 2); конспекта лекции (устный текст 1/письменный текст 2). При переходе от звуковой формы к графической возможно межъязыковое и межсемиотическое (введение графиков, формул) перекодирование. Так, в записи лекции редуцируются многие компоненты устной речи (интонация, логические выделения), преобразуются материальная и функционально-семан-

тическая сторона исходного текста: при семантической трансформации обобщаются понятия, смысловые отрезки или опускаются детали, пояснения, примеры; применение аббревиатур, условных сокращений — языковые изменения. Разные семиотические системы (невербальный текст 1 / вербальный текст 2) задействованы при создании многоканального сообщения (словесная интерпретация презентаций, комментирование наглядных пособий).

В заключение необходимо подчеркнуть, что сложность деривационного механизма обусловлена сложностью и многогранностью самого текста. Формирование текстовой компетенции с позиций текстодериватологии, выработка навыка деривационного преобразования исходного текста как источника информации — важное условие совершенствования коммуникативных тактик общения, формирования коммуникативной компетенции.

Список литературы

1. Баранов, А. Г. Когнитивность текста (к проблеме уровней абстракции текстовой деятельности) // *Жанры речи*. Вып. 1. Саратов, 1997.
2. Бахтин, М. М. *Эстетика словесного творчества*. М., 1979.
3. Буторина, Е. П. *Русский язык и культура речи: учеб. пособие* / Е. П. Буторина, С. М. Евграфова. М., 2009.
4. Голев, Н. Д. К основаниям деривационной интерпретации вторичных текстов [Электронный ресурс]. URL: <http://lingvo.asu.ru/golev/articles/z89.html>
5. Мельник, Н. В. *Деривационное функционирование русского текста: лингвоцентрический и персоноцентрический аспекты*: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Кемерово, 2011. 46 с.
6. Симонян, Р. Приватизация по-прибалтийски и по-русски [Электронный ресурс]. URL: <http://rusref.nm.ru/indexzexp.htm>
7. Хаймс, Делл Х. *Этнография речи* // *Новое в зарубежной лингвистике*. Вып. VII. М., 1975. С. 42–91.
8. Чувакин, А. А. *Деривационные отношения как типовых отношений (к предмету текстодериватологии)* // *Проблемы дериватологии, мотивологии, лексикографии*. Томск, 1998.
9. Yokoyama, O. T. *Discourse and Word Order*. Amsterdam; Philadelphia, 1986. 361 p.

Л. Н. Давлеткулова

СОВРЕМЕННАЯ ТОПОНИМИЯ ГРАФСТВА ОКСФОРДШИР В СВЕТЕ ИНОЯЗЫЧНЫХ ВЛИЯНИЙ

В статье рассматриваются структурные и семантические особенности топонимии графства Оксфордшир, важные при обучении лингвострановедению. Исследуются иноязычные элементы в составе современных названий.

Ключевые слова: *топонимический пласт, топонимика Англии, древнеанглийские конечные элементы топонимов.*

Великобритания и английский язык претерпели последовательные наплывы иммигрантов, таких как кельты, римляне, англосаксы, викинги, нормандцы, каждое вторжение внесло свой вклад в историю и развитие языка и было отражено в топонимах.

Современная карта страны отражает процесс формирования топонимии, несмотря на то, что не все языки сохранились до наших времен. Названия могут раскрыть не только то, как выглядело определенное место, но и насколько оно было важно для человека, давшего ему наименование, а также кто его назвал и когда. В связи с рассмотрением проблемы влияния различных языков на топонимию Англии необходимо изучить воздействие того или иного языка в соответствующий период и выяснить, насколько долго сохранялись следы этого воздействия.

Современная топонимия графства Оксфордшир, складывавшаяся под воздействием ряда языков, является результатом многовекового развития названий и представляет собой единую систему наименований, которая сформировалась из многочисленных и неоднородных компонентов.

Большая часть городов и деревень имеют старинные названия, некоторые из них существуют более тысячи лет. В плане синхронического анализа нам требуется выявить, существуют ли объекты на современной карте Оксфордшира, которые сохранили иноязычные элементы в составе топонимов.

Названия создавались на протяжении тысячелетий в разных языках и были связаны с разнообразными сферами человеческой деятельности. Некоторые языковые формы топонимов складывались постепенно, иные создавались для конкретного объекта, многие были либо унаследованы от других народов, проживавших на данной территории, либо заимствованы. В процессе исторического развития наименований одна «топонимическая волна» накрывает другую, в

результате чего образуются исторические пласты топонимии.

Задолго до римских завоеваний многие реки и холмы получили свои наименования от британских племен. Самые старые названия Англии, которые сохранились до наших времен, относятся к кельтскому языку. Предположительно, кельты поселились на британских островах около 2500 лет назад. Более ранние жители разговаривали на неизвестном нам «неиндоевропейском» языке. Никаких письменных источников не сохранилось, поэтому попытки ученых отнести язык первых поселенцев британских островов к протобаскскому, протоберберскому, европейско-африканскому, финикийскому и даже языку племен, живших на северном полюсе, оказались тщетными. Существует огромное количество названий, преимущественно рек, которые невозможно отнести ни к одному языку, поэтому их приписывают к исчезнувшему, древнему языку.

Вопрос о выявлении кельтских компонентов в топонимах является сложным. Это объясняется проблемой сохранности языка и расселения бриттов после колонизации англо-саксонскими племенами. В названиях Оксфордшир кельтские элементы в основном проявляются в гидронимах: река *Glyme* (в записях 958 г. встречается в форме *Glim*) от кельтского *glimo* «сверкающий, искрящийся» [3. Р. 70]; *Ock* (*æoccaenen* 856 г.) от *esāco* «лосось» [4. Р. 59]. Название реки *Windrush*, одной из крупнейших в графстве, происходит от сочетания двух элементов: валлийского *gwun* «белый» и ирландского *riasp* «болото» [4. Р. 60].

Ойконимы с кельтским компонентом единичны и сохранились за небольшими деревнями, что не характерно для остальных графств, где кельтские элементы чаще встречаются в названиях крупных городов. Большинство населенных пунктов получили свои названия благодаря вторичному использованию гидронимов.

Для Англии в целом характерно использование в названиях поселений не только терминов,

обозначающих поселения, но в большей степени терминов, которые по своей семантике относятся к естественным объектам. В настоящее время кельтские корни чаще выявляются в названиях естественных объектов и встречаются на территории позднего английского заселения, а именно в Корнуолле, Камбрии Ланкашире, Чeshire, Глостершире, а также в Ирландии и Уэльсе [1. С. 25–26].

Оксфордшир в этом плане можно считать исключением из правил. Это также и результат интенсивного процесса метонимического переноса наименований. При этом гидроним в названии деревни употребляется полностью: *Bladon* (форма *Blade* встречается в «Книге страшного суда» Вильгельма Завоевателя в 1086 г.) — название реки неизвестного кельтского происхождения; в настоящее время ойконим *Bladon* сохранился, в то время как река была переименована в *Evenlode*, которая является притоком Темзы [4. P. 20, 58]. Город *Thame* (Таме 100 г.) получил свое наименование от притока Темзы *Thame* (кельтский *tam* «темный») [4. P. 52, 60].

Кельтские компоненты в наименованиях населенных пунктов отличаются разрозненностью из-за несвойственного английской топонимии порядка соединения частей названия (*inversion compound*), когда основа кельтского топонима (апеллятив, географический термин) находится в начале слова и подвергается наибольшим изменениям в эволюции.

В Англии следы латинского влияния мало ощутимы, на сегодняшний день сохранилось лишь два названия, которые полностью являются латинскими: *Catterick* (графство Северный Йоркшир) и *Speen* (графство Беркшир) [2. P. 20–21]. Остальные топонимы представляют собой латинизированные формы древних наименований в значительно измененном виде. Во времена римской Британии появилось много новых поселений, зачастую военных.

Деревни, в которых часто устраивали рыночные площади, развивались в географически выгодных местах, например, на пересечениях нескольких маршрутов. Поэтому многие города сохранились до наших дней. Очевидно, их первоначальные названия несколько раз менялись в связи со сменой владельцев, но наименования церковных приходов и даже ферм восходят к далекому прошлому, а некоторые из них даже к доримским временам. Эти поселения основывались около источников воды или укрывающих от ветра холмов, которые мало изменились с тех пор [2. P. 20].

Военные городки, напротив, строились в сельской местности, их процветанию способствовала усердная работа солдат. Однако многие римские крепости просуществовали недолго: как только римляне достигали своей цели, они тут же покидали форт. Но все же существование некоторых было продолжительным, и вокруг них постепенно образовались сельские поселения для обеспечения римлян всем необходимым.

В современной топонимии графства Оксфордшир названия, которые можно отнести к латинскому слою, выделяются на карте вполне отчетливо, несмотря на их незначительное количество. Одним из характерных признаков выступает частое использование компонента *chester / caster* (*Latin castra*, *OE caster* — лагерь). Чаще всего он употребляется с древними определяемыми компонентами кельтского происхождения. Поэтому наименования этого периода можно назвать латинизированными формами кельтских названий. Например, *Dorchester* (в более ранних записях 731 г. известен как *Dorciccaestrae*) римский форт, называемый *Dorcii* (неизвестное кельтское название) [Whittaker 2006, 29]; *Alchester* (*Alencestre* 1160 г.) римский город, первый элемент которого является латино-кельтским (*Romano-British*) названием *Alauna*, а второй — латинским *ceaster* [2. P. 17].

Следы скандинавского влияния в топонимии Англии совершенно четко прослеживаются на территории бывших скандинавских владений, собирательно именуемых Дэнло — Область датского права (Йоркшир, Лнкольншир, Норфолк, Лестершир, Ноттингемшир, Ланкашир, Уэстморленд, Камберленд). В Оксфордшире не выявлено ни одного названия со скандинавским элементом.

Влияние французского языка на топонимию Англии мало ощутимо, и ни в каких областях страны подобные названия не достигают высокой концентрации. Перенос топонимов из Франции, наблюдаемый в период Норманнского завоевания, зачастую сопровождался изменением звучания французских наименований. Остальные заимствования единичны и не носят систематического характера: название деревни *Bruern*, которая впервые упоминается в документах 1159 года как *Bruaria*, в 1162 в виде *Bruir*, *Brueria* в 1172 и представлена в современной форме в записях 1200 года, происходит от старофранцузского *bruïere* и означает «степь, пустошь» [3. P. 33].

В английской топонимии прослеживается интенсивное употребление французского ар-

тикля *le* в составе английских наименований. Наблюдения показывают, что определенный артикль не употребляется перед монолексемными названиями, а широко используется перед частями полилексемных топонимов, которые являются добавочными определениями: *Clayton le Woods*. Предполагается, что артикль является частью предложной конструкции, которая описывает местоположение объекта *Stretton en le Field*. В некоторых случаях предлог *en* выпадает: *Chapel le Ferne* [1. С. 33–34].

Взаимосвязь английских и французских форм отчетливо прослеживается в названии деревни *Leafield* в графстве Оксфордшир. В документах 1213 года ойконим встречается в форме *La Feld*, относится к монолексемным наименованиям и происходит от староанглийского *feld* «поле» и старофранцузского артикля *le*, указывающего на то, что топоним был записан носителем данного языка [3. Р. 92]. *Leafield* дословно обозначает «открытое поле», то есть прежний владелец не огородил свои владения живой изгородью или забором. Данный вариант позволяет предположить, что французский артикль воспринимается в функции, близкой к предлогу, то есть для связи с местоположением объекта, на который указывает последующий географический термин: *Leafield* «в открытом поле».

Приблизительно в V веке в Англии поселились англосаксы, которые помимо своей культуры привнесли свой язык, ставший в дальнейшем основой современного английского.

В Оксфордшире ландшафт весьма разнообразен, поэтому в названиях, а именно в ойконимах, чаще всего прослеживаются древнеанглийские элементы естественно-географических объектов¹:

-*ber* (ОЕ *beorg* «гора, возвышенность»): *Hanborough* «холм Хагена»;

-*cumb* (ОЕ «низина, долина»): *Combe* «долина»; *Watcombe* «долина, где выращивают пшеницу»;

-*den* (ОЕ *denu* «долина»): *Ramsden* «долина, где растет дикий чеснок»; *Ipsden* «долина у гористой местности»;

-*den* (ОЕ *dūn* «холм»): *Cuddesdon* «холм Катена»; *Headington* «холм Хэдена»;

-*eau* (ОЕ *ēa* «река, ручей»): *Eaton* «ферма у реки»; *Woodeaton* «лесная ферма у реки»;

-*ey* (ОЕ *ēg* «остров»): *Binsey* «остров Бини»; *Hinksey* «остров Хэнгеста»;

-*fen* (ОЕ *fenn* «болото, топь»): *Fencot* «дом на болотистой местности»;

-*wood* (ОЕ *wudu* «лесной массив»): *Stow Wood* «каменистый лес»; *Hen Wood* «лес монашеского общества».

Большое распространение получает элемент *-ley*, восходящий к древнеанглийскому *-lēah* «просека, вырубка». Это связано с тем, что ранние поселения располагались на расчищенных от леса участках: *Ardley* «просека Эрдулфа» [3. Р. 17], *Cowley* «просека Куфа» [3. Р. 47–48].

Большинство терминов, обозначающих непосредственно населенные пункты, также произошли от древнеанглийского и прослеживаются в топонимах. Например, *-ham* (ОЕ *hām* «деревня, поместье»): *Newnham Murren* «новое поместье Ричарда Морины» [4. Р. 41]; *-ton* (ОЕ *tūn* «ферма, усадьба, деревня, город»): *Appleton* «ферма, где растут яблоки» [4. Р. 17], *Kennington* «усадьба Кена» [3. Р. 88].

В настоящее время сохранилось много коротких слов древнеанглийского происхождения с неясной этимологией. Известно, что задолго до появления римлян, британские племена дали названия многим естественным географическим объектам, рекам и холмам, существующим по сей день. В то же время нам мало известно о подлинном языке того времени, поскольку письменных источников не сохранилось. Однако некоторые топонимы можно интерпретировать, проведя сравнение с известным корнуоллским диалектом английского, валлийским, бретонским и гаэльским. Первые три языка относятся к бриттской ветви, а последний — к гойдельской ветви кельтской группы индоевропейской семьи. Начало распада общebritтского языка относится примерно к V веку н. э., когда кельтов начинают теснить англосаксы и носителям языка пришлось уйти на юг, запад и север страны. Таким образом, можно предположить, что топонимы с неясной этимологией происходят от кельтов. Например, река *Windrush*, которая берет свое начало от Темзы и протекает на северо-западе графства Оксфордшир, упоминается в документах 958 года как *weric*, *wenrices*, *wænric*. Анализ компонентов данного гидронима, указывает на редкое кельтское сочетание валлийского элемента *gwun* «белый» и ирландского *riasp* «болото» [4. Р. 60].

В настоящей работе мы рассмотрели воздействие иноязычных элементов в названиях географических объектов в соответствующий период. Немаловажным остается вопрос о том, насколько длительно сохранялись следы этого

¹ Примеры ойконимов взяты из [4].

воздействия, так как это позволит проследить процесс формирования целостной системы топонимии Оксфордшира.

Список литературы

1. Беленькая В. Д. Очерки англоязычной топонимики : учеб. пособие. М. : Высш. школа, 1977. 277 с. (40 — 46 с.)

2. McDonald, F. The Guinness Book of British Place Names / F. McDonald, J. Cresswell. London : Guinness Publishing, 1993. 160 p.

3. Poulton-Smith, A. Oxfordshire Place Names. Chalford, Stroud, Gloucestershire : Amberley Publishing, 2009. 160 p.

4. Whittaker, D. Oxfordshire Place-Names: a concise dictionary. Eynsham, Oxon : Information Press, 2006. 64 p.

Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 33 (248). Филология. Искусствоведение. Вып. 60. С. 238–240.

В. В. Дубичинский, Л. А. Васенко

ЗАДАЧИ ТЕРМИНОВЕДЕНИЯ В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ ЯЗЫКУ СПЕЦИАЛЬНОСТИ

Статья посвящена проблемам обучения студентов высших учебных заведений специальным языкам. Авторы представляют учебное пособие «Фахова українська мова», изданное в Киеве в 2008 году.

Ключевые слова: научная картина мира, основные понятия терминоведения, терминологическая компетенция специалиста.

Терминоведение является самостоятельной наукой, которая имеет и свои фундаментальные понятийные категории, и свои методы исследования. Но в то же время терминоведение функционирует и как междисциплинарная отрасль, объединяющая лингвистику с разными предметными областями знаний. Терминоведение лежит на стыке лингвистики и специальных областей человеческой деятельности.

В процессе познания мира и его законов человечество постоянно создавало и создает фрагменты различных картин мира. На сегодня известны такие виды:

– языковая картина, которая представляет собой совокупность всех национальных картин мира;

– научная картина, состоящая из научных знаний, добытых всеми областями деятельности человека на конкретном этапе развития общества;

– аксиологическая картина, которая входит в состав и языковой, и научной картин мира и моделируется как совокупность взаимосвязанных оценочных суждений, соотносящихся с юридическими, религиозными, моральными кодексами, типовыми литературными сюжетами и т. д. [1].

Проблемы отображения в сознании людей их опыта и знаний о мире всегда интересовали ученых. Еще древнегреческие представители ионийской философской школы (Фалес, Анаксимандр,

Анаксимен) пытались построить первую модель Вселенной. Эту модель дополнили и завершили ученые позднего периода развития греческой науки (Пифагор, Демокрит, Аристотель, Эвклид, Птоломей). Но и первая, и последующие модели не могут считаться идеальными, так как эволюция научной картины мира не останавливается и постоянно способствует появлению и дальнейшему развитию новых областей знаний, деятельности, созданию новых и разрушению старых терминосистем.

Вопросы специфики моделирования картин мира разными национальными культурами сегодня исследованы и исследуются в трудах известных отечественных и зарубежных ученых (Ю. Д. Апресян, Р. А. Будагов, А. Вежицкая, Т. Р. Кияк, А. В. Корнилов, О. Курило, В. М. Лейчик, А. А. Леонтьев, Л. Пшеничная, Б. Рыцарь, Л. А. Симоненко, С. Г. Тер-Минасова, Т. Дж. Филмор).

На основе анализа предыдущих источников относительно состояния вопроса разработки понятия «научная картина мира» можно сделать вывод о том, что, имея абстрактный характер, это понятие конкретизируется в определенном национальном языке [6].

Понятие «научная картина мира» состоит из понятий конкретных областей научного и технического знания, которые содержат фрагмен-

ты научной картины мира в виде национальных терминологий, становящихся в процессе обслуживания научных теорий терминосистемами. Логический смысл терминосистем является одинаковым для всех национальных языков, а языковая форма — план выражения — имеет сугубо национальный характер и зависит от словообразовательных, лексико-семантических, морфологических, синтаксических, метафорических и др. моделей конкретного языка.

Сегодня актуальным становится введение в учебный процесс высших технических учебных заведений дисциплины «Основы терминоведения».

Профессиональная подготовка специалиста обязательно должна включать системное изучение языка специальности. Именно языковой аспект создания фрагментов научной картины мира является основным направлением терминологической подготовки студентов технических вузов [3].

Но овладение языком специальности возможно только при условии усвоения студентами особенностей научного стиля родного языка (в нашем случае — украинского) и его подстилей с их конкретными жанрами. Знание жанров учебно-научного и собственно научного подстилей поможет им в процессе получения новых знаний и формирования умений и навыков перерабатывать с разной степенью компрессии необходимые источники информации с их последующим использованием в учебно-коммуникативной сфере.

К основным видам обработки научно-технической информации в высших технических учебных заведениях относят такие письменные работы, как планы разных видов, тезисы, различные виды конспектов, рефератов, лабораторные работы, курсовые и бакалаврские проекты, аннотации, пояснительные записки к бакалаврскому проекту.

Ознакомление студентов с алгоритмами написания таких работ, с правилами сокращенной записи прослушанной информации, со стандартными лексическими и синтаксическими способами структурного и смыслового оформления определенных жанров будет способствовать формированию умений и навыков аналитико-синтетической трансформации научно-технических текстов. Для работы со специальными тестами студенты должны знать стандартные лексические средства, с помощью которых структурно оформляется текст («статья называется ...», «тема статьи — ...», «статья начина-

ется с...», «далее...», «кроме того, ...», «таким образом, ...», «в конце статьи...» и т. п.) и лексические средства, помогающие передать содержание текста в процессе написания реферата, аннотации или статьи («с точки зрения ...», «известно, что ...», «несомненно, что ...», «возможно, что ...», «учитывая вышеприведенные ...», «важным является также вопрос ...», «проведенный анализ свидетельствует ...» и т. д.).

Процесс освоения студентами научно-технической терминологии тесно связан с обучением основам терминоведения. Изданные в последнее время в Украине учебники и учебные пособия предназначены для будущих специалистов экономической, банковской, юридической, финансовой областей и управленческой деятельности. Они содержат общетеоретические сведения о языке и речи, о нормах языка профессионального общения, а также характеристики и требования к оформлению самых распространенных деловых бумаг. Но будущим инженерам также нужны учебники, которые будут способствовать формированию комплексного знания терминологии выбранной специальности и помогут сориентироваться в основных терминоведческих понятиях, а также в тех изменениях, которые произошли за последние годы в терминосистемах их будущих специальностей.

В Национальном техническом университете «Харьковский политехнический институт» на кафедре украинского, русского языков и прикладной лингвистики подготовлено к печати и издано в 2008 году в Киеве в Центре учебной литературы учебное пособие «Фахова українська мова» («Украинский язык специальности»), предназначенное именно для студентов технических вузов [4]. Пособие призвано сформировать терминологическую компетенцию будущих инженеров.

Вслед за [5] мы считаем, что будущие специалисты должны иметь системное представление о таких понятиях как:

- дефиниция (определение научного или технического понятия);
- термин (языковой знак, который называет понятие в определенной области знания; семантический конденсат научной дефиниции — имя понятия);
- терминоэлемент (часть терминологической единицы, которая может быть корнем, префиксом, суффиксом, символом, цифрой);
- терминойд (название конкретного объекта или действия в узкой профессиональной деятельности: номенклатурный знак, профессиона-

лизм или элемент профессионального просторечия);

– терминология (совокупность терминов, которая стихийно складывается в определенной области знания);

– терминсистема (система терминов, которая обслуживает научную понятийную сферу, ее систематизацию, классификации, концепции, гипотезы, теории в определенной области знания).

Учитывая интерес в Украине к созданию частотных словарей украинского языка, с целью расширения лексического запаса студентов авторами пособия были отобраны свыше тысячи базовых математических, физических и технических терминов из частотного словаря Соломии Бук «3000 найчастотніших слів наукового стилю сучасної української мови» («3000 самых частотных слов научного стиля современного украинского языка») [2].

Был учтен также тот факт, что для научно-технической терминологии одним из характерных способов образования терминов является аббревиация. Поэтому в пособии предлагается короткий список аббревиатур, принятых в математике и автоматизированных системах управления, в информатике и вычислительной технике, в макро- и микроэкономике и т. д.

В конце пособия представлены два дополнения. В первом дополнении приводится переводной русско-украинский технический лексический словарь-минимум. Второе дополнение содержит короткий словарь греческих и латинских терминологических элементов, которые были и остаются основным источником пополнения научно-технических терминсистем многих языков [7]. Конечно, следует отметить также и тот факт, что вопрос о соотношении национального и интернационального всегда вызывал и вызывает

острые дискуссии среди лингвистов любой страны. Но в современном мире нет ни одного языка, который бы развивался в полной изоляции от других языков. Любое достижение в науке или технике одного государства быстро становится достижением всей человеческой цивилизации через заимствование и самого нового понятия, и его дефиниции, и его лексической формы, адаптированной под грамматические, орфоэпические и другие нормы языка-реципиента.

В процессе обучения языку специальности необходимо особое внимание уделять проблемам усвоения студентами особенностей терминсистемы их будущей специальности, научного стиля речи, а также целенаправленному и системному изучению соответствующей профессиональной лексики.

Список литературы

1. Бацевич, Ф. С. Словник термінів міжкультурної комунікації. К., 2007. 205 с.
2. Бук, С. 3000 найчастотніших слів наукового стилю сучасної української мови / наук. ред. Ф. С. Бацевич. Львів, 2006. 192 с.
3. Васенко, Л. Актуальні проблеми формування термінологічної компетенції студентів вищих технічних закладів / Л. Васенко, В. Дубичинський, О. Кримець // Проблеми української термінології : зб. наук. праць. Ль., 2004. № 503. С. 137–140.
4. Васенко, Л. А., Фахова українська мова : Навчальний посібник / Л. А. Васенко, В. В. Дубичинський, О. М. Кримець. К., 2008. 271 с.
5. Д'яков, А. С. Основи термінотворення / А. С. Д'яков, Т. Р. Кияк, З. Б. Куделько. Київ, 2000. 218 с.
6. Корнилов, О. В. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. М., 1999. 341 с.
7. Словник іншомовних слів / уклад. Л. О. Пустовіт та ін. К., 2004. 1018 с.

НАИМЕНОВАНИЯ ЛИЦ ПО ПРОФЕССИИ В НЕМЕЦКИХ И РУССКИХ ПРАВОВЫХ ПАРЕМИЯХ

В статье рассматривается проблема функционирования и коннотации наименований лиц по профессии в немецких и русских правовых паремиях.

Ключевые слова: наименования лиц по профессии, правовые паремии, этнокультурное сознание.

Профессиональная деятельность является составной частью культуры народа. По мнению Е. И. Головановой, сфера профессиональной деятельности так или иначе представлена во всех жанрах этнокультуры — в песнях, сказках, обрядах, пословицах, загадках, где чаще упоминаются представители определенных профессий, реже — репрезентируются значимые в той или иной профессиональной области предметы, процессы, действия [1. С. 219]. Мы обратимся к рассмотрению наименований лиц по профессии в немецких и русских правовых паремиях.

В немецкой лингвистике традиционно существует понятие правовой паремии. Дефиницию немецкой правовой пословицы еще в период Нового времени дал Эразм Роттердамский. Затем этот феномен был исследован в трудах Пистория, Герция, Себастиана Франка. Значительную роль в развитии этого направления в лингвистике сыграли работы Я. Гримма «Von der Poesie im Recht» и «Deutsche Rechtsaltertümer», в которых рассматривались проблемы взаимодействия права и языка, а также язык, символ, нравы и обычаи как элементы истории права [9. С. 19]. Критерием отнесения паремий к правовым служит наличие опорного компонента из сферы права (Recht, Gericht, Gesetz, Strafe и т. п.). Кроме того, этимологический и культурный анализ позволяет установить, отражает ли данная пословица или поговорка какой-либо правовой обычай или содержит правовой символ.

С юридической точки зрения основными представителями правовых профессий являются юрист, судья, прокурор (обвинитель) и адвокат (защитник). Остановимся более подробно на функционировании наименования лица по профессии «судья» в немецких паремиях. Классифицировав наш материал по наименованиям профессий, мы обнаружили, что группа паремий, содержащих лексему «судья», как в русском, так и в немецком паремиологическом фонде является наиболее многочисленной, что позволяет сделать вывод о значимости предста-

вителей этой профессии в наивном сознании двух народов.

Судья — это должностное лицо, входящее в состав суда и осуществляющее правосудие. Большинство проанализированных нами немецких пословиц с компонентом «судья» имеют нейтральную стилистическую окраску и отражают роль судьи или правила поведения судьи во время процесса. Пословица *Der Richter sitzt an Gottes Statt* определяет место судьи как орудия Божьего, «поскольку Бог есть право, то и суд дело Божье, Он — справедливый судья. Поэтому судья от имени Бога вершит правосудие» [8. С. 87].

В половицах *Der Richter muss sitzen, Sitzend muss man Urteil finden* (букв. Судья должен сидеть; Приговор нужно выносить сидя) нашел отражение правовой обычай вынесения приговора. Такое положение судьи было выражением его спокойствия и концентрации внимания.

Мысль о том, что судья должен быть справедливым, неподкупен и обязан одинаково воспринимать обе стороны (истца и ответчика), эксплицируется во многих пословицах:

Der Richter soll zwei gleiche Ohren haben (Судья должен иметь два одинаковых уха), *Ein Richter darf niemanden kennen* (Судья не должен никого знать), *Der Richter muss allen Leuten ein gleicher Richter sein* (Судья должен быть для всех справедливым), *Kein Richter darf seine Gerechtigkeit verkaufen* (Судья не может продавать свою справедливость).

Являясь основной фигурой судебного процесса, судья не должен совмещать свои функции с ролью истца, поскольку в этом случае судья становится заинтересованным лицом, что повредит объективности и беспристрастности правосудия:

Kein Richter kann Richter und Kläger zugleich sein, Niemand kann Richter in eigener Sache sein (Сам в своем деле не судья).

Все эти пословицы имеют характер предписаний и происходят из различных юридических источников. Именно такого типа правовые посло-

вицы, не имеющие ярко выраженной оценочной окраски, преобладают над паремиями народного происхождения, в которых можно проследить отношение народа — носителя языка — к представителям данной профессии, например *Ein blinder Richter hört auch das Geld klingen* (Даже глухой судья слышит звон денег). Думается, что такое количественное распределение правовых паремий позволяет нам утверждать, что в немецком наивном представлении судья профессионально выполняет свой долг, следует букве закона и является фигурой, заинтересованной в справедливом разрешении конфликта.

В русских пословицах, содержащих в своем составе лексему «судья», гораздо более ярко выражен оценочный компонент значения, при этом большинство пословиц имеют негативную коннотацию:

Не бойся суда, а бойся несправедного судьи; Судья в суде, что рыба в воде; Не всякий судит по праву, иной и по нраву; У несправедных судей много затей.

Вероятно, можно утверждать, что в русском наивном представлении судья является скорее отрицательной фигурой: он не заинтересован в справедливом разрешении конфликта и при этом небескорыстен:

Пред бога с правдою, а пред судью с деньгами; То-то и закон, как судья знаком; Судьям то и полезно, что в карман полезло; Дари судью, так не посадит в тюрьму.

Русские предписывающие пословицы более абстрактны, чем немецкие, которые имеют функциональное назначение (т. е. содержат непосредственные рекомендации по ведению суда). Основной идеей в русских паремиях этого типа является идея справедливости и законности судопроизводства:

Держи суд по закону!; Сиди криво, а суди прямо; Не спеши карать, спеши выслушать; Дело право — лишь рассматривай прямо.

Что касается остальных действующих лиц, участвующих в судебном процессе, то в немецком пословичном фонде ярко и представительно в количественном отношении отражены группы паремий, содержащих компоненты «адвокат» и «свидетель»:

Je mehr Advokaten, je mehr Prozesse (Чем больше адвокатов, тем больше процессов), *In einer leichten Sache kann jeder Advokat sein* (В легком деле каждый может быть адвокатом), *Wo viel Streit ist, da halten die Advokaten Ernte* (Где спор, там адвокат пожинает урожай), *Ein Zeuge — kein Zeuge* (Один свидетель — не свидетель), *Durch*

zweier Zeugen Mund — wird allwärts die Wahrheit kund (Два свидетеля составляют полную улику) и др. Последняя пословица уходит своими корнями в римское право, согласно которому показаний одного свидетеля было недостаточно — как минимум, два свидетельских показания признавались в суде.

Немецкие паремии с компонентом «адвокат» интересны тем, что в них очень эксплицитно представлено отношение носителей языка к лицам данной профессии. Адвокаты имели дурную славу, считалось, что их легко можно подкупить и что закон они толкуют, как им вздумается: *Advokaten und Soldaten sind des Teufels Spielkameraden* (Адвокаты и солдаты — приятели дьявола), *Advokat — Schadvokat* (Адвокаты — вредители), *Ein Advokat und Wagenrad wollen wollen geschmiert sein* (Адвоката и колесо телеги надо подмазать, ср. рус. *Не подмажешь, не поедешь*)

В русском паремиологическом материале отсутствуют пословицы с компонентом «адвокат», здесь мы имеем дело с лакуной, поскольку это явление не получило объективации на данном уровне языка, конечно, не из-за отсутствия лиц этой профессии, а из-за слабо развитого в России института защиты обвиняемых.

В ходе сопоставительного анализа нами было выявлено, что концепт «суд» в немецкой паремиологической картине является более разработанным и структурированным, что можно объяснить большей значимостью этого института в регулировании социальных отношений и длительной правовой традицией, берущей свое начало в положениях римского права.

Список литературы

1. Голованова, Е. И. Категория профессионального деятеля: Формирование. Развитие. Статус в языке / Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова РАН. М., 2008. 304 с.
2. Даль, В. И. Пословицы русского народа : в 3 т. СПб., 1996.
3. Иванова, Е. В. Пословичные картины мира (на материале английских и русских пословиц). СПб., 2002. 160 с.
4. Маслова, В. А. Лингвокультурология. М., 2001. 208 с.
5. Степанов, Ю. С. Константы: Словарь русской культуры. М., 2001. 990 с.
6. Чельцов-Бебутов, М. А. Курс уголовно-процессуального права. М., 1995. 846 с.
7. Duden Deutsches Universalwörterbuch. Mannheim; Wien; Zürich, 1989.

8. Duden Herkunftswörterbuch. Mannheim; Wien; Zürich, 1989.

9. Kaib, H. Rechtssprichwörter und sprichwörtliche Redensarten mit rechtlichem Inhalt. Rothenburg ob der Tauber, 1992.

10. Schmidt-Wiegand, R. Deutsche Rechtsregeln

und Rechtssprichwörter : ein Lexikon. München, 1996.

11. Simrock, K. Die deutschen Sprichwörter. Stuttgart, 2000.

12. URL: www.wortschatz.uni-leipzig.de

Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 33 (248). Филология. Искусствоведение. Вып. 60. С. 243–245.

А. Д. Макарова

ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ ОБРАЗ: СУЩНОСТЬ ПОНЯТИЯ

В статье рассматривается специфика содержания понятия «лингвокультурный образ», его соотношение с понятием «концепт» и особенности репрезентации в дискурсе.

Ключевые слова: лингвокультурный образ, концепт, имидж, дискурс.

В настоящее время особый интерес представляет исследование взаимосвязи лексических единиц и содержательных категорий культуры. Одной из таких категорий являются концепты культуры, которые наиболее наглядно репрезентируются в публицистических текстах. В настоящей статье предпринимается попытка определить, как соотносятся понятия концепт и лингвокультурный образ в данного типа текстах на примере образа страны.

Культурологическое по своей сущности определение концепта дается Ю. С. Степановым в книге «Константы: словарь русской культуры»: концепт — это «как бы сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека. Концепт — это то, посредством чего человек — рядовой, обычный человек сам входит в культуру, а в некоторых случаях и влияет на нее. Концепты не только мыслятся, они переживаются. Они — предмет эмоций, симпатий и антипатий, а иногда и столкновений» [8. С. 40–41]. То, что концепт несет отпечаток культуры, является одной из его важнейших характеристик.

Материалом нашего исследования послужил публицистический дискурс, отражающий восприятие образа одной страны гражданами другой, поэтому, вслед за М. В. Пименовой, мы будем определять концепт как представление о фрагменте мира. Такое представление (образ, идея, символ) формируется общенациональными признаками, которые дополняются признаками индивидуального опыта и личного воображения. Концепт — это означенный в языке на-

циональный образ, идея, символ, осложненный признаками индивидуального представления» [7. С. 9]. Неотъемлемой составляющей концепта является его образность. При высоком уровне абстрактности концепта в публицистическом тексте он оказывается неразрывно связанным именно с образным, оценочно-ассоциативным представлением.

Второй, не менее важной характеристикой концепта является то, что концепт несет отпечаток индивидуального знания, представляющего собой «определенную конфигурацию коллективного знания с точки зрения его объема, содержания и интерпретации» [3]. Значит, можно говорить о том, что анализ индивидуальных представлений отдельных представителей лингвокультурного сообщества является в достаточной мере доказательным в плане специфики коллективного знания этого лингвокультурного сообщества.

Поскольку СМИ оказывают влияние на формирование картины мира отдельного человека и общественное мнение в целом, авторы публицистических текстов осознанно выбирают способы реализации мыслей по тому или иному вопросу в соответствии со своими интенциями. В связи с этим концепт можно рассматривать как единицу структурированного знания о предмете или событии, их отдельных свойствах, характеристиках, взаимосвязи с другими предметами и событиями, которой оперирует человек в процессе речемыслительной деятельности [2. С. 26].

Анализируя представленные определения концепта, можно сделать вывод о том, что по-

нятие концепт неразрывно связано с понятием образ, т. к. в процессе осмысления окружающего мира в сознании человека возникают образы предметов и явлений. В некоторых контекстах эти понятия могут использоваться как синонимы в силу того, что они являются способом представления знаний о мире.

Изучение основных характеристик концепта важно для понимания понятия «лингвокультурный образ». В нашем исследовании мы предпочитаем употреблять понятие «образ», поскольку актуализация изучаемого концепта происходит на материале образных представлений о стране в печатных СМИ.

Понятие «образ» используется в различных областях научной деятельности: литературоведении, психологии, философии, лингвистики и других, следовательно, в зависимости от сферы употребления оно трактуется по-разному.

В философии образ — результат и идеальная форма отражения предметов и явлений материального мира в сознании человека [6. С. 427]. В искусстве — обобщенное художественное отражение действительности, облеченное в форму конкретного индивидуального явления [6. С. 427], а в повседневной жизни — живое, наглядное представление о ком-нибудь, о чем-нибудь [6. С. 427].

Учитывая специфику публицистического дискурса, необходимо подчеркнуть, что образы, создаваемые журналистами, становятся максимально приближенными к реальным. В соответствии с этим понятие образ трактуется как «ментальное восприятие и отражение явлений и фактов, имеющих место в мире, включающее индивидуальное отношение к данным явлениям. Самое важное свойство образа состоит в отражении мира в процессе его практического со-зидания, то есть образ — это некоторая модель действительности, восстанавливающая полученную из действительности информацию в новой сущности» [1. С. 73].

Образ страны, отображаемый в СМИ, не может быть тождествен реальным качествам и характеристикам объекта. Невозможно адекватно воссоздать их в сознании аудитории в силу специфических особенностей несовершенства коммуникации: образ, как продукт отражения объекта в сознании журналиста, отражается в сознании аудитории, искажаясь в процессе [9. С. 5].

Образ влияет на мышление, укореняется в сознании, заставляя верить тому, что излагается в СМИ, даже если информация идет вразрез с фактами действительности. Понятие «образ» в

публицистическом дискурсе неразрывно связано с политикой, так как большинство материалов в СМИ посвящено именно этой области, а политика, в свою очередь, неотделима от понятия «имидж». Эти два понятия (образ и имидж) не тождественны, но близки по значению.

Имидж — целенаправленно формируемый образ (какого-либо лица, явления, предмета), призванный оказать эмоционально-психологическое воздействие на кого-либо в целях популяризации, рекламы и т. д. [4. С. 443]. В психологии имидж определяют следующим образом: имидж [от англ. image «образ»] — целостное видение конкретного социального объекта, построенное на базе его стереотипизированного восприятия, эмоционально окрашенный схематизированный образ этого объекта, представленный в сознании его социального окружения [5].

Имидж (от англ. image «образ», «изображение») — искусственный образ, формируемый в общественном или индивидуальном сознании средствами массовой коммуникации и психологического воздействия

Из представленных определений следует, что понятие имидж — это то же, что и образ, только в узком смысле: имидж объясняется посредством образа, имидж всегда формируется целенаправленно, а образ зависит от интенций автора. В нашем исследовании мы будем использовать эти понятия как синонимы, поскольку в публицистическом дискурсе, который является основным источником материала для выявления лингвокультурной специфики концепта «страна», сложно проследить, намеренно автор создаст положительный/ отрицательный образ или в силу особенностей коммуникации.

Обобщая представленные выше определения, дадим наше его понимание: образ — это ментальное стереотипизированное восприятие и отражение явлений и фактов, имеющих место в мире, включающее целенаправленно формируемое отношение к данным явлениям средствами массовой коммуникации и психологического воздействия.

Лингвокультурный образ изучается в единстве языка, сознания и культуры на основе дискурса, в котором преимущественно используется. Важно осознавать, что лингвокультурный образ отражает национально-культурные признаки, значимые для того лингвокультурного сообщества, где он формируется. Следовательно, лингвокультурный образ обладает национально-культурной спецификой и стереотипизированными характеристиками, которые реализуются в языке.

Список литературы

1. Арнольд, И. В. Стилистика современного английского языка. М.: Просвещение, 1981.
2. Болдырев, Н. Н. Концептуальная основа языка // Когнитивные исследования языка. Вып. IV. Концептуализация мира в языке: коллективная моногр. М.; Тамбов, 2009.
3. Болдырев, Н. Н. Языковые категории как формат знания. URL: <http://boldyrev.ralk.info/dir/material/176lang-cat.pdf>
4. Большой энциклопедический словарь / А. М. Прохоров. М., 1998.
5. Кондратьев, М. Ю. Азбука социального психолога-практика [Электронный ресурс] / М. Ю. Кондратьев, В. А. Ильин. М., 2007. URL: <http://slovari.yandex.ru/~книги/Азбука%20психолога/>
6. Ожегов, С. И., Шведова, Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1995.
7. Пименова, М. В. Душа и дух: особенности концептуализации. Кемерово, 2004.
8. Степанов, Ю. С. Константы: Словарь русской культуры. М., 1997.
9. Шеннон, К. Работы по теории информации и кибернетики. М., 1963.

Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 33 (248). Филология. Искусствоведение. Вып. 60. С. 245–247.

Е. В. Макарова

РЕЧЕТВОРЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО НА УРОКЕ РУССКОГО ЯЗЫКА

В статье анализируются особенности обучения творческой речи на уроках русского языка. Рассматривается организация учебного процесса, его содержание, место художественных текстов в речетворческом пространстве.

Ключевые слова: учебный дискурс, художественный текст, речетворческое пространство, урок русского языка.

Модернизация образовательного процесса требует от методистов разработки и реализации новых технологий обучения. Немало исследований посвящено совершенствованию учебного процесса, равноправными участниками которого становятся педагог и учащийся, активно разрабатывается проблема развития и воспитания творческой личности школьника. В связи с этим роль преподавателя в образовательном процессе — организовать обучающую среду, пространство. Но это не значит, что разработка технологии проведения урока решит все проблемы, так как «каждая учебная процедура уникальна, и ее эффективность зависит от конкретной педагогической ситуации, состояний участников и свойств обучающей среды; каждая среда, ведущая к обучающему эффекту, является обучающей средой, но не каждая среда, созданная как обучающая, дает обучающий эффект в планируемом направлении» [4. С. 95]. Таким образом, задача педагога на уроке — не просто проверить эффективность технологии проведения урока, а создать некое пространство, в котором учащийся сможет гармонично реализовать себя как языковая личность, личность творческая. Такое пространство уникально, и его невозможно воссоз-

дать повторно, так как коммуникативный акт, состоящий из ситуации и дискурса, включает в себя и фрагмент действительности, и лингвистические и экстралингвистические составляющие коммуникантов.

Сегодня часто говорят о пространстве «культурном», «образовательном», «воспитательном» и др. Вводится термин «эстетическое пространство», которое определяют как «протяженность эстетических взаимодействий, ежедневно представляющих перед ребенком в разнообразных материальных и духовных формах» [1. С. 19]. И. И. Баглай отмечает, что в сфере учебы такое пространство должно быть деятельностным, оно представляет практическую реализацию личностной сферы пространства, будучи связующим звеном между личностью и социумом. Но исследователь отмечает, что только «комплексное введение в образовательный процесс предметов эстетического цикла (живопись, хореография, музыка, театр, риторика, эстетика, этика, мировая художественная культура, художественный труд) позволит устранить тот дисбаланс между работой левого и правого полушарий, который возникает у детей в современной школе...» [1. С. 21]. На наш взгляд, такое про-

странство можно организовать и на уроке русского языка путем интеграции с дисциплинами эстетического цикла, прежде всего с литературой как видом искусства, где восприятие слова школьником будет проходить без отрыва от его личностного пространства, где слово станет и учебной (языковой) единицей и единицей дискурса. Назовем такое пространство *речетворческим*.

Любая сфера социокультурной реальности пространственно организована и выступает в виде структурированного пространства-текста, имеющего определенный символический код [2. С. 305]. Отметим, что в учебном процессе дискурс становится тем пространством-текстом, который несет на себе функцию организации обучения и воспитания учащегося, где можно говорить о «специфической коммуникативной стратегии обучения и обмена опытом и знаниями» [6. С. 99].

Дискурс — понятие многомерное, определяется и как «коммуникативная компетенция» и «различные коммуникативные случаи» (В. И. Карасик), и как «разновидность речевой коммуникации» (Ф. И. Шарков), и как «речемышление, погруженное в жизнь» (Н. Ф. Алефиренко). Изучению дискурса в педагогическом процессе посвящены исследования С. Ф. Сергеева, разработки которого позволили нам попытаться смоделировать учебный дискурс на уроке русского языка. По мнению исследователя, учебный дискурс является результатом коммуникации, возникающей в процессе изучения учебной темы (тем), выражаемый в продуктах коммуникации: текстах, высказываниях, оценках, вопросах, дискуссиях и т. д. [5. С. 34]. Таким образом, тема становится как бы пусковым устройством. Отсюда следует, что учебный дискурс — это результат развития определенной учебной темы. В какой момент на уроке появляется учебная тема? Сколько учебных тем может быть на уроке и чем руководствуется преподаватель, выбирая тему, инициирующую дискурс? Ответ на эти вопросы позволит создать модель учебного дискурса.

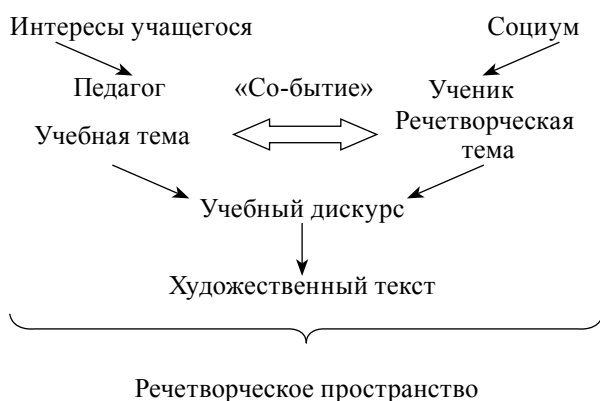
Тематическое обеспечение учебного процесса определяется учебным планом, нагрузкой, учебным пособием и, конечно же, концепцией педагога, выстраивающего логику урока, отбирающего форму и содержание. Учебную тему можно определить как «то, что положено в основу» (от греч. *thema*) [2. С. 126], таким образом, правомерно утверждать, что определение темы урока происходит задолго до реализации урока. Преподаватель не просто открывает учебник и

сообщает тему учащимся, он заранее моделирует учебный процесс, где учебная тема инициирует учебный дискурс. «Мы живем в мире тем — точек бифуркации мыслительного процесса, порождающего продукты мысли в форме дискурсов, которые сами могут стать новыми темами...» — отмечает С. Ф. Сергеев [5. С. 33]. Появление на уроке русского языка *речетворческой темы* как сопутствующей основной позволит «протянуть» в учебном процессе ту нить, которая свяжет воедино формирование учебных (например, грамматических) и речевых умений. Художественный текст здесь должен стать той точкой пересечения, в которой реализуют себя и учебная тема, и тема речетворческая, так как только работа с художественным словом позволит учащемуся воспринимать языковую единицу во всем многообразии ее значений. Образные, изобразительно-выразительные возможности слова выступают на первый план, не умаляя роли лексико-семантического наполнения слова. Поэтому правомерно проводить работу со словом также и в функциональном аспекте: от работы со всевозможными значениями слова до понимания слова как концепта в русле лингвокультурологического направления.

В отличие от темы урока (и речетворческой, и учебной) дискурс невозможно дословно спрогнозировать и определить, так как учебный дискурс уникален и неповторим, он динамичен, его главная функция — «свертка поливариативного многозначного материала в одну версию событий в обучающей среде» [5. С. 36]. Тогда правомерно утверждать, что в речетворческом пространстве, созданном на уроке, дискурс «сворачивает» учебную тему и речетворческую тему в некое событие, событие-текст. Чтобы для учащегося такое «событие» было интересно, доступно и эмоционально близко, моделирование учебного дискурса должно, прежде всего, основываться на интересах самих учащихся. Опрос, анкетирование, беседы с учащимися о том, что им *интересно*, что их *волнует*, о чем бы они хотели *поговорить* или *написать*, позволят организовать изучение учебной темы без отрыва от действительности. Учитель здесь должен понимать, что личностный интерес ребенка должен рационально пересекаться с контекстом обучающей среды, ведь «тема рождается как коммуникативный публичный заказ со стороны социума, как требование окружающей среды и как заказ личности, стремящийся к самореализации» [5. С. 36]. Ранее мы упоминали о том, что на уроке возникает некое событие. Заметим, что

исследователи отмечают событийность урока, событийный подход «как способствующий решению главных методических задач, где упомянута гармонизация освоения учащимися знаний, умений и навыков, их актуализация в решении различных языковых задач и личностного развития школьников, основанного на порождении собственных смыслов в постижении «себя в мире» и «мира в себе» [3. С. 34]. Само понятие «событие» видится нам как со-бытие, как «совместное бытийствование», «как нечто значительное и важное в жизни человека» [7. С. 173]. Таким со-бытием может стать урок русского языка.

Все вышесказанное позволило создать модель урока-дискурса. Отметим, что именно урок грамматики, где ученик ближе всего к *слову*, представляется нам наиболее приемлемым для реализации разработанной модели. Представим модель урока:



Предложенная модель показывает, что формирование учебных умений может происходить на речетворческой основе через работу с художественным текстом, художественным словом. Совместная деятельность учителя и учащегося в образовавшемся речетворческом пространстве порождает учебный дискурс, который способствует, с одной стороны, формированию учебных умений, с другой стороны, умений речетворческих.

Речетворческая тема становится стимулом для изучения учебной темы. Задача педагога — привлечь внимание учеников к изучению языка.

Творческая самореализация языковой личности на уроке русского языка неизбежно приведет к усвоению изучаемого материала. Таким образом, обобщая все сказанное, можно отметить, что создание речетворческого пространства на уроке — сложное, но методически оправданное действие педагога. Богатство пространства зависит во многом от участников коммуникации, поэтому преподаватель должен создать такую атмосферу, где каждый почувствовал бы себя языковой личностью, личностью, способной творить. Развитие у учащихся художественных речетворческих умений — перспективная работа, позволяющая эффективно использовать современные методики, приемы, подходы к изучению русского языка.

Список литературы

1. Баглай, И. И. Роль эстетического пространства как одно из условий формирования эстетического образа жизни учащихся // Творческое развитие в процессе образования: сборник научно-методических трудов / под ред. В. А. Беликова, В. П. Ушачева. Магнитогорск, 2008. С. 19–23.
2. Культурология. Энциклопедия : в 2 т. М., 2007. Т. 2. 1184 с.
3. Сапожникова, О. В. Событийный подход к организации уроков русского языка / О. В. Сапожникова, Н. В. Смирнова // Рус. язык в школе. 2008. № 6. С. 11–13.
4. Сергеев, С. Ф. Средо-ориентированное обучение // Новые ценности образования: тезаурус для учителей и школьных психологов / ред.-сост. Н. Б. Крылова. М., 1995. С. 94–96.
5. Сергеев, С. Ф. Тема и дискурс в педагогическом процессе // Шк. технологии. 2008. № 4. С. 33–37.
6. Силантьев, И. В. Текст в системе дискурсивных взаимодействий [Электронный ресурс] // Критика и семиотика. Новосибирск, 2004. Вып. 7. С. 98–123. URL: //www.nsu.ru/education/virtual/cs-7silantev.htm,1.03.2011.
7. Слободчиков, В. И. Основы психической антропологии. Психология человека: введение в психологию субъективности: учеб. пособие для вузов / В. И. Слободчиков, Е. И. Исаев. М., 1995. 384 с.

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ, ОПИСЫВАЮЩИЕ НЕВЕРБАЛЬНОЕ ПОВЕДЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА, КАК КОМПОНЕНТ РАЗВИТИЯ ЯЗЫКОВОЙ И ОБЩЕКУЛЬТУРНОЙ КОМПЕТЕНЦИЙ

В статье предпринимается попытка установить место фразеологических единиц, описывающих актуальное невербальное поведение человека, во фразеологической системе английского языка. Рассматриваются особенности невербального поведения и описания невербальных компонентов коммуникации в художественном тексте с позиций формирования языковой и общекультурной компетенций студентов вузов.

Ключевые слова: *фразеологическая единица, невербальное поведение, вербальные и невербальные компоненты коммуникации, художественный текст, языковая компетенция, общекультурная компетенция.*

Переход на двухуровневую систему высшего образования в РФ и расширение международного сотрудничества в экономической, политической, научно-технической, культурной и образовательной областях потребовали от современного выпускника высшей школы активного владения иностранным языком. Обучение иностранному языку студентов неязыковых специальностей стало рассматриваться как органическая часть процесса подготовки высококвалифицированных специалистов, активно владеющих иностранным языком как средством интеркультурной и межнациональной коммуникации в сферах профессиональных интересов и в ситуациях межличностного общения.

Так, основной целью освоения дисциплины «Английский язык» является повышение уровня владения иностранным языком, достигнутого на предыдущей ступени образования, и овладение студентами необходимым и достаточным уровнем коммуникативной компетенции для решения социально-коммуникативных задач в различных областях бытовой, культурной, профессиональной и научной деятельности при общении с зарубежными партнерами, а также для дальнейшего самообразования. Изучение иностранного языка призвано также обеспечить повышение уровня учебной автономии, способности к самообразованию, развитие когнитивных и исследовательских умений, развитие информационной культуры, расширение кругозора и повышение общей культуры студентов, воспитание толерантности и уважения к духовным ценностям других стран и народов.

Достижению этих целей во многом способствует изучение фразеологических единиц (далее ФЕ), описывающих актуальное невербальное

поведение человека, ядром которых выступают соматизмы. Данные фразеологизмы традиционно рассматриваются как ФЕ, отражающие процессы, связанные с проявлениями психической деятельности человека и представляющие ядерную область фразеологизмов антропоцентрической направленности [4]. Установлено, что в силу своей значимости в жизни человека сфера «психические процессы и свойства личности» широко кодируется фразеологией самых разных языков. Изучение способов описания невербального семиотического поведения человека предпринималось не только ради теоретического постижения явления, но и с прикладными целями. Цель большинства таких работ — выявить закономерности фиксации невербальных компонентов коммуникации в ФЕ.

Проведенные исследования убедительно показали, что при изучении иностранных языков необходимо с максимально возможной полнотой овладевать языковыми способами выражения невербальных компонентов коммуникации. Это важно, по меньшей мере, по двум причинам: во-первых, потому, что связь между вербальными и невербальными формами коммуникации объективно существует; во-вторых, потому, что они являются значимым средством вербализации поведения персонажей в художественной литературе и потенциальный читатель должен научиться соотносить языковые единицы с невербальными компонентами коммуникации и распознавать стоящую за ними символическую информацию [2].

В ходе исследований было установлено, что соматические слова являются семантическим ядром нейтральных ФЕ, при этом количество слов, участвующих в создании соматических

ФЕ, ограничено. Высокая степень распространенности соматических ФЕ объясняется, по мнению лингвистов, древнейшим характером соматических существительных и широкой их употребительностью в обиходно-разговорной речи, в результате чего в течение веков с такими словами создавались словосочетания, которые впоследствии становились устойчивыми [5].

Особого внимания, на наш взгляд, заслуживает подход, разработанный Г. Е. Крейдлиным, который называет исследуемые им фразеологизмы, описывающие невербальные компоненты коммуникации, *жестовыми*. Ученый отмечает особую важность внутриязыкового перевода невербальной системы в вербальную, который позволяет адекватно описать превращение тела как физической, природной материи в тело как носитель атрибутов определенной национальной культуры. Этот семиотический процесс исследователь предлагает называть *окультуриванием тела* [3. С. 270]. Именно в ФЕ находит отражение концептуализация движений человеческого тела. Семантические связи между двумя единицами — жестом и жестовым фразеологизмом — достаточно устойчивы и многоплановы. Они отражаются как в общих семантических компонентах толкования, так и в когнитивных операциях, осуществляемых над толкованием жеста. Однако так бывает далеко не всегда. Ассоциативной связи может и не быть, а смысл невербальных компонентов коммуникации целиком может входить в смысл фразеологизма.

Собранный нами материал показывает, что, в отличие от русского языка, где часто одна и та же ФЕ способна выражать разные невербальные компоненты коммуникации (отличающиеся как по форме, так и по содержанию), в английском языке такая ситуация чрезвычайно редка. С другой стороны, тех компонентов невербальной коммуникации, которые при одинаковой или сходной внешней форме имеют различную семантику, в английском языке по сравнению с русским, как показывает материал, значительно больше. Кроме того, для ФЕ данного типа в английском языке не характерно переносное значение, что вполне присуще русскому языку [2]. Представляется, что выдвинутый нами тезис вполне согласуется с замечанием А. Вежбицкой о том, что в русской культуре эмоции выражаются более эксплицитно, чем в англосаксонской [1]. Полученные нами данные еще раз подтверждают, что именно в ФЕ проявляются национально-культурная специфика и своеобразие определенного социума.

Что касается статуса жестовых ФЕ английского языка, отметим, что они занимают периферийное положение в общей системе фразеологии, покрывая преимущественно понятийные зоны, которые охватывают эмоции, внутренние переживания и психофизические состояния человека, его интеллектуальную и волевую деятельность. Однако, ввиду того, что в художественном тексте жестовые ФЕ активно участвуют в репрезентации такого неотъемлемого компонента коммуникации, как невербальные компоненты коммуникации, их тщательное изучение и описание является и важным, и актуальным.

Описание невербальной коммуникации в художественном тексте непосредственно связано с коммуникативным процессом. Анализ структуры художественного текста не может не учитывать подобных явлений, прежде всего при выражении психологического состояния и чувств персонажей произведения. Трансляция переживаний и эмоций персонажей осуществляется не только вербально, но и при помощи средств невербальной коммуникации, причем авторы художественных произведений нередко дают даже более убедительное описание эмоциональной жизни человека, чем это делают психологи.

Проблемы, связанные с тем, как представлены невербальные знаки и модели невербального поведения в художественных текстах, рассматривались в трудах многих отечественных исследователей. Суть лингвистического подхода к этим проблемам заключается, на наш взгляд, в привязанности обозначений невербальных компонентов к прагматическим задачам, стоящим перед автором текста. Обозначения эмоций, передаваемых с их помощью, отражают материальный и духовный опыт каждого народа и его языка в отдельности. Внутреннюю жизнь человека, в том числе и эмоциональную, язык художественной прозы описывает специфическими и весьма разнообразными средствами и способами. Обозначения эмоций, представляющие собой номинацию проявлений невербальной коммуникации, являются выразительным средством в художественном тексте.

В ходе анализа невербальных компонентов коммуникации были определены их роль и функции, построены классификации, базирующиеся на разных основаниях. На базе этих классификаций нами сформирована сводная классификация, включающая жестовые, мимические, миремические, тактильные, пантомимические,

проксемные, фонационные и респираторные виды невербальных компонентов коммуникации.

Отдельного внимания в процессе преподавания иностранных языков заслуживают проблемы взаимодействия вербальной и невербальной систем. В большинстве случаев вербальная и невербальная коммуникации дополняют друг друга; обе они действуют в согласии с законами природы, по принятым в данном обществе и данной культуре правилам. И на вербальную коммуникацию, и особенно на невербальную влияет тип и качество культуры, поскольку оба вида коммуникации созданы для выполнения множества общекультурных и коммуникативных функций: манифестации особенностей данной культуры; отражения гендерных, возрастных, статусных и иных свойств ее носителей; передачи эмоций, сигналов возбуждения и тревоги; выражения смыслов близости и важности, убеждения и обмана, доминанции и субординации [6]. Большинство культурных функций, так или иначе выраженных в актуальной коммуникации, осуществляется путем взаимодействия и взаимовлияния ее вербальной и невербальной составляющих. Во всех нормальных ситуациях устного общения невербальный код сосуществует с естественным языком, сопровождая его, а в отдельных контекстах невербальное общение оказывается даже более важным, чем вербальное.

Таким образом, фразеологическим единицам, описывающим актуальное невербальное поведение человека, необходимо уделять особое внимание в процессе изучения иностранных

языков и в ходе развития языковой и общекультурной компетенций учащихся. Невербальные типы поведения по происхождению являются биологическими и культурными одновременно. Поскольку культурные различия существуют в каждом из каналов невербального поведения, возможность их неверного межкультурного понимания вполне реальна. Для правильного декодирования сообщений профессионалу необходимо учитывать и уметь распознавать национально-культурную специфику невербального поведения той или иной общественной группы или социума в целом.

Список литературы

1. Вежбицкая, А. Семантические универсалии и описание языка. М., 1999.
2. Верещагин, Е. М. О своеобразии отражения мимики и жестов вербальными средствами (на материале русского языка) / Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров // *Вопр. языкознания*. 1981. № 1. С. 36–47.
3. Козеренко А. Тело как объект природы и тело как объект культуры (о семантике фразеологизмов, построенных на базе жестов) / А. Козеренко, Г. Крейдлин // *Фразеология в контексте культуры*. М., 1999. С. 269–277.
4. Райхштейн, А. Д. Сопоставительный анализ немецкой и русской фразеологии. М., 1980.
5. Федосов, И. А. Функционально-стилистическая дифференциация русской фразеологии. Ростов н/Д, 1977.
6. Anderson, P.A. *Nonverbal Communication. Forms and Functions*. Mountain View, California, 1999.

Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 33 (248). Филология. Искусствоведение. Вып. 60. С. 250–252.

Е. А. Ненахова

ОБРАЗ ПРОФЕССИИ В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ ДОШКОЛЬНИКА

В статье представлены результаты эксперимента, направленного на изучение образа профессии в языковом сознании дошкольников.

Ключевые слова: языковое сознание дошкольника, профессия, образ профессионала.

В современном мире, с его быстро меняющимися ориентирами, вопрос выбора профессии и формирования образа профессии имеет первостепенное значение уже в детском возрасте.

Детская речь — относительно самостоятельная деятельность, характеризующаяся собственными

целями, мотивами и иерархическим строением. Средства этой деятельности внешне те же, что и у взрослых, однако они резко различаются по функциональному использованию языка [2. С. 200].

Нам представляется, что ранняя вербальная деятельность управляется не чисто языковыми

правилами, а теми, которыми ребенок овладевает через обобщение языковой деятельности. Свое начало эти правила берут в практической (предметной) деятельности. Кроме того, можно полагать, что при овладении системой языка в детстве формируется некая обобщенная система элементов, коррелирующая с системой языка (но не тождественная ей) [2. С. 202].

Поскольку ребенок конструирует языковую систему, исходя из потребности выразить определенные речевые смыслы, доступные его возрасту и актуальные для тех ситуаций и видов деятельности, в которые он вместе со взрослым вовлечен, языковые системы детей, осваивающих один и тот же язык, оказываются в некотором отношении близкими одна другой (поскольку являются сходными не только ситуации общения, но и ситуации, являющиеся объектами описания), к тому же до некоторой степени однотипно и получаемое ими речевое наполнение или речевой контекст. Кроме того, в каждой культуре являются социально отработанными традиции поведения с детьми. В целом, как нам представляется, можно говорить о некоем «детском» варианте каждого языка. Заметим, что оппозиция языка и речи в детском возрасте не прочерчена четко. Перед маленьким ребенком стоит задача из представленных в его речевом опыте речевых фактов сконструировать собственную целостную языковую систему, переходя от одного возрастного этапа к другому [1. С. 187].

Чаще всего первичные профессиональные интересы возникают в собственном учении, в труде, в самооценке личности. В процессе работы с детьми мы выяснили, что главным фактором, влияющим на формирование образа профессионала помимо семьи, которая и задает основные жизненные принципы и позиции, является воспитатель. То, как он преподносит детям роль профессии, как он с помощью игры или мотивации формирует зачатки профессионализма и суждения о нем, в дальнейшем во многом будет определять эту сферу их жизни. Современная школа уже на раннем этапе требует от ребенка определения направления, которое он посчитает важным в своей профессиональной жизни, поэтому такое становление должно начинаться уже на раннем этапе развития ребенка и его коммуникативных способностей.

Чтобы определить образ профессионала у детей дошкольного возраста, нами был проведен эксперимент в двух подготовительных группах МДОУ № 438. В пилотажной группе дети опрашивались массово, в опросе участвовала вся

группа. Поскольку возраст опрашиваемых детей был небольшим, большинство ответов были сумбурными, иногда было трудно различить, что дети говорили, часто более активные дети заглушали более спокойных. К тому же дети быстро теряли интерес. Во второй раз было решено поделить детей на группы по трое. На этот раз опрос прошел лучше, нам удалось задействовать всех детей и получить от них ответы.

Целью эксперимента было выяснить, могут ли дети подготовительной группы по внешним признакам определить принадлежность человека к той или иной профессии. Также выяснялось, что они знают об этих профессиях и какими качествами, по их мнению, обладают и должны обладать профессионалы.

Детям были показаны 10 картинок: актер, библиотечарь, бухгалтер, военный, водитель, врач, менеджер, парикмахер, повар, пожарный, портной, сапожник, спасатель, строитель, учитель. На каждой картинке профессионал был окружен предметами, определяющими его деловую активность, и выполнял действия, свойственные данной профессии. Дети также отвечали на вопросы, кем они хотят стать и кем работают их родители.

Дошкольники легко узнавали те профессии, которые можно отнести к сфере услуг, к службам экстренного реагирования и органам правопорядка (милиция, вооруженные силы, пожарная охрана). Правда, следует отметить, что профессия спасателя вызвала трудность у детей, она появилась относительно недавно и весьма специфична, причем сочетает в себе несколько профессий — врача, пожарного и представителя службы экстренного реагирования.

Большинство детей не узнавали менеджера, бухгалтера и библиотечаря. Трудности были вызваны, вероятно, тем, что у этих профессий нет специфического окружения, предметов, свойственных исключительно этому роду деятельности, а также тем, что дети нечасто сталкиваются с представителями данных профессий.

В каждой группе внимание уделялось тому, какие профессии дети «обыгрывают» в детском саду. Самыми распространенными были профессии продавца и врача, для этого в группах были оборудованы уголки с предметами, отображающими магазин и больницу.

На наш вопрос к воспитателям, стимулируют ли они детей на ролевые игры, ответ был, что дети играют сами по ситуации.

В нашем эксперименте важным было выяснить, какими качествами обладает и должен

обладать профессионалом. Вопросы: *какой он/она, какой он/она должен быть, какой он/она по характеру, какими качествами он/она обладает/должен обладать* — вызывали затруднения. Можно сделать вывод, что в языковом сознании детей пока отсутствуют абстрактные категории, им более свойственны конкретные выражения, которые уже встречаются в их коммуникативном поведении. Поэтому специальный, более абстрактный вопрос: *какой он/она? какой он/она должен быть?* был нами заменен на общий, более конкретный вопрос с пояснением: *Посмотрите, как он одет, какая у него аккуратная одежда, какой он?*, либо общий вопрос, который уже содержал описательное прилагательное, а дети соглашались или не соглашались. После этого они описывали дальнейшие картинку, уже пользуясь теми прилагательными, которые мы с ними использовали, или предлагали свои. Язык у детей был скудным. Характеристики довольно примитивные: *хороший, добрый, милый*.

Интересными были ответы детей на вопрос, кем они хотят стать. Мальчики в основном хотят стать милиционером, пожарным, военным. Значительно отличались ответы на вопрос, почему они хотят выбрать именно эту профессию. Были положительные характеристики: *“милиционером, потому что он всех защищает, они хорошие”, “пожарником, потому что я давно не был пожарником, хорошо быть, потому что он хороший”, “Пошел бы в спецназ, чтобы арестовывать и защищать людей”, “Спасателем, потому что всех спасает”*. Мы столкнулись и с тем, что были отрицательные характеристики в общечеловеческом, нравственном понимании, говорящие о том, что в настоящее время профессии в правоохранительных структурах рассматриваются не как охраняющие, а как обладающие властью: *“милиционером, потому что всех мочит, чтобы денег больше было, они бывают зелеными, они с палками, они убивают и в клетку могут посадить”*.

До сих пор сохранила свою популярность профессия космонавта, при этом она приобрела современное звучание, связанное с тем, что писатели-фантасты создали реальность, где космонавты путешествуют к другим планетам. Денис: *“космонавтом, потому что я там еще не был, нужно аккуратно одеваться и хорошо одевать*

илем, ему это не тяжело. Я полечу на другую планету — посмотрю”.

У девочек выбор профессий был шире. Конечно, здесь встречались и традиционно «женские» профессии: врач, учитель, повар. Интересным был ответ на вопрос, почему девочка хотела стать поваром, а другая официанткой: *“Официанткой, чтобы всем еду подавать”, “Поваром, потому что готовит”*. Сравнительно немногие девочки хотят стать моделями и певицами, в нашем опросе их было всего две. Появляется интерес и к творческим профессиям: *“Я хочу стать художником, потому что рисую хорошо, буду рисовать картины”, “Я хочу стать дизайнером, потому что буду проектировать что-нибудь”*.

Нами было замечено, что зарплата в основном не являлась важным критерием предпочтения той или иной профессии, и лишь в единичных случаях дети выбирали профессию своих родителей: *“Я хочу стать юристом, потому что мама юрист, папа юрист, и они много зарабатывают”*.

Мы можем прийти к выводу, что средства массовой информации и те профессионалы, с которыми дети сталкиваются чаще всего, оказывают влияние на их выбор. Возможность защищать, помогать остается приоритетной. В то же самое время, более квалифицированные профессии, связанные с обработкой информации, и так называемые «белые воротнички» не пользуются интересом у детей, либо они мало о них знают. Коммуникативная компетенция детей раннего возраста еще недостаточна для мышления абстрактными категориями, связанного с определением образа, присвоением ему определенных характеристик. В языковом сознании дошкольников присутствуют лишь крайние категоричные характеристики: плохой или хороший.

Список литературы

1. Цейтлин, С. Н. Направления и аспекты изучения детской речи // *Детская речь как предмет лингвистического исследования*. СПб., 2004. С. 275–278.
2. Шахнарович, А. М. К проблеме языковой способности (механизма) // *Человеческий фактор в языке: язык и порождение речи*. М., 1991. С. 185–220.

Е. В. Омельченко

ПРОЕКТНАЯ КОММУНИКАТИВНАЯ СТРАТЕГИЯ В РАМКАХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ДИСКУРСА

В настоящее время возникает необходимость поиска новых средств обучения языку. В статье предлагается вариант коммуникативной стратегии, направленной на создание и презентацию лингвистических проектов. Они позволяют развить коммуникативные умения студентов в контексте современных социальных требований.

Ключевые слова: образовательный дискурс, коммуникативная среда, инновационные образовательные технологии, проектная коммуникативная стратегия.

Процесс обучения — это коммуникация, так как сутью его является передача знаний и обмен информацией. Социальность данного процесса предопределена его ментальным, психологическим, временным контекстом. Инновационные образовательные технологии в настоящее время представляются как дискурс. Дискурс — это речь, «погруженная в жизнь», рассматриваемая как направленное целевое действие; «это сложное коммуникативное явление, включающее в себя текст (корпус текстов) и социальный контекст, дающий представление, как об участниках специальной коммуникации, так и о процессе производства и восприятия сообщения» [2].

Образовательный дискурс — явление многоплановое: во-первых, знания и умения, включенные в дискурсивную практику, приобретают особый социальный, жизненно значимый статус, во-вторых, сам дискурс является продуктивной методикой обучения гуманитарным предметам. Дискурс позволяет спроецировать объективную реальность в поле субъективности, в данном случае — в значимую потребность, ибо освоить умение свободно, творчески владеть речью принципиально важно для будущего специалиста и является доминирующим качеством в структуре современной языковой личности.

Дискурс — явление динамичное, что позволяет изменять границы реальности, исследовать не застывшие (в этом смысле — неживые, неактуальные, устаревшие) пласты информации, а пространство живого языка. Дискурс выводит язык и коммуникативную ситуацию (по Т. А. ван Дейку) в широкую сферу — сферу жизненной реальности [2]. Таким образом, взгляд на процесс обучения языку как на образовательный дискурс позволяет решить многие проблемы, в том числе включенности личности в социум, и использовать «стратегию потенциальности» в плане коммуникативной ситуации, которая становится не виртуальным, а вполне реальным ре-

петиционным полем общения в развитии языковой личности студента.

Дискурс как процесс реализуется посредством коммуникативных стратегий (дискурсивных стратегий). Коммуникативная стратегия определяется как «когнитивный план общения, посредством которого контролируется оптимальное решение коммуникативных задач» [3]. При этом параметры коммуникативной ситуации связаны с важными в коммуникации критериями оценки речевой ситуации: уместность и неуместность; ритуальность, стереотипность и нестереотипность; личностные особенности, социально-возрастной статус собеседника.

С. Дацок понимает под коммуникативными стратегиями конвенциональные, тогда как некоммуникативные стратегии названы манипуляционными в силу того, что в них реализуется навязанная извне цель [1]. Конвенция как тип продуктивной коммуникативной стратегии, направленной на взаимодействие, является интерактивной, так как требует реализации личностных качеств участника коммуникации. Сутью конвенциональной коммуникации является делиберативный процесс как своего рода диалог, обсуждение и свободное рассуждение [4].

Делиберативная коммуникативная среда дает возможность обмена мнениями, в ходе которого каждый заявляет о себе, отстаивая собственные интересы, но утверждаются такие, которые проходят проверку социумом и получают поддержку. Так происходит уравнивание интересов и справедливое сопряжение результатов обучения. Все это позволяет развить навыки коммуникации, активизирует личность, развивает черты коммуникативного идеала (владение речью, умение слушать, толерантность, эмпатию).

Проектная коммуникативная стратегия имеет целью трансформацию знаний в блоке с коммуникативными умениями, которые отрабатываются в ходе риторических тренировок,

в процессе создания и последующей презентации проектов. В этом смысле проблема трансляции знаний не первостепенна, т. к. на первый план выходит проблема выработки способов субъективации (приведение индивида к некоему качеству, иной форме субъективности, самостоятельности и творчества, что само по себе является формой нового знания).

Важным условием реализации проектной коммуникативной стратегии является момент определения общего дискурсивного пространства — той объектно-символической области, в контексте которой возможно осуществление данного коммуникативного действия. Такая область выстраивается участниками учебной коммуникации на материале творческих, самостоятельно создаваемых, оригинальных текстов (проектов).

Наметим шаги проектной коммуникативной стратегии (определим содержание конкретного образовательного дискурса):

1. Выбор темы проекта: обращение к интересам студента, предложение списка примерных тем, выявление проблем исследования, сопряжение интересов учащегося с актуальными проблемами курса, проецирование темы на общие интересы коммуникантов.

2. Подготовка плана проекта: знакомство с исследовательским материалом, применение методов и средств филологического анализа, выстраивание гипотезы и прогнозирование результатов, определение темы, целей и задач исследования, степени новизны и значимости работы, определение срока выполнения исследования.

3. Исследовательская работа с творческим материалом.

4. Консультирование: обмен информацией на этапах исследования, обсуждение промежуточных результатов исследования, оказание помощи в оформлении работы в рамках научного стиля.

5. Создание текста исследования (письменный вариант).

6. Контроль качества проекта: проверка работы с целью определения качества и соответствия требованиям, собеседование.

7. Создание текста выступления по теме проекта (устный вариант). Презентация: консультация, обсуждение, апробация, собеседование.

8. Выступление исследователя перед аудиторией: определение критериев оценки выступающих и проектов, слушание, обсуждение.

9. Рейтинг участников презентации.

10. Оценка участников проектной коммуникации.

В рамках проектной коммуникации возникает своего рода деловая игра позиционирования себя как исследователя, оратора, творца в поиске новых форм, способов языкового выражения и их оценки; реализуется коммуникативная стратегия личностной репрезентации.

По итогам оценки определяются лучшие лингвистические проекты, при этом в систему критериев оценки входят: культура речи (правильность, уместность, выразительность), техника речи (риторические умения и владения навыками публичного выступления), оценка вербальных и невербальных средств общения, наглядность в ходе представления проекта, новизна и практическая значимость лингвистического проекта.

Лучшие работы включаются в итоговый сборник лингвистических проектов «Звук. Цвет. Смысл», что создает дополнительную мотивацию для обучаемых.

Тематика проектов обусловлена социально-возрастными факторами, культурными традициями, личностными интересами, но в любом случае образовательный дискурс связывает тематику с преподаваемым предметом и особенностями языковых средств выражения в различных сферах (таблица).

Таким образом, лингвистические проекты можно рассматривать как перспективный подход к проблемам развития творческой самостоятельности будущих специалистов и как средство

Темы лингвистических проектов

Тематика проектов	Примеры выполненных проектов
1. Анализ языковых средств в художественных произведениях	«Цветофонический анализ романа М. Булгакова «Мастер и Маргарита»»
2. Анализ языковых средств в текстах рок-поэзии	«Лингвистический анализ текстов рок-групп «Аквариум», «Кино», «Наутилус Помпилиус», «Сплин», «7 раса»»
3. Языковой анализ рекламных текстов	«Слоганы автомобильных компаний», «Политические слоганы»

Окончание таблицы

Тематика проектов	Примеры выполненных проектов
4. Языковой анализ различных типов коммуникативных пространств (кинофильмов, анекдотов, заговоров, собственных произведений)	«Анекдот как уникальное явление современной русской речи», «Заговоры», «Коммуникативный анализ эпизодов фильма Джима Джармуша "Кофе и сигареты"»
5. Городская коммуникация. Нейминг. Языковой анализ названий (продуктов питания, магазинов, салонов красоты, кафе и ресторанов, баз отдыха, медицинских центров)	«Анализ названий магазинов (как вы лодку назовете, так она и поплывет)», «Анализ названий салонов красоты г. Челябинска», «Анализ названий кафе и ресторанов г. Челябинска»
6. Городская коммуникация (анализ речи врача, учителя, менеджера, кондуктора, кассира и т. д.)	«Врач — лингвоактивная профессия»
7. Гендерные аспекты коммуникации (способы знакомства, комплимент как эмоционально настраивающая тактика, особенности мужской и женской коммуникации)	«Искусство делать комплименты», «Некоторые аспекты коммуникативных стратегий»
8. Межличностная коммуникация (преодоление вербальной агрессии, законы общения, принципы толерантности и эмпатии)	«Методы речевого воздействия в книге "Как относиться к себе и людям, Или практическая психология на каждый день"»
9. Межкультурная коммуникация (коммуникативные портреты русских, французов, немцев, англичан, американцев; преодоление межкультурных стереотипов в общении)	«Совместимость современной российской и украинской культур»
10. Язык современной молодежи (особенности школьного и студенческого сленга, язык форумов, интернет-коммуникация)	«Рекламные слоганы в сети Интернет»

конвенциональной коммуникации. Последнее важно, поскольку современный учебный процесс регулируется практической значимостью, личностным смыслом, прагматической логикой, а отношения «студент — преподаватель» характеризуются партнерством.

Итак, проектная коммуникативная стратегия представляется как интерактивная, конвенциональная, характеризуется делиберативностью, следовательно, является продуктивным инновационным средством обучения языковым дисциплинам.

Список литературы

1. Дацюк, С. Коммуникативные стратегии. URL: http://www.uis.kiev.ua/discussion/communicative_strategy.html/<http://gtmarket.ru/laboratory/expertize/gtmarket/2006/127>
2. Дейк, Т. А. ван. Язык. Познание. Коммуникация. М. : Прогресс, 1989.
3. Иссерс, О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. М. : УРСС, 2006. .
4. Хабермас, Ю. Демократия. Разум. Нравственность. М. : Наука, 1992.

Л. П. Прокофьева, А. Ю. Беляева

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ КОММУНИКАЦИЯ НА ЗАНЯТИЯХ ПО РКИ В МЕДИЦИНСКОМ ВУЗЕ: ПРОГРАММЫ, УЧЕБНИКИ, МЕТОДИЧЕСКИЕ ИННОВАЦИИ

В статье предлагается к обсуждению специфика программы подготовки иностранных учащихся к профессиональному общению, традиционные и инновационные методики преподавания специальных курсов РКИ, а также содержание спецкурсов Саратовского медуниверситета.

Ключевые слова: профессиональная коммуникация, научные конструкции, диалог врача с больным, инновации в преподавании.

Система работы со студентами по формированию у них навыков профессиональной коммуникации предполагает две важные цели, связанные со спецификой работы в медицинском вузе:

- обучение профессиональному стилю врача для успешной устной и письменной коммуникации с коллегами,
- обучение навыкам коммуникации «пациент — врач» и необходимым практическим умениям.

Традиционно обучение собственно профессиональному стилю врача и навыкам коммуникации «пациент — врач» основывается на изучении специфических конструкций и моделей вопросов и предложений. Подача и усвоение информации основаны на методическом принципе *от простого к сложному*. Специфичными являются отбор конструкций, их комбинация и способы усвоения, включающие активные формы работы на занятиях и во внеучебное время.

В связи с поставленными целями кафедрой русского языка как иностранного Саратовского государственного медицинского университета им. В. И. Разумовского разработана программа «Основы профессиональной коммуникации», в которую входят разделы «Научный стиль речи», «Диалог врача с больным», «Выступление на клинической конференции», «Реферирование и аннотирование научного медицинского текста». Каждый раздел обеспечен методическими рекомендациями, учебными пособиями, аудио- и видеопрезентациями, позволяющими использовать современные методы обучения коммуникации. Безусловно, данная программа вписывается в общую систему обучения русскому языку как иностранному и основывается на традиционном курсе «Пропедевтика научной речи» подготовительного отделения. Следующим этапом является программа для ординаторов постдипломного этапа обучения, позволяющая скорректировать и «отшлифовать» профессиональ-

ные коммуникативные навыки будущих врачей разных специальностей.

Раздел «Научный стиль речи» учит понимать научно-популярный, а впоследствии и научный текст, готовит иностранных студентов к восприятию содержания раздела «Диалог врача с больным», поскольку многие научные конструкции и устойчивые выражения встречаются в таком типе научного текста, как описание этиологии, симптоматики и клинической картины развития заболевания. Курс, предложенный пособием Л. В. Лукьяновой «Русский язык для медиков» (СПб., 2001) и основанный на материале анатомии, расширен и дополнен адаптированными текстами научно-популярного стиля, на которых и строится система упражнений. Одновременно отрабатывается такой тип учебной коммуникации, как пересказ и беседа о прочитанном, дополняемая фоновыми знаниями студентов и знаниями, полученными ими на занятиях в медицинском вузе.

В разделе «Диалог врача с больным», являющемся важнейшим компонентом подготовки будущего врача, выделяются 4 группы тем, соответствующих структуре медицинской карточки, а также принципу постепенного накопления знаний и умений на каждом этапе освоения русского языка как иностранного:

- «Паспортные данные», где цель — освоение навыков ведения диалога с больным для установления паспортных данных последнего и заполнения паспортной части титульного листа медицинской карты при поступлении пациента в приемное отделение лечебного медицинского учреждения;
- «Жалобы больного», где формируются навыки ведения диалога с пациентом с целью выявления жалоб и оформления записи жалоб в медицинской карте стационарного больного;
- «История настоящего заболевания — Anamnesis morbi», где осуществляется формиро-

вание навыков ведения диалога с больным для составления истории настоящего заболевания и оформления соответствующей записи в медицинском документе;

– «История жизни больного — *Anamnesis vitae*», где формируются навыки ведения диалога с пациентом для получения сведений о его жизни и оформления записи в медицинской карте.

Каждая из представленных тематических групп раздела «Диалог врача с больным» имеет свою специфику, которая проявляется в типах научных конструкций и вопросов, в устных и письменных моделях построения текста. Например, тема «Паспортные данные больного» содержит мало научных терминов и конструкций, большую часть ее составляет общеупотребительная лексика (подтема «Домашний адрес больного» — *город, деревня, улица, проспект, дом, квартира* и т. п.; подтема «Профессия и должность больного» — *инженер, преподаватель, рабочий, пенсионер, школьник, студент* и пр.). Однако именно при изучении этой темы преподаватель имеет возможность уделить достаточно времени отработке правильной интонации при построении разных типов вопросов, тогда как в программе других занятий интонационные конструкции остаются без специального внимания.

Обучение правильной интонации начинается с развернутых вопросов (например, «*Скажите, пожалуйста, как ваша фамилия, имя и отчество?*», «*Какой у вас домашний адрес?*», «*Кто вы по профессии и в какой должности работаете?*»); постепенно вводятся вопросы, относящиеся к наиболее сложным интонационным конструкциям (например, «*Фамилия?*», «*Домашний адрес?*», «*Работаете?*»). Хотя внешняя форма вопроса может показаться очень простой, однако, как показывает опыт работы, именно краткие вопросы вызывают наибольшие затруднения у иностранных учащихся, т. к. они не всегда способны воспринимать отдельное слово в качестве самостоятельного вопроса и, соответственно, выделить в слове-вопросе правильное место для повышения интонации. Текст-описание в данной теме отсутствует.

Особенностью тем «Жалобы больного», «История настоящего заболевания», «История жизни больного» является наличие большого объема медицинских терминов, а также их «разговорных» синонимов (названия заболеваний — *стенокардия/грудная жаба, инфаркт миокарда, хронический/острый бронхит, артериальная гипертензия/гипертоническая болезнь* и пр.; сим-

птомы заболеваний — *аритмия, анорексия/отсутствие аппетита, сердцебиение/тахикардия, метеоризм/пучение, иррадиировать/отдавать* и т. п.), специальных конструкций (например, *что/какие ощущения в области чего/в какой области, что сопровождается чем, что иррадиирует куда*) и устойчивых выражений (например, *рвота на высоте болей*). В этой теме для иностранных студентов наибольшую сложность представляет составление описания жалоб, истории настоящего заболевания и жизни больного, т. к. именно здесь необходимо показать владение терминами и конструкциями и продемонстрировать понимание их значений.

Обучение составлению описания жалоб, истории заболевания и жизни больного составляет большую часть как аудиторных, так и внеаудиторных часов. Существенно облегчает понимание введение модели текста с указанием используемых в нем конструкций и их последовательности. Что касается вопросов врача, то к этому разделу основные типы интонационных конструкций, как правило, введены и отработаны, а воспроизведение интонации альтернативных вопросов (например, «*Какая боль вас беспокоит: сильная **или** слабая?*», «*Боль колющая **или** ноющая?*», «*Боль иррадиирует в правую **или** левую руку?*») не вызывает у студентов затруднений.

В соответствии с задачами программы кафедрой создается система учебных и методических пособий (например, «Основы научного стиля речи», «Основы профессиональной коммуникации»), в которых реализуются поставленные задачи. Специфика подготовки медицинского работника высокой квалификации в СГМУ предусматривает постоянное общение с больными и коллегами по отделению и кафедре, причем обучаемый полностью должен быть включен в общий процесс консультаций, дежурств, приемов больных, консилиумов и обходов. Работа преподавателя РКИ в этой связи приобретает особое значение, так как необходимо вводить большое количество терминов и специфических профессиональных слов, без которых коммуникация в медицинской среде невозможна. Кроме того, именно преподаватель РКИ знакомит иностранных учащихся с особенностями русской культуры общения в официальной и неофициальной ситуации, а также с основами профессиональной этики (например, невозможность обращения к пациенту-взрослому на «ты», замена сугубо научных терминов «разговорными» синонимами (при их наличии) в общении с пациентом и пр.).

Наш опыт преподавания РКИ продемонстрировал действенность частных методик: использование на занятиях максимального количества алгоритмов, схем и опорных сигналов; компьютерных обучающих, тренинговых и тестирующих программ; деловых игр, кейс-технологий и мини-конференций, на которых студенты в игровой форме осваивают необходимый коммуникативный материал, включаются в реальную речевую ситуацию пациентов разного возраста (диалог с ребенком, родителем, с пожилым человеком), ищут выход из разнообразных проблемных ситуаций. Продуктивным представляется создание небольших игровых видеозаписей, в которых проигрывается стандартная ситуация диалога врача — пациента, но после паспортных данных в порядке, продиктованном задачей преподавателя, в речи доктора образуются пропуски, которые необходимо заполнить студенту. Видеофайл в полном виде дается студенту для самостоятельной работы: в ходе многократного

просмотра он способен максимально эффективно отработать уже изученный и выучить новый материал. В классе в ходе деловой игры полученные профессиональные коммуникативные компетенции проверяются и закрепляются, а на практических занятиях в клиниках включаются в активную речь.

Требования Программы по русскому языку как иностранному, современный ФГОС-3 по подготовке специалиста, ставит перед преподавателями РКИ задачи в короткие сроки дать возможность иностранному специалисту начать профессиональную коммуникацию в разных областях деятельности, а также вооружить его способностью к речевому саморазвитию. Опыт работы по описанной программе позволяет говорить о результативности нашей системы, и мы надеемся на плодотворное сотрудничество с коллегами по поиску новых путей решения задач современного образования.

Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 33 (248). Филология. Искусствоведение. Вып. 60. С. 258–260.

О. Ю. Редькина

ТРЕБОВАНИЯ К УЧЕБНОМУ ТЕСТУ В СФЕРЕ ОБУЧЕНИЯ РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ

В статье показано, что в процессе преподавания русского языка как иностранного к учебному тексту предъявляются определенные требования. Данные тексты рассматриваются как с лингвистических, так и с педагогических позиций.

Ключевые слова: учебный текст, обучение русскому языку как иностранному, языковая компетенция.

В современной лингвистике и лингводидактике до сих пор остается актуальным вопрос о требованиях, предъявляемых к учебному тексту. В различных исследованиях намечено два основных подхода к обучению — компетентностный и личностно-ориентированный. В настоящей статье с помощью этих подходов мы рассмотрим требования к учебному тексту в контексте обучения русскому языку как иностранному.

Компетентностный подход к обучению русскому языку как родному предполагает формирование языковедческой (лингвистической), коммуникативной и культуроведческой компетенций [4. С. 39]. На формирование языковой компетенции направлено обучение в так называемых профильных школах, в непрофильных

же изучение языка в большей степени направлено на приобретение коммуникативной компетенции.

Формирование собственно коммуникативной компетенции является основной целью в обучении русскому языку как иностранному [5. С. 5]. Коммуникативная компетенция рассматривается А. А. Зернецкой [2. С. 48], А. А. Соломоновой [7. С. 43], В. Т. Марковым [5. С. 5] как сложное многоуровневое явление, обладающее системной организацией. Согласно исследованию В. Т. Маркова, тремя ее базисными компонентами являются языковая, предметная и прагматическая компетенции [5. С. 5].

Языковая компетенция обеспечивает формирование у говорящего умения строить грамма-

тически правильные и осмысленные высказывания, предметная компетенция отвечает за содержание высказываний, а прагматическая компетенция раскрывает коммуникативные намерения говорящего, условия общения, формируя у говорящего способность использовать высказывания в определенных речевых актах, соотнося их с интенциями и условиями (ситуациями) общения [5. С. 6].

Исследования Т. В. Маркова и Н. В. Куриковой посвящено созданию модели обучения иностранных студентов общению в учебно-профессиональной сфере, поэтому исследователи выпускают из внимания три других вида коммуникативной компетенции — страноведческую, этнокультурную и лингвокультурологическую.

Приобретение страноведческой, этнокультурной и лингвокультурологической компетенций как разновидностей коммуникативной компетенции является чрезвычайно важным на подготовительном этапе обучения русскому языку как иностранному. В нашем исследовании мы рассматриваем требования к учебному тексту с точки зрения комплексного компетентного подхода.

Выделим основные компетенции, которые приобретаются студентами в ходе изучения русского языка как иностранного:

языковая, то есть знание системы языка, включая фонологию, грамматику, лексику, синтаксис; коммуникативно-прагматическая, то есть знание коммуникативных ситуаций и соответствующих жанров. Коммуникативно-прагматическая компетенция представляет собой совокупность страноведческой, этнокультурной и лингвокультурологической компетенций.

Приобретение этих видов коммуникативной компетенции позволит не только общаться на изучаемом языке, но и избегать коммуникативных неудач, связанных с незнанием специфических исторических, бытовых и языковых реалий.

С точки зрения описанного компетентного подхода учебный текст в контексте обучения русскому языку как иностранному должен отвечать следующим требованиям:

Быть образцом речи и ее функциональных стилей: научного (тексты изложения теоретического материала) и литературно-разговорного или художественного (тексты упражнений в зависимости от цели занятия и источника текста).

Быть стимулом для продуцирования ответной речевой реакции обучающихся, содержанием мотивировать на создание собственных

текстов или устных высказываний. Как отмечает В. Щарнас, «в текстах должны звучать актуальные, жизненные проблемы, вызывающие у учащихся живую мысль, желание высказаться, спорить, не соглашаться, заставляющие их решать различного типа речевые задачи» (цит. по: [1. С. 2]).

Соответствовать требованиям преемственности и перспективности: тексты по уровню лексической, грамматической, синтаксической сложности должны соответствовать степени овладения учащимися языком, но при этом развивать их умения и навыки, предлагая содержательно и грамматически новую информацию. В книге *Principles of Language Learning and Teaching* эта модель описывается предложенной Крашеном формулой $i+1$, где i — степень владения учащимся языком, а 1 — то новое для него, что появляется в учебном дискурсе [9. Р. 243].

Нести информацию о государстве изучаемого языка, необходимую для дальнейшей коммуникации с его жителями в бытовой и отчасти профессиональной сфере.

Выступать основой для совершенствования навыков построения монологических и диалогических высказываний, выполнения коммуникативной роли инициатора разговора и ответчика, участия в неформальных и официальных коммуникативных ситуациях, создания устных и письменных речевых продуктов в соответствии с параметрами ситуации обучения [6. С. 10].

Таким образом, содержание текстов изложения теоретического материала и текстов упражнений реализует компетентный подход. Возможен также подход личностно-ориентированный, который реализуется в различных типах заданий.

Личностно-ориентированный подход предполагает, во-первых, продвижение заданий от собственно языковых к условно-речевым, а затем собственно коммуникативным [6. С. 10]. Во-вторых, чтение текста должно быть организовано как основа для выхода в реальный акт коммуникации, должно настраивать учащихся на активное самовыражение в речи [3. С. 38]. Опираясь на классификацию Н. Н. Коневой, назовем три типа заданий, реализующих этот принцип, — предтекстовые, притекстовые и послетекстовые.

В соответствии с психофизическими особенностями студентов задания должны содержать ряд вопросов:

трансформационные вопросы, которые подводят учащихся к самостоятельным выводам по

поводу смыслового содержания части текста, соотнесению новой информации с уже знакомой;

интерпретационные вопросы, которые раскрывают связи между идеями, фактами и жизненными ценностями, заданными в тексте, помогают учащимся осмыслить события, происходящие с героями;

анализирующие вопросы, которые дают возможность учащимся более глубоко исследовать проблемы логики, причины происходящего при чтении текста, разложить события на отдельные ступени;

синтезирующие вопросы, которые дают возможность использовать свои знания и опыт для решения поставленной проблемы;

оценочные вопросы, которые дают возможность раскрыть ценностные ориентиры, жизненные принципы;

вопросы прогнозирующего характера, которые дают возможность определить цель чтения.

Как видно из приведенной классификации, различные типы вопросов направлены на приобретение различных компетенций и соотносятся с личностно-ориентированным подходом к обучению. Последний заключается, с одной стороны, в подчеркнута индивидуальном подходе к смыслу текста: вопросы направлены на выражение студентом личной точки зрения. С другой стороны, многообразие типов заданий дает возможность каждому студенту выбрать свой путь для преодоления барьера в постижении другого языка и чужой культуры.

О конкретных путях конкретного ребенка в язык писала С. Н. Цейтлин в работе «Детская речь как предмет лингвистического исследования» [8. С. 275]. Как каждый ребенок идет к постижению родного языка своим путем, так и каждый иностранный студент своим путем ов-

ладевает языком. Пути эти зависят от индивидуально-личностных особенностей студента.

Таким образом, компетентностный и личностно-ориентированный подходы неразрывно связаны друг с другом и в этом взаимодействии они дают лучшие результаты.

Список литературы

1. Жофкова, Г. Роль и место учебного текста в концепции учебника русского языка как иностранного // *Стереотипность и творчество в тексте: межвуз. сб. науч. трудов*. Пермь, 1999. С. 2–9.
2. Зерneckая, А. А. Структура понятия «коммуникативная компетенция» // *Русский язык за рубежом*. 2005. № 1–2. С. 48–51.
3. Конева, Н. Н. Приемы работы над художественным текстом с использованием инновационных технологий // *Рус. язык за рубежом*. 2008. № 3. С. 38.
4. Литневская, Е. И. Методика преподавания русского языка в средней школе / Е. И. Литневская, В. А. Багрянцева. М., 2006.
5. Марков, В. Т. Лингводидактическое описание учебного текста и технология обучения речевому общению иностранных студентов гуманитарного профиля : дис. ... д-ра пед. наук. М., 2004.
6. Скороходов, Л. Ю. *Окно в Россию : учеб. пособие по русскому языку как иностранному для продвинутого этапа* / Л. Ю. Скороходов, О. В. Хорхордина. Ч. 1. СПб, 2003.
7. Соломонова, А. А. «Компетенция» в образовательном стандарте и «коммуникативная компетенция» в методике преподавания РКИ: сопоставление понятий // *Рус. язык за рубежом*. 2010. № 4. С. 43–48.
8. Цейтлин, С. Н. *Детская речь как предмет лингвистического исследования*. СПб., 2004.
9. Douglas Brown, H. *Principles of Language Learning and Teaching* / H. Douglas Brown. San Francisco, 2006.

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ О БЕССМЕРТИИ В НАИВНОЙ МИФОЛОГИЧЕСКОЙ КАРТИНЕ МИРА (на материале античной и скандинавской мифологий)

Терминологическая культура включает в себя научные и обыденные представления, в том числе элементы мифологической картины мира. Их важно учитывать в процессе формирования научного мышления и этических принципов будущих врачей.

Ключевые слова: профессиональная подготовка медика, практическая философия, мифологическая картина мира.

В системе подготовки будущих медиков исключительно важным является овладение профессиональной терминологией не только как компонентом научного аппарата, но и как элементом профессиональной коммуникации. Использование современной научной информации и изучение языковых механизмов является необходимым условием формирования специалиста, интеллигентной языковой личности. Как известно, еще античная цивилизация не только создала основное поле медицинской терминологии и указала на связь ментальности и языковой традиции, но и обозначила модели поведения с их ценностным и нормативным содержанием.

Этические моменты, сформулированные в клятве Гиппократова, позволяют рассматривать ее «в качестве духовно-практического орудия целенаправленного формирования рефлексивной способности субъекта культуры, а тем самым — в качестве мировоззренческой универсалии, придающей медицине статус «практической философии» [2. С. 12]. Для ориентации в ее информационном и эстетическом пространстве, снабженном нравственными ориентирами, исключительно важным является знакомство с мифологией, потому что она «есть определенная модель культуры», в которой «миф выступал как чувственный образ и как неразрывно порождаемая таким образом система ценностей, определяющая знаково-символический статус вещей» [1. С. 55]. Это та ступень, которая помогала потом перейти от практической философии к метафизическому осмыслению окружающего мира. Именно в мифологии уже можно было найти ответы на вопросы, которые волновали как отдельного представителя социума, так и социум в целом. Одной из важнейших проблем человечества всегда была проблема бренности человеческого существования, связанная с инстинктом самосохранения — одним из главных

инстинктов человека — и нашедшая отражение в идее бессмертия.

Греческие боги не просто бессмертны, но и физически совершенны, молоды и красивы, они вне времени. Единственный пример физической ущербности Гефеста, вызванной плохим отношением к нему родителей, компенсировался сообщениями о его трудолюбии и таланте кузнеца, а также о способности вызвать симпатию у красавицы Афродиты. Бессмертие и красота греческих богов поддерживаются нектаром и амброзией — «пищей», изобретенной, по одной из версий, Деметрой. В скандинавской мифологии проблему молодости успешно решала богиня вечной молодости Идунн, угощавшая богов «молодильными» яблоками. В отличие от греческих богов скандинавские боги не были бессмертными, их облик должен был навевать мысли о воинской доблести, об умении храбро воевать и побеждать врага. Верховный бог скандинавов Один вынужден был отдать великану Имиру глаз за напиток, дающий мудрость, а затем, проколов себя копьем, девять дней провисеть на дереве Иггдрасиль. Кроме того, его мудрость подпитывалась двумя воронами, сообщавшими ему обо всем происходящем — Худином — мыслью и Мунином — памятью, которые вместе составляли своеобразный «концепт знания». Один умел оживлять мертвецов: чтобы узнать о конце света, он поднял из могилы прорицательницу вельву, он же забальзамировал голову Мимира, отрубленную ванами, оживил ее и советовался с ней. Сын Одина, бог войны Тюр, самый храбрый из асов, потерял правую руку, сажая на цепь волка Фернира, так как он единственный, как и положено воину, отважился положить свою руку в пасть чудовищу. Бог света и жизни Бальдр, любимый сын Одина, несмотря на все предосторожности, был убит его слепым братом Хедом, но все попытки вернуть его из царства мертвых братом Хермодом закончились неудачей.

Если у древних греков царство мертвых — это владения неумолимого и мрачного Аида, то у скандинавов войны, павшие в бою, попадали с помощью валькирий в Вальхаллу, а люди, умершие от болезни и старости, соблазнитель чужих жен и нарушители других норм родового права — в царство Хель — богини мертвых. В Вальхалле погибшие войны ели «волшебного вепря», пили неиссякаемое медовое молоко или сражались друг с другом в ожидании последней битвы Рагнарека. Полчища мертвецов Хель в день Гибели богов сядут на корабль Нагльфар, который построен из ногтей мертвецов, и отправятся на бой с эйнхериями — воинами Одина. Поскольку жизнь не бесконечна, то она делится на разные этапы, среди которых Старость — Элли заслуживает исключительного уважения, даже могущественному богу грома и молнии Тору пришлось упасть на одно колено перед ней, признав свое поражение в поединке с той, которую оказалось невозможно победить.

Одной из обязанностей бога Гермеса было сопровождение душ умерших в Аид, самовольное же посещение царства мертвых было чревато серьезными последствиями. По одной из версий, Зевс во сне приказал Пирифую, могучему царю лапифов и любимому другу Тесея, отправиться в Аид и попросить у его владыки себе в жены Персефону. В результате оба были посажены в кресло забвения, к которому они приросли. Приход Геракла освободил только Тесея, а Пирифой так и остался в царстве мертвых. Строитель и царь Коринфа Сизиф, дважды обманувший богов, сначала держал в плену бога Танатоса, а потом, нарушив обещание вернуться в Аид после посещения собственного дома, получил наказание — вечно вкатывать на гору тяжелый камень.

Если греческие боги одаривают кого-либо бессмертием, то горе тому, кому они забудут дать вечную молодость: такова история смертного Титона, мужа Эос, богини утренней зари. Видя страдания дряхлого неумирающего старика, Эос из жалости превратила его в цикаду. Юной троянке Герофиле, получившей впоследствии прозвище Кумской сивиллы, Аполлон предложил все, что она пожелает, если станет его возлюбленной. Кроме дара прорицания она попросила у бога долгую жизнь продолжительностью в тысячу лет по числу пылинок в выметенном ею мусоре, но не получив в дар вечную юность, большую часть своей жизни она пребывала старухой, с годами настолько высохшей, что могла жить только в бутылке, свисавшей с потолка

ее пещеры, и молить о смерти. Обладание бессмертием не гарантирует жизни без физических страданий. Кентавр Хирон, знаток медицины и искусств, получив неизлечимую рану, мечтал добровольно расстаться с дарованным ему бессмертием. Отдав Прометею свое бессмертие и избавив таким образом его и себя от мучений, Хирон с радостью отправился в Аид.

Стремление вернуть себе молодость могло иметь плачевные последствия, особенно если это касалось существа, запятнавшего себя неблагоприятным поступком. Так, волшебница Медея, представ перед царем Йолка Пелием сначала старухой, а потом юной девой, уговорила его на рискованный эксперимент по омоложению, который завершился для него жалкой смертью. Поучительна в этом смысле история Тидея, сына калидонского царя Ойнея: Афина, испытывавшая симпатию к Тидею, одному из участников похода семерых против Фив, и обещавшая ему бессмертие, за жестокое обращение с поверженным противником с негодованием отказывает ему в этом.

Аристея сына Аполлона и Кирены, передавшего людям знания врачевателя, пастуха и особенно пчеловода, Гея сделала бессмертным, но это не спасло его от гнева богов за проступок: преследуемую им Эвридику укусила змея, и она умерла. Красавица Алфея получила от мойры Атропос предсказание: ее сын Мелеагр умрет, когда сгорит в очаге полено, она вынула его из пламени, но вновь бросила в огонь, когда сын убил на охоте ее брата.

По одной из версий, красивый юноша Эндимион за свою красоту был взят Зевсом на небо, но потом погружен им же в вечный сон за любовь к Гере; по другой версии, богиня луны Селена умолила Зевса даровать смертному Эндимиону вечный сон, бессмертие и вечную юность, что позволило ей в течение 30 лет посещать каждую ночь спящего юношу в пещере.

Герой скандинавской мифологии викинг Старкад, безжалостный и жестокий воин, награжденный Одином тремя жизнями, владением поэтическим слогом и богатством, глубоким старцем искал смерть от меча и того, кто умертвит его за деньги. Принял смерть от Хатера и попал в ад.

Не всегда акт по обретению бессмертия проходил успешно, например, богиня Деметра попыталась сделать бессмертным Демофонта, сына элевсинского царя Келея, натирая его волшебными мазями и держа над огнем, но Метанира, мать ребенка, увидев это и придя в ужас, помешала

богине. Нельзя признать успешной и попытку сделать бессмертным Ахилла, наличие уязвимо-го места послужило причиной его гибели.

Таким образом, даже эти немногочисленные примеры показывают, что коллективное сознание древних людей, обусловленное географическим детерминизмом и проявившееся в мифологическом мышлении, являлось трансляцией социального опыта и культурной идентичности. Каков миф — таково мышление, каково мышление — таков народ. Культура диктует ориентиры в поведении личности. Это те архетипы, которые впоследствии будут творить самостоятельно, подпитывая тот или другой мощный интеллект и позволяя ему создавать очередной шедевр.

Система образов в мифологическом дискурсе не только обозначала настоящую или виртуальную реальность, но и соединяла праздник с напоминанием об ответственности за свое поведение и за судьбу потомков. И античная, и скандинавская мифологии, сохраняя свой семиотический код и получив бесконечный ряд визуализаций и ментальных построений, стали источником неисчерпаемых художественных рефлексий, требующих иногда не только культурного сканирования, но и медицинских интерпретаций. Все это позволяет современному человеку сформировать свой эстетический код, который помогает видеть прекрасное и надеяться на лучшее. Сценарий жизни известен, главное — не перепутать ориентиры, так хорошо обозначенные в системе культур древних греков и викингов.

Глубина мифологического смысла и целостность в пределах семантического текста определяет художественную стратегию и степень насыщения суггестивными моментами. Уникальность данной мифологической картины мира, как античной, так и скандинавской, заключается в ее концептуальной значимости, открытой для других содержательных конструкций. Ее эксплицитное, информационно смысловое пространство, представленное в мифологических прецедентах, позволяет не только создавать ирреальный мир, но и в условиях эстетического комфорта репрезентировать реальное поле интеллектуальной креативности, провоцировать новые смысловые уровни, опираясь на культурные концепты, проверенные временем и демонстрирующие их эволюцию в зависимости от нравственных и философских установок. Создав мифологическую парадигму с ее суммой чувств, эмоций и культурных установок, древние народы указали путь к бессмертию, которое подразумевает преодоление естественной природы через вечное возвращение и преобладание духовного над материальным.

Список литературы

1. Найдыш, В. М. Философия мифологии. М., 2002.
2. Рыбин, В. А. Философские проблемы этнотанализа: методологический анализ : автореф. дис. ... д-ра филос. наук. Екатеринбург, 2006.

Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 33 (248). Филология. Искусствоведение. Вып. 60. С. 263–269.

И. К. Феоктистова

ПРЕДАНИЕ О БЕЛОЙ БЕРЕЗЕ

В данной статье на основе системного анализа мифологических мотивов устных и письменных текстов доказано русское происхождение повествований о белой березе.

Ключевые слова: образ, мифологический мотив, оппозиция, белая береза, черный народ.

В XIX–XX вв. в ряде регионов нашей страны были записаны предания, повествующие об исчезновении коренного народа накануне прихода русских. Местные жители якобы каким-то образом узнавали о скором появлении нового народа и, не желая быть покоренными, предпочитали добровольную смерть: они выкапывали особые ямы, сносили туда все самое ценное и, собрав-

шись всеми семьями в этих ямах, изнутри обрушивали столбы с навесом. В результате таких действий происходило самозахоронение автохтонного этноса.

В отдельных случаях исчезновение (гибель) аборигенов связывалось с неожиданным появлением в их местах *белой березы (белого дерева, белого леса)* накануне прихода русских. Такого

рода тексты зафиксированы начиная с XIX в. на Русском Севере, Урале, в Западной и Восточной Сибири. Сюжеты их почти идентичны, поэтому достаточно привести в качестве примера один текст из этнографического описания юго-западной части Томской губернии, сделанного Г. Н. Потаниным: «До прихода русских Сибирь была заселена чудью. У этой чуди было предсказание, что когда на сибирской почве вырастет белая береза, то и всей землей завладеет белый царь. Когда белая береза в самом деле появилась в Сибири, чудь закопалась заживо в землю со всеми своими сокровищами, поэтому бугры, в которых находят древности, и все, что в них найдено, называются чудскими» [15. С. 149].

Большое сходство преданий о самопогребении исчезнувшего народа (чаще всего именуемого чудью), включающих мотив появления белой березы, вызывало у собирателей и исследователей фольклора желание выяснить, почему именно береза играла роль «рокового дерева», побуждающего к самоубийству древний этнос. Попытки объяснить появление в сюжетах преданий образа белой березы как недоброго предзнаменования предпринимались уже в XIX в. Уральский фольклорист А. И. Лазарев в 1970 г. ввел в научный оборот материалы А. Эрмана.

Эрман истолковывал образ березы исходя из так называемых «естественных» причин: он связывал негативную оценку появления березы вместо елей и сосен с лесными пожарами, уничтожавшими хвойные леса, участвовавшими при колонизации русскими восточных земель. Леса были важнейшим источником пропитания местных жителей. Замена хвойного леса лиственным приводила к резкому уменьшению и ухудшению качества дичи, что вызывало, по мнению автора, справедливое негодование коренных народов (чуди), живущих в основном охотой [10. С. 27–28].

Выдающийся русский ученый А. Н. Веселовский также обратил внимание на повествования о березе. Веселовский сопоставлял это предание, именуемое им «сибирским поверьем», с рассказами «самоедов архангельских и енисейских» о «древнем народе чуди, который называется «сиртье» (siirtje): они, будто бы, жили частью в пещерах, частью в вырытых ямах, куда прятали свои богатства. <...> Чтобы положить конец этим обидам, русский царь велел устроить поединок: чей представитель скорее срубит дерево, того племени и должно владеть землей. Выбрали два дерева; русский тем перехитрил противника, что рубил под вершиной дерева, а чудин рубил

у комля. После того чудь ушла под землю, где и живет богато: у нее много золота <...> вместо оленей у них стада мамонтов <...>» [2. С. 85].

Отечественные исследователи XX в. отчасти разделяли указанные предположения: так, А. И. Лазарев был солидарен с мнением А. Эрмана [10. С. 28], а Н. А. Криничная в комментариях к сборнику «Предания Русского Севера» [17. С. 239] делает ссылку на «Поэтику сюжетов» А. Н. Веселовского [3. С. 589]. Хотелось бы отметить, что «Поэтика сюжетов» содержит лишь указание на цитируемый выше источник.

В полемику с А. И. Лазаревым в 1970-е гг. вступила В. П. Кругляшова, поскольку считала, что «мотив белого дерева был вызван к жизни представлениями анимистического и антропоморфного характера», и подчеркивала, что хотя «береза на Урале и в Зауралье появилась, действительно, позднее хвойных лесов, но все-таки очень давно, задолго до русских («белых людей»)» [9. С. 61].

В. П. Кругляшова предполагала, что связь березы с русскими «произошла в представлениях людей, вероятно, не без участия хранителей дохристианского культа деревьев», «представления людей о священных деревьях были использованы хранителями культа для утверждения представления о березе как зловещем дереве, появление которого предвещает беду — появление белых людей». В русском же фольклоре, по мнению автора, «береза не вызывает зловещих представлений» [Там же]. В итоге исследовательница пришла к выводу, что «вначале мотив белой березы возник в среде нерусских людей, вероятнее всего, татар <...> но постепенно он вошел в русские предания о чуди, о татарах (критическое отношение к власти белого царя <...>)» [Там же. С. 64].

В предположениях В. П. Кругляшовой наибольший интерес вызывает мысль о связи образа березы с верованиями разных народов. Идея же о заимствовании повествования русскими от других этносов представляется спорной. Чтобы выяснить вопрос о возможном заимствовании, необходимо, на наш взгляд, рассмотреть отношение к березе автохтонных народов Сибири, русского народа, затем провести сравнительный анализ.

Предваряя анализ, хотим сразу же подчеркнуть: **этнографические материалы Сибири не отмечают выраженного негативного отношения к березе в нерусской среде.** Так, И. В. Ильина, анализируя элементы традиционной культуры салымских хантов, связанные

с рождением и воспитанием ребенка, показывает в своей работе использование *березы* и наростов на ней (*чаги*) в магических целях: «После обрезания пуповины повитуха обмывала ребенка настоем чаги и поносила его к горящему очагу»; «выходцы из Югана сжигали в очаге куклу, изготовленную из крестообразно скрепленных березовых веточек и одетую в халат красного цвета» [7. С. 123]. Красный является цветом женского божества Анке Пухос — «подательницы детей», «сохраняющей определенное время свои права на новорожденных» [Там же. С. 122–123]. По мнению Ильиной, «как возврат Анке Пухос <...> можно рассматривать обычай вывешивать послед с пуповиной на дерево» или «закапывать под березу, чтобы земля растила ребенка». Обычай *закапывать* послед автор считает заимствованным салымскими хантами от русских и далее отмечает следующие важные элементы обрядности: «До трех месяцев ребенок находится в берестяной колыбели» [временной.— И. Ф.]; «обереги для охраны от злых духов клали и в колыбель. Считалось важным, чтобы березовые гнилушки, насыпанные на дно, были белого цвета» [Там же. С. 123].

Верховным божеством обских угров является Нуми-Торум, одна из функций которого — установление продолжительности жизни человека. Как указывает Е. А. Хелимский, «в культовых ритуалах с Нуми-Торумом ассоциировались белый цвет, возвышенность, береза как священное дерево» [27], а Анке Пухос (Пугос) является дочерью или матерью Нуми-Торума [28]. Таким образом, перечисленные ритуальные элементы: жертва-заместитель из березовых веточек, жертвование последа березе, временная берестяная колыбель, белые березовые гнилушки в качестве оберега — показывают тесную связь березы с Анке Пухос — божеством, дарующим и отнимающим жизнь ребенка, в образе которой проявляются черты хтонического существа, то есть проявляется связь с Нижним миром.

Ритуальную роль березы у обских угров отмечает также С. В. Иванов. Автор пишет, что у хантов «маски, изображающие лицо человека, надевающиеся во время танца участниками медвежьего праздника (всегда только мужчинами), делались чаще всего из бересты, реже из дерева, и должны были скрыть от медведя лица танцующих» [6. С. 46], также «ханты иногда вырезывали из бересты фигурку лошади с целью оберега» [Там же. С. 61], «заболевшие манси должны были, по требованию шамана, приносить в жертву духам оленя или лошадь. Поскольку это

требование не всегда могло быть выполнено незамедлительно, фигурку необходимого животного вырезывали из бересты и держали в ящичке. После жертвоприношения ее сжигали» [Там же].

Итак, в культурах обских угров не отмечено представление о березе как о сугубо *зловещем дереве*, предвещающем беду в виде пришлых *белых людей* или *власти белого царя*, но береза обнаруживает связь с могущественным женским божеством, «матерью богов», аналогичную «великим богиням» других этносов, проявляя тем самым амбивалентные свойства, и может в разных случаях соотноситься с обоими членами оппозиции жизнь / смерть, а следовательно, быть потенциально опасной.

Необходимо отметить также широкое использование березы в культовых целях у народов Сибири, относящихся к другим языковым группам. Полный обзор такого использования не может быть сделан в рамках данной статьи, но этнографические материалы дают ряд примеров, показывающих, что многие коренные народы изначально считают березу *своим* деревом и никак не связывают ее произрастание с приходом завоевателей.

Одно из ранних описаний ритуального очищения камчадалов во время ежегодного праздника сделано уже в XVIII в. С. Крашенинниковым. Знаменитый путешественник в книге «Описание земли Камчатки» сообщал, что аборигены срубленную под корень березу приносили вечером к юрте и били ею с криком и топанием в двери и окна юрты, затем старались затащить дерево в юрту. Для очищения от греха семья дважды проходила через березовый прут, связанный в форме кольца [8. С. 203].

В начале XX в. К. Рычков привел описание обрядов очищения южных тунгусов, в которых береза играет ключевую роль: тунгусы выбирают подходящее дерево, высокое и стройное, растущее обычно возле устья реки или в тех местах, где особенно заметно присутствие «хозяина» местности: «Намеченную березу раздирают вдоль комля надвое и в расщеп вставляют распорку. К вершине этой березы, в дар духу — хозяину места, привешивают платки, сукна, ленты ярких цветов, а у комля ее разводят небольшой огонь и приносят ему возлияния из жиров диких животных. Затем в образовавшееся отверстие, перешагивая через огонь и дым от жиров, проходят все промышленники и проводят за собой своих собак» [21. С. 39].

Автору данной статьи неоднократно доводилось наблюдать использование березы

в культовых целях коренными народами Алтая: в местечке Аржансу по трассе Горно-Алтайск — Чемал возле источника в 1970–1980-е гг. росла священная береза, на ветвях которой были повязаны узкие полоски ткани в дар духу — хозяину местности.

Священным деревом береза является и для хакасов, о чем, по наблюдению Л. Потапова, свидетельствует изображение ее в правом верхнем секторе шаманского бубна. Береза была нужна, когда шаман «приходил к хозяину горы, чтобы узнать, как лечить человека, который позвал его камлать» [16].

В русском фольклоре, как и в общей славянской традиции, отношение к *белому дереву* двойственное. Это подчеркивают Л. Н. Виноградова и В. В. Усачева: с одной стороны, «береза может выступать как «счастливое дерево», оберегающее от зла», с другой — «как вредоносное, связанное с женскими демонами и душами умерших» [4].

В русской традиции Сибири сакральный характер березы хорошо прослеживается в поверье, приведенном Г. Н. Потаниным: «...если березу надрезать и сок из нее прольется на снег, то окрасит его в кровавый цвет. Этот сок грешно пить, это все равно, что блуд творить» [15. С. 126].

Таким образом, представление о березе в культурах разных народов амбивалентно, что находит свое выражение в ритуальных действиях и устной традиции: береза может в определенных случаях нести символику смерти и для русских людей, и для представителей других этносов.

В этой связи можно предположить, что мотив «опасного дерева» (не обязательно березы) может быть обнаружен в фольклоре коренных народов Сибири. И, как показывают материалы, предания с похожим мотивом бытуют. Такие тексты имеются в сборнике Н. П. Дыренковой «Шорский фольклор»: «Прежде киргизы жили вниз по реке Аскыс. В самом начале, когда земля сотворилась, когда деревья только что начали вырастать [выходя из земли], киргизы, испугавшись тех деревьев, в другую землю убежали <...>» [29. С. 303]; «Прежде, когда эта земля впервые сотворилась, без деревьев чистая степь была. На реке Аскысе <...> киргизы жили. Одна девица-царь тех киргизов обманула, говоря: «Из земли рога растут, вы в другую землю перекочуйте, иначе, если будете здесь жить, из [той] земли выросшие рога вас всех с вашим скотом уничтожат!» <...> Киргизы, то увидев, подумали, что это, пожалуй, правда. Некоторые в другую землю перекочевали, некоторые, дома свои

пилою подпилив, дали себя придавить <...>» [Там же. С. 305].

Предание об исчезновении киргизов в Горной Шории позднее записал также В. Я. Бутанаев: «В далекие времена Шория была степным краем, и у нас жили киргизы. Когда здесь стали расти деревья, киргизы приняли их за вылезавшие из земли рога, испугались и откочевали отсюда <...> Незначительная часть их ушла в Хакасию, они-то и стали предками хакасов. До сих пор в верховьях р. Томь сохранилась местность <...> киргизское болото, откуда якобы по ночам доносится ржание киргизских лошадей» [1. С. 72].

Подытоживая, следует отметить, что в Западной Сибири, в том числе на Алтае (по материалам Н. Рериха) [20. С. 240], у русских бытуют предания о гибели чуди с мотивом появления березы-предзнаменования; по рассказам народов Алтая и Горной Шории, в их местности исчезают киргизы, испугавшись деревьев-рогов. В Восточной Сибири в русских преданиях о чуди мотив березы отсутствует, он прикрепляется к повествованиям о гибели других аборигенов — баргутов, причем бытование этих текстов ограничено регионом Забайкалья [30. С. 86]. Баргуты погубили себя, считая появление березы предвестником прихода белых людей или «просто ушли, увидев появление наростов на березах» [14. С. 161]. Наконец, здесь же, в бурятской устной традиции, «люди хиргиз» тоже исчезают из мест былого проживания в результате появления березы [13. С. 296].

Можно предположить, что наросты на березе ассоциируются как бы с *рогатостью* самого дерева, поэтому и вызывают негативное отношение. Очевидно, вопрос о заимствовании мотивов окончательно решен быть не может. Скорее всего, речь должна идти о взаимовлиянии народных традиций. Что же касается вообще связи деревьев с рогами или рогатым существами, то на нее обратил внимание уже Дж. Дж. Фрэзер.

Автор «Золотой ветви», рассматривая культ бога растительности — Диониса, выделяет черту, которая может вначале показаться «несовместимой с представлениями о нем как о боге растительности. Этого бога часто изображали в форме животного, особенно в виде быка или хотя бы с его рогами, в разных случаях его именовали «рожденным коровой», «быковидным», «быком», «рогоносящим», «двурогим», а также «козленком» [26. С. 366]. Фрэзер считал, что зооморфное (козлиное) обличье Диониса является «не более как частью его изначальной природы — природы бога деревьев» и упоминал

также миф о посещении «Зевсом в виде змея» Персефоны, после чего «та родила ему рогатого младенца Загрея, то есть <...> Диониса» [Там же. С. 435–436].

Отечественные исследователи В. В. Иванов и В. Н. Топоров отметили общее представление индоевропейских народов о «царстве мертвых как пастбище» [5. С. 67], далее эту мысль развивал Б. А. Успенский: анализируя славянскую интерпретацию образа Св. Николая (Никола / Микола), исследователь показывает Николу как христианского заместителя Волоса, являющегося манифестацией Змея. В то же время Никола, по народным представлениям, «покровитель земледелия (ср. завивание «Миколиной бородачки»)» [23. С. 52].

В Сибири мотив появления рогов из земли имеет свою специфику, поскольку связан с представлением о *рогатом звере мамонте* [24. С. 34–39], который в фольклоре автохтонных народов имеет черты мифологического существа, потому что обитает в пределах Нижнего мира (под землей, в воде). Можно предположить, что исконный сибирский мотив появления рогов из-под земли соединился с русским мотивом появления березы, в результате чего и произошла замена березы на дерево вообще, без конкретизации его вида.

Таким образом, деревья, в частности береза, могут в традиционной народной культуре связываться с представлением об *ином* мире, мире мертвых, то есть иметь символику смерти.

Следует учитывать, что в русских преданиях образ *белой березы* является не изолированным, он всегда противопоставлен образу аборигенов — *диких, мохнатых, черных* людей. Многие исследователи были склонны рассматривать их как представителей исторических автохтонных этносов, несмотря на мифичность их образа. Итоги поисков потомков чуди подвел Л. П. Лашук в статье «Чудь историческая и чудь легендарная», где убедительно показал, что «ни один из ныне здравствующих или существовавших в средневековые народы уральской <...> языковой семьи не может единолично претендовать на то, что легендарная чудь — это именно он или его предки» [11. С. 216].

Н. А. Криничная в сопроводительной статье к сборнику «Предания Русского Севера» подчеркивала, что в совокупности мотивов преданий об аборигенах края реализуется оппозиция *свой / чужой* [17. С. 15].

Мифологическая основа образа чуди была уже ранее исследована автором данной статьи: *чер-*

ноту и другие негативные признаки аборигенов в преданиях следует связывать с представлениями о них как о *чужих*, поскольку все, что указывает на былое их проживание в каком-либо районе, обнаруживается в земле — пределах Нижнего мира [25. С. 6–8].

Фольклорные материалы показывают, что семантика цвета в образах персонажей устной традиции не может быть прямо соотнесена с цветом кожи представителей реальных исторических этносов.

Например, Сибирская Ремезовская летопись включает очень важное для нас татарское предание о битве двух зверей, символизирующих этносы-антагонисты — русских и татар. Оно рассказывает, что во время правления Кучума было видение. От острова, расположенного при впадении Тобола в Иртыш, появились два зверя и начали меж собой биться. *Ыртышной* зверь был большой, белый, «волосистый», с вола. *Тоболной* — «малый» и черный, похож на гончого пса. Он одолел большого белого зверя, умертвил его и ушел в воду. Белый зверь затем ожил и тоже скрылся в волнах. Волхвы, увы, дали неблагоприятное толкование: большой зверь — царство Кучума, а черный — русский воин. Он скоро появится, пленит и умертвит правителя татар, разграбит богатства и захватит города [19. С. 320–321].

Таким образом, в тексте татарского предания *белый* зверь означал *татар*, а *черный* — *русских*, потому что для сибирских татар русские в конце XVI–XVII вв. были врагами, белый цвет в данном случае связан с символикой смерти. Подобные примеры имеются и в традициях других народов: Б. Н. Путилов отмечал, что в эпических песнях южных славян эпитет *черный* в имени Черного Арапина обусловлен образом врага и не связан напрямую с цветом его кожи [18. С. 47]. Другой пример можно найти в мифах индейцев Южной Америки. Миф «Гусеницы» рассказывает о том, что белые люди (европейцы-колонизаторы) произошли от черных гусениц, пожирающих лес — источник жизни индейцев. Индейцы пытались их сжечь, но многие уцелели и продолжают уничтожать лес: «Вы, белые, — потомки тех гусениц, расплзшихся по лесу <...>» [12. С. 195–198]. Черный цвет в оппозиции *белый / черный* всегда имеет негативное значение, что убедительно показал В. Тэрнер [22].

Хотелось бы обратить внимание также на некоторые другие мотивы текста летописи. Не случайно сравнение черного зверя с *гончим псом* — за ним стоит хозяин, охотник (русский царь).

Белый зверь изображается *крупным и мохнатым*, потому что татарское царство занимало обширную территорию и было весьма богатым. На связь мотива *волосатости, мохнатости* с представлением о плодородии и богатстве указывал Б. А. Успенский [23. С. 101], автору данной статьи удалось разыскать дополнительные материалы, подтверждающие указанную связь [25. С. 9–10].

Следует заметить, что волхвы, на первый взгляд, дали Кучуму не совсем точное толкование видения, поскольку он надолго пережил русского воина — Ермака, но в историческом плане предсказание полностью сбылось: русские победили татар и колонизировали Сибирь. Таким образом, данный пример убедительно показывает, что с черным цветом могут ассоциироваться представители любого этноса, если они воспринимаются как враги, действительные или хотя бы потенциальные.

Итак, в преданиях об исчезнувших народах, включающих мотив появления белой березы, сюжетобразующую функцию выполняют мифологические мотивы: аборигены изображаются *дикими, черными* людьми (*чужими*); береза символизирует приход русских и в то же время связана с *иным* миром. Оппозиция *белая береза / черные аборигены* имеет значение противопоставления *своего* этноса *чужому*. Следовательно, эти предания квазиисторичны. Сюжет в целом имеет этиологическую семантику: он призван объяснить наличие в земле элементов иной культуры и причины ее исчезновения.

Проведенный анализ позволяет делать вывод о том, что *предания о белой березе являются собственными русскими*, поскольку повествование ведется с точки зрения именно русских людей (*своих*), аборигены же изображены *чужими* и потому обречены на исчезновение. Отдельные мотивы могут быть обнаружены в различных этнических традициях, но ставить вопрос о заимствовании мотивов, на наш взгляд, не всегда правомерно, поскольку зачастую речь может идти о типологическом сходстве.

Список литературы

1. Бутанаев, В. Я. Историческая судьба енисейских киргизов по данным фольклора народов Южной Сибири // Вопросы этнической истории киргизского народа. Фрунзе, 1989.
2. Веселовский, А. Н. Заметки по литературе и народной словесности. VI. Анты и Чудь // При-

- ложение к XLV т. Записок Акад. наук. 1883. № 3.
3. Веселовский, А. Н. Поэтика сюжетов // Веселовский А. Н. Историческая поэтика. М., 1940.
4. Виноградова, Л. Н. Береза / Л. Н. Виноградова, В. В. Усачева // Славянские древности : в 5 т. М., 1995. С. 156–157.
5. Иванов, В. В. Исследования в области славянских древностей: Лексические и фразеологические вопросы реконструкции текстов / В. В. Иванов, В. Н. Топоров. М., 1974.
6. Иванов, С. В. Скульптура народов севера Сибири. Л., 1970.
7. Ильина, И. В. Ребенок в традиционной культуре салымских хантов // Аборигены Сибири: Проблемы изучения исчезающих языков и культур : тез. Междунар. науч. конф. Т. II. Археология. Этнография. Новосибирск, 1995.
8. Крашенинников, С. Описание земли Камчатки. М., 1948.
9. Кругляшова, В. П. Жанры несказочной прозы уральского горнозаводского фольклора: Учебное пособие. Свердловск, 1974.
10. Лазарев, А. И. Предания рабочих Урала как художественное явление. Челябинск, 1970.
11. Лашук, Л. П. Чудь историческая и чудь легендарная // Вопр. истории. 1969. № 10.
12. Мифы индейцев Южной Америки : кн. для взрослых / сост. Ю. Е. Березкин. СПб., 1994.
13. Молдобаев, И. Б. Устные рассказы о кыргызах у народов Сибири: (К вопросу об этногенезе киргизов) // Этническая история народов Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск, 1993.
14. Нимаев, Д. Д. О средневековых хори и баргутах // Этническая история народов Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск, 1993.
15. Потанин, Г. Н. Юго-западная часть Томской губернии в этнографическом отношении // Этнографический сборник. Вып. VI. СПб., 1864.
16. Потапов, Л. П. Шаманский бубен качинцев как уникальный предмет этнографических коллекций // Сборник Музея антропологии и этнографии. XXXVII. Л., 1981. С. 127–134.
17. Предания Русского Севера / сост. Н. А. Криничная. СПб., 1991.
18. Путилов, Б. Н. Русский и южнославянский героический эпос : сравнит.-типол. исслед. М., 1971.
19. Ремезовская летопись (7085 – 95): По Миревичеву списку // Сибирские летописи. СПб., 1907.
20. Рерих, Н. К. Алтай – Гималаи. М., 1974.
21. Рычков, К. Медный змий, с тунгузкаго // Записки Западно-Сибирского отдела ИРГО. Т. XXXVIII, посвящается Г. Н. Потанину. Омск, 1916.
22. Тэрнер, В. Цветовая классификация в ритуале ндембу // Тэрнер В. Символ и ритуал. М., 1983. С. 71–103.

23. Успенский, Б. А. Филологические разыскания в области славянских древностей: реликты язычества в восточнославянском культе Николая Мирликийского. М., 1982.

24. Феоктистова, И. К. Мифологические мотивы русского сибирского предания о мамонте // Филологический ежегодник. Омск, 1998. С. 34–39.

25. Феоктистова, И. К. Образ исчезнувших аборигенов в русских преданиях: система мифологических мотивов // Филологический ежегодник. Омск, 1999.

26. Фрэзер, Дж. Дж. Золотая ветвь: Исследование магии и религии. М., 1984.

27. Хелимский, Е. А. Нуми-Торум // Мифы народов мира : энциклопедия : в 2 т. / гл. ред. С. А. Токарев. М., 1992. Т. 2. С. 227.

28. Хелимский, Е. А. Пугос // Там же. С. 349.

29. Шорский фольклор / записи, перевод, вступ. ст. и коммент. Н. П. Дыренковой. М. ; Л., 1940.

30. Элиасов, Л. Е. Русский фольклор Восточной Сибири. II. Народные предания. Улан-Удэ, 1960.

Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 33 (248). Филология. Искусствоведение. Вып. 60. С. 269–270.

Л. А. Фурс, О. В. Доброходова

ЦЕННОСТНЫЙ АСПЕКТ КАТЕГОРИЗАЦИИ СОЦИАЛЬНОГО СТАТУСА КАК ПРОБЛЕМА ИМИДЖОЛОГИИ

В статье обсуждается проблема категоризации социального статуса, предполагающая фокусировку внимания на различных социальных особенностях, связанных с человеческими ценностями. Социальный статус оценивается по когнитивному домену «престиж». Показывается, что различные аспекты социального статуса могут стать объектом оценки. Описание этих аспектов имеет важное значение для формирования имиджа.

Ключевые слова: *социальный статус, формирование имиджа, ценностные ориентиры.*

Задачей имиджологии является формирование целостного социального образа человека с целью вызвать благоприятное впечатление у окружающих. При формировании данного образа учитываются существующие в конкретном обществе стереотипы, ценности, нормы, традиции, установки, что свидетельствует о его социальной обусловленности. В целом же, такой образ, определяемый как имидж человека, способствует не только выделению субъекта из массы людей, но и обеспечивает необходимый кредит доверия со стороны окружающих. По мнению А. В. Олянича, правильно сформированный имидж является наиболее эффективным способом работы с массовым сознанием. Имидж, отражая ключевые позиции, на которые реагирует массовое сознание, вызывает автоматические реакции у населения [2. С. 110]. С учетом этого положения необходимо определить те ценностные ориентиры, которые соотносятся с ожиданиями общества. В этой связи важной является оценка показателей престижности и непрестижности различных аспектов социального статуса человека.

Оценивая социальный статус человека и определяя шкалу престижности различных его

атрибутов, представляется возможным установить ценностные ориентиры сознания человека и предсказать ожидания аудитории, воспринимающей имидж того или иного субъекта. С опорой на эти ценностные ориентиры специалисты по имиджу могут сконструировать образ человека для обеспечения его успешного взаимодействия с целевой аудиторией. Определение таких ценностных ориентиров в категоризации социального статуса человека и является задачей настоящего исследования.

Ценности как идеальные сущности недоступны непосредственному восприятию, однако их описание возможно благодаря тому, что человек постоянно соотносит свои потребности с доминирующими ценностями, и этот процесс получает репрезентацию в языке. Согласно теории А. Маслоу, среди основных человеческих потребностей выделяют физиологические (голод, жажда, холод, жара и др.), экзистенциальные (стабильность условий жизни, безопасность, защищенность, свобода и др.), социальные (принадлежность к коллективу), престижные (уважение, признание, статус) и духовные (самовыражение) [1]. Для установления ценностных характеристик социального статуса

человека стоит ориентироваться на социальные и престижные ценностные аспекты. Анализ фактического материала позволяет установить те ценностные аспекты, которые являются доминирующими в категоризации социального статуса человека и ориентирование на которые представляется значимым при конструировании имиджа человека.

На материале русского языка установлены в качестве ценностных ориентиров следующие аспекты социального статуса:

место работы и годовой доход: *Я служу здесь коммерческим директором, с личной секретаршей, служебной машиной, весомой годовой зарплатой и еще более весомыми годовыми бонусами (Lingvo.ru);*

жилищные условия, архитектурный стиль: *К шести вечера мы были на месте. У трехметрового бетонного забора нас встретил невысокого роста секьюрити. Он провел нас к четырехэтажному кирпичному особняку. Здание совмещало в себе стиль раннего барокко с поздним модерном (Lingvo.ru);*

движимое и недвижимое имущество: *Он стоял у серебристого «Мерседеса», слегка опираясь рукой на открытую дверь. Не заметить его было невозможно (Lingvo.ru); За соседним с нами столом еще одна компания просматривает журнал “Robb Report” и вслух обсуждает новые модели яхт... (Lingvo.ru);*

стиль жизни: *...Слетать в Милан и уснуть на показ коллекции “Prada” (Lingvo.ru);*

следование модным брендам в одежде и аксессуарах: *Он достает из кармана очки «Gucci» в зеленой пластиковой оправе... (Lingvo.ru); они предпочитают платья «Prada», джинсы «Cavalli» или костюм «Brioni» с темными очками «Chanel» ... (Lingvo.ru);*

Аналогичные ценностные ориентиры в категоризации социального статуса человека выявлены и на материале английского языка.

Значимыми являются место работы и годовой доход: *What is the perfect job for yuppies? A six-figure salary where anything that goes wrong can be blamed on a superior or subordinate (Lingvo.ru); Her father runs Conway Carpets and a heap of other companies (J. Marsden Checkers);*

жилищные условия: *At one stage I thought that we'd be living in total luxury, in some huge mansion where we wouldn't have to do any work, just lie by the pool all day drinking from golden goblets. But*

no, it wasn't like that (J. Marsden Checkers); She lives in Ralston Avenue, in a huge house with two Mercs parked in the drive (J. Marsden Checkers);

приобретаемое имущество: *In the parking lot, they slide into their BMWs and lift cellular phones to their ears before zooming off to their architect-designed houses in the exurbs (Lingvo.ru); We had the two BMs, because that's what you have if you live the way we did (J. Marsden Checkers);*

стиль жизни: *Many enterprising DINK couples slave for a combined 100 hour-plus workweek, a pace relieved by exotic vacations and expensive health clubs (Lingvo.ru); She goes to Mt. Silver in winter and Providence Bay in summer (J. Marsden Checkers);*

следование модным брендам в одежде и аксессуарах: *Dad wore La Mer or P&S or Heritage: shirts, shorts, jeans, boardies, didn't matter, whatever it was it'd be one of those labels. It was so exciting for Mark and me every morning at breakfast, trying to guess which label he'd have on today. Sometimes I wished he'd go and get something from an Op-shop or Dimmey's — anything to prove that he didn't do things just because our friends did, or because someone powerful, like Jack, told him do (J. Marsden Checkers).*

Определение престижности или непрестижности различных характеристик социального статуса является субъективным, так как зависит от индивидуальных предпочтений и ценностей, заложенных в массовом сознании носителей языка. Анализ приведенных примеров позволяет сделать вывод о том, что в процессе категоризации социального статуса человека имеет место ориентация на показатели престижности, которые соотносятся с ожиданиями общества. Учет данных показателей при конструировании имиджа позволяет ему стать инструментом влияния на массовое сознание.

Список литературы

1. Маслоу, А. Г. Мотивация и личность [Электронный ресурс]. СПб. : Евразия, 1999. URL: www.trizminsk.org/e/prs/237001.htm
2. Олянич, А. О. Презентационная теория дискурса. М. : Гносис, 2007.
3. Популярный словарь русского языка. Толково-энциклопедический [Электронный ресурс]. М. : Рус. язык Медиа, 2003. URL: <http://www.Lingvo.ru>
4. Marsden J. Checkers. New York : Laurel-Leaf Books, 2000.

ЛИНГВОКРЕАТИВНЫЕ АСПЕКТЫ ТОПОНИМИЧЕСКОЙ НОМИНАЦИИ

В статье рассматриваются исконные, заимствованные и гибридные географические названия. Лингвокреативность как проявление речевой индивидуальности находит свое отражение в создании гибридных топонимических образований.

Ключевые слова: лингвокреативная деятельность, топоним, топонимобразование, гибридные наименования.

Описание когнитивных механизмов, определяющих характер и направление творчества в языке применительно к процессам номинации, неизменно привлекают внимание исследователей.

Цель статьи — показать особенности творческой деятельности человека на материале славянской и германской ономастики с привлечением когнитивных данных.

Выбранный путь изучения творческого начала в языке позволяет исследовать лингвокреативность на основе таких морфологических процессов, как стяжение, усечение, дубликация, адаптация и гибридизация. Иными словами, лингвокреативная деятельность может быть выражена процессами

стяжения: *Silverstone* ← *Sewulf's* (Морского волка) + *ton* (деревня); *Yelverton* ← *Ella's* (Эллы) + *ford* (брод) + *ton*; *Glamorgan* ← *glan* (берег) + *more* (море) + *geni*; *Godmanchester* ← лат. *Godmund* + *cestre* (крепость);

редукции: *Fotheringhay* ← *forth* (вперед) + *here* (армия) + *ing* (люди) + *eg* (остров); *Glen Affric* ← *glen* (долина) + *a* (река) + *the* + *break* (быстрый); *Grantchester* ← *Grant* (название реки) + *set* (поселение);

дубликации: *Torpenhow Hill* ← *tor* (холм) + *pen* (холм) + *how* (холм) *Hill* (холм);

адаптации: *Conisbrough*; *Glastonbury*; *Gold's* + *pie* (Е) ← *by* (ОН).

Результатом редукции в русской топонимии являются названия: *Семивраги*, *Пречистенка*, *Суходол*, *Сивцев Вражек*, *Холмогоры*, *Китай-город*, *Слав-город*, *Спас-заулки*, *Замостье*, *Новгород*; процессы адаптации наблюдаем в чередовании формант: *Пинега*, *Онега*, *Ладога*, *Ветлуга*, *Свияга*, *Волга*, *Вычегда*, *Вологда*, *Нерехта*, *Ока*, *Вятка*, *Тьмака*. Е. М. Пospelов отмечает, что чередование — *га/ка/гда* (вода) распространено в северных регионах России. Для средней полосы характерно чередование *ва/ма*: *Нева*, *Сосьва*, *Нарва*, *Прошва*, *Кама*, *Ижма*, *Чухлома*, *Косторма*, *Богульма*, *Яхлома*, *Клязьма* [1].

По всей России распространены гибриды: *Белозеро*, *Чурозеро*, *Ондомозеро*, *Ловозеро*, *Сязозеро*, *Юстозеро*, *Оренбург*, *Хаврагорье*.

Наряду с явно славянскими топонимами: *Быстрица*, *Каменка*, *Десна*, *Ольховка*, *Печора*, *Рудня*, *Пресня*, *Ряса* встречаются топонимы с неясной этимологией: *Иртыш*, *Истра*, *Чусовая*, *Тобол*, *Урал*.

Задача изучения лингвокреативных оснований топонимической номинации потребовала обращения к проблемам языкового творчества, особенностям речевой деятельности человека. Развитие взглядов на лингвокреативность приводит к осознанию того, что эта тема в силу своей глубины и разнообразия не исчерпала своей актуальности. Универсальный характер моделей топообразования не противоречит проявлению этнолингвистических особенностей, культуры народов в анализируемых названиях.

Материалы исследования объясняют случаи народной этимологии, выходящей за рамки строгой унификации, сравните, например: названия двух небольших речек: *Поникля* (Смоленская область) и *Худолейка* (среднее Поволжье). Многие относят первое к иноязычным словам, а второе — к русским. Разгадка найдена в диалектном словаре: слово «поникнуть» в значении «иссякнуть», «уйти в землю» использовалось в древнерусском языке. Река *Поникля* действительно ушла в землю. И другие речки, уходящие в землю, называются *Поникша*, *Пониква*. Известный ономаст А. И. Попов так объясняет название реки *Худолейка* (это мордовское название, приспособленное к русскому языку, в оригинале звучит *Кудо-лей*, где *кудо* — по-мордовски *изба*, *лей* — *речка*, *овраг*). При освоении средневолжского края в XIII веке, мордовская топонимика была воспринята русскими в целостности, а позднее адаптирована к русским, внешне созвучным словам. *Кудолей* переходит в *Худолейка* (худо и лить). Явление, называемое «народной этимологией», показывает противоречие между когнитивным и лингвистическим значением. В Новгородской,

Вологодской областях много сел с названием *Гридино*. Название ассоциировалось с древнерусским словом *гридь* — «младая дружина князя», «отроки». При исследовании оказалось, что название появилось в XV веке. К тому времени слово *гридь* (*дружина*) было забыто. В писцовых книгах XV века часто упоминалось селение *Гридино* производное от имени *Гридя* (уменьш. от Григорий) [1. С. 103].

При описании творческого процесса топонимообразования мы опирались на положения, касающиеся любой деятельности, направленной на оригинальный поиск решения проблемы [2. С. 270–277]. В свете когнитивной лингвистики можно предположить, что в основе креативной деятельности топонимообразования лежит ментальная способность человека творчески использовать свои знания, привлекая старые и порождая новые образы. Следует подчеркнуть универсальность процессов, лежащих в основе как необычной, яркой, так и каждодневной, обыденной продуктивной деятельности [5]. Процесс гибридизации применительно к топонимам сводится к тому, что употребляемые в ходе реального общения языковые выражения способствуют созданию новых подвижных и гибких моделей, объединяющих когнитивное и лингвистическое значения.

Сопоставление морфемных спектров русской и английской топонимии показывает, что анализ исходных топооснов и финальных формант, несущих смысловозначительную функцию, особенно актуален в английской топонимии. Морфемика топонимии, связанной с обозначением культурно-исторических и топографических реалий, обозначений флоры и фауны, значительно разнообразнее представлена в русском языке благодаря богатому набору флексий. При этом лексико-семантическая сущность языковых единиц не вступает в противоречие с индивидуальными творческими устремлениями говорящих, так как стандартные языковые модели лишь инициируют процессы концептуальной интеграции, давая возможность коммуникантам строить цепочки ментальных пространств по своему усмотрению.

Универсальность концептуальной интеграции не означает полного единообразия творческих процессов в русском и английском языках: это общий принцип творческой деятельности, который предполагает определенное типологическое сходство между разнообразными процессами. Подобно тому, как способность к творческим преобразованиям по-разному проявляет себя в

отдельных аспектах языковой деятельности, механизмы интеграции неодинаково реализуются на морфонологическом, лексико-семантическом и структурно-синтаксическом уровнях. Творческое согласование разных межкатегориальных и межуровневых (фонологических, словообразовательных, семантических, синтаксических и прагматических) факторов в значительной степени отражается на процессе топонимообразования.

Представление о порождении языковых единиц как акте номинации, отражающем творческое осмысление мира человеком, актуально. Творческий потенциал, полученный словом в первоначальном акте называния, сохраняется лексической единицей и в дальнейшем — в виде потенциальной способности при каждом повторном использовании в речевом акте не только соотносить с новым референтом, но и по-новому представлять его в конкретном контексте общения [4. С. 303].

Привнесение понятия интеграции в исследование творческой деятельности, а также представление лексических единиц в качестве маркеров языкового творчества позволили, с одной стороны, сделать ряд выводов, существенных для решения общих проблем словообразования, с другой — предложить собственную теорию номинации, которая в отличие от предшествующих концепций нацелена на разъяснение творческого потенциала данных единиц с когнитивно-дискурсивных позиций [3].

Анализ содержательных и функциональных аспектов русских и английских топонимов в дискурсе продемонстрировал, что, во-первых, при изучении их образования и использования в речи необходимо учитывать гибридность единиц, в которых происходит совмещение лингвокогнитивных характеристик. Понятие гибридизации как особой разновидности процессов интеграции означает не столько объединение уже сложившихся концептуальных структур из разных областей знаний, сколько совмещение в одной лексической единице разных категориальных начал, знаменующих собой нетождественные способы представления ситуации. Концептуальная гибридизация рассматривается в работе в качестве единого когнитивного основания для лингвокреативных свойств топонимов. Известный русский географ В. П. Семенов-Тянь-Шанский отмечает, что благодаря топонимии удалось установить факт значительной гибридизации географических названий в результате неоднократных ве-

ковых наслоений и переслоек финского, древнелитовского, восточнославянского и шведского населения.

Когнитивная суть исконно русских по происхождению топонимов, распространенных на территории России — *Новгород, Владимир* — понятна для русских, а *Казань, Чебоксары*? Русские по происхождению топонимы нередко семантически прозрачны, например, *Каменка* — от апеллятива *камень*, *Непрядва* — от слова *прудь* (течение), но река *Дон* — заимствование из осетинского *дон* (вода, река), *Нева* — из финских языков, где исходное слово обозначает «болото», «трясина». Гибридное название *Оренбург*, данное русской крепости на реке *Орь* в 1735 г., включает две лексемы: тюркское по происхождению название реки *Орь* (ров), освоенное русскими, и немецкое слово *бург* (город).

В ономастике утвердилось мнение, что в процессе употребления топонима мотивы номинации утрачиваются и в речевой практике онома часто становится номинативным дифференцирующим знаком, а вся его доономастиологическая информативность оказывается избыточной и стирается из памяти. Подобный процесс имеет место при заимствовании топонима иностранцами, когда приобретенное название обрастает новой этимологией, понятной для носителей языка. Топоним *Godmanchester*, заимствованный из латинского языка, часто отождествляется с *Manchester*, хотя в основе первого лежит имя собственное *Godmund* (богом хранимый): *Godmanchester* ← лат. *Godmund* + *cestre* (крепость). В составе топонима *Manchester* — два объекта «крепость» на «холмах в виде женской груди». Название известного ипподрома *Goodwood* ассоциируется с лесным массивом *wood*, где расположен парк. В действительности, в основе данного онома лежит имя собственное *Godiva*, которое происходит от *Godgiftu's* (лес — собственность леди Годивы). Название рыбацкого городка *Golspie* образовано от скандинавского имени *Gold's + pie (E)* ← *by (ON)*, интерпретируется как «ферма — собственность Голдов». Таким образом, семантика топонима в языке слагается из трех основных компонентов:

лингвистического, когнитивного и структурного, создающих языко-речевую специфику имен собственных, что позволяет объединить их в особую подсистему в пределах общей системы языка.

Нередки топонимы в виде словосочетаний (предложных или беспредложных), например: *Golders Green* (*Голдеры — владельцы лугов*); *Goring — by — Sea* (*поселение людей Гора у моря*); *Brownsea Island* (*Брунок — владелец острова*) → *Brunkeseeye*, где финаль *E eye* ← *OE ieg* (*остров*). В настоящее время *Brownsee* отождествляется с «коричневым морем», поскольку дериват воспринимается как композит, объединивший в языке два концепта: *brown* (*коричневый*) + *sea* (*море*).

Таким образом, проанализированные критерии семантизации топонимов на основе комплексного исследования когнитивного и лингвистического значений гибридных географических названий русского и английского языков позволяют обосновать влияние морфемного спектра на семантику топонимов, установить универсальные структурно-семантические модели. Такой подход способствует дальнейшему развитию лингвокогнитивной парадигмы знаний, расширяя научные представления о глубинных механизмах, лежащих в основе творческой деятельности человека.

Список литературы

1. Введенская, Л. А. Этимология : учеб. пособие / Л. А. Введенская, Н. П. Колесников. СПб., 2004.
2. Ирисханова, О. К. Лингвокреативные основания теории номинализации : дис. ... д-ра филол. наук. М., 2004.
3. Кубрякова, Е. С. Об установках когнитивной науки и актуальных проблемах когнитивной лингвистики // Известия АН. Сер. литературы и языка. 2004. Т. 63. № 3. С. 3–12.
4. Поспелов, Е. М. Географические названия России : топоним. словарь. М., 2008.
5. Fauconnier, G. *Methods and Generalizations // Cognitive Linguistics, Foundations, Scope and Methodology*. Berlin ; N. Y., 1999. P. 95–124.

ОСОБЕННОСТИ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ДИСКУРСА КАК «ПРОГНОЗ» ПОСЛЕДУЮЩЕГО ЯЗЫКОВОГО РАЗВИТИЯ РЕБЕНКА

Статья представляет собой попытку выявить возможности педагогического дискурса в решении проблемы развития языка учащихся путем применения правил социального взаимодействия.

Ключевые слова: языковое развитие ребенка, педагогический дискурс, социальное взаимодействие, учебный диалог.

Процесс усвоения языка ребенком подвергается влиянию многочисленных факторов, главным из которых является фактор социального взаимодействия. Такая точка зрения присуща многим современным исследователям детской речи: Н. И. Лепской, А. М. Шахнарович, Е. И. Исениной, С. Н. Цейтлин, Н. М. Юрьевой, Т. А. Гридиной, К. Ф. Седову. Такое понимание роли социальной среды и речи взрослого можно встретить и в первых работах по детской речи В. А. Богородицкого, А. В. Александрова, В. И. Благовещенского, А. Симонович, Б. П. Киртермана, Э. А. Андреса. На наш взгляд, очень существенно мнение, высказанное по этому поводу Л. В. Сахарным, о том, что комплекс языковых механизмов формируется «в ходе воздействия на развитие ребенка именно социальных факторов», к которым относится не только **общение ребенка со взрослыми, но и учет оценок речевого поведения со стороны взрослых, а позднее — и сверстников.**

Итак, по мнению отечественных исследователей, проблема овладения языком должна решаться при учете ряда факторов: врожденной способности ребенка к усвоению языка, биологических механизмов созревания соответствующих структур головного мозга и ведущей роли социальной среды и диалогического взаимодействия «взрослый — ребенок», а также «ребенок — сверстники» — на более позднем этапе. Задача настоящей статьи — описать правила построения такого педагогического дискурса, такой речевой среды, формируемой в процессе учебного общения, которая оптимальна для языкового развития ребенка.

Эмпирической базой для рассмотрения данного вопроса нам послужил опыт реализации учебных диалогов в парадигме Школы диалога культур. Попытаемся, анализируя некоторые организационные и содержательные моменты технологии ШДК, воспринимаемые как некие правила педагогического или учебного общения, выявить потенциальные возможности такого

типа дискурса в решении задач языкового развития учащихся.

Одно из важнейших правил учебного диалога гласит: «И учитель, и ученик должны помнить, что сущность вопроса **можно** не знать, но **нужно** о ней размышлять, поэтому **умение мыслить** важнее знания». Мы обратились именно к этому правилу потому, что при его игнорировании или непонимании все остальные правила, предъявляемые к участникам диалога, теряют свой смысл. Это правило определяет суть и значение всей речевой деятельности участников урока-диалога и делает эту деятельность осмысленной. Наверное, для любого учителя совершенно парадоксально будет выглядеть требование технологии ШДК ни в коем случае не завершать урок-диалог каким-либо выводом, обобщением, а еще хуже — ответами на вопросы. Правило, вытекающее из этого требования, заключается в том, что ученик должен унести все вопросы с собой, продолжить размышление над ними, сохраняя их открытость. Тем же, кто понял и принял базовое «правило»: «умение мыслить важнее знания», это требование покажется абсолютно закономерным. Дело в том, что «спрашиваемое должно пребывать в состоянии неопределенности по отношению к решающему, устанавливающему истину высказыванию. Смысл спрашивания и заключается в том, чтобы подобным образом раскрыть спрашиваемое в его проблематичности. Оно должно быть приведено в состояние неопределенности, когда «за» и «против» уравниваются», — пишет Х.-Г. Гадамер [1. С. 592].

Для ученика решение вопроса есть путь к знанию. Вопрос решается в силу того, что основания в пользу одной возможности преобладают над основаниями в пользу другой возможности. Ведь знать — всегда означает одновременно познать противоположное, знание в основе своей диалектично. В процессе продвижения ученика к «решающему, устанавливающему истину высказыванию», в момент, когда ученик находит-

ся в промежутке между «вчерашним» диалогом и «будущим», реализуется важнейшая процедура построения отношений между внешней и внутренней речью. Кроме того, самостоятельность ученика в выработке мнения, в порождении «решающего» высказывания обеспечивает осознание права на речь и ценности своего «авторства» в совместной процедуре мышления.

Для того чтобы дискурс урока-диалога стал продуктивным для языкового развития учащихся, учителю приходится решать многочисленные и разнообразные задачи. По отношению к ученику **учитель должен:**

постоянно фиксировать как для себя, так и для всех участников диалога ценность детского высказывания, признавать авторскую позицию ученика;

помогать ученикам в построении отношений между внешней и внутренней речью;

создавать условия для того, чтобы осуществлялась процедура трансформации естественной речи в предмет понимания;

формировать такие диалогические взаимодействия, которые вынуждали бы учеников к соотношению средоточий различных культур с личной культурой;

способствовать возникновению точек удивления в сознании и мышлении учеников;

помогать ученикам выстраивать в сознании свой образ — в качестве автора своего неповторимого высказывания;

помогать ученику услышать себя со стороны (создавать условия для отстранения и остранения речи);

опознавать культурологическую парадигму высказываний учеников.

Однако решение этих задач невозможно до тех пор, пока учителем не решены задачи по овладению искусством «подлинного разговора», искусством диалектики, что подразумевает выработку способности к диалогическому сопряжению в сознании и мышлении самостоятельных голосов (детского, подросткового, юношеского и взрослого); преобразование собственного мышления в самых его основаниях в соотношении со средоточиями других культур; воспроизведение и углубление в сознании учителя статуса ученика как равноправного собеседника; формирование культуры незнания (любопытности) в мышлении учителя; закрепление в своем сознании особого психологического статуса детского, подросткового сознания и мышления; осознание парадоксальности слова и загадочности словесных форм.

Искусство вопрошания есть искусство спрашивания дальше, т. е. искусство мышления. Оно называется диалектикой, потому что является искусством ведения подлинного разговора. Искусство ведения беседы есть, таким образом, искусство испытания чужого мнения. «Искусством» спрашивания обладает тот, кто способен противостоять господствующему мнению, стремящемуся «замять» вопрос. Тот, кто обладает этим искусством, сам отыскивает все аргументы, говорящие в пользу того или иного мнения. Диалектика и заключается в том, что собеседник не отыскивает слабые стороны того, что говорит другой собеседник, но сам же и раскрывает подлинную силу сказанного другим. Такую роль «идеального диалектика», по сути, и должен играть учитель, осуществляя урок-диалог. Такое речевое поведение учителя неизбежно копируется учениками благодаря их способности к подражанию. Вот как об этой способности пишет А. Г. Козинцев: символизация, «видимо, автоматически» порождающая культуру, которая вместе с языком обусловила переход предков человека из природного состояния в культурное, — возникает из трех соединяющихся (и, как показали специалисты по детской психологии, в онтогенезе также развивающихся «рука об руку») способностей: общения, манипулирования предметами и подражания: «соединяясь, они дают символизацию» [3. С. 45]. Осваивая вслед за учителем модели речевого поведения «идеального диалектика», ученики овладевают искусством мышления и речи.

Существенную роль в формировании среды, благоприятной для развития языковой личности, играют следующие правила:

для учащихся: а) помнить, что учитель — равноправный участник диалога; б) искать ответ самостоятельно, а не ждать какого-то «правильного» ответа от учителя — ответа не будет;

для учителя: воспроизводить и углублять статус ученика как равноправного собеседника в сознании учителя.

Столкновение педагогов с такими правилами зачастую вызывает сомнение в возможности реального равноправия в диалоге между учителем и учениками. «А как же различия в объеме и качестве знаний, в статусе, уровне интеллекта?» — звучит вопрос. Отвечая на этот вопрос, обратимся вновь к Х.-Г. Гадамеру, утверждающему, что «то, что раскрывается в диалоге в своей истине, есть логос, который не принадлежит ни мне, ни тебе и который поэтому настолько превышает субъективные мнения собеседников, что даже и тот, кто руководит беседой, все время остается

в неведении. Диалектика как искусство ведения беседы есть одновременно искусство видеть вместе с собеседником единство данной точки зрения <...>, то есть искусство образования понятий как выработки мнений, общих для собеседников» [1. С. 597].

Таким образом, предложенное нами обоснование ряда правил, применяемых для организации урока-диалога, в той или иной мере подтверждает нашу гипотезу о том, что определенные типы педагогического дискурса могут выступать в роли социальной среды, являющейся базой для активного языкового развития ребенка.

Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 33 (248). Филология. Искусствоведение. Вып. 60. С. 276–278.

Список литературы

1. Гадамер, Х.-Г. Герменевтическое первенство вопроса // Логика и риторика : хрестоматия / сост. В. Ф. Беков, Я. С. Яскевич. Мн., 1997. 624 с.
2. Казаковская, В. В. Вопросно-ответные единства в диалоге «взрослый — ребенок». СПб., 2006. 456 с.
3. Козинцев, А. Г. Происхождение языка: новые факты и теории // Теоретические проблемы языкознания. СПб., 2004.
4. Михальская, А. К. Педагогическая риторика: история и теория : учеб. пособие. М., 1998. 432 с.

О. И. Шарафутдинова

СПЕЦИФИКА ИЗУЧЕНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК РОДНОГО И ИНОСТРАННОГО (нормативный аспект)

В статье раскрываются особенности преподавания русского языка российским и иностранным студентам. Утверждается, что на обучение языку влияет языковая среда. Российские студенты свободны в выражении речи, речь иностранных студентов подчинена нормативному аспекту.

Ключевые слова: *нормативный аспект речи, языковая норма, русский язык как иностранный, языковая среда.*

Изучение русского языка предполагает освоение нормативного аспекта речи, позволяющего осуществлять грамотную коммуникацию в любой сфере общения. Под языковой нормой обычно понимают правила использования речевых средств в определенный период развития литературного языка, т. е. правила произношения, словоупотребления, использования традиционно сложившихся грамматических, стилистических и других языковых средств, принятых в общественно-языковой практике [2]. Такое «приравнение» языковой нормы к правилу наряду с другими характеристиками (общеупотребительность, распространенность, общеобязательность, соответствие возможностям языковой системы и пр.) является ключевым для изучения нормативного аспекта речи в вузе.

Студенты, изучающие культуру речи, уже имеют и представление о системе русского языка в рамках школьного курса, и собственную речевую практику, поэтому освоение нормативного аспекта речи, как правило, связано с коррекцией речевого поведения на основе выявления нару-

шений норм. Естественно, на соблюдение норм в речи конкретного говорящего большое влияние оказывает языковой вкус эпохи, мода на употребление тех или иных языковых единиц, существующие варианты речевого поведения, воспринимаемые говорящим как образец, и т. п.

Среди типичных отклонений от нормы и их причин можно выделить несколько групп¹. Во-первых, ошибки, которые обусловлены низкой культурой говорящих, неграмотностью, ограниченностью речевого опыта. Например: *позвОнишь* (вместо *позвонИшь*), *чё* (вместо *[ш]то*), *ляж* (вместо *ляг*), *константация*, *инцидент* (вместо *констатация*, *инцидент*) и т. п. Во-вторых, отклонения от нормы, которые не воспринимаются большинством носителей языка как таковые в силу их распространенности, в том числе из-за

¹ Автор не ставит своей целью делать обзор речевой культуры современного общества, поэтому анализируемые примеры не описывают всю систему норм русского языка и охватывают далеко не все типы нарушений нормы.

использования в речевой практике людьми высокого социального статуса: *обеспечЕние* (вместо *обеспЕчение*), *облЕгчить* (вместо *облЕгчить*) и т. п. В-третьих, нарушения норм, связанные с возможностями языковой системы и интерпретацией языковых фактов говорящими¹. Например, возникновение распространенной в настоящее время орфоэпической ошибки *квАртал* обусловлено стремлением говорящих разграничить значения «часть территории населенного пункта» (*квАртал*) и «четверть года» (*квАртал*). Не менее показательное широкое употребление слова «роспись» в значении «подпись», что объясняется использованием соответствующего глагола «расписать(ся)» вместо «подписать(ся)» (ср.: «подпишите документ» и «распишитесь здесь»).

Особого внимания заслуживают такие отклонения от грамматических норм, как «скучать по вам/ нам» (вместо «скучать по вас/ нас»), «заведующий кафедры», «управляющий магазина» (вместо «заведующий кафедрой», «управляющий магазином»). Закономерно предположить, что в данных нарушениях норм отражается стремление к унификации речевых вариантов: в первом случае устранение исключения в конструкции «скучать по + дательный падеж»; во втором случае — использование родительного падежа в словосочетании «существительное + существительное» («заведующий кафедры» строится по тому же принципу, что «директор завода»). В связи с функционированием родительного падежа возникает и еще одна интересная особенность современной речи. В письменных работах студентов и в устной речи отражается употребление родительного падежа в определительном значении, но с предлогом ИЗ, использование которого в конструкциях такого типа является избыточным. Например, «герой из фольклора», «фрагмент из статьи», «часть из текста» и т. п. Такие словосочетания не просто указывают на значение «часть целого» (например, «ножка стула», «ветка дерева»), но подчеркивают, с одной стороны, принадлежность части целому, с другой — ее отдельность, исключительность.

Изучение русского языка как неродного предполагает иной механизм освоения нормативного аспекта речи. Наряду с изучением языковой системы, необходимо освоение речевой нормы, т. е. языковых средств и правил употребления

языковых единиц в аутентичной речи, которая не испытывает интерферирующего влияния другого языка, с тем чтобы избежать ошибок. Безусловно, система норм, являющаяся основой литературного языка, должна быть знакома иностранцам, осуществляющим коммуникацию на русском языке. Если первый (подготовительный, довузовский) этап изучения русского языка обеспечивает «необходимую базу для успешной коммуникации в условиях языковой среды», «позволяет учащемуся удовлетворять основные коммуникативные потребности при общении с носителями языка в социально-бытовой, социально-культурной и частично официально-деловой сферах» [4. С. 5], то на продвинутом этапе изучения языка учащийся может участвовать в коммуникации в качестве специалиста или должностного лица в профессионально-трудовой, учебно-научной сферах общения, а также в качестве члена определенного социума в социально-бытовой, социально-культурной и официально-деловой сферах общения [3]. Важным показателем коммуникативной компетенции говорящего становится соответствие речевого произведения, создаваемого иностранцем, норме и узусу современной русской речи. Между тем, нарушения языковых норм встречаются в речи любого иностранного студента и повторяются систематически в зависимости от особенностей родного языка, что обусловлено стремлением учащегося подстроить изучаемый язык под строй родного или другого иностранного языка, уже знакомого студенту, и, как следствие, спецификой переработки речевого опыта при овладении языком.

Такие ошибки принципиально отличаются от ошибок в речи носителей русского языка, в связи с чем при оценке речевых произведений иностранцев принято характеризовать нарушения норм как коммуникативно значимые и коммуникативно незначимые, что на первый план выдвигает осуществление коммуникативных намерений и достижение коммуникативных целей говорящего. Например, при произнесении «я приехал из Турц[ы]» допускается ошибка, принципиально невозможная в речи носителей русского языка. В то же время в речи иностранных учащихся², как правило, не наблюдается орфоэпическая ошибка «позвОнишь», поскольку ударения (в т. ч. в формах одного слова)

¹ По данным анкетирования и опроса студентов первого курса нефилологических специальностей ЧелГУ.

² Речь идет о тех иностранцах, которые изучают русский язык систематически по специальным программам.

заучиваются, когда вводится новая лексическая единица. Отклонения от нормы в таких случаях чаще характеризуют фонетический облик слова в целом (например, [къл'ьсО] вместо [къл'цО]).

Нарушения грамматических норм в речи иностранных учащихся связаны как с языковой системой, так и с современными речевыми образцами. Например, неразличение значений одного и того же падежа («позвонил к маме» и «пришел к подруге», «приехал из Петербурга» и «пришел из брата») или смешение значений разных падежей («люблю брату» и «подарил брату»); образование составной формы будущего времени с глаголом совершенного вида: «будет пойти», «буду куплю», поскольку говорящий стремится выразить грамматическое значение будущего времени с помощью специального средства, и т. д. Трудности возникают в случае несоответствия языковой системы, описание которой представлено в учебниках, и речевых образцов, которые учащиеся воспринимают в живой разговорной речи. Так, конструкция «я пошел», широко используемая носителями русского языка, вызывает живейший интерес иностранцев из-за трансформации значения временных форм глагола, в результате чего форма прошедшего времени выполняет функцию будущего времени и обозначает «действие, которое непременно осуществится в ближайшем будущем (время действия следует сразу же за моментом речи)». Сложно понять иностранцу логику русского языка и в грамматических конструкциях такого типа: «Ульяны не было дома» (типичная ошибка: «Ульяна не была дома»), «Мне нравится этот учебник» (типичная ошибка: «Я нравится этот учебник») и «Ты мне нравишься» и пр.

Таким образом, на изучение нормативного аспекта языка и следование нормам в речи рус-

скоязычных учащихся преобладающее влияние оказывает языковая среда и речевое поведение окружающих. В речи допускается интерпретация языковых фактов, творческий подход к использованию тех или иных языковых средств. Освоение нормативного аспекта языка иностранцами предполагает ориентацию на систему языка, которая дает более четкие, чем узус, критерии в использовании средств неродного языка. Системные ошибки неизбежны и характеризуют речь любого иностранного учащегося, в том числе и обладающего развитым языковым чутьем, поэтому при изучении нормативного аспекта речи иностранному учащемуся важно корректировать различные типы ошибок на всех уровнях языка (произносительные, лексические, грамматические, стилистические ошибки), тогда как перед русскоязычным студентом стоит задача овладеть новыми навыками и знаниями в этой области и совершенствовать уже имеющиеся.

Список литературы

1. Агеева, Ю. В. Адаптация курса «Русский язык и культура речи» для иностранных учащихся [Электронный ресурс]. URL: http://www.philol.msu.ru/~rlc2010/abstracts/rlc2010_abstracts_sec17.pdf
2. Введенская, Л. А. Русский язык и культура речи: Учебное пособие для вузов / Л. А. Введенская, Л. Г. Павлова, Е. Ю. Кашаева. Ростов н/Д, 2007.
3. Государственный образовательный стандарт по русскому языку как иностранному. Второй уровень. Общее владение. М.; СПб, 1999.
4. Программа по русскому языку для иностранных граждан. Первый сертификационный уровень. Общее владение / сост. Н. П. Андрюшина и др. 2-е изд. СПб., 2002.

И. А. Шушарина

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ КОММУНИКАЦИЯ МЕЖДУ ПРЕПОДАВАТЕЛЕМ И СТУДЕНТОМ-НЕФИЛОЛОГОМ ПРИ ИЗУЧЕНИИ ЯЗЫКОВЫХ ДИСЦИПЛИН

В статье показывается, что профессиональная коммуникация между преподавателем и студентами нефилологических факультетов при изучении языковых дисциплин предполагает разработку специальных учебных материалов. Усвоение базовых лингвистических понятий обеспечивается наличием «терминологического минимума» и таблиц.

Ключевые слова: базовые лингвистические понятия, терминологический минимум, студент-нефилолог.

Изучение языковых дисциплин на нефилологических факультетах отнюдь не ограничивается обязательными для всех первокурсников предметами «Русский язык и культура речи» или «Русский язык делового общения». Они, безусловно, важны, и их преподавание имеет свои подводные камни, но, помимо них, студенты-историки и культурологи постигают старославянский, греческий и латинский языки, студенты-культурологи изучают курсы «Семиотика и лингвистика» и «Лингвокультурология», студенты-документоведы учатся составлять и редактировать официально-деловые тексты в курсе «Документная лингвистика».

Первое, с чем сталкивается преподаватель, ведущий эти дисциплины, — незнание студентами-нефилологами базовой языковой терминологии, без которой очень сложно осуществлять профессиональную коммуникацию. Обусловлено незнание языковой терминологии логикой профильного обучения, в котором лингвистические дисциплины являются лишь небольшими разрозненными вкраплениями и не дают представления о языкознании как о единой системе. Преподаватель, прежде чем познакомить студентов с материалом, непосредственно касающимся изучаемой дисциплины, должен делать экскурс во введение в языкознание и давать учащимся базовые филологические знания. Так, при изучении старославянского, греческого и латинского языков студентам необходимо рассказать о принципах фонетической организации языка и классификации звуков, дать понятия синхронии и диахронии, грамматической категории, внутренней флексии, ассимиляции, комбинаторных и позиционных изменений звуков, в курсах «Русский язык и культура речи», «Русский язык делового общения» и «Документная лингвистика» — познакомиться с понятиями речевой нормы, лексической и

грамматической вариативности, языковых уровней и др., в курсе «Семиотика и лингвистика» — с понятиями структура языка, языковые уровни, система языка, единица языка, двусторонность языкового знака, парадигматические и синтагматические отношения и др.

Однако небольшое количество аудиторных учебных часов, отводимых на изучение того или иного курса, не позволяет уделять много времени овладению базовыми лингвистическими понятиями. Обеспечить действенность профессиональной коммуникации помогают так называемые «Терминологические минимумы», в которые преподаватель включает базовые лингвистические термины и термины изучаемой дисциплины, а также таблицы, которые помогут обобщить получаемые знания.

При этом важно отобрать только те базовые термины, которые действительно необходимы для изучения той или иной дисциплины, а не отсылать студентов к словарям лингвистических терминов О. С. Ахмановой [1], Д. Э. Розенталя и М. А. Теленковой [7] или к лингвистическому энциклопедическому словарю под редакцией В. Н. Ярцевой [5], с которыми работают филологи. Большой объем этих тезаурусов отпугивает нелингвиста, и необходимые для успешного понимания нового материала термины, скорее всего, самостоятельно изучены не будут. Так, в «Терминологический минимум» не стоит включать термины *граммема*, *деривация*, *дисфикс*, *коррелятивная пара*, *таксис* и т. п., зато необходимо напомнить студентам или ввести в их научный словарный запас значения терминов *ряд*, *подъем спинки языка*, *палатализация*, *парадигма*, *наклонение*, *грамматическое значение*, *склонение*, *спряжение*, *время* — старославянский язык, *аблатив*, *аккузатив*, *вокатив*, *генетив*, *датель*, *номинатив*, *препозитив*, *склонение*, *деklinационный тип*, *спряжение*, *время* — латинский

язык, аббревиатура, паронимы, плеоназм, тавтология, лексическая сочетаемость — документная лингвистика, концепт, парадигма, парадигматика, омонимия, полисемия — семиотика и лингвистика. «Терминологический минимум» для каждого курса должен быть свой, составленный в соответствии со спецификой изучаемой дисциплины.

Еще одно требование к «Терминологическому минимуму» — доступность формулировок. С этой целью иногда следует пересмотреть толкования терминов, предлагаемые в словарях, ориентированных на филологов. Так, вместо толкования термина *палатализация* «дополнительный к основной артикуляции согласных подъем средней части языка к твердому небу (или йотовая артикуляция), резко повышающий характерный тон и шум» [1. С. 308], требующего дополнительного пояснения терминов *артикуляция, подъем, средняя часть языка, твердое небо, йотовая артикуляция, тон, шум*, можно предложить более понятное нефилологу толкование: *смягчение согласного под воздействием йота или гласного переднего ряда, которое может быть переходным (образуется качественно новый мягкий согласный) или непереходным (согласный приобретает только мягкость)*.

Освоение студентами азов филологии позволит успешно преодолеть преподавателю второй камень преткновения — убежденность

слушателей в том, что языковые дисциплины нужны лишь для общего развития, а в профессиональной деятельности они не потребуются. Преподаватель должен сам четко видеть сферу профессионального применения преподаваемой им дисциплины и обозначить ее студентам.

Список литературы

1. Ахманова, О. С. Словарь лингвистических терминов. 2-е изд., стер. М. : Сов. энциклопедия, 1969. 607 с.
2. Брусенская Л. А. Учебный словарь лингвистических терминов / Л. А. Брусенская, Г. Ф. Гаврилова, Н. В. Малычева. Ростов н/Д : Феникс, 2005. 256 с.
3. Виноградов, В. А. Краткий словарь лингвистических терминов / В. А. Виноградов, Н. В. Васильева. М. : Рус. язык, 1995. 175 с.
4. Дурново, Н. Н. Грамматический словарь: Грамматические и лингвистические термины / под ред. О. В. Никитина. М. : Флинта; Наука, 2001. 183 с.
5. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. М. : Сов. энциклопедия, 1990. 686 с.
6. Никитина, С. Е. Тезаурус по теоретической и прикладной лингвистике. М. : Наука, 1978. 375 с.
7. Розенталь, Д. Э. Словарь-справочник лингвистических терминов / Д. Э. Розенталь, М. А. Теленкова. 2-е изд. М. : Просвещение, 1976. 543 с.

Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 33 (248). Филология. Искусствоведение. Вып. 60. С. 280–282.

Н. Н. Щербакова

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНАЯ ТЕРМИНОЛОГИЯ КАК ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА

В статье анализируется феномен междисциплинарной терминологической омонимии в лингвистике и логопедии.

Ключевые слова: научный термин, эволюция научного знания, междисциплинарная терминологическая омонимия, терминологическая интерференция,

Научная терминология многих отраслей знания — это результат длительной эволюции, в связи с этим она может давать представление об истории формирования тех или иных научных представлений. Так, среди терминов русской диалектологии наблюдаем такие единицы, как *еканье, ёканье, яканье*, которые используют-

ся для обозначения различных типов безударного вокализма после мягкого согласного. И хотя эти слова используются для обозначения звуковых особенностей, для их образования явно использовано название буквы, т. е. фактически в термине не дифференцируются понятия «звук» и «буква». Это не единственный случай

отражения синкретизма в восприятии звуковой единицы и ее графического облика. Так, среди логопедических терминов, называющих различные проявления дислалии (нарушение звукопроизношения), обнаруживается немало дериватов, созданных на базе названий букв греческого алфавита. Так, термины *гаммацизм*, *каппацизм*, *хитизм* используются для обозначения нарушений в произношении заднеязычных звуков, *ротацизм* и *лямбдацизм*, соотносятся с проблемами артикуляции [р] и [л], *йотацизм*, связан с проявлением у всех согласных независимо от их положения в слове дополнительной йотовой артикуляции, а термином *сигматизм* обозначают нарушения произношения свистящих и шипящих звуков. Представить себе образование подобного термина в современной науке, с ее жестким требованием разграничения звука и буквы, невозможно. Но в эпоху господства в языкознании сравнительно-исторической парадигмы, когда важнейшим объектом изучения были мертвые древние языки, это, видимо, было не столь существенно, поскольку главным источником эмпирического материала являлись памятники письменности. Вспомним термин *сигматический аорист*, мотивированный названием греческой буквы *сигма*; совершенно очевидно, что для исследователя главным опознавательным признаком данной формы в древнегреческом тексте служила именно эта буква в суффиксе глагольной формы.

Несмотря на то, что подобные термины с точки зрения современной лингвистики некорректны, они, тем не менее, продолжают успешно использоваться как в практике преподавания, так и в научной деятельности. Основная причина их стабильности — это компактность, краткость и ясная внутренняя форма.

Однако уже в приведенных примерах мы видим, что внутренняя форма в разных дисциплинах прирастает разными смыслами. Так, логопедический термин *сигматизм* включает представления о проблемах произношения шипящих, тогда как терминологическое сочетание *сигматический аорист* предполагает наличие в суффиксе звука [s]. Данные примеры междисциплинарной терминологической омонимии не представляют заметной лингводидактической проблемы, поскольку подготовка учителя-логопеда не предполагает изучения истории русского языка, однако в некоторых случаях в практике преподавания таких смежных дисциплин, как логопедия и русский язык с основами языкознания, может возникнуть ситуация терминологи-

ческой интерференции. Это явление возникает в тех случаях, когда разные науки используют один и тот же термин, но вкладывают в него разное содержание. Так, термином *паронимы* лингвисты обозначают «слова, имеющие сходство в морфологическом составе и, следовательно, в звучании, но различающиеся по значению» [1. С. 198]. В русистике паронимы — это однокоренные слова типа *одеть* — *надеть*, *сытый* — *сытный*, *абонент* — *абонент* и т. д. В логопедии термином *паронимы* называются слова, отличающиеся в произношении одним звуком, т. е. существительные *бочка* — *кочка* — *точка* — *почка* — *дочка* — *мочка* — *ночка* являются при таком подходе паронимами, хотя ничего общего в их значениях нет, поскольку они не являются однокоренными. Еще один заметный пример — значение термина *аллофон*, которым лингвисты называют вариант фонемы, а логопеды — искаженный звук, возникающий в результате неправильной артикуляции.

Различия между употреблением подобных терминов в речи лингвистов и логопедов наблюдается и в сфере так называемого профессионального просторечия, к которому относится «ненормированная форма существования специальных языковых средств» [3. С. 71]. В указанных профессиональных сферах подобные единицы возникают как следствие тенденции к экономии речевых усилий. Например, полная характеристика согласного звука по месту образования предполагает указание активных и пассивных органов речи, но если характеристика артикуляции звука не является центром научного или учебного сообщения, то наблюдается выпадение одного из компонентов. По нашим наблюдениям, лингвисты обычно опускают ту часть характеристики звука, которая указывает на пассивные органы. Так, характеристика *заднеязычный задненебный* будет редуцирована до *заднеязычный*. Логопеды предпочитают в этой же ситуации термин *задненебный*, что не случайно, поскольку многие причины, вызывающие проблемы артикуляции, связаны с дефектами строения речевого аппарата.

Иногда экономия речевых усилий приводит к появлению таких сокращений, которые в одном из научных сообществ рассматриваются как ущербные с точки зрения логики и речевой культуры, а в другом сообществе воспринимаются как рабочие. Это, например, выражения типа *формирование (сформированность) словообразования (лексики, грамматики) у ребенка*. Они распространены в логопедической практике,

но вызывают неприятие у лингвистов, с точки зрения которых следует говорить о сформированности у ребенка словарного запаса, грамматических представлений и т. д.

Таким образом, практика преподавания русского языка для специальности «логопедия» сопряжена с лингводидактической проблемой, связанной с опасностью терминологической интерференции, что требует работы по ее предупреждению. С этой целью необходимо обязательное разъяснение не только разницы в значениях терминов, но и причин, приводящих к появлению междисциплинарной терминологической омонимии. Это может быть, например, заимствование термина из другой науки (например, термин *морфология* заимствован лингвистику из биологии), образование терминов в разных науках на одной и той же мотивирующей базе (например, термин *ротацизм* в логопедии обозначает дефект произношения, а в лингвистике — переход [s] или других согласных в [r]).

Терминологические проблемы могут быть также следствием того, что фундаментальная наука развивает и совершенствует свою терминосистему, изменяет ее, а прикладная отрасль знания продолжает использовать прежнюю терминологию этой фундаментальной науки. Так, в логопедической практике для обозначения мягких и твердых согласных звуков часто используются термины *палатализованный/непалатализованный*, которые были популярны в лингвистике

XIX столетия. Сейчас они с успехом могут быть заменены на традиционные *мягкий/твердый*. Последние гораздо удобнее для произношения, продолжают школьную традицию именования и представлены в учебниках по современному русскому языку, которыми пользуются будущие логопеды.

Справедливости ради отметим, что подобные проблемы существуют и в практике обучения студентов одной специальности. Известны, например, серьезные терминологические проблемы, возникающие в практике преподавания курса «История русского литературного языка», поскольку такие важные понятия, как, например, *стиль* или *просторечие*, неоднократно меняли свое содержание в истории русистики вслед за изменениями самого языка.

Таким образом, терминологические омонимы требуют обязательного разъяснения в практике преподавания. По нашим наблюдениям, такое разъяснение будет эффективным при объяснении причин, порождающих подобные проблемы.

Список литературы

1. Бельчиков, Ю. А. Паронимы // Русский язык : энциклопедия / гл. ред. Ф. П. Филин. М. : Сов. энцикл., 1979. С. 198–199.
2. Волкова, Л. С. Логопедия. М. : Владос, 2003.
3. Суперанская, А. В. Общая терминология: Вопросы теории / А. В. Суперанская, Н. В. Подольская, Н. В. Васильева. М. : Либриком, 2009.

SUMMARY

ALIKINA E. Yu. Peculiarities of Metaphorical Representation of ‘Destination’ Concept in Tourist Discourse (on Russian and German Material)

Metaphorical models of ‘destination’ concept realization in tourist discourse are analyzed in the article. Tourist discourse is viewed as practical type of knowledge of pragmatic character.

Keywords: *concept, discourse, metaphorical model, naive picture of the world.*

ARTEBYAKINA O. V. Mathematical Language formation for Pedagogical Educational establishment Students

Mathematical language is viewed in the article as a component of mathematical culture.

Keywords: *language, mathematical language, mathematical symbols, mathematical notions, mathematical culture.*

ASMUS N. G. Universal and Unique Features of the Russian Virtual Space

Communication within a computer-mediated format has an effect on many different aspects of interaction. Russian virtual space is characterized by a number of features borrowed from English computer usage and by the unique Russian net communication.

Keywords: *virtual communicative space, the Russian language, the English language.*

AVERIANOVA E. V. Provocation Figure in Religious Discourse

The article is about the means of expressing provocation manipulative figure in XVI–XVII th Old Church Slavonic language, outlining the archetypical figure of provocation and its types.

Keywords: *religious discourse, manipulative figure of provocation, meron, archetype.*

AZNACHEEVA E. N. An Astrological Discourse: a Semiotic and Cognitive aspects

The article is devoted to the problem of cognitive and semiotic basic foundations of astrological system. The author argues that the polysemanticism and ambitendency of the meaning of astrological characters depend on the foundation of analogy and synchronization. The specific character of the astrological archetypes and key concepts are identified and described.

Keywords: *astrological discourse, astrological prediction, archetype, symbol, a key concept.*

BABUSHKINA O. N. Evaluative Modality in Professional Communication

The article is devoted to the analysis of the complex nature and structure of evaluative modality in professional communication. Evaluation of different aspects of professional activity is revealed by the example of the phraseological units of the Russian and English languages.

Keywords: *modality, evaluative modality, evaluation criteria, professional activity.*

BAKANOVA Yu. V. Content Planning of Interpreter-translators’ Professional Training on the Basis of Precedent Texts and Expressions Usage

The article considers the use of precedent texts and expressions in the process of future interpreter-translators’ preparation to cross-cultural communication. Such texts enable them to develop their cross-cultural communicative abilities. The author gives some steps how to use authentic and precedent texts in teaching students at the linguistic faculty.

Keywords: *communicative competence, precedent text, precedent utterance, educational text.*

BELYUTIN R. V. Hyperbole in the Sports Language Space (Based on the German Language)

The article reveals hyperbole peculiarities in sports discourse. Due to the unusual character of the discourse itself hyperbole takes a special place among stylistic devices employed by the par-

ticipants of sports communication. Hyperbole penetrates into almost all genres of the discourse: the analysis of sportscast, comments, interviews, fans' slogans show that certain models (such as semantic, word-formative, syntactic) for creating hyperbolic expressions can be developed within the discourse.

Keywords: *sports discourse, hyperbole, models of hyperbolic expressions.*

BEREZOVSKAYA E. A. On a New Dictionary Project: 'Difficulties of Lexical Combinability: Editor's Handbook'

The article is devoted to the question of defective phrases in Russian formed by combining incompatible words. The author is going to compile a special handbook for editors for more effective editing of such phrases.

Keywords: *lexical combinability, context, lexical meaning, dictionary of difficulties.*

BERG E. B. Judicial-linguistic Expertise: Trilingual Discourse

The article is devoted to the problem of professional communication in linguistic expertise. The author believes that it is trilingual, including the language to express linguistic professional knowledge, professional knowledge of law and everyday consciousness. Then author draws the conclusion about the correct correlation of these languages.

Keywords: *judicial-linguistic expertise, law discourse, professional knowledge, legal culture.*

BOLDYREV N. N. An Interpretative Function of Language

The article discusses the function of linguistic interpretation as a cognitive activity, drawing special attention to its types and manifestation. It is argued that the structure and specific features of the interpretative function of language determine the structure and content of the corresponding concepts and categories. This is illustrated by way of analysis of the category of negation.

Keywords: *interpretation, functions of language, cognitive activity, category of negation.*

BOVSHIK A. S. Analogue and Semiotic Representations in the Aspect of Lingua-semiotic Analysis

The article aims at a theoretical substantiation of analogue and semiotic representation at a level of denotation concerning lingua-semiotic analysis. After defining presentation and representation The author shows the functional significance of the modified conceptual opposition.

Keywords: *presentation, analogue/semiotic representation, denotative/connotative meaning, verbal/visual text.*

BUDEJKO V. E. The Problem of Grammatological Phraseological Units Research from the Point of View of Terminology

The article analyses the problem of classifying grammatological phraseological units, describes the general research work and perspectives of alphabet study.

Keywords: *writing, alphabet, grammatology, letter meaning, alphabet (grammatological) phraseological unit.*

BUDYKINA V. G. On Harmonization of Educational Terminological Systems (about Problem Statement)

The problems of higher education terminology harmonization on national and international levels are described in the article. The most authoritative British, American and Russian dictionaries of educational terms are analyzed.

Keywords: *educational terminology, harmonization of terminological systems, dictionary of educational terms.*

BURGANOVA N. S. Mass-media materials in professional Foreign Language training of 'Finance and Credit' Specialisation students: cognitive approach

The article considers an actual theme connected with cognitive approach to professional education of economics students. Attention is paid to reading skills as the main goal of foreign language education, because the English language course is short-dated. The author presents Mass-media as an authentic resource with numerous economic terms and general lexis. Such texts reading will help future economists in their professional training.

Keywords: *professional training, news item, culture of thought.*

CHERNOUSOVA Yu. A. The Typology of Business Contracts in Modern English Business Discourse

The article is devoted to the typology of business contracts in modern English business discourse.

Keywords: *business contracts, English business discourse.*

DAVLETKULOVA L. N. Modern Oxfordshire Toponymy in the Aspect of Foreign Influence

Structural and semantic peculiarities of Oxfordshire toponymy are viewed in the article. Foreign components in modern toponyms are analyzed.

Keywords: *toponymic layer, English toponymy, old English final components of toponyms.*

DEMIDOVA E. N. Lexical and Grammatical Peculiarities of Paronyms in Scientific Text

Lexical and grammatical features of paronyms in scientific texts are studied in the article on the example of Russian adjectives paronymically used.

Keywords: *scientific text, paronymy.*

DUBICHINSKY V. V., VASENKO L. A. Terminology Science Tasks in Special Language Teaching

The article is devoted to LSP teaching in higher technical institutions. The authors present the textbook 'Фахова українська мова' published in Kiev in 2008.

Keywords: *scientific vision, basic notions of terminology, terminological competence of a specialist.*

DURINOVA N. N. Verbal Semantics in Individual Author's Style

The article focuses on the semantic peculiarities of the word in Shakespeare's idiostyle. Two words in a phrase that have diverse interpretations are taken for analysis. Their meanings are traced etymologically, being compared in bilingual and explanatory dictionaries, which reveal the changes that have taken place in modern language.

Keywords: *literary text, the author's individual style, Keywords, translation.*

DVININA S. Yu. Linguistic Means of the Author's Image Realization

The article dwells upon the author's consciousness, an actual problem of modern cognitive science. The means of the author's image realization are given. An attempt to analyze the author's formation is undertaken.

Keywords: *literary discourse, author's consciousness, author's image.*

ELISTRATOV A. A. To the Project of a Dictionary of Russian Sports Slang

The article deals with the project of a dictionary of Russian sports slang. The dictionary is going to be one of very few lexicographic works of this kind in Russia and, thus, will fill a gap in

Russian lexicography. The article contains some general principles the author has followed to fulfill this work.

Keywords: *dictionary, substandard vocabulary, sports slang, dictionary entry.*

FELDE O. V. The Problems and Prospects of Russian Technical Substandard Lexicographical Description

The factors and conditions of substandard trend of terminography formation are revealed in the article; the profile of registering dictionaries of the languages for specific purposes (LSP) is given; the problems of lexicographical fixation of substandard units of technical lexis are exposed; the vital task of lexicographical description of Russian technical substandard and technical languages are specified.

Keywords: *substandard lexicography, terminography, the dictionary of technical lexis, industry word, inter industry word, quasi industry word, deindustry word, technical slang word, macro- and microstructure of the dictionary.*

FEOKTISTOVA I. C. Legend of a White Birch

In this article Russian origin of the narration about a white birch is proved on the basis of the system analysis of the mythological motifs of the oral and written texts.

Keywords: *an image, a mythological motif, opposition, a white birch, the black people.*

FURS L. S., DOBROKHOTOVA O. V. Value Aspect of Categorizing Social Status as an Image-making Problem

The process of categorizing social status supposes focusing attention on different social characteristics, which correlate with human values. Social status is evaluated on the basis of a cognitive domain "prestige". Different aspects of social status can become an object of appraisal. The description of these aspects is important for image-making as being aware of key values one can make a successful presentation and influence the others.

Keywords: *social status, image-making, key values.*

GOLOVANOV I. A. Natural Science and Artistic Types of Thinking in Andrei Platonov's Prose

The article analyzes the characteristics of Andrei Platonov's prose reflection of his original world view, linking natural science and art types of thinking and consciousness. The author discusses the peculiarities of the interaction of reality and fiction in his work, defines the most important aesthetic principles of characterization.

Keywords: *literary text, the writer's perception of the world, science thinking, the author's mythology, the prose of Andrei Platonov.*

GOLOVANOVA I. Yu. Forming Derivational Component of the Students' Communicative Competence

The article studies peculiarities of derivational transformation of the initial text as a significant part of the university students' communicative competence.

Keywords: *communicative competence, communicative text, genre consciousness, derivational transformations of the text.*

GORBUNOV S. P. The Primitive World View in the Semiotic Space of J. Morrison's Poetic Discourse

This article is an attempt to deal with the specific aspects of the primitive world view projection through the semiotics of the poetic discourse of the American author J. Morrison.

Keywords: *poetic discourse, the semiotic space, a primitive world view.*

IGNATENKO V. V. The Peculiarities of Production Metaphor in the Context of Special Literature

This investigation is an attempt to identify and describe the features and types of production metaphors in the context of specialized subjects literature used in the educational process of university students, future specialist in Food Engineering.

Keywords: *production metaphor, technical discourse, metaphoric model.*

IVINSKIKH N. P. Metaphoric Model ‘Literature’ as Language Teaching Discourse Dynamics Reflection (Based on the English Language)

This article deals with the cognitive metaphor study in the language teaching discourse. The metaphoric model ‘Literature’ shows dynamics of language teaching discourse. At the beginning of the XXth century methodological knowledge was verbalized with the help of such metaphors as the god Heimdall, the Scylla, the Charybdis, monster, representing frightening creatures. In the XXIst century these metaphors are not found in the discourse.

Keywords: *metaphoric model, cognitive metaphor, teaching discourse.*

KANTYSHEVA N. G. Ecological Audit Term Pragmatics

The article studies ecological audit term pragmatics in the systematized electronic Ecoaudit Glossary. It is possible to state that lexicographical parameters present the pragmatics of Ecologic Audit terminology, which is necessary in various professional spheres.

Keywords: *term, communication, glossary, ecological audit, linguistics and pragmatics, professional thesaurus.*

KATSUBA L. B. Paremia in Professional Sphere: Lingvocultural Aspect

The article is devoted to the linguo-cultural study of professional proverbs. The research shows that such proverbs actualize the concept “Skill”, which can be considered as a structural part of the conceptsphere “Work”.

Keywords: *paremia of professional sphere, concept, professionalism, linguo-cultural studies.*

KERER K. A. Realization of the Co-nuclear Zone of the Concept ‘Profession’ in D. Lodge’s Industrial Novels

The present article dwells on the realization of the concept ‘profession’ and verbalization of its main (central) features, the basis of the study being the industrial novels by David Lodge.

Keywords: *concept, field structure, core, peripherals, professional activities, interpretations.*

KHOKHLOVSKAYA O. G. Pedagogical Discourse Peculiarities as a ‘Forecast’ of the future Language development of a child

The article represents an attempt to reveal the possibilities of pedagogical discourse in solving the problem of pupils’ language development by applying the pedagogical contacts rules.

Keywords: *language development of a child, pedagogical discourse, social interaction, educational dialogue.*

KHVESKO T. V. Linguocreative Aspects of Toponymic Nomination

Native, borrowed and hybrid geographical names are viewed in the article. Language creativity as a reflection of speech individuality is reflected in hybrid toponyms.

Keywords: *linguocreative activity, toponym, toponym formation, hybrid names.*

KLIMOVA O. V. PR-Terminology of Modern Electronic Dictionaries

Modern PR terminology has flexible and unclear boundaries. Lexis of electronic dictionaries is

different in quantity and quality, which preconditions lexicographic research of public relations sphere.

Keywords: *electronic dictionary, PR-terminology, dynamic aspect.*

KOFMAN E. P. The Analysis of the Concept ‘Negation’ Representation and Functioning in Scientific and Technical Text

The article is devoted to the analysis of verbal means representing negation in scientific and technical text, which is investigated on the principles of cognitive linguistics. Negation is approached as a cognitive and linguistic phenomenon fundamentally important to human thinking and communication. Special features of negation functioning are presented; prototypical means of its expression are indicated.

Keywords: *scientific and technical text, concept, representation, implicit negation.*

KOLESNIKOVA S. N. The Peculiarities of Political Discourse and its Interpretation

Various approaches to the content of political discourse concept are discussed in the article, peculiarities and interpretation of political discourse are revealed.

Keywords: *political discourse, politics, political language.*

KOLESNIKOVA T. V. Standard and Expression as Specific Features of Newsreel (Based on the Program ‘Vesti’ of ‘Russia’ TV Channel)

The article is devoted to newsreel peculiarities. Standard and expression examples are analyzed.

Keywords: *standard, expression, newsreel.*

KONOVALOVA M. V. Evocative Impact in Publicistic Discourse (on the Example of Information Wave)

The article analyzes evocative impact by deliberate information spread in a concrete segment of Internet space. Means and ways of information wave spread are studied, taking into account evocation results.

Keywords: *publicistic discourse, evocation, evocative impact, information wave.*

KOSTYUSHKINA G. M., GORBUNOVA I. V. Strategic Aspect of Anglicisms in Internet-Discourse

The article deals with strategic aspect of Anglicisms in internet-discourse as special means of influence and manipulation. Anglicisms have particular speech strategies and tactics in internet-discourse.

Keywords: *Internet-discourse, Anglicism, speech strategy, suggestion.*

KOVYAZINA E. V. Semantic aspects of metaphors in philosophical discourse

The article presents different types of metaphorical meaning and a variety of metaphoric representations in philosophical discourse. This research is carried out on the basis of «A History of Western Philosophy» by B. Russell. The author applies semantic analysis by I. Kobozeva and five-step analysis of the metaphors identification by G. Steen.

Keywords: *philosophical discourse, metaphor, metaphorical meaning, context, denotat, signifikat.*

KUBITS G. V. Lawyer’s Speech Impact Strategy in Judicial Process

The article studies the lawyer’s speech impact upon the jury as well as the methods of judicial speech construction and pronunciation.

Keywords: *speech impact, communicative activity, strategy, professional activity.*

KUNILOVSKAYA M. A. Peculiarities of Translated Computer Discourse: Ways of Rendering Predicative Modality from English into Russia

Peculiarities of expressing modality in translated computer discourse are studied in the article. The results of translation analysis of the means to express modality in a blogue are presented in comparison with analogous Russian text.

Keywords: *computer discourse, modality, modal verb, translated discourse.*

KURNOSOVA A. S. Special Lexis Functioning in Advertising Text

The peculiarities of special lexis functioning in car advertising texts are observed and the necessity of using professional sphere names in mass media is elicited.

Keywords: *advertising text, special lexis, term.*

KUSHNERUK S. L. Language Means of Profiling Russian and English Advertising Text World of the Addressee

Text World theory is widely spread in modern linguistics. This article focuses on its practical application to advertising discourse. Special attention is given to the analysis of the linguistic means used in Russian and English advertising.

Keywords: *advertising communication, means of profiling, addressee, the Russian language, the English language.*

KUZNETSOVA N. Yu. Occupational Titles Naming in German and Russian Paremias

The problems of connotation and functioning of occupational titles are studied in the article on the example of German and Russian paremias.

Keywords: *occupational titles, paremias about law, ethnic and cultural consciousness.*

LESNIKOV S. V. Basic Blocks of Automatic Lexicography System

A nonlinear form of Russian linguistic universum will be constructed on the basis of Russian lexical system computer model. Relational, hierarchical and network paradigmatic relations through syntagmatic relationships realization in the online computer dictionary and digitized Stove tech materials are taken into consideration. This will ensure their effective entry into science to enhance modern lexicographic research.

Keywords: *Russian linguistic universum, basic block, automatic lexicography system, terminology database.*

LOKTIONOVA T. A. Advertising Headline in Linguistic Mirror

The article studies some kinds of modern advertising headlines, their main structural and linguistic peculiarities. The article shows that the verbal and nonverbal components of advertising headlines are interconnected and interrelated.

Keywords: *advertising headline, verbal component, nonverbal component, linguistic constructions.*

MADZHAEVA S. I. Terms in Medical Discourse

This article deals with the ways and reasons of functioning of terms in medical discourse. The functioning of medical terms depends on the experience of a doctor, patient, on their language vision.

Keywords: *professional discourse, medical discourse, a term.*

MAKAROVA A. D. The Language and Cultural Image: the Essence of the Notion

The present article deals with two notions "concept" and "linguistic-cultural image" and their correlation in publicistic discourse.

Keywords: *concept, image, linguistic-cultural image, discourse.*

MAKAROVA E. V. Speech Creation Space during the Russian Language Lesson

The learning of the Russian language (grammar) is considered to be a creative speech phenomenon. Creative Russian lesson is a speech creation space organizing educational discourse, in which a literary text unites educational and speech creation topics.

Keywords: *educational discourse, literary text, speech creation space, Russian lesson.*

MARAKHOVSKAYA T. A. The Text Structure of Virtual Polylogue: Thread and Message

The purpose of this paper is to give some theoretical information on the text structure of virtual polylogue. The concepts of «thread» and «message» are considered in detail. They are used by Internet-forums, where the users may comment on and discuss any topic that they choose. A set of messages grouped visually in a hierarchy on the basis of the topic is called a topic thread or simply «thread».

Keywords: *thread, message, virtual polylogue, Internet-forum.*

MARINOVA E. V. To the Project of ‘Loan Theory in Basic Concepts and Terms’ Dictionary

The article is about the project of a new ‘Loan Theory in Basic Concepts and Terms’ dictionary. It may be a dictionary of the mixed type (terminological and encyclopedic), which will help to fill the gaps in the theory and loan terminology.

Keywords: *loan theory, terminological dictionary, dictionary conception, dictionary entry.*

MARKOVA T. N. Genre Experiment or a Game of Give-away (the Question of Choosing Literary Strategy)

The contemporary state of literature is influenced by the rapid development of media. In terms of literary significance, the actual presentation of a book is becoming more important. Given the market limitations a writer has to work out his individual strategy of communication with his reader on the one hand and his publisher on the other, however his choice is never risk free.

Keywords: *literary process, a strategy of interaction with the reader, art experiment.*

MAYAKINA M. A. Phraseological Units Describing Nonverbal Behavior as a Component of Language and General Cultural Competences Development

The article is aimed at establishing the place of English phraseological units describing actual nonverbal behavior. Peculiarities of nonverbal behavior are studied, nonverbal components of communication in a literary text are described from the point of view of forming language and general cultural competences of higher educational establishments.

Keywords: *phraseological unit, nonverbal behavior, verbal and nonverbal components of communication, literary text, language competence, general cultural competence.*

MIKHINA E. V. Intertext as a Form of Communication between Author and Reader in Literary Discourse

Intertext is one of communication forms between the author and the reader in the imaginative discourse. Such a dialogue is possible only in the presence of the common memory of the author and the reader. As an example of influence of the intertext on meaning V. Pyetsukh’s story ‘Our Man in a Cocoon’ is considered.

Keywords: *art discourse, Russian literature, author, reader, communication, intertext, intertextual irony.*

NEFEDOVA L. A., KIM G. A. The Means of Inserting Implicit Information into Argumentative Discourse in the Sphere ‘Marketing’

The present article discusses the means of inserting implicit information into argumentative discourse in the texts devoted to the topic “marketing”. These means can be used with a persua-

sive function, which helps specialists working in marketing sphere to use language resources effectively.

Keywords: *implicit information, marketing, argumentative discourse.*

NEMIROVA N.V. Precedence as the basis of Political Discourse Mythology

Precedence is viewed in the article as the basis of political discourse mythology. Precedence includes such typical features of the myth as exaggeration, evaluation, antiverification, and antirationality.

Keywords: *preceding phenomenon, political discourse, myth, mythologeme.*

NENAKHOVA E. A. Profession Image in Preschool Child Consciousness

Taking into consideration the fact that modern world with its changing objectives demands the choice of profession and profession image creation to be of great importance already in childhood, it is the profession image in the language consciousness of preschool children that we consider. The article is focused on the results of the experiment conducted in the kindergarten, aimed at studying the image of profession in this age group.

Keywords: *language consciousness of a preschool child, profession, profession image.*

NOVODRANOVA V. F., MOTRO Yu. B. Semantic Modifications in Medical Discourse

The article is aimed to describe the change of meanings of terms in discourse and those factors which influence all these changes. Semantic modifications are described on the basis of cognitive processes of conceptualization and construal. The semantic analyses are delivered on the basis of R. Langacker's and L. Talmy's cognitive notions of conceptual scope, profiling and active zone.

Keywords: *cognitive linguistics, process of communication, discourse, conceptualization, scientific, academic and popular scientific texts.*

OBZHORIN A. M. The Peculiarities of the Translation of Phraseological Units Describing Mental State of Humans from Russian into English

The article discloses the main features of communicative strategy of translating phraseological units representing mental state from Russian to English. The author describes steps of the strategy and gives their brief description.

Keywords: *translation, phraseological unit, mental state of a human, the Russian language, the English language.*

OLESHKOV M. Yu. Emotive Speech Acts in Pedagogical Discourse

The elaboration of linguistic theory of emotiveness embraces not only the means of language but also the ways of their realization while having influence upon the linguistic personality. Expressive-emotive speech acts, realized in pedagogical discourse by a speaker, have pragmatic potential and may be intentionally categorized.

Keywords: *pedagogical discourse, emotive speech act, verbal influence.*

OLIZKO N. S. Artistic Discourse as Polylogue Author, Reader and Text

The belles lettres discourse is a detailed, extremely meaningful polylogue of the author, reader and text, identifying the interaction of the author's intentions, a complex set of possible reactions of the reader and the text, a product in the space of semiosphere.

Keywords: *discourse of imaginative literature, author, reader, text, polylogue.*

OMELCHENKO E. V. Project Communicative Strategy within Educational Discourse

Nowadays it is necessary to search new means of language teaching. The variant of communicative strategy aimed at the creation and presentation of linguistic projects is described in the

article. The projects let students develop their communicative skills in the context of current social demands.

Keywords: *educational discourse, communicative environment, new educational technologies, project communicative strategy.*

OSIPOV A. V. The Peculiarities of Euphemism in Professional Communication (Based on the Example of Medical Lexis and Lexis of Enforcement Agencies in Russian and English)

The article deals with the phenomenon of euphemism in professional discourse of medical workers and enforcement agencies. Peculiar examples of euphemisms in English and Russian are analyzed. Special attention is paid to differentiation between cryptology and euphemisms.

Keywords: *euphemism, euphemisation, professional communication, the Russian language, the English language.*

PECHAGINA T. V. The Concept of ‘Power’ in German Fantasy for Children

The article deals with the concept ‘Power’ realization on the example of German fantasy literature for children (K.Meyer and P.Freund). Connection between the categorial concept ‘Evil’ and the concept ‘Power’ is taken into consideration.

Keywords: *categorial concept, power, evil, German fantasy for children.*

PITINA S. A. Unreal Reality in K. Isiguro’s Novel Never Let Me Go

The article reveals the artistic and stylistic features of K. Ishiguro’s ‘Never Let Me Go.’ The author shows that despite the outward simplicity of the language, the novel raises the most acute problems of our time referring to the responsibility of an individual and society as a whole for the future.

Keywords: *literary text, the reality, a parallel world, euphemization, context, subtext.*

PODYAPOLSKAYA O. Yu. Typology of Intertextuality and Linguistic Means of its Realization in K. Wolf’s Novel Medea

The present article is devoted to the peculiarities of the category of intertextuality in K. Wolf’s novel ‘Medea’. Different types of realization of intertextuality as well as linguistic means of its representation are considered in the article.

Keywords: *intertextuality, myth, allusion, intextuality, metatekstuality, hypertextuality.*

PONOMAREVA O. B. Linguocognitive Models of Semantic Derivation of Professionalisms in the Belles Lettres Functional Style

The article tackles the problem of interjargon, based on the convergence of terms and professionalisms in the belles lettres style to reveal the interaction of political, juridical and criminal, corruptive activity of the former judges in American prison. The linguocognitive models of semantic derivation are in the focus of contextual analysis of the novel “Brethren” by J. Grisham to illustrate implicative and classification functions of interjargon in the above-mentioned book.

Keywords: *interjargon, convergence, interaction, semantic derivation, linguocognitive models, implicative function, classifying function.*

POPOVA L. V. Dictionary Entry in Modern Lexicography

The paper deals with the analysis of some modern tendencies in specialised field lexicography (LSP). The matter is that the problem of an entry is still debatable. The article contains some points of view of Russian and foreign linguists concerning theory and practice.

Keywords: *lexicography, terminological dictionary, dictionary entry structure, term semanticization.*

POPOVA N. B. Ambiguity as a Poetic Device of Paul Verlaine Work

In the article is described the synergetic approach to the comprehension of aesthetic functioning and informative value of poetic text based on the example of work of Paul Verlaine, poet of impressionistic vision in art.

Keywords: *poetry, metaphor, semantic ambiguity, odd verse, short metre, impressionistic device.*

POTERYAKHINA I. N. Language Peculiarities of Corporate Website

Computer-mediated communication is important for most people. It leads to social changes in interaction on the whole and in professional communication in particular. Official Corporate Website is a full-fledged company net representative. The article presents some peculiarities of English used in official corporate sites.

Keywords: *computer-mediated communication, corporate website, language particularities.*

PROKHOROV A. V. Metaphorics of Modern Advertising

The article deals with the metaphoric presentation of advertising objects. The metaphoric model ADVERTISING OBJECT IS A HUMAN BEING is analyzed on the material of Russian and English texts of advertising.

Keywords: *conceptual metaphor, Conceptual metaphor theory, advertising, object of advertising.*

PROKOFIEVA V. Yu., CHERENKOVA Yu. V. Socio-cultural and Geopolitical Condition of Russia in Poetic Discourse (Based on the Russian Poetry of the XXth Century)

The article shows how such geopolitical cataclysms in Russia, as the October Revolution of 1917, the Great Patriotic War, Perestroika, disintegration of the socialist system are reflected in poetry, what gestalts of Russia are fixed in the poetic text lexical structure.

Keywords: *poetic discourse, metaphorization, image of Russia, metaphorical model, gestalt.*

PROKOFIEVA L. P., BELYAEVA A. Yu. Professional Communication at Russian as a Foreign Language Lessons in the Medical University: Programs, Textbooks, Methodical Innovations

Specific character of the Program, traditional and innovation methods of teaching, special course's topics are presented in the article.

Keywords: *professional communication, constructions of scientific style of speech, innovations in methodics.*

PRONCHATOVA E. G. Peculiarities of Spatial Relations in Advertising Subdiscourse

The article is dedicated to the analysis of spatial relations in advertising subdiscourse on the basis of Federal and local periodicals.

Keywords: *advertising, spatial relations, space, time, text.*

REDKINA O. Yu. Educational Text Requirements in Teaching Russian as a Foreign Language

In a foreign language teaching, particularly in teaching Russian as a foreign language, text requirements are quite essential. Educational text is referred to as both linguistic and pedagogical.

Keywords: *educational text, teaching Russian as a foreign language, language competence.*

RYZHKINA Z. A. Immortality Understanding in the Trivial Mythological Vision (on the Basis of Ancient and Scandinavian Mythologies)

Terminological culture includes scientific and trivial vision, which includes a mythological vision preconditioning scientific reflection and moral guidelines of future doctors.

Keywords: *medical professional training, applied philosophy, mythological vision.*

SAKK I. V. Professional Communication and the Sphere of Service

The article reveals the urgency of linguistic research in the sphere of service. The importance of professional communication in the sphere of services for professional activity is underlined. The modern tendencies of professional communication are noted.

Keywords: *professional communication, the sphere of service, professional activity.*

SHAMAROVA S. I. To the Question of Religious or Holy Language Nature

The basic peculiarities of religious or holy language structure include static, dogmatic or canonical, sacred or sacramental, esoteric or immanent, didactic and enlightening, symbolic and hermeneutic nature, archaic and specific narrowness, emotiveness and ethnic and confessional heterogeneity.

Keywords: *religious language, holy language.*

SHARAFUTDINOVA O. I. Peculiarities of Studying Russian as Native and Foreign Language (Normative aspect)

The article describes peculiarities of the Russian language learning by Russian and foreign students. Linguistic environment influences greatly language norm study by the Russian students. They are free in speech expression. Linguistic system predetermines the normative aspect study by foreign students as it gives rigorous criteria to use language units.

Keywords: *normative aspect of speech, language norm, Russian as a foreign language, language environment.*

SHCHERBAKOVA N. N. Interdisciplinary Terminology as a Didactic Problem

This article analyses the phenomenon of interdisciplinary terminological homonyms in linguistics and speech therapy.

Keywords: *scientific term, scientific knowledge evolution, interdisciplinary terminological homonymy, terminological interference.*

SHEVTSOVA A. Yu. Functional Analysis of Terminological Nominations in the Field of International Relations

This article describes the preliminary fragmentary analysis of the terminological nominations. The analysis is based on the word selection from the article in the field of international relations. The procedure of the analysis is described in details.

Keywords: *term, terminology, publishing text, definitional analysis.*

SHIRYAEVA T. A. Business Discourse: Knowledge, Language, Text (Based on the Modern English Language)

Business discourse becomes an integral part of daily life and attracts scholars' attention. The article is devoted to the cognitive characteristics of contemporary business discourse. Special attention is paid to the description of its global frame and of its structure, namely institutional frames, identification.

Keywords: *business discourse, cognitive characteristics, global frame, institutional frame.*

SHLYAKHOVA S. S., SHESTAKOVA O. V. Lexicographical Fixation of Interjections in Russian and German Dictionaries

The article is devoted to the lexicographic fixation of interjections in Russian and German Dictionaries. The range of problems in this section of German and Russian Studies is revealed. The principles of describing such units in the German-Russian Dictionary of Interjections are proposed. This Dictionary is the first attempt of systematic description of such units taking into account their phonosemantic specificity.

Keywords: *dictionary of interjections, interjection, onomatopoeia, sound-imitating lexis, Russian-German phonosemantic dictionary.*

SHUSHARINA I. A. Professional Teacher|Nonphilology Student Communication in Language Subjects Learning

High-quality professional communication between a teacher and a nonphilology student in language subjects study requires availability of the educational material presentation. Availability is provided by 'terminological minimum' and tables.

Keywords: *basic linguistic notions, terminological minimum, nonphilology student.*

SKRIPICHNIKOVA N. S. Key Concepts in Professional Discourse of Safety Organizations

Characteristic features of professional communication of safety organizations are studied in the article, basic concepts of professional discourse are revealed.

Keywords: *professional communication, concept, professional discourse, professional dialect.*

SOKOLOVA E. Y. Professional Discourse in the Period of Modernization

The article is devoted to the research of professional discourse during state and social modernization on the basis of generalization of reality, real communication and communication in psycholinguistic aspect.

Keywords: *professional discourse, modernization, real communication, psycholinguistic aspect.*

SOKOLOVA M. V. Functional and Stylistic Value of Proper Names in Fiction

The article presents the analysis of the functional and stylistic roles of Proper Names in text. The author analyses both the structure and types of Proper Names in fantasy.

Keywords: *literary text, proper name, anthroponym, onomasticon.*

TITOVA E. A. Pragmatic Analysis of Sound Expressiveness in the Poetic Works by John Keats

In poetical texts the most important thing is the emotions and attitudes that are expressed by authors. Phonic devices help poets reveal their feelings and at the same time such techniques contribute to the whole perception of the text. It is necessary to mention that poetical texts organization is different for different authors. We have noted that John Keats in his poems mostly uses the techniques of sound imitation and sound symbolism.

Keywords: *the poetic text, onomatopoeia, sound symbolism, assonance, alliteration.*

TROSSEL M. V. Lexicographic Description of Sawing Industry Sublanguage

The article is about the lexicographic description of sawing industry sublanguage. It starts with the general ideas of special dictionaries and further shows the Russian-English illustrated explanatory and English-Russian dictionary of sawing lexicon.

Keywords: *terminological dictionary, sawing industry sublanguage, dictionary entry.*

USTINOVA K. A. Institutional Characteristic Features of Juridical Discourse

In the following article we analyze the nature and specific features of the discourse in court, which is considered as a subclass of a broader notion of juridical discourse.

Keywords: *juridical discourse, institutional characteristic features.*

VISHNEVSKAYA G. M. Phonetic Aspect of Professional Communication

'Professional bilingualism' problem is viewed in the article focusing on the phonetic aspect of foreign speech in professional communication situation. The necessity of the targeted phonetics training in bilingualism classroom situation of foreign language (English) teaching is stressed.

Keywords: *professional communication, professional bilingualism, teaching standard pronunciation.*

VLASYAN G. R. Communicative Category of Politeness: Interpretation problem

The main ideas of P. Brown and S. Levinson's linguistic politeness theory are discussed in the article. Politeness is understood as face preservation. Positive and negative types of politeness are outlined.

Keywords: *linguistic theory of politeness, communication, negative politeness, positive politeness.*

VOLKOVA T. A. Pedagogical Discourse and Discourse and Communication Translation Model

Approaches to pedagogical discourse analysis in terms of translation theory and practice are under discussion in the paper. The authorial discourse and communication translation model is presented, as well as the description of translation strategies typology and basic components of pedagogical discourse, including some aspects of interdiscursivity.

Keywords: *pedagogical discourse, institutional discourse, discourse and communication translation model, translation strategy, interdiscursivity.*

VORONTSOVA T. A. Professional Communication Peculiarities in Mass Media Polylogue Discourse

Specific features of professional communication are studied in the article on the example of TV discussions.

Keywords: *discourse of mass media, polylogue, professional communication.*

VORONTSOVA Yu. A. Phraseological Units in Law Discourse

The article deals with phraseological units as a significant factor of speech behavior of different social groups. It describes peculiarities of phraseological units functioning in law discourse.

Keywords: *law discourse, communication, phraseological units, stylistics.*

YUKHMINA E. A. Problems of Lexicographic description of Russian Oral Professional Units in Computer and Internet-Related Sphere

The author reveals some of the problems connected with compiling a dictionary of words occurring in the speech of computer specialists and ordinary PC users. The key tasks of the dictionary making are stated in the article.

Keywords: *lexicographic description, oral professional units, computer-related knowledge sphere, dictionary of computer vocabulary.*

ZAGIDULLINA M. V. The Reader in the Viewer and the Viewer in the Reader: Shift of Communicative Foundations

The main idea of this article is connected with Boris Eikhenbaum's thought about the dialectics of viewer and reader. The author considers that the general situation of the viewer's illiteracy makes the process of reception of visual culture too complicated or even impossible.

Keywords: *reader, the viewer, reception, literary text, the language of cinema, the communicative code.*

ZARETSKAYA A. N. Features of Communication of the Addresser and Addressee in Cinema Discourse

The article is devoted to the peculiarities of communication of the receiver and the sender of the message in film discourse. The author argues that this process is complicated by the audiovisual nature of the film discourse.

Keywords: *communication, cinema discourse, addressee, addresser, the perception gap, cinematic dialogue.*

ZHARKOVA U. A. Realization of the Sign Character of Art in German Museum Catalogues

The author postulates the importance of the interpretative strategy in texts about art and considers several types of this strategy realization for modern paintings.

Keywords: *art discourse, strategy, icon.*

ZUBKOVA O. S. Some Linguocultural Peculiarities of Professional Metaphor Representation in Medical Communication

Medical metaphor functioning in professional discourse is considered in the article. The results of psycholinguistic experiment based upon subjective definitions technique are presented. The experiment was conducted in Russian and French medical professional environment.

Keywords: *medical metaphor, professional knowledge, subjective definitions.*

ZVEZDIN D. A. Orthodox Confession as Communicative Act (Based on the Creative Work of Archimandrite Ioannes Krestiankin)

The article studies referential, emotive, conative, phatic, metalanguage and poetic functions realization in the texts of confessions by I. Krestiankin.

Keywords: *sermon, genre, communicative space, addressee, speech event functions.*

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Аверьянова Екатерина Викторовна — кандидат филологических наук, кандидат культурологии, профессор кафедры французской филологии Тюменского государственного университета.

septurion@rambler.ru

Азначеева Елена Николаевна — доктор филологических наук, профессор кафедры немецкого языка Челябинского государственного университета.

aznacheeva.elena@yandex.ru

Аликина Екатерина Юрьевна — соискатель, преподаватель кафедры лингводидактики Пермского государственного университета.

katyaalikina@yandex.ru

Артебякина Ольга Викторовна — кандидат педагогических наук, доцент кафедры математики, естествознания и методики преподавания математики и естествознания Челябинского государственного педагогического университета.

olga732003@mail.ru

Асмус Нина Геннадьевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики английского языка Челябинского государственного университета.

nasmus@74.ru

Бабушкина Ольга Николаевна — кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры восточных и романо-германских языков Челябинского государственного университета.

babushkina_on@mail.ru

Баканова Юлия Валерьевна — старший преподаватель кафедры теории и практики английского языка Челябинского государственного университета.

BakanovaJV@yandex.ru

Белютин Роман Вячеславович — кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкого языка Смоленского государственного университета.

ryubelyutins@rambler.ru

Беляева Анна Юрьевна — кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры русского языка как иностранного Саратовского государственного медицинского университета им. В. И. Разумовского.

makosh4@yandex.ru

Берг Елена Борисовна — кандидат филологических наук, доцент Уральского института регионального законодательства.

elena.berg@usla.ru

Березовская Екатерина Александровна — кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Уральского федерального университета.

1311353@gmail.com

Болдырев Николай Николаевич — доктор филологических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, проректор по научной работе Тамбовского государственного университета им. Г. Р. Державина.

boldyrev@tsu.tmb.ru

Бовшик Александр Сергеевич — аспирант, преподаватель кафедры теории языка Челябинского государственного университета.

aleksandrbovshik@yandex.ru

Будейко Валерий Эдуардович — кандидат филологических наук, доцент кафедры теории языка Челябинского государственного университета.

boudeyko@yandex.ru

Будыкина Вера Геннадьевна — кандидат филологических наук, доцент, зав. кафедрой восточных и романо-германских языков Челябинского государственного университета.

vbudykina@gmail.com

Бурганова Наталья Сергеевна — старший преподаватель кафедры иностранных языков филиала Удмуртского государственного университета в г. Воткинске.

burns23@yandex.ru

Бурдина Ольга Борисовна — соискатель кафедры лингводидактики Пермского государственного университета.

loelyshna@rambler.ru

Васенко Людмила Анатольевна — доцент кафедры украинского, русского языков и прикладной лингвистики Национального технического университета «Харьковский политехнический институт».

vovodu@bk.ru

Вишневская Галина Михайловна — доктор филологических наук, профессор кафедры английской филологии Ивановского государственного университета.

galamail2002@mail.ru

Власян Гаянэ Рубеновна — кандидат филологических наук, доцент, зав. кафедрой теории и практики английского языка Челябинского государственного университета.

VlasyanGR@yandex.ru

Волкова Татьяна Александровна — кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики перевода Челябинского государственного университета.

tatia.volkova@gmail.com

Воронцова Татьяна Александровна — доктор филологических наук, профессор кафедры теории языка Челябинского государственного университета.

voron500@yandex.ru

Воронцова Юлия Александровна — кандидат филологических наук, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Белгородского юридического института МВД России.

vorontsova73@mail.ru

Голованов Игорь Анатольевич — доктор филологических наук, профессор кафедры литературы и методики преподавания литературы Челябинского государственного педагогического университета.

ligol@csu.ru

Голованова Ирина Юрьевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Челябинского государственного университета.

goliri41@yandex.ru

Горбунов Сергей Петрович — аспирант кафедры теории и практики английского языка Челябинского государственного университета.

sergeygorbunov@inbox.ru

Горбунова Инна Владимировна — соискатель кафедры иностранных языков Иркутского государственного лингвистического университета.

kostushkina@mail.ru

Давлеткулова Лена Надировна — соискатель, старший преподаватель кафедры теории языка Челябинского государственного университета.

dalena_05@mail.ru

Двинина Светлана Юрьевна — аспирант, преподаватель кафедры теории языка Челябинского государственного университета.

lana-dvinska@mail.ru

Демидова Елена Николаевна — аспирант кафедры теории языка Челябинского государственного университета.

demidoff661974@mail.ru

Доброходова Ольга Викторовна — аспирант кафедры английской филологии Тамбовского государственного университета им. Г. Р. Державина.

postmaster@furs.tstu.ru

Дубичинский Владимир Владимирович — доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой украинского, русского языков и прикладной лингвистики Национального технического университета «Харьковский политехнический институт».

vovodu@bk.ru

Дуринова Нина Николаевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка Саратовского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского.

ninadurina@yandex.ru

Елистратов Алексей Алексеевич — кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка Челябинского государственного университета.

asha91@rambler.ru

Жаркова Ульяна Анатольевна — кандидат филологических наук, доцент, зав. кафедрой немецкого языка Челябинского государственного университета.

januar14@yandex.ru

Загидуллина Марина Викторовна — доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой теории массовых коммуникаций Челябинского государственного университета.
marta@csu.ru

Зарецкая Анна Николаевна — кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры международных коммуникаций Южно-Уральского государственного университета.
azar9000@mail.ru

Звездин Дмитрий Александрович — соискатель кафедры русского языка и методики преподавания русского языка Челябинского государственного педагогического университета.
dmitrzvezd@mail.ru

Зубкова Ольга Станиславовна — кандидат филологических наук, докторант кафедры профессиональных коммуникаций и иностранных языков Курского государственного университета.
olgaz4@rambler.ru

Ивинских Наталья Петровна — соискатель кафедры лингводидактики Пермского государственного университета.
ivinskikh@mail.ru

Игнатенко Валентина Викторовна — аспирант кафедры теоретической, прикладной и коммуникативной лингвистики Юго-Западного государственного университета (г. Курск).
Valayignatenko3@rambler.ru

Кантышева Надежда Геннадьевна — аспирант кафедры перевода и переводоведения Тюменского государственного университета.
nkantyscheva_@mail.ru

Кацюба Лариса Борисовна — кандидат филологических наук, доцент кафедры культуры речи и профессионального общения Южно-Уральского государственного университета.
larrakatz@yandex.ru

Керер Ксения Александровна — кандидат филологических наук, преподаватель кафедры делового иностранного языка Челябинского государственного университета.
ksenijakerer@rambler.ru

Ким Галина Александровна — кандидат филологических наук, преподаватель Центра изучения немецкого языка (г. Калининград).
gaidakim@yahoo.com

Климова Ольга Викторовна — кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры русского языка Уральского федерального университета.
olvik@yandex.ru

Ковязина Елена Николаевна — старший преподаватель кафедры иностранных языков Пермской государственной медицинской академии им. Е. А. Вагнера, соискатель кафедры лингводидактики Пермского государственного университета.

kov_el@list.ru

Колесникова Светлана Николаевна — соискатель кафедры теории языка Челябинского государственного университета.

arisha372@yandex.ru

Колесникова Татьяна Васильевна — аспирант кафедры общего языкознания и истории языка Магнитогорского государственного университета.

ztkoles@mail.ru

Коновалова Мария Владимировна — кандидат филологических наук, доцент кафедры теории языка Челябинского государственного университета.

mary.mk74@yandex.ru

Костюшкина Галина Максимовна — доктор филологических наук, профессор кафедры иностранных языков Иркутского государственного лингвистического университета.

kostushkina@mail.ru

Кофман Елена Павловна — кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков Сибирского федерального университета.

jacobs@mail.ru

Кубиц Галина Васильевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса Южно-Уральского государственного университета.

kubitsgv@mail.ru

Кузнецова Наталья Юрьевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкого языка Челябинского государственного университета.

nkusnezowa@csu.ru

Куниловская Мария Анатольевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры перевода и переводоведения Тюменского государственного университета.

mkunilovskaya@mail.ru

Курносова Александра Сергеевна — ассистент кафедры восточных и романо-германских языков, соискатель кафедры теории языка Челябинского государственного университета.

klava_davai@mail.ru

Кушнерук Светлана Леонидовна — кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии Челябинского государственного педагогического университета.

Svetlana_kush@mail.ru

Лесников Сергей Владимирович — кандидат филологических наук, доцент кафедры русского и общего языкознания Сыктывкарского государственного университета.

serg@lsw.ru

Локтионова Татьяна Анатольевна — специалист по учебно-методической работе Курского института социального образования (ф-ла) Российского государственного социального университета.

supertanyarussiagirl@yahoo.com

Маджаева Санья Ибрагимовна — кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков Астраханской государственной медицинской академии.

sanya-madzhaeva@yandex.ru

Макарова Антонина Дмитриевна — аспирант, преподаватель кафедры теории языка Челябинского государственного университета.

tonyamak@yandex.ru

Макарова Елена Владиславовна — аспирант кафедры журналистики и речевой коммуникации Магнитогорского государственного университета

lena_europa@mail.ru

Мараховская Татьяна Анатольевна, доцент кафедры гуманитарных дисциплин Иркутского государственного технического университета.

mta1305@mail.ru

Маринова Елена Вячеславовна — доктор филологических наук, профессор кафедры современного русского языка и общего языкознания Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского.

marinova@list.ru

Маркова Татьяна Николаевна — доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой литературы и методики преподавания литературы Челябинского государственного педагогического университета.

makavelli@hotmail.ru

Маякина Марина Александровна — кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка Ивановского государственного университета.

marina_mayakina@mail.ru

Михина Елена Владимировна — кандидат филологических наук, доцент кафедры массовых коммуникаций Южно-Уральского государственного университета.

Mihlen-73@mail.ru

Мотро Юлия Борисовна — кандидат филологических наук, учитель английского языка ГБОУ гимназия № 1504 (г. Москва).

motro@rambler.ru

Немирова Наталья Владимировна — кандидат филологических наук, доцент, зав. кафедрой русского и коми языков Коми государственного педагогического института.

nvnemirova@yandex.ru

Ненахова Екатерина Александровна — старший преподаватель кафедры английского языка Южно-Уральского государственного университета.

Katyusha2801@inbox.ru

Нефедова Лилия Амиряновна — доктор филологических наук, профессор, декан факультета лингвистики и перевода Челябинского государственного университета.

lan2@mail.ru

Новодранова Валентина Федоровна — доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой латинского языка и основ терминологии Московского государственного медико-стоматологического университета.

novodranova@mail.ru

Обжорин Алексей Михайлович — аспирант кафедры русского языка и методики преподавания русского языка Челябинского государственного педагогического университета, младший научный сотрудник кафедры педагогики и психологии ЧИППКРО.

tryxter85@mail.ru

Олешков Михаил Юрьевич — доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка Нижнетагильской государственной социально-педагогической академии.

oleshkov@rambler.ru

Олизко Наталья Сергеевна — доктор филологических наук, профессор кафедры теории и практики английского языка Челябинского государственного университета.

olizko@yandex.ru

Омельченко Елена Витальевна — кандидат педагогических наук, доцент кафедры русского языка и методики преподавания русского языка Челябинского государственного педагогического университета.

el.vital@mail.ru

Осипов Антон Вячеславович — ассистент кафедры иностранных языков Тюменского государственного университета.

antn.osipov@gmail.com

Печагина Татьяна Владимировна — соискатель, преподаватель кафедры теории языка Челябинского государственного университета.

house-elf@yandex.ru

Питина Светлана Анатольевна — доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой теории языка Челябинского государственного университета.

sap.pitina@rambler.ru

Подъяпольская Ольга Юрьевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкого языка Челябинского государственного университета.

oljapod@mail.ru

Пономарева Ольга Борисовна — доктор филологических наук, профессор кафедры английского языка Тюменского государственного университета.

obnomareva@list.ru

Попова Лариса Владимировна — кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков 2-й специальности Омского государственного педагогического университета.

laura-73@yandex.ru

Попова Наталья Борисовна — доктор филологических наук, профессор Челябинского государственного университета.

popova@csu.ru

Потеряхина Инна Николаевна — преподаватель кафедры английского языка и профессиональной коммуникации Пятигорского государственного лингвистического университета.

innylia_87@mail.ru

Прокофьева Виктория Юрьевна — доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой теории и истории культуры Оренбургского государственного педагогического университета.

vicproc@ Rambler.ru

Прокофьева Лариса Петровна — доктор филологических наук, доцент, зав. кафедрой русского языка как иностранного Саратовского государственного медицинского университета им. В. И. Разумовского.

prokofievalp@mail.ru

Прончатова Елена Георгиевна — аспирант кафедры современного русского языка, риторики и культуры речи Оренбургского государственного педагогического университета.

lenusik-pronchatova@mail.ru

Прохоров Андрей Васильевич — кандидат филологических наук, доцент, зав. кафедрой рекламы и связей с общественностью Тамбовского государственного университета им. Г. Р. Державина.

prokhorov@tsu.tmb.ru

Редькина Ольга Юрьевна — аспирант кафедры русского языка Челябинского государственного университета.

red_olchik@mail.ru

Рыжкина Зоя Александровна — кандидат филологических наук, профессор Московского государственного медико-стоматологического университета.

ryzhkina@inbox.ru

Сакк Ирина Владимировна — соискатель, старший преподаватель кафедры культуры речи и профессионального общения Южно-Уральского государственного университета.

sakk_iv@mail.ru

Скрипичникова Наталья Сергеевна — соискатель кафедры теории языка, преподаватель кафедры восточных и романо-германских языков Челябинского государственного университета.

tashmif-1980@ya.ru

Соколова Елена Юрьевна — кандидат филологических наук, доцент Института туризма и гостеприимства, филиал Российского государственного университета туризма и сервиса (г. Москва).

elensokolova68@yandex.ru

Соколова Мария Владимировна — соискатель, старший преподаватель кафедры теории языка Челябинского государственного университета.

maria_sokolova@list.ru

Титова Елена Александровна — кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка Челябинского государственного университета.

elena_vendina@list.ru

Троссель Марина Владимировна — кандидат филологических наук, доцент кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации Сибирского федерального университета.

kholodilova_mari@mail.ru

Устинова Ксения Андреевна — аспирант кафедры теории и практики английского языка Челябинского государственного университета.

ustinova_ka@bk.ru

Фельде Ольга Викторовна — доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой русского языка Сибирского федерального университета.

feldeo@list.ru

Феоктистова Ирина Константиновна — кандидат филологических наук, доцент Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского

irina_feo56@mail.ru

Фурс Людмила Алексеевна — доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой английской филологии Тамбовского государственного университета им. Г. Р. Державина.

postmaster@furs.tstu.ru

Хвесько Тамара Владимировна — доктор филологических наук, профессор кафедры иностранных языков и межкультурной профессиональной коммуникации Тюменского государственного университета.

khvesko@inbox.ru

Хохловская Ольга Геннадьевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Челябинского государственного университета.

khokh-olga@yandex.ru

Черенкова Юлия Владимировна — аспирант кафедры современного русского языка, риторики и культуры речи Оренбургского государственного педагогического университета, учитель русского языка и литературы гимназии № 1 г. Оренбурга.

vicproc@rambler.ru

Черноусова Юлиана Анатольевна — преподаватель кафедры делового иностранного языка Пятигорского государственного лингвистического университета.

ellemoi@rambler.ru

Шамарова Светлана Ильинична — кандидат филологических наук, доцент Уфимской государственной академии экономики и сервиса.

SHAMAROVA@LIST.RU

Шарафутдинова Олеся Ильясовна — кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры русского языка Челябинского государственного университета.

gadkie_lebedi@mail.ru

Шевцова Анна Юрьевна — аспирант, старший преподаватель кафедры иностранных языков Тюменского государственного университета

shevcova05@mail.ru

Шестакова Ольга Валентиновна — аспирант кафедры общего языкознания Пермского государственного педагогического университета, старший преподаватель кафедры иностранных языков и связей с общественностью Пермского национального исследовательского политехнического университета.

shestakova64@mail.ru

Ширяева Татьяна Александровна — кандидат филологических наук, доцент, зав. кафедрой английского языка и профессиональной коммуникации Пятигорского государственного лингвистического университета.

shiryaevat@list.ru

Шляхова Светлана Сергеевна — доктор филологических наук, профессор кафедры общего языкознания Пермского государственного педагогического университета.

shlyahova64@rambler.ru

Шушарина Ирина Анатольевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры общего языкознания Курганского государственного университета.

venedy@mail.ru

Щербакова Наталья Николаевна — доктор филологических наук, зав. кафедрой исторического языкознания и лингводидактики Омского государственного педагогического университета.

nata.ro@mail.ru

Юхмина Елена Александровна — кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры делового иностранного языка Челябинского государственного университета.

alen_vitamin@mail.ru